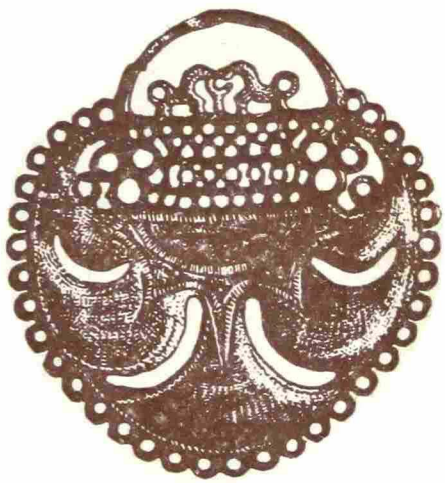
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

# СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



2

1976

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

# СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2
1976

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*А. В. Арциховский* (главный редактор),
*О. Н. Бадер, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский,*
*Ю. Н. Захарук* (зам. главного редактора), *И. С. Каменецкий,*
*М. К. Каргер, В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,*
*С. А. Плетнева, Б. А. Рыбаков, В. С. Титов* (отв. секретарь)

## СОДЕРЖАНИЕ

**В. А. Алекшин** (Ленинград). Некоторые аспекты социологической интерпретации погребений земледельцев энеолита Южной Туркмении . . . . 5
**В. П. Левенок, В. Г. Миронов** (Ленинград, Петрозаводск). К вопросу о новом районе городецкой культуры на Дону . . . . . 15
**А. Е. Леонтьев** (Москва). Классификация ножей Сарского городища . . . 33
**В. Д. Гопак** (Винница). Техника кузнечного ремесла у восточных славян во второй половине I тысячелетия н. э. (Днепровско-Днестровское междуречье) . . . . . 46
**В. С. Флеров** (Ростов-на-Дону). Лощеная керамика Саркела — Белой Вежи . . . . . 57
**Л. А. Голубева** (Москва). Коньки-подвески междуречья Волги и Оки . . 67
**П. А. Раппопорт** (Ленинград). Метод датирования памятников древнего смоленского зодчества по формату кирпича . . . . . 83

### Публикации

**К. Кынчев, Б. Маврудчиев, Г. Чаталов** (София). Петрографические исследования каменных орудий из многослойного поселения Казанлык . . . . 94
**Н. Калиц** (Будапешт). Новая находка модели повозки эпохи энеолита из окрестностей Будапешта . . . . . 106
**В. Л. Державин** (Москва). Курганы эпохи бронзы у с. Буторы в Молдавии 118
**Л. В. Фирсов** (Новосибирск). Радиоуглеродные даты раннетаврского поселения Тау-Кипчак (Крым) . . . . . 125
**И. И. Лобода** (Бахчисарай). Новые раннесредневековые могильники в Юго-Западном Крыму (Бахчисарайский район) . . . . . 135
**В. А. Кореняко** (Ростов-на-Дону). Аланские могилы VIII—IX вв. в Северной Осетии . . . . . 148
**Е. А. Халикова** (Казань). Больше-Тиганский могильник . . . . . 158
**Я. Г. Риер** (Могилев). Изучение курганов в Могилевском Поднепровье . . 179
**Т. Н. Кошлякова** (Москва). Реконструкция схимы из погребения Ивана Грозного . . . . . 192

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1976 г.

## Заметки


**А. Формозов** (Москва). К характеристике палеолитического поселения Мальта . . . . . 205
**А. Л. Никитин** (Москва). Неолитическая стоянка Плещеево II . . . . . 210
**В. П. Третьяков** (Ленинград). Неолитическое поселение у дер. Сокорево в Смоленской области . . . . . 214
**А. П. Журавлев** (Петрозаводск). К изучению орнамента на ямочно-гребенчатой керамике Карелии . . . . . 219
**С. В. Кузьминых** (Москва). Литейная форма из Козьмодемьянского музея 226
**М. Г. Косменко, Е. П. Казаков** (Казань). О некоторых памятниках эпохи бронзы в устье Камы . . . . . 228
**М. А. Дэвлет** (Москва). О загадочных изображениях на оленных камнях 232
**Э. В. Яковенко** (Чернигов). Древнейший памятник искусства скифов . . 236
**Х. И. Крис** (Москва). О впускных погребениях эпохи раннего железа в курганах долины Салгира . . . . . 240
**Г. Г. Мезенцева, Я. П. Прилипко** (Киев). Открытие Белгородского могильника . . . . . 245
**С. М. Йовков** (Москва). Жернова Волжской Булгарии . . . . . 248
**Л. Л. Галкин** (Москва). Стеклянный медальон-амулет с поселения Ак-Тобе 252


## Критика и библиография


**В. Б. Ковалевская** (Москва). Проблемы классификации в зарубежной археологической литературе . . . . . 257
**И. А. Борзияк** (Кишинев). M. Bitiri. Paleoliticul în Ţara Oaşului. Bucureşti, 1972 . . . . . 265
**В. И. Матющенко, Л. А. Чиндина** (Томск). М. Ф. Косарев. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974 . . . . . 271
**В. Т. Попова** (София). A. Kiss. Roman Mosaics in Hungary. Budapest, 1973 276
**Г. А. Кошеленко** (Москва). A. Perkins. The Art of Dura-Europos. Oxford, 1973 . . . . . 278
**К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович** (Алма-Ата). А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973 . . . . . 283


## Хроника


**А. А. Юшко** (Москва). Советско-венгерское рабочее совещание по теме «История раннесредневековых народов степной полосы Восточной Европы». Москва, 1974 . . . . . 287

ACADEMIE DES SCIENCES DE L'U.R.S.S

INSTITUT D'ARCHEOLOGIE

*Revue trimestrielle*

*fondée en 1957*

# ARCHEOLOGIE SOVIETIQUE

№ 2 1976

Rédacteur en chef A. V. ARTSIKHOVSKI

## SOMMAIRE

**V. A. Alekchine** (Léningrad). Quelques aspects de l'interprétation sociologique des sépultures d'agriculteurs à l'époque énéolithique, en Turkménie méridionale . . . . . 5

**V. P. Lévénok et V. G. Mironov** (Léningrad, Pétrozavodsk). Une nouvelle région de la culture de Gorodetz sur le Don . . . . . 15

**A. E. Léontiev** (Moscou). La classification des couteaux du goroditché de Sarskoïé . . . . . 33

**V. D. Gopak** (Vinnitsa). La technique de l'art du forgeron chez les Slaves de l'Est dans la deuxième moitié du Ier millénaire de notre ère (dans la région comprise entre le Dniepr et le Dniestr) . . . . . 46

**V. S. Fliorov** (Rostov-sur-le-Don). La céramique lustrée de Sarkel-Biélaïa Viéja . . . . . 57

**L. A. Goloubiéva** (Moscou). Les chevaux-pendentifs de la region de la Volga et de l'Oka . . . . . 67

**P. A. Rappoport** (Léningrad). Une méthode de datation des monuments de l'ancienne architecture de Smolensk d'après les dimensions des briques . . 83

### Publications

**K. Kyntchev, B. Mavroudtchiev et G. Tchatalov** (Sofia). Etude pétrographique des outils de pierre de l'établissement multistratifié de Kazanlyk . . . . . 94

**N. Kalicz** (Budapest). Découverte d'un modèle de chariot énéolithique dans les environs de Budapest . . . . . 106

**V. L. Derjavine** (Moscou). Des kourganes de l'époque du bronze près du village de Boutory, en Moldavie . . . . . 118

**L. V. Firsov** (Novosibirsk). Application de la méthode d'analyse radiocarbonique pour dater Taou-Kiptchak, l'un des premiers établissements taures de Crimée . . . . . 125

**I. I. Loboda** (Bakhtchisaraï). De nouveaux champs funéraires du début du Moyen Age dans le Sud-Ouest de la Crimée (région de Bakhtchisaraï) . . 135

**V. A. Koréniako** (Rostov-sur-le-Don). Tombeaux alains du VIIIe au IXe siècle dans l'Ossétie du Nord . . . . . 148

**E. A. Halikova** (Kazan). Le champ funéraire de Bolchiie Tigani . . . . . 158

**Ya. G. Rière** (Moghilev). Etude des kourganes sur les rives du Dniepr dans la région de Moghilev . . . . . 179

**T. N. Kochliakova** (Moscou). Reconstitution de l'habit monastique mortuaire d'Ivan le Terrible . . . . . 192

### Notices

**A. A. Formozov** (Moscou). Les traits caractéristiques de l'établissement paléolithique de Malta . . . . . 205

**A. L. Nikitine** (Moscou). La station néolithique de Pléchtchéiévo II . . . . 210

**V. P. Trétiakov** (Léningrad). Un établissement néolithique près du village de Sokorévo (région de Smolensk) . . . . . 214

**A. P. Jouravlev** (Pétrozavodsk). L'ornement sur la céramique au peigne et à fossettes de Carélie . . . . . 219
**S. V. Kouzminykh** (Moscou). Le moule de fondeur du musée de Kosmodémiansk 226
**M. G. Kosmenko et E. P. Kazakov** (Kazan). Quelques monuments de l'époque du bronze à l'embouchure de la Kama . . . . . 228
**M. A. Devlet** (Moscou). Des figures énigmatiques sur pierres aux cerfs («olennye kamni») . . . . . 232
**E. V. Yakovenko** (Tchernigov). Un des plus anciens monuments de l'art scythe . . . . . 236
**Kh. I. Kriss** (Moscou). Les sépultures introduites du Premier Age du Fer dans les kourganes de la vallée de Salghir . . . . . 240
**G. G. Mézentséva et Ya. P. Prilipko** (Kiev). Découverte d'un champ funéraire à Belgorod . . . . . 245
**S. M. Iovkov** (Moscou). Les meules de la Bulgarie volgienne . . . . . 248
**L. L. Galkine** (Moscou). Un médaillon-amulette en verre trouvé dans l'établissement de Ak-Tobé . . . . . 252

## Critique et bibliographie

**V. B. Kovalevskaïa** (Moscou). Les problèmes de classification dans les ouvrages étrangers sur l'archéologie . . . . . 257
**I. A. Borziak** (Kichinev). M. Bitiri. Paleoliticul în Ţara Oaşului. Bucureşti, 1972 . . . . . 265
**V. I. Matiouchtchenko et L. A. Tchindina** (Tomsk). M. F. Kossarev. Les anciennes cultures de la region de Tomsk-Narym. Moscou, 1974 . . . . . 271
**V. T. Popova** (Sofia). A. Kiss. Roman Mosaics in Hungary. Budapest, 1973 276
**G. A. Kochélenko** (Moscou). A. Perkins. The Art of Dura-Europos. Oxford, 1973 . . . . . 278
**K. M. Baïpakov et L. B. Erzakovitch** (Alma-Ata). A. M. Bélénitski, I. B. Bentovitch et O. G. Bolchakov. Une ville médiévale en Asie Centrale. Léningrad, 1973 . . . . . 283

## Actualites arheologiques

**A. A. Youchko** (Moscou). Le colloque soviétique-hongrois sur l'«Histoire des peuples au début du Moyen Age dans la zone des steppes de l'Europo orientale.» . . . . . 287

В. А. АЛЕКШИН

# НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОГРЕБЕНИЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ЭНЕОЛИТА ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ

Поселение Кара-Депе является одним из основных памятников древних земледельцев подгорной полосы Копетдага времени позднего Намазга II — раннего Намазга III. В верхних слоях Кара-Депе обнаружено свыше 100 погребений различной степени сохранности. Почти все они опубликованы в X томе трудов ЮТАКЭ [1].

Кара-Депинский некрополь дал основную часть материалов, характеризующих, например, время позднего Намазга II [2]. Тем не менее погребальные комплексы памятника почти не привлекались для реконструкции общественных отношений земледельческого населения юга Туркмении конца IV — начала III тысячелетия до н. э., характеристика которых давалась лишь по материалам жилищ и святилищ [3]. Единственная попытка социологического анализа погребений Кара-Депе была предпринята в 1970 г. Г. Н. Курочкиным, который пришел к выводу, что распределение погребального инвентаря в захоронениях взрослых равномерное, в то время как погребения детей отличаются своим богатством. Следовательно, единственная привилегированная группа населения Кара-Депе рассматриваемого времени — дети [4].

Между тем детальный анализ карадепинских погребений, проведенный нами [5], показывает, что выводы Г. Н. Курочкина требуют определенного уточнения и дополнения.

Первому положению Г. Н. Курочкина о равномерном распределении погребального инвентаря во взрослых захоронениях противоречит тот факт, что из 60 захоронений взрослых 25 погребений полностью лишены инвентаря, т. е. 40% всех захоронений (см. табл. 1). Вызывает известное сомнение и второй вывод Г. Н. Курочкина относительно привилегированного положения детей в карадепинском обществе эпохи энеолита, поскольку из 37 детских погребений 17, т. е. свыше 46%, всех детских захоронений не имеют погребального инвентаря (см. табл. 2) [6].

В исследованиях подобного рода определяющим моментом является правильный выбор метода, с помощью которого выделяются соответствующие группировки погребений с их последующей интерпретацией. Г. Н. Ку-

---

[1] *В. М. Массон.* Кара-Депе у Артыка. Тр. ЮТАКЭ, т. X. Ашхабад, 1960, стр. 407—420.

[2] *Он же.* Средняя Азия и Древний Восток. М.— Л., 1964, стр. 156.

[3] Там же, стр. 303—350; *И. Н. Хлопин.* Теменос на Кара-Депе, СА, 1971, 3, стр. 221—228.

[4] *Г. Н. Курочкин.* Богатство усопших. ПТ, 1970, 1, стр. 18—20.

[5] Автор выражает свою благодарность руководителю раскопок Кара-Депе В. М. Массону за возможность использовать в работе материалы еще не опубликованных погребений.

[6] Половозрастные определения проведены В. В. Гинзбургом в Музее антропологии и этнографии АН СССР. Результаты его обследования обобщены в каталоге погребений Кара-Депе. См. *В. М. Массон.* Кара-Депе у Артыка, стр. 407—420.

*Таблица 1*

**Каталог погребений взрослых Кара-Депинского некрополя**

| | № | Пол | Возраст | Инвентарь | | | | | | | | | | | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | | | глиняные сосуды | бусы | | | | медная проколка | медная лопаточка | медная булавка | медная поделка | костяная поделка | каменная поделка | каменный сосуд | амулеты | женская статуэтка | пряслица |
| | | | | | гипс | алебастр | камень | сердолик | | | | | | | | | | |
| Позднее Намазга II | 81 | ♂ | Ю–В | — | — | — | — | — | — | — | — | 1 | — | — | — | — | — | — |
| | 32 | ♂ | В | — | 43 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 84 | ♂ | В | — | — | 1 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 85 | ♂ | В | 1 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 90 | ♂ | В | 2 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 59 | ♂ | З | 1 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 88 | ♂ | З | 2 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 89 | ♀ | В | 1 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 70 | ♀ | С | 1 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 14 | ? | ? | 1 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 31 | ? | ? | — | 799 | — | — | — | 1 | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 40 | ? | ? | — | — | — | 4 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 46 | ? | ? | — | — | — | 1 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 72 | ? | ? | — | 24 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |

Пять погребений возмужалых мужчин (№ 37, 43, 47, 51, 96)
Три погребения зрелых мужчин (№ 76, 86, 87)
Одно погребение девушки (№ 69)
Четыре погребения возмужалых женщин (№ 39, 42, 44, 93)
Одно погребение зрелой женщины (№ 52)
Одно погребение старой женщины (№ 38)
Два погребения, антропологически не определенные (№ 29, 66)

} Не имеют погребального инвентаря.

*Таблица 1* (продолжение)

| | № | Пол | Возраст | Инвентарь | | | | | | | | | | | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | | | глиняные сосуды | бусы | | | | медная проколка | медная лопаточка | медная булавка | медная поделка | костяная поделка | каменная поделка | каменный сосуд | амулеты | женская статуэтка | пряслица |
| | | | | | гипс | алебастр | камень | сердолик | | | | | | | | | | |
| Ранее Намазга III | 6 | ♂ | В | — | — | — | 7 | — | — | 1 | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 17 | ♂ | В | — | 59 | — | — | — | — | 1 | — | — | 1 | — | — | — | — | — |
| | 18 | ♂ | З | 2 | 10 | — | — | — | — | — | — | — | 1 | — | — | — | — | — |
| | 15 | ♀ | Ю | 1 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | 18 | — | 2 |
| | 94 | ♀ | В | 1 | — | — | — | — | — | 1 | — | — | — | — | — | — | — | 1 |
| | 21 | ♀ | З | — | 30 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 58 | ♀ | З | — | 1 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | 1 |
| | 27 | ♀ | З | 1 | 86 | — | — | — | — | — | 1 | — | — | 1 | — | — | — | — |
| | 20 | ♀ | С | 1 | — | — | — | — | — | — | — | 1 | — | — | — | — | — | — |
| | 98 | ♀ | С | 1 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 8 | ? | ? | 1 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 11 | ? | ? | 1 | 58 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 19 | ? | ? | 1 | 105 | — | — | 1 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 30 | ? | ? | 2 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 45 | ? | ? | 1 | — | — | — | — | — | 1 | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 95 | ? | ? | 1 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 100 | ? | ? | 8 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | 1 | — |
| | 101 | ? | ? | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | 1 | — | — | 1 |
| | 103 | ? | ? | 1 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 104 | ? | ? | 1 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 106 | ? | ? | 1 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |

Одно погребение возмужалого мужчины (№ 2)
Одно погребение зрелого мужчины (№ 5)
Одно погребение возмужалой женщины (№ 1)
Одно погребение зрелой женщины (№ 4)
Четыре погребения антропологически не определенные (№ 3, 7, 12, 61)

} Не имеют погребального инвентаря

Условные сокращения:
Ю – юношеский; В – возмужалый;
З – зрелый; С – старческий

*Таблица 2*

**Каталог погребений детей Кара-Депинского некрополя**

| | № | Пол | Возраст | Инвентарь | | | | | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | | | глиняные сосуды | бусы | | | | | | | | пряслица |
| | | | | | гипс | камень | сердолик | мрамор | лазурит | халцедон | гипс с серебряной обтяжкой | золото | |
| Позднее Намазга II | 34 | ♀ | 2 года | — | — | 15 | — | — | — | — | — | — | — |
| | 41 | ♀ | 4 года | — | 62 | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 54 | ♀ | 4 года | — | — | — | 92 | — | — | — | — | — | — |
| | 56 | ♀ | 2 года | — | — | 1 | — | — | — | — | — | — | — |
| | 71 | ♂ | 9 лет | — | 16 | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 55 | ? | 1 год | — | — | — | — | 32 | 28 | — | — | — | — |
| | 57 | ? | ? | — | 5 | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 60 | ? | 1,5 года | — | — | — | — | — | — | 1 | — | — | — |
| | 73 | ? | 2,5 года | — | 5 | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 74 | ? | 3 года | — | — | — | 1 | — | — | — | — | — | — |
| | 75 | ? | 4 года | — | 420 | — | 10 | — | 6 | — | 6 | 1 | — |
| 10 детских захоронений (№ 13, 33, 35, 36, 48, 49, 50, 53, 67, 68) не имеют погребального инвентаря | | | | | | | | | | | | | |
| Ранее Намазга III | 9 | ♀ | 7 лет | 2 | — | — | — | — | — | — | — | — | 2 |
| | 25 | ♀ | 7 лет | — | 17 | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 27 | ♀ | 8 лет | — | 59 | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 63 | ♀ | 8 лет | 2 | — | 2 | — | — | — | — | — | — | — |
| | 10 | ? | 7 лет | 1 | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 22 | ? | 1,5 года | — | 29 | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 99 | ? | ? | — | 1 | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 62 | ? | ? | 1 | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | 102 | ? | ? | 1 | 6 | — | — | — | — | — | — | — | — |

Погребение девочки (№ 24)
Погребение мальчика (№ 16)
Пять погребений, пол и возраст которых антропологически не определен (№ 23, 26, 64, 65, 105)

} Не имеют погребального инвентаря

рочкин обратил внимание на различное распределение инвентаря только во взрослых и детских захоронениях. Каждая из этих двух больших групп погребений не подвергалась более дробному членению. С нашей точки зрения, обязателен отдельный анализ погребений мужчин, женщин и детей. Внутри каждой из трех групп погребений следует выделять возрастные подгруппы, которые могут отличаться друг от друга по набору инвентаря. Для каждой половозрастной подгруппы необходимо по возможности определить характерный набор инвентаря и все отклонения подвергнуть специальному анализу. Разумеется, нужно иметь в виду, что упомянутые характерные наборы инвентаря в погребениях могут либо существовать, либо отсутствовать в зависимости от конкретных исторических условий.

Погребения Кара-Депинского некрополя представлены одиночными захоронениями в простых ямах, обложенных сырцовым кирпичом. Тело усопшего перед преданием земле заворачивалось в плетеную циновку, остатки которой сохранились во многих могилах. В позднем Намазга II (слои Кара 2—3) более половины достоверно мужских погребений (8 из 15) не имеют погребального инвентаря. В погребениях с инвентарем он распределялся следующим образом: если в погребениях есть украшения (в основном бусы), то отсутствует керамика, если представлена керамика, то отсутствуют украшения (см. табл. 1). Та же закономерность характерна и для погребений, в которых пол и возраст умершего антропологически не определяется. Наличие украшений характерно для мужчин возмужалого возраста.

Захоронения мужчин зрелого возраста сопровождаются лишь керамикой (один — два сосуда). Вполне возможно, что еще четыре погребения (№ 31, 40, 46, 72), для которых отсутствуют антропологические характеристики, можно отнести к мужским захоронениям возмужалого возраста, так как их инвентарь включает лишь бусы. Среди них выделяется погребение № 31, содержащее 799 гипсовых бусин и одну медную проколку. Косвенным подтверждением того, что упомянутое погребение, вероятно, является мужским, служит тот факт, что медная поделка в составе инвентаря в эпоху позднего Намазга II встречена еще в одном, уже достоверно мужском погребении юношеско-возмужалой возрастной категории (№ 81).

В погребениях женщин позднего Намазга II инвентарь почти отсутствует. Из девяти погребений он встречен лишь в двух. В захоронении женщины старческого возраста (№ 70) находился расписной сосуд, а в захоронении женщины возмужалого возраста (№ 89) — нерасписная плошка. По одному керамическому сосуду, как уже отмечалось, встречено в мужских захоронениях зрелого возраста рассматриваемого периода, поэтому мы не можем установить пол и возраст костяков в погребениях, для которых отсутствуют антропологические характеристики и где в качестве инвентаря находился сосуд (№ 14) либо инвентарь полностью отсутствовал (№ 29, 66). Это могли быть как мужчины зрелого возраста, так и женщины всех возрастов.

Почти половина детских захоронений (10 из 21) также лишена погребального инвентаря, который чаще всего встречается в могилах девочек. Из одиннадцати детских погребений с инвентарем пол ребенка определен в пяти случаях. Четыре погребения принадлежали девочкам и лишь одно — мальчику. В этих пяти погребениях инвентарь представлен только бусами, причем с увеличением возраста девочки увеличивается число бусин в могиле (см. табл. 2). Например, в погребении № 34, где была захоронена девочка двух лет, найдено 15 каменных бусин, а в погребениях четырехлетних девочек (№ 41, 54) найдено соответственно 62 гипсовые и 92 сердоликовые и бирюзовые бусины. В погребении девятилетнего мальчика (№ 71) инвентарь состоял из 16 гипсовых бусин. Таким образом, погребения девочек не только чаще содержали инвентарь, но были и богаче погребений мальчиков. Скорее всего большая часть из оставшихся антро-

пологически не определенными захоронений детей с инвентарем тоже принадлежала девочкам. Из них специального упоминания заслуживает погребение № 75. В состав инвентаря этого погребения ребенка четырех лет входило 420 гипсовых бусин, одна сердоликовая, две лазуритовые, шесть гипсовых, обтянутых серебряной фольгой. На левой руке ребенка был браслет из семи сердоликовых бусин, браслет на правой руке состоял из двух сердоликовых, четырех лазуритовых и одной золотой бусины.

Указанные тенденции в распределении инвентаря в мужских, женских и детских погребениях сохраняются в основном и в эпоху раннего Намазга III (слои Кара IA, Кара IБ). Существенные коррективы могут быть внесены лишь в характеристику инвентаря женских захоронений. Инвентарь их увеличивается как качественно, так и количественно. Керамика встречается в погребениях женщин всех возрастных категорий. Впервые появляются, причем только в женских погребениях, керамические пряслица. Кроме керамики в погребениях девушек и женщин возмужалого и зрелого возрастов встречены бусы, изделия из меди — лопаточки, которые, вероятно, использовались для гигиенических целей. В погребениях женщин старческого возраста найдена только керамика. В целом женские погребения этого времени по набору инвентаря не уступают мужским, а в одном случае (погребение № 97) даже превосходят их. Вместе с тем следует отметить, что отдельные погребения женщин зрелого возраста (№ 21, 58) беднее мужских погребений, а в двух из девяти женских погребений вообще нет инвентаря.

Несколько погребений из числа антропологически не определенных можно отнести к женским захоронениям. Это в первую очередь погребение с керамическим пряслицем (№ 101)[7], так как выше упоминалось, что пряслица найдены лишь в достоверно женских захоронениях. Кроме того, это погребение имеет северную ориентировку, а в Кара-Депинском некрополе погребения с северной ориентировкой принадлежат лишь женщинам (№ 58, 94). Следовательно, наше предположение о том, что погребение №101 принадлежит женщине, достаточно обосновано. Возможно, что еще два антропологически не определенных костяка (№ 61 и 95) являются женскими, так как имеют северную ориентировку. Далее, к женским захоронениям этого периода можно отнести, но уже с меньшими основаниями те антропологически не определенные захоронения, где керамика встречена совместно с украшениями (№ 11, 19, 45), так как это более характерно для достоверно женских захоронений (№ 15, 94, 97). Подобное сочетание инвентаря все же один раз встречено в достоверно мужском погребении № 18 (мужчина зрелого возраста).

В погребениях мужчин возмужалого возраста в инвентаре по-прежнему представлены лишь украшения (бусы, медные лопаточки). Заканчивая обзор погребений взрослых, следует упомянуть о погребении № 100[8]. В этой могиле рядом с усопшим находились восемь расписных сосудов и терракотовая статуэтка женщины. Подобный набор инвентаря уникален для Кара-Депинского некрополя и может считаться относительно богатым.

Около 50% детских захоронений рассматриваемого периода (7 погребений из 16) лишено погребального инвентаря. Причем, как и в предшествующий период, инвентарь встречен лишь в погребениях девочек (№ 9, 25, 27, 63). В единственно достоверном погребении мальчика (№ 16) инвентарь отсутствует. Вполне возможно, что и остальные пять захороненных детей принадлежат девочкам, поскольку обнаруживают те же закономерности в распределении инвентаря, что и в достоверно определенных погребениях девочек, а именно: сочетание бус и керамики в одних случаях, наличие только бус в других случаях. Интересно, что сочетание кера-

[7] Погребение 101 не опубликовано.
[8] Погребение 100 не опубликовано.

мики и бус встречено в погребениях детей семи-восьми лет, в то время как для погребений детей младших возрастов и в период Намазга II, и в период Намазга III подобные случаи не характерны. В погребении девочки № 9, как и у взрослой женщины, были положены два керамических пряслица.

Какие же выводы можно сделать из всего вышеизложенного? Прежде всего следует отметить, что гипотеза, согласно которой распределение инвентаря в могилах зависит от пола и возраста умершего, находит, во всяком случае частично, подтверждение на материалах могильника Кара-Депе. Во-первых, погребальный инвентарь чаще встречается, как уже указывалось выше, в погребениях взрослых, чем в погребениях детей. Во-вторых, в погребениях мужчин зрелого возраста керамика представлена гораздо чаще, чем в погребениях мужчин возмужалого возраста. В-третьих, в погребениях женщин старческого возраста мы не находим украшений в отличие от захоронений женщин других возрастных группировок. Далее, керамические пряслица найдены лишь в женских погребениях и ни разу в могилах мужчин. И, наконец, в захоронениях детей погребения девочек чаще снабжены инвентарем, чем могилы мальчиков. Заметим, что и сейчас, и в последующих рассуждениях мы привлекаем лишь те погребения, для которых относительно пола и возраста захороненных в них костяков у нас нет сомнений. Вместе с тем для некрополя Кара-Депе характерно отсутствие типично «женских» и «мужских» наборов погребального инвентаря, которые существовали, например, в могильнике поселения Сапаллитепа в Северной Бактрии [9].

Эта особенность Кара-Депинского некрополя выражается прежде всего в том, что сочетание керамики и украшений в одной могиле можно отметить как для женских, так и для мужских захоронений. Изделия из меди также встречаются и в мужских, и в женских погребениях. Набор украшений как специфический погребальный комплекс встречен в погребениях возмужалых мужчин и зрелых женщин, а керамика в том же качестве отмечена для захоронений зрелых мужчин, возмужалых женщин и женщин старческого возраста (см. табл. 1). Наличие безынвентарных погребений по каждой половозрастной группировке взрослых не позволяет утверждать, что существовали какие-либо запреты на помещение инвентаря в могилы в зависимости от пола и возраста умершего. Вместе с тем безынвентарные погребения не позволяют утверждать и о наличии в эпоху энеолита Южной Туркмении социальной дифференциации, поскольку они могут быть обусловлены совершенно иными причинами. С нашей точки зрения, это положение подтверждается тем фактом, что погребения с инвентарем не несут в себе ярко выраженных признаков имущественной, а следовательно, и социальной дифференциации. Распределение инвентаря в могилах, за немногими исключениями, о которых речь пойдет ниже, равномерное и в основном, как мы старались показать, зависит от возраста и пола умершего.

Из 60 погребений взрослых 25 погребений лишено инвентаря; 24 погребения содержат либо одну керамику, либо керамику и украшения; в 11 представлены лишь украшения. Поскольку большая часть взрослых погребений имеет сопровождающий инвентарь, можно думать, что забота о благоприятном существовании умерших соплеменников в потустороннем мире была присуща древним земледельцам юга Туркмении. Чаще всего в могилы ставят сосуды, которые в древности, видимо, содержали пищу для умерших членов общины. Следовательно, помещение в могилу сосудов с заупокойной пищей являлось важнейшей чертой погребального ритуала энеолитических земледельцев. Этот момент, вероятно, связан с тем, что одной из основных задач родственников умершего было обеспечение умерших пищей. При этом, видимо, важен был сам факт помещения

[9] *А. А. Аскаров.* Сапаллитепа. Ташкент, 1973, стр. 42—70.

в могилу ритуальной пищи в какой-либо емкости, а не материал, из которого она была изготовлена. Так, например, в погребении № 101 находился не глиняный сосуд, а каменный. Погребения, в которых отсутствуют глиняные и каменные сосуды с пищей, можно рассматривать, с нашей точки зрения, как погребения, в которых заупокойная пища размещалась в сосудах из органических материалов (дерево, кожа) и которые не сохранились до наших дней. Факт помещения заупокойной пищи в деревянных и плетеных сосудах зарегистрирован в могильнике поселения Сапаллитепа [10]. Наш вывод, следовательно, предполагает, что фактически в Кара-Депинском некрополе не было полностью безынвентарных погребений. В любой могиле должна была находиться заупокойная пища, которая являлась минимумом необходимого для пскойного.

Другой специфической чертой погребального обряда является помещение в могилы украшений — бус, иногда медных лопаточек. Этот факт отмечен для женских и мужских захоронений (№ 32, 84, 6, 17, 18, 94, 21, 58, 97). Скорее всего это свидетельствует о том, что одежды умерших были расшиты бусами. Кроме того, ожерелья из бусин найдены вокруг шейных позвонков умерших. На запястьях рук иногда находились небольшие браслеты тоже из бусин.

Таким образом, погребальный обряд вырисовывается следующим образом: умерший (независимо от пола) был одет в украшенные бусами одежды. Его тело заворачивалось в плетеную циновку и помещалось в могилу в скорченном положении на правый бок, головой на юг. Затем в могилу ставилась заупокойная пища в глиняных, каменных, деревянных или кожаных сосудах. Сверху могила обкладывалась сырцовым кирпичом. Таков был общепринятый, «стандартный» обряд погребения в Кара-Депинском некрополе. Однако часть захоронений взрослых сопровождается лишь сосудами. Возможно, такое отклонение от «стандарта» связано с причинами смерти погребенного. Известны два погребения женщин старческого возраста, не содержащие украшений. Учитывая тот факт, что смерть от старости у всех народов считается естественной смертью, можно считать, что женщинам старческого возраста, согласно погребальному обряду, не полагалось класть в могилу какие-либо украшения.

В детских погребениях инвентарь чаще всего встречается в могилах девочек, причем он явно богаче инвентаря в погребениях мальчиков (см. табл. 2), а иногда количественно и качественно превосходит погребальный инвентарь взрослых (№ 41, 54, 75). Богатые захоронения детей, вероятно, следует связывать с идеологическими представлениями древних земледельцев. Из области этнографии известно, что в Индии существовало представление, согласно которому девочки, умершие до пяти лет, становились после смерти добрыми богинями-покровительницами, защитой которых мог воспользоваться любой человек [11]. Вообще маленьким детям часто приписывалась магическая сила, так как ребенок был тесно связан с миром духов. Считалось, что дети могли вступать в контакт с божеством или добрым духом и находились под их покровительством. Магическая сила ребенка, служившая священным целям, могла приносить благо всей общине. Кроме того, существовали поверья, что некоторые дети были божествами в обличии ребенка. Нередко появление восточных богов плодородия в детском образе, большей частью вместе с изображениями Великой Матери-прародительницы [12].

Культ плодородия, а следовательно, и женское начало играли во всяком случае в эпоху энеолита, очень важную роль. Учитывая указанное обстоя-

---

[10] *А. А. Аскаров.* Ук. соч.

[11] *A. H. Ploss.* Das Kind in Brauche und Sitte der Völker. Bd. 1. Leipzig, 1911, S. 591.

[12] *A. Häusler.* Kritische Bemerkungen zum Versuch soziologischer Deutung Ur- und Frühgeschichtlicher Gräberfelder. Ethnographisch – Archäologische Zeitschrift, 1968, Jg. 9, Hf. I, S. 13–16; *R. Thurnwald.* Die menschliche Gesellschaft. Bd 2. Berlin, 1932, S. 254.

тельство, есть все основания предполагать, что по крайней мере погребения девочек с богатым инвентарем могли быть связанными с культом плодородия и посвящены божеству земледелия, связанному с женским началом.

Захоронения обычных детей не имели погребального инвентаря в могилах, что являлось общепринятым правилом в силу возрастных ограничений. Фактически археологи в Средней Азии сталкиваются именно с этой массой рядовых детских безынвентарных захоронений.

Для энеолитических захоронений Кара-Депе характерно отсутствие четко выраженной имущественной, а вследствие этого и социальной дифференциации. Исключение составляют лишь два погребения. Первое (№ 31, см. табл. 1), в котором лежал взрослый человек, пол и возраст которого не определен, содержало 799 гипсовых бусин. С нашей точки зрения, как уже указывалось выше, это погребение возмужалого мужчины. Подобный набор украшений вряд ли убедительно характеризует процесс имущественной дифференциации общины Кара-Депе, тем более что в некоторых детских погребениях найдены бусы из золота и лазурита. Более выразительно погребение № 100. Пол и возраст умершего здесь тоже не определены. В могиле лежал взрослый человек в сопровождении восьми расписных сосудов и терракотовой статуэтки женщины. Подобный набор инвентаря для некрополя Кара-Депе уникален и может считаться богатым, поскольку восемь сосудов — количество необычное даже для погребений развитой бронзы юга Туркмении. Наличие статуэтки в погребении, возможно, свидетельствует о том, что перед нами захоронение лица, ответственного за отправление культовых обрядов в родовом святилище, существование которых на Кара-Депе теперь установлено[13]. Находки терракот в одиночных погребениях юга Туркмении — очень редкое явление и свидетельствуют об особом статусе умершего. В связи с этим вспомним захоронение «жрицы» на Алтын-Депе[14]. Кроме двух терракотовых статуэток женщин в этом погребении было найдено два золотых перстня и один бронзовый, печать с изображением трехглавого зверя и около сотни бусин из агата, сердолика, бирюзы, лазурита с золотой обтяжкой и гипса с золотой обтяжкой. Если это действительно захоронение жрицы, то лица указанного ранга в период развитой бронзы (время Намазга V) уже начинают скапливать, пользуясь своим общественным положением, определенные материальные ценности.

Анализ инвентаря Кара-Депинских захоронений показывает, что уровень развития производительных сил в энеолите Южной Туркмении не был слишком высоким, свидетельством чего является бедный погребальный инвентарь. Указанное обстоятельство тормозило процесс социальной и имущественной дифференциации внутри родовой общины. С другой стороны, как будто бы намечается появление лиц — служителей культа (погребение № 100), представителей зарождающегося жречества. О концентрации в руках этих лиц общественного богатства в рассматриваемый период времени не может быть и речи. По своему общественному положению они скорее приближались к колдунам или шаманам. Отсутствие специфически «женских» и «мужских» наборов погребального инвентаря лишний раз свидетельствует об отсутствии устоявшихся канонов в погребальных обычаях, что опять же может зависеть от низкого уровня развития хозяйства. Высказанные соображения отнюдь не противоречат общеизвестному положению о прогрессивном развитии хозяйства энеолитических земледельцев юга Туркмении. Так, например, в эпоху раннего Намазга III увеличивается число погребений с украшениями и металлом. К тому же на это время падают существенные изменения в общественной жизни юга Туркмении: происходит замена однокомнатных домов на мно-

---

[13] *И. Н. Хлопин.* Ук. соч.

[14] *В. М. Массон.* Протогородская культура Алтын-Депе, АО—1966. М., 1967, стр. 331.

гокомнатные сооружения[15]. Это обстоятельство, видимо, находит свое отражение в появлении коллективных усыпальниц, столь широко известных по раскопкам Геоксюра[16] и представленных на Кара-Депе[17]. Упомянутые коллективные погребения отражают прежде всего существенные изменения семейной структуры древних земледельцев Туркмении, а не связаны с процессом социальной дифференциации в собственном смысле этого слова. Изучение коллективных усыпальниц, возможно, поможет определить как структуру семьи древних земледельцев эпохи Намазга III, так и проследить социальную дифференциацию (если таковая окажется) внутри отдельной семьи.

*V. A. Alekchine*

## QUELQUES ASPECTS DE L'INTERPRETATION SOCIOLOGIQUE DES SEPULTURES D'AGRICULTEURS A L'EPOQUE ENEOLITHIQUE EN TURKMENIE MERIDIONALE


### Résumé

L'étude sociologique des sépultures de la nécropole de Kara-dépé datant de l'époque énéolithique (en Turkménie méridionale) montre que dans la société des anciens agriculteurs de cette époque sont absents les indices nettement marqués d'une différenciation dans la situation sociale et matérielle. Le mobilier funéraire des tombes d'adultes est la plupart du temps pauvre et uniforme. Une seule exception est offerte par la sépulture N° 100 (v. pl. 1), dans laquelle avait peut — être été enterré un prêtre ou un chaman. La répartition du mobilier dans les tombes d'adultes dépend surtout du sexe et de l'âge du mort. La partie essentielle de ce mobilier funéraire était constituée par des vases contenant de la nourriture pour l'au — delà. Dans un certain nombre de tombes, outre les vases avec des offrandes, étaient déposés des bijoux, tels que des colliers. L'existence de tombes contenant seulement des aliments peut s'expliquer surtout par les circonstances de la mort du personnage enterré. La moitié des sépultures d'enfants ne possèdent pas de mobilier funéraire; cependant celui — ci se trouve principalement dans les tombes de petites filles, et il surpasse parfois en richesse le mobilier des tombes d'adultes. Ces sépultures de fillettes peuvent être considérées comme consacrées à une divinité agricole, c.à.d. liées au culte de la fécondité.


---

[15] *В. М. Массон.* Средняя Азия и Древний Восток.

[16] *В. И. Сарианиди.* Энеолитическое поселение Геоксюр. Тр. ЮТАКЭ, X, стр. 284—294; *его же.* Геоксюрский некрополь. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 102—105.

[17] *В. М. Массон.* Традиция коллективных погребений в энеолите Средней Азии, Афганистана и Индии. КСИА АН СССР, 1964, 101, стр. 4.

В. П. ЛЕВЕНОК, В. Г. МИРОНОВ

# К ВОПРОСУ О НОВОМ РАЙОНЕ ГОРОДЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ДОНУ

Памятники городецкой культуры впервые выделены В. А. Городцовым в 1898 г. после раскопок городища у с. Городец Спасского уезда Рязанской губернии в бассейне Средней Оки [1], что и дало название культуре, которую В. А. Городцов относил к раннему железному веку. Но поселения этой культуры, несмотря на специфические черты керамического материала, долго не выделялись из дьяковских [2].

Новый этап в изучении городецких памятников относится к советскому времени. Проведенные в довоенные годы большие полевые исследования в Рязанской, Пензенской и Куйбышевской областях позволили Н. В. Трубниковой в ряде работ обобщить накопленные сведения по городецкой культуре [3].

В 50—60-х годах в связи с изучением этногенеза финно-угорских народов Поволжья возрос интерес к городецкой культуре. В ряде обобщающих работ [4] изменены и уточнены некоторые прежние представления о городецкой культуре и ее ареале.

Однако полевые работы последних лет в Саратовском Поволжье, Тамбовской, Рязанской, Липецкой и Воронежской областях и Мордовской АССР позволяют по-новому подойти к некоторым проблемам в изучении городецкой культуры.

Не касаясь общей характеристики городецких племен, чему в той или иной степени посвящена достаточно обширная литература, проиллюстрируем сказанное выше на примере топографии городецких памятников. Общие карты расселения городецких племен в бассейнах Оки и Волги даются в работах П. Н. Третьякова [5], А. П. Смирнова [6], Н. В. Трубнико-

---

[1] *В. А. Городцов.* Результаты археологических исследований 1898 года. АИЗ, 1899, № 6—7, стр. 181—201; *его же.* Дневник археологических исследований в долине р. Оки в 1898 году. Древности. ТМАО, т. 18, М., 1901, стр. 1—28.

[2] *А. А. Спицын.* Саратовские древности. Прибавление к 29 выпуску Трудов СУАК. Отдельный оттиск. Саратов, 1912; *его же.* ОАК за 1912 год. Пг., 1916, стр. 73.

[3] *Н. В. Трубникова.* О технике нанесения узоров на посуду городецких и дьяковых городищ. КСИИМК, 1952, 47, стр. 125—129; *ее же.* Городецкие племена и связь их со скифами и сарматами. КСИИМК, 1950, 34, стр. 122—128; *ее же.* Племена городецкой культуры. Тр. ГИМ, 1953, 22, стр. 63—96; *ее же.* К вопросу о происхождении городецкой культуры. КСИИМК, 1959, 75, стр. 163—168.

[4] *А. П. Смирнов.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, *его же.* Железный век Чувашского Поволжья. МИА, 95, 1961; *А. Л. Монгайт.* Из истории населения бассейна среднего течения р. Оки в I тысячелетии н. э. СА, XVIII, 1953, стр. 151—189; *его же.* Рязанская земля. М., 1961; *А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова.* Городецкая культура. САИ, Д 1—14, М., 1965.

[5] *П. Н. Третьяков.* Некоторые вопросы этногонии восточного славянства. КСИИМК, 1940, 5, стр. 13, рис. 1; *его же.* Восточнославянские племена. М., 1953, рис. 8; *его же.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л., 1966, рис. 31.

[6] *А. П. Смирнов.* О возникновении государства волжских булгар. ВДИ, 1938, вып. 2(3), стр. 100; *А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова.* Ук. соч., табл. I и схема с внутренней стороны обложки.

вой [7], Н. Н. Гуриной [8], П. Д. Степанова [9], П. Д. Либерова [10], Е. И. Горюновой [11] и некоторых обобщающих изданиях [12].

Наряду со сводными картами созданы более или менее подробные карты городецких памятников по отдельным районам. Так, по рязанской группе карты и материалы к ним публиковали: В. А. Городцов [13], Н. П. Милонов [14], П. Н. Третьяков [15], А. А. Мансуров [16], А. Л. Монгайт [17], В. Г. Миронов [18]; по мордовской группе А. Е. Алихова [19] и П. Д. Степанов [20], по пензенской М. Р. Полесских [21], по саратовской М. А. Радищев [22]. Эти порайонные карты и сводки дают определенную возможность приступить к решению вопроса о локальных вариантах городецкой культуры.

Наиболее подробными картами городецких памятников являются карты П. Д. Степанова [23] и А. П. Смирнова и Н. В. Трубниковой [24]. В Своде по городецкой культуре границы распространения памятников указаны по обеим берегам Оки, от южной окраины Московской области до впадения Оки в Волгу. На востоке они ограничены правобережьем Волги, вдоль которой тянутся от Горького до Саратова. Отсюда южная граница расселения городецких племен, совпадающая в прошлом с границей лесостепи, шла через Пензенскую и Тамбовскую области в направлении на Рязань, однако помещать границу городецких племен южнее Саратова, как это пытались сделать И. В. Синицын и В. А. Фисенко [25], нет оснований, поскольку утес Степана Разина не имеет городецкого слоя.

---

[7] *Н. В. Трубникова.* Племена городецкой культуры, рис. 4.

[8] *Н. Н. Гурина.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. МИА, 87, 1961, рис. 29; *ее же.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции). МИА, 110, 1963, рис. 80.

[9] *П. Д. Степанов.* Хвалынские городища. Тр. Саратовского областного музея краеведения. 1960, 3, рис. 16; *его же.* Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья. МИА, 111, 1962, рис. 7.

[10] *П. Д. Либеров.* Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных. МИА, 151, 1969, рис. 2.

[11] *Е. И. Горюнова.* Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961, рис. 70.

[12] Очерки истории СССР, т. 1. М., 1956, стр. 375; т. 2. М., 1958, с. 144, 605.

[13] *В. А. Городцов.* Материалы для археологической карты долины и берегов реки Оки. Труды 12 АС, т. 1. М., 1905, стр. 515—672.

[14] *Н. П. Милонов.* К изучению археологических памятников и истории сел и городов на территории Рязанской области. (В помощь учителю-краеведу). Рязань, 1949; *его же.* Основные источники и приемы изучения истории сел и городов Рязанской области. Рязань, 1950.

[15] *П. Н. Третьяков.* К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. ИГАИМК, 106, 1935, рис. 12; *его же.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, рис. 31, *X*.

[16] *А. А. Мансуров.* Археологическая карта р. Прони. СА, 4, 1937, рис. 6.

[17] *А. Л. Монгайт.* Из истории населения бассейна среднего течения р. Оки (карта); *его же.* Рязанская земля, рис. 2.

[18] *В. Г. Миронов.* О некоторых закономерностях в размещении и концентрации раннегородецких памятников. В сб.: «Некоторые вопросы отечественной и всеобщей истории». Саратов, 1971, стр. 137—139 (по вине издательства карта вклеена лишь в часть тиража).

[19] *А. Е. Алихова.* Некоторые древние городища Мордовской АССР. В кн.: *А. Е. Алихова и др.* Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959, стр. 98—116.

[20] *П. Д. Степанов.* Итоги археологических работ в Западном Поволжье за пятилетие 1945—1949 гг. УЗ Саратовского ГПИ и Саратовского гос. ун-та, т. 22, 1956, стр. 61—142; *его же.* Археологические памятники на территории Мордовии (III тыс. до н. э.— XVIII в. н. э.). Саранск, 1969.

[21] *М. Р. Полесских.* В недрах времен. Археологические памятники Пензенской области. Пенза, 1956; *его же.* Археологические памятники Пензенской области. Путеводитель. Пенза, 1970.

[22] *М. А. Радищев.* Хвалынские городища. Тр. СУАК, вып. 31, 1914, стр. 159—171.

[23] *П. Д. Степанов.* Хвалынские городища; *его же.* Материалы для археологической карты...

[24] *А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова.* Городецкая культура.

[25] *И. В. Синицын, В. А. Фисенко.* Раскопки на Утесе Степана Разина. АО—1969, М., 1970, стр. 154, 155.

А. П. Смирнов и Н. В. Трубникова выделили следующие группы городецких поселений: среднеокскую или московско-рязанскую (75 городищ и 25 селищ), нижнеокскую или муромско-горьковскую (10 городищ), северо-восточную, или чувашскую (42 городища), центральную (22 городища в бассейнах Цны и Мокши), восточную (7 городищ и 3 селища на Самарской Луке) и южную, или саратовскую (28 городищ). Данные группы городецких памятников этими исследователями интерпретируются как локальные варианты городецкой культуры, хотя, по сути дела, в основу таких выводов положены только степень исследованности территории и количество псевдорогожной керамики в общем керамическом комплексе [26].

С учетом обследования новых территорий и памятников в настоящее время можно укрупнить предложенную в Своде концентрацию [27] и тем самым локальные районы городецких памятников следующим образом (см. рис. 1): 1 — Московско-рязанский, или **северо-западный район,** включающий памятники (60 городищ и 31 селище) по Оке — между устьями ее притоков: Москвы, Унжи, Осетра и Мокши (только памятники нижнего течения по левобережью); 2 — Нижнеокский, или **северо-восточный район,** включающий памятники по Оке до ее устья и по нижней и средней Суре; 3 — **Центральный район** — не менее 60 городищ и селищ в бассейнах рек Цны и Мокши; 4 — Нижневолжский, или **юго-восточный район** (43 городища и 35 селищ), где памятники располагаются по правобережным притокам Волги и в верхних бассейнах Суры, Хопра и Медведицы. Вместе с тем представление об ареале памятников городецкой культуры не было бы полным, если бы не были учтены сведения о донском районе с памятниками городецкого типа, почти не получившем освещения в литературе.

Поселения с городецкими материалами на Среднем Дону стали известны археологам ранее, нежели в Верхнем Подонье [28]. Так, еще в 1930 г. Н. В. Валукинский по берегам р. Воронеж в черте г. Воронежа обнаружил псевдорогожную керамику [29]. На известной палеолитической стоянке Костёнки IV (Александровка) А. Н. Рогачев в 1937—1939 гг. раскопал в черноземе селище со срубной и псевдорогожной керамикой (рис. 2, *1, 4, 12*). Последняя датирована Т. Н. Книпович по найденной в том же слое ручке амфоры с клеймом VI — V вв. до н. э.[30]. Псевдорогожная и «текстильная» керамика городецкого типа была найдена и в других пунктах у с. Костёнки: на стоянках — Стрелецкая II, Тельманская, Кельсиевская и др. Подобная керамика была найдена и в других местах Среднего Подонья: у с. Каменка Верховская, с. Рудкино и на ряде левобережных селищ против Костёнок и берегах Погонова озера (см. рис. 2—7), на Малом Боршевском городище и у с. Стрелица, Титчиха, на Чертовицкой дюне, Аннинских селищах по р. Битюг и др.

В последние годы экспедициями Воронежского университета и Областного краеведческого музея на территории Воронежской области было зарегистрировано еще несколько пунктов находок городецкой «текстильной»

---

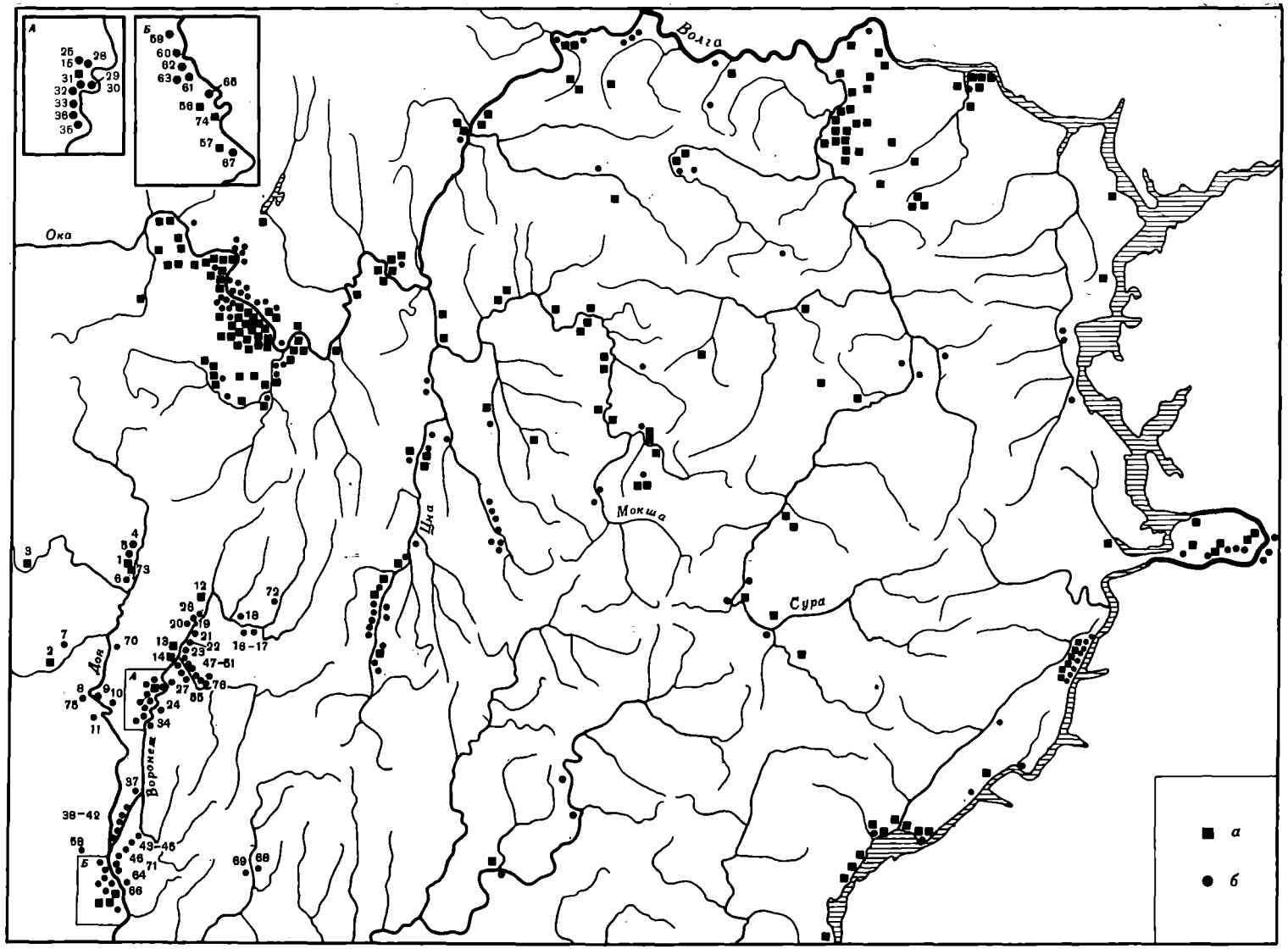
[26] *П. Н. Третьяков.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, стр. 155, 156.

[27] Некоторые причины возможной концентрации памятников в указанных районах уже излагались в печати. См. *В. Г. Миронов.* О некоторых закономерностях в размещении и концентрации раннегородецких памятников.

[28] Условной чертой, разделяющей Донской бассейн на Верхний и Средний Дон, принято считать впадение р. Воронеж в Дон. К северу от этого пункта лежит Верхнее Подонье, к югу — Среднее, а левый берег Дона в этом месте носит древнее наименование «Червленый яр».

[29] *Н. В. Валукинский.* Разведки в Воронеже. СА, IV, 1937, стр. 308—312; *его же.* Материалы к археологической карте территории г. Воронежа. СА, X, 1948, стр. 291—301.

[30] *Г. В. Подгаецкий.* Предскифский период на Среднем Дону. Канд. дисс., ч. 2. Архив ЛОИА, ф. 35, опись 2, 1947, № 774, стр. 120.



Волга
Ока
Цна
Мокша
Сура
Дон
Воронеж
а
б

Рис. I. Схема расположения городецких памятников и взаимосвязь с ними памятников Верхнего и Среднего Подонья с городецкой керамикой. На врезках вверху слева указано расположение памятников: *А* — правобережный Воронеж к югу от г. Липецка; *Б* — правобережный Дон вблизи Костенковских палеолитических памятников.

*а* — городища; *б* — селища и местонахождения керамики. *1* — Перехвальское I городище; *2* — Воргольское городище; *3* — Дубиковское городище; *4* — Ново-Никольское I («урочище Горенка»); *5* — Ново-Никольское II («урочище Пажица»); *6* — Покрово-Казацкая Слобода («Пункт 42-а»); *7* — Хмелинец; *8* — Каменка Задонская («Пункт 152»); *9* — Казацкая Сторона («Пункт 146»); *10* — Даньшино («Пункт 177», «Урочище Могилки»); *11* — Ксизово; *12* — Гудовское городище; *13* — Липецкое I городище («Пункт III»); *14* — Липецкое II городище («Сокольское», «Пункт 122»); *15* — Крутогорьевское (Малый Липяг) городище; *16* — Старое Торбеево I («Пункт 279»; *17* — Старое Торбеево II («Пункт 282»); *18* — Большое Лаврово («Пункт 277»); *19* — Богородецкое I («Пункт 87 в поле»); *20* — Богородецкое II («Пункт 87-а на западном берегу озера»); *21* — Горица («Урочище Бор», «Пункт 90-а»); *22* — Желтые Пески («Пункт 96», «Урочище Калачик»); *23* — урочище Мелкий Брод (Пункт 103») на р. Матыре; *24* — Карамышево («Пункт 250»); *25* — Грязное («Пункт 252»); *26* — Доброе («Пункт 85»); *27* — Троицкое I («Пункт 256 в урочище Троицкий Кордон — Двуреченский Луг»); *28* — Троицкое II («Пункт 263 в урочище Троицко-Боринский Кордон»); *29* — Полозово I («Пункт 304»); *30* — Полозово II («Пункт 305»); *31* — Малинино («Пункт 312»); *32* — Вертячье («Пункт 314»); *33* — Стерлеговка («Пункт 316»); *34* — Савицкое («Пункт 328»); *35* — Подгорное («Пункт 340»); *36* — Большой Мечик («Пункт 319»); *37* — Чертовицкая дюна; *38—42* — пункты находок городецкой керамики на правом берегу реки в черте г. Воронеж; *43—45* — пункты находок городецкой керамики на левом берегу реки в черте г. Воронеж; *46* — Урочище в приустьевой пойме реки против Шиловского леса; *47* — Бугор в приустьевой пойме р. Матыры («Пункт 198»); *48* — Сокольское левобережье («Пункт 102»); *49* — Рыбное Озеро I («Пункт 201»); *50* — Рыбное Озеро II («Пункт 202»); *51* — Наташа («Пункт 207»); *52* — Стоянка Поплавского I («Пункт 212 в поле»); *53* — Стоянка Поплавского II («Пункт 213 на берегу»); *54* — Новая Жизнь («Пункт 212»); *55* — Ярлуковская Протока («Пункт 222»); *56* — Малое Боршевское городище; *57* — городище Титчиха; *58* — Чаусовка; *59* — Рудкино; *60* — Костёнки XIII; *61* — Костёнки IV (Александровка); *62* — Костёнки VI (Стрелецкая II); *63* — Костёнки VIII; *64* — Погоново Озеро («Пункт 4»); *65* — Боршевское III; *66* — Боршевское VI; *67* — Титчиха I, селище; *68* — Анненское I (Попово Озеро); *69* — Анненское II (Круглое Озеро); *70* — Каменка Верховская; *71* — Костёнковское левобережное; *72* — Изосимовское; *73* — Перехвальское II городище; *74* — Архангельское (Голышевское) городище; *75* — Каменка Задонская (следы городища у церкви); *76* — Егупов Хутор.

и псевдорогожной керамики [31]. Сохранились также фото и рисунки псевдорогожной керамики, собранной Г. В. Подгаецким в довоенные годы на разных памятниках Воронежской области (см, сноску 30; рис. 2, *5*, *6*, *8—11*). Однако наличие здесь памятников с городецкими комплексами, преимущественно селищ, длительное время оставалось вне поля зрения исследователей городецкой культуры [32]. Возможно, это происходило по причине относительной бедности этих памятников городецкими материалами, представленными почти одной лишь керамикой, а также благодаря представлению о значительной оторванности этого района от основного ареала городецких поселений.

Теперь же появилась возможность установить южную [33] и предполагаемую западную границу обитания городецких племен на Дону. Отдельные

[31] *А. Д. Пряхин, А. Т. Синюк.* Древности из зоны Воронежского моря. Воронеж, 1968, стр. 28; *А. Н. Москаленко, А. Д. Пряхин.* Поселения раннего железного века у хутора Титчиха. МИА, 1951, 1969, стр. 100, 101. *П. Д. Либеров.* Отчет Воронежского отряда лесостепной экспедиции об археологических работах у с. Мастюгино Коротоякского р-на, по р. Тихой Сосне Острогожского р-на и об археологических разведках в Анненском р-не Воронежской области, 1960. Архив ИА АН СССР, р-1, № 2118 (см. Приложение к отчету, составленное Г. И. Корнюшиным, стр. 142—179); *А. Д. Пряхин.* Отчет о раскопках Воргольского городища в Липецкой области и разведочных работах в пределах Липецкой и Воронежской областей, 1964. Архив ИА АН СССР, р-1, № 2896; *его же.* Отчет об обследовании памятников эпохи неолита и бронзы на территории Верхнего и Среднего Подонья в Воронежской области. Архив ИА АН СССР, 1965, р-1, № 3051; *его же.* Отчет о работах археологической экспедиции Воронежского гос. университета, 1967. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3431.

[32] Так, в статье Н. В. Трубниковой «К вопросу о происхождении городецкой культуры» они только мельком упомянуты (стр. 165) и не получили отражения в Своде по городецкой культуре.

[33] Интересно отметить, что самый южный пункт находок псевдорогожской керамики к настоящему времени известен на левом берегу р. Северский Донец в Шебекинском районе Белгородской области. См.: *Р. Л. Розенфельдт.* Отчет об археологических разведках в зоне затопления Белгородского водохранилища. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3858, 1969; *его же.* Разведки по Северскому Донцу. АО—1969; М., 1970, стр. 56.

исследователи доводили южную границу городецких племен до линии Саратов — Балашов [34]. В настоящее время можно продолжить ее далее на запад и юго-запад — до правобережья Дона, примерно до его притока р. Потудань. Отсюда граница размещения племен правобережным донским водоразделом повернет на север и по р. Осетр сомкнется с московско-рязанскими памятниками. Таким образом, ранее высказанное В. И. Гуляевым

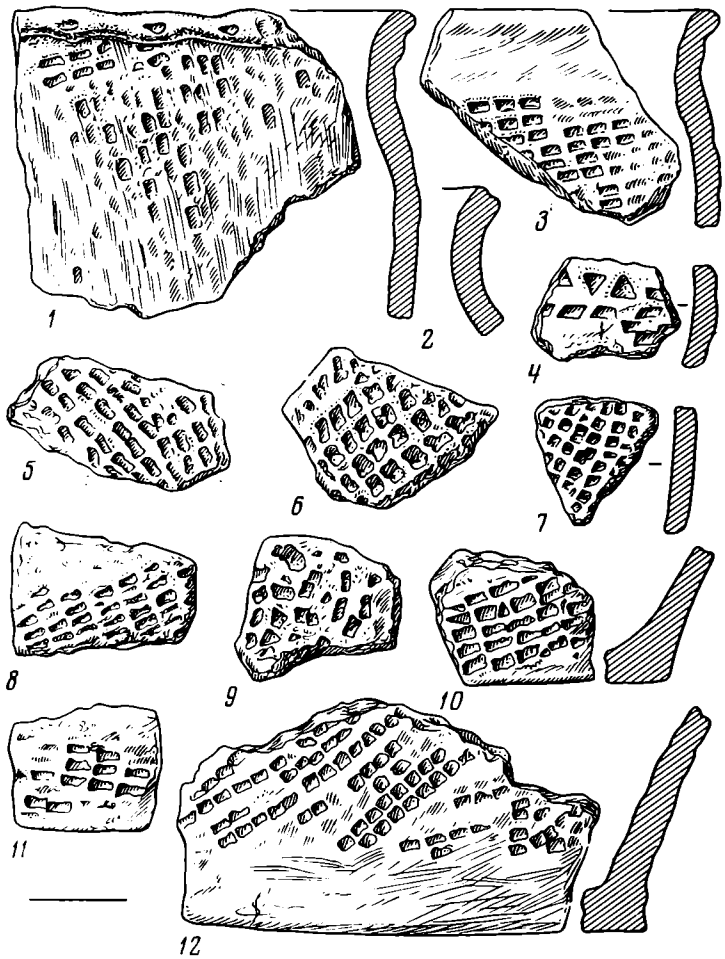


Рис. 2. Городецкая «рогожная» керамика поселений Среднего Дона. *1—4, 12* — Костенки IV, почвенный слой; *5, 6, 8—11* — материалы Г. В. Подгаецкого; *7* — Погоново Озеро, «пункт 4»

предположение о необходимости проводить западную границу в пределах верхнедонского правобережья находит фактическое подтверждение [35].

Характерной особенностью среднедонских памятников является незначительное количество псевдорогожной и особенно «текстильной» керамики в культурном слое, где господствует типичная для этого района гладкостенная керамика скифоидного типа.

В пределах Верхнего Подонья — на территории Липецкой и соседних районов примыкающих к ней областей — период интенсивных открытий

---

[34] *А. Н. Москаленко.* Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону. КСИИМК, 43, 1952, стр. 99; *К. Ф. Смирнов.* Савроматы. М., 1964, стр. 264; *В. И. Калкин.* Хозяйство лесостепных племен раннего железного века в свете остеологических данных. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых исследований 1963 года. М., 1964, стр. 47; *А. Н. Москаленко, А. Д. Пряхин.* Ук. соч.

[35] *В. И. Гуляев.* К вопросу о связях городецких племен с Югом в VII—IV вв. до н. э. Историко-археологический сборник (в честь А. В. Арциховского). М., 1962, стр. 114.

памятников с городецкими материалами связан с десятилетними работами Верхне-Донской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР, организованной В. П. Левенком (позже под этим названием работает экспедиция ИА АН СССР), а также Липецкого областного краеведческого музея и частично Воронежского университета [36]. В ходе работ Верхне-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР открыто около 400 неизвестных ранее археологических памятников, часть которых оказалась городецкими или содержала городецкие материалы. На территории Верхнего Подонья поселения с «текстильной» и псевдорогожной керамикой и поделками из глины и железа обычны и достаточно широко распространены. В настоящее время в современных границах Липецкой и Воронежской областей открыто более 70 таких памятников. Упомянутые памятники обследованы, некоторые из них частично раскопаны. Это позволяет нам на основе имеющихся в нашем распоряжении данных по топографии и содержанию культурного слоя городецких памятников сделать некоторые предварительные выводы и тем самым поставить вопрос о существовании на Дону локального варианта городецкой культуры.

1. На территории расселения городецких племен памятники располагаются группами. На Средней Оке это московская, рязанская, пронская группы. К последним примыкают группы шацкая и моршанско-тамбовская на р. Цне, пензенская на р. Выше; группа на р. Мокше сливается с западномордовской группировкой памятников. Можно указать также на группы памятников на Средней Суре и в низовьях р. Узы, на Самарской Луке и Хвалынском плато. В пределах Верхнего Подонья располагается первая из таких групп — верхнедонская, лежащая в долине Дона (от границ Рязанской области до впадения в Дон р. Быстрой Сосны). Ниже этой группы, у известного «донского меандра» находится небольшая группа городецких поселений, являющаяся переходной от верхнедонской группы к среднедонской. Третья группа городецких поселений в Верхнем Подонье приурочена к долине р. Воронеж — от устья р. Становой Рясы до пос. Рамонь. Четвертая занимает нижнее течение р. Воронеж в пределах Воронежской области — при впадении р. Воронеж в Дон — и сливается со среднедонской группой городецких поселений. Кроме перечисленных групп исследуемых памятников на окраине Донского бассейна находятся удаленные от основной Эйкумены одиночные памятники: Дубиковское и Нижневоргольское городища, Хмелинецкое и Чаусовское селища — на западе донского правобережья; Изосимовское, Большелавровское и Староторбеевское селища в верховьях р. Воронеж (северо-восток донского левобережья) являются как бы соединительным звеном между группами поселений в долинах рек Воронежа и Цны; на юго-востоке особняком стоят Аннинские селища на р. Битюг.

В свое время П. Н. Третьяков концентрацию памятников небольшими группами объяснял родовой организацией общества раннего железного

---

[36] См. архив ИА АН СССР: *В. П. Левенок.* Отчет об археологических работах Верхне-Донского отряда, 1960, р-1, № 1898; *его же.* Отчет об археологических работах Верхне-Донской экспедиции, 1961, р-1, № 2225; *его же.* Отчет о полевых работах Верхне-Донской археологической экспедиции в Липецкой области, 1963, р-1,№ 2552; *его же.* Отчет о полевых работах Верхне-Донской археологической экспедиции в Липецкой, Брянской и Черниговской областях, 1964, р-1, № 2812; *его же.* Отчет об археологических раскопках Верхне-Донской экспедиции в Липецкой области, 1965, р-1, № 2943; *его же.* Отчет о полевых работах Верхне-Донского археологического отряда ЛОИА АН СССР и Липецкого областного краеведческого музея, 1966, р-1, № 3173; *его же.* Отчет о полевых работах Верхне-Донского археологического отряда ЛОИА АН СССР, 1967, р-1, № 3418; *его же.* Отчет о работах Верхне-Донской археологической экспедиции, 1968, р-1, № 3613. *А. Д. Пряхин.* Отчет об археологических разведках по р. Красивая Меча в пределах Тульской и Липецкой областей, 1964, р-1, № 2672. Коллекции находок с городецких поселений хранятся в фондах Воронежского и Липецкого краеведческих музеев; там же имеются и копии отчетов исследователей.

века[37]. Такое объяснение следует принять, но ограничиться им, видимо, нельзя. Не исключено, что в ряде случаев мы наблюдаем следы инфильтрации части городецкого населения в новые районы (Хвалынское плато и Самарская Лука, например), вызванной разными причинами.

2. В топографическом (и типологическом) отношении памятники городецкого типа на Дону представлены городищами (Архангельское, Верхнее Казацкое, Каменка Задонская (урочище Курган), Малое Боршевское, Нижне-Воргольское, Перехвальское, Титчиха и др.) и селищами на коренных берегах (Даньшино, Каменка Задонская (у церкви), Костёнки IV, Ксизово, Нижнее Казацкое, Новоникольский могильник (расположился на бывшем селище), Покрово-Казацкая Слобода, Рудкино и др.) и боровых террасах донской долины (Заталия, Казацкая Сторона, Каменка Верховская и др.), а также у озер (оз. Погоново) и стариц (Донище).

Аналогичная топография характерна и для долины р. Воронеж; городецкие памятники и здесь представлены городищами (Гудовское, Липецкое, Малый Липяг, Сокольское правобережное и др.) и селищами на коренном правом берегу (Архиерейская Роща, Большой Мечик, Подгорное, Сырское, Чижовка и др.). На боровых террасах и останцах городецких поселений еще больше (Богородицкое Поле, Большое Лаврово, Бор, Егупов Кордон, Калачик, Карамышево, Мелкий Брод, Отрожка, Сокольское левобережное, Троицкий Кордон, Устье р. Матыры, Червленый Яр, Чертовицкое и др.); есть они и в пойме (Богородицкое озеро, Новая Жизнь, Рыбное Озеро I и II, Староторбеевский Мост, Стоянки Поплавского, Ярлуковская Протока и др.).

Накопленный к настоящему времени материал по топографии памятников разных районов городецкой культуры позволяет выделить их ведущие типы: а) поселения в поймах и на дюнах; б) поселения, связанные с боровыми террасами; в) селища и городища на коренных террасах. По этим признакам памятники Подонья сближаются с памятниками Рязанской, Тамбовской, Пензенской и Саратовской областей. На Дону к первой группе памятников относится 20%, ко второй 23% и к третьей 57%.

3. Наряду с топографией памятников вторым важнейшим показателем является их стратиграфия, которая у городецких поселений Подонья имеет свои особенности. Культурный слой совмещается обычно со средними горизонтами черноземной почвы, в условиях же степных плато и высоких пойм Подонья он залегает в верхних горизонтах. На неолитических стоянках Верхнего Подонья, находящихся в толщах высокой поймы, неолитические слои занимают 4—7 слои (стратиграфические горизонты), городецкие же находки здесь соответствуют 1—2 горизонтам (Новая Жизнь, Рыбное Озеро I и II, Ярлуковская Протока и др.).

4. Предметы, добытые при раскопках поселений с городецким слоем на Дону, представлены двумя основными категориями находок — керамикой и изделиями из глины, кости, камня, железа и др.

5. Одним из важнейших аспектов изучения городецкой керамики является установление ее связей с соприкасающейся с нею во времени более ранней керамикой[38]. Изучение ранних (догородецкого времени) материалов, возможно, служивших культурным субстратом, в лоне которого складывалась или впервые появилась городецкая керамика и сопутствующий ей инвентарь, может натолкнуть на раскрытие проблемы происхождения городецкой культуры на Дону.

Среди многочисленных поселений своеобразной позднесрубной культуры на Дону известен ряд памятников, для посуды которых характерны

---

[37] *П. Н. Третьяков.* К истории доклассового общества Верхнего Поволжья, стр. 151—157.

[38] В этом плане интересен фрагмент сосуда, на котором оттиски позднесрубного гребенчатого штампа сосуществуют с псевдоротогожными отпечатками (рис. 3, 7 нашей статьи).

средние по величине плоскодонные, иногда банкообразные груболепные горшки [39] с прямыми венчиками и намечающейся шейкой, украшенные по обрезу венчика ногтевыми вдавлениями (рис. 2, *1*; 3, *2*, *5*; 4, *8*) или же чеканными треугольными ямками (рис. 3, *4*). Другим отличительным признаком этой посуды является штриховка — следы очистки поверхности сосуда от излишней глины, предшествующей обжигу. Такая обработка поверхности сосуда производилась грубоватым гребенчатым штампом (рис. 3, *1*, *3*, *6*; 5, *2*, *4*, *8—10*, *19*), щепкой (3, *4*, *10*, *12*) или просто руками (3, *11*).

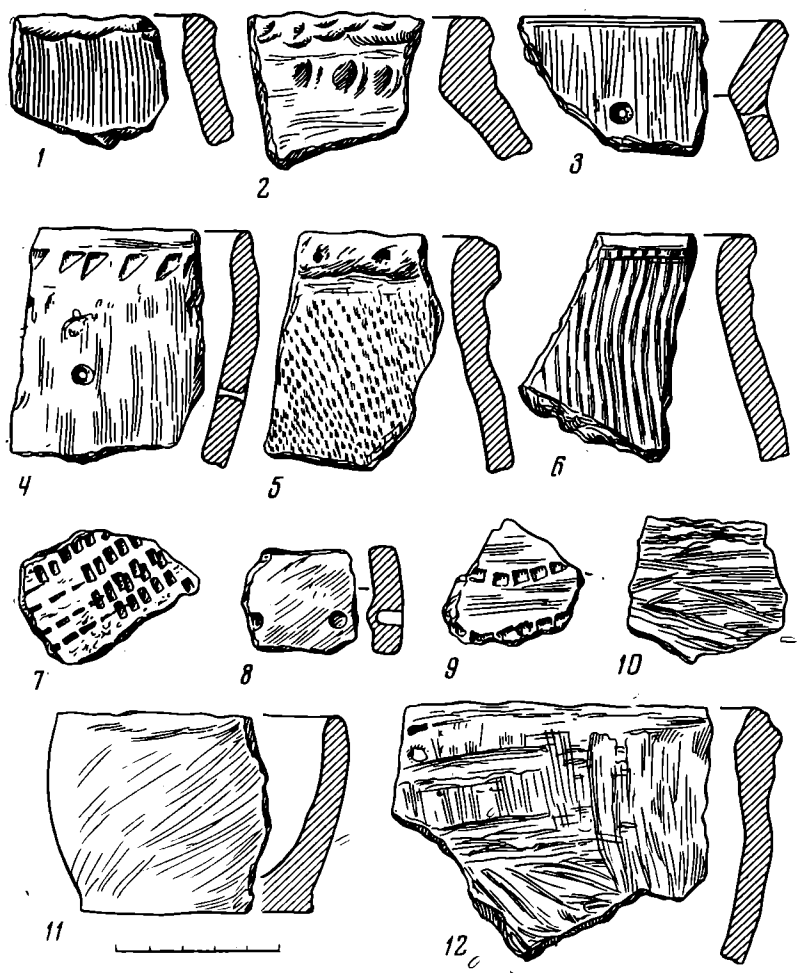



Рис. 3. Керамика эпохи поздней бронзы — раннего железа, предшествовавшая появлению керамики городецких племен на Среднем Дону. *1—3*, *8* — Костенки IV, почвенный слой; *4*, *9* — Погоново Озеро, «пункты 5 и 6»; *5*, *7* — материалы Г. В. Подгаецкого; *6* — Червленый Яр; *10* — поселок Заталия; *11*, *12* — Каменка Верховская

Наряду с такой керамикой в одних с нею слоях и комплексах появляется внешне с ней сходная, но, по-видимому, генетически чуждая ей керамика. Сосуды здесь отличаются более узкими днищами, менее толстыми стенками, более округлыми формами, вместо штриховки внешняя поверхность их обработана ударами дощечки (?), плотно обмотанной шнурком, часто в виде плохо ссученного шпагата (3, *5*; 5, *11—18*). Такие сосуды часто украшались круглыми ямками, дающими «жемчужины» на обратной стороне (3, *8*; 5, *12*, *13*, *16*, *17*).

[39] *В. П. Левенок.* Волотовские курганы и их место в хронологии эпохи бронзы в Подонье. Изв. Воронеж. ГПИ, 1960, т. 31, стр. 171—176.

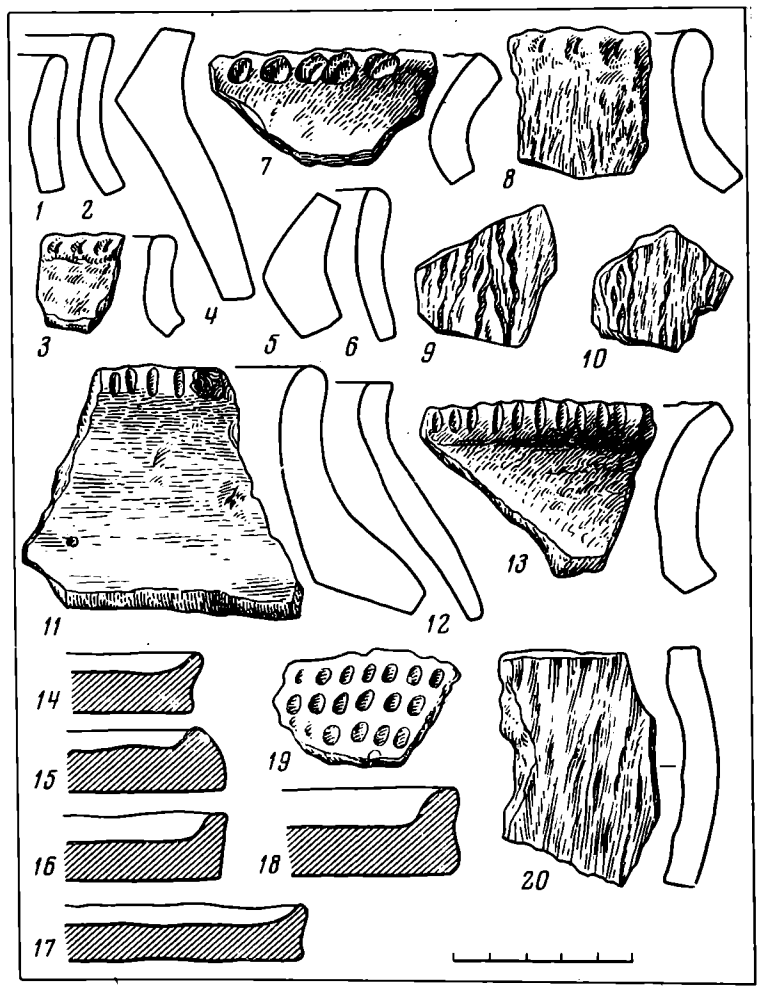



Рис. 4. Керамика городища Малый Липяг, среди которой впервые появляется «текстильная» и «рогожная» керамика городецкого типа. *1—3, 6—10, 12, 14, 18* — верхний слой; *4, 5, 13, 15—17, 19, 20* — средний и нижний слои (*20* — селище в устье р. Матыры)

На ряде поселений поздней бронзы на Дону совместно с такой керамикой появляется, почти ничем от нее не отличаясь, ранняя керамика со «шпагатными» отпечатками на сосудах (4, *8—10*, *20*; 6, *24—26*, *28*; 7, *2*; 8, *1, 5*), находящая аналогии на памятниках лесной полосы Европейской части СССР в эпоху поздней бронзы [40]. Здесь налицо смешение элементов предшествующего, поздненеолитического оформления посуды Подонья (ямки и «жемчужины») и последующего, относящегося к поздней бронзе — раннему железу этой же территории («шпагатно-шнуровые» отпечатки, характерные для ранней городецкой посуды). Данный тип керамики, возможно, является результатом смешения позднекатакомбной керамики «харьковско-воронежского типа» с позднесрубной Дона.

Если в формировании «текстильной» керамики генетические истоки более или менее намечаются, то намного сложнее обстоит дело с истоками псевдорогожной керамики. Известно, что совместное залегание керамики разных видов еще не указывает на их генетическую преемственность друг от друга. Казалось бы, исходными формами для возникновения псевдоро-

[40] *О. Н. Бадер.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970, стр. 74—79.

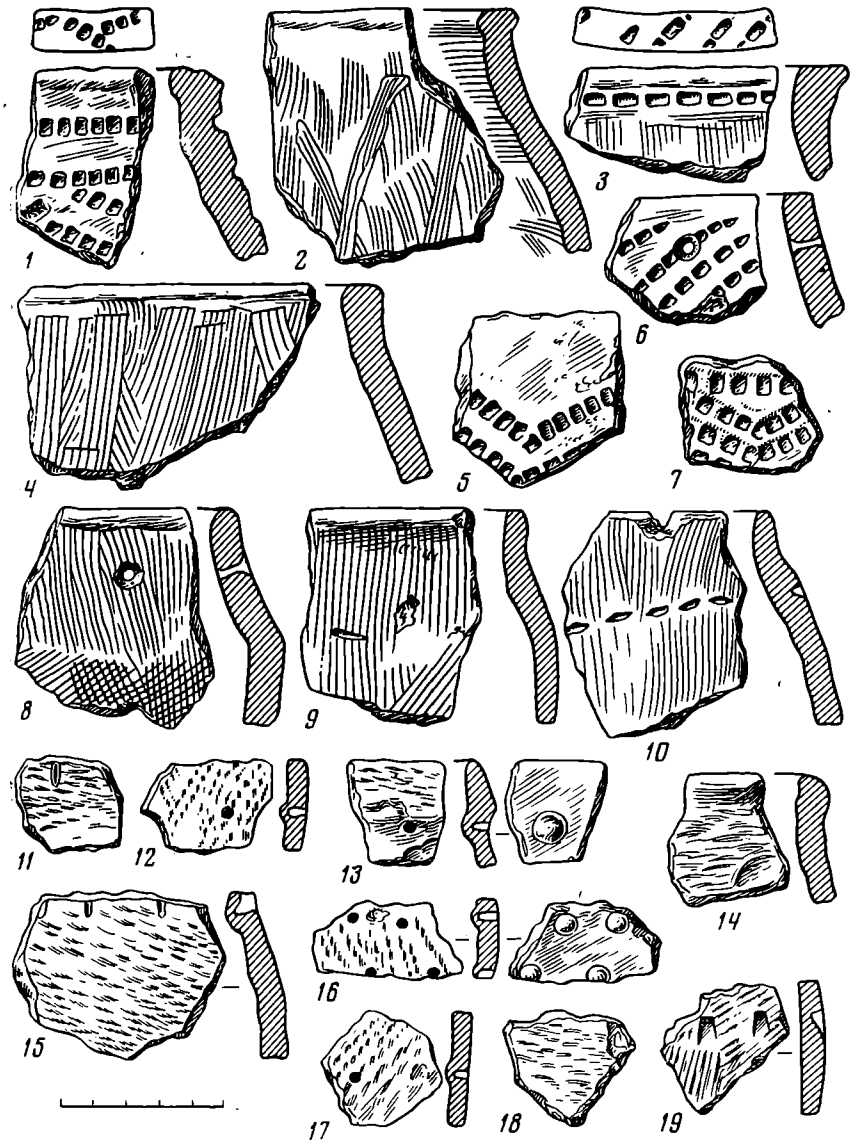


Рис. 5. Керамика эпохи поздней бронзы — раннего железа, предшествовавшая появлению керамики городецких племен на Верхнем Дону. *1—6, 8—19* — Сокольское левобережное селище, «пункт 102»; *7* — Липецкое городище, «пункт 111». (*1—6, 8—10, 12, 16—18* — первый слой; *7, 11, 13—15* — второй слой; *19* — основание слоя)

гожных отпечатков могли служить некоторые разновидности гребёнки с зубцами в виде квадратиков и прямоугольников (3, *9*; 5, *1, 3, 5—7*). Однако против этого говорит обстоятельство, что псевдорогожные отпечатки на посуде являются не орнаментом, а следствием технического приема изготовления посуды, поэтому видеть в срубной орнаментике прототипы городецких отпечатков нет оснований [41].

В связи с вопросом о происхождении и формировании городецкой культуры следует коснуться стратиграфии и вещевого комплекса нескольких

[41] *А. Е. Алихова.* Некоторые древние городища Мордовской АССР, стр. 114—116; *П. Д. Степанов.* Хвалынские городища, стр. 60—68; *В. Г. Миронов.* Хвалынские городища и их роль в истории городецких племен Поволжья. Труды Мордовского НИИЯЛИЭ, 39, 1970, стр. 74—78; *его же.* К вопросу об орнаментике городецкой посуды. Уч. зап. Петрозаводского гос. ун-та т. XIX, 4, 1974, стр. 85—95.

памятников, раскопанных в бассейне Дона Верхне-Донской и другими экспедициями.

Так, при раскопках городища Малый Липяг (1966—1967 гг.) у с. Крутогорье стратиграфически прослежена непрерывная эволюция керамики от сосудов с широко раскрытым венчиком с насечкой на обрезе его, глубокой округлой шейкой и своеобразным «переломом» в виде уголка изнутри сосуда у основания горла — к более поздним типам. Упомянутая деталь в формовке сосуда заставляет вспомнить аналогичные приемы лепки сосу-

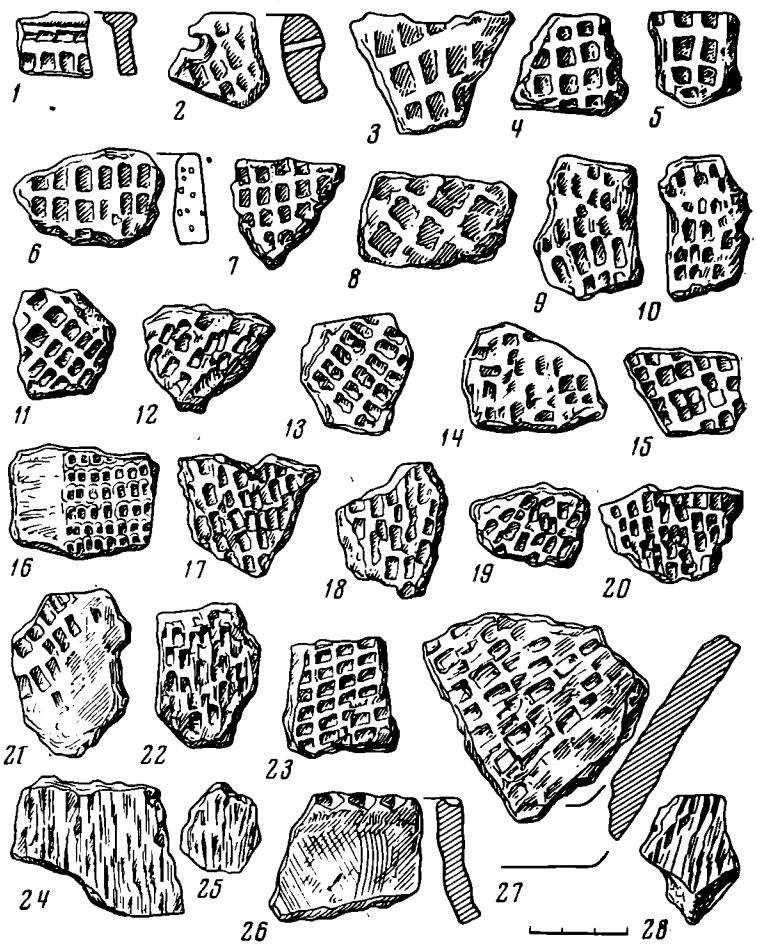


Рис. 6. «Текстильная» и «рогожная» керамика памятников Верхнего Дона. *1, 18* — Сокольское городище; *2, 6, 12, 13, 21, 22, 24—28* — Ново-Никольский могильник сарматского времени (*2* — в насыпи кургана № 11; *6* — в насыпи кургана № 1; *12* — в насыпи кургана № 22; *13* — в насыпи кургана № 11; *21, 22, 27* — средний слой кургана № 12; *24—26, 28* — нижний слой кургана № 12); *3, 5* — Новая Жизнь, верхний слой селища; *4* — Ярлуковская Протока, верхний слой селища; *7, 15, 23* — Липецкое городище; *8—10* — Гудовское городище; *11* — селище в устье р. Матыры, «пункт 198»; *14* — селище в урочище Калачик; *16, 17* — Воргольское городище; *19, 20* — городище Малый Липяг, верхний слой

дов эпохи энеолита и ранней бронзы из поселений Михайловка II на Нижнем Днепре, Репин Хутор на Среднем Дону, Отрожка (верхний горизонт) на границе Верхнего Подонья и др.[42] В качестве ближайшего прототипа описываемой керамики из нижнего горизонта городища Малый Липяг можно указать на энеолитические сосуды, восходящие к культуре Сред-

[42] *В. П. Левенок.* Исследование неолита на Дону. АО—1966, М., 1967, стр. 29.

ний Стог II, из соседнего и более раннего городища Большой Липяг[43]. Таким образом, древнейшей керамикой городища Малый Липяг является малочисленная и уже исчезающая здесь пережиточно-среднестоговская керамика, типа репинской или Большого Липяга.

В среднем горизонте культурного слоя городища Малый Липяг преобладает уже «текстильная» или «шпагатная» керамика (4, *8—10*), а в верхнем — обломки более тонкостенных сосудов, с примесью измельченного

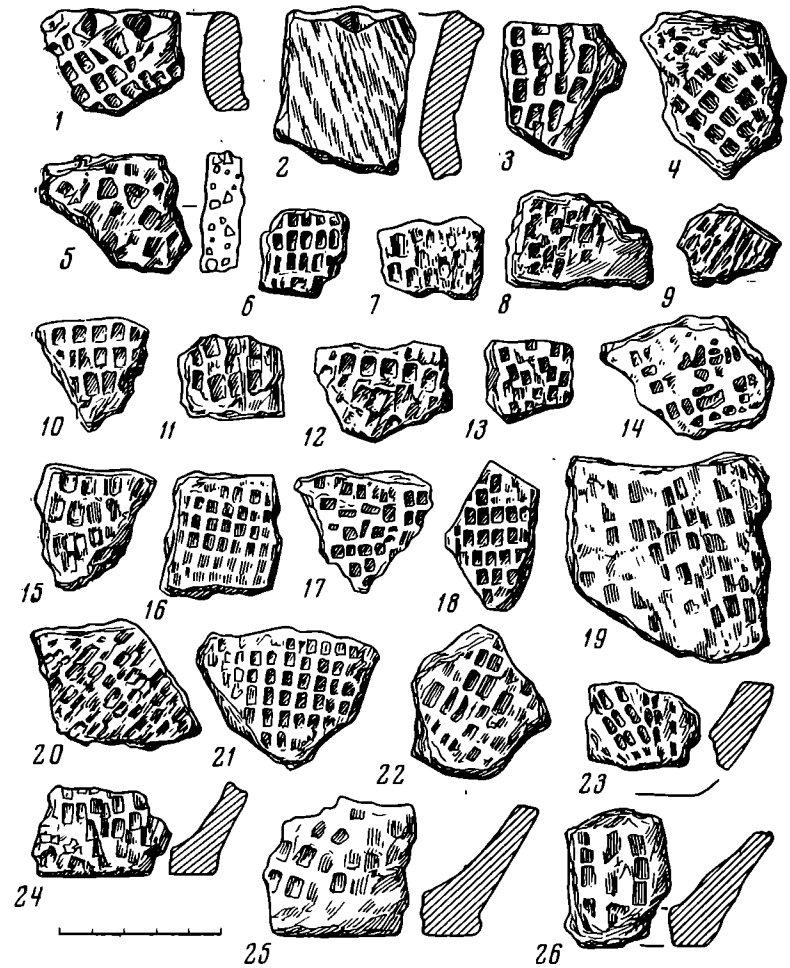


Рис. 7. «Текстильная» и «рогожная» керамика памятников Верхнего Дона. *1, 14* — Староторбеевский Мост, селище; *2, 7—9* — Рыбное Озеро I, верхний слой селища; *3, 23* — Рыбное Озеро II, верхний слой селища; *4* — Бор, селище; *5* — Сокольское городище; *6, 11, 15, 20, 21, 25* — Стоянка Поплавского, селище; *10, 16—18, 24* — Озеро Богородицкое, селище; *12* — Мелкий Брод, селище; *13* — Покрово-Казацкая Слобода, селище; *19* — Богородицкое Поле, селище; *22, 26* — Стоянка Поплавского II, селище

известняка в керамическом тесте, с прямыми венчиками (4, *1, 2, 6, 12*), без орнамента или же с оттисками «рогожного» штампа (6, *19*, *20*; 8, *9*, *12*). Наряду с этой посудой можно упомянуть обломки многочисленных глиняных сковородок (4, *14—18*) и горшков с пальцевыми вдавлениями на обрезе венчика (4, *3*, *7*), аналогичных выделенной П. Д. Либеровым и А. И. Пузиковой керамике среднедонских племен раннего железного века[44].

---

[43] *В. П. Левенок.* Исследования в зоне Липецкого моря. АО—1967, М., 1968, стр. 33.

[44] *П. Д. Либеров.* Памятники скифского времени на Среднем Дону. САИ, Д 1—31, М., 1965; *его же.* Древняя история населения Подонья. Автореф. докт. дис. М., 1971, стр. 37—39; *А. И. Пузикова.* Поселения Среднего Дона. МИА, 151, 1969, стр. 50—66.

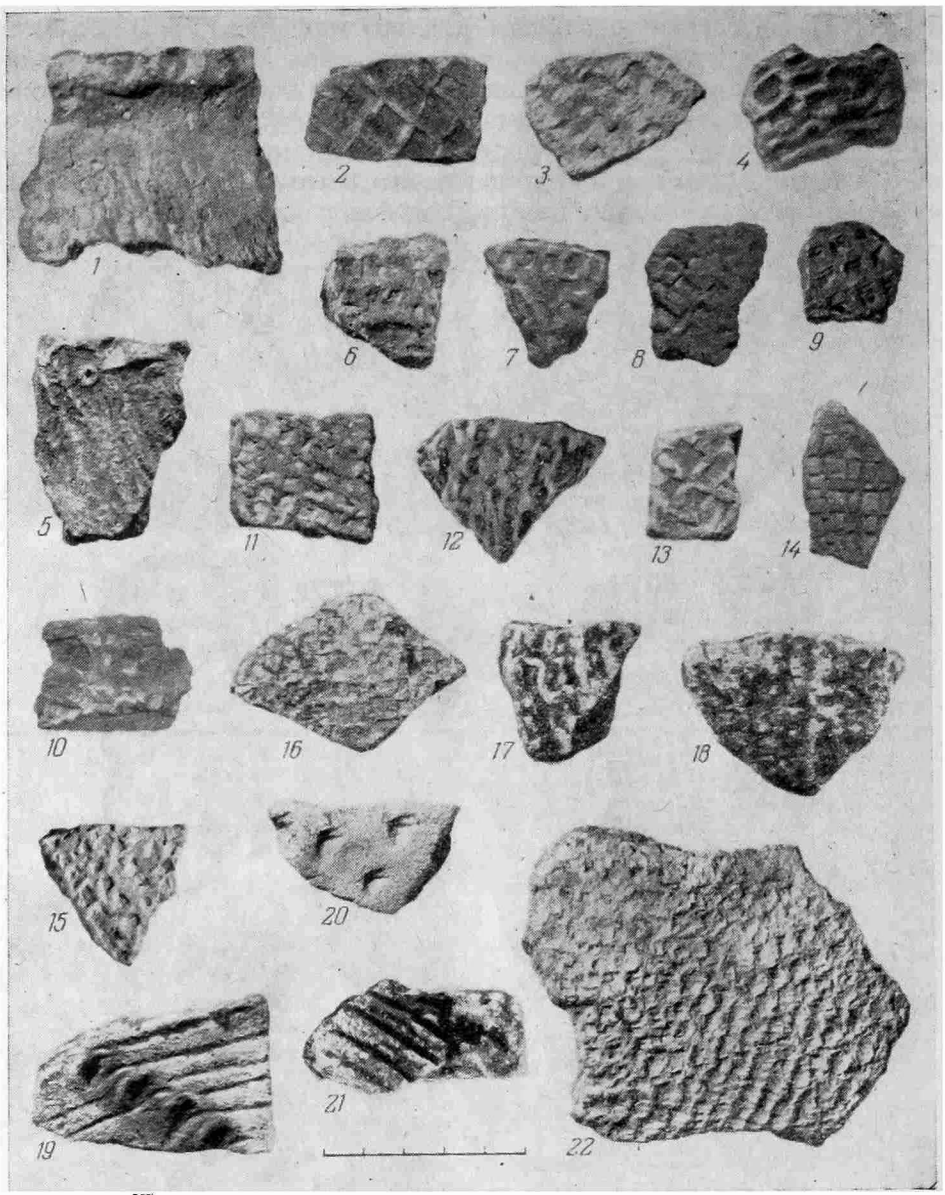


Рис. 8. Керамика конца эпохи бронзы и «текстильная» и «рогожная» городецкого типа с памятников Верхнего Подонья: *1* — Большой Мечик, селище; *2, 4, 13* — Гудовское городище; *3* — Ново-Никольский могильник, в насыпи кургана № 22; *5* — там же, в насыпи кургана № 34; *6* — Ярлуковская Протока, верхний слой селища; *7, 11, 14* — Озеро Богородицкое, селище; *8* — Мелкий Брод, селище; *9, 12* — Малый Липяг, верхний слой городища; *10, 16—18* — Стоянка Поплавского I, верхний слой селища; *15* — Погоново Озеро, «пункт 4»; *22* — Казацкая Сторона, селище

Другим важным в стратиграфическом отношении памятником является Ново-Никольский могильник сарматского времени[45]. Северо-западная граница (окраина) могильника совпадает с бывшим здесь ранее городецким селищем. В насыпях курганов № 1, 11, 22, 34 и др. найдена «шпагатная» и псевдорогожная керамика (6, *2*, *12*, *13*, *21*, *22*; 8, *3*, *5*), но наиболее интересным в отношении стратиграфии оказался удлиненный, стоящий

[45] *Р. Ф. Воронина.* Памятники раннего железного века в Липецкой области. АО—1971, М., 1972, стр. 85; *В. П. Левенок.* Ново-Никольский могильник сарматского времени на Верхнем Дону. КСИА АН СССР, 133, 1973, стр. 86—93.

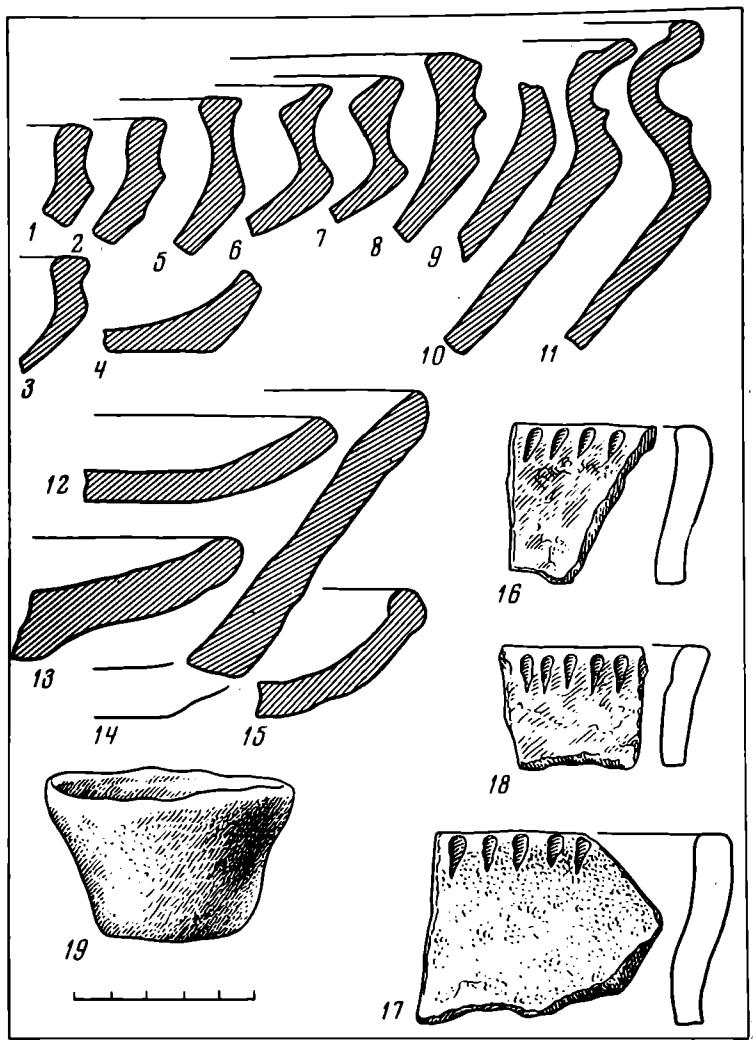



Рис. 9. Керамика «кургана № 12» Ново-Никольского могильника сарматского времени. *1—11* — фрагменты лощеных мисок; *12—15* — фрагменты мисок без лощения; *16—18* — фрагменты сосудов с насечкой по обрезу венчика; *19* — лепной сосудик (*1—4, 19* — верхний слой; *5—18* — средний слой)

в стороне от могильника «курган № 12», являющийся не погребальным сооружением, а загадочной насыпью культурного слоя, представляющей, видимо, остатки жилого или культового сооружения. При раскопках этой насыпи был вскрыт культурный слой, в основании которого залегал глинобитный пол какого-то сооружения. В нижнем горизонте культурного слоя преобладали обломки уже знакомых по предыдущему памятнику плоскодонных горшков с отогнутым наружу венчиком, с насечкой по его обрезу, с еще сохраняющимся в ряде случаев «переломом» изнутри у основания шейки сосуда, увенчанного воронкообразным отворотом венчика (рис. 9, *16—18*). Здесь же встречались черепки сосудов с так называемыми шпагатными отпечатками (6, *24*, *25*, *28*). В верхнем горизонте «кургана № 12» преобладала сарматская керамика, представленная небольшими груболепными горшками без орнамента (9, *19*) и ребристыми лощеными мисками (9, *1—15*). На основании находки в этом же слое крутопрофилированной бронзовой арбалетовидной фибулы римского типа этот слой да-

тируется I—III вв. н. э.[46] Поскольку «курган № 12» представляет собой удаленную на 40—50 *м* от могильника небольшую по площади «подушку» культурного слоя, можно полагать, что составляющие его слои и заключенные в них материалы имеют связи между собой и не очень оторваны друг от друга во времени.

Некоторые сведения о племенах, являвшихся возможным этническим субстратом в оформлении городецкой культуры на Дону, или же о соседях протогородецких племен, дают и другие памятники Верхнего Подонья. Так, на пойменном поселении Стоянка Поплавского наблюдалась стратиграфия, весьма близкая уже отмеченной на городище Малый Липяг. Здесь в нижнем слое преобладала древнеямная керамика, типологически сближающаяся с хорошо известной в Подонье пережиточно-среднестоговской керамикой репинско-липягского типа (8, *19—21*). Непосредственно на этом слое залегал верхний горизонт чернозема, изобиловавший псевдорогожной керамикой (7, *6*, *11*, *15*, *20—22*, *25*, *26*; 8, *10*, *16—18*). На пойменном поселении в устье р. Матыры в нижнем горизонте культурного слоя залегала керамика эпохи поздней бронзы, а также «текстильная» и «шпагатная» (4, *20*), а в верхнем псевдорогожная городецкая (6, *11*). При раскопках пойменных неолитических стоянок, в их верхних горизонтах «текстильная» и псевдорогожная городецкая керамика залегают сверху горизонта с репинско-липягской (рис. 6, *3—5*; 7, *1—3*, *7—9*, *14*, *23*; 8, *6*).

Как уже отмечалось, находки городецкой керамики в Верхнем Подонье связываются с городищами и селищами коренных (6, *1,7—10*, *15—18*, *23*; 7, *5*, *13*, *19*; 8, *1*, *2*, *4*, *13*, *22*) и боровых террас (7, *4*, *12*; 8, *8*), известны и с поселений в речных поймах (7, *10*, *16—18*, *24*; 8, *7*, *11*, *14*).

6. На основании накопленных коллекций можно дать предварительную общую характеристику городецкой керамики Верхнего и Среднего Подонья.

Глиняная посуда городецких поселений на Дону по своему ассортименту очень небогата. Это средние по размеру сосуды баночной или горшковидной формы с широкими плоскими днищами. Стенки сосудов выпуклые: у горшковидных в большей степени, у баночных в меньшей. Обрез венчика древнейших сосудов прямой, поздних — с хорошо выраженной шейкой — варьирует от округлого (2, *1*; 4, *1*, *2*; 7, *1*) до уплощенного (2, *2*; 4, *7*, *12*; 7, *2*). Характерное для других городецких районов Т-образное уплощение обреза венчика (6, *1*) для донской городецкой посуды почти несвойственно. Здесь чаще практиковалось валикообразное утолщение венчика с явным стремлением вывести этот валик на наружную сторону венчика (3, *5*; 6, *2*; 8, *1*). Угловатые и «ломаные» венчики больше свойственны для ранней (пред- или догородецкой) посуды (рис. 3, *2*, *3*; 4, *4*, *5*, *11*, *13*; 7, *2*).

Формы и типология городецкой керамики на Дону указывают на внешние влияния в сложении формы сосудов. Из наиболее заметных можно указать на влияние позднесрубных традиций, выражающихся в сложении баночных и реже биконических форм посуды (рис. 4, *8*). Репинско-липягское и позднее абашевское воздействие сказывалось в воронковидности венчиков и общей шлемовидности формы сосудов, в обоих случаях дающее уже упоминавшийся «перелом» у основания венчика (3, *2*, *3*; 4, *4*, *5*, *11*, *13*; 7, *2*).

Таким образом, самая ранняя керамика донских племен городецкой культуры показывает, что они испытывали значительное культурное влияние со стороны племен эпохи бронзы, по-видимому, восходящее к энеолиту. Вместе с тем городецкие племена позднее испытали достаточно сильное воздействие керамических традиций среднедонских скифоидных племен.

---

[46] Арбалетовидные фибулы упомянутого типа датируются по А. К. Амброзу I в. н. э. (См. *А. К. Амброз*. Фибулы Юга Европейской части СССР (II в. до н. э.— IV в. н. э.).— САИ, Д 1—30. М., 1966, табл. 16, второй ряд снизу; *В. П. Левенок*. Ново-Никольский могильник, стр. 88, рис. 36, *1—6*), а по *М. А. Тихановой* — II—III вв. н. э.

Оно проявляется в наличии сквозных проколов под венчиками сосудов и пальцевых вдавлений и защипов по венчику (рис. 2, *1;* 3, *2, 3;* 5, *8;* 4, *3, 7, 8*; 6, *2, 26*; 7, *1, 2*; 8, *1, 5*). А. И. Пузикова правильно ставит вопрос о смешанном характере культуры среднедонских племен, если под этим понимается смешение их с городецким населением [47].

Керамика самых поздних слоев показывает резкое усиление сарматских и протоборшевских влияний. Первые из них прослеживаются в глиняных

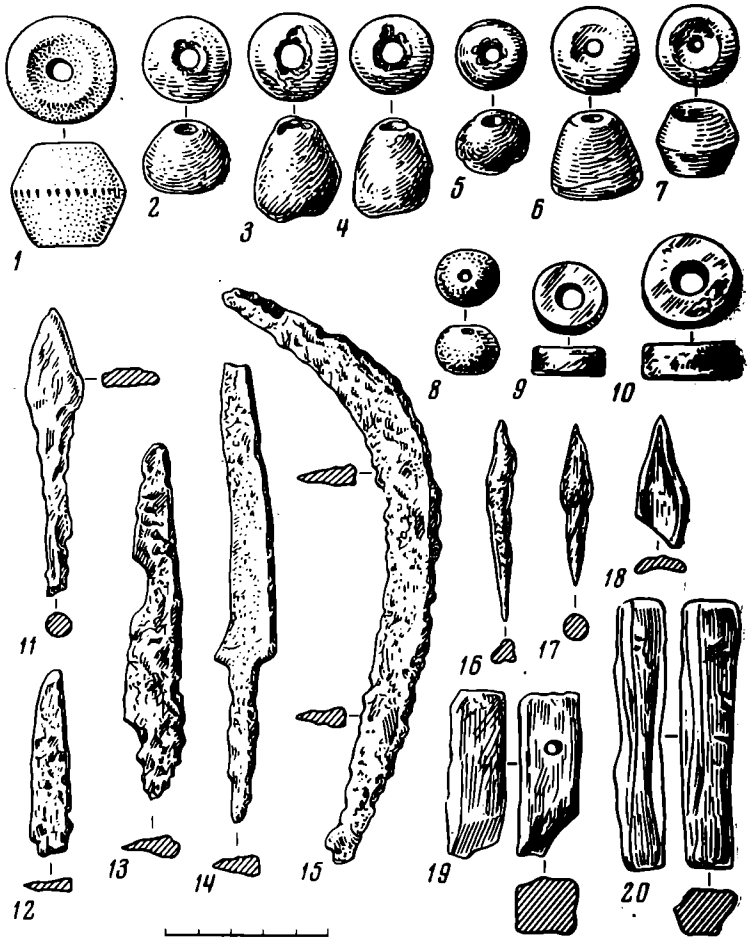


Рис. 10. Глиняные, костяные, каменные и железные изделия с памятников с городецкой керамикой Верхнего и Среднего Подонья. *1, 7, 8* — городище Малый Липяг (*1, 8* — второй слой; *7* — первый слой); *2—5, 9, 10, 13, 18—20* — Ново-Никольский могильник сарматского времени (*2—5, 19* — средний слой кургана 12; *9, 10, 20* — верхний слой кургана 12; *13* — в насыпи кургана 22, вместе с «рогожной» керамикой; *18* — в насыпи кургана 1, вместе с «рогожной» керамикой); *6* — Гудовское городище; *11* — Перехвальское I городище; *12, 16* — Воргольское городище; *15* — Рыбное Озеро II, селище; *17* — Урочище Горенка, селище на окраине Ново-Никольского могильника сарматского времени

мисках и малых сосудиках (9, *12—15*), вторые в появлении глиняных (хлебопекарных ?) сковородок (5, *14—18*) и трудноотличимых от скифоидных все тех же пальцевых вдавлений на венчиках сосудов. «Текстильная» и псевдорогожная керамика в это время практически исчезает.

7. Изделия из глины представлены на городецких поселениях разнообразными грузиками (рис. 10, *2—5*), пряслицами (10, *1, 7, 9, 10*), и, возмож-

[47] *А. И. Пузикова.* Культура оседлых племен правобережья Среднего Дона в скифское время. Автореф. канд. дисс. М., 1971.

но, бусами (10, *8*). Наиболее древние из этих вещей имеют шаровидные (10, *2*, *5*) или усеченно-конические (10, *3*, *4*, *6*) формы; более поздние — зонных форм (10, *9*, *10*), а самые поздние — биконические (10, *1*, 7).

К каменным изделиям относятся точильные бруски (10, *19*, *20*). Из костяных предметов имеется жало стрелы или острие кочедыка (?) (10, *18*). Изделия из железа представлены наконечниками стрелок (10, *16*, *17*) и дротиков (10, *11*), ножами (10, *12—14*) и горбатым серпом (10, *15*). Все перечисленные находки имеют широкие аналогии как в инвентаре городецких памятников других районов [48], так и в инвентаре скифоидных племен раннего железного века Подонья [49].

Вот то немногое, что в настоящее время можно сказать о новом — донском — районе городецкой культуры и его памятниках. Ввиду того, что в нашем распоряжении пока нет прямых датирующих материалов, вопрос о хронологии памятников не может быть решен; еще не могут быть решены — поскольку изучение городецких поселений на Дону только начато — и такие вопросы, как хозяйство городецких племен, их быт, идеология и т. п. Можно надеяться, что дальнейшие более углубленные исследования донских городецких памятников дадут более полное и разностороннее представление об этой культуре на рассматриваемой территории.

*V. P. Levenok, V. G. Mironov*

## UNE NOUVELLE REGION DE LA CULTURE DE GORODETZK SUR LE DON

Résumé

Dès les années 30 on connaissait quelques monuments renfermant des poteries de Gorodetzk, mais les savants ne les rattachaient pas à la culture de Gorodetzk, vu leur grand éloignement de l'aire principale des oppidums et des localités de Gorodetzk, et le caractère fragmentaire de leur matériel. Au cours de ces derniers 15 ans, dans le bassin du Don, on a mis au jour plus de 70 goroditchés (camps fortifiés) et villages sans ouvrages défensifs, contenant une céramique à décor par impression et une céramique dite «à natte», ce qui est l'indice ethnoculturel des tribus de Gorodetzk du début de l'Age du Fer. Une partie des monuments a été dégagée: leur nombre en est si important qu'on peut soulever la question d'une nouvelle zone de diffusion de la culture de Gorodetzk. Son rapport avec le reste du territoire de Gorodetzk ne fait aucun doute. La limite de l'aire de peuplement des tribus de Gorodetzk se déplace sensiblement vers l'ouest et le sud — ouest. Parmi les plus remarquables particularités des monuments de la région du Don, on doit noter la prédominance des villages sur les goroditchés, et le caractère mixte de l'ensemble mobilier et céramique qui reflète la grande action exercée sur les tribus de Gorodetzk par la culture matérielle de tribus scythes du Don moyen, au début de l'Age du Fer. L'origine et la chronologie des monuments, le caractère de l'économie et de la vie courante des tribus de Gorodetzk le long du Don réclament des études complémentaires, car on commence seulement à s'intéresser aux monuments des tribus de Gorodetzk dans cette région.

---

[48] *А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова.* Городецкая культура, табл. 5, *2*, *9*, *19*, *20*; 12, *26*; 13, *10*, *14*, *20*; 14, *5*, *6*, *20*, *23*; 15, *12*, *13*.

[49] *А. И. Пузикова.* Поселения Среднего Дона, рис. 15, 16, 17, 18.

А. Е. ЛЕОНТЬЕВ

# КЛАССИФИКАЦИЯ НОЖЕЙ САРСКОГО ГОРОДИЩА

Ножи — одна из наиболее распространенных категорий археологических находок в средневековых памятниках. Именно в силу своей распространенности как универсального орудия массовые находки ножей могут служить в некоторых случаях источником не только для исследования древней техники металлообработки, но и для решения отдельных исторических вопросов.

В статье изложены итоги опыта классификации ножей Сарского городища, поселения VIII — начала XI в. н. э., расположенного близ Ростова Великого и принадлежавшего летописному племени меря. Орудия классифицированы исходя из их формы, с проверкой полученных результатов данными металлографического анализа. Подобный комплексный метод успешно применен Б. А. Колчиным при составлении классификации новгородских орудий [1], а также К. А. Смирновым и Г. А. Вознесенской при обработке коллекции Троицкого городища [2]. В обоих случаях исследователям удалось проследить прямую связь между формой ножа и техникой его изготовления при непосредственной хронологической и генетической преемственности выделенных типов. Из-за неизученности стратиграфии памятника на Сарском городище невозможно проследить детально развитие отдельных форм, но материалы дают интересный пример использования жителями поселения орудий, сделанных в разных традициях.

Всего в коллекции насчитывается 178 ножей [3]. Из них 153 по внешним признакам могут быть отнесены к древностям VIII — начала XI в. Остальные либо неопределимы из-за плохой сохранности, либо относятся к более позднему времени, когда интересующее нас поселение уже перестало существовать. Критерии отличия ножей XII и последующих веков от более ранних разработаны Б. А. Колчиным [4]. Их правильность подтверждена другими исследованиями [5].

Все ножи Сарского городища могут быть разделены на три отдела. За исходный признак принимается относительное положение черешка и спин-

---

[1] *Б. А. Колчин.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. Труды Новгородской археологической экспедиции, т. II. МИА, 65, 1959, стр. 48—58.

[2] *К. А. Смирнов.* Железные изделия Троицкого городища. Древнее поселение в Подмосковье. МИА, 156, 1970, стр. 174—176; *Г. А. Вознесенская,* Металлографическое исследование кузнечных изделий Троицкого городища. Там же, стр. 192—196.

[3] Материалы хранятся в Ростовском и Ярославском музеях, ГИМе и Гос. Эрмитаже.

[4] *Б. А. Колчин.* Ук. соч., стр. 48—51, рис. 34, *Б.*

[5] *Л. А. Голубева.* Весь и славяне на Белом озере. X—XIII вв., М., 1973, стр. 124; *С. И. Кочкуркина.* Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973, стр. 46; *Г. А. Вознесенская.* Стальные ножи древнего Любеча. КСИА АН СССР, 104, 1965, стр. 148, 149, рис. 54; *Л. С. Хомутова.* Техника кузнечного ремесла в древнерусском городе Серенске. СА, 1973, 2, стр. 217—219.

ки клинка и способ их соединения[6]. Первый отдел объединяет ножи, у которых черешок продолжает линию обушка (спинки) (рис. 1, *1—5*), второй — с черешком, расположенным ниже обушка и уступом между ними (рис. 1, *6*, *7*). В третий отдел выделены ножи с плавным переходом от спинки к низкому черешку (рис. 1, *8*). Как показывает анализ, такое разделение на отделы в целом соответствует действительно существовавшим разновидностям ножей.

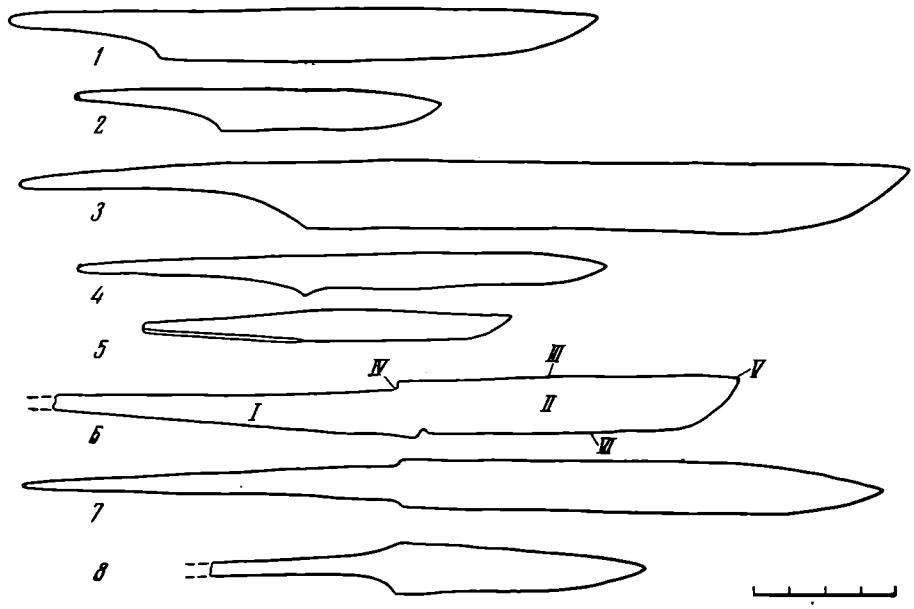



Рис. 1. Силуэты ножей разных типов из коллекции Сарского городища. *1—5* – Отдел I, *1* – тип 1, вид 1; *2* – тип 1, вид 2; *3* – тип 1, вид 3; *4* – тип 1, вид 4; *5* — тип 2. *6—7* — Отдел II, *6* — тип 1; *7* — тип 2. *8* — Отдел III, тип 1. На примере № 6 указаны части ножей, упомянутые в тексте: I — черешок, II — клинок, III — обушок (спинка), IV — уступ, V — острие, VI — лезвие

**Отдел I.** Включает ножи двух типов. Типы выделяются по пропорциональному соотношению частей орудия.

Тип 1 (рис. 1, *1—4*; рис. 2, *1, 4*). Наиболее распространенный. Известно 82 экз. Ножи с коротким, чаще всего скругленным на конце черешком. Спинка прямая, иногда плавно приспущена к острию. По своим размерам и некоторым деталям орудия этого типа делятся на четыре вида.

Вид 1 (рис. 1, *1*). Самый массовый (60 экз.). В нем наиболее четко выражены характерные черты типа, указанные выше. Размеры ножей от 12 до 21 *см*.

Вид 2 (рис. 1, *2*). Отличается от предыдущего меньшими размерами и несколько иными пропорциями — большей относительной длиной черешка (18 экз.).

Вид 3 (рис. 1, *3*; 2, *1*). Крупные, размером 21—25 *см* ножи с расширенным к острию клинком. У двух ножей отмечено также утолщение спинки около острия. Толщина обушка у ножей этого вида достигает 0,6 *см*, в то время как у остальных разновидностей доходит лишь до 0,4 *см* (4 экз.).

Вид 4 (рис. 1, *4*). При одинаковых с видом 1 размерах отличается более вытянутым относительно всей длины орудия узким черешком. Сработанностью лезвия это объяснить нельзя, так как известны образцы хорошей сохранности (4 экз.).

---

[6] На основании этого признака две группы ножей выделял Д. Н. Эдинг, *Д. Н. Эдинг.* Сарское городище. Ростов-Ярославский, 1928, стр. 42.

Тип 2 (рис. 1, *5*). Единственный экземпляр. Лезвие плавно переходит в широкий, тупой на конце черешок. Уступа между двумя частями орудия нет ни со стороны спинки, ни со стороны режущей кромки, что нельзя объяснить сработанностью лезвия, так как исследование структуры ножа подтвердило полную сохранность клинка. Общая длина ножа 10,2 *см*. На первый взгляд он напоминает незаконченный образец типа 1 (вид 2),

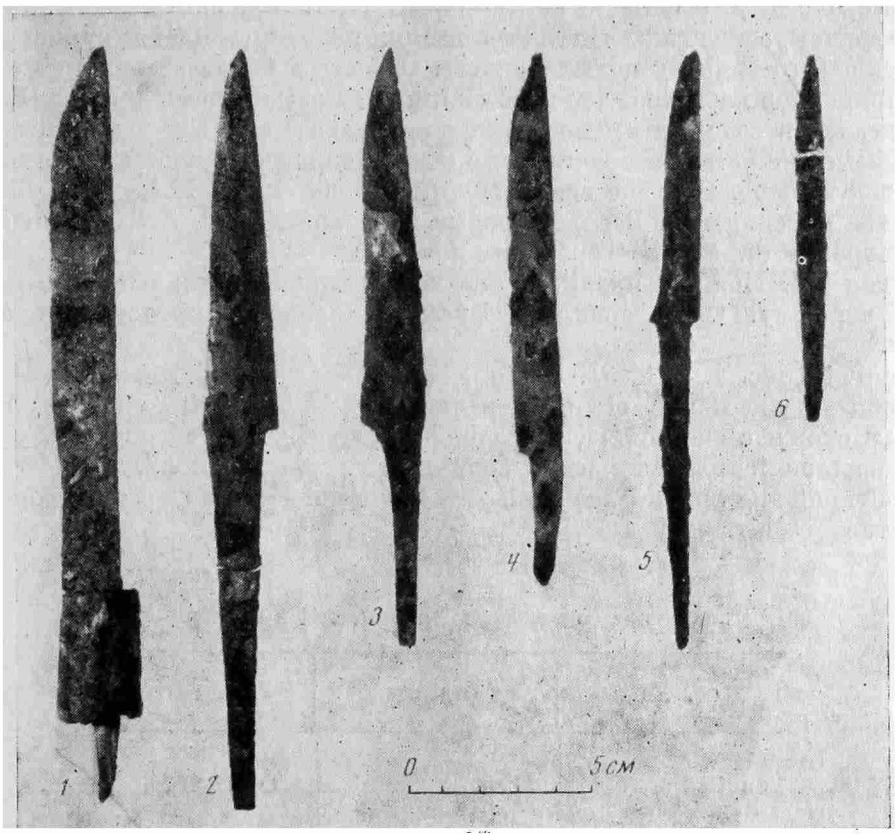



Рис. 2. Ножи с исследованной структурой клинка (в скобках указан номер анализа Лаборатории структурного анализа кафедры археологии МГУ). *1* — тип I, 1, вид 3 (ан. 403); *2* — тип II, 1 (ан. 408); *3* — тип III, 1 (ан. 409); *4* — тип I, 1, вид 1 (ан. 407); *5* — тип II, 2 (ан. 404); *6* — тип I, 2 (ан. 410)

однако данные металлографического анализа подтверждают самостоятельность формы.

**Отдел II.** Ножи с черешком, расположенным ниже обушка и уступом между ними. Включает два типа.

Тип 1 (рис. 1, *6*; 2, *2*). Всего 4 экз. Отличается «угловатостью» силуэта. Переход от клинка к черешку резко акцентирован: линия уступа перпендикулярна последнему. Спинка ножа прямая, обычно скошена к острию. Все сарские экземпляры, равно как и большинство аналогий из других памятников, имеют характерный массивный черешок. Если у ножей II отдела типа 2 ширина основания черешка колеблется в пределах от 0,6 до 1,1 *см* (большинство в рамках 0,7—0,9 *см*), то у типа II, 1 оно составляет 1,3—1,6[7]. Как особую форму, такие ножи выделяла Я. В. Станкевич, отме-

[7] Помимо ножей Сарского городища промерено 300 экз. типа II, 2 из других памятников, а также все известные аналогии типа II, 1. Здесь и далее в тексте форма (тип) ножа указывается следующим образом: римская цифра обозначает отдел, арабская — тип.

чая их расширенную среднюю часть [8]. Видимо, за этим типом можно закрепить предложенное Я. В. Станкевич название «широкосерединные», как отражающее основной признак формы. По характеру соединения черешка с лезвием (уступ образует прямой угол) ножи типа II, 1 сходны с поздними, бытующими с XII в. орудиями, однако последние отличаются иными пропорциями: короткой тыльной частью и широким тонким клинком.

Тип 2 (рис. 1, *7*; 2, *5*) 58 экз. Уступ у ножей этого типа мельче, не всегда столь ярко выражен, как у формы II, 1. Черешок длинный, узкий, симметричен оси ножа. Спинка прямая, на конце плавно приспущена к острию (это видно у целых ножей). Обычно в качестве одного из ведущих признаков называют толстую спинку ножа (доходит до 0,67 *см*), из-за чего лезвие в сечении имело клинообразную форму. Это может служить хорошим отличием при сравнении с более поздними орудиями, когда клинок стал тоньше. В то же время обушки ножей типов I, 1 и II, 1 бывают не менее массивными. В целом форма II, 2 описана Б. А. Колчиным при рассмотрении ранних новгородских ножей [9].

**Отдел III.** Ножи с плавным переходом от спинки к расположенному ниже черешку. В материалах Сарского городища представлен одним типом.

Тип 1 (рис. 1, *8*; 2, *3*). Всего 4 экз. Кроме основного признака — отсутствия уступа между обушком и черешком — ножи типа III, 1 по всем данным схожи с формой II, 2. Разновидностью является образец, у которого черешок находится выше осевой линии клинка (рис. 2, *3*).

Соотношение орудий различных типов в коллекции Сарского городища представлено в табл. 1

*Таблица 1*

**Процентное содержание типов ножей в коллекции**

| Отдел I | | Отдел II | | Отдел III | |
|---|---|---|---|---|---|
| Тип 1 | | Тип 1 | 2,6 | Тип 1 | 2,6 |
| Вид 1 | 39,2 | Тип 2 | 37,9 | | |
| » 2 | 11,8 | Всего | 40,5 | | |
| » 3 | 2,6 | | | | |
| » 4 | 2,6 | | | | |
| Всего | 56,2 | | | | |
| Тип 2 | 0,7 | | | | |
| Всего | 56,9 | | | | |
| Итого | | | 100% | | |

Как следует из таблицы, ведущими являются формы I, 1 и II, 2.

Неслучайность выделения основных типов подтверждается исследованием пропорций орудий при учете всей совокупности материала. Для 1 типа I отдела (1—3 виды) свойствен короткий черешок (менее половины длины клинка), для всех типов II и III отделов — длинный (более половины длины клинка) [10]. Это заключение позволяет сделать вывод, что ножам каждой из отмеченных групп соответствует особая, лишь им присущая традиция закрепления орудия в рукояти: в первом случае (отдел I) она

---

[8] *Я. В. Станкевич.* Керамика нижнего слоя Старой Ладоги. СА, XIV, 1953, стр. 200, 201, рис. 5, *3*.

[9] *Б. А. Колчин.* Железообрабатывающее ремесло..., стр. 48.

[10] Проверка этого наблюдения путем вычисления коэффициента связи ($Q$) указанного признака с формой ножа подтвердила сделанный вывод. $Q=0{,}9$, что указывает на тесную, хорошо прослеживающуюся связь. Отклонение от общих норм зафиксировано лишь у ножей 2 вида типа I, 1, у которых при их небольших размерах более короткий черешок не дал бы надежного закрепления в рукоятке.

лишь насаживалась на черешок своей передней частью, во втором (II и III отделы) железный стержень проходил ручку насквозь. Очевидно, отмеченные наиболее массовые типы отражают действительное, исторически сложившееся разделение форм [11].

Хорошо сохранившиеся экземпляры типа II, 1 имеют сплющенный, загнутый на конце черешок: он выходил на тыльную сторону рукоятки. У других ножей такого способа закрепления не отмечено.

В настоящее время имеются данные о структурных схемах 20 образцов из коллекции Сарского городища. Четыре анализа проведены и опубликованы Б. А. Колчиным [12]. Серия из 16 орудий исследована Н. В. Рындиной в Лаборатории структурного анализа при кафедре археологии МГУ [13]. Здесь же для сравнения сделан анализ двух топоров-кельтов. Количество данных по структурам ножей разных типов следующее (табл. 2).

*Таблица 2*

**Количество исследованных ножей (по типам)**

| Отдел I | | Отдел II | | Отдел III | |
|---|---|---|---|---|---|
| тип, вид | кол-во | тип | кол-во | тип | кол-во |
| Тип 1 | | Тип 1 | 1 | Тип 1 | 1 |
| Вид 1 | 5 | Тип 2 | 7 | | |
| » 2 | 2 | Всего: | 8 | | |
| » 3 | 2 | | | | |
| » 4 | 1 | | | | |
| Тип 2 | 1 | | | | |
| Всего: | 11 | | | | |
| Итого | 20 | | | | |

Для ножей типа I, 1 характерна отковка клинка из железа со следами естественной неравномерной науглероженности и с содержанием углерода в пределах 0,1—0,45% (7 образцов из 10, анализы Лаборатории МГУ № 399, 400, 402, 407, 411—413; рис. 3, *1—3*). В трех случаях при этом отмечены следы последующей закалки (сорбитообразные и мартенситные структуры. Ножи 1 и 2 видов, ан. № 399, 407, 411, рис. 3, *2*, *3*). Отличаются техникой изготовления ножи вида 3. Клинок одного из них подвергнут поверхностной цементации (ан. 406, рис. 2, *1*; 3, *4*). Зона цементации идет на глубину 0,5 *мм* вдоль всей поверхности лезвия. Структура сталистого слоя — феррит с перлитом. У второго экземпляра этого вида обнаружена клинообразная наварка лезвия. По мнению Б. А. Колчина, мы имеем дело с производственным браком: вместо стали наварено железо [14]. Исследованный образец вида 4 выполнен в непривычной для типа I, 1 технике трехслойной сварки (ан. 403). Работа проведена грубо и неумело: сварочные швы грязные, зоны железа с многочисленными шлаковыми включениями. Структура стальной полосы — феррит с сорбитообразным перлитом

---

[11] Исключение составляет 4 вид типа I, 1. Но, как показал анализ материалов, эта форма хронологически поздняя, производная от вида 1 того же типа. Что касается экземпляра типа I, 2, то он хотя и включен по формальным признакам в I отдел, но по всем данным стоит особняком и с типом 1 генетически не связан.

[12] *Б. А. Колчин.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. МИА, 32, 1953, стр. 222, 226. Типы ножей установлены по опубликованным силуэтам орудий (там же, стр. 73, рис. 34, 47—50).

[13] Искренне благодарю Н. В. Рындину за помощь в работе. Результаты исследования структур хранятся в Лаборатории кафедры археологии МГУ (№ 396—413).

[14] *Б. А. Колчин.* Черная металлургия..., стр. 226.

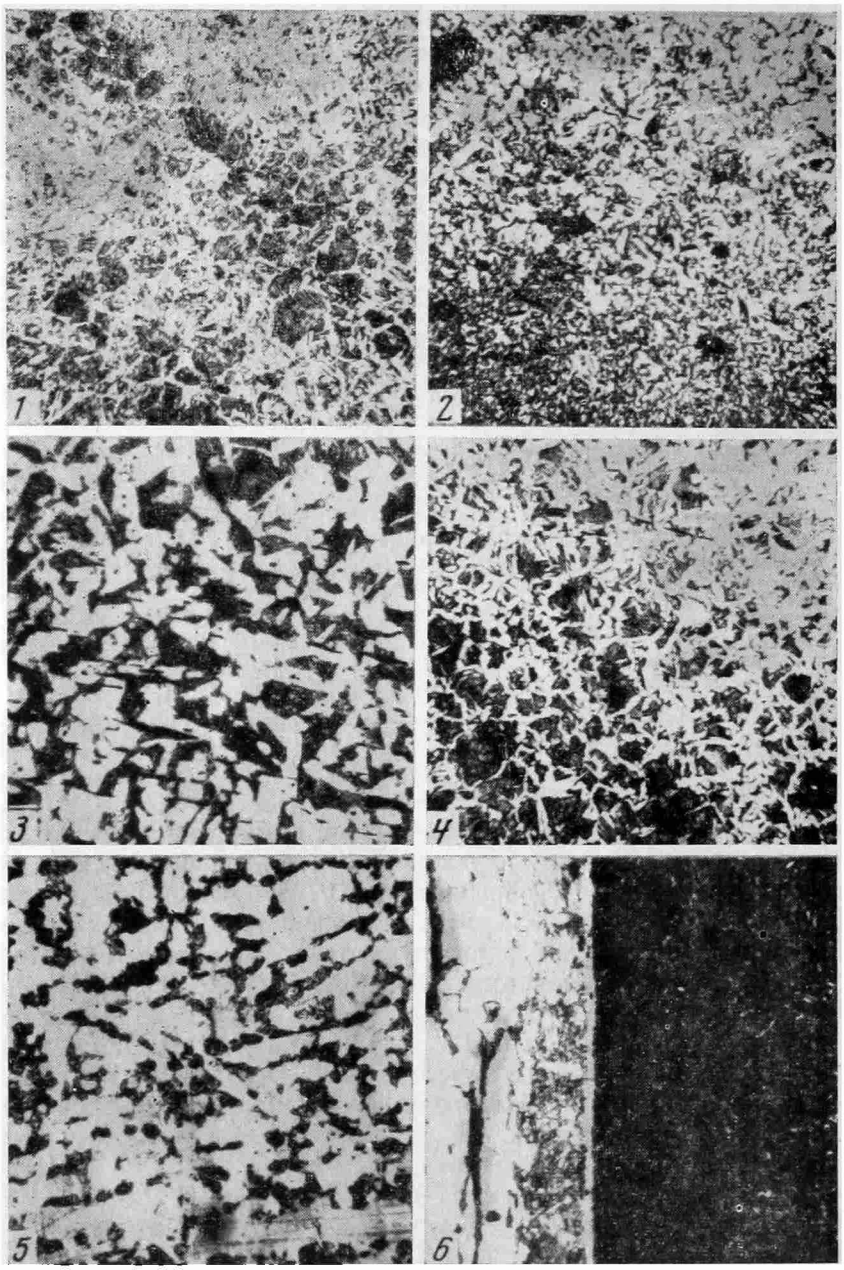


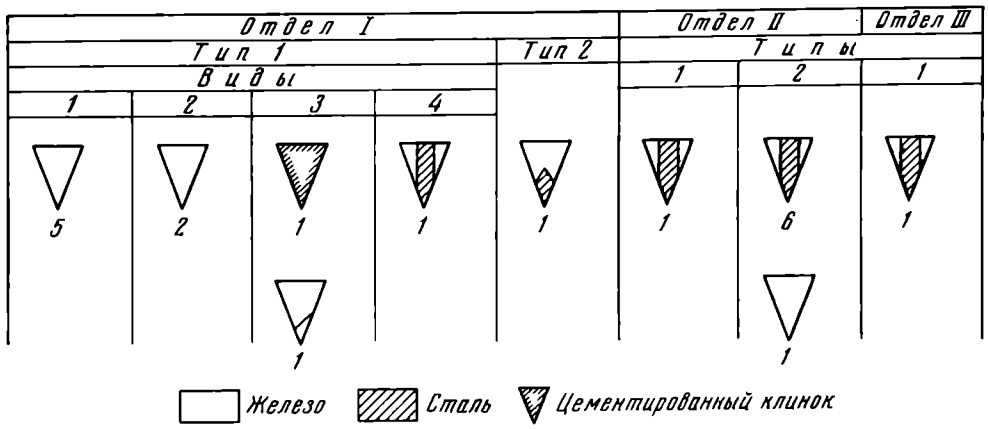

Рис. 3. Микроструктуры ножей Сарского городища: *1* — феррит с перлитом (ан. 402, ув. 120); *2* — феррит с сорбитообразным перлитом (ан. 399, ув. 120); *3* — феррит с сорбитообразным перлитом (ан. 407, ув. 200); *4* — феррит с перлитом (ан. 406, ув. 200); *5* — феррит с сорбитообразным перлитом (ан. 403, ув. 200); *6* — сварочный шов между железом (феррит) и сталью (мартенсит с трооститом). Вдоль шва в ферритной полосе видны диффузионные зоны (ан. 408, ув. 120)

(рис. 3, *5*). Видимо, этот экземпляр следует рассматривать как попытку подражания технике изготовления орудий II отдела.

Нож типа I, 2 выделяется в коллекции не только своей формой, но и структурой клинка (ан. 410). В железную основу клинообразно вварена стальная полоса (феррит с сорбитообразным перлитом), лезвие дополнительно закалено на мартенсит. Кузнечная работа исполнена со знанием дела: сварочные швы чистые, тонкие. Других изделий, выполненных в такой технике, не отмечено (табл. 3).

*Таблица 3*

**Технологические схемы ножей Сарского городища (цифрами указано количество исследованных образцов)**




Проведенный для сравнения металлографический анализ двух сарских топоров-кельтов показал их сходство с ножами типа I, 1. Орудия сделаны из железа с естественной горновой науглероженностью, термической обработке не подвергались (ан. 396, 397, рис. 4, *5*, *6*).

Для ножей II отдела свойственно трехслойное строение клинка: стальная сердцевина с зонами железа по бокам (7 образцов из 8, анализы лаб. МГУ, № 398, 401, 404, 408. Данные о трех ножах опубликованы Б. А. Колчиным) [15]. Шесть из них после изготовления были закалены (пять — на мартенсит, типы 1 и 2, один — на троостит, тип 2; рис. 3, *6*; 4, *1*). Один нож после сварки и ковки термической обработке не подвергался (ан. 401, тип 2, структура стальной полосы — феррит с перлитом; рис. 4, *2*). Исключение представляет образец 2 типа с клинком сплошного строения. Он откован из железа со следами естественной неравномерной науглероженности (ан. 405, рис. 4, *3*).

Образец типа III, 1 также сделан методом трехслойной сварки. При окончательной обработке он закален на сорбит (ан. 409, рис. 4, *4*). По технике исполнения этот нож не уступает лучшим образцам II отдела.

Таким образом, основным формам орудий соответствуют определенные способы изготовления (табл. 3). Цельножелезные клинки обычны для типа I, 1, трехслойные — для II и III отделов. К сожалению, малый объем серии не дает возможности окончательно утвердить это положение; в частности, на основе одного анализа нельзя установить, насколько трехслойная схема клинка распространена у ножей 4 вида типа I, 1 и типа III, 1.

Для Сарского городища орудия типа I, 1, наиболее массовые, безусловно, являются местными по происхождению, мерянскими. Они генетически связаны с «горбатыми» ножами раннего железного века и, как законченная форма, известны из верхних слоев дьяковских городищ [16]. Металлографический анализ ножей с горбатой спинкой Троицкого городища дал структуры, подобные сарским: большинство клинков цельножелезные

[15] Там же, стр. 222, рис. 38, *2*; 154, *3—5*.
[16] *К. А. Смирнов.* Ук. соч., стр. 175.

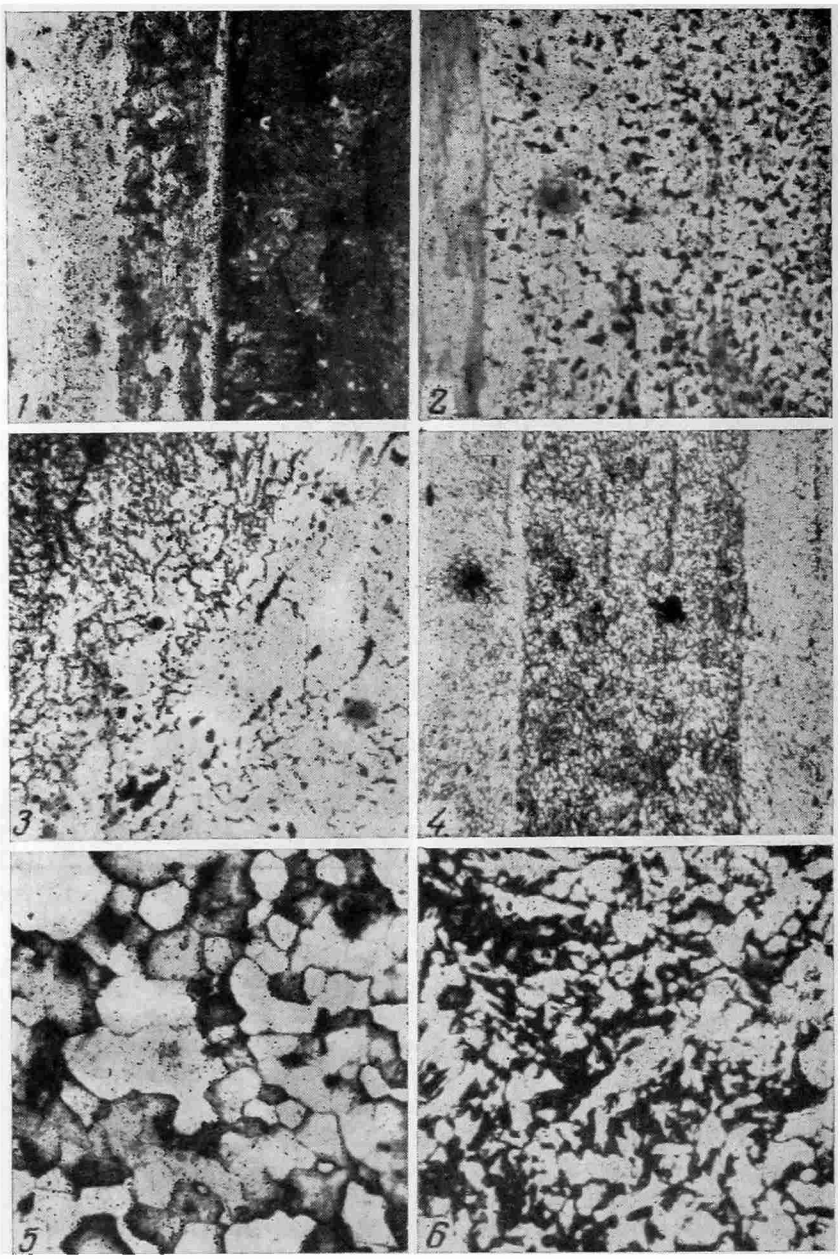


Рис. 4. Микроструктуры ножей и кельтов Сарского городища: *1* — сварочный шов между железом (крупнозернистый феррит) и сталью (мелкоигольчатый мартенсит; ан. 398, ув. 120); *2* — сварочный шов между железом (феррит) и сталью (феррит с перлитом; ан. 401, ув. 120); *3* — феррит с перлитом (ан. 405, ув. 200); *4* — сварочный шов между железом (феррит) и сталью (сорбит; ан. 409, ув. 120); *5* — феррит (кельт; ан. 397, ув. 120); *6* — феррит с перлитом (кельт; ан. 397, ув. 120)

с естественной науглероженностью, при их окончательной обработке употреблялась закалка и иногда цементация [17]. В Ярославском Поволжье I, 1 появляется, по-видимому, в V—VI вв. [18] Позднее эти ножи встречаются на всех мерянских поселениях: Попадьинском селище [19], Сарском, Дурасовском [20], Малодавыдовском [21] городищах. Наиболее поздние находки (виды 1—3) относятся к концу X — началу XI в. (Сарское городище, Киучерский курганный могильник) [22]. Тип I, 1 нельзя считать специфически мерянской формой — аналогичные орудия широко представлены в древностях муромы и мордвы. Наиболее распространены ножи 1 и 2 видов, реже встречается вид 3. В целом такие орудия следует считать характерными для восточнофинских племен, в бытовом инвентаре которых прослеживаются традиции, идущие со времени дьяковской и городецкой культур. Для последней имеются в виду окские и центральный варианты, так как в других районах использовались орудия иных форм [23]. Ножи с прямой спинкой встречаются и в материалах других археологических культур Европы VIII—XI вв. (и позднее), но только у волго-окских финно-угорских племен они были массовой, наиболее употребительной формой орудий.

Ножи 4 вида типа I, 1 представляют собой позднюю модификацию вида 1. У них удлинен черешок, что позволяет надежнее закреплять клинок в рукояти. На Сарском городище такой нож найден в слое конца X — начала XI в. [24]. К этому же времени можно отнести экземпляр из раскопок Н. Н. Воронина в Ростове [25]. Наиболее поздние аналогии происходят из кургана 10 Первого Пекшинского могильника в районе Ярославля (середина XI—XII в.) [26] и Брюховского селища XI—XII вв. (Галичский р-н Костромской обл.) [27]. Есть они и в костромских курганах XII в. [28] Это уже единичные, архаичные для своего времени образцы, свидетельствующие об устойчивости старых мерянских традиций. Как видно из приведенных материалов, ножи вида 4 типа I, 1 существуют с конца X по XII в. [29]

Орудие типа I, 2 вряд ли представляет образец самостоятельной формы — известно слишком мало аналогий. Наиболее близкие по внешним признакам ножи найдены в кургане № 135 Тимеревского могильника [30], в курганах у с. Давыдково (Давыдовское?) под Суздалем и других владимирских курганах [31], на Центральном Гнездовском городище [32]. Генетиче-

---

[17] *Г. А. Вознесенская.* Металлографическое исследование..., стр. 194—196.

[18] Материалы Березняковского городища. См. *П. Н. Третьяков.* К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н. э. МИА, 5, 1941, стр. 130, рис. 35, *3, 4;* 70, *1, 3.*

[19] *Е.И. Горюнова.* Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961, стр. 88.

[20] Материалы Костромского музея.

[21] *А. Ф. Дубынин.* Отчет о раскопках Малодавыдовского городища. Архив ЛОИА, ф. 35, 1939, ч. 1, л. 4—17, ч. 4, л. 7—8, опись находок № 34.

[22] *А. Е. Леонтьев.* Отчет о раскопках Сарского городища в 1972 г. Архив ИА АН СССР. Р-1, № 4949; *Е. И. Горюнова.* Отчет о работе Верхневолжского отряда Волжской экспедиции в 1960 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2101а, рис. 7, *1;* 12, *1.*

[23] *А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова.* Городецкая культура. САИ, Д1—14, 1965, табл. 12, *40;* 13, *13, 14.*

[24] *А. Е. Леонтьев.* Раскопки автора в 1973 г.

[25] *Н. Н. Воронин.* Отчет о работе Ростовского отряда Среднерусской экспедиции в 1955 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 1534, л. 5, рис. 61.

[26] *Е. И. Горюнова.* Отчет о раскопках в Ярославской обл. в 1954 г. Архив ИА АН СССР. Р-1, № 986.

[27] *Е. И. Горюнова.* Отчет о работе Костромского отряда Волжской экспедиции в 1961 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2437а, л. 16, рис. 7.

[28] Коллекция Костромского музея, хранение CIII, CV.

[29] Еще один экземпляр найден на селище у дер. Килино в Ярославском Поволжье, однако памятник практически не исследован и не имеет точной датировки. См. *П. Н. Третьяков.* Ук. соч., стр. 78, рис. 45, *6.* Такие ножи есть также в поздних комплексах Подболотьевского могильника. Коллекция ГИМ.

[30] Коллекция Ярославского музея.

[31] Хранение ГИМ, № Р10/46а, Р10/19а, № 3690, 3733 (оп. 59).

[32] Коллекция Археолого-этнографического музея МГУ, ГН-52, б/н (структура клинков этих ножей не исследована).

ски рассматриваемый экземпляр, видимо, связан с орудиями II отдела. По технике изготовления — вварке стальной полосы в железную основу — он должен быть отнесен к позднейшим на Сарском городище. Ножи, сделанные таким образом, известны в Вышгороде и Новгороде [33] и являются переходными формами (с точки зрения конструкции лезвия) от трехслойных клинков к клинкам с торцовой наваркой [34]. Исходя из общей датировки памятника, сарский нож следует отнести к материалам X — началу XI в.

Орудия типа II, 1 — широкосерединные — самые ранние в своем отделе. Наиболее точную дату дают находки из раскопок в Старой Ладоге, где такие ножи встречены исключительно в слое $E_3$ (4 экз.) [35] и, следовательно, относятся к VIII — началу IX в. [36], причем один экземпляр стратиграфически определяется весьма точно — он найден в канаве большой постройки нижнего горизонта раскопок 1947 г. (№ Л-1196). Этой датировке не противоречат и остальные образцы: из новгородских сопок [37], кургана у Княжого села Боровичского района Новгородской области, относящегося, по мнению Я. В. Станкевич, к VIII — началу IX в. [38] Два ножа найдены в эстонском могильнике Юру Кунилепа [39], один — в курганах Гробиня в Латвии [40]. Я. Петерсен считает этот тип характерным для меровингского времени и раннего периода викингов, выделяя как основные признаки резко акцентированный переход от обушка к черешку и прямую спинку ножа [41]. В Финляндии такой нож встречен в погребении VIII — начала IXв. [42] Как видно из приведенных аналогий, тип II, 1 встречается на нашей территории только в северо-западных областях; Сарское городище — крайний восточный пункт, где нам известны находки подобных орудий. Хронологически форма II, 1 предшествует типу II, 2.

Ножи 2 типа II отдела — самые распространенные среди древнерусских орудий X—XI вв. Легче назвать памятники, где они не встречены, нежели перечислить все пункты находок. Раньше их называли ножами «курганного типа», но теперь, в связи с расширением круга памятников, термин не употребляется. Такие орудия в X—XI вв. бытовали во всех странах Восточной и Северной Европы. Проведенные металлографические анализы подтверждают характерность для них трехслойной структуры клинка [43]. Среди всей огромной массы материала возможно, очевидно, выделить определенные разновидности типа, но для этого требуется специальная работа с большими сериями находок на большой территории с использованием комплексных методов изучения.

---

[33] *Б. А. Колчин.* Черная металлургия..., стр. 78, рис. 39, *5, 20.*

[34] *Б. А. Колчин.* Железообрабатывающее ремесло..., стр. 51, 52.

[35] Благодарю О. И. Давидан за любезное разрешение сослаться на неопубликованные материалы. ГЭ, ОИПК, № Л-1196, ЛС-1292, ЛС-1975, ЛДГ-432. Еще один нож происходит из раскопок Н. И. Репникова в 1910 г. Сб. «Старая Ладога». Л., 1948, табл. 1, *14.* Его датировку установить невозможно.

[36] *Г. Ф. Корзухина.* О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги. Скандинавский сборник, XVI, Таллин, 1971, стр. 123—130.

[37] *В. В. Седов.* Новгородские сопки. САИ, Е1-8, 1970, табл. XV, *25.* Разновидности типа: табл. XIV, *14,* XVI, *20.*

[38] *Я. В. Станкевич.* Ук. соч., стр. 200—201, рис. 5, *3.*

[39] Институт истории АН ЭССР, сектор археологии, ед. хр. № 2483 : 59, 60.

[40] *B. Nerman.* Grobin-Seeburg aus Grabfunden und Funde. Stockholm, 1958, fig. 209.

[41] *J. Petersen.* Vikingetidens redskaper. Oslo, 1951, s. 188—199, 518, fig. 107. Для древнерусского материала признаки, отмеченные Я. Петерсеном как хронологический критерий, не подходят. Прямую спинку и уступ сохраняют и ножи более позднего времени, что особенно хорошо видно на примере орудий из курганов Приладожья. См. коллекцию ГИМ из раскопок Н. Е. Бранденбурга.

[42] *H. Salmo.* Die Waffen der Merowingerzeit in Finnland. SMYA, XLII, Helsinki, 1938, Taf. IV, *2,* S. 110.

[43] *А. К. Антейн.* Железные и стальные изделия древней Латвии (до XIII в.). Сб. «Из истории техники Латвийской ССР», I, Рига, 1958, стр. 5—32; *Й. Станкус.* Технология производства железных орудий Литвы IX—XIII вв. Труды АН Литовской ССР, сер. А1(32), 1970, стр. 113—132; *J. Piaskowski.* Technika Gdanskiego hutnictwa i kowalstwa żelaznego X—XIV w. na podstawe badan metaloznawczych. Gdansk wczesnosredniowieczny, II, Gdansk, 1960, s. 47—53.

В древней Ростовской земле ножи типа II, 2 появляются в X в. и зафиксированы в основном среди погребального инвентаря (в курганах типа владимирских и ярославских). В более ранних памятниках они неизвестны. На северо-западе, в Старой Ладоге, орудия этой формы бытуют с IX в.[44]

Необходимо остановиться еще на одном моменте. Нож, сходный по всем данным с описываемыми и, судя по толщине спинки,— трехслойный[45], найден на Березняковском городище, которое датируется П. Н. Третьяковым IV — началом VI в. н. э., а Е. И. Горюновой — V—VI вв. н. э.[46]. Но в коллекции имеются вещи и более позднего происхождения. Таковы ромбовидный наконечник стрелы с длинной шейкой и упором[47], представляющий разновидность типа 52 (4 вар.) по классификации А. Ф. Медведева, характерный для VIII—X вв.[48], а также обломки неопубликованной бронзовой подковообразной фибулы ромбического сечения, нижняя дата которой, независимо от оформления концов застежки, не выходит за пределы X в.[49] По-видимому, упомянутые ножи также относятся к X в. Нет никаких данных, оправдывающих их появление в IV—VI вв.

Орудия 1 типа III отдела встречаются в тех же памятниках, что и форма II, 2, но значительно реже. Из территориально и хронологически близких Сарскому городищу памятников отдельные экземпляры таких ножей известны во владимирских[50] и ярославских[51] курганах. Орудия малых размеров сходны с типом I, 2, но отличаются более тонким черешком. Четко датированной аналогией сарским образцам является нож, найденный в Новгороде в слоях первой четверти XI в.[52] Отсутствие уступа между черешком и обушком в некоторых случаях можно объяснить небрежностью работы. Это фактически образцы типа II, 2, относящиеся по формальным признакам к другому отделу. Но большинство экземпляров представляют самостоятельный тип. При подробном исследовании всего материала можно будет, вероятно, выявить разновидности внутри типа III, 1. Возможно, потребуется новая, более подробная классификация внутри III отдела. Пока в связи с ограниченностью объема рассмотренных серий этого сделать нельзя.

Обычно ножи, найденные на каком-либо поселении, считаются местными изделиями. Для Сарского городища такими орудиями, бесспорно, являются ножи типа I, 1, сохраняющие традиционную древнюю форму и технологию производства. Они бытуют на протяжении всей истории поселения. Мерянские кузнецы знали способы закалки и цементации клинков. Не была для них секретом и сварка металла. Об этом свидетельствуют исследованные структуры кельтов, у которых втулки, первоначально раскованные веером, сварены настолько умело, что шов виден лишь при тщательном рассмотрении. Все же большинство ножей делалось старыми способами с цельножелезными клинками, порой даже без окончательной закалки. Остальные технические приемы использовались редко и не всегда удачно.

---

[44] Коллекция ГЭ, ОИПК.

[45] *П. Н. Третьяков.* К истории племен..., рис. 35, *5*; 70, *2*; ГЭ, ОИПК, № 1403/233 и экспозиция.

[46] *П. Н. Третьяков.* Ук. соч., стр. 68; *Е. И. Горюнова.* Об этническом составе населения Березняковского городища. КСИА АН СССР, 65, 1956, стр. 16.

[47] *П. Н. Третьяков.* Ук. соч., рис. 33, *4*; ГЭ, экспозиция.

[48] *А. Ф. Медведев.* Ручное метательное оружие. Лук, стрелы, самострел. VIII—XIV вв. САИ, Е1-36, 1966, стр. 69, 70.

[49] ГЭ, ОИПК, № 1403/132; *В. А. Мальм.* Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы. Русская деревня X—XIII вв. Тр. ГИМ, 43, 1967, стр. 149, 190.

[50] Коллекция ГИМ, хранение Р10/19а, № 3681, 3689, Р10/35а и др. Всего 11 экз. из 237 учтенных.

[51] Коллекция Ярославского музея. Тимерево, кург. 149, опись № 99.

[52] *Б. А. Колчин.* Железообрабатывающее ремесло..., стр. 53, рис. 41, *1*.

Трудно, однако, предположить существование на городище других мастерских, изготовляющих те же орудия, но иной формы, в иной, несравнимой по степени сложности технике. Сама идея массового производства клинков со стальной сердцевиной означает качественно новый (применительно к Сарскому городищу) этап в развитии кузнечного дела. Дело не только в том, что на трехслойные ножи затрачивалось больше производственных операций, но и в самом уровне подготовки мастеров, в совершенстве владевших такими тонкими приемами, как получение качественной стали и сварка нескольких металлических полос, применявших свои знания для выделки самых распространенных в обиходе инструментов — ножей. Очевидно, орудия II и III отделов со сложной структурой лезвия изготовлялись не на поселении.

Как уже отмечалось, ножи типов II, 2 и III, 1 входят в быт жителей Залесской земли в X в. В это время на территорию мери проникают новые этнические группы, среди которых исследователи видят западных финнов (предположительно, весь), славян, скандинавов[53]. Видимо, именно пришельцы с Северо-Запада принесли с собой свои традиции и способы изготовления орудий. Массовое использование жителями Сарского городища ножей новых форм свидетельствует о тесном контакте между разными группами населения Ростовской земли.

Что касается единичных экземпляров типа II, 1, то они скорее всего попали на поселение вместе со своими иноплеменными хозяевами в VIII — начале IX в. (тоже, судя по всему, с Северо-Запада). В этом нет ничего исключительного, так как Сарское городище было крупным центром на Волжском торговом пути, в то время уже функционировавшем. Следует отметить, что отдельные образцы таких ножей бытовали и в X в.[54].

Польский археолог Е. Пясковский на основании многочисленных исследований древних железных предметов с территории Польши установил, что каждой культурно-хронологической общности обычно соответствует определенная совокупность материально-технических признаков, характерных для орудий данной территории в данное время. В свою очередь, разнородность технологических свойств предметов, по его мнению, может служить дополнительным источником для решения некоторых исторических проблем: торговых связей, вопросов этнической истории и т. д.[55]. Материалы Сарского городища подтверждают эти выводы.

*A. E. Léontiev*

## LA CLASSIFICATION DES COUTEAUX DU GORODITCHE DE SARSKOIE

Résumé

On étudie dans cet article les couteaux du goroditché de Sarskoïé, localité du VIIIe début du XIe s. de n. è., située non loin de Rostov-le-Grand. On a pris pour indice fondamental de leur classification la position de la lame par rapport au manche. En se basant sur cette particularité, tous ces objets peuvent être divisés en trois groupes. Le groupe I comprend des couteaux de deux types, où le manche est au même niveau que

[53] *П. Н. Третьяков.* У истоков древнерусской народности. МИА, 179, 1970, стр. 125—131.

[54] Один экземпляр типа II, 1 имеется в коллекции приладожских курганов из раскопок Н. Е. Бранденбурга. Вихмязь, кург. XXXIV, погр. 1 (ГИМ, опись 137, № 544, хранение 41/20б). По ряду признаков он отличается от сарских и староладожских ножей.

[55] *J. Piaskowski.* Cechy materialowo-technologiczne wyrobow żelaznych jako kryteria kulturowo-chronologiczne. Wiadomosci archeologiczne, t. XXXIV, 3—4, Warszawa, 1969, s. 332—354. Автор использовал данные структурного и спектрального анализов, не касаясь вопросов типологии орудий.

le dos de la lame (type 1 — fig. 1, 1—5; fig. 2, 1, 4; type 2 — fig. 1, 5; fig. 2, 6). Le groupe II est constitué par les couteaux dont le manche est plus bas que le dos de la lame et est séparé d'elle par une déclivité (fig. 1, 6—7; fig. 2, 2, 5). Ce groupe est représenté dans les pièces du goroditché de Sarskoïé par deux types (le type 1 — fig. 1, 6; fig. 2, 2; le type II — fig. 1, 7; fig. 2, 5). Le groupe III comprend les couteaux présentant un passage progressif entre le dos de la lame et le manche placé plus bas. Ces couteaux sont représentés par un seul type (type 1 — fig. 1, 8; fig. 2, 3). La vérification de la classification proposée par les données de l'analyse métallographique a montré qu'aux principaux types correspond une certaine technique de fabrication des lames. Pour les couteaux du type I, I, les tranchants entièrement en fer sont caractéristiques. Les couteaux des groupes II et III ont trois couches, la couche moyenne ressortant sur le tranchant. En se basant sur l'étude comparée des pièces, l'auteur en arrive à la conclusion que le type I, I, le plus riche en objets, représente la production des artisans locaux de la tribu finnoise des Mérias, citée dans les chroniques. Les instruments de cette forme ont été utilisés tout au long de l'existence du goroditché. Les couteaux des autres types sont faits selon d'autres traditions et sont entrés dans l'usage des habitants à la suite de contacts avec une autre tribu. Le type II, I se rapporte au VIIIe début du IXe s.; les autres formes se répandent au Xe s. début du XIe s. et sont liées avec l'apparition sur la terre de Zalessk d'une nouvelle population: les Slaves et les Finnois occidentaux.

В. Д. ГОПАК

# ТЕХНИКА КУЗНЕЧНОГО РЕМЕСЛА У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э.

## (Днепровско-Днестровское междуречье)

В советской археологии вопросу обработки черных металлов у древнего населения Восточной Европы уделяется много внимания. Кузнечное и металлургическое ремесло Скифии освещено в работах Б. А. Шрамко, Л. А. Солнцева, Л. Д. Фомина, Р. Б. Степанской [1]. Г. А. Вознесенская исследовала металлообработку у племен зарубинецкой и черняховской культур [2]. Черной металлургии и металлообработке в Древней Руси посвящен ряд работ и обобщающая монография Б. А. Колчина [3]. Менее изучена обработка железа и стали у славянского населения второй половины I тысячелетия н. э. За исключением работы Г. А. Вознесенской, исследовавшей шесть предметов с поселения Корчак VII и Тетеревка I [4], и отдельных статей посвященных описанию горнов [5], кузницы [6], общим вопросам черной металлургии [7], а также сообщений о находках горнов или шлака на поселениях, опубликованных материалов не имеется.

Вместе с тем исследование уровня развития ремесла металлообработки у ранних славян имеет важное значение, так как позволяет проследить технологические традиции, на которых основывался высокий уровень древнерусской металлургии и обработки черных металлов.

В настоящей статье на основании результатов металлографических исследований 148 раннеславянских железных предметов с территории Днестровско-Днепровского лесостепного междуречья (памятники V —

---

[1] *Б. А. Шрамко.* Новые данные о добыче железа в Скифии. КСИА АН СССР, 91, 1962, стр. 72—77; *Б. А. Шрамко, Л. А. Солнцев, Л. Д. Фомин.* Техника обработки железа в Лесостепной и Степной Скифии. СА, 1963, 4, стр. 36—57; *Л. А. Солнцев, Р. Б. Степанская, Л. Д. Фомин, Б. А. Шрамко.* О появлении изделий из чугуна в Восточной Европе. СА, 1969, 1, стр. 40—47.

[2] *Г. А. Вознесенская.* Обработка железа у племен черняховской культуры. КСИА АН СССР, 121, 1970, стр. 34—38; *ее же.* Металлообрабатывающее производство у лесостепных племен Восточной Европы в первой половине I тысячелетия н. э. Автореф. канд. дисс., М., 1971; *ее же.* Техника обработки железа и стали. МИА, 187, 1972, стр. 8—49.

[3] *Б. А. Колчин.* Металлообрабатывающее ремесло в Древней Руси. КСИИМК, 41, 1951, стр. 67, 68; *его же.* Техника обработки металла в Древней Руси. Машгиз, М., 1953; *его же.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. МИА, 32, 1953.

[4] *Г. А. Вознесенская.* Металлографическое исследование кузнечных изделий из раннеславянских памятников. КСИА АН СССР, 110, 1967, стр. 124—128.

[5] *В. І. Бідзіля.* Залізоплавильні горни середини I тисячоліття на Південному Бузі. Археологія, XV, 1963, стор. 123—144.

[6] *А. Т. Брайчевская.* Кузница на Пастырском городище. КСИА АН УССР, 9, 1960, стр. 99—103.

[7] *В. І. Бідзіля.* Чорна металургія стародавніх східних слов'ян. Зб. «Слов'яно-руські старожитності». Київ, 1969, стор. 50—54.

IX вв. н. э.) делается попытка в какой-то мере заполнить существующий пробел, хотя бы для данного региона [8].

Рассмотрение исследованного материала идет по двум периодам: 1) третья, 2) последняя четверть I тысячелетия н. э. К первому периоду отнесены материалы поселений: Стецовка I [9] и Пастырское, где в 1955 г. обнаружены остатки кузницы [10]. Поселения обычно датируются VII—VIII вв., но известна и более ранняя датировка (VI—VII вв.) [11]; раннеславянские комплексы Оболони (Киев) [12], Семенки [13], Голики [14], Зеленянка [15], Городок [16], Купин [17], Бакота [18] (наральник и пружинные ножницы), Горошево [19].

Ко второму — материалы поселений Монастырек [20], Каневское [21], Пеньковка (пос. Луг I, Луг II, Макаров остров [22], Хреновка [23], Кальник [24], Бакота (шарнирные ножницы). Кроме того, материалы трех поселений (Обухов II [25], Сахновка [26], Волошское [27]) пока мы можем датировать лишь второй половиной I тысячелетия без расчленения по периодам. Перечень исследуемых предметов приведен в таблице.

Представляющие наибольший интерес в технологическом и функциональном отношении изделия с указанием порядкового номера анализа приведены на рис. 1, их технологические схемы — на рис. 2. По функциональному назначению все исследуемые предметы как третьей, так и последней четверти I тысячелетия н. э. можно разделить на несколько групп: орудия труда, предметы вооружения, бытовые изделия, прочие предметы и обломки.

Находки железных изделий на памятниках третьей четверти I тысячелетия н. э. довольно многочисленны. Встречаются они единицами, реже

---

[8] Считаем долгом выразить искреннюю благодарность В. Д. Барану, И. С. Винокуру, Е. В. Максимову, Г. Г. Мезенцевой, П. И. Хавлюку, А. М. Шовкопляс, Б. А. Шрамко, О. В. Сухобокову, С. П. Пачковой, О. М. Приходнюку за помощь в подборе материалов.

[9] *В. П. Петров.* Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н. э. МИА, 108, 1963, стр. 209—233.

[10] *А. Т. Брайчевская.* Кузница на Пастырском городище.

[11] *П. И. Хавлюк.* Антские поселения в средней части Южного Побужья. Автореф. канд. дисс. Л., 1962, стр. 13.

[12] *А. М. Шовкопляс.* Дослідження на березі Почайни в Києві. Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Київ, 1972, стор. 207—209.

[13] *П. И. Хавлюк.* Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. МИА, 108, 1963, стр. 321—342.

[14] *П. И. Хавлюк.* Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга. Сб. «Раннесредневековые восточнославянские древности». Л., 1974, стр. 184—188.

[15] Там же, стр. 214.

[16] *И. С. Винокур, О. М. Приходнюк.* Раннеславянское поселение на р. Смотрич. Сб. «Раннесредневековые восточнославянские древности». Л., 1974, стр. 227—241.

[17] *Б. О. Тимощук, О. М. Приходнюк.* Ранньослов'янські пам'ятки VI—VII ст. в середньому Подністров'і. Зб. «Слов'янно-руські старожитності». Київ, 1969, стор. 71, 72.

[18] *О. М. Приходнюк.* Ранньослов'янське поселення Бакота на Поділлі. XV наукова конференція ІА АН УРСР. Тези пленарних та секційних доповідей. Одеса, 1972, стор. 314—317.

[19] *С. П. Пачкова.* Раскопки у с. Горошева на Днестре. АО — 1971, М., 1972, стр. 336.

[20] Материалы раскопок Е. В. Максимова в 1959, 1960, 1974 гг. Фонды ИА АН УССР (материал не опубликован).

[21] *Г. Г. Мезенцева.* Канівське поселення полян. Київ, 1965.

[22] *Д. Т. Березовец.* Поселения уличей па р. Тясьмине. МИА, 108, 1963, стр. 146—192.

[23] *П. И. Хавлюк, Б. С. Жураковский.* Исследования в Винницкой области. АО—1972, М., 1973, стр. 343. Исследованы материалы раскопок 1974 года.

[24] *П. И. Хавлюк.* Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга, стр. 183, 213.

[25] Раскопки Н. М. Кравченко (Киевский гос. пед. ин-т; материал не опубликован).

[26] *В. И. Довженок, О. М. Приходнюк, В. П. Малиновский, В. В. Чумаченко.* Раскопки у с. Сахновки. АО—1972, М., 1973, стр. 278—279.

[27] *Д. Т. Березовец.* Поселения уличей, стр, 196, рис. 24, *9*.

## Перечень исследованных изделий

| Изделие | Третья четверть I тысячелетия н.э. | | | | | | | | | | Последняя четверть I тысячелетия н.э. | | | | | | Вторая половина I тысячелетия н.э. (без расчленения) | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | Степовка | Пастырское | Оболонь (Киев) | Семенки | Голики | Зеленянка | Городок | Купин | Бакота | Горошево | Монастырек | Каневское | Пеньковка | Хреновка | Кальник | Бакота | Обухов II | Сахновка | Волынское |
| Ножи | 2 | 9 | 1 | — | 2 | — | 5 | — | — | 1 | 5 | 11 | 11 | 4 | 1 | — | 6 | 3 | — |
| Шилья | — | — | — | — | — | — | — | 1 | — | — | 1 | 3 | 1 | — | — | — | — | — | — |
| Ножницы пружинные | 1 | 1 | — | — | — | — | — | — | 1 | — | — | — | 1 | — | — | — | — | — | — |
| Ножницы шарнирные | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | 1 | — | — | — |
| Иглы | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | 1 | — | — | — | — | — | — | — | — |
| Крючок рыболовный | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | 1 | — | — | — | — | — |
| Наральники | — | 3 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| Мотыжки | — | 1 | — | — | — | — | — | — | 1 | — | — | — | 1 | — | — | — | — | — | — |
| Серпы | 1 | 3 | — | — | 1 | 1 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| Клещи кузнечные | — | 2 | — | — | — | — | — | — | — | 1 | — | — | 2 | — | — | — | — | 2 | — |
| Молотки | — | 1 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| Наковальни | — | 1 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| Ножницы для жести | — | 1 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| Топоры | — | 2 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| Тесла | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | 1 | — | — | — | — | — | — |
| Долота | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | 1 | — | 2 | — | — | — | — | — | — |
| Ложкари | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | 1 | — | — | — | — | — | — | — |
| «Кошка» | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | 1 | 1 | — | — | — | — | — | — | — |
| Кольцо косы | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | 1 | — |
| Наконечники стрел черешковые | — | 2 | — | — | — | — | 1 | — | — | — | — | 4 | 1 | — | — | — | — | — | — |
| Наконечники стрел втульчатые | — | — | — | 1 | — | — | 1 | — | — | — | — | 1 | — | — | — | — | — | — | 1 |
| Наконечники дротиков | — | — | — | 1 | — | — | 2 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| Наконечник копья | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | 1 | — | — | — | — | — | — |
| Рукоять кинжала | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | 1 | — | — | — | — | — | — | — |
| Пряжки | — | 1 | — | 1 | — | — | — | — | — | — | 1 | 2 | — | — | — | — | 1 | — | — |
| Кресала | — | 1 | — | — | — | — | — | — | — | — | — | 1 | — | — | — | — | — | — | — |
| Гвозди | — | — | — | — | — | — | 3 | — | — | — | 2 | — | — | — | — | — | — | — | — |
| Стержни | — | 1 | — | 1 | — | — | — | — | — | — | 1 | — | — | 1 | — | — | — | — | — |
| Прочие | — | 1 | — | — | — | — | 1 | — | — | — | 3 | 3 | — | — | — | — | — | — | — |
| Итого | 4 | 30 | 1 | 4 | 3 | 1 | 13 | 1 | 2 | 2 | 16 | 28 | 21 | 6 | 1 | 1 | 7 | 6 | 1 |

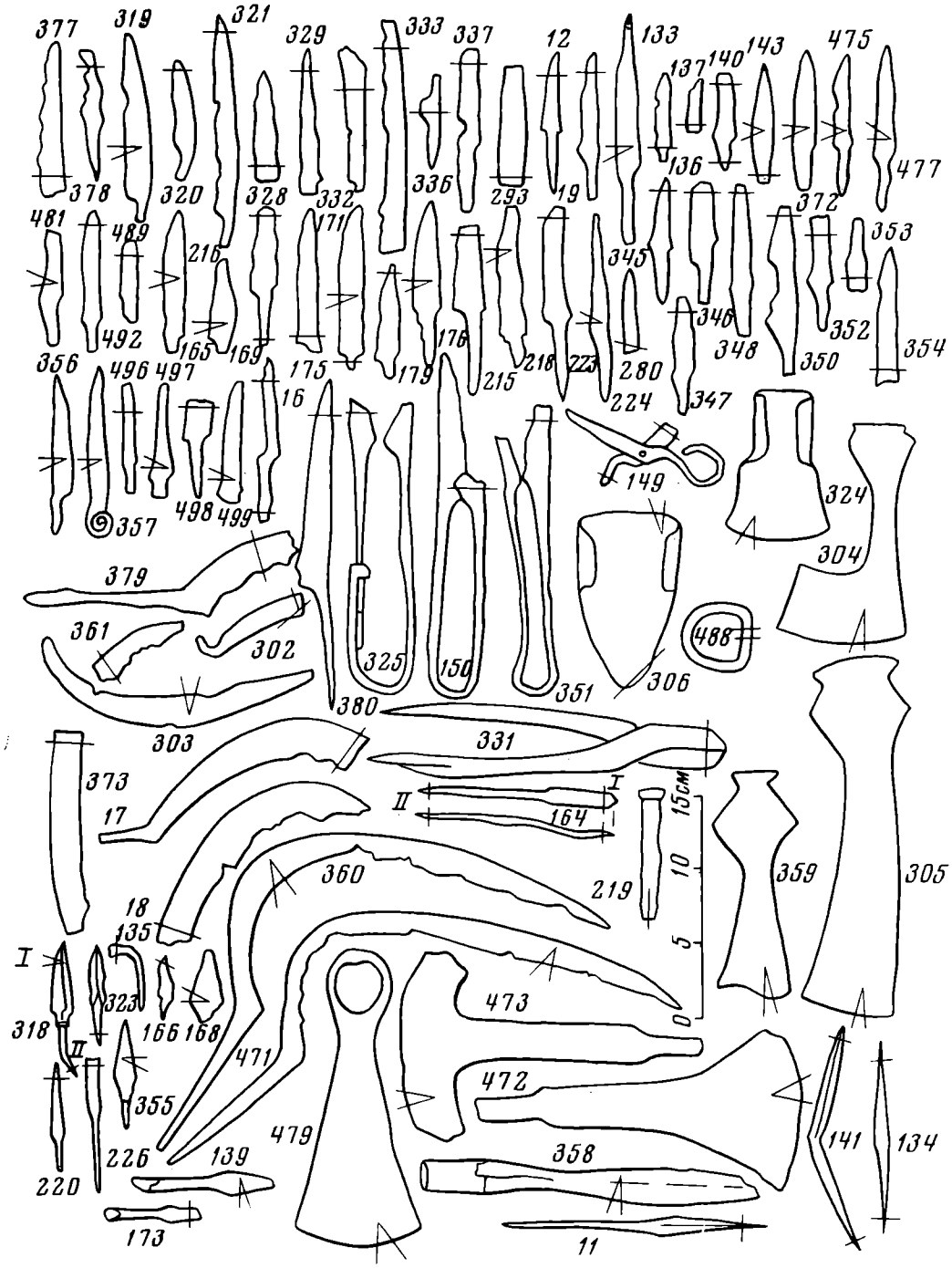



Рис. 1. Исследованные изделия: Стецовка — *377—380*; Пастырское — *302—306, 318—321, 323—325, 328, 329, 331—333, 336, 337, 361*; Семенки — *11;* Голики — *12, 18, 19*; Зеленянка — *17*; Городок — *133—137, 139, 140, 141, 143*; Бакота — *149, 150*; Горошево — *372, 373*; Монастырек — 475, 477, 479, 481, 488, 489, 492; Каневское — 164—166, 168, 169, 171, *173, 175, 176, 179, 215, 216, 218—220, 223, 224, 226*; Пеньковка — *280, 345—348, 350—360, 471—473*; Хреновка — *496—499*; Кальник — *16*

по 10—15 экз. (за исключением внезапно погибших Пастырского городища и городища у с. Зимно на Волыни[28]), из исследованных нами предметов к третьей четверти I тысячелетия н. э. относится 61 экз.

Среди орудий труда здесь наиболее многочисленны ножи (20 экз). Конструкция ножей в большинстве случаев достаточно однообразна — пря-

[28] *В. В. Ауліх.* Зимнівське городище. Київ, 1972.

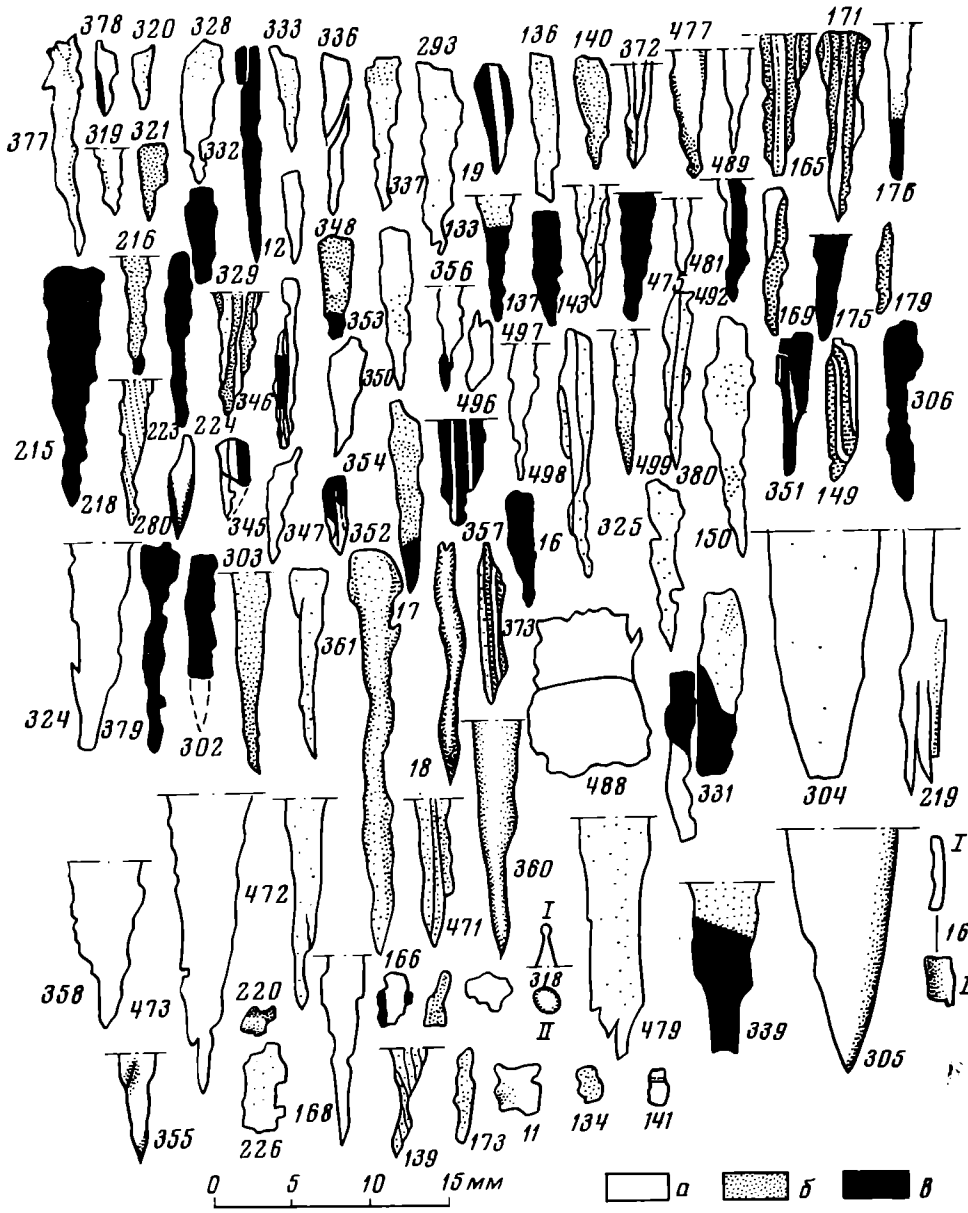



Рис. 2. Технологические схемы исследованных изделий: *а* — железо, *б* — сталь без термообработки, *в* — сталь с термообработкой

мое заостренное к концу клиновидное в сечении лезвие и оттянутый прямой черенок. Общая длина в пределах 100—130 *мм*. В зависимости от технологии изготовления и качества исходного металла ножи подразделяются на несколько технологических групп. К первой группе относятся цельножелезные ножи, изготовленные из кричного железа (12 экз., в том числе Стецовка — 1, Пастырское — 6, Оболонь — 1, Голики — 1, Городок — 2, Горошево — 1). Микроструктура ножей — феррит, феррит и следы перлита (рис. 3, *1*). Местами отмечаются следы слабого поверхностного науглероживания. Микротвердость в пределах 116—221 *кг/мм*$^2$. Среди ножей 2 экз. (Городок, Горошево) сварены из узких железных полос. На наличие подобных технологических схем в числе западнославянских железных изделий указывает Р. Плейнер [29].

[29] *R. Pleiner.* Die Technologie des Schmiedes in der Grossmährischen Kultur. SA XV—1, 1967, S. 109.

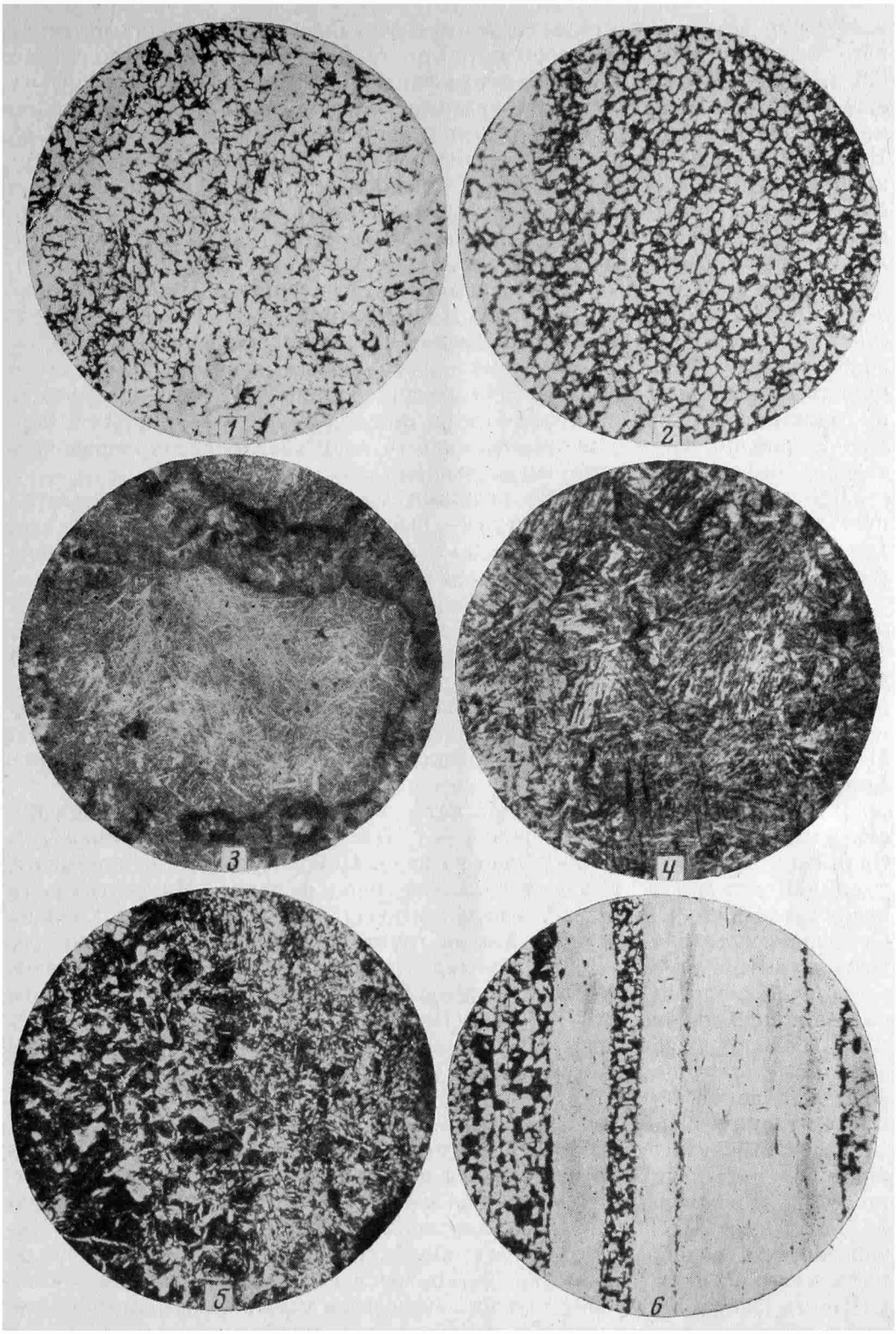



Рис. 3. Фотографии микроструктуры: *1* — Городок. Нож (ан. 143). Феррит, следы перлита, ув. 120. *2* — Бакота. Ножницы пружинные (ан. 150). Феррит, следы перлита, ув. 120. *3* — Пастырское. Наральник (ан. 306). Крупноигольчатый мартенсит, ув. 70. *4* — Каневское. Нож (ан. 223). Мартенсит, ув. 340. *5* — Каневское. Нож (ан. 216). Феррит и перлит, ув. 70. *6* — Каневское. Нож (ан. 165). Пакетный металл, ув. 70

Вторую технологическую группу составляют цельностальные ножи, изготовленные из среднеуглеродистой стали с содержанием углерода 0,3—0,6%. К ним относится 6 экз., в том числе Пастырское — 3, Городок — 3. Лезвия двух ножей (один из Пастырского, второй из Городка) закалены на воду. Микроструктура — мартенсит, микротвердость 514 и 572 *кг/мм²*. Еще один нож из Городка подвергнут местной термообработке в зоне режущей кромки. Заставляет также предполагать следы термообработки и микроструктура лезвия ножа из Пастырского (рис. 1, *329*). Два ножа не имеют следов термической обработки. Микроструктура — феррит и перлит, микротвердость 181—206 *кг/мм²*.

Остальные технологические схемы представлены ножом из Голиков, лезвие которого оказалось сваренным из трех полос — двух малоуглеродистых стальных и центральной железной (очевидно, подвергнутым термообработке), а также одним ножом из Стецовки, сохранившим остатки цементации и термообработки. Исследованное шило из Купина изготовлено из сварной заготовки. Микроструктура по зонам — феррит, феррит и перлит. Вероятно, для его изготовления был использован обломок сварного изделия (металл вторичного использования).

Все три пары пружинных ножниц третьей четверти I тысячелетия цельножелезные. Микроструктура — феррит, местами следы перлита (рис. 3, *2*), микротвердость 170—206 *кг/мм²*. Лезвия ножниц из Стецовки сварены из трех узких железных полос.

Из четырех исследованных наральников три экземпляра изготовлены из грубого кричного железа. Микроструктура — феррит, в одном случае (Бакота) следы перлита. Микротвердость — 143—160 *кг/мм²*. Четвертый наральник (Пастырское, рис. 1, *306*) изготовлен из стали. Его лезвие подвергнуто закалке на воду с перегревом. Микроструктура зоны лезвия — крупноугольчатый мартенсит, микротвердость — 824 *кг/мм²* (рис. 3, *3*). Мотыжка из Пастырского цельножелезная. Микроструктура — феррит, микротвердость — 160 *кг/мм²*.

Из семи исследованных серпов четыре экземпляра оказались цельностальными, в том числе: Стецовка — 1, Пастырское — 2, Зеленянка — 1. Один серп из Пастырского закален на воду. Микроструктура — мартенсит, у спинки мартенсит, троостит закалки, зерна феррита. Микротвердость в пределах 254—946 *кг/мм²*. Средняя по шлифу — 572 *кг/мм²*. Серп из Стецовки закален и отпущен. Микроструктура — сорбит отпуска, микротвердость — 297 *кг/мм²*. Два серпа следов термической обработки не имеют.

Прочие серпы по технологическим схемам распределяются следующим образом: цельножелезный — 1 экз. (Пастырское), цементованный с оттянутой нахолодно режущей кромкой — 1 экз. (Голики), изготовленный из заготовки, полученной путем сварки узких железных и стальных полос — возможен пакет из свернутой цементованной ленты (Горошево) — 1 экз. Следов термической обработки нет.

Две пары кузнечных клещей и один молоток из Пастырской кузницы оказались цельножелезными. Рабочая поверхность найденной одновременно с ними наковальни термообработана. Микроструктура — троостит, микротвердость — 420 *кг/мм²*. Наковальня, очевидно, цементирована. Интересно, что подобная технология обработки наковален сохранилась до настоящего времени [30]. Термообработан, вероятно, и второй молоток-ручник из Пастырского. Во всяком случае вырезать из него образец для исследования ручной ножовкой не удалось.

Лезвия ножниц для резки жести из Пастырского выполнены в технике наварки стального лезвия на железную основу, закалены и отпущены. Микроструктура лезвия — троостит отпуска, микротвердость — 383 *кг/мм²*. Оба пастырских топора изготовлены из кричного железа. Лез-

[30] *Д. А. Кувакин.* Руководство для подготовки колхозного кузнеца. М., 1959, стр. 59.

вие одного сохранило остатки цементации. Следов термической обработки нет.

Предметы вооружения представлены черенковыми и втульчатыми наконечниками стрел и наконечниками дротиков. Два черенковых наконечника стрел так называемого аварского типа (Пастырское) изготовлены из грубого кричного железа с большим количеством шлаковых включений. Третий черенковый наконечник из Городка цельностальной. Микроструктура — феррит и перлит, микротвердость 143—274 *кг/мм*². Следов термообработки нет.

Из стали изготовлен также и втульчатый наконечник стрелы из Семенок. Второй втульчатый наконечник из Городка откован из заготовки, полученной путем сварки узких малоуглеродистых пластин (возможно, набор большого объема металла сваркой мелких обрезков).

Наконечники дротиков обнаружены лишь на Южнобугских и Приднестровских памятниках. Среди исследованных два экземпляра (Семенки — 1 и Городок — 1) изготовлены из кричного железа, третий наконечник (Городок) цельностальной. Изготовлен из среднеуглеродистой стали с неравномерным распределением углерода (0,3—0,5%). Микроструктура — феррит и перлит, микротвердость 160—274 *кг/мм*². Следов термической обработки нет.

Остальные предметы — пряжки, кресало, гвозди, стержни, накладка от пояса (?), заготовка — в большинстве своем изготовлены из кричного железа, реже из грубой малоуглеродистой стали. Исключение составляет заготовка из Пастырского, изготовленная из среднеуглеродистой (0,5—0,7% углерода) стали, и один гвоздь из Городка, откованный из обломка сварного предмета (металл вторичного использования). Следует отметить, что все гвозди из Городка изготовлены без применения гвоздильной доски — тыльный конец стержня для образования шляпки загнут и расплющен.

Приступая к изложению результатов исследований предметов последней четверти I тысячелетия, прежде всего необходимо указать, что находки железных изделий на памятниках этого периода более часты. Если 61 изделие третьей четверти I тысячелетия н. э. нами отобрано с десяти поселений, то 73 предмета последней четверти I тысячелетия — лишь с шести памятников (исследованы все представляющие интерес изделия).

Как и прежде, среди орудий труда здесь наиболее часто встречаются ножи. Конструктивно они почти не отличаются от более ранних, однако здесь найдены и крупные экземпляры, которые некоторые авторы считают оружием [31]. Всего нами исследовано 32 ножа. По технологии изготовления их можно разделить на семь технологических схем.

Наиболее многочисленную группу составляют цельностальные изделия, изготовленные из среднеуглеродистой стали — 10 ножей, в том числе: Монастырек — 1 экз. (закален и отпущен); Каневское — 8 экз. (закалено на мартенсит — 2, подвергнут местной термообработке — 1); Пеньковка — 2 экз. (оба подвергнуты местной термообработке); Хреновка — 1 экз. (следы термообработки отсутствуют); Хреновка — 1 экз. (термообработан, но характер термообработки не установлен). Неясен также характер термообработки у одного ножа из Каневского (рис. 1, *215*).

Достаточно многочисленны и цельножелезные изделия (9 экз., в том числе: Монастырек — 2, Пеньковка — 4, Хреновка — 3). Они изготовлены из кричного железа. Микроструктура — феррит, иногда следы перлита. Микротвердость в пределах 122—170 *кг/мм*². В одном случае (Хреновка) заготовка ножа получена путем сварки трех узких железных полос.

В отличие от предыдущего периода в последней четверти I тысячелетия достаточно широко представлены изделия, заготовки для которых получены методом сварки чередующихся узких стальных и железных

[31] *Г. Г. Мезенцева.* Канівське поселення..., стор. 103, 104, рис. 54, *1, 6.*

полос или свернутой цементованной ленты — так называемый пакетный металл (рис. 3, *б*). Всего к этой группе относится 8 ножей, в том числе: Каневское — 4 экз., Пеньковка — 4 экз.). Все ножи из Пеньковки сохранили следы термообработки. Два экземпляра были подвергнуты закалке с последующим отпуском, один — закалке на воду. Микроструктура стальных зон еще одного ножа (сорбитообразный перлит) также заставляет предполагать остатки термообработки. Ножи из Каневского следов термической обработки не имеют.

В технике наварки стального лезвия на железную основу выполнено два ножа — по одному экземпляру из Каневского и Пеньковки. Лезвие еще одного образовано путем продольной сварки стальной и железной полос (Монастырек). Лезвия двух ножей (Монастырек, Каневское) сохранили остатки цементации. Один из них (Каневское) был закален.

Рис. 4. Бакота. Ножницы шарнирные (ан. 149). Режущая кромка, ув. 70

В числе пяти исследованных шильев четыре изготовлены из кричного железа. Ферритная структура зоны острия одного из них (Каневское) деформирована, микротвердость повышена до 274 *кг/мм*². Острие оттянуто нахолодно. Одно шило (Пеньковка) цельностальное. Микроструктура — феррит и перлит, содержание углерода около 0,4%. Микротвердость — 181 *кг/мм*². Следов термической обработки нет.

Лезвия пружинных ножниц из Пеньковки изготовлены из «пакетного» металла, закалены и отпущены. Микроструктура стальных зон — троостит отпуска, микротвердость — 350 *кг/мм*². Здесь следует отметить, что в такой же схеме выполнены исследованные нами ножницы из Луки Райковецкой. Лезвия шарнирных ножниц (Бакота) также изготовлены из заготовки, полученной сваркой узких стальных и железных полос с выходом на лезвие стали (рис. 4). Микроструктура — феррит и перлит. Следов термообработки нет.

Тонкий круглый стерженек из Монастырька, являющийся, очевидно, обломком иглы, цельножелезный. Края на глубину до 0,3 *мм* имеют следы науглероживания. Следов термообработки нет. Рыболовный крючок из Хреновки цельножелезный. Микроструктура — ферит, следы перлита. Микротвердость — 128 *кг/мм*². Наральник (Пеньковка) изготовлен из грубой стали без термической обработки. Один из двух серпов из Пеньковки был изготовлен из железа и цементован. Лезвие второго образовано путем сварки трех стальных полос с крайне неравномерным распределением углерода. Следов термической обработки нет. Микроструктура — феррит и перлит, микротвердость 122—206 *кг/мм*². Топор из Пеньковки цельностальной. Зона лезвия на высоту около 8 *мм* имеет структуру сорбитообразного перлита, переходящего выше в феррит и пластинчатый перлит, оче-

видно, следы местной термообработки. Микротвердость в пределах 193—151 *кг/мм*$^2$.

Тесло из Монастырька, конструктивно близкое к топорам и отличающееся лишь поперечным разворотом лезвия, цельножелезное. Микроструктура — феррит, мало перлита. Микротвердость — 170 *кг/мм*$^2$. В металле очень много шлаковых включений. Оба тесла из Пеньковки (уроч. Макаров остров) также цельножелезные. Изготовленными из кричного железа оказались также долото и ложкарь (Каневское). Последний, очевидно, был цементован.

Раннеславянские предметы вооружения последней четверти I тысячелетия в наших исследованиях представлены черенковыми и втульчатыми наконечниками стрел, наконечником копья из Пеньковки и рукоятью кинжала из Каневского. Кинжалы с подобной рукоятью известны среди изделий Новотроицкого городища [32] и в Молдавии (Алчедар) [33].

Среди пяти черенковых наконечников стрел четыре экземпляра изготовлены из грубого кричного железа. На одном из них (Каневское) у поверхности обнаружены участки науглероживания, имеющие микроструктуру термообработанной стали (микротвердость — 383 *кг/мм*$^2$). Один наконечник из Каневского цельностальной, нетермообработанный. Микроструктура — феррит и перлит, микротвердость — 193 *кг/мм*$^2$ (рис. 2, *220*). Из стали изготовлен также втульчатый наконечник (Каневское, рис. 2, *173*). Микроструктура — феррит и перлит, микротвердость — 236 *кг/мм*$^2$. Следов термической обработки нет. Наконечник копья из Пеньковки и рукоять кинжала из Каневского оказались цельножелезными.

Все прочие исследованные предметы — кольцо, косы, пряжки, кресало, «гривна», дужка ведра, «ручка шкатулки», гвозди, стержни, скобка, пластина изготовлены из кричного железа или малоуглеродистой стали без термообработки. Язык пряжки (Монастырек) изготовлен из обломка сварного предмета — металл вторичного использования. Шляпки гвоздей из Монастырька высажены на гвоздильной доске.

Пятнадцать раннеславянских предметов, которые пока невозможно расчленить хронологически по этапам, относятся к технологическим схемам, типичным для обоих рассматриваемых периодов. В числе девяти ножей (Обухов II, Сахновка) 7 экз. изготовлены из железа. Один нож из Обухова II цельностальной, закален на воду; другой откован из заготовки, сваренной из двух стальных и центральной железной полосы без термообработки. Оба серпа из Сахновки цельножелезные. Режущая кромка одного из них упрочена наклепом. Орудие типа хватальной «кошки» (Сахновка) изготовлено из железа и сохранило следы цементации. Подобные изделия найдены на Городище X—XI вв. у с. Сажки на Южном Побужьи (коллекция П. И. Хавлюка) и известны также среди дьяковских железных предметов [34]. Втульчатый наконечник стрелы из Волошского цельностальной, без термической обработки. Пряжка и обломок обруча из Обухова II — цельножелезные.

Таким образом, результаты исследований свидетельствуют о том, что раннеславянские кузнецы Днепровско-Днестровской лесостепи приходят к началу второй половины I тысячелетия н. э. с достаточно высоким уровнем развития кузнечного ремесла. Им известны все основные операции свободной ковки, термическая обработка стали, кузнечная сварка железа со сталью. Они хорошо знакомы с рабочими свойствами исходного материала и применяют железо и сталь в большинстве случаев дифференцированно в зависимости от функционального назначения изделия.

---

[32] *И. И. Ляпушкин.* Городище Новотроицкое. МИА, 74, 1958, стр. 23, рис. 10, *7*.

[33] *Г. Б. Федоров.* Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. МИА, 89, 1960, стр. 371, табл. 65, *1*.

[34] *А. Ф. Дубынин.* Щербинское городище. Сб. «Дьяковская культура». М., 1974, стр. 262, табл. VIII, *29*.

В последней четверти I тысячелетия прослеживается дальнейшее значительное совершенствование технологии кузнечного ремесла, усложняются технологические схемы изделий, повышается их качество, увеличивается объем кузнечной продукции. Очевидно, это связано с общим подъемом производства и ремесла в канун образования Древнерусского государства.

*V. D. Gopak*

## LA TECHNIQUE DE L'ART DU FORGERON CHEZ LES SLAVES DE L'EST DANS LA DEUXIEME MOITIE DU Ier MILLENAIRE DE NOTRE ERE

(Dans la région comprise entre le Dniepr et le Dniestr)

Résumé

Dans cet article on examine les résultats de l'analyse métallographique de 148 objets de fer se rapportant à la deuxième moitié du Ier millénaire de n. è., et provenant des premiers monuments slaves situés entre Dniepr et Dniestr. Les résultats de cet examen montrent que les plus anciens forgerons slaves de cette région sont parvenus vers le début de la deuxième moitié du Ier millénaire de n. è. à un niveau assez élevé de l'art du forgeron. Ils connaissaient toutes les principales opérations d'un habile forgeage, du soudage du fer et de l'acier, du travail à chaud des pièces en acier. Dans le dernier quart du Ier millénaire de n. è. on voit se développer le perfectionnement de la technologie du forgeron. Le schéma technologique des objets se complique, leur qualité s'élève, le volume de la production augmente. Ce processus est sans doute en relation avec l'essor général de l'industrie et de l'artisanat à la veille de la formation de l'Etat russe ancien.

В. С. ФЛЕРОВ

# ЛОЩЕНАЯ КЕРАМИКА САРКЕЛА — БЕЛОЙ ВЕЖИ

При изучении памятников салтово-маяцкой культуры особое значение благодаря широкому географическому диапазону ее распространения имеет столовая лощеная керамика. Нет буквально ни одного памятника этой культуры, на котором она не была бы представлена в том или ином процентном соотношении. Это в первую очередь относится ко всем видам поселений, будь то кочевья, селища или города. Повсеместное распространение столовой лощеной керамики делает ее чрезвычайно важным и вместе с тем удобным материалом для прослеживания эволюции производственных, экономических, этнических и иных процессов на территории бассейнов Дона, Северского Донца, Приазовья в раннее средневековье.

Если при исследовании однослойных поселений лощеная керамика чаще всего выступает лишь как показатель их культурной принадлежности, то при раскопках многослойных поселений, как, например, трехметровой толщи культурного слоя Саркела — Белой Вежи, она вместе с тем выполняет функции этнического и хронологического показателя. Представляется очевидным, что изучение производства салтово-маяцкой столовой лощеной посуды Саркела — Белой Вежи, как и других памятников, невозможно без учета стратиграфии и топографии ее распространения на территории памятника.

Саркел, как ни один другой памятник салтово-маяцкой культуры, дает для этого большие возможности, благодаря установленной связи его культурных слоев с исторически известными событиями и абсолютными датами, с одной стороны, а также благодаря тому, что усилиями Волго-Донской археологической экспедиции было раскопано более половины площади памятника [1].

При этом, однако, следует отметить, что разные участки городища изучены неравномерно [2]. Так, юго-западная половина городища раскопана полнее, нежели северо-восточная. Почти совершенно не исследована площадь около северо-восточной длинной стены, в то время как территория, примыкающая к противоположной юго-западной стене исследована полностью. Раскопы на городище вообще привязаны к оборонительным стенам и кирпичным зданиям, делящим территорию крепости на самостоятельные секторы. Все это в какой-то мере ограничивает возможности анализа топографии и стратиграфии распространения на территории городища керамики всех видов, в том числе и интересующей нас столовой лощеной, но отнюдь не снижает ценность его результата.

Первый плодотворный и чрезвычайно важный для понимания истории памятника опыт создания «керамического» профиля Саркела принадлежит С. А. Плетневой [3]. Однако в своей работе С. А. Плетнева использовала

[1] Тр. ВДАЭ, т. 1, МИА, 62, 1958, стр. 6.

[2] *М. И. Артамонов.* Саркел — Белая Вежа. МИА, 62, стр. 13, рис. 6; *В. Д. Белецкий.* Жилища Саркела — Белой Вежи. МИА, 75, 1959, стр. 42, рис. 1 (при дальнейшем изложении все упоминания топографии Саркела будут соответствовать указанным планам).

[3] *С. А. Плетнева.* Керамика Саркела — Белой Вежи. МИА, 75, стр. 257—271.

только «материалы наименее перекопанной и в то же время наиболее насыщенной керамикой юго-восточной части городища („цитадели")» [4]. Стратиграфия же столовой салтовской керамики в цитадели, как выяснилось, отличается от стратиграфии этого вида керамики на других участках городища. Эти небольшие, на первый взгляд, отличия на проверку оказываются очень важными для понимания этносоциальной топографии Саркела — Белой Вежи в различные периоды его жизни.

Особое место в определении стратиграфии Саркела — Белой Вежи принадлежит статье В. Д. Белецкого, проделавшего большую работу по классификации типов жилищ, проследив их топографическое и стратиграфическое распределение по территории памятника [5]. При этом этническая принадлежность каждой группы или подгруппы жилищ связывалась им с преобладанием в жилищах того или иного вида керамики.

Не со всеми выводами В. Д. Белецкого можно согласиться. Так, по существу остается невыясненным, в какого типа жилищах обитало салтовское население города после 965 г., а в том, что какая-то часть салтовского населения оставалась в городе после захвата его войсками Святослава, сомневаться не приходится. Это доказывается наличием салтово-маяцкой керамики (кухонной и столовой) в русском слое городища. Объяснение этому заключается в том, что в русский период жизни города оставшееся салтовское население, как нам представляется, под влиянием численно преобладающих новых соседей — славян и длительного оседлого образа жизни отказалось от своих жилищ с очагами в виде различных по своим очертаниям углублений и двухстолбовых прямоугольных жилищ и перешло к сооружению жилищ с применением кирпича. Выделить их среди массы жилищ с кирпичными печами, широко распространенными в русском слое городища, трудно, тем более что подавляющее большинство их сохранилось чрезвычайно плохо.

С другой стороны, связь между определенным типом керамики и определенной группой жилищ носила далеко не всегда прямолинейный характер. Так, в жилищах с печами-каменками, принадлежавших славяно-боршевскому населению, часто встречается салтово-маяцкая керамика, в том числе и лощеная (жилища 4, 8, 15, 18, 19, 40, 41, 49, 51 и др.). Многочисленны находки салтово-маяцкой керамики в жилищах тюркского кочевнического населения города.

Эти примеры свидетельствуют, во-первых, о широких межэтнических связях среди населения Саркела — Белой Вежи, которые могли носить разнообразный характер, во-вторых, указывают на тот факт, что лощеная керамика имела распространение и пользовалась спросом не только в среде салтово-маяцкой, но и других этнических групп. При этом, конечно, следует учитывать, что ее производство оставалось в руках самих «салтовцев», о чем свидетельствует сам облик лощеной посуды, находки только целых экземпляров которой представлены десятками.

Проанализировав весь комплекс находок керамики в цитадели, С. А. Плетнева определяет мощность нижнего «хазарского» слоя Саркела в 60—75—80 *см* [6]. Колебание в 20 *см* связано с тем, что четкой границы между «хазарским» и «русским» слоями нет: она стерта перекопами, хозяйственными ямами, постоянным рытьем котлованов жилищ и ямок для опорных столбов жилищ и т. д. Прослеженное нами стратиграфическое распределение столовой керамики на разных участках городища (рис. 1) в целом подтверждает вывод С. А. Плетневой [7].

---

[4] Там же, стр. 257.

[5] *В. Д. Белецкий.* Ук. соч.

[6] *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 257, 266.

[7] В настоящей работе использованы только те фрагменты сосудов, положение которых в слое было документально зафиксировано в описях и не вызывало сомнений. Сравнение результатов С. А. Плетневой и автора по стратиграфическому распределению столовой керамики в цитадели показало, что исключение фрагментов сосу-

Установленная С. А. Плетневой «керамическая» граница, проходящая на уровне 75 *см* от основания крепостных стен, принимается нами как условная средняя грань между саркельским — «хазарским» и беловежским — «русским» слоями городища. В предлагаемых ниже расчетах распространения столовой лощеной керамики мы будем исходить из указанного деления культурных напластований городища на два основных слоя, однако к «хазарскому» слою мы подключаем и прослойку от 75 до 100 *см*, связанную с переходным периодом превращения хазарского Саркела в русскую Белую Вежу. Только все последующие напластования можно считать «единым русским-беловежским слоем» [8]. К такому же выводу на основе сравнения стратиграфии основных типов керамики городища пришел и В. Д. Белецкий [9].

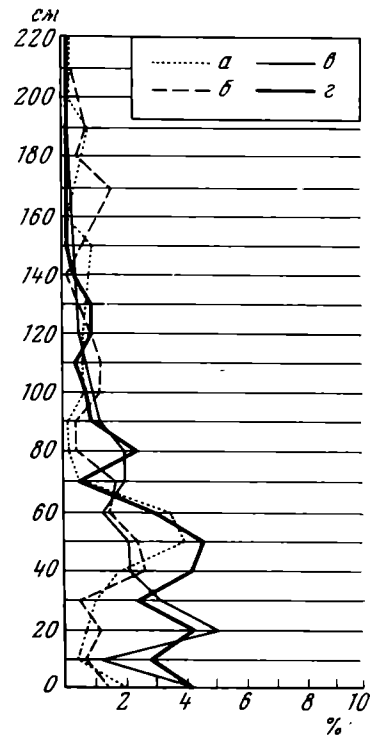



Рис. 1. Стратиграфия распространения лощеной керамики в слоях Саркела — Белой Вежи по раскопам: *а* — раскоп 1949 г., *б* — раскоп CI; *в* — цитадель, *г* — раскоп CII. За 100% принято общее количество учтенных фрагментов

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что спад производства столовой лощеной посуды в Саркеле отмечается в слоях с уровня 50—65 *см*, что является отражением общего спада производства салтово-маяцкой керамики всех видов и тюркской керамики. Это отмечено на всех участках городища [10]. Решение вопроса о причинах сокращения гончарного производства в Саркеле выходит за рамки интересующей нас темы. Наиболее вероятно, что в этом нашло отражение общее ухудшение обстановки в каганате к середине X в., в частности на его западных границах, что повлекло за собой падение роли Саркела как ремесленного центра и уменьшение числа его гражданского населения.

Лощеная керамика Саркела — Белой Вежи подробно описана С. А. Плетневой, разделившей ее на ряд типов и видов. Здесь нет необходимости повторять все выводы С. А. Плетневой. Читатель может ознакомиться с ними самостоятельно [11]. Для рассматриваемой же темы решающее значение имеет предложенное исследователем разделение лощеной посуды городища (параллельно с разделением на типы и виды) на сероглиняную, желтоглиняную и красноглиняную. За этим различием в цвете лощеной керамики стоит различная технология ее производства, находившегося в руках салтово-маяцкой (алано-болгарской) этнической группы населения города-крепости.

Как выяснилось при подсчетах, изменение процентного соотношения встречаемости черно-серой, красноглиняной и желтоглиняной посуды в русском слое по сравнению с хазарским отражает коренные изменения в жизни города. Сравнение же пропорционального соотношения встречаемости этих трех групп керамики в синхронных слоях различных раскопан-

---

дов, положение которых не было зафиксировано в слое, на конечных результатах работы не отразилось. Процент таких «плавающих» фрагментов на всех раскопанных участках памятника был примерно одинаков.

[8] *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 268.

[9] *В. Д. Белецкий.* Ук. соч., стр. 130.

[10] Там же, стр. 65, рис. 18; стр. 73, рис. 23.

[11] *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 214—220.

ных участках города позволяет значительно уточнить локализацию некоторых этнических групп на его территории.

Если встречаемость черно-серой лощеной керамики в русском слое уменьшилась по сравнению с хазарским в пять раз, то краснолощеной и желтолощеной соответственно только в четыре и три раза. Краснолощеная и желтолощеная посуда, как более красивая и изысканная, оказалась более «живучей», нежели рядовая, наиболее распространенная, черная и серая. Вообще же абсолютное преобладание в обоих слоях серой и черной столовой керамики следует объяснять тем, что ее производство было более простым и она была соответственно более дешевой и доступной всем слоям населения города. Как будет показано ниже, краснолощеная и желтолощеная посуда в Саркеле служит археологическим признаком социального неравенства.

С другой стороны, большое распространение в Саркеле красно-желтолощеной посуды (в хазарском слое она составляет около одной трети всей найденной столовой посуды [12]) указывает на значительно более высокий технический и профессиональный уровень городского гончарного ремесла, каковым было саркельское, в сравнении с сельским, провинциальным [13]. Продукция последнего широко представлена в катакомбных могильниках Северского Донца, в которых краснолощеная и желтолощеная керамика встречается очень редко. В широком производстве в Саркеле красной и желтой столовой лощеной керамики следует видеть заимствование опыта высокотемпературного обжига амфор и высоких глиняных кувшинов, производство которых в Саркеле весьма вероятно [14].

Топографическое и стратиграфическое распределение лощеной столовой посуды на четырех основных раскопах городища выглядит следующим образом. К нижнему, хазарскому, слою относится подавляющее количество ее находок — 81,75%, из которых на раскоп 1949 г. выпадает 13,50%, на раскоп CI — 13,75%, на раскоп CII — 30,75% и на цитадель — 23,75% (рис. 2). Учитывая, что во внутренней планировке крепости цитадель и примыкающий к ней отсек крепости CII, включающий Г-образное здание, прикрывающее вход в цитадель, составляют единое конструктивное целое [15], раскопы можно подразделить на две группы. Участок CII и цитадель, давшие 54,50% учтенной лощеной керамики, с одной стороны, и раскоп CI и раскоп 1949 г., лежащие в наименее укрепленной северо-западной половине крепости, давшие вместе всего лишь 27,25% лощеной керамики, с другой стороны. Аналогичным образом распределяется в хазарском слое городища и особо интересующая нас красноглиняная и желтоглиняная лощеная керамика: 15% на первой группе раскопов и 7,75% — на второй.

В русском слое по сравнению с хазарским лощеной керамики найдено в пять с лишним раза меньше — 18,25%, что еще раз подтверждает изменение этнического состава населения крепости после взятия его русскими войсками в 965 г. (сокращение «салтовского» населения за счет притока русского). Но в тоже время следует подчеркнуть, что производство лощеной посуды после превращения Саркела в русский город полностью не исчезает. Это является неопровержимым доказательством того, что часть «салтовского» населения осталась в городе и после 965 г.

По-иному выглядит и распределение лощеной керамики русского слоя между раскопами: цитадель — 2,25%, CII — 5,5%, CI — 5,5%, раскоп

---

[12] В состав лощеной керамики входят сосуды различных размеров, в частности, среди краснолощеной керамики много пифосов и корчаг. Однако следует иметь в виду, что при разрушении сосуды, независимо от размеров, дают одинаковое количество черепков. Это делает правомерным сравнение количественного соотношения фрагментов всех видов столовой керамики (черной, красной и желтой), независимо от типа и размера сосудов.

[13] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. МИА, 142, 1967, стр. 128.

[14] *С. А. Плетнева.* Керамика Саркела..., стр. 244, 249.

[15] Подробнее о планировке Саркела см.: *М. И. Артамонов.* Ук. соч., стр. 11—23.

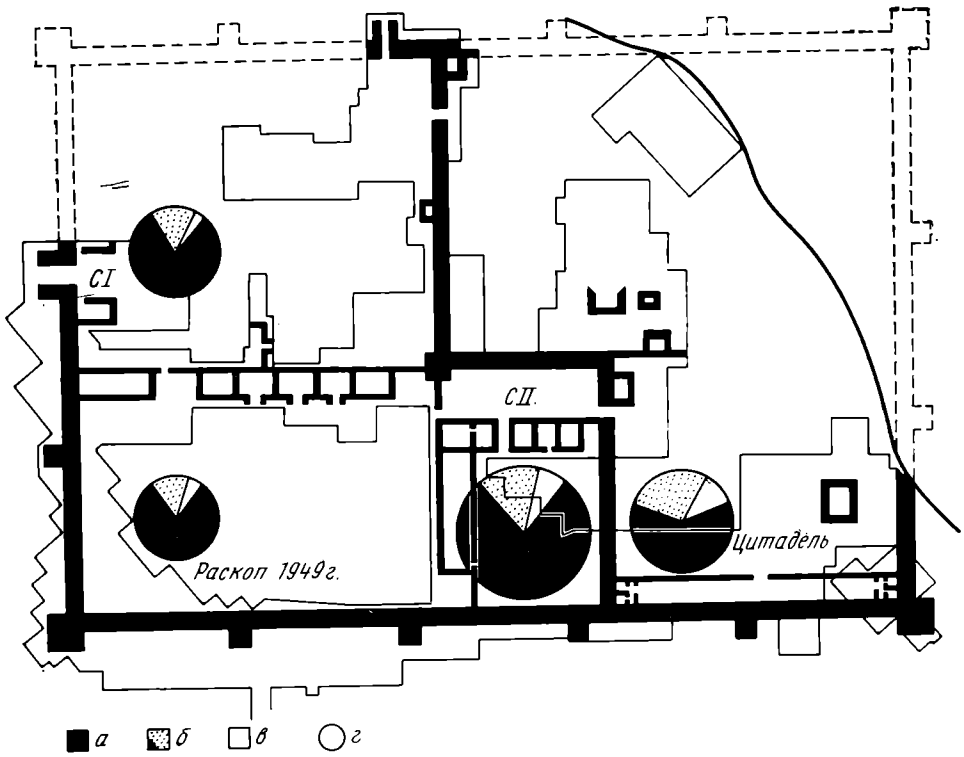



Рис. 2. Распределение лощеной керамики по раскопам в хазарском слое городища: *а* — черно-серолощеная керамика, *б* — краснолощеная керамика, *в* — желтолощеная керамика, *г* — 1% учтеной в обоих слоях лощеной керамики

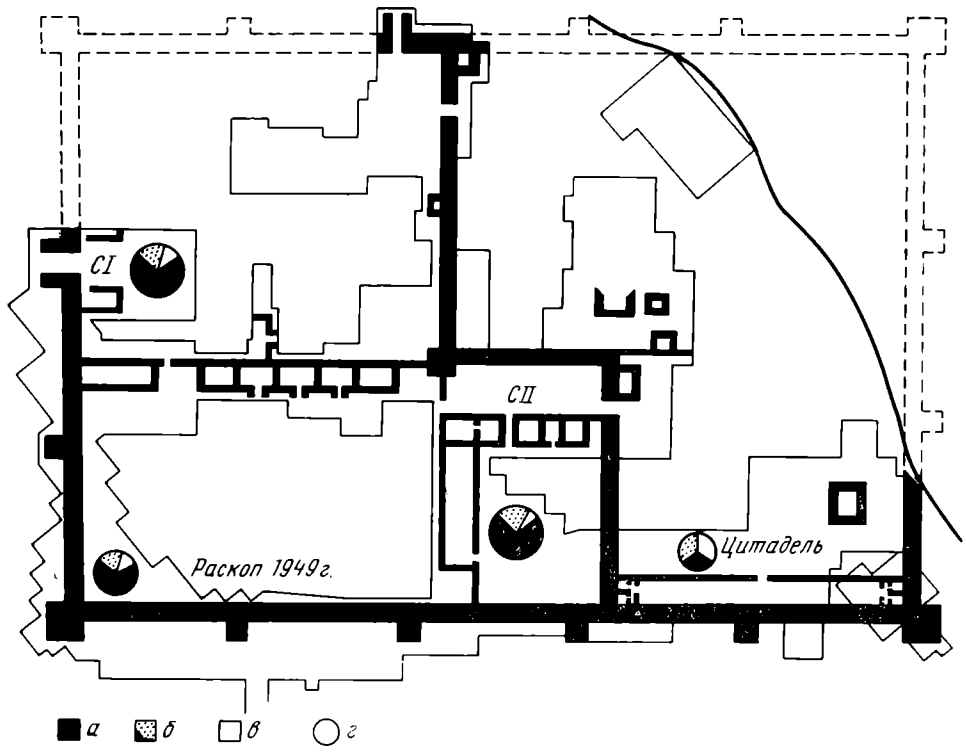



Рис. 3. Распределение лощеной керамики по раскопам в русском слое городища: *а* — черно-серолощеная керамика, *б* — краснолощеная керамика, *в* — желтолощеная керамика, *г* — 1% учтеной в обоих слоях лощеной керамики

**Распространение лощеной керамики по раскопам в хазарском и русском слоях**
(в процентах)

| Вид керамики | Раскоп 1949 г. | | | | CI | | | | CII | | | | Цитадель | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | черно-серо-лощеная керамика | красно-лощеная керамика | желто-лощеная керамика | итого | черно-серо-лощеная керамика | красно-лощеная керамика | желто-лощеная керамика | итого | черно-серо-лощеная керамика | красно-лощеная керамика | желто-лощеная керамика | итого | черно-серо-лощеная керамика | красно-лощеная керамика | желто-лощеная керамика | итого |
| Русский слой | 17,86 | 5,55 | 2,77 | 26,18 | 19,5 | 5,11 | 3,9 | 28,51 | 10,0 | 3,0 | 1,6 | 14,6 | 2,88 | 2,88 | 2,88 | 8,64 |
| Хазарский слой | 55,55 | 12,5 | 5,77 | 73,82 | 49,44 | 14,28 | 7,8 | 71,49 | 68,0 | 12,5 | 4,9 | 85,4 | 57,69 | 25,0 | 8,67 | 91,36 |

1949 г.— 5% (рис. 3). При всем том, что распределение лощеной керамики между раскопами носит в русском слое менее четкий характер, нежели в хазарском, необходимо подчеркнуть, что теперь на первое место выдвигаются раскопы CI и 1949 г.— 10,5%. На участке CII и в цитадели — 7,5%, причем наименьшее количество лощеной керамики найдено в русском слое цитадели — 2,25%.

Перейдем к более детальному анализу распространения лощеной столовой посуды в слоях Саркела — Белой Вежи, принимая теперь за 100% керамику каждого раскопа отдельно, что позволит более точно (учитывая неодинаковую площадь раскопов) выявить характер пропорций топо-стратиграфического распределения данного вида керамики на разных участках памятника (таблица).

По соотношению находок лощеной керамики в хазарском и русском слоях городища раскопы разделяются на те же две группы. С одной стороны, раскоп 1949 г. в западном углу крепости и раскоп CI, где на хазарский слой падает 73,82 и 71,49% от общего количества найденной на раскопах керамики; на русский слой соответственно — 26,18 и 28,51%. С другой стороны, «цитадель» и раскоп CII, где соотношение находок по слоям выглядит следующим образом: 91,36 и 85,40% в хазарском слое и 8,64 и 14,60% в русском слое.

Распространение лощеной керамики в западном угловом раскопе 1949 г. согласуется с концентрацией здесь жилищ салтовского населения [16]. Что касается раскопа CI, то при наличии и здесь нескольких салтовских жилищ основная масса находок салтовской лощеной керамики приурочена к караульным помещениям, расположенным по бокам проема Главных ворот крепости. Лощеная керамика сосредоточена здесь как внутри караульных помещений, так и около их стен. Напрашивается вывод, что основное количество лощеной керамики, найденной в районе Главных ворот, принадлежало страже — дозорным, несшим здесь охранную службу. Обращает внимание, что процент красной и желтой лощеной керамики здесь выше (14,28 и 7,8%), нежели в западной части городища на раскопе 1949 г. Впрочем, и на этом раскопе часть лощеной керамики могла принадлежать страже угловой западной башни, около которой отмечено ее скопление.

[16] *В. Д. Белецкий.* Ук. соч., стр. 44, рис. 2.

Связь между находками лощеной керамики, особенно красной и желтой, и гарнизоном крепости становится еще более очевидной при обращении к материалам цитадели и раскопа CII, включающего комплекс сооружений, прикрывающих в нее доступ с остальной территории крепости. Если в районе западной угловой башни краснолощеная керамика хазарского слоя составляет 12,50%, а в районе Главных ворот 14,28% общего количества лощеной керамики, найденной на данных участках, то в цитадели ее в два раза больше, а именно 25%. Факт на первый взгляд парадоксальный, если вспомнить, что в целом материальная культура цитадели носит не салтовский, а кочевой облик. Эта кочевническая культура, по мнению М. И. Артамонова, принадлежала ежегодно сменявшемуся гарнизону крепости, состоявшему из наемников-тюрок, обитавших в хазарское время в своеобразных жилищах с очагами-сандалами, сложенными из кирпичей. По данным В. Д. Белецкого, основная масса жилищ тюрок сосредоточена именно в первом метре культурных отложений цитадели и раскопа CII, примыкающего в ней [17]. Кочевнический облик культуры цитадели хазарского времени подтверждается и большим числом находок в ней лепных котлов с внутренними ушками. Главное же, именно в цитадели сосредоточена основная часть находок лепной керамики с характерным орнаментом в виде гирлянд, не имеющей ничего общего с типичными формами салтово-маяцкой кухонной посуды.

Кочевнический, несалтовский облик культуры цитадели несомненен. Производить салтово-маяцкую лощеную керамику обитатели цитадели не могли. Вывод остается один — тюркский гарнизон на всем протяжении истории Саркела выступает потребителем (возможно, основным) столовой лощеной посуды, производство которой находилось в руках постоянного салтовского населения крепости. Неудивительно, что этот вид местной посуды, как самой высококачественной и красивой, действительно «столовой», «парадной» привлекал внимание кочевников, составлявших гарнизон крепости. Сам же гарнизон крепости, состав которого к тому же постоянно менялся, вряд ли имел свое собственное хорошо налаженное ремесленное гончарное производство. Кочевники выделывали лишь грубую лепную дешевую посуду для ежедневного обыденного употребления. Естественно также, что из столовой лощеной керамики их в первую очередь привлекала самая красивая — желтая и красная. Процент встречаемости в цитадели по сравнению с другими участками крепости красной и желтой керамики особенно высок — ведь цитадель была местом постоянного обитания гарнизона. Здесь же находился командный состав гарнизона и, видимо, представители высшей хазарской администрации. Они, конечно, употребляли наиболее высококачественную и красивую посуду местного производства [18].

В свое время М. И. Артамонов задавался вопросом, в чем выражались обязанности постоянного гражданского населения города по отношению к гарнизону, каковы были его поставки гарнизону? [19] Можно твердо ответить, что одной из повинностей было снабжение этого гарнизона продукцией гончарных мастерских. На основе одного лишь археологического материала, конечно, невозможно установить, носили ли эти поставки действительно характер принудительной повинности или купли-продажи, но в данном случае это не так уж и важно. Вывод, к которому я пришел, подтверждается и тем, что «черепки лепной посуды, характерной для цитадели, встречены возле Главных ворот, там, где находились карауль-

[17] Там же, стр. 71, табл. 2.

[18] Примерно та же ситуация наблюдалась и в скифском обществе, особенно в V—IV вв. до н. э. Скифы, выделывавшие сами в большинстве случаев грубую лепную керамику, приобретали у греков в первую очередь парадную чернолаковую и краснолаковую посуду. Это подтверждают материалы многочисленных скифских погребений, в том числе и рядовых, и поселений.

[19] *М. И. Артамонов.* Ук. соч., стр. 37.

ные помещения» [20], т. е. там, где отмечено интенсивное скопление фрагментов лощеной керамики.

Топографически лощеная керамика распространена на территории цитадели более или менее равномерно, при этом, однако, заметна некоторая ее сосредоточенность вокруг донжона, внутри длинного здания, примыкающего к крепостной стене, и в юго-западной части цитадели.

Аналогичная картина наблюдается и на раскопе CII на пространстве, ограниченном Г-образным зданием. При всем том, что лощеная керамика встречается здесь на всей площади раскопа, основная ее часть сосредоточена около восточной половины здания, причем значительное ее количество находилось внутри него. Нет сомнений, что и в этом отсеке крепости главенствующее положение занимали тюрки. По этому поводу М. И. Артамонов пишет: «Только в пределах Г-образного здания следы этой культуры (кочевнической.— *В. Ф.*) выходили за пределы цитадели, что естественно, вытекает из тесной связи данной части крепости с цитаделью» [21].

Совершенно по-иному выглядит картина распространения керамики в беловежском слое. Обратимся к стратиграфии и топографии распространения лощеной керамики в слое Белой Вежи. На раскопе CI, у Главных ворот крепости и на западном угловом раскопе 1949 г. процент лощеной керамики, найденной в русском слое, от всей лощеной керамики, найденной на данных раскопах, почти одинаков — соответственно 28,51 и 26,18% [22]. Это значительно выше среднего уровня, составляющего для русского слоя 18,25%.

Обратная картина, по сравнению с хазарским периодом, наблюдается в цитадели. Здесь к русскому слою относится всего лишь 8,64% лощеной керамики, найденной на раскопе, что соответственно меньше общего показателя в два раза. По тем же показателям, участок Г-образного здания, примыкающего к цитадели, занимает, как и в хазарское время, среднее положение, но только уже с той разницей, что процент найденной в русском слое лощеной керамики выше, нежели в цитадели (в саркельское время был ниже), и ниже, чем в западной части крепости (в саркельское время был выше) — 14,6%.

За всей указанной трансформацией соотношения находок столовой лощеной керамики в хазарском и русском слоях по крепости в целом и по участкам отдельно стоит не что иное, как изменение этнического состава населения опять-таки по крепости в целом и по ее секторам, в частности. Общий резкий спад производства столовой лощеной керамики после 965 г. примерно в четыре с половиной раза является показателем исчезновения из Саркела (бегство или гибель) большей части его «салтовского» населения. Но это лишь одна сторона вопроса. Если оставшееся в городе салтовское население и продолжает производить, хотя в сократившемся объеме, столовую лощеную посуду, то тюрки раз и навсегда перестают быть ее основными потребителями, а тем более лучших ее образцов. Оставшиеся в городе тюрки теряют значение военной, социальной и административной верхушки его населения. В том, что какая-то часть тюркского населения осталась в городе, убеждают находки в беловежском слое характерной кочевнической керамики. Однако теперь ее находки не концентрируются в цитадели, а разбросаны по разным участкам городища.

Указанными изменениями и объясняется резкое сокращение находок столовой лощеной керамики в цитадели, бывшей до 965 г. основным местом пребывания тюркского гарнизона. Та же причина повлекла уменьшение количества лощеной посуды и в беловежском слое раскопа CII. Основными

---

[20] *М. И. Артамонов.* Ук. соч., стр. 36.

[21] Там же, стр. 34, 35.

[22] Сравнение встречаемости керамики в хазарском и русском слоях вполне правомерно, так как продолжительность обоих периодов в жизни города примерно одинакова — 130—135 лет и 152 года. Разница в 20 лет не имеет значения, так как в самых поздних пластах русского слоя лощеная керамика почти не встречается.

потребителями столовой лощеной посуды в русский период жизни города остаются сами ее производители — «салтовцы», часть продукции более или менее равномерно распространяется среди других этнических групп населения.

Трудно сомневаться в том, что, заняв место тюркского гарнизона в качестве главенствующей в городе силы, русские воины отнюдь не заняли их места в качестве основных потребителей лощеной посуды. Главная причина этого, как нам представляется, заключается в том, что Русь к X в. имела уже свое собственное развитое гончарное ремесло, знавшее уже не только ручной, но и ножной гончарный круг. Русская гончарная керамика представлена в слоях Белой Вежи достаточно широко [23].

В. Д. Белицкий прямо указывает, что «входящая в рассматриваемый комплекс (вторая, славянская, подгруппа жилищ с кирпичными печами. — *В. Ф.*) керамика салтово-маяцкого типа в основном происходила из жилищ, не содержащих в своих остатках русской кружальной посуды...» [24]. Затухание производства столовой лощеной посуды в последние десятилетия жизни города вызвано, с одной стороны, падением на нее спроса, с другой — окончательным исчезновением «салтовской» этнической группы из состава населения города, вызванное частично ассимиляцией в русской среде, а частично, видимо, уходом.

Лощеная керамика в Белой Веже встречается в незначительном количестве вплоть до границы между вторым и третьим метрами культурных напластований, что хронологически соответствует 1117 г. Выше встречаются лишь единичные фрагменты, появление которых там следует считать следствием перекопов. Анализ топографии и стратиграфии распространения лощеной керамики в Саркеле — Белой Веже позволяет более конкретно проследить внутреннюю жизнь города. Это тем более важно, что в его истории в миниатюре отразились события почти трехсотлетнего периода, связанного с закатом и падением Хазарского Каганата и усилением молодого древнерусского государства.

Результаты проведенного анализа стратиграфии и топографии распространения салтово-маяцкой столовой лощеной керамики в культурных напластованиях Саркела — Белой Вежи и сделанные на этой основе выводы могут быть в значительной степени уточнены и дополнены при проведении аналогичной работы с керамикой других типов. В частности, одной из интересных и важных для реконструкции истории города проблем является вопрос о взаимоотношениях салтово-маяцкого и славянского населения в хазарский период его существования. Она может быть, как нам представляется, решена на основе сравнения распространения в соответствующих слоях салтово-маяцкой керамики всех типов и славяно-боршевской.

*V. S. Fliorov*

## LA CERAMIQUE LUSTREE DE SARKEL — BIÉLAÏA VIÉJA


### Résumé

Sarkel — Biélaïa Viéja donne de vastes possibilités pour l'étude stratigraphique et topographique de la répartition sur son territoire de la céramique lustrée de Saltovo-Maïaki à la lumière des suivantes conclusions archéologiques et historiques. S. A. Plétniova et V. D. Béletski sont à l'origine de ce travail. La nette diminution des poteries lustrées dans la couche russe du goroditché par rapport à la couche khazar — dans un rapport de 18,25% à 81,75% — confirme la diminution du nombre de la population ala-


[23] *С. А. Плетнева.* Керамика Саркела — Белой Вежи, стр. 229, рис. 14.
[24] *В. Д. Белецкий.* Ук. соч., стр. 108.

no — bolgarienne après la conquête de la ville par Sviatoslav, en 965. A la période khazar la proportion de céramique lustrée rouge et jaune est la plus élevée dans la citadelle et dans le secteur C II attenant, où habitait la garnison turque. On voit tout autre chose dans cette ville à la période russe, quand les Turcs, qui occupaient auparavant la citadelle et le secteur C II, eurent cessé de détenir le pouvoir social et militaire. La quantité de céramique lustrée, surtout la rouge et la jaune, dans les secteurs mentionnés diminue sensiblement. En supplantant la garnison turque en qualité de principale force militaire et politique, la population russe ne lui a pas succédé dans l'usage de la céramique lustrée. La cause principale en est que les Slaves avaient déjà vers le Xe s. une production de poteries bien développée, avec emploi du tour à pied. Le déclin de la production de la vaisselle lustrée dans les dernières décennies de l'existence de la ville était causé par la réduction de la demande, due à la concurrence de la vaisselle russe de terre; en outre, il résultait de la diminution constante de la population alano — bolgare.

Л. А. ГОЛУБЕВА

# КОНЬКИ-ПОДВЕСКИ МЕЖДУРЕЧЬЯ ВОЛГИ И ОКИ

В погребальных обрядах и материальной культуре финно-угорских народов Верхней Волги и Оки конца I — начала II тысячелетия н. э. сохранялись пережитки культа коня, связанные с почитанием солнца и богини природы. Изображения коня имели охранительное значение и были в то же время символом плодородия. Бронзовые подвески с изображением коней у финно-угорских народов являлись специфически женским украшением. От Прикамья до Верхней Волги и Оки коньки и коньковые подвески имели в каждом регионе свой облик. Это позволяет рассматривать их в качестве этнических признаков [1].

В археологических памятниках Верхнего Прикамья древнейшие литые подвески-коньки появляются в ананьинскую эпоху. В VII в. они сменяются двуглавыми коньковыми подвесками с шумящими привесками [2]. На рассматриваемой территории бронзовые коньки в женских украшениях также появляются раньше коньков с шумящими привесками. Древнейшая — литая подвеска — конек из погребения 22 Кошибеевского могильника на Оке (рис. 1, *1*) [3]. К ней близки пять подвесок-коньков азелинской культуры [4]. Две происходят из могильников по р. Вятке — Воробьевского [5] и Атамановы кости [6]. Три найдены в Волго-Камском междуречье, при впадении Камы в Волгу [7]. П. П. Ефименко [8], А. П. Смирнов [9] и Н. В. Трубникова [10] датировали кошибеевскую подвеску II—III вв.

Однако есть основания усомниться в этой дате. Конек отлит по восковой модели, с имитацией филиграни. В технике филиграни или подражания

---

[1] *Л. А. Голубева.* Коньковые подвески Верхнего Прикамья. СА, 1966, 3; *В. А. Оборин.* Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья. ВАУ, 9, 1969, стр. 8.

[2] *Л. А. Голубева.* Ук. соч., стр. 86; *В. А. Оборин.* Ук. соч., стр. 15—18.

[3] *А. А. Спицын.* Древности бассейнов рек Оки и Камы, вып. I. СПб., 1901, стр. 59, 60, рис. VI, *15.*

[4] *В. Ф. Генинг.* Этническая история южного Прикамья в I тысячелетии н. э. Свердловск, 1973. Докт. дисс. Архив ИА АН СССР, ф. 2, № 2144, стр. 152.

[5] *М. Г. Худяков.* Воробьевский и Вичмарский могильники. ИОАиЭ, т. XXXIV, 3—4, Казань, 1929, стр. 74, табл. 3, *4.*

[6] *А. А. Спицын.* Ук. соч., рис. V, *16.*

[7] Рождественский могильник, погр. 73; городище Гремячий ключ, Болгары. См.: *П. Н. Старостин.* Итоги работ на Рождественском могильнике в 1970—1971 гг. Казань, 1972. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 4567, табл. VII, *21; его же.* Этнокультурные общности предболгарского времени Нижнего Прикамья. Сб. «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья и Прикамья». Казань, 1971, табл. I, *1*; ЦГМ ТАССР, кол. из Булгар, инв. 7719/42.

[8] *П. П. Ефименко.* Рязанские могильники. МАЭ, III, вып. 1, 1926, рис. 4, *9.*

[9] *А. С. Смирнов.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, стр. 76.

[10] *Н. В. Трубникова.* Погребение шамана в Кошибеевском могильнике и верования позднегородецких племен. СА, 1969, 3, стр. 42—51, рис. 1, *8.*

ей изготовлены и его аналогии, а также арочные коньковые подвески азелинской культуры и ажурные пряжки с шумящими украшениями рязанско-окских могильников. Этот прием возникает в VI в. одновременно у населения волго-вятского междуречья и в бассейне р. Оки в районе Рязани. А. К. Амброз относит появление коньков данного типа к VII в.[11]

А. А. Спицын относил погр. 22 к мужским на основании находки копья. Н. В. Трубникова видит в нем погребение шамана. Основанием для такого предположения служит богато украшенный пояс, около которого в беспорядке лежали кроме конька ряд других подвесок, в том числе ажурная подвеска с двумя конскими головками, смотрящими в противоположные стороны. Н. В. Трубникова предложила реконструкцию пояса «шамана», в котором двухконьковая подвеска, положенная горизонтально, играет роль застежки. Эта реконструкция вызывает решительные возражения. Функции застежки нельзя приписывать подвеске, имеющей сверху петлю. А. А. Спицын в своих «корочках» рассматривал эту подвеску в качестве прототипа стилизованных коньковых подвесок XII в.[12] Как специфически женское украшение такие подвески носились на груди или у пояса. Несмотря на наличие копья, мы считаем, что погр. 22 принадлежало женщине. Оружие встречено и в других женских погребениях Кошибеевского могильника. Н. В. Трубникова объясняет это пережитком матриархата.

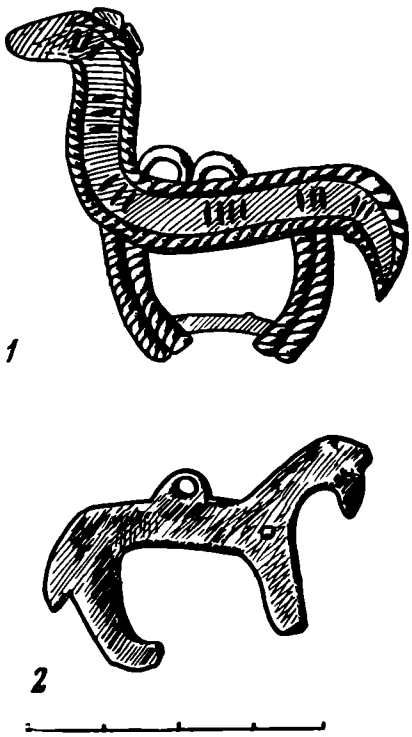



Рис. 1. *1* — Кошибеевский мог., погр. 22; *2* — Малышевский мог., погр. 167

Вторая находка — бронзовый конек из женского погр. 167 Малышевского могильника на нижней Оке. Это плоская литая фигурка конька со сдвоенными ногами и петлей на спине (рис. 1, *2*). Подвеска найдена у головы. По бронзовой гривне с застежкой-лодочкой, кольцевой застежке с большим треугольным щитком в основании иглы А. Ф. Дубынин датирует это погребение VIII в.[13].

В последней четверти — конце I тысячелетия в Верхнем Поволжье и бассейне Оки появляются украшения, которые мы предлагаем называть коньками с шумящими привесками. С разной степенью условности они изображают туловище коня, иногда с двумя головами, с ногами в виде трубочек, колечек и др. В бассейне Оки они некоторое время сосуществуют с коньковыми подвесками. В последних туловище коня имеет вид щитка (прямоугольной, трапециевидной и другой формы) и только головки указывают на связь этих подвесок с образом коня.

Подвески-коньки с шумящими привесками на интересующей нас территории можно разделить на пять типов.

---

[11] *А. К. Амброз.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. II. СА, 1971, 3, стр. 107, 112.

[12] Архив ЛОИА, ф. 5, № 381, л. 38.

[13] *А. Ф. Дубынин.* Отчет по археологической экспедиции Ивановского государственного педагогического института в 1949 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 338. Приношу благодарность А. Ф. Дубынину за разрешение опубликовать эту подвеску. Такой же конек найден в женском погребении 112 Бирского могильника в Башкирии. Н. А. Мажитов датирует подвеску VI—VII вв. (*Н. А. Мажитов.* Бахмутинская культура. М., 1968, стр. 100, табл. 7, *20*).

**Первый тип** (3 экз.). Туловище конька узкое и длинное, сверху и снизу покрыто жгутовым орнаментом. Хвост опущен, голова на длинной шее увенчана двойной спиралью (рис. 2, *1*). Конек четырьмя ногами стоит на платформе, очевидно, изображающей землю. Фигурка отлита по восковой модели, причем ноги и платформа выполнены косоплеткой. К костылькам, образованным из вертикального отрезка крученой проволоки и соединенного с ним согнутого в восьмерку звена из такой же проволоки, подвешены колокольчики (5). Подвески найдены в 1907 г. на песчаной дюне «Борок» близ с. Дубровичи Рязанской губернии и уезда [14].

**Второй тип** (6 экз.). Найдены в погребениях Чулковского, Шокшинского, Томниковского и Крюково-Кужновского могильников (рис. 3). Представлены двумя вариантами.

Первый вариант (5 экз.). Конек с массивным коротким туловищем четырьмя ногами стоит на платформе, которой касается и его длинный хвост. Голова с торчащими ушами поднята, под шеей и платформой колечки. Коньки из Чулковского [15], Шокшинского и Томниковского [16] могильников выполнены из спаянных крученых и гладких проволок. Шокшинский конек изображен стоящим. Морда его заканчивается волютой (намек на уздечку?). Привески (7) конусообразны. У конька из Томниковского могильника ноги поставлены под углом друг к другу, он как бы идет. Привески (7) — бутылковидные (рис. 2, *2*).

Туловища коньков из Крюково-Кужновского могильника [17] рубчатые, спаянные из четырех гладких проволок. Спинки украшены выступом из трех спиралей; морды также заканчиваются волютами. Шумящие привески в виде гусиных лапок (погр. 550 и 564; рис. 2, *3*, *5*) и треугольников [18].

Второй вариант. Представлен одной подвеской из погр. 248 Крюково-Кужновского могильника [19]. Она изображает двухголового конька с восемью ногами, стоящего на платформе (рис. 2, *4*). Тулово, как и платформа, выполнены из косоплеток. Головки и спинка конька украшены двойными и тройными спиралями, а уши сделаны из ромбовидных пластинок. Шумящие привески — трапециевидные.

Костылькн у коньков-подвесок второго типа массивные, с двумя взаимно перпендикулярными петлями и спирально закрученной серединой, часто литые.

**Датировка коньков с шумящими привесками первого и второго типов и их этническая принадлежность.** В. А. Городцов полагал, что коньки, найденные близ с. Дубровичи, происходят из финского погребения и являются изделиями местного производства. Он допускал, что собранные там же ажурные пряжки с шумящими привесками, серебряные арбалетные фибулы, подвески-птички, краснопастовые бусы и др. (всего более 50 предметов) могли происходить из того же погребения. Это предполагаемое погребение В. А. Городцов датировал III в. А. П. Смирнов и Н. В. Трубни-

---

[14] Отчет РИМ за 1907 г. М., 1908, стр. 12; *В. А. Городцов.* Дубровический финский могильник. Тр. Об-ва исследователей Рязанского края, вып. V. К материалам по археологии Рязанского края. Рязань, 1925, стр. 6, *10,* рис. 7. ГИМ, II археол. отд., инв. № 44539.

[15] Благодарю М. Ф. Жиганова за информацию о находке и присланный мне рисунок конька.

[16] *А. В. Диркин.* Приложение к отчету об археологических работах на Шокшинском могильнике в 1968 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3664а, фото № 102. У конька пять ног. Эрмитаж, ОИПК, секция северо-запада, колл. 759, № 169. Раскопки Н. Е. Макаренко в 1909 г., погр. 11.

[17] *П. П. Иванов.* Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952, стр. 172, 177. Моршанский краеведческий музей, колл. из раскопок Крюково-Кужновского могильника (погр. 550 и 564).

[18] Конек из погр. 564 изображен на обложке книги: *П. П. Иванов.* Материалы по истории мордвы VIII—XI вв.

[19] *П. П. Иванов.* Ук. соч., стр. 85. Моршанский краеведческий музей, колл. из Крюково-Кужновского могильника.

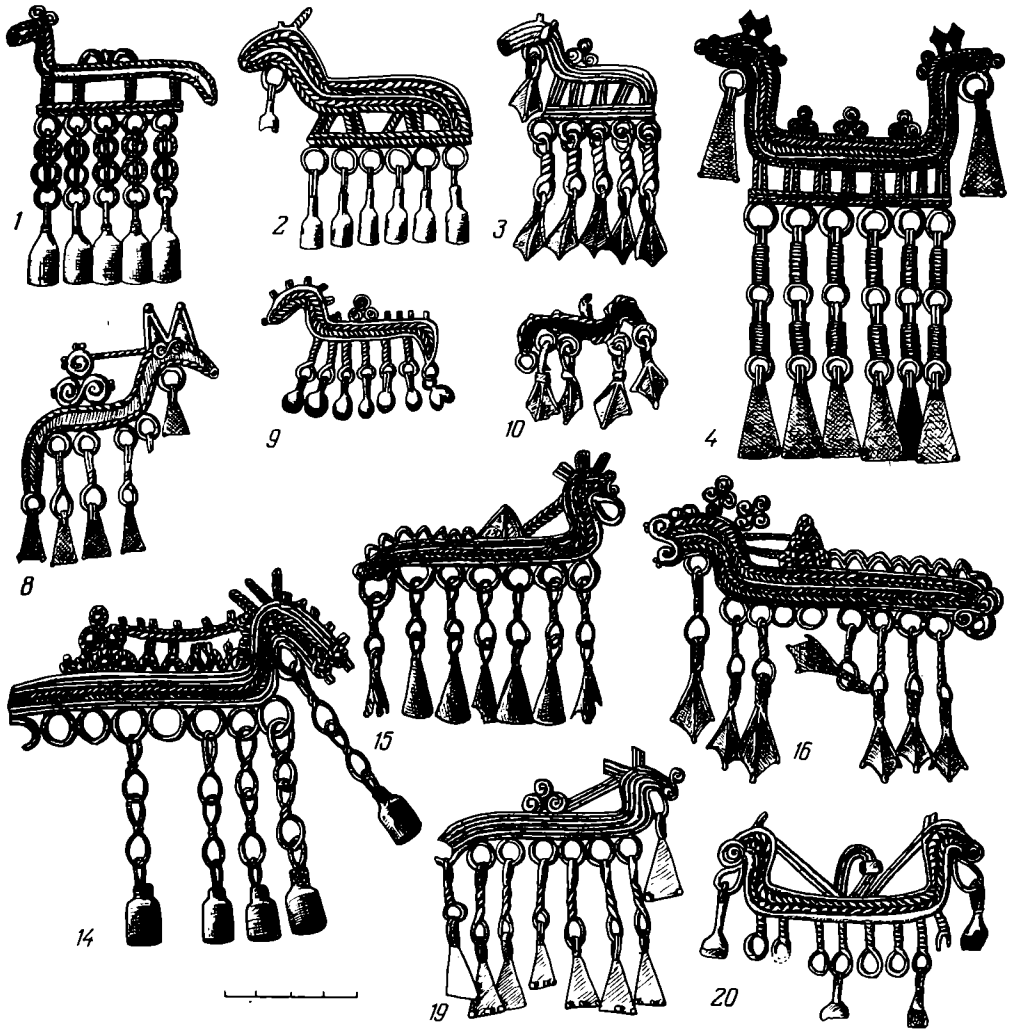



**Рис.** 2. Коньки-подвески I—V типов. *1* — Дубровичи; *2* — Томниковский мог., погр. 11; А. С. Уварова, ГИМ; *7*, *11* — Подболотьевский мог., погр. 7, 91; *8* — Сарское городище; ский мог., погр. 2; *17* — Шокшинский мог., погр. 227; *20* — Починковский мог., погр. 3;

кова отнесли коньки-подвески к изделиям городецкой культуры и датировали тем же временем[20]. Однако указанные вещи разновременны и принадлежность их к одному комплексу весьма сомнительна[21]. Стилистические особенности дубровичской находки сближают ее со скульптурными фигурками высоких тонконогих коней азелинского времени с шумящими привесками. Оригинальная форма звеньев напоминает петли из крученой проволоки в виде восьмерок на пирамидальных подвесках с шипами по углам, встреченных в погребальных комплексах VII—VIII вв.[22] Коньки из Дубрович можно отнести к VII—VIII вв.

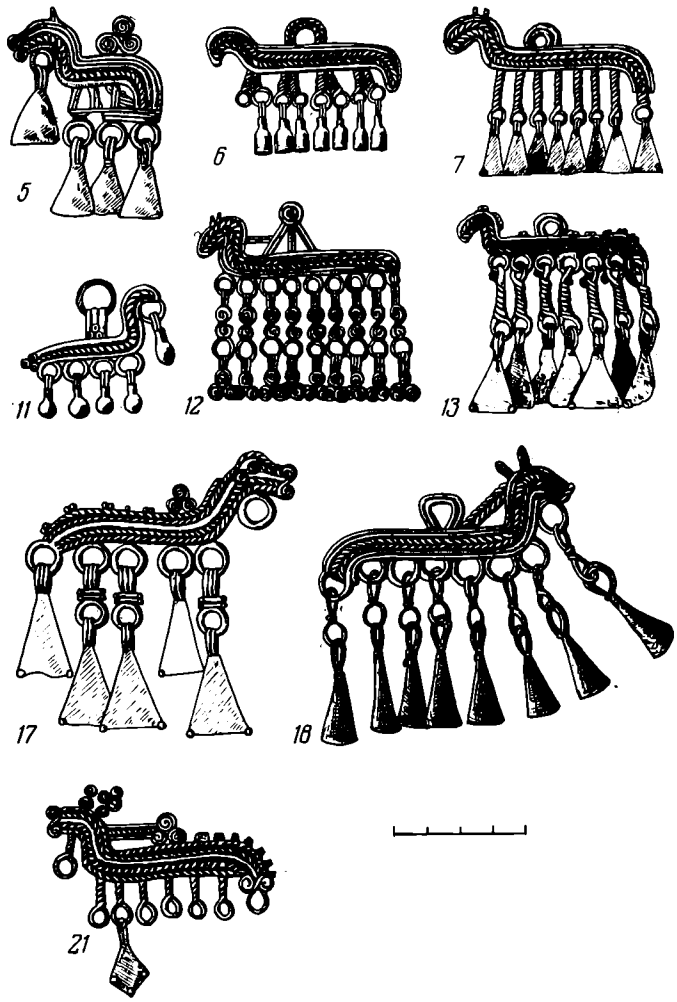
Дата подвесок-коньков второго типа хорошо определяется корреляцией с другими вещами из погребальных комплексов (табл. 1). Это в первую очередь височные привески с пирамидальным грузиком. Эволюция их хо-

---

[20] *В. А. Городцов.* Ук. соч., стр. 7—10; *А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова.* Городецкая культура. САИ, Д1-14, 1965, табл. 19, *6*.

[21] *В. В. Гольмстен.* Хронологическое значение эволюции древних форм. Самара, 1923, стр. 8.

[22] *Ю. А. Краснов.* Безводненский могильник (по материалам раскопок 1971 г.). КСИА АН СССР, 140, 1974, рис. 4, *15*, стр. 94; *Е. И. Горюнова.* Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961, стр. 117, рис. 55, *11*.




*3—5* — Крюково-Кужновский мог., погр. 550, 248, 564; *6, 14—16, 18, 19* — коллекция *9, 12* —Малышевский мог., погр. 15, 197; *10* — Корниловский мог., погр. 2; *13* — Муром- *21* — Городище, кург. 1987

рошо прослежена [23]. Височные привески из наших погребений (рис. 4, *2*) имеют массивные стержни длиной не более 6 *см*, обмотанные довольно толстой проволокой, в 20—25 витков. Грузики крупные, бипирамидальные. Число витков спирали — 5—6. Такие височные привески, по наблюдениям А. Е. Алиховой и М. Ф. Жиганова, характерны для IX в. Цилиндрические пронизки с подвешенными на колечках треугольными или бутылковидными привесками (рис. 4, *4*) наиболее распространены также в IX в. [24] Звездчатые и бутылковидные с петлями украшения накосников (рис. 4, *3*, *5*), известные с VI в., в IX в. очень распространены, а в X в. исчезают из употребления [25]. Размер и детали нагрудных трапециевидных подвесок (рис. 4, *1*) из погр. 550 и 564 Крюково-Кужновского могильника также указывают на IX в. В погр. 550 найдена кольцевидная серьга. По мнению А. Е. Алиховой, такие серьги характерны для IX в. [26]

---

[23] *А. Е. Алихова.* Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I и начала II тысячелетия н. э. СА, 1958, 2, рис. 1, *14; М. Ф. Жиганов.* К истории мордовских племен в конце I тысячелетия н. э. (могильник у пос. Заря). СА, 1961, 4, рис. 3, *27*.

[24] *М. Ф. Жиганов.* Ук. соч., стр. 172, рис. 3, *37, 38; А. В. Циркин.* Шокшинский могильник. СА, 1972, 1, стр. 166, рис. 3, *17, 18*.

[25] *М. Ф. Жиганов.* Ук. соч., стр. 171, рис. 3, *12; А. Е. Алихова.* Ук. соч., рис. 1, *18*.

[26] *А. Е. Алихова.* Ук. соч., рис. 1, *19*.

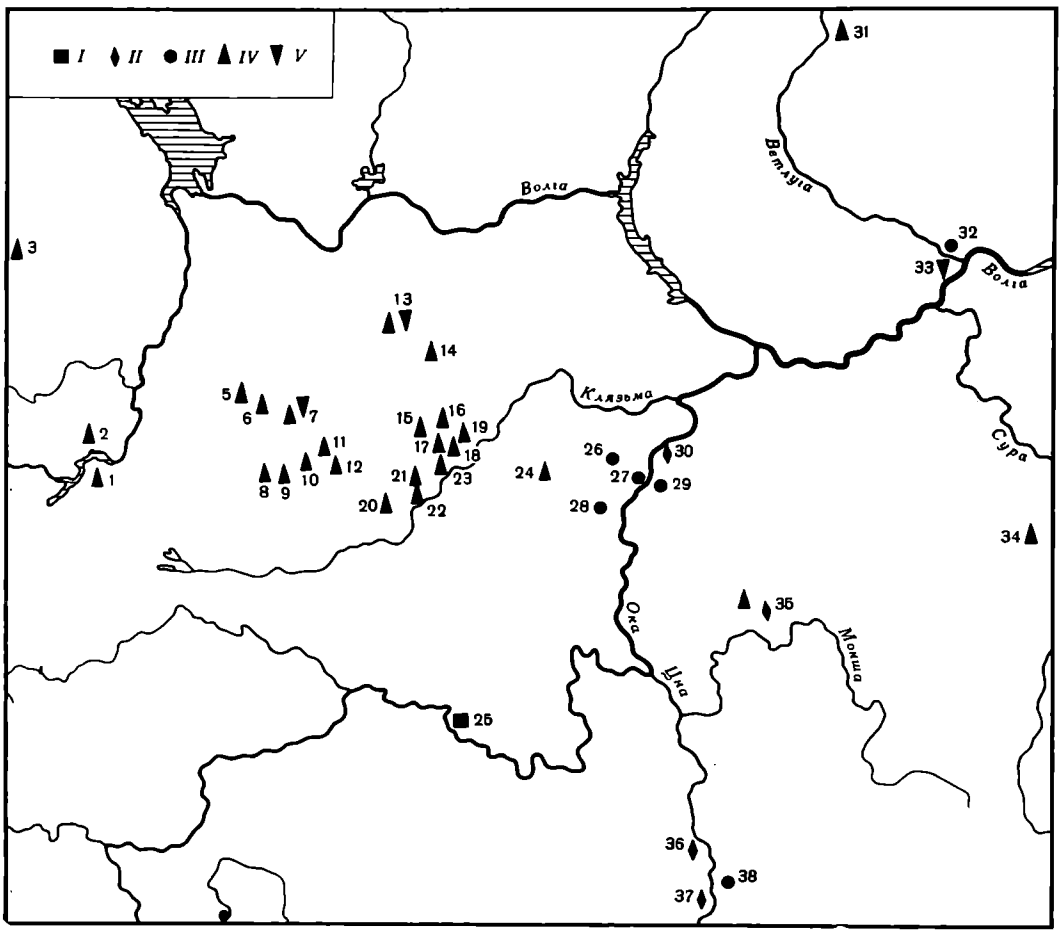



Рис. 3. Карта распространения коньков-подвесок I—V типов. I — первый тип; II — второй тип; III — третий тип; IV — четвертый тип; V — пятый тип. *1* — Пекуново; *2* — Посады; *3* — Белый городок; *4* — Зубарево; *5* — Кустеря; *6* — Сарское городище; *7* — Городище; *8* — Осипова пустынь; *9* — Веськово; *10* — Киучер; *11* — Брембола; *12* — Кобанское; *13* — г. Иваново; *14* — Семухино; *15* — Кубаева; *16* — Шелебово; *17* — Осановец; *18* — Шокшево; *19* — Весь; 20 — Доброе; *21* — Кестрин; *22* — Давыдовское; *23* — Сунгирь; *24* — Новленское; *25* — Дубровичи; *26* — Малышево; *27* — Муром; *28* — Подболотня; *29* — Корниловка; *30* — Чулково; *31* — Веселовская; *32* — Выжум; *33* — Починок; *34* — Перемчалкино; *35* — Шокшино; *36* — Томниково; *37* — Крюково-Кужново; *38* — Паново

В четырех погребениях шумящие коньки-подвески найдены вместе с нагрудными пластинчатыми дисковидными бляхами (рис. 4, *9*). Крышки этих блях имеют большой треугольный выступ и ромбовидный узор из пяти выпуклин. Поле орнаментировано шестью выпуклинами и насечками. Такие бляхи наиболее характерны для IX в., но встречаются и в X в.[27]

Украшение обуви в виде двойных (овальных и сердцевидных) бляшек (рис. 4, *6*) встречается в комплексах со звездчатыми привесками; позже IX в. оно редко[28]. Таким образом, дата коньков первого варианта — IX в.

Двухголовый конек из погр. 248 Крюково-Кужновского могильника может датироваться IX—X вв. на основании совместной находки с шейными гривнами глазовского типа и ажурными треугольными подвесками. Последние изготовлены из проволочных косоплеток, украшены у основания парными спиралями, имеют пять треугольных привесок.

---

[27] *А. Е. Алихова.* Ук. соч., рис. 1, *22*; *М. Ф. Жиганов.* Ук. соч., стр. 173, рис. 3, *43*; *И. М. Петербургский.* О классификации нагрудных блях Шокшинского могильника. Сб. «Краеведение Мордовии». Саранск, 1973.

[28] *М. Ф. Жиганов.* Ук. соч., рис. 3, *24*.

*Таблица 1*

**Коньки с шумящими привесками второго типа**

| Местонахождение | Исследователь | Обряд погребения | Количество подвесок-коньков; положение в погребении | Сопровождающий инвентарь | | | | | | | Бусы | | | Дата |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | | | височные привески с пирамидальным грузиком | цилиндрические проникзки с шумящими привесками | звездчатые и бутылкообразные привески к накоснику | дисковидные бляхи с крышкой | трапециевидные подвески | гривна глазовского типа | сердцевидные украшения обуви | лимонки, бисер | позолоченные многочастные | глазчатые мозаичные | |
| Крюково-Кужновский могильник, погр. 550 | П. П. Иванов | Трупоположение | Одна, в ожерельи | | | + | + | + | | | + | + | | IX в. |
| То же, погр. 564 | » | То же | То же | + | + | + | + | + | | + | + | + | + | IX в. |
| То же, погр. 248 | » | » | Одна, на шее | + | + | + | + | | + | + | + | + | | IX–X вв. |
| Томниковский могильник, погр. 11 | Н. Е. Макаренко | » | Одна, в ожерельи | | + | + | | | | | + | + | | IX в. |
| Шокшинский могильник, погр. 190 | А. В. Циркин | » | Одна, на шее | | + | | + | | | | + | + | + | IX в. |

Наличие инвентаря обозначено знаком «+».

Подвески первого и второго типов найдены на территории, где древнейшим было финно-угорское население — племена городецкой культуры и их потомки. Коньки-подвески первого типа из Рязанско-Окского района связаны с местным населением, развитие которого привело к сложению таких народов как мордва, мурома и мещера.

Могильники по средней Цне, где найдены коньки-подвески второго типа, все исследователи относят к мордве. Шокшинский могильник в ниж-

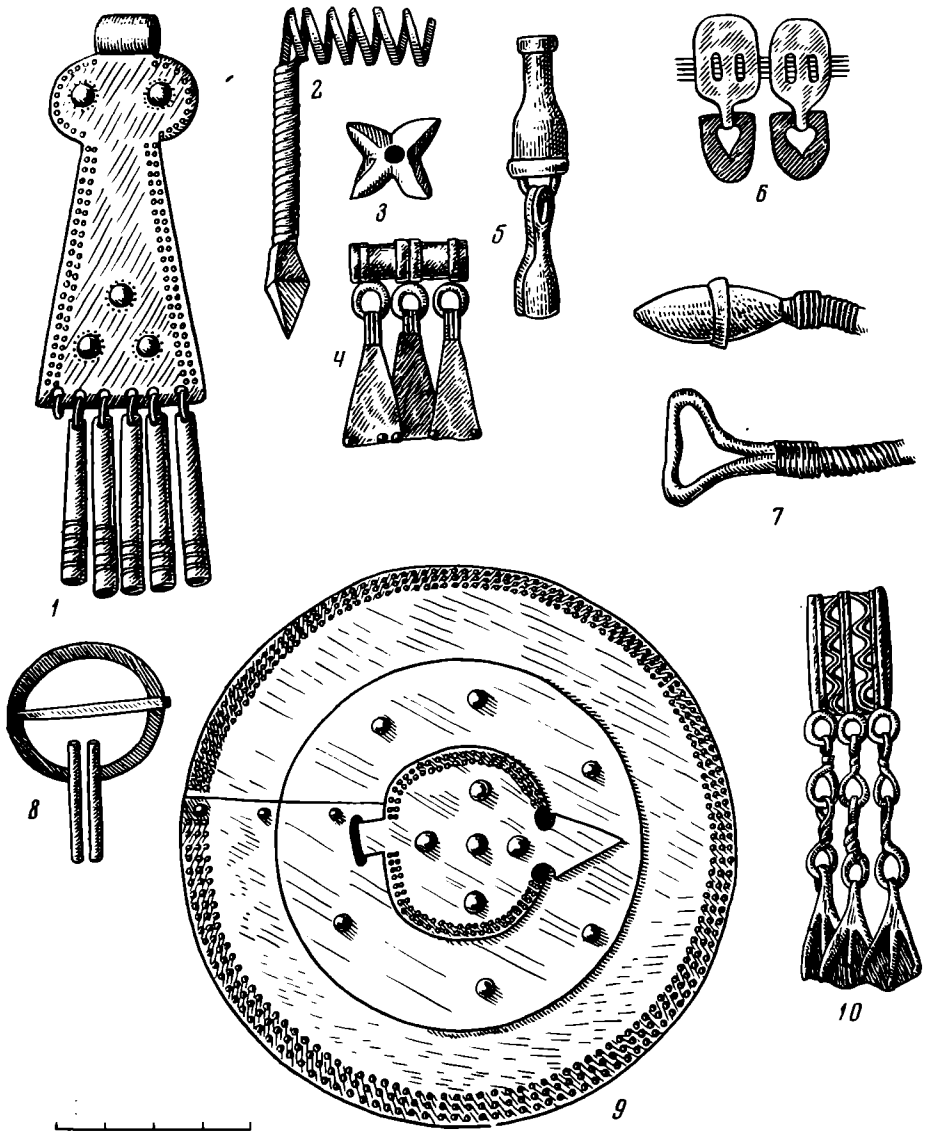



Рис. 4. *1—10* — вещи из погребальных комплексов IX в.; Крюково-Кужновский мог., погр. 550, 564

нем течении р. Мокши также оставлен мордовским населением, хотя и испытавшим значительное влияние муромы [29].

Таким образом, коньки-подвески второго типа можно признать характерными для мордвы этого региона. Трактовка образа коня (конь на четырех ногах, на платформе) говорит об известной преемственности с коньками-подвесками первого типа.

[29] *А. В. Циркин.* Шокшинский могильник, стр. 155, 156.

Спираль — солярный знак и привески в виде утиных лапок подчеркивают связь образа коня с небом и водной стихией и усиливают магическое значение подвески в качестве символа плодородия.

**Третий тип** (21 экз.). Найдены в бассейне нижней Оки, в погребениях Подболотьевского, Малышевского, Корниловского, Муромского могильников. За пределами этой территории обнаружено не более четырех подвесок. Большинство находок не издано [30]. Этот тип коньков имеет три варианта.

Первый вариант (12 экз.). Туловище коня узкое и длинное, отлито по модели, основу которой составляла косоплетка. Голова на короткой шее опущена, морда сужена. Уши почти не заметны. На спинке — массивная полукруглая петля. У восьми экземпляров снизу припаяны вертикально тоненькие трубочки (6—9 экз.) из спиральновитой проволоки с петлями, изображающие ноги конька. К петлям подвешены треугольные или ромбовидные пластинки. Пять подвесок-коньков этого типа по форме, пропорциям, рисунку тулова и головы, отсутствию шумящих привесок под шеей близки конькам-подвескам первого типа. Это коньки из Подболотьевского [31] (рис. 2, *11*), Малышевского [32] могильников и экземпляр коллекции А. С. Уварова [33]. У конька из Выжумского могильника [34] морда завершена двойной спиралью. Конек из Пановского могильника [35] имеет рубчатое туловище.

Следующие три экземпляра подвесок отличаются дополнительными выступами на головке и спинке коня. У двух петля на спинке заменена треугольником из трех спиралей [36]. Привески — однощелевые бубенчики (рис. 2, *9*). Такие шумящие подвески-коньки найдены в погр. 9, 15 и 84 Малышевского могильника [37]. У следующих четырех подвесок «ноги» (6 или 8) сгруппированы попарно и в трех случаях припаяны к тулову под углом, что создает впечатление идущего коня. Это подвески из погр. 72 Малышевского могильника [38], сборов А. С. Калугина на этом же могильнике [39], из Владимирских курганов [40] (рис. 2, *6*). У двух подвесок из сборов А. С. Калугина петля на спинке соединена с шеей и головкой коня проволочными тяжами. Привески — однощелевые бубенчики, ромбовидные, бутылковидные [41].

Второй вариант (6 экз.). Туловище конька тех же пропорций и рисунка, что у подвесок первого варианта, отлито вместе с колечками (от 5 до 10) для шумящих привесок. Спинка и головка украшены ложной зернью. По центру спины — массивная полукруглая рубчатая петля. Шумящие привески — треугольные. Три конька происходят из погр. 80 и 86 Малы-

---

[30] Приношу благодарность А. Ф. Дубынину и Г. А. Архипову, предоставившим мне возможность опубликовать коньки-подвески из их раскопок.

[31] *В. А. Городцов.* Археологические исследования в окрестностях Мурома в 1910 г. «Древности», Тр. МАО, 24, 1914; погр. 91, ГИМ, колл. 56480.

[32] *А. Ф. Дубынин.* Ук. отчет за 1949 г. Погребение 197, альбом, стр. 23. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 337.

[33] ГИМ. Витрина в зале «Ростово-Суздальская земля X—XI вв.».

[34] *Г. А. Архипов.* Отчет о раскопках Выжумского III могильника летом 1971 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 4560, погр. 11, рис. 26, *9*.

[35] Материальная культура среднеднинской мордвы VIII—XI вв., рис. 12, *11*, погр. 75.

[36] У коньков-подвесок всех типов на тыльной стороне обязательно присутствуют петли. Петля на лицевой стороне имеет часто только декоративное значение.

[37] *А. Ф. Дубынин.* Отчет об археологических исследованиях Ивановского областного краеведческого музея в 1938 г. Архив ЛОИА, ф. 35, д. № 34/1938, рис. 14 (л. 110); *его же.* Приложение к отчету об археологических исследованиях Малышевского могильника в 1947 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 147, стр. 18 об.

[38] ИОКМ, археологический отдел, колл. 9639.

[39] Там же, два экз.

[40] *А. С. Уваров.* Меряне и их быт по курганным раскопкам. Труды II АС в Москве, т. II. М., 1871. Атлас, табл. XXV, рис. 7; *А. А. Спицын.* Владимирские курганы. ИАК, 15, СПб., 1905, рис. 432.

[41] *А. Ф. Дубынин.* Ук. отчет за 1938 г., рис. 15 (л. 111).

**Коньки с шумящими привесками III типа**

| Местонахождение | Исследователь | Обряд погребения | | Количество подвесок-коньков; положение в погребении | височные кольца со щитком | височные кольца лунничные | цилиндрические пронолочные проволоки с шумящими привесками |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | трупосожжение | трупоположение | | | | |
| Выжумский III могильник, погр. 11 | Г. А. Архипов | | + | Одна, на груди | + | | |
| Корниловский могильник, погр. 2 | Ф. Я. Селезнев | | + | Две, свисали с пояса | + | + | + |
| Малышевский могильник, погр. 197 | А. Ф. Дубынин | + | | 3 | + | | + |
| Малышевский могильник, погр. 72 | » | + | | Одна, в туеске | + | + | |
| Малышевский могильник, погр. 9 | » | + | | 1 | + | | + |
| Малышевский могильник, погр. 15 | » | + | | 1 | + | | |
| Малышевский могильник, погр. 84 | » | + | | 1 | | | |
| Малышевский могильник, погр. 86 | » | + | | 1 | | | + |
| Малышевский могильник, погр. 80 | » | | + | 1 | | | + |
| Муромский могильник, погр. 2 | Открыто при земляных работах в 1948 г. | | + | 1 | | + | |
| Пановский могильник, погр. 75 | П. П. Иванов | | + | Одна, в ожерелье | | | |
| Подболотьевский могильник, погр. 91 | В. А. Городцов | + | | 1 | | | |
| Подболотьевский могильник, погр. 7 | » | | + | Одна, на груди | + | | |

Наличие обозначено знаком «+».

шевского[42] и погр. 2 Муромского[43] могильников (рис. 2, *13*). Четвертый из Подболотья, издан Н. П. Травчатовым[44]. Пятый — из собрания ИОКМ, без паспорта[45]. Костыльки у подвесок обоих вариантов такие же, как у коньков-подвесок второго типа. Шестую подвеску отличают некоторые особенности. Спинку украшает изображение солнца с лучами (рис. 2, *12*). Эта деталь, а также колечки внизу напаяны дополнительно[46]. Костыльки литые, с рисунком спиралей.

Третий вариант (3 экз.). Это небольшие подвески, отлитые по модели, в которой чередовались гладкие линии и жгут (в разных сочетаниях). Под брюхом коньков по 4 колечка, напаянных отдельно. Морды завершаются также колечками. Два конька происходят из Корниловского могильника[47]

[42] *А. Ф. Дубынин.* Ук. приложение к отчету за 1947 г., стр. 20 об.

[43] Муромский краеведческий музей. Инв. № 26980. Из женского погр. 2, найденного при земляных работах в 1948 г.

[44] *Н. П. Травчатов.* Подболотский могильник близ г. Мурома. «Труды Владимирской ученой архивной комиссии». Владимир, 1910, рис. 4.

[45] ИОКМ, археол. отдел, инв. № 2263.

[46] *А. Ф. Дубынин.* Ук. отчет за 1949 г., альбом, стр. 23.

[47] *Ф. Я. Селезнев.* Археологические исследования в окрестностях Мурома. Культура финнов средней Оки. Владимир, 1926 (погр. 2, рис. 1, *2*. Изображены две подвески, свисающие с пояса. В фондах Муромского музея сохранилась только одна. Инв. № 10713. Одно колечко утрачено).

*Таблица 2*

| Сопровождающий инвентарь | | | | | | | | Дата |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| подвески и привески шумящие | дисковидные бляхи с крышкой | гривны глазовского типа | перстни с шумящими привесками | пряжки нагрудные круглые с шумящими привесками | бочонкообразные и цилиндрические позолоченные бусы | пряслица шиферные | монеты | |
| + | | | | + | | | Два дирхема | XI в. |
| + | + | + | + | | + | | | X в. |
| + | | + | + | | + | + | | X–XI вв. |
| | | + | + | | | | Дирхем начала X в. | X–XI вв. |
| + | | | + | + | | + | | X в. |
| | | | | | | | Семь дирхемов конца X в. | X–XI вв. |
| + | | | | | + | | Дирхем начала X в. | X–XI вв. |
| + | | | + | | | | Два дирхема начала X в. | X в. |
| + | | | | | | | Три дирхема X в. | X в. |
| + | + | | | + | | | | X в. |
| | | | | + | | | | X–XI вв. |
| | | | | | | | | X в. |
| | | | + | | + | + | | X–XI вв. |

(рис. 2, *10*). Третий найден в Подболотьевском могильнике[48]. На спинке и хвосте у него украшение из трех спиралей (рис. 2, 7).

**Датировка и этническая принадлежность коньков-подвесок третьего типа.** В шести погребальных комплексах с этими коньками найдено 16 дирхемов X в. (пробитых, с ушками и целых). Наиболее поздние моменты относятся к концу X в. (табл. 2). Сопровождающий инвентарь, приведенный в таблице, также указывает на X—XI вв. Заслуживает внимания самое распространенное украшение — цилиндрическая пронизка, к которой снизу вертикально или наклонно припаяны «ножки» (1—3)[49], с петлями и подвешенными к ним треугольными пластинками. Из таких пронизок (25—30 штук) составлялись ожерелья. За пределами нижнеокского региона это украшение встречается в единичных случаях. Как и коньки III типа, оно является сугубо местным.

Население, оставившее упомянутые выше могильники, большинство исследователей относит к мурому. Это согласуется с прямым свидетельством Начальной летописи: «по Оце реце, где втечеть в Волгу, Мурома

[48] *В. А. Городцов.* Археологические исследования в окрестностях Мурома. Погр. 7. ГИМ, колл. 56480.

[49] Она выполнена в той же технике, что и «ноги» коньков III типа.

язык свой, и черемиси свой язык, Мордва свой язык»[50]. А. Е. Алихова и А. Ф. Дубынин[51] выявили этнические особенности женской одежды и головного убора этого племени. Коньки с шумящими привесками III типа можно признать характерными для муромы.

**Четвертый тип.** Известны в литературе как коньки «владимирского» или «мерянского» типа. Найдены в погребениях мордвы (2 экз.), мари (1 экз.), но главным образом в курганах, раскопанных А. С. Уваровым в 1851—1854 гг. на территории современных Владимирской и Ярославской областей. В работах А. С. Уварова сведений о количестве коньков из раскопок нет. А. А. Спицыну было известно не более 20 экз.[52] Однако в дневниках помощников А. С. Уварова — К. Н. Тихонравова[53] и П. С. Савельева[54], фактических производителей работ, содержатся покурганные описания всех раскопанных захоронений и погребальных инвентарей. Интересующие нас коньки с шумящими привесками названы в дневниках «коньками с бляхами». По моим подсчетам, в 48 погребениях было найдено 52 экз. таких коньков.

По изданиям, музейным собраниям и рисункам мне известно 57 коньков-подвесок IV типа. Предположительно к ним можно отнести еще 5 экз.[55]

Коньки IV типа выполнялись в основном наборной техникой. Это чаще всего косоплетка или комбинация проволочной косоплетки с гладкой и крученой проволокой, реже — с зернью, еще реже — с листовой или штампованной бронзой. Применялась также отливка по восковой модели и оттиску в мягкую форму. Во многих случаях установить технологию изделий трудно, так как готовое украшение подвергалось, очевидно, действию высокой температуры, и его рельефные части кажутся округлыми, а оборотная сторона оплавлена. Сложные украшения спинки и головки придают изделию облик фантастического рогатого и горбатого зверька, весьма далекого от реального коня. Рассматривая коньки-подвески в их типологическом развитии, можно выделить 9 вариантов.

Первый вариант (18 экз.). Туловище конька выполнено из двух косоплеток, соединенных гладкой проволокой. Наиболее простые по рисунку туловища экземпляры найдены на территории мордвы — в погребениях Шокшинского[56] и Перемчалкинского[57] могильников. У шокшинского конька (рис. 2, *17*) на спине треугольник из трех спиралей, на месте глаз и пасти — двойные спирали. Под брюхом 4 колечка (всего 6), на которые надеты треугольные шумящие привески. Костыльки массивные, как у коньков II и III типов. Следующие 15 экз., выполненные в той же тех-

---

[50] ПВЛ, СПб., 1910, стр. 10.

[51] *А. Е. Алихова.* Мордва и Мурома. КСИИМК, XXX, 1949, стр. 26; *А. Ф. Дубынин.* Малышевский могильник. К истории нижней Оки в I тысячелетии н. э. КСИИМК, XXV, 1948; *его же.* Раскопки Малышевского могильника. КСИИМК, XXVII, 1949; *его же.* О племенной принадлежности населения северной окраины Муромской земли. СА, 1966, 3, стр. 77—79.

[52] *А. А. Спицын.* Владимирские курганы, стр. 103. В это число входят и литые коньки так называемого Смоленского типа (там же, рис. 260). В экспозиции и фондах III археологического отдела ГИМа хранится 34 экз. коньков-подвесок IV типа; из них 31 происходит из раскопок А. С. Уварова. Почти у всех паспорта утрачены.

[53] ГИМ, ОПИ, ф. 17, д. № 193, 194, 195.

[54] Архив ЛОИА, ф. 8, 1853 г., д. № 2, 19; ф. 8, 1854 г., д. № 4.

[55] Село Кестрин бывшей Владимирской губ., не менее 2 экз. См. ГИМ ОПИ, ф. 17, д. 192; с. Доброе в окрестностях Владимира. 1 экз. (сведения Е. А. Рябинина); Городец на р. Саре. 1 экз. Архив ЛОИА. ф. 8, д. № 4/1854; «Белый городок» в устье р. Медведы в Мологу (*И. Г. Портнягин, Г. В. Харитонов.* Раскопки селища «Белый городок» на Средней Мологе в 1972 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 4851, 1972, стр. 2).

[56] *А. В. Циркин.* Отчет об археологической экспедиции Мордовского гос. университета в 1969 г. Архив ИА, Р-1, № 3920, стр. 10, 11, рис. 16, погр. 227. Коньков-подвесок два.

[57] *А. Е. Алихова.* Перемчалкинский могильник. Археологический сборник 1. ИИМК АН СССР и Научно-исследовательский институт при Совете Министров Мордовской АССР, Саранск, 1948, табл. XII, *6* (подвеска обломана).

нике, имеют более крупное туловище; число колечек увеличено (до 8—11). На голове конька длинные уши из крученой проволоки или спирали. От треугольного выступа в центре спины к голове протянуты проволочные тяжи; в некоторых случаях волнисто-изогнутая проволока имитирует гриву. Круп коня украшен шариками зерни, сгруппированными по три. Костыльки обычные, проволочные, но в одном случае (из кургана у с. Веськова) литые, с рисунком спиралей [58]. Привески треугольные, бутылковидные, лапчатые. Два конька найдены в Давыдковских курганах [59], остальные восемь также из раскопок А. С. Уварова, беспаспортные [60]. Один конек происходит из кургана у дер. Посады Калининской области [61]. Еще два найдены в грунтовом могильнике Сунгирь [62]. Наиболее поздний экземпляр представляет собой отливку в жесткой форме. У него 14 колечек, лапчатые привески висят на цепочках из пяти восьмеркообразных звеньев [63].

Второй вариант (2 экз.). Коньки двухголовые, выполнены в той же технике. В центре спины — треугольник из трех спиралей; в одном случае соединен с головами коней двойными тяжами из крученой проволоки; привески — однощелевые бубенчики и бутылковидные [64].

Третий вариант (3 экз.). Туловище конька выполнено в той же технике. На спинке — полушарные диски, оплетенные сканью. Таким же образом показаны глаза. Вероятно, наиболее ранним является конек из Чазева [65]. У него торчащие уши из скани; на спине три диска, оплетенные сканью и украшенные зернью, соединенные с головой сканой проволокой. Длина 6 *см*. Следующие 2 экз. из коллекции А. С. Уварова представляют собой дальнейшее развитие и усложнение этого образа. Коньки достигают в длину 10 *см* и более. На спинке 6 дисков, оплетенных сканью. На голове композиция из нескольких спиралей. Массивные украшения головы и спины уравновешиваются двойными тяжами. Волнисто-изогнутая проволока имитирует гриву (рис. 2, *14*, *15*) [66]. Привески — лапчатые и бутылковидные.

Четвертый вариант (1 экз.). Конек отличается от предыдущих вариантов наличием на спине диска с тремя расходящимися от него лучами (солярный знак?) [67].

Пятый вариант (8 экз.). Туловище коньков выполнено в той же технике. На спине — массивный треугольный выступ, напоминающий половину пластинчатого широкосрединного валикового перстня [68]. Соединен с головой конька одним или двумя проволочными тяжами. От выступа к хвосту конька идет волнисто-изогнутая проволока. Уши выполнены из пучка сканой проволоки или спиралей. Длина коньков 8—12 *см*. Внизу до 12 колечек. Привески треугольные, лапчатые, бубенчики (рис. 2, *16*). Шесть экземпляров происходят из коллекции А. С. Уварова [69]. Одна под-

---

[58] *А. А. Спицын.* Владимирские курганы, рис. 415.

[59] Каталог собрания древностей А. С. Уварова. Отд. III—VI, М., 1907, рис. 44 (2 экз.).

[60] ГИМ, III археологический отдел. Инв. № 54746, оп. 59. Горьковский музей-заповедник, зал № 1.

[61] ГИМ, III археологический отдел, инв. № 1699.

[62] *Н. Н. Мошенина.* Отчет об археологических раскопках могильника Сунгирь в г. Владимире в 1972—1973 гг. Архив ИА АН СССР, Р-1, 15193, альбом, рис. 20, *1* и *2*. Конек из мужского погр. 7 был положен в качестве дара в глиняный лепной горшок. Второй экземпляр происходит из разрушенного погребения.

[63] ГИМ, III археологический отдел, без №, хр. 111/9а.

[64] ГИМ, III археологический отдел, хр. 115/6а; Архив ЛОИА, ф. 5, д. 374, л. 132. Хранился в Новгородском музее.

[65] *А. А. Спицын.* Шаманские изображения. ЗОРСА, т. VIII, 1, СПб., 1906, стр. 131, рис. 386, дер. Чазева бывш. Чердынского уезда.

[66] ГИМ. III археологический отдел, инв. № 54746, оп. 59.

[67] Там же, оп. 59.

[68] Такие перстни часты во Владимирских курганах. Дата — X—XI вв.

[69] ГИМ, III археол. отдел, инв. № 54746, оп. 59.

веска-конек, обломанная, найдена в Пекуновском могильнике [70], восьмой конек — двухголовый [71].

Шестой вариант (2 экз.). Туловище конька узкое, выполнено из двух жгутов и гладкой проволоки. Глаза изображены в виде двойной спирали. У конька из Новленского могильника [72] большие торчащие уши из скани, спинка гладкая. Конек из Сарского городища имеет уши из треугольных пластинок, окаймленных гладкой проволокой. На спине — треугольник из спиралей, украшенных зернью (рис. 2, *8*) [73].

Седьмой вариант (10 экз.). Туловище конька выполнено из косоплетки, окаймленной с двух сторон гладкими проволоками. На спинке массивная подтреугольная рубчатая петля. Иногда она соединена с головой конька одним или двумя тяжами. На месте ушей — два выступа из сканой проволоки. Внизу 5—9 колечек. Шумящие привески — треугольные, бубенчики (рис. 2, *18*). Пять экземпляров коньков из коллекции А. С. Уварова [74]. Шестой найден в кургане № 1991 у с. Городище б. Переяславского уезда [75]. Седьмой, обломанный, обнаружен в 1973 г. А. С. Леонтьевым при раскопках Сарского городища [76]. Восьмой [77] и девятый происходят из раскопок К. Н. Тихонравова [78]. Десятый — также из раскопок К. Н. Тихонравова, с территории Вознесенского посада (ныне г. Иваново) — отличают поднятые хвост и голова. К трем колечкам снизу подвешены треугольные привески с петлями и девятью такими же, но малыми привесками [79].

Восьмой вариант (4 экз.). Коньки из косоплетки, двухголовые. Вероятно, наиболее ранним является конек из курганов у дер. Давыдково [80]. По центру спинки — круглая петля на столбике, соединенная тяжами с головками конька. Внизу пять колечек с однощелевыми бубенчиками. На головах по два уха. Длина конька 4,5 *см*. Следующие 3 экз. [81] представляют собой усложненное развитие этой же формы. Эти коньки вдвое крупнее. Внизу 9—10 колечек. На головах коней своеобразные «гребешки» из 4—5 прямоугольных выступов. Дополнительными украшениями конька из кург. 21 у дер. Семухина служат тройные спирали, волнисто-изогнутая проволока, скань. Подвески — однощелевые бубенчики, треугольные пластинки.

Девятый вариант (4 экз.). Туловище коньков рубчатое, из 5 и 7 рядов гладкой проволоки. Торчащие уши из таких же проволок. Внизу 7—8 колечек. Привески треугольные. У одного конька на спине массивная подтреугольная рубчатая петля, соединенная с головой тяжем из гладких проволочек. У другого — выступ из трех спиралей. Обе подвески из коллекции А. С. Уварова [82] (рис. 2, *19*). Третий и четвертый коньки — двухголовые. Головки коньков соединены горизонтальными тяжами из тройных гладких проволочек, которые укреплены на спинках коньков вертикальными отрезками из таких же проволок. Конек из Зубаревских курганов на Рыбинском водохранилище имеет девять бутылковидных привесок [83]. Второй,

---

[70] *А. В. Успенская.* Пекуновское селище и курганы. СА, 1971, 1, рис. 2, *6* (кург. 10).

[71] *А. С. Уваров.* Меряне и их быт... Атлас, табл. XXV, *2*.

[72] *Н. Е. Макаренко.* Новленский и Заколпский могильники Владимирской губернии. Владимир, 1900, рис. 3, *27*.

[73] *Е. И. Горюнова.* Ук. соч., рис. 39, *30*.

[74] ГИМ, III археол. отдел, инв. № 54746, оп. 59.

[75] Там же, хр. 25/44а.

[76] Приношу благодарность А. Е. Леонтьеву за сведения об этой находке.

[77] ГИМ, III археол. отдел, инв. № 54746, оп. 59.

[78] ЗРАО, нов. серия, XII—XI, 1899, стр. 215, прим. 6.

[79] Архив ЛОИА, ф. 1, д. 3/1863 г.; *А. А. Спицын.* Владимирские курганы, рис. 465.

[80] Каталог собрания древностей А. С. Уварова, стр. 36, рис. 45.

[81] *Е. И. Ерофеева.* Отчет о раскопках курганных могильников в Ивановской области в 1966 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3385. Кург. 1 и 21; *Н. Н. Мошенина.* Ук. отчет, альбом, рис. 20, *3* (подъемный материал).

[82] ГИМ, III археол. отдел, инв. № 54746, оп. 59.

[83] *Е. И. Горюнова.* Мерянский могильник на Рыбинском море. КСИИМК, 54, 1954, стр. 157, рис. 71, *18*.

обломанный с однощелевыми бубенчиками из погр. 29 Веселовского могильника на Ветлуге [84].

**Датировка коньков с шумящими привесками IV типа и их этническая принадлежность.** Появление коньков этого типа в могильниках мордвы относится к концу IX — началу X в. Эту дату называет А. Е. Алихова для погр. 5 Перемчалкинского могильника [85]. Коньки из погр. 227 Шокшинского могильника по гривне с петлей и крючком и «усатому» перстню датируются X в. [86] Однако коньки с шумящими привесками не получили распространения у мордвы и были вытеснены уже в X в. коньковыми подвесками с прямоугольным ажурным щитком. Основной территорией распространения коньков IV типа стала Владимирщина. А. А. Спицын датировал коньки-подвески из Владимирских курганов XI—XII вв. [87] Е. И. Горюнова отнесла их к X—XI вв. [88] Последняя дата убедительно подтверждается монетными находками. В девяти погребальных комплексах вместе с коньками найдено 30 монет. В основном это дирхемы, использовавшиеся как подвески. Наиболее поздняя дата монет — конец X в. В девяти случаях коньки IV типа найдены в трупосожжениях, что указывает на более раннюю дату, чем предлагал А. А. Спицын. Инвентарь погребальных комплексов с коньками из Владимирской и Калининской областей и погр. 29 Веселовского могильника на Ветлуге также соответствует X—XI вв.

Коньки из Ивановской области относятся к XI— началу XII в. В курганах Костромского Поволжья XII—XIII вв. коньки IV типа не встречены ни разу. В погребениях эти коньки коррелируются с треугольными подвесками и перстнями с шумящими привесками. А. А. Спицын, «без колебаний» признававший Владимирские курганы русскими [89], относил эти украшения к «чудским», т. е. финским. Е. И. Горюнова справедливо видит в них этнический признак мери. В X—XI вв. меря уже в значительной степени обрусела и переняла славянский погребальный обряд и культуру.

**Пятый тип** (3 экз.). Туловище коньков выполнено из одной или двух косоплеток. Украшения спинки и головы также характерны для коньков IV типа. Однако ноги этих коньков изображены так же, как у коньков III типа. Смешение характерных черт позволяет видеть в коньках этого типа неких гибридов. Найдены они далеко друг от друга. Первый экземпляр происходит из кургана 1987 у дер. Городище Владимирской области [90] (рис. 2, *21*). Второй найден на месте современного г. Иванова [91]. Третий происходит из погр. 3 Починковского могильника на Ветлуге (рис. 2, *20*) [92]. Подвески этого типа датируются временем не ранее XI в. В Починковском могильнике такая подвеска-конек была найдена вместе с овальным кресалом, что позволяет отнести погребение к XII в.

Установив определенные различия между коньками-подвесками II—IV типов, полагаем, что они отражают этнические особенности племенных украшений мордвы, муромы и мери. Способ их ношения также был различен. Как правило, в погребении находят по одному экземпляру этих украшений. Женщины мордвы носили подвески-коньки на шее, в составе ожерелья. Позднее также они носили коньковые подвески с прямоугольным щитком. У муромок в двух случаях коньки были найдены на груди.

---

[84] *Г. А. Архипов.* Марийцы IX—XI вв. Иошкар-Ола, 1973, рис. 23, *18*.
[85] *А. Е. Алихова.* Перемчалкинский могильник
[86] *А. В. Циркин.* Ук. отчет за 1969 г., стр. 10, 11.
[87] *А. А. Спицын.* Владимирские курганы стр. 103.
[88] *Е. И. Горюнова.* Этническая история..., стр. 124, 140.
[89] *А. А. Спицын.* Владимирские курганы, стр. 166.
[90] ГИМ, III археол. отдел, инв. № 54746.
[91] ЛОИА, ф. 1, д. № 3/1863 г.; *А. А. Спицын.* Владимирские курганы, рис. 433.
[92] *Г. А. Архипов.* Отчет I марийского отряда Чебоксарской археологической экспедиции ИА АН СССР за 1971 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 4560, рис. 24, *19*.

В Корниловском могильнике два одинаковых конька свисали спереди на ремешках с пояса. У мери положение конька-подвески при умершей было зафиксировано в 28 случаях (табл. 3).

Положение подвески в ногах или ниже колен относилось, очевидно, к тем случаям, когда первоначально она свисала с пояса на ремешке.

*Таблица 3*

| Положение конька с шумящими привесками в погребении | Число погребений |
|---|---|
| На груди | 12 |
| На плече | 2 |
| На правом плече | 7 |
| На левом плече | 1 |
| У пояса слева | 3 |
| В ногах | 2 |
| Ниже колен | 1 |
| Итого: | 28 |

Ношение конька на плече, прикрепленным к одежде, следует рассматривать, вероятно, как этническую традицию. На плечах мерянки носили и треугольные шумящие подвески — по одной или по две. Не исключено, что это определялось покроем одежды.

*L. A. Goloubiéva*

## LES CHEVAUX-PENDENTIFS DE LA REGION DE LA VOLGA ET DE L'OKA

Résumé

Des bords de la Kama jusqu'à l'Oka et à la haute Volga, les ornements — amulettes en bronze figurant des chevaux ont été, à la fin du Ier et au début du IIe millénaire de n. è., exclusivement réservés au costume féminin. Ils différaient selon la région. Les plus anciens, en forme de petits chevaux, sont apparus dans le bassin de l'Oka au VIIe s. Ils ont été remplacés au IXe s. par des pendants à ornements tintinnabulants, apparus tout d'abord chez les Mordves. Au Xe ou XIe s., chez les Mouroms et chez les Mérias se sont aussi formés des types de ces pendants figurant des chevaux. Ceci permet de considérer ces ornements comme des indices ethniques. La représentation du cheval sur ces pendants est le symbole du soleil et de l'eau, les forces de la nature qui assurent la fécondité de la terre.

П. А. РАППОПОРТ

# МЕТОД ДАТИРОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕГО СМОЛЕНСКОГО ЗОДЧЕСТВА ПО ФОРМАТУ КИРПИЧА

Исследователи уже давно заметили, что формат кирпичей древних построек дает возможность определять время их возведения. Так, например, Н. Б. Бакланов в программной статье «Изучение строительной техники, как один из способов датировки памятников» писал: «Размеры и форма кирпичей варьируют в очень широких границах и дают превосходное средство для датировок сооруженных из них зданий» [1]. В полной мере это относится и к древнерусскому кирпичу-плинфе. Уже в первой половине XIX в. умели отличать плоский кирпич X—XIII вв. от более позднего брускового кирпича, появившегося на Руси во второй половине XIII в. Позднее исследователи научились видеть различия и в самой плинфе: крупную, почти квадратную плинфу X — начала XI в. очень легко было отличить от гораздо меньшей по величине и более узкой плинфы второй половины XII — начала XIII в. Постепенно градации все более уточнялись, и были сделаны попытки использовать формат кирпича-плинфы для очень узкой, уточненной датировки памятников. Эти попытки являются естественным следствием более глубокого изучения древнерусской строительной техники и в целом не могут вызывать возражений. Однако практические выводы и датировка отдельных памятников, полученные таким путем, иногда бывают очень спорны [2].

Чтобы проверить, насколько формат кирпичей может служить средством точной датировки, следует рассмотреть ряд построек, возведенных в одном древнерусском городе или, во всяком случае, в пределах одной архитектурной школы. Хорошим эталоном могут служить постройки древнего Смоленска. Здесь имеется возможность сравнивать формат кирпичей 20 построек, возведенных в пределах XII и первой трети XIII в. [3]

Обстоятельством, крайне затрудняющим использование формата кирпичей как средства датировки, является применение в одном сооружении кирпичей различной величины. В таких случаях всегда имеются сомнения, какой тип кирпича является основным и может быть использован для сравнения. Именно сложность выделения основного стандарта кирпича порой приводила исследователей к неверным выводам. Сравнение же

---

[1] Сообщ. ГАИМК, 7—8, 1932, стр. 36.

[2] Такова, например, датировка Елецкого собора в Чернигове, предложенная Н. В. Холостенко (*Н. В. Холостенко.* Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове. Сб. «Памятники культуры», 3, М., 1961, стр. 65. О неубедительности датировки, предложенной Н. В. Холостенко, см. *Е. В. Воробьева, А. А. Тиц.* О датировке Успенского и Борисоглебского соборов в Чернигове. СА, 1974, 2, стр. 98).

[3] *Н. Н. Воронин* и *П. А. Раппопорт.* Археологические исследования памятников архитектуры древнего Смоленска. Тезисы докладов на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. Отделение истории АН СССР. М., 1972, стр. 53.

сложного комплекса кирпичей разного формата требует чрезвычайно детального знания техники памятников, позволяющего судить о процентном соотношении различных типов кирпичей.

В этом отношении памятники Смоленска также очень удобны, поскольку в них многообразие форматов кирпича отсутствует. Во всех смоленских памятниках XII—XIII вв. имеется один, характерный для данного памятника, стандарт кирпича[4]. Правда, кроме этого основного стандарта в каждом здании обязательно применены кирпичи более узкие, а порой еще несколько типов лекальных кирпичей. Однако все эти кирпичи встречаются в сравнительно небольшом количестве, составляя вместе

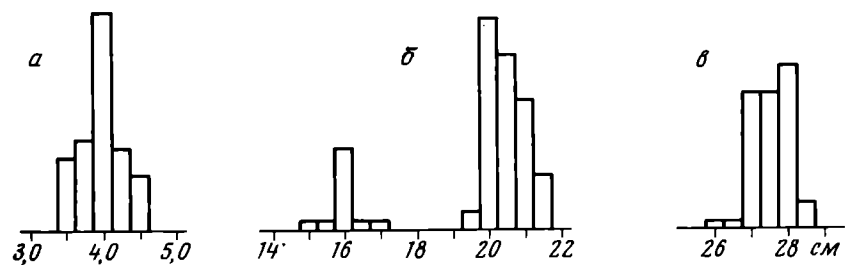



Рис. 1. Определение среднего размера кирпичей собора на Протоке:
*а* — толщина; *б* — ширина; *в* — длина

не более 30% общего количества кирпичей здания и оставляя, таким образом, не менее 70% на долю основного стандарта.

Конечно, кирпичи основного стандарта тоже несколько отличаются друг от друга по размерам. Наблюдения показали, что даже кирпичи, имеющие на торце знаки, исполненные оттиском в одной форме, т. е. явно изготовленные в одной партии, могут отличаться по размерам на 1—1,5 *см*. Очевидно, таков был допуск, который позволяла сама технология формовки кирпичей. Для выяснения, каков был средний размер основного типа кирпичей определенного памятника, необходимо произвести промер большого количества кирпичей (желательно не менее двух-трех десятков) и затем, отбросив все экземпляры, встречающиеся в небольшом количестве, определить, в каких пределах колеблется формат основной массы кирпичей[5]. Это и будет основной стандарт кирпича данного памятника.

[4] В памятниках Киева и Чернигова в каждом здании, по-видимому, можно найти несколько серий кирпичей разного формата (*Н. В. Холостенко.* Ильинская церковь в Чернигове по исследованиям 1964—1965 годов. Сб. «Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси». М., 1972, табл. на стр. 98—103). Впрочем, очень вероятно, что и в киево-черниговской группе памятников в каждом здании имеется один основной, ведущий стандарт кирпича. В таблицах Н. В. Холостенко не отмечено, являются ли приводимые им варианты размеров кирпича одинаково широко примененными в постройке или один из них является основным, а остальные дополнительными. Там, где в таблицах Н. В. Холостенко речь идет о памятниках Смоленска (*Н. В. Холостенко.* Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора..., стр. 65), приведен как основной стандарт, так и дополнительный, встречающийся в таких памятниках в очень незначительном количестве или даже примененный в перестроенных частях здания. Естественно, что эти размеры кирпичей неравноценны и приведение их в таблицах на равных основаниях может дать существенные ошибки в датировке.

[5] Требование промера двух-трех десятков кирпичей является несколько завышенным, но зато полностью обеспечивает объективность данных и гарантирует от ошибок. На примере подсчета кирпичей Борисоглебского собора на Смядыни (если заранее отбросить узкие и лекальные кирпичи) выяснилось, что при учете всего двух кирпичей ошибка достигает в среднем 3%, при учете 5 кирпичей — 1%, а при 10 кирпичах ошибка будет уже всего 0,25%.

Приводимые в настоящей статье размеры древних смоленских кирпичей в некоторых случаях были вновь проверены многочисленными натурными промерами и поэтому являются более точными, чем размеры, указанные в предварительных публикациях.

При наличии колебаний в пределах 1—1,5 *см* средняя величина определяется как среднеарифметическая. Наиболее целесообразно сводить промеры кирпичей в таблицы-графики. Так, для раскопанной в Смоленске в 1962—1963 гг. церкви на Протоке с помощью графиков определяется средняя толщина кирпичей 3,5—4,5 *см*, ширина 20—21 *см* и длина 27—28 *см* (рис. 1). При этом выясняется, что в данном памятнике существует и вторая, менее многочисленная группа кирпичей, имеющих ширину всего 16 *см*. Если есть возможность промерить значительное количество целых кирпичей, а не отдельных их размеров, в график можно свести размеры постелистой стороны кирпича, что дает возможность еще более наглядно определить основной стандарт и одновременно выявляет наличие второго, вспомогательного типа — более узких кирпичей (рис. 2). Следует при этом иметь в виду, что узкие кирпичи, как правило, применяются для выкладки пилястр и других профилированных частей здания; поэтому в таких местах они встречаются в большем количестве, чем в основной кладке стен [6].

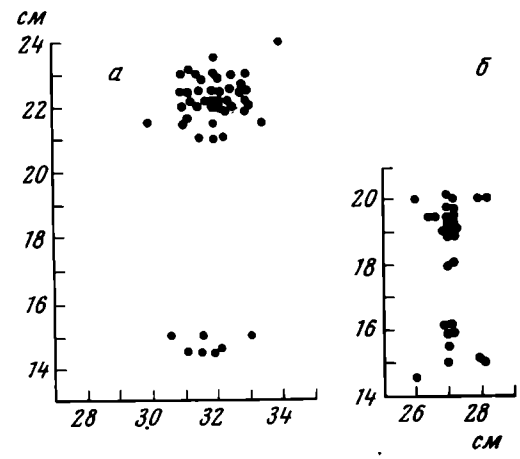



Рис. 2. Определение длины и ширины кирпичей: *а* — Борисоглебский собор Смядынского монастыря; *б* — церковь у устья Чуриловки

Таким образом, для выяснения основного стандарта формата кирпича древних зданий необходима тщательная проверка имеющихся сведений, по возможности на массовом материале. Уточнение данных о формате кирпичей памятников древнего смоленского зодчества показывает, что от начала XII до первой половины XIII в. здесь имеет место достаточно четко выраженная эволюция. Меньше всего эта эволюция сказывается на толщине кирпичей. Правда, в памятниках середины XII в. толщина обычно превышает 4 *см*, а в памятниках конца XII — начала XIII в., как правило, меньше 4 *см*, но разница эта очень невелика, а исключения настолько существенны, что использовать толщину кирпича в качестве датирующего признака очень трудно [7]. Гораздо более отчетливо проявляется изменение размеров постелистой стороны кирпича, т. е. его длины и ширины. Если эти размеры перенести в таблицу, то выявится явная тенденция хронологической эволюции размеров постелистой стороны кирпича в сторону уменьшения площади, в особенности за счет уменьшения длины, т. е. приблизительно пропорционально соотношению сторон кирпича (рис. 3).

Теперь необходимо сопоставить, насколько эволюция формата кирпича соответствует хронологической шкале памятников. Такое сопоставление дает возможность выяснить, существует ли прямое соответствие между

---

[6] В 1944 г. И. Д. Белогорцев наблюдал за тем, как при строительстве были задеты части лежащей под землей церкви у устья р. Чуриловки. При этом он замерил формат обнаруженных им древних кирпичей (*И. Д. Белогорцев.* Кирпичные постройки XII века в Смоленске. Материалы по изучению Смоленской области, V, Смоленск, 1963, стр. 139). При раскопках этого храма в 1972—1973 гг. выяснилось, что в действительности формат кирпичей древней церкви иной, поскольку в 1944 г. был разрушен профилированный угол здания, в основном сложенный из узких кирпичей, которые и были приняты И. Д. Белогорцевым за основной формат.

[7] Исследование эволюции размеров брусковых кирпичей XIV—XVIII вв. в Польше показало, что для них наиболее характерно как раз изменение толщины. (См. *Z. Tomaszewski.* Badania cegły jako metoda pomocnicza przy datowaniu obiektów architektonicznych. «Zeczyty naukowe politechniki warszawskiej», No. 11, Budownictwo, z. 4, Warszawa, 1955, p. 48).

этими двумя факторами. С этой целью следует рассмотреть все сведения, которые могут быть использованы для датировки памятников смоленского зодчества.

К сожалению, среди памятников архитектуры древнего Смоленска только два имеют точную дату постройки, зафиксированную летописью,— Успенский собор и Борисоглебский собор Смядынского монастыря. Успенский собор был заложен Владимиром Мономахом в 1101 г.; здание не сохранилось, но куски его кирпичных кладок были найдены в 1965 г. при раскопках на территории древнего детинца. Борисоглебский собор, основанный, согласно летописи, в 1145 г., был изучен раскопками дореволюционного времени и контрольными раскопками в 1972 и 1974 гг.[8] Гораздо

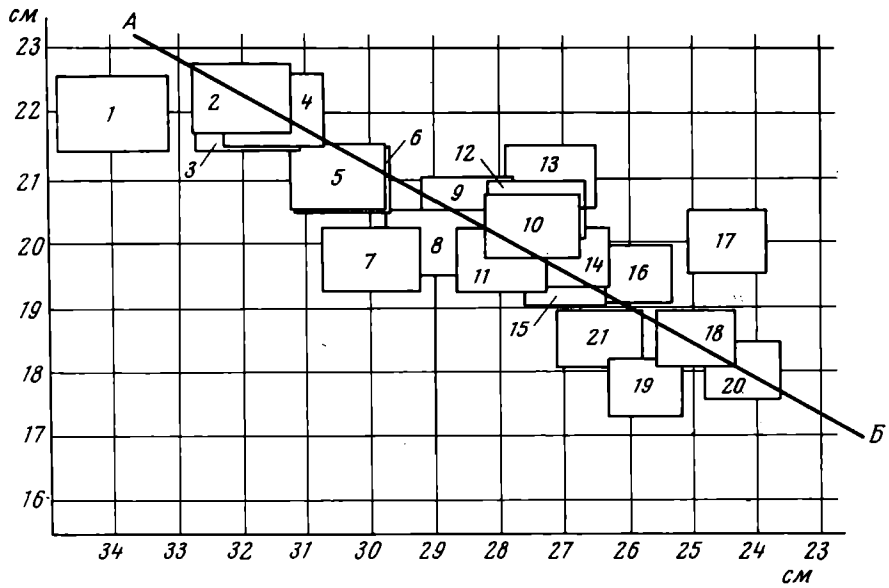



Рис. 3. Таблица форматов древних смоленских кирпичей. Номера памятников соответствуют номерам в табл. 1

менее точно датируется церковь архангела Михаила (так называемая Свирская). В летописи отмечено, что эта церковь была построена князем Давидом Ростиславичем, княжившим в Смоленске с 1180 по 1197 г. Исходя из того, что церковь после завершения ее строительства была расписана и летописец специально подчеркнул, что князь Давид имел привычку ежедневно в ней бывать, можно сделать вывод, что постройка была возведена не в самые последние годы жизни князя Давида. Некоторые исследователи на основании ряда косвенных соображений сужали эту дату до начала 90-х годов (1191—1194 гг.). Такое уточнение недостаточно обосновано; церковь могла быть построена и несколько раньше. Поэтому осторожнее будет принимать менее узкую датировку — 80 — начало 90-х годов XII в.[9].

Еще один памятник, имеющий более или менее обоснованную датировку,— церковь Ивана Богослова, отмеченная в летописи как постройка князя Романа Ростиславича, княжившего в Смоленске с 1160 до 1180 г. На основании сходства форм Ивано-Богословской церкви с более ранними

---

[8] *М. К. Каргер.* Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964, стр. 29; *П. А. Раппопорт, Е. В. Шолохова.* Смоленская архитектурно-археологическая экспедиция. АО—1972, М., 1973, стр. 84; *П. А. Раппопорт, Г. А. Усова, Е. В. Шолохова.* Смоленская архитектурно-археологическая экспедиция. АО—1974, М., 1975.

[9] *М. К. Каргер.* Зодчество древнего Смоленска, стр. 78.

памятниками можно полагать, что храм этот был возведен в первой половине или даже в начале княжения Романа [10].

Наконец, пятая смоленская постройка, связываемая с письменными источниками,— малый храм на Смядыни — очевидно, церковь Василия [11]. В летописном отрывке, сохранившемся в сборнике XVII в. киевского Михайловского монастыря, отмечено, что церковь Василия была построена князем Давидом Ростиславичем. При этом данное сообщение помещено рядом с фразой о принесении из Вышгорода на Смядынь мощей Бориса и Глеба. Учитывая, что князья Борис и Глеб были первоначально погребены в Вышгороде близ маленькой деревянной церкви Василия, исследователи справедливо связывали эти сообщения и полагали, что смоленская церковь Василия была построена незадолго до этого перенесения мощей (в действительности не мощей, а лишь гробов), состоявшегося в 1191 г. Храм этот был раскопан в 1909 г., а в 1972 и 1974 гг. характер его кладки был уточнен контрольными раскопками.

Все остальные памятники древнего смоленского зодчества не имеют датировки, основанной на письменных источниках. Тем не менее время постройки некоторых из этих недатированных памятников может быть в общих чертах определено по сопоставлению их архитектурных форм с датированными сооружениями. Так, церковь Петра и Павла несомненно относится к типу, представленному в Смоленске церковью Ивана Богослова, а в несколько расширенном варианте — Борисоглебской церковью на Смядыни. Очень близкая к ним по плановой схеме церковь Василия уже имеет некоторые особенности (отсутствие внутренних лопаток), свидетельствующие о начавшемся изменении типа. Следовательно, церковь Петра и Павла была построена ранее церкви Василия и не может относиться ко времени позже 80-х годов XII в. С другой стороны, широкое самостоятельное монументальное строительство развернулось в Смоленске не ранее середины 30-х годов XII в., после того как при князе Ростиславе было закончено строительство Успенского собора, начатое Мономахом. Таким образом, церковь Петра и Павла могла быть построена только в период от середины 30-х по 80-е годы XII в. Совершенно то же можно сказать и о церкви, остатки которой были раскопаны в Перекопном переулке [12]. Реконструируемая на основании материала раскопок схема плана этого храма совпадает с плановой схемой церквей Петра и Павла и Ивана Богослова.

Кроме письменных свидетельств и стилистически-типологических сопоставлений есть еще одна возможность уточнить датировку некоторых памятников: сравнение знаков и клейм на кирпичах. Смысл этих знаков, в большом количестве встречающихся на древнесмоленских кирпичах, до сих пор не выяснен [13]. Согласно наиболее общепринятой точке зрения, это знаки мастеров, изготовлявших кирпич. Существует и иное предположение — что это знаки заказчиков. Очень вероятно, что это ни то ни другое, а метки, связанные с определенными особенностями древнерусской организации производства кирпичей. Но независимо от того, что означают знаки на кирпичах, несомненно, что полное совпадение знаков, свидетельствующее о выполнении их в одной форме, могло иметь место лишь в зданиях, возведенных настолько близко по времени, что кирпич для них изготовляли в тех же формах. Естественно, что речь идет о знаках сложного рисунка, поскольку простые знаки (например, одна или две черточки) могли совпасть и случайно. Совпадения нескольких сложных

---

[10] *Н. Н. Воронин* и *П. А. Раппопорт.* Раскопки в Смоленске в 1967 г. СА, 1971, 2, стр. 186.

[11] *М. К. Каргер.* Зодчество древнего Смоленска, стр. 67.

[12] *Д. А. Авдусин.* Новый памятник смоленской архитектуры. СА, 1957, 2, стр. 230.

[13] *Л. А. Беляев.* Из истории древнерусского строительного ремесла. Проблемы истории СССР. Сборник аспирантских статей Исторического факультета МГУ. М., 1973, стр. 439.

знаков имеются в Борисоглебской и Петропавловской церквях, а также в бесстолпной церкви в детинце [14]. Таким образом, как церковь Петра и Павла, так и бесстолпная церковь в детинце должны относиться ко времени, близкому к 1145 г., когда было начато строительство Борисоглебской церкви. Полное совпадение отдельных сложных знаков или клейм имеет место на кирпичах бесстолпной церкви, терема и руин храма в Перекопном переулке [15]. Следовательно, к тому же времени, что Борисоглебская, Петропавловская и бесстолпная церкви, могут быть присоединены и терем, и церковь в Перекопном переулке. Время возведения всех этих памятников не может быть отдаленным более чем, примерно, на одно-два десятилетия от времени возведения Борисоглебской церкви, т. е. не может относиться ко времени позже середины 60-х годов XII в.

Несколько меньше данных можно собрать для определения времени возведения группы храмов, обладающих сложнопрофилированными пучковыми пилястрами и имеющих большую полукруглую центральную апсиду и прямоугольные боковые апсиды. Совершенно несомненно лишь, что эта группа памятников тесно связана с церковью архангела Михаила и могла появиться только после постройки этого храма, т. е. не ранее 80-х годов XII в. Ближе всего к церкви архангела Михаила стоит по своим формам собор Троицкого монастыря на Кловке (раскопки 1972—1973 гг.), очевидно возведенный вскоре после Михайловской церкви. Остальные памятники этой группы — церкви в Чернушках [16], на Малой Рачевке [17], у устья р. Чуриловки [18], Воскресенская [19] и Пятницкая [20]. Относительная хронология данных храмов неясна. В одном случае среди этих сооружений имеется пример совпадения знаков на кирпичах — совпадает один знак на кирпичах Воскресенской церкви и церкви в Чернушках; очевидно, эти храмы должны быть близкими по времени их возведения.

Наконец, на основании общих особенностей архитектурной композиции и строительной техники можно высказать достаточно обоснованное предположение о времени возведения трех храмов, обладающих сходной композиционной структурой плана — церквей на Протоке [21], на Окопном кладбище [22] и на Большой Краснофлотской улице [23]. Очевидно, что это памятники конца XII — первой половины XIII в. Пожалуй, меньше всего данных имеется для определения времени постройки Немецкой церкви — ротонды [24]. Можно лишь утверждать, что, судя по строительной технике, это постройка второй половины XII в.

Таковы данные для датировки памятников смоленского зодчества, которые можно получить независимо от формата их кирпича. Если теперь все эти данные сопоставить с таблицей изменения размеров кирпича, то мы увидим их полное совпадение. Во всех случаях, когда нам известно

---

[14] *Н. Н. Воронин* и *П. А. Раппопорт*. Смоленский детинец и его памятники. СА, 1967, 3, стр. 298.

[15] Публикация раскопок терема (*Н. Н. Воронин* и *П. А. Раппопорт*. Смоленский детинец и его памятники, стр. 299).

[16] *Н. Н. Воронин*. К истории смоленского зодчества XII—XIII вв. Сб. «Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи». Смоленск, 1967, стр. 103.

[17] *Н. Н. Воронин* и *П. А. Раппопорт*. Раскопки в Смоленске в 1966 г. СА, 1969, 2, стр. 211.

[18] *П. А. Раппопорт* и *Е. В. Шолохова*. Раскопки церкви у устья р. Чуриловки в Смоленске. КСИА АН СССР, 144, 1975, стр. 75.

[19] Раскопки Н. Н. Воронина в 1964—1965 гг.

[20] *И. Д. Белогорцев*. Новые исследования древнесмоленского зодчества. Сб. «Материалы по изучению Смоленской области», I. Смоленск, 1952, стр. 112.

[21] *Н. Н. Воронин*. Памятник смоленского искусства XII в. КСИА АН СССР, 104, 1965, стр. 18.

[22] *Н. Н. Воронин* и *П. А. Раппопорт*. Раскопки в Смоленске в 1967 г., стр. 186.

[23] Раскопки П. А. Раппопорта, 1973 г.

[24] *П. А. Раппопорт*. «Латинская церковь» в древнем Смоленске. Сб. «Новое в археологии». М., 1972, стр. 283.

хотя бы приблизительное соотношение памятников, это полностью совпадает с форматом их кирпича. Следовательно, нет никаких сомнений в том, что размеры кирпича действительно могут служить достаточно точным датирующим признаком. Чем можно объяснить такую устойчивую и непрерывную эволюцию формата кирпича? Ответить на этот вопрос с достаточной уверенностью мы в настоящее время еще не можем. Уменьшение размеров плинфы несомненно давало преимущества, прежде всего улучшая качество обжига. Кроме того, если кирпичники изготавливали кирпич, не имея заданных цифровых размеров его величины, они, очевидно, принимали за образец кирпичи предыдущей законченной ими постройки. Делая новые рамки для формовки по размеру этого кирпича, они должны были делать рамки с заметным увеличением, так как знали, что кирпичи при сушке, а затем при обжиге уменьшаются в размерах[25]. Кирпичники должны были вводить какой-то эмпирически найденный общий коэффициент усадки. Опасаясь, чтобы кирпичи не стали по размеру больше чем предыдущие, мастера XII—XIII вв., видимо, принимали этот коэффициент несколько меньшим, чем фактический, что и приводило к уменьшению формата[26].

С какой степенью точности изменение формата кирпича может соответствовать датировке памятников? Не слудет, конечно, преувеличивать возможности этого метода. Вряд ли можно ожидать, что эволюция формата кирпича шла непрерывно, из года в год. Гораздо естественнее предположить, что в пределах срока деятельности одного мастера формат кирпича не менялся. Вероятно, изменение формата, будучи устойчивой тенденцией, происходило маленькими скачками при смене мастеров, изготовлявших кирпич. В ряде случаев, когда работало одновременно несколько артелей «плинфотворителей», можно ожидать, что даже последовательность строительства сооружений будет не вполне совпадать со шкалой, построенной только на размерах кирпича. Поэтому прекрасное совпадение данных, полученных с помощью письменных источников и стилистически-типологических сравнений с таблицей изменения размеров кирпича, не следует рассматривать как основание для использования формата кирпича в качестве признака совершенно точной датировки, в пределах нескольких лет. Вряд ли можно полагаться на то, что по размеру кирпича можно датировать памятники с точностью большей, чем 10—20 лет. Однако и такая степень точности при отсутствии других данных очень полезна.

Если на таблице эволюции формата древних смоленских кирпичей провести линию, отвечающую наибольшему скоплению памятников (линия А—Б на рис. 3), то мы получим направление основной тенденции этой эволюции. Линия эта не будет совпадать с линией равномерного уменьшения длины и ширины кирпичей, а проходит к ней под углом около 17°, поскольку тенденция изменения формата кирпичей идет больше за счет уменьшения длины, чем ширины. Эту линию основной тенденции можно превратить в хронологическую шкалу, разделив ее на годы, исходя из положения нескольких (не менее двух) достоверно датированных памятников. Конечно, такая шкала будет в значительной степени

---

[25] О коэффициенте усадки глины при обжиге см. *Д. Менделеев*. Статья «Глина» в Энциклопедическом словаре Ф. Брокгауза и И. Ефрона. 16 (т. VIII-а). СПб., 1893, стр. 843. Усадка кирпичей при обжиге — от 9 до 15% линейного размера.

[26] Некоторым подтверждением такому предположению является то обстоятельство, что уменьшение размеров кирпича происходит с очень незначительным изменением его пропорций, т. е. соотношения длины и ширины, которое колеблется в пределах 1,25—1,5 (чаще всего около 1,4).

О преимуществах, которые давало уменьшение формата кирпичей, не забывали даже в XX в. (*Н. Лахтин*. Еще о размерах стандартного строительного кирпича. «Строительная промышленность», 1929, 2, стр. 160). Общая тенденция уменьшения формата плоских кирпичей (плинфы) хорошо прослеживается также в архитектуре Византии и Болгарии.

условна, поскольку само ее положение (по оси основной тенденции эволюции формата кирпича) определяется чисто эмпирически и без достаточной точности. Тем не менее снесение на эту шкалу данных о формате кирпичей может дать достаточно объективное представление о датах памятников.

Для градуирования шкалы необходимо иметь хотя бы две зафиксированные точки. Какие же хорошо датированные памятники могут быть использованы для этой цели? Наиболее ранний памятник — Успенский собор — очевидно для этого не подходит. Собор этот начали строить киевские или переяславльские зодчие в самые первые годы XII в., а затем вплоть до 30-х или даже 40-х годов монументальное строительство в Смоленске не велось. Очень возможно, что между строительством Успенского собора и последующим строительством нет непосредственной преемственности и прямого продолжения строительно-технических традиций. Не исключено, что работали мастера разных архитектурных школ, применявшие разную технику кирпичной кладки: Успенский собор, как и другие соборы эпохи Мономаха, мог быть построен в технике кладки «со скрытым рядом». Поэтому более надежно принять за первую точку отсчета время закладки Борисоглебского собора — 1145 г. (рис. 3, *2*).

Гораздо сложнее обстоит дело с другой точкой отсчета, поскольку во второй половине шкалы, в конце XII — первой половине XIII в., среди памятников древнего смоленского зодчества нет ни одного, имеющего достаточно точно зафиксированную дату. Однако и здесь можно все же найти необходимую точку. Дело в том, что памятники смоленского зодчества, судя по таблице формата кирпичей, расположены очень кучно во времени, т. е. строились почти вплотную один за другим, а возможно даже по несколько одновременно. Там, где в строительстве действительно существовал перерыв (например, между строительством Успенского и Борисоглебского соборов), явно наблюдается и разрыв в таблице форматов кирпичей. Однако во второй половине таблицы таких разрывов нет. Очевидно, в начале XIII в. постройки возводились непосредственно одна за другой. А затем строительство внезапно обрывается; не ослабевает, не угасает, а именно обрывается. Можно ли найти в истории Смоленска такую дату, которая объясняла бы этот внезапный конец яркого архитектурного расцвета? Оказывается можно. Письменные источники сообщают, что в 1230 г. в Смоленске был страшный мор, во время которого умерло 32 тысячи человек, т. е., видимо, очень большая часть городского населения. В том же году, после смерти князя Мстислава Давидовича, начались жестокие междоусобные княжеские распри, и в 1233 г. княживший до этого в Полоцке Святослав Мстиславич взял Смоленск штурмом. Если к этому добавить начавшиеся литовские набеги, то легко представить, какая разруха наступила в Смоленской земле. Монументальное строительство в таких условиях, естественно, должно было на какое-то время прекратиться или, во всяком случае, очень сильно ослабеть. Таким образом, последний по времени памятник древнесмоленского зодчества можно условно отнести к 1230 г. Если судить по формату кирпича известных нам смоленских построек, то этим последним памятником является та постройка, для которой изготовляли кирпич в кирпичеобжигательной печи, раскопанной в 1973 г. на ул. Пушкина (рис. 3, *20*)[27].

Определив, таким образом, две точки отсчета, можно разбить шкалу на годы и снести на нее (по перпендикуляру) памятники из положения, которое они занимают в таблице на рис. 3, по формату своего кирпича (рис. 4, *а*). Конечно, в такой системе отсчета много условного. Так, условна конечная точка отсчета, поскольку вполне возможно, что наиболее

---

[27] *П. А. Раппопорт, Е. В. Шолохова.* Смоленская архитектурно-археологическая экспедиция. АО — 1973, М., 1974, стр. 76. Саму постройку, для которой изготовляли кирпич в раскопанной печи, пока найти не удалось.

поздний памятник смоленского зодчества еще не обнаружен, и, следовательно, кирпичи из печи, раскопанной в 1973 г., относятся не к 1230 г., а на несколько лет старше. Условно и то, что шкала разбита на годы равномерно, в то время как процесс эволюции формата кирпича мог происходить с замедлением или, наоборот, с ускорением. И все же, несмотря на ряд условностей, эта система определения времени возведения сооружений дает очень правдоподобные результаты (табл. 1, *а*). Изменение условий отсчета путем незначительного поворота шкалы [28], уточнения конечной даты или усложнения разбивки шкалы — с тенденцией ускорения

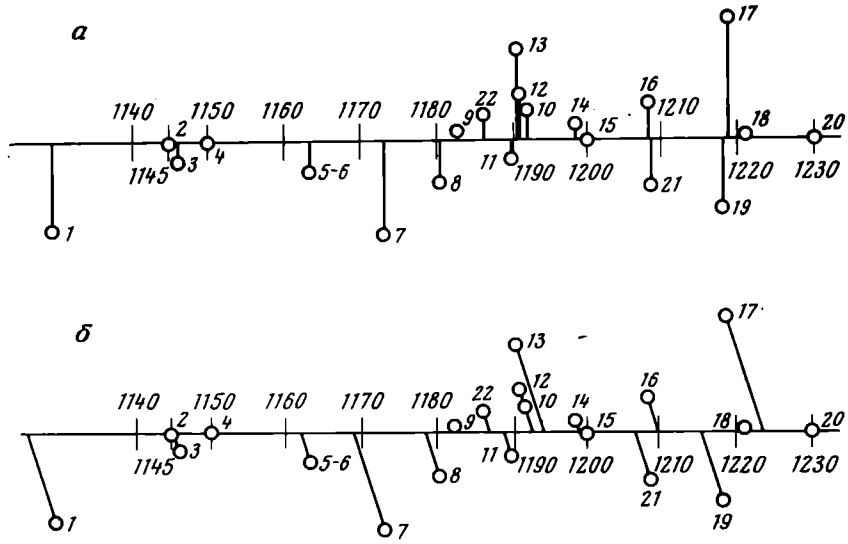



Рис. 4. Шкала определения дат памятников смоленского зодчества по формату их кирпича (два варианта)

или замедления (вероятнее ускорения) — внесут в полученные итоги лишь очень небольшие поправки, всего на несколько лет.

Однако есть один вопрос, в зависимости от решения которого даты некоторых памятников могут измениться,— это система снесения данных на шкалу. Снесение этих данных по перпендикуляру к шкале предполагает, что тенденция изменения формата кирпича, намеченная по большинству памятников и принятая за положение шкалы, одинаково действительна для всех памятников. Но возможно, что правильнее было бы сносить данные на шкалу под углом, если считать, что уменьшение длины кирпича играет бóльшую роль для датировки, чем уменьшение ширины. Если построить такую схему со снесением данных на шкалу под углом 17° (т. е. под тем углом, под которым ось наибольшей тенденции находится к линии равномерного уменьшения длины и ширины), результат получится несколько иной (рис. 4, *б*). Для большинства памятников, лежащих вблизи оси тенденции, т. е. вблизи шкалы, это не составит заметной разницы. Но в нескольких случаях, когда длина или ширина кирпича имеет существенные отклонения от средней величины, разница получается до 6 лет (табл. 1, *б*) [29]. Очевидно, что из осторожности следует принимать

[28] Угол наклона шкалы к оси абсцисс около 28°. Если бы сокращение размеров кирпичей проходило с полным сохранением их пропорций, угол наклона шкалы был бы 35°, что соответствует тангенсу 0,7, отвечающему пропорциям кирпичей Борисоглебского собора. Однако более поздние смоленские кирпичи имеют, как правило, несколько иное соотношение сторон, равное 0,74—0,75. Поэтому математически точно определить угол наклона линии основной тенденции (если принимать ее за прямую) не представляется возможным.

[29] Если принять за критерий изменения формата кирпича его площадь, то сносить памятники на шкалу надо будет по перпедикуляру к линии, идущей под углом 45° к оси абсцисс. Разница в полученных датах памятников будет также невелика,

обе полученные даты и от них отсчитать по 10 лет в обе стороны, чтобы получить дату памятника с принятой нами степенью точности в 20 лет (табл. 1, *в*).

Для проверки точности данной системы датирования можно использовать кирпичи новгородской церкви Пятницы, включив этот памятник в наши таблицы под № 21. Несмотря на то что Пятницкая церковь построена в Новгороде, принадлежность ее к смоленской архитектурной школе не вызывает сомнений[30]. Церковь эта была закончена строительством в 1207 г., а так как ее возведение должно было занять около трех лет, закладка церкви относится примерно к 1204 г. В соответствии с изложенной выше системой датирования по формату кирпича закладка церкви

*Таблица 1*

**Датировка памятников древнего смоленского зодчества по формату кирпича**

| № п/п | Памятники | Формат кирпича | | Годы | | |
|---|---|---|---|---|---|---|
| | | длина | ширина | *а* | *б* | *в* |
| 1 | Успенский собор | 34 | 32 | — | — | — |
| 2 | Борисоглебский собор | 32 | 22,2 | 1145 | 1145 | — |
| 3 | Церковь в Перекопном пер. | 32 | 22 | 1146 | 1145 | 1135–1156 |
| 4 | Церковь Петра и Павла | 31–32 | 21,5–22,5 | 1150 | 1150 | 1140–1160 |
| 5 | Бесстолпная церковь в детинце | 30–31 | 20,5–21,5 | 1163 | 1162 | 1152–1173 |
| 6 | Терем | 30–31 | 20,5–21,5 | 1163 | 1162 | 1152–1173 |
| 7 | Церковь Ивана Богослова | 29–31 | 19–20,5 | 1173 | 1169 | 1159–1183 |
| 8 | Немецкая церковь (ротонда) | 29 | 20 | 1180 | 1178 | 1168–1190 |
| 9 | Церковь Василия на Смядыни | 28–29 | 20–21 | 1182 | 1183 | 1172–1193 |
| 10 | Церковь арх. Михаила | 27–28 | 20,0–20,5 | 1192 | 1193 | 1182–1203 |
| 11 | Церковь на Б. Краснофлотской улице | 27,5–28,5 | 19,0–20,5 | 1190 | 1189 | 1179–1200 |
| 12 | Собор на Протоке | 27–28 | 20–21 | 1191 | 1193 | 1181–1203 |
| 13 | Церковь на М. Рачевке | 26,5–28,0 | 20,5–21,5 | 1190 | 1194 | 1180–1204 |
| 14 | Собор Троицкого монастыря на Кловке | 27 | 19,0–20,5 | 1198 | 1199 | 1188–1209 |
| 15 | Церковь у устья Чуриловки | 27 | 19–20 | 1200 | 1200 | 1190–1210 |
| 16 | Церковь на Воскресенской горе | 25,5–26,5 | 19–20 | 1208 | 1210 | 1198–1220 |
| 17 | Пятницкая церковь | 24–25 | 20 | 1218 | 1224 | 1208–1234 |
| 18 | Собор Спасского монастыря в Чернушках | 24–26 | 18–19 | 1221 | 1221 | 1211–1231 |
| 19 | Церковь на Окопном кладбище | 25–26,5 | 17,0–18,5 | 1218 | 1215 | 1205–1228 |
| 20 | Кирпичи из печи на ул. Пушкина | 24,0–24,5 | 17,5–18,5 | 1230 | 1230 | — |
| 21 | Новгород, церковь Пятницы | 26–27 | 18–19 | 1208 | 1206 | — |
| 22 | Галерея Борисоглебского собора | 28 | 20,5 | 1186 | 1187 | — |
| 23 | Спасская церковь в Ст. Рязани | 26,5–29 | 19–20 | 1193 | 1192 | — |

Примечание. Даты, определяемые: *а* — по первому способу; *б* — по второму способу; *в* — с условной степенью точности в 20 лет.

определяется 1206—1208 гг., т. е. почти полностью совпадает с действительной датой, зафиксированной летописью.

Можно использовать для проверки метода кирпичи еще одного памятника — галереи Борисоглебского собора Смядынского монастыря (№ 22). При раскопках 1974 г. был обнаружен небольшой кусок сохранившейся кладки стены этой галереи. Ширина кирпичей здесь 20,5 *см*, длину удалось определить всего для одного кирпича — 28 *см*. Конечно, единичный промер может оказаться случайным и не гарантирует точности. Но все же если попытаться подставить этот размер кирпича в таблицу, то окажется, что галерея была построена в 1186—1187 гг., что прекрасно согла-

---

как правило не превышая 10 лет и лишь для отдельных памятников поднимаясь до 16 лет.

[30] Архитектура Новгорода в свете последних исследований. Сб. «Новгород. К 1100-летию города». М., 1964, стр. 210 (автор раздела — Г. М. Штендер).

суется с известием о «великом освящении» Борисоглебского собора в 1191 г., очевидно, связанном с завершением строительства галереи [31].

Наконец, если определить по формату кирпичей время возведения Спасской церкви в Старой Рязани (№ 23), также несомненно построенной смоленскими мастерами, то мы получим дату 1192—1193 гг., что лишь на несколько лет не совпадает с предположением исследователей о постройке этого храма после 1198 г., т. е. после отделения Рязани от черниговской епископии [32].

Таким образом, эти три примера полностью подтверждают точность предлагаемого метода датирования. При всей условности и приблизительности датировка на основании формата кирпича несомненно значительно уточняет даты возведения ряда памятников древнего смоленского зодчества, а для некоторых памятников вообще является единственным средством выяснения времени их возведения. Конечно, данная шкала может быть использована лишь для памятников Смоленска или смоленской архитектурной школы, поскольку неизвестно, насколько эволюция формата кирпича в других русских землях совпадает со Смоленском. В дальнейшем, когда подобная работа будет проведена на памятниках нескольких древнерусских архитектурных школ, можно будет поднять вопрос и об общих закономерностях изменения формата кирпича в древнерусском зодчестве.

*P. A. Rappoport*

## UNE METHODE DE DATATION DES MONUMENTS DE L'ANCIENNE ARCHITECTURE DE SMOLENSK D'APRES LES DIMENSIONS DES BRIQUES

Résumé

Les dimensions des briques anciennes sérvent depuis longtemps à préciser la date de construction des vieux édifices. Cependant, en ce qui concerne les monuments d'architecture de la Russie ancienne, cela n'a été fait que pour des dates très approximatives, et en outre sans aucune méthode. Dans le présent article en se basant sur l'exemple de 20 monuments d'architecture de la vieille ville de Smolensk, on tente d'élaborer une méthode de datation de ces monuments d'après les dimensions de leurs briques plates (plinthes). Les résultats obtenus permettent d'estimer possible l'établissement de dates assez précises, avec une marge de 10 à 20 ans.

---

[31] «Великое освящение» Борисоглебской церкви 11 августа 1191 г. отмечено в нескольких сборниках XVI в. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Чтения в обществе истории и древностей Российских. 1879, кн. 2, стр. 113 и 222. См. также *И. Орловский.* Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин. «Смоленская старина», I, ч. 1, 1909, стр. 227, 277.

[32] *Г. К. Вагнер.* Архитектурные фрагменты Старой Рязани. «Архитектурное наследство», 15, М., 1963, стр. 25. Формат кирпичей Спасской церкви приведен по раскопкам А. В. Селиванова (*А. В. Селиванов.* Отчет о раскопках в Старой Рязани. «Труды Рязанской ученой архивной комиссии», т. 3, 1889, стр. 159. Следует при этом иметь в виду, что диапазон длины кирпичей, приводимый А. В. Селивановым (26,5—29,0 *см*), явно преувеличен, и поэтому среднеарифметический размер в данном случае может не вполне точно совпадать с действительным средним размером кирпичей. Однако при раскопках 1968 г. размер кирпичей был определен по нескольким сохранившимся обломкам и поэтому еще менее точен. См. *А. Л. Монгайт, М. Б. Чернышев.* Спасский собор Старой Рязани. Сб. «Новое в археологии». М., 1972, стр. 210).

# *Публикации*

К. КЫНЧЕВ, Б. МАВРУДЧИЕВ, Г. ЧАТАЛОВ

## ПЕТРОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ ИЗ МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ КАЗАНЛЫК

Казанлыкское многослойное поселение находится в юго-западной части города Казанлык. Оно возникло на левом берегу р. Тунджи, воды которой некогда протекали в непосредственной близости от него. Поселение расположено в центре плодородной Казанлыкской долины и одинаково удалено от голых южных хребтов Стара Планины и северных горных склонов Средна горы.

Раскопки Казанлыкского поселения проводились с 1967 по 1971 г.[1] Были вскрыты культурные наслоения 17 строительных горизонтов, которые охватывают период от раннего неолита (Караново I, II, III) до эпохи средней бронзы. Культурные наслоения были разрушены продолжительными вспашками и смещены к окраине поселения, где были обнаружены материалы культурных групп Караново IV, V и культуры эпохи средней бронзы (Нова Загора)[2].

Во время раскопок Казанлыкского поселения получено огромное количество материала, значительную часть которого составляют каменные предметы. Преобладающий материал среди них — хорошо стратифицированные каменные орудия труда. Для более полного научного интерпретирования их необходимо было осуществить петрографические исследования[3].

При этом мы исходили из следующих задач.

1. Определить вид горных пород, из которых изготовлены различные орудия, установить их компоненты, структуру, текстуру, происхождение и возраст.

2. Определить, какие горные породы предпочитались для изготовления различных видов инструмента, определить вещественный состав, строение и физико-механические особенности этих пород.

---

[1] Раскопки проводились под руководством: Г. Ил. Георгиева (главный руководитель), Р. Катинчарова (зам. гл. руководителя) и при участии К. Кынчева, Л. Гетова и Г. Цанова.

[2] *Р. Катинчаров.* Неолитическая мраморная фигурка из г. Казанлыка. «Археология», XI, кн. 2, 1969, стр. 51—54; *его же.* Относительно датировки и интерпретации мраморной фигурки из г. Казанлыка. «Археология», XV, кн. 3, 1973, стр. 22—30; *Г. Георгиев.* Новое о болгарском неолите. Association Internationale des Etudes du Sud-Est Européen. Actes du II Congrès International des Etudes du Sud-Est Européen (Athènes, 7—13 Mai 1970). T. II, Histoire. Athènes, 1972, p. 85—87.

[3] Микроскопические исследования шлифов всех песчаников осуществлены Г. Чаталовым; Б. Мавродчиеву принадлежит изучение остальных препаратов и разработка вопроса о карьерных источниках горных пород, их физико-механических качествах. Остальная часть работы выполнена К. Кынчевым.

3. Установить, какие горные породы наиболее часто использовались для изготовления отдельных видов орудий в соответствии с их функциональными назначениями.

4. Обозначить основные карьерные источники использованных горных пород.

Для выполнения этих задач петрографически изучены различные по характеру и стратиграфическому происхождению каменные орудия: 35 тесел, 22 топора, 22 точильных камня, 21 зернотерка, 7 ступок и 2 отбойника. Образцы для шлифов взяты преимущественно от фрагментированных орудий.

Петрографические исследования показали, что каменные орудия из Казанлыкского поселения были изготовлены из следующих 19 видов горных пород (см. Приложение)

1. Из песчаников — 17 экз.
2. Из туфа андезитового — 13 »
3. Из сланца хлорит-тремолитового — 7 »
4. Из порфирита диоритового — 6 »
5. Из алевролита крупнозернистого известкового — 6 »
6. Из гранита — 6 »
7. Из сланца актинолит-хлоритового — 4 »
8. Из сланца хлорит-актинолитового — 3 »
9. Из сланца кварц-тремолитового — 3 »
10. Из сланца тремолитового — 4 »
11. Из базальта — 2 »
12. Из сланца антигоритового — 3 экз.
13. Из гранодиорита рассланцованного — 2 »
14. Из лампрофира — 1 »
15. Из роговика — 1 »
16. Из туфа кристаллокластического псаммитового — 1 »
17. Из андезита — 1 »
18. Из алевролита крупнозернистого глинистого — 1 »
19. Из туфа вулканического — 1 »

Как видно, наиболее часто использовались песчаники. Из них были изготовлены 47 орудий, которые составляют 42% от общего числа проб.

Второе место занимает туф андезитовый, из которого сделаны 13 орудий, на третьем месте сланец хлорит-тремолитовый (7 орудий). Значительным спросом пользовались порфирит диоритовый, алевролит крупнозернистый известковый и гранит. Из них были сделаны по 6 орудий. Из сланца актинолит-хлоритового и роговика метаморфического изготовлены 4 орудия, а из сланцев хлорит-актинолитового и антигоритового — по 3 орудия. Из остальных 10 видов горных пород сделано по одному — два орудия. Подводя итоги, можно отметить следующее соотношение вида горных пород и типов изделий.

1. Песчаники – 23 зернотерки, 14 точильно-шлифовальных плит и камней, 3 ступки, 2 отбойника и 5 тесел [4].
2. Сланец хлорит-тремолитовый – 6 тесел и 1 топор.
3. Туф андезитовый – 6 топоров и 7 тесел.
4. Алевролит крупнозернистый известковый – 6 точильных камней.
5. Порфирит диоритовый – 4 топора и 2 тесла.
6. Гранит – 4 ступки, 1 зернотерка, 1 тесло.
7. Роговик – 1 топор.
8. Базальт – 1 топор, 1 тесло.
9. Сланец антигоритовый – 1 топор, 1 тесло.
10. Сланец актинолит-хлоритовый – 2 топора, 2 тесла.

Из горных пород: гранодиорита сланцевого, туфа кристаллокластического псаммитового, андезита, лампрофира и сланца хлорит-антигоритового изготовлено по 1—2 ударно-рубящему орудию (топоры или тесла).

[4] Из этих пяти тесел четыре причислены к песчаниковым орудиям с известной условностью.

Рассмотрим подробнее соотношение функционального назначения изделий и видов.

**Тесла.** Изучено 35 изделий этого типа. При микроскопическом исследовании шлифов установлено, что тесла изготовлены из следующих 15 видов горных пород.

1. Из туфа андезитового — 7 экз.
2. Из песчаников — 5 »
3. Из сланца хлорит-тремолитового — 5 »
4. Из сланца хлорит-актинолитового — 2 »
5. Из порфирита диоритового — 2 »
6. Из сланца тремолитового — 2 »
7. Из сланца кварц-тремолитового — 2 »
8. Из сланца актинолит-хлоритового — 2 »
9. Из гранодиорита сланцеватого — 2 экз.
10. Из сланца хлорит-антигоритового — 1 »
11. Из гранита сланцеватого — 1 »
12. Из базальта — 1 »
13. Из сланца антигоритового — 1 »
14. Из туфа вулканического — 1 »
15. Из лампрофира — 1 »

Из приведенных данных видно, что туф андезитовый был наиболее предпочитавшейся горной породой для изготовления тесел. Экземпляры орудий из этой горной породы составляют 20% от общего числа изученных тесел. Второе место занимает сланец хлорит-тремолитовый, из которого были сделаны 5 экземпляров. Такое же число тесел изготовлено из песчаников. Из остальных 12 видов горных пород изготовлены по 1 или 2 экземпляра.

Тесла представляют собой рукояточные ударно-рубящие инструменты. Каменная рабочая часть тесла в процессе использования преодолевала значительное сопротивление обрабатываемого материала. Основная часть сопротивления рассекаемых волокон древесины, например, воспринималась асимметрично заточенным лезвием орудия, меньшая часть — его выпуклой стороной. Учитывая установленный факт широкого использования для изготовления тесел таких горных пород, как туф, песчаник и сланцы (при значительно более скромной утилизации остальных), можно констатировать, что древними обитателями поселения употреблялись горные породы различных физико-механических свойств (от гранита до базальта). При этом предпочитались породы со слоисто-ленточными текстурами, которые, обладая в общем удовлетворительной прочностью, относительно легче поддавались обработке. Все они очень свежие и, за исключением сланцеватых гранодиорита и гранита, не подвергались тектоническим (механическим) воздействиям.

**Топоры.** Петрографически исследовано 22 орудия. Получена следующая литологическая характеристика.

1. Из туфа андезитового изготовлено — 6 экз.
2. Из сланца хлорит-актинолитового — 3 »
3. Из порфирита диоритового — 3 »
4. Из роговика — 2 »
5. Из сланца хлорит-тремолитового — 2 »
6. Из сланца кварц-тремолитового — 1 »
7. Из базальта — 1 экз.
8. Из сланца антигоритового — 1 »
9. Из туфа кристаллокластического псаммитового — 1 »
10. Из песчаника — 1 »
11. Из андезита — 1 »

Так же как и при изготовлении тесел, здесь первое место занимает туф андезитовый (27% от общего числа исследованных топоров). Предпочтение отдается также порфириту диоритовому и сланцу хлорит-актинолитовому. Из остальных восьми горных пород изготовлено по 1—2 орудиям.

При сравнении литологических характеристик тесел и топоров нетрудно установить, что восемь горных пород использованы при изготовлении и той, и другой категории изделий. Вероятно, структура, текстура и минеральный состав этих пород были наиболее подходящими для ручных ударных орудий.

За исключением орудий из порфирита диоритового, базальта и андезита, остальные орудия изготовлены из горных пород с ленточными структурами и колкостью в основном в одном направлении. Эти особенности создавали хорошие возможности для изготовления топоров. Все горные породы также сохранили свежесть.

**Точильные и шлифовальные плиты и камни.** Исследовано 22 экз. Установлено, что использовались следующие четыре вида горных пород.

| | |
|---|---|
| 1. Песчаники | 16 экз. |
| 2. Алевролит крупнозернистый известковый | 3 » |
| 3. Алевролит крупнозернистый глинистый | 2 » |
| 4. Известняк алевролитовый | 1 » |

Из приведенных данных ясно видно, что песчаники были основными горными породами, из которых изготовляли различные виды образивов. Точила из песчаников составили 16 экз., т. е. 72% от общего числа изученных шлифовочных орудий. Крупнозернистый известковый алевролит также использовался для шлифовочных целей. Из него сделаны 3 точила. Алевролит крупнозернистый глинистый и известняк алевролитовый использовали значительно реже. Из них изготовлены по 1—2 экз. точил. С помощью многочисленных абразивных средств были отшлифованы различные изделия из камня, кости, рога и других материалов. В этом процессе более твердые, выступающие на абрадирующей поверхности минеральные зерна (кварц, полевые шпаты, титанит, циркон, рутил, апатит, твердость которых колеблется от 5 до 7,5 единиц по шкале Мооса) играли роль микрорезцов, срезающих поверхностные слои обрабатываемой заготовки. Эти минералы в процессе работы могли вылущиваться, не снижая при этом абразивную эффективность горных пород.

**Отбойники.** Исследовано 2 экз. Микроскопическое исследование показало, что изделия изготовлены из крупно- и среднезернистых песчаников.

**Зернотерки.** На Казанлыкском поселении обнаружено большое количество зернотерок (770 экз.). Петрографически исследован 21 экз. Микроскопическое исследование показало, что основным материалом для их изготовления были песчаники (20 экз.). Из гранита изготовлен лишь один экземпляр.

Песчаники преобладают крупнозернистые. Встречаются экземпляры зернотерок из средне- и мелкозернистых, а также и из известковых песчаников.

Зернотерки с шероховатой рабочей поверхностью легко размельчали зерна. При этом повторялся тот же процесс, что и при шлифовании. Все изученные типы песчаников легко подвергались обработке.

**Ступки.** По сравнению с зернотерками ступки встречаются реже. Исследовано 8 изделий. На основании микроскопического исследования установлено, что при изготовлении их использовалось два вида горных пород: гранит (5 экз.) и песчаник (2 экз.).

По-видимому, гранит был наиболее предпочитаемой горной породой для изготовления этой категории изделий.

Горные породы, использованные для изготовления орудий, в возрастном отношении принадлежат к осадочным, магматическим и метаморфическим формациям палеозоя, мезозоя (в том числе и верхнего мела) и плиоцена. Горные породы указанных формаций составляют две горные системы в районе Казанлыка — Стара Планину и Средна гору. Одна часть использованных горных пород была взята или из прилежащих склонов обоих горных массивов, или из алювиальных отложений на р. Тундже и

*Приложение*

| № п/п | Горизонт | Вид орудия | Порода камня, минеральный состав | Текстура, структура | Геологический возраст горной породы | Карьерные источники |
|---|---|---|---|---|---|---|
| 1 | XVII | Топор | Сланец хлорит-тремолитовый Chl, Tr, Ep, Ru, Rm, Q, Pl | Полосчатая, нематобластовая | Палеозой | Стара Планина (Балкан или Хемус) |
| 2 | XVII | » | Роговик And, Bi, Fsp | Гранолемидобластовая | » | Стара Планина |
| 3 | XVII | » | Сланец актинолит-хлоритовый Akt, Tr, Chl, Q, Cal, Rm | Полосчатая, лепидонематобластовая | » | Стара Планина |
| 4 | XVI | » | Базальт Ol, Py, Pl, Ep | Порфировая, массивная | Плиоцен | Стара Планина |
| 5 | XVI | » | Сланец актинолитовый Akt, Chl, Tr, Q, Rm | Полосчатая | Палеозой | Стара Планина |
| 6 | XVI | » | Андезит Pl, Py, Am, Cal, Chl, Rm | Гранолепидобластовая массивная | Верхний мел | Средна гора |
| 7 | XVI | » | Порфирит диоритовый Pl, Am, Bi, Chl, Ep, Ap, Pm | Массивная, порфировая | Палеозой | Стара Планина, Средна гора |
| 8 | XVI | Точильное орудие | Известняк алевролитовый Cal, Q, Bi, Pl, Chl | Слоистая, комковатая | Мезозой | Средна гора, Стара Планина |
| 9 | XVI | » | Песчаник известковый мелкозернистый Q, Cal, Pl, Fsp, Mu, Bi, Ti, Zr, Ru | Слоистая, псаммитовая | » | Средна гора Стара Планина |
| 10 | XVI | » | Песчаник известковый среднезернистый Q, Cal, Mu, Pl, Bi, Fsp, Ti | Слоистая, псаммитовая | » | Средна гора, Стара Планина |
| 11 | XV | Тесло | Туф андезитовый Pl, Py, Q, Cal, Ap | Массивная, псефитовая | » | Стара Планина |
| 12 | XV | » | Сланец хлорит-тремолитовый Chl, Tr, Akt, Q, Rm | Нееснополосчатая | Палеозой | Стара Планина |
| 13 | XV | Топор | Туф андезитовый Am, Py, Pl, Ep, Chl, Rm | Массивная, порфировая | Верхний мел | Средна гора |
| 14 | XV | » | Туф псаммитовый кристаллокластический Q, Pl, Cal, Mu, Py, Chl, Bi | Массивная, псаммитовая | » | Средна гора |
| 15 | XV | » | Песчаник среднезернистый Q, Pl, Fsp, Mu, Cal, Chl, Bi | Массивная, псаммитовая | Мезозой | Средна гора, Стара Планина |
| 16 | XV | Точильный камень | Алевролит известковый крупнозернистый Cal, Mu, Bi, Chl, Ru, Ti, Zr | Слоистая, алевролитовая | » | Стара Планина |
| 17 | XV | Отбойник | Песчаник известковый крупнозернистый Q, Cal, Pl, Fsp, Mu, Bi | Слоистая, псаммитовая | » | Средна гора, Стара Планина |
| 18 | XV | » | Песчаник среднезернистый Q, Fsp, Pl, Mu, Bi | Слоистая, псаммитовая | » | Средна гора, Стара Планина |

*Продолжение*

| № г/п | Горизонт | Вид орудия | Порода камня, минеральный состав | Текстура, структура | Геологический возраст горной породы | Карьерные источники |
|---|---|---|---|---|---|---|
| 19 | XIV | Тесло | Сланец хлорит-тремолитовый Chl, Akt, Q, Rm | Гранолепидобластовая | Палеозой | Стара Планина |
| 20 | XIV | Топор | Туф андезитовый Py, Pl, Ep, Chl, Rm | Массивная, псаммитовая | Верхний мел | Средна гора |
| 21 | XIV | Топор | Туф андезитовый Py, Pl, Q, Am | Слоистая, псаммитовая | Верхний мел | Средна гора |
| 22 | XIV | » | Туф андезитовый Pl, Py, Q, Cal, Chl | То же | » | » |
| 23 | XIV | Точильный камень | Песчаник известковый мелкозернистый Q, Cal, Pl, Mu, Chl, Fsp | » | Мезозой | Средна гора, Стара Планина |
| 24 | XIV | » | Песчаник известковый мелкозернистый Q, Cal, Mu, Fsp, Bi, Chl, Ru, Ti | » | » | Средна гора, Стара Планина |
| 25 | XIV | » | Алевролит известковый, крупнозернистый Q, Cal, Mu, Chl, Pl, Ti | Слоистая, алевролитовая | » | Средна гора, Стара Планина |
| 26 | XIV | Зернотерка | Песчаник среднезернистый Q, Fsp, Pl, Mu, Bi, Cal | Слоистая, псаммитовая | » | Стара Планина |
| 27 | XIII | Тесло | Туф андезитовый Pl, Py, Am, Rm | То же | Верхний мел | Средна гора |
| 28 | XIII | » | Сланец актинолит-хлоритовый Akt, Chl, Q, Rm | Полосатая, гранолепидобластовая | Палеозой | Стара Планина |
| 29 | XIII | Топор | Сланец кварц-тремолитовый Tr, Q, Cal, Chl, Ti, Rm | Полосчатая, ленточная | » | Стара Планина |
| 30 | XIII | » | Сланец антигорритовый Ant, Pm, Cal | Массивная, реликтовая | » | Средна гора |
| 31 | XIII | » | Порфирит диоритовый Pl, Py, Chl, Ep | Массивная, порфировобластовая | » | Средна гора Стара Планина |
| 32 | XII | Тесло | Сланец кварц-тремолитовый Q, Tr, Chl, Rm | Полосчатая, нематогранобластовая | » | Стара Планина |
| 33 | XII | » | Лампрофир Am, Pl, Ep, Bi | Массивная, порфировая | » | » |
| 34 | XII | » | Туф андезитовый Pl, Q, Cal | Слоистая, алевролитовая | Мезозой | Средна гора |
| 35 | XII | Топор | Порфирит диоритовый Am, Pl, Chl, Rm | Массивная, порфировая | Палеозой | Средна гора, Стара Планина |
| 36 | XII | Зернотерка | Песчаник известковый среднезернистый Q, Cal, Mu, Bi, Pl | Слоистая, псаммитовая | Мезозой | Средна гора, Стара Планина |
| 37 | XI | Тесло | Сланец актинолитовый Akt, Tr, Q, Ep, Ti, Zr, Rm | Неяснополосчатая, лепидонематобластовая | Палеозой | Стара Планина |
| 38 | XI | » | Сланец антигоритовый Ant, Rm | Полосчатая, лепидобластовая | » | Средна гора |

*Продолжение*

| № п/п | Горизонт | Вид орудия | Порода камня, минеральный состав | Текстура, структура | Геологический возраст горной породы | Карьерные источники |
|---|---|---|---|---|---|---|
| 39 | XI | Тесло | Порфирит диоритовый Pl, Chl, Q, Rm | Неяснополосчатая, гранонематобластовая | Палеозой | Стара Планина |
| 40 | XI | Зернотерка | Песчаник известковый мелкозернистый Q, Cal, Pl, Fsp, Mu, Chl, Bi | Слоистая, псаммитовая | Мезозой | Средна гора |
| 41 | X | Тесло | Сланец тремолитовый Tr, Am, Pl, Rm | Полосчатая, порфинобластовая | Палеозой | Стара Планина |
| 42 | X | » | Сланец тремолитовый Tr, Am, Hl, Ep, Q | Неяснополосчатая, микролепидобластовая | Палеозой | Стара Планина |
| 43 | X | » | Туф андезитовый Pl, Py, Q | Массивная, псаммитовая | Верхний мел | Средна гора |
| 44 | X | » | Туф вулканический Q, Bi, Cal, Rm | Массивная, пепловая | Мезозой | » |
| 45 | X | » | Песчаник (?) | | | |
| 46 | X | Точильный камень | Алевролит известковый крупнозернистый Q, Cal, Mu, Chl, Bi, Ru | Слоистая, крупнозернистая | » | Средна гора, Стара Планина |
| 47 | IX | Тесло | Гранит сланцеватый Q, Fsp, Pl, Ort, Zr, Ti, Rm | Полосчатая, милонитовая | Палеозой | Стара Планина |
| 48 | IX | » | Гранодиорит сланцеватый Pl, Q, Fsp, Chl, Rm | Полосчатая, лепидогранобластовая | » | » |
| 49 | IX | Топор | Туф андезитовый Py, Pl, Q, Cal, Rm | Массивная, псаммитовая | Верхний мел | Средна гора |
| 50 | IX | » | Сланец хлорит-актинолитовый Chl, Akt, Bi, Q, Rm | Полосчатая, лепидонематобластовая | Палеозой | Стара Планина |
| 51 | IX | Зернотерка | Песчаник известковый среднезернистый Q, Cal, Pl, Fsp, Mu, Bi, Chl | Слоистая, псаммитовая | Мезозой | Средна гора, Стара Планина |
| 52 | IX | » | Песчаник известковый мелкозернистый Q, Fsp, Pl, Cal, Mu, Bi, Chl, Ti, Ap, Zr | То же | » | Стара Планина |
| 53 | IX | » | Песчаник известковый среднезернистый Q, Fsp, Cal, Pl, Mu, Bi, Ti, Ap, Tu | » | » | » |
| 54 | VIII | Точильный камень | Песчаник известковый мелкозернистый Q, Cal, Pl, Fsp, Mu, Bi, Chl | » | » | Средна гора, Стара Планина |
| 55 | VIII | » | Алевролит глинистый крупнозернистый Q, Mu, Pl, Hr | Слоистая, алевролитовая | » | Средна гора, Стара Планина |
| 56 | VIII | » | Песчаник среднезернистый Q, Pl, Mu, Chl | Слоистая, псаммитовая | » | Средна гора |

*Продолжение*

| № п/п | Горизонт | Вид орудия | Порода камня, минеральный состав | Текстура, структура | Геологический возраст горной породы | Карьерные источники |
|---|---|---|---|---|---|---|
| 57 | VIII | » | Песчаник известковый мелкозернистый Q, Cal, Pl, Chl, Mu, Bi, Fsp, Ti | » | » | Средна гора, Стара Планина |
| 58 | VIII | » | Песчаник известковый мелкозернистый Q, Cal, Pl, Fsp, Mu, Chl, Rm | » | » | Стара Планина Средна гора |
| 59 | VIII | Зернотерка | Песчаник крупнозернистый известковый Q, Pl, Fsp, Cal, Mu, Bi, Rm | » | » | Средна гора, Стара Планина |
| 60 | VIII | » | Песчаник крупнозернистый Q, Pl, Fsp, Bi, Mu, Cal, Ti | » | » | Стара Планина, Средна гора |
| 61 | VIII | » | Песчаник крупнозернистый Q, Pl, Fsp, Bi, Mu, Cal | » | » | Стара Планина, Средна гора |
| 62 | VI | Тесло | Сланец хлорит-актинолитовый Akt, Tr, Chl, Pl, Q, Rm | Полосчатая, лепидонематобластовая | Палеозой | Стара Планина |
| 63 | VI | » | Гранодиорит сланцеватый Pl, Q, Fsp, Chl, Am, Ti | Ленточная, лепидогранобластовая | » | » |
| 64 | VI | » | Сланец хлорит-тремолитовый Chl, Tr, Q, Cal, Rm | Ленточная, лепидонематобластовая | » | » |
| 65 | VI | » | Порфирит диоритовый Am, Pl, Py, Rm, Ep, Cal | Массивная, порфировидная | Палеолит | Средна гора, Стара Планина |
| 66 | VI | Топор | Порфирит диоритовый Am, Py, Pl, Hl, Ep, Kc | Массивная, порфировидная | Палеозой | Средна гора, Стара Планина |
| 67 | VI | Зернотерка | Песчаник среднезернистый Q, Fsp, Pl, Cal, Mu, Bi, Ti | Слоистая, псаммитовая | Мезозой | Средна гора, Стара Планина |
| 68 | V | Тесло | Сланец хлорит-тремолитовый Tr, Chl, Q, Cal | Полосчатая, гранолепидобластовая | Палеозой | Стара Планина |
| 69 | V | » | Сланец хлорит-антигоритовый Ant, Chl | Ленточная, реликтовая | » | Средна гора |
| 70 | V | Точильный камень | Песчаник мелкозернистый Q, Pl, Fsp, Mu, Bi, Ti | Слоистая, псаммитовая | Мезозой | Стара Планина |
| 71 | V | Зернотерка | Гранит Pl, Q, Fsp, Mu, Bi, Ti, Zr | Массивная, гранитовая | Палеозой | Средна гора, Стара Планина |
| 72 | IV | Тесло | Песчаник известковый крупнозернистый Q, Cal, Pl, Fsp, Mu, Gr, Ru | Слоистая, псаммитовая | Мезозой | Стара Планина |
| 73 | IV | Точильный камень | Песчаник известковый мелкозернистый Q, Cal, Fsp, Pl, Mu, Ti | » | » | » |

*Продолжение*

| № п/п | Горизонт | Вид орудия | Порода камня, минеральный состав | Текстура, структура | Геологический возраст горной породы | Карьерные источники |
|---|---|---|---|---|---|---|
| 74 | IV | Зерпотерка | Песчаник крупнозернистый Q, Pl, Fsp, Cal, Mu, Bi, Chl | Слоистая, псаммитовая | Мезозой | Стара Планина |
| 75 | IV | » | Песчаник известковый среднезернистый Q, Pl, Fsp, Cal, Mu, Bi, Chl, Rm | » | » | » |
| 76 | IV | » | Песчаник известковый крупнозернистый Q, Cal, Pl, Fsp, Mu, Bi, Ti, Gr | » | » | » |
| 77 | IV | » | Песчаник среднезернистый Q, Cal, Pl, Fsp, Mu, Bi | » | » | » |
| 78 | III | Тесло | Сланец хлорит-тремолитовый Chl, Tr, Cal, Ep, Mt | Полосчатая, лепидонематобластовая | Палеозой | » |
| 79 | III | » | Туф андезитовый Cal, Ep, Q, Chl, Pl | Слоистая, алевролитовая | Верхний мел | Средна гора |
| 80 | III | Точильный камень | Алевролит известковый среднезернистый Q, Mu, Pl, Fsp, Ru | Слоистая, псаммитовая | Мезозой | Стара Планина |
| 81 | III | Зерпотерка | Песчаник среднезернистый Q, Pl, Fsp, Bi, Mu, Gr | » | » | » |
| 82 | II | » | Песчаник среднезернистый Q, Fsp, Cal, Bi, Chl, Mu | » | » | » |
| 83 | II | » | Песчаник среднезернистый Q, Cal, Pl, Fsp, Bi, Mu, Ti | » | » | » |
| 84 | I | Топор | Сланец хлорит-тремолитовый Chl, Tr, Q, Rm | Полосчатая, лепидонематобластовая | Палеозой | » |
| 85 | Периферия | Тесло | Сланец кварц-тремолитовый Q, Tr, Mt, Pl | Полосчатая, нематогранобластовая | » | » |
| 86 | » | » | Песчаник (?!) | | | |
| 87 | » | » | Базальт Ol, Py, Am, Ep, Mt | Массивная, порфировая | Плиоцен | Стара Планина |
| 88 | » | » | Хлорит-тремолитовый сланец Chl, Tr, Q, Fsp, Rm | Полосчатая, порфировая | Палеозой | » |
| 89 | » | » | Туф андезитовый Pl, Q, Py, Cal | Слоистая, алевролитовая | Верхний мел | Средна гора |
| 90 | » | » | Песчаник (?!) | | | |
| 91 | » | » | Песчаник (?!) | | | |
| 92 | » | » | Туф андезитовый Pl, Py, Cal, Q, Chl | Мелкозернистая, псаммитовая | » | » |
| 93 | » | Топор | Туф андезитовый Pl, Py, Ti, Ep, Mt, Cal, Zr, Ru | Слоистая, псаммитовая | » | » |

*Продолжение*

| № п/п | Горизонт | Вид орудия | Порода камня, минеральный состав | Текстура, структура | Геологический возраст горной породы | Карьерные источники |
|---|---|---|---|---|---|---|
| 94 | Периферия | Зернотерка | Песчаник известковый среднезернистый Q, Cal, Bi, Mu, Ort | Слоистая, псаммитовая | Мезозой | Стара Планина |
| 95 | » | » | Песчаник известковый крупнозернистый Q, Cal, Pl, Fsp, Mu | » | » | Стара Планина |
| 96 | » | » | Песчаник известковый среднезернистый Q, Cal, Pl, Fsp, Bi, Chl, Mu | » | » | » |
| 97 | » | » | Песчаник крупнозернистый Q, Fsp, Pl, Cal, Mu, Bi | » | » | » |
| 98 | » | Ступка | Гранит Q, Fsp, Pl, Ti, Rm, Chl | Массивная, гранитовая | Палеозой | Средна гора, Стара Планина |
| 99 | » | » | Гранит милонитовый Q, Fsp, Pl, Mu, Chl | Массивная, милонитовая | » | Средна гора, Стара Планина |
| 100 | » | » | Гранит Q, Pl, Fsp, Bi, Chl, Ti | Массивная, гранитовая | » | Средна гора, Стара Планина |
| 101 | » | » | Песчаник среднезернистый Q, Cal, Fsp, Pl, Bi, Mu, Chl, Ti | Слоистая, псаммитовая | Мезозой | Средна гора, Стара Планина |
| 102 | » | Ступка | Гранит Q, Fsp, Pl, Chl, Rm, Ti, Mu | Массивная, гранитовая | Палеозой | Средна гора, Стара Планина |
| 103 | » | » | Песчаник известковый аркозный Q, Pl, Fsp, Chl, Mu, Ort | Массивная, псаммитовая | Мезозой | Стара Планина |
| 104 | » | » | Гранит-аплит Q, Fsp, Pl, Mu | Массивная, аплитовая | Палеозой | Средна гора, Стара Планина |
| 105 | » | » | Песчаник аркозный крупнозернистый Q, Fsp, Cal, Bi, Mu | Массивная, псаммитовая | Мезозой | Средна гора, Стара Планина |
| 106 | » | Точильный камень | Песчаник известковый мелкозернистый Q, Cal, Pl, Chl, Mu, Bi, Fsp | Слоистая, псаммитовая | » | Стара Планина |
| 107 | » | » | Песчаник известковый мелкозернистый Q, Cal, Fsp, Pl, Bi, Mu, Chl, | » | » | » |
| 108 | » | » | Алевролит известковый крупнозернистый Q, Cal, Fsp, Pl, Bi, Mu, Chl, Ap | Слоистая, алевролитовая | » | » |
| 109 | » | » | Песчаник известковый мелкозернистый Q, Cal, Bi, Mu, Chl | Слоистая, псаммитовая | » | » |

*Окончание*

| № п/п | Горизонт | Вид орудия | Порода камня, минеральный состав | Текстура, структура | Геологический возраст горной породы | Карьерные источники |
|---|---|---|---|---|---|---|
| 110 | Периферия | Точильный камень | Песчаник мелкозернистый Q, Pl, Mu, Bi, Chl, Ti | Слоистая, псаммитовая | Мезозой | Стара Планина |
| 111 | » | » | Песчаник известковый мелкозернистый Q, Cal, Fsp, Pl, Chl, Mu, Bi | » | » | » |

Сокращения

Akt – актинолит
Am – амфиболь
And – андезит
Ant – антигорит
Ap – апатит
Bi – биотит
Chl – хлорит
Ep – эпидот
Gr – гранит
Hr – гидрослюда
Cal – кальцит
Fsp – шпат полевой
Mt – магнетит
Mu – мусковит
Ol – оливин
Ort – ортит
Pl – плагиоклаз
Py – пироксен
Q – кварц
Ru – рутил
Rm – рудный минерал
Tu – тальк
Ti – титанит
Tm – турмалин
Zr – циркон

конусов выноса (образованных ливневыми потоками воды) ее притоков. Другая часть рассмотренных горных пород была доставлена из районов, находящихся за хребтами обеих гор.

Большое разнообразие горных пород, из которых изготовлены тесла и топоры, объясняется, видимо, использованием принесенных рекой камней. Сам факт, что при изготовлении соответствующих орудий отдавалось предпочтение отдельным горным породам, свидетельствует о накопленном опыте, эмпирическом познании физико-механических свойств различных горных пород района.

*K. Kyntchev, V. Mavroudtchiev, G. Tchatalov*

## ETUDE PETROGRAPHIQUE DES OUTILS DE PIERRE DE L'ETABLISSEMENT MULTISTRATIFIE DE KAZANLYK

Résumé

Dans le présent article on étudie les résultats de l'examen microscopique des outils de pierre provenant de l'établissement multistratifié de la ville de Kazanlyk (Karanovo I, II, III). On a effectué des polissages pétrographiques sur différents outils: 22 haches, 35 gouges, 22 instruments abrasifs, 21 pierres à broyer, 7 mortiers et 2 marteaux-pics. On a établi que les outils étudiés étaient faits de 19 espèces de roches, dont la plus fréquemment employée était le grès (47 outils). La seconde place est occupée par le tuf andésitique (13 outils). En schiste chloro — trémolithe sont faits 7 outils; et de même il y a 7 outils faits de chacune des roches suivantes: porphyrite diorite, alévrolithe calcaire à gros grains, et granite. 15 variétés de roches avaient été utilisées pour la fabrication des gouges, dont les plus fréquemment employées sont le tuf andésitique et le schiste chloro — trémolithe. Pour faire les haches, 11 sortes de roches ont été utilisées; parmi celles — ci la plus fréquente est le tuf andésitique. Les instruments abrasifs et les pierres à râper étaient faits surtout de différentes sortes de grès (à gros ou petits éléments), tandis que les mortiers l'étaient de granite.

La majorité des roches utilisées provenaient des pentes sud et nord de la Stara-Planina et de la Sredna-Gora. On suppose que pour la fabrication des outils, les habitants de l'établissement multistatifié de la ville de Kazanlyk ont utilisé des pierres de rivière.

Н. КАЛИЦ

# НОВАЯ НАХОДКА МОДЕЛИ ПОВОЗКИ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ БУДАПЕШТА *

В 1972 г. в г. Сигетсентмартоне на восточном берегу о. Чепел (в 32 *км* южнее Будапешта) при рытье фундамента были найдены скелет и сосуды (рис. 1). Найденную среди сосудов почти неповрежденную модель повозки М. Надь принесла в Городской исторический музей. Оттуда модель попала в Венгерский Национальный музей [1]. Для проведения охранных раскопок из Национального музея на место находки был послан Т. Кеменцеи [2]. Автор настоящей статьи участвовал в этих раскопках.

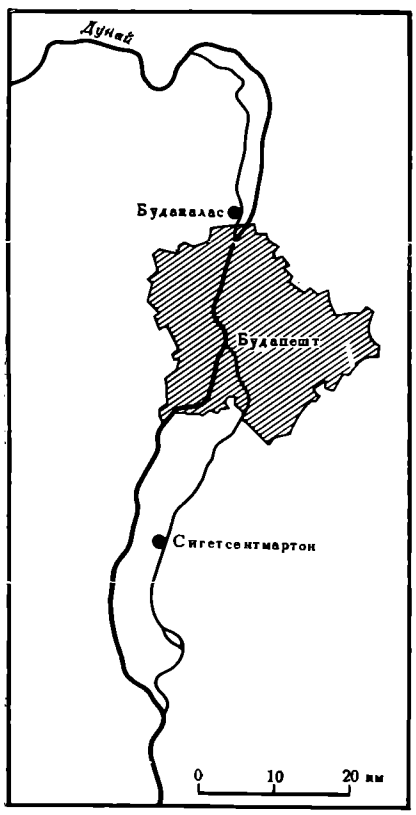



Рис. 1. Карта-схема: могильники баденской культуры у Сигетсентмартона и Будакаласа

Мы установили, что все находки (в том числе и модель повозки) были сделаны на глубине примерно 150 *см* и, возможно, были расположены вокруг черепа скелета, лежавшего скорченно на левом боку, ориентированного ССЗ—ЮЮВ. Согласно рассказам Фаркаша, нашедшего это погребение, в двух мисках с перегородкой лежали более мелкие сосуды, а рядом с одной из мисок стояла модель повозки.

Таким образом, в могиле 1 были сделаны следующие находки.

1. Глиняная модель повозки, или сосуд, подражающий повозке (рис. 2, *а—д*). Он имеет форму перевернутой усеченной пирамиды с четырьмя выпуклыми углами. Четыре колеса не совсем правильной округлой формы присоединены к сильно выступающим вниз реброобразным осям, которые несколько выходят из плоскостей сосуда. В середине колес слабо выступающие маленькие шишечки изображают оси или же утолщение колес на оси. В середине обеих осей можно видеть слегка выпуклые возвышения. Между осями, параллельно им, проходит еще одно более короткое ребро. Перпендикулярно обеим осям с одной стороны прикреплена длинная ленточная ручка, которая отходит от самой низкой части края сосуда.

* Перевод В. С. Титова.

[1] Автор выражает признательность Маргит Надь и Т. Кеменцеи за разрешение опубликовать соответствующие материалы.

[2] «Archäologische Forschungen im Jahre 1972». AÉ, 100, 1973, S. 260.

Модель украшена углубленным орнаментом. По обе стороны ручки нанесены по две вертикально идущие полосы, заштрихованные в шахматном порядке короткими линиями (рис. 2, *б*). На левой от ручки стороне повозки идут параллельно вертикальным ребрам две ленты, промежутки между которыми заполнены зигзагообразными линиями (рис. 2, *а*). На правой от ручки стороне (рис. 2, *в*) и на противоположной ручке стороне имеется тот же самый орнамент, с тем только отличием, что зигзагообразная линия без окаймления проходит и ниже края сосуда. Модель имеет тонкие стенки; она коричневато-серого цвета, с грубой поверхностью. Половина одного колеса и один угол были повреждены, а теперь реставрированы. Высота углов: 7,2, 7,6, 7,6 и 8 *см*. Расстояние между колесами по оси 6,7 и 7,2 *см*. Расстояние между углами 9,7, 10,2, 10,3, 11,3 *см*. Расстояние между обеими осями 3,3 *см* (Венгерский Национальный музей (далее — ВНМ), инв. № 72.19.1).

2. Миска с внутренней перегородкой (рис. 3, *3*) имеет загнутые внутрь края, дно ее слегка профилировано. Два выступа с головками в виде шишечек-пуговиц отходят от перегородки и поднимаются над краем. Перегородка делит миску на две неодинаковые части, поэтому выступы лежат на краю несимметрично. Между ними, на более узкой части, ниже края сосуда, находится туннелеобразная ручка. Под краем сплошь, без перерыва, проходит целый ряд обращенных вершиной вверх заштрихованных треугольников, покрывающих почти всю поверхность сосуда. Цвет миски светло-серый, поверхность заглажена. Миска не была повреждена. Ее высота 11,7 *см*, а высота пуговицеобразных выступов 13,5 *см*. Диаметр «пуговиц» 4 *см*, диаметр отверстия 24,5 *см*, диаметр дна 8,3 *см* (ВНМ, инв. № 72.19.2).

3. Миска с внутренней перегородкой (рис. 3, *4*). По форме напоминает предшествующую миску, тесто почти то же самое. Перегородка отделяет очень малую часть миски, поэтому возвышающиеся над краем уплощенные шишечки-пуговицы находятся близко друг к другу. Стенка между ними повреждена, но можно предположить, что в месте повреждения находилась туннелеобразная ручка. Орнаментация состоит из пучков вертикальных линий, отходящих вниз от края миски. Между шишечками помещаются две группы линий (5—6 линий в каждой), на остальной поверхности шесть групп линий.

Поверхность миски пятнистая, коричневато-серая, лощеная. Высота 11,6 *см*, высота пуговицеобразных шишечек 14,5 *см*. Диаметр последних 4,3 *см*, диаметр отверстия миски 22 *см*, диаметр дна 8,3 *см* (ВНМ, инв. № 72.19.3).

4. Черпак (рис. 3, *6*). Плоский, с округлым дном. Ручка была отбита в древности. Стенки толстые, цвет темно-красный. Поверхность грубая. Диаметр 10 *см* (ВНМ, инв. № 72.19.4).

5. Черпак (рис. 3, *7*). Высокая лепточная с ребром ручка прикреплена к округлой нижней части. Стенки тонкие, кирпично-красные, неповрежденные. Диаметр 9,5 *см* (ВНМ, инв. № 72.19.5).

6. Малая чашка с ручкой (рис. 3, *5*). Высокая вогнутая шейка отделяется ребром от приплюснутой округлой нижней части. Плоская ленточная ручка поднимается над краем и прикрепляется в нижней части шейки. Чашка неорнаментирована, желто-серая, целая. Высота 7 *см*, диаметр устья 5,3 *см* (ВНМ, инв. № 72.19.6).

7. Кружка с ручкой (рис. 3, *1*). Нижняя часть сосуда имеет форму перевернутого усеченного конуса. При переходе длинной, слегка вогнутой шейки в тулово выделяются плечики. Поднимающаяся над краем плоская ленточная ручка внизу прикреплена на уровне плечей. На тулове идут неглубокие каннелюры, доходящие почти до дна. Поверхность сосуда светлая, серо-коричневая, гладкая. Сосуд тонкостенный, склеен из отдельных фрагментов. Высота 15,4 *см*, диаметр устья 8,5 *см*, диаметр дна 7,2 *см* (ВНМ, инв. № 72.19.7).

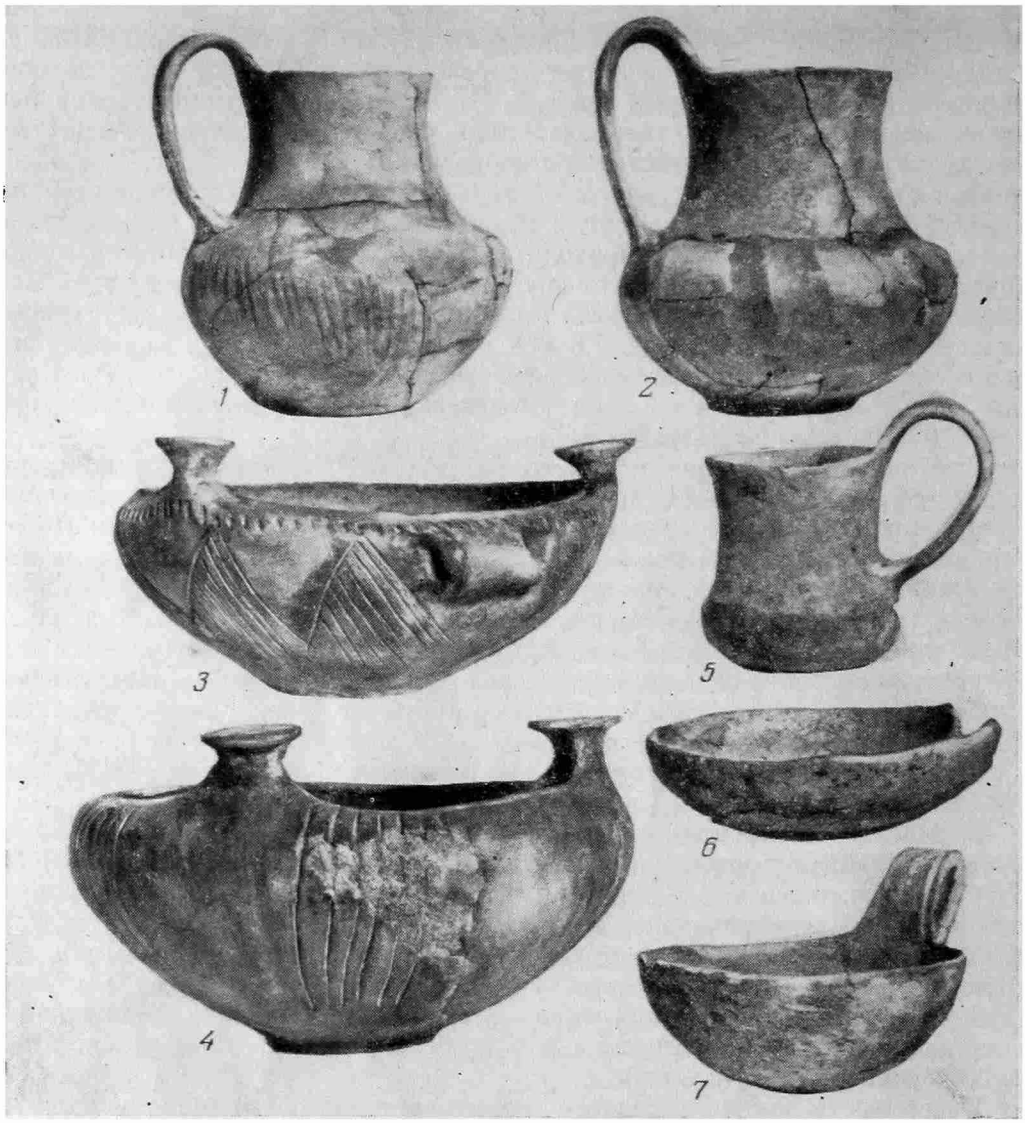



Рис. 3. Сигетсентмартон. Керамика из могилы 1

8. Кружка с ручкой (рис. 3, *2*). По форме почти полностью соответствует предыдущей с тем отличием, что шейка немного выше, а нижняя часть более приплюснутая. На тулове можно видеть восемь вертикальных ребер. Поверхность тусклая, серо-коричневая, заглаженная. Сосуд частично реставрирован. Высота 14,7 *см*, диаметр края 9,7 *см*, диаметр дна 6,5 *см* (ВНМ, инв. № 72.19.8).

9. Раковина Unio с отверстием посредине (ВНМ, инв. № 72.19.9).

В 11—13 *м* к востоку от могилы 1 Фаркаш раскопал площадь 2×2,5 *м*, где были сделаны другие находки. На глубине 100 *см* было видно едва прослеживаемое пятно. На поверхность раскопа попала только часть пятна. В древней яме лежали на глубине 100—125 *см* несколько разбитых сосудов. Под большим обломком сосуда лежали почти истлевшие остатки костей грудного ребенка. Сохранилось только несколько зубов и кусок черепа. Это была могила 2. Глубина ее 115 *см*, ориентировка не установлена. Находки из могилы 2 следующие.

1. Остатки большого сосуда со слегка суженным устьем и плоской ручкой на одной стороне. Под краем вокруг сосуда проходили овальные

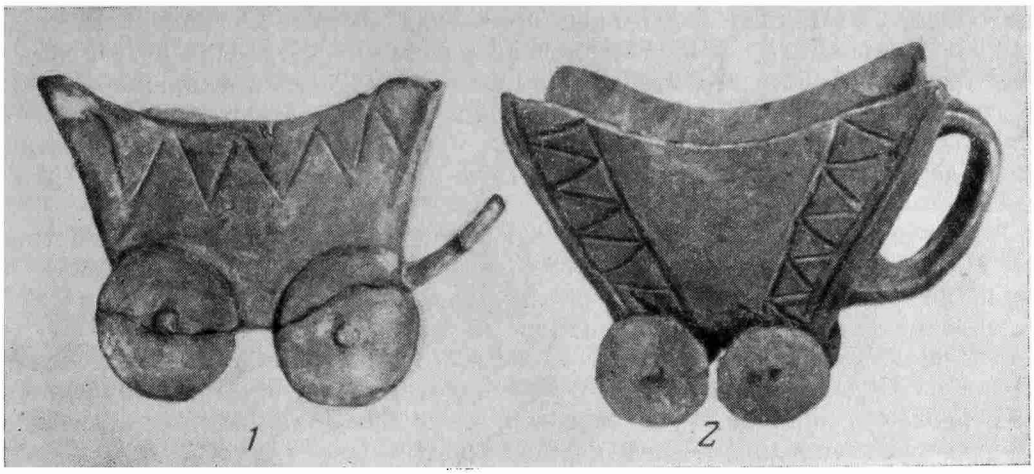


Рис. 4. Модели повозок из Будакаласа (*1*) и Сигетсентмартона (*2*)

насечки. Дно было профилировано. Обломки сосуда, покрывавшие череп грудного ребенка, имели диаметр 27,5 *см*. Тесто желтое, грубозернистое (ВНМ, инв. № 72.19.10).

Около могилы 2 на глубине 145 *см* Т. Кеменцеи нашел лежащий на левом боку скорченный скелет взрослого — могила 3. Она была ориентирована ССЗ — ЮЮВ (340°). Руки погребенного лежали на грудной клетке. Кости ног сохранились плохо. В этой могиле были найдены следующие вещи.

1. У правого плеча скелета — обломок сосуда (может быть, он принадлежит к остаткам сосуда, найденного у детского скелета).

2. Обломок малой чаши с ручкой. Чаша имела форму перевернутого усеченного конуса. Дно плоское, ленточная ручка возвышается над краем. На стенках наколы острием вверх. Цвет темно-серый, диаметр дна 5 *см* (ВНМ, инв. № 72.19.11).

3. У таза скелета был найден камень.

Застроенность этого и соседних участков сделали невозможным дальнейшие спасательные раскопки. Таким образом, предполагаемый здесь могильник остался нераскопанным.

Памятник находится на расстоянии 600 *м* от берега Малого Дуная. Как и все побережье о. Чепел, этот участок только на несколько метров возвышается над затопляемой паводками местностью.

Найденные в Сигетсентмартоне вещи относятся к баденской культуре; самой интересной среди них является сосуд — модель повозки (рис. 2). Нет никакого сомнения, что он состоит в самом близком родстве с моделью повозки из Будакаласа (рис. 4, *1, 2*). Близки сами формы сосудов, оформление ручки, расположение колес, осей. Они близки также по материалу, из которого изготовлены. Сходен прочерченный орнамент из зигзагообразных узоров. Отличие состоит в том, что у повозки из Будакаласа оси показаны прочерченными параллельными линиями, тогда как в Сигетсентмартоне они обозначены возвышающимися ребрами. Далее, на сосуде из Сигетсентмартона расстояние между осями значительно меньше, чем у модели из Будакаласа, меньше и менее точно изготовлены и колеса. Модель повозки из Будакаласа окрашена в красный цвет, на повозке из Сигетсентмартона следов росписи незаметно, но возможно все же, что существовавшая некогда краска исчезла во время пребывания в земле. При всем этом сходства между обоими сосудами значительно больше, чем различий.

Эта вторая на территории Венгрии находка еще более подчеркивает роль малых моделей повозок, о чем уже упоминалось в связи с первой

находкой. Я. Маккаи попытался, привлекая богатые месопотамские параллели, объяснить назначение модели повозки из Будакаласа [3]. Он отметил то важное обстоятельство, что в глиняной модели объединены повозка и сосуд. Подражание повозкам, возможно, находилось в тесной связи с личностью или с функциями божества. Они были атрибутами божества, и их даже пытались использовать, чтобы повлиять на божественную благосклонность [4].

Вместе с тем модель повозки имеет форму сосуда. На Ближнем Востоке Я. Маккаи известны модели повозок, которые также одновременно являлись небольшими сосудами; они служили для хранения и смешивания предназначенных божеству напитков [5].

Я. Маккаи считает такое их назначение вероятным и для модели повозки из Будакаласа. После того как модели в результате многократного употребления приходили в негодность, их хоронили так же, как погребали мертвых. Это предположение не позволяет также считать, что модель повозки играла роль в культе мертвых и символизировала или даже заменяла погребение в повозке. Я. Маккаи считает, впрочем, обряд погребения в повозке невероятным [6] для баденской культуры.

Возможность погребения в повозке в баденской культуре отрицал также И. Бона; он пришел к подобным выводам еще до Я. Маккаи [7]. Й. Чалог и Н. Феттих, напротив, отмечали погребения в повозке и роль модели повозки как символа настоящей повозки в культе мертвых [8].

Новая модель повозки из Сигетсентмартона позволяет дать дифференцированную оценку этих полностью противоположных мнений. Прежде всего вопрос о модели повозки следует решительным образом отделить от проблемы погребения в повозке даже в тех случаях, когда модели повозки вне Венгрии находят только там, где известны погребения в повозках. Этот факт отражает прежде всего тот уровень экономического и культурного развития, когда повозки постоянно употреблялись в повседневной жизни. Здесь нет необходимости излагать различия между боевыми колесницами и повозками хозяйственного назначения, для того чтобы утверждать, что повозки баденской культуры имели хозяйственное назначение. Нет сомнения в том, что в повозки баденской культуры запрягались быки. Не только конструкция, но и характер тягловой силы не давали подвижности, необходимой для боевой колесницы.

Хотя в Месопотамии, на Кавказе и понтийских степях в повозках погребали только выдающихся людей, мы, несмотря на это, не имеем никакого основания отрицать, что население баденской культуры в исключительных случаях совершало погребения в повозке. Мы не должны отказываться от этого предположения только на том основании, что находки баденской культуры не выявляют почти никакой имущественной дифференциации, которую мы вправе предполагать для группы Бодрогкерестур благодаря находкам меди и золота. Как я указывал уже ранее, экономика баденской культуры была развитой, но иного характера, чем хозяйство группы Бодрогкерестур. Распределение общественного продукта между всеми членами общества было более или менее равномерным, и это обстоятельство способствовало росту населения и дальнейшему развитию хозяйства [9]. В хозяй-

[3] *J. Makkay.* What was the Copper Age Clay Waggen Model of Budakalász? «Alba Regia», 4/5, 1965, p. 11—15.

[4] Ibid., p. 13.

[5] Ibid., p. 13, 14.

[6] Ibid.

[7] *L. Bona.* Clay models of Bronze Age Waggons and Wheels in the Middle Danube Basin. AAH, 12, 1960, p. 106—109.

[8] *J. Csalog.* Data to the Waggon Burials and the Ways of Life of the Baden (Pecel) Folk. (Summary). AÉ, 88, p. 7—14, 16, 21, 22; *N. Fettich.* Neue Beiträge zum prähistorischen Wagen im Karpatenbecken (Auszug). Ethnographica, LXXX. Budapest, 1969, S. 49—51, 60—65, 67, 70, 72.

[9] *N. Kalicz.* Die Frühbronzezeit in Nordost-Ungarn. Budapest, 1968, S. 32, 33.

стве общины поэтому повозки изготовлялись и употреблялись для доставки урожая и перевозки продуктов. Одновременно внутри баденской культуры (согласно нашим находкам) появились определенные признаки того, что в общине уже было несколько человек, которым оказывалось особое внимание (например, погребение быков вместе с людьми, погребения с медными диадемами, медными шейными гривнами, могилы, снабженные черепами в качестве погребальных даров, и т. п.)[10].

Хотя в могилах с быками баденской культуры не найдено никаких остатков повозки, это не означает, что таковых не было. Общеизвестно, что не только в этих могилах, но ни в одной другой могиле баденской культуры не было найдено никаких остатков дерева, что можно объяснить особенностями почвы. Поэтому вполне допустимо, что настоящие повозки (очевидно, истлевшие) лежали в могилах, где погребение сопровождалось крупным рогатым скотом. Ведь не случайно человеческие скелеты постоянно лежат позади костей крупного рогатого скота[11].

В этом случае мы можем не придавать особого значения как возрасту животных, погребенных в могиле, т. е. тому, что одно или оба животных были относительно молоды, так и тому обстоятельству, были ли они молочным скотом или же нет. Не надо также искать в далеком прошлом примеров, когда молочные коровы использовались как рабочий скот. В 40-х годах XX в. в венгерских деревнях еще было обычным явлением, когда вместо полезных только в одном отношении, но дорогостоящих в отношении прокорма лошадей и быков употребляли для запряжки в повозки, для транспорта и возделывания земли полезных во многих отношениях коров, даже учитывая, что в этом случае животные давали меньше молока. Только владельцы более 15 *га* земли держали быков. Таким же образом и в медном веке не обязательно быки должны были использоваться как тягловые животные. Поэтому мы в связи с отсутствием позитивных доказательств не имеем никаких оснований отрицать возможность погребений в повозках.

Моя точка зрения на возможность погребения в повозках не противоречит мнению о культовом характере моделей повозок, которое И. Бона обрисовал мимоходом, а Я. Маккаи обосновал подробно, со многими параллелями. Новая находка модели повозки из Сигетсентмартона (хотя обстоятельства, при которых она попала в землю, были иными, чем в Будакаласе, так как в Будакаласе модель повозки была объектом погребения, а в Сигетсентмартоне, напротив, погребальным инвентарем) подтверждает взгляды И. Боны и Я. Маккаи. Мы можем это утверждать также потому, что модель повозки из Сигетсентмартона почти полностью такая же, как и модель из Будакаласа. Они близки не только по форме, но, как уже говорилось выше, сходны также их размеры и орнаментация. Основная черта обоих предметов — подражание повозке и ее увязывание с характером сосуда. Это проявляется столь решительно, что удаленные один от другого на 50 *км* оба памятника дали те же формы. Следовательно, мы должны предполагать как в их изготовлении, так и в их использовании очень строгую регламентацию.

Культовый характер находки в Сигетсентмартоне подчеркивают другие сопровождающие находки. В могиле найдены две миски с перегородкой, которые никоим образом не использовались в повседневной жизни, и два черпака, которые могли служить для смешивания жертвенных напитков двух видов. Также не могло быть случайным и сходство материала нахо-

---

[10] *K. Willvonseder.* Zwei Grabfunde der Badener Kultur mit Metallbeigaben aus Niederösterreich. WPZ, 24, 1932, S. 15—28; *H. Ladenbauer-Orel.* Die jungneolithische Keramik aus der Königshohle von Baden bei Wien. AAu, 16, 1954, S. 74; *J. Banner.* Die Péceler Kultur. AH, XXXV, 1956, S. 199, 205—208.

[11] *J. Banner.* Die Péceler Kultur, Taf. XLIII, *1*; XLV, *1*; XC, *1*; *J. Csalog.* Data to the Waggon Burials..., p. 8—13.

док из Сигетсентмартона и модели повозки из Хафадже (Месопотамия), которое отражает сходство их функции. На крышке модели повозки из Хафадже был прикреплен большой конус, по боковым сторонам повозки — по одному сосуду. Согласно убедительным аргументам Я. Маккаи, в обоих сосудах хранились предназначенные для смешивания напитки, в стоящий сверху сосуд наливали уже смешанный жертвенный напиток[12]. Миски с перегородкой из Сигетсентмартона указывают на жертвоприношение напитком, состоящим из двух частей, но образующим единое целое. Сосуд в виде модели повозки мог предназначаться для хранения уже смешанного напитка. Соответственно этому в находке из Сигетсентмартона мы должны видеть не символическое изображение погребения с повозкой, а погребение столь выдающейся личности, которая могла выполнять такого рода культовое действие, и находка в могиле отражает определенную часть этой его деятельности. В то время как поврежденная модель повозки из Будакаласа (как умерший культовый предмет) была погребена по всем правилам, модель повозки из Сигетсентмартона попала в могилу невредимой, т. е. была пригодной для исполнения и далее свойственных ей функций.

Согласно Н. Феттиху, модель повозки двигалась горизонтально, т. е. ее тянули во время церемонии погребения[13]. Конструкция моделей повозки из Будакаласа и Сигетсентмартона не позволяет считать эту точку зрения вероятной. В противоположность моделям повозок бронзового века они не были предназначены для горизонтального движения, а изготовлены как сосуды с ручкой, для того чтобы взять их в руки и поднять. Модель повозки не передавала ее в деталях а скорее была подражанием, символом повозки. Поэтому, собственно говоря, было бы правильнее говорить о сосудах, подражающих повозкам, чем о моделях повозок. Они передают довольно точно нижнюю часть (колеса, оси, решетку пола или же настил) повозки. Но верхняя часть полностью стилизована и целиком согласуется с формами четырехугольных сосудов, которые появились в разных памятниках этой культуры. Покамест мы не можем решить, повлияла ли форма модели повозки на форму четырехугольной чаши (Н. Феттих видит также и в этих чашах модели повозок) [14] или наоборот. Возможно, что Ш. Шопрони прав, верхняя часть оригинальной повозки была сделана плетением[15], и этим объясняется, очевидно, форма верхней части модели и до некоторой степени также и ее орнамент.

Я. Баннер поместил на карту распространения специфических форм кубок (чашу) на ножке[16]. По форме и размерам он в основном совпадает с сосудами, подражающими повозкам.

Уже Шопрони[17] и особенно Н. Феттих[18] обращали внимание на то обстоятельство, что в нескольких могилах Будакаласа также встречались сосуды, напоминающие модели повозок, но без колес, с валикообразной или угловатой ножкой, снабженной отверстием, или сплошной, или же с маленькими шишечками в четырех нижних углах. Сосуды подобных размеров и форм появляются в различных областях страны[19]. Целые экземпляры известны из могил, из поселений мы знаем только обломки.

Появляются, однако, кубки не только четырехугольной, но также и округлой формы. Их общее, во всяком случае очень характерное своеобра-

---

[12] *J. Makkay.* What was the Copper Age Clay Waggon Model..., p. 13, 14.
[13] *N. Fettich.* Neue Beiträge..., S. 49, 66, 67.
[14] *N. Fettich.* Neue Beiträge..., S. 49—51, 57, 60—64.
[15] *S. Soproni.* A budakalászi kocsi..., FA, 6, 1954, S. 32.
[16] *J. Banner.* Die Péceler Kultur, S. 144, Abb. 43.
[17] *S. Soproni.* A budakalászi kocsi..., S. 30.
[18] *N. Fettich.* Neue Beiträge..., S. 60—64.
[19] *J. Banner.* Die Péceler Kultur, S. 33, Abb. 7, Taf. VII, *3*; XXIX, *7*; LXXXIX, *38*; XCII, *16*; CV, *32*; *N. Fettich.* Neue Beiträge..., Taf. XIV, *3*; XV, *6, 8, 10, 13.* Сегхалом — Диоэр. Поселение. Раскопки И. Эчеди 1971, 1973 гг.

Рис. 2. Сигетсентмартон. Модель повозки из могилы 1

зие — прочерченная орнаментация, состоящая из зигзагообразных линий [20]. Если верхняя часть четырехугольная или округлая, то ножка может быть полой и валикообразной или колоннообразной, с маленьким отверстием, четырехугольной, полой и с отверстием, проделанным лентообразно под прямым углом, или же верхняя часть ее стоит на двух вертикальных пластиночках, т. е. в противоположность верхней части нижняя часть сосуда очень разнообразна.

Можно предположить, что они подобно моделям повозок имели культовые функции. В подтверждение этого предположения мы приводим маленький сосуд с ручкой — в его четырех углах расположены крохотные шишечки. Сосуд этот может до известной степени рассматриваться как переходный между моделью повозки и кубком [21].

Обратим внимание на некоторые черты сходства этих сосудов с моделями повозок.

1. Верхнюю часть модели повозки, как мы уже упоминали, можно видеть у сосуда из могильника Будакалас с аналогичной ручкой, но без колес, а с небольшими ножками; такая же верхняя часть сосуда известна в некоторых случаях, но без ручки, с цоколем или на ножке [22].

2. Обе модели повозки имеют прочерченную, зигзагообразную линейную орнаментацию, которая встречается еще только на четырехугольных кубках, на кубках с округлой ножкой той же формы, на черпаках с черенком, и на одном-двух сосудах для подвешивания особой формы.

3. На модели повозки из Будакаласа, как и на сосудах с зигзагообразными прочерченными линиями, прослеживается пастовая красная, реже белая, роспись, характерная только для этого типа сосудов (повозка, кубок, черпак) [23].

В одном-двух случаях роспись встречается также на мисках с перегородкой, также связанных с культовыми целями [24]. В тех случаях, когда на сосудах упомянутых типов никакой росписи не найдено, ее отсутствие, вероятно, можно объяснить неблагоприятными почвенными условиями, как, например, в случае с моделью повозки из Сигетсентмартона. Прочерченная зигзагообразная линейная орнаментация сохраняется, а роспись исчезает.

4. В Сигетсентмартоне модель повозки встречена вместе с мисками, разделенными перегородкой и черпаками (стало быть, предметами, употреблявшимися в культовых целях).

5. В Алшонемеди погребения с крупным рогатым скотом (очевидно, с повозкой) в обоих случаях также сопровождались миской с двумя отделениями [25]. В одном случае был еще черпак, украшенный вышеупомянутым прочерченным орнаментом и росписью [26]. В Будакаласе в инвентаре погребения с крупным рогатым скотом был похожий на модель повозки четырехугольный расписной кубок на ножке с прочерченным орнаментом [27].

Подводя итоги нашим рассуждениям, мы можем предположить, что человек, погребенный в Сигетсентмартоне, имел право на эти погребальные дары. Он пользовался ими при жизни во время культовых церемоний (сосуд, подражающий повозке, миски с перегородкой, черпаки). Таким обра-

---

[20] *J. Banner.* Die Péceler Kultur, S. 26. Abb 2, *1*, Taf. XXXIII, *7*; XXXIV, *38*; XXXVIII, *23*; LIX, *10*; LXXXIX, *39*, *42*; XCII, *19*, *23*; XCV, *28*, *31*; C, *6*, *9*, *13*, *16*, *27*; CVI, *11*, *N. Fettich.* Neue Beiträge..., 1969, Taf. XIV, *1*, *2*; XV, *1*, *4*, *7*, *11*; Мезёчам-Херцегёш. Могильник. Раскопки Н. Калица и Е. Патек в 1958—1962 гг.

[21] *S. Soproni.* A budakalászi kocsi..., Taf. VI, *5*, *6*; *N. Fettich.* Neue Beiträge..., Taf. XV, *6*, *8*.

[22] См. сноски 19—21.

[23] Кроме кубков на ножке, см.: *J. Banner.* Die Péceler Kultur..., Taf. IV, *17—19*, *22*; VII, *4—5*; LXXV, *19*; LXXVII, *11*; XLV, *7*; XLVI, *5*; C, *28*.

[24] Ibid., S. 168, 169; *N. Fettich.* Neue Beiträge..., S. 61, 62.

[25] *J. Banner.* Die Péceler Kultur..., Taf. XLIII, *4*; XLV, *8*.

[26] Ibid., Taf. XLV, *7*.

[27] Ibid., Taf. LXXXIX, *38*.

зом, мы можем рассматривать модель повозки как предмет культа, а не как символ погребения с повозкой.

Г. Чайлд уже в начале 50-х годов высказал мнение, что повозка была изобретена в Месопотамии и попала в Европу в результате диффузии [28]. Подобного же взгляда придерживаются И. Бона, Я. Маккаи, а также Л. С. Клейн [29]. Ш. Шопрони считает южное происхождение вероятным, однако он не исключает возможности их восточного степного происхождения [30]. Ш. Фолтини выступал решительным образом за степное происхождение [31]. Ван дер Ваалс, кажется, выводит нидерландские повозки также с востока [32]. Вследствие недоразумения, возникшего из-за устаревших данных, Е. Кузьмина недавно предложила датировать доместикацию лошади в Юго-Восточной Европе (включая Венгрию) тем же временем, что и изобретение повозки — периодом баденской культуры [33]. С. Пиготт, исходя из основательного исторического, хронологического и технологического анализа, пришел к заключению, что, хотя повозка и была впервые изобретена в Месопотамии, она появилась на Кавказе ненамного позже, где были благоприятные предпосылки для возникновения и использования повозки. Он утверждает, что знакомство с повозкой и проникновение ее из степей в Среднюю и Юго-Восточную Европу произошло без передвижения населения [34]. Согласно этому мнению, повозки баденской культуры также были восточного происхождения.

Поэтому необходимо кратко заняться некоторыми хронологическими проблемами. Теперь мы уже знаем, что степное «курганное население» (имеются в виду племена ямной культуры.— *Прим. переводчика*) устремилось на Большую Венгерскую низменность раньше, чем мы это предполагали 15 лет назад [35]. Новые исследования указывают, что «курганное население» появилось в Восточной Венгрии в одно и то же время с баденской культурой [36]. Пока стратиграфические данные у нас есть только из Кетедьхазы, где один курган с ямной могилой был возведен на поселении группы Чернаводы III — Болераз [37]. Следовательно, в Кетедьхазе поселение Чернаводы III — Болераз предшествовало строительству ямного кургана в этом месте. Проблематично только, отражают ли эти единичные стратиграфические данные всю действительность. Мы еще не знаем, где были возведены первые курганы и когда последний курган ямной культуры был возведен на Венгерской низменности.

В настоящее время я по-прежнему придерживаюсь мнения, что преобладающая часть находок баденской культуры имеет южное происхождение, т. е. параллели большинству находок баденской культуры можно найти на Южных Балканах, даже в Западной Анатолии, среди тамошних

---

[28] *L. Childe.* The first Waggons und Carts from Tigris to the Severn. PPS, 17, 1951, p. 177—194.

[29] *I. Bona.* Clay Models of Bronze Age Waggons..., p. 95, 110; *J. Makkay.* What was the Copper Aye Clay Wagon Model, p. 11—13; *L. S. Klein.* Bronze Age Earthern Wheels' Models from Northern Shore of the Black Sea. AÉ, 90, 1963, p. 61—63.

[30] *S. Soproni.* A budakalászi kocsi...

[31] *S. Foltiny.* The Oldest Representations of Wheeled Vehicles in Central and Southeastern Europe. AJA, 63, 1959, p. 55—58.

[32] *J. D. van der Waals.* Prehistoric Disc Wheels in the Netherlands. Groningen, 1964.

[33] *E. E. Kuzmina.* The Earliest Evidence of Horse Domestication and Spread of Wheeled Vehicles in Connection with Problem of Time and Place of Formation of Indo-Euroupean Unity. VIII Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques (Beograd, 1971). Les rapportes et les communications de la délégation des archéologues de l'URSS. Moscou, 1971.

[34] *S. Piggot.* The Earliest Wheeled Vehicles and the Caucasian Evidence. PPS, XXXIV, 1968.

[35] *N. Kalicz.* Die Frühbronzezeit in Nordost-Ungarn, S. 49—61.

[36] *I. Ecsedy.* Újabb adatok a tiszántúli történetéhez (New Data of the History of the Copper Age in the Region beyond the Tisza). «A békés megyei múzeumok közlemenyei», 1973. 2, p. 3—38, 39, 40.

[37] Ibid., p. 6—10, 39, 40.

находок раннего бронзового века [38]. И наоборот, ни в характере поселений, ни в ритуале погребения, особенно в материале находок, я не знаю ничего, что указывало бы на ее степное происхождение или степные связи [39]. Следовательно, согласно моим современным знаниям, в баденской культуре нельзя найти никаких степных элементов.

Появление степного населения могло совпасть в Венгрии с появлением тех южных элементов населения, которые создали баденскую культуру. На основе релятивной хронологии можно представить, что знакомство с повозкой приходит с востока. Но между степными и баденскими повозками или же между моделями повозок нет никакого типологического сходства. В степи нередки повозки с двумя колесами, баденская модель повозки, напротив, с четырьмя колесами. Степные модели воспроизводят повозки до деталей [40], баденские модели повозок являются только их символическими изображениями и, как я показал выше, прежде всего сосудами и вследствие своего культового назначения обладают строго определенной формой. Очень убедительна точка зрения Я. Маккаи, согласно которой не только знакомство с повозкой пришло с Ближнего Востока, но также связанные с повозками культовые обряды шли оттуда [41]. Отличны также и обстоятельства находок моделей повозок баденской культуры от обстоятельств находок степных повозок или их моделей.

Недавно в Словакии найден обломок четырехугольного сосуда, к передней части которого были прикреплены две протомы животных — предположительно пара быков [42]. Над краем передней части четырехугольного сосуда возвышается полукруглая ручка. Эта находка относится к баденской культуре. Если этот сосуд действительно является моделью повозки (у него нет колес), то определенные аналогии в конструкции его можно найти на Ближнем Востоке [43]. Он стилизован, и его форма отличается от обоих венгерских моделей повозки.

К сожалению, отсутствуют модели повозки из Южных Балкан, хотя признаком существования их можно считать глиняные колесики от повозок времени баденской культуры или немного более раннего [44]. Ближайшие области, где встречаются подражания повозкам, находятся в Восточной Анатолии [45], но гораздо большее количество настоящих повозок из могил степных районов и Кавказа [46].

Хотя в степях было сделано несколько находок повозок и их моделей, а степное население могло поддерживать связи с населением баденской культуры, у нас нет никакой опорной точки, чтобы попытаться вывести повозки баденской культуры из степных областей. До сих пор ни одна находка не доказывает контактов баденской и степной ямной культур. Среди находок баденской культуры мы не встречаем никаких восточных степных элементов. Если обе культуры на Венгерской низменности жили одновременно, одна рядом с другой, то следы совместной жизни раньше или позже можно будет отыскать. Следует еще упомянуть, что

---

[38] *N. Kalicz.* Die Péceler (Badener) Kultur und Anatolia. «Studia Archaeologica», II. Budapest, 1963.

[39] *I. Bona.* Clay Models of Bronze Age Waggons and Wheels..., p. 95—96.

[40] *S. Piggot.* The Earliest Wheeled Vehicles..., pl. XXIII; *I. Bona.* Clay Models..., pl LXVII, *4*.

[41] *J. Makkay.* What was the Copper Age Clay Waggon Model..., p. 13.

[42] *V. Nemejcová-Pavuková.* Zur Ursprung und Chronologie der Boleraz-Gruppe. Symposium über die Entstehung und Chronologie der Badener Kultur (Nitra — Malé Vozokany, 1969). Bratislava, 1973, S. 300, Abb. 3.

[43] *H. Behrens.* Die neolithisch — frühmetallzeitlichen Tierskelettfunde der Alten Welt. Veröff. des Landesmuseums für Vorgeschichte in Halle, Ht. 19. Berlin, 1960; *M. E. L. Mallowan.* Early Mesopotamia and Iran. London, 1965, fig. 97; *S. Piggot.* The Earliest Wheeled Vehicles..., pl. XX.

[44] *I. Bona.* Clay models..., p. 99; *S. Piggot.* The Earliest Wheeled Vehicles..., p. 302.

[45] *S. Piggot.* The Earliest Wheeled Vehicles..., pl. XX.

[46] Ibid., pl. XXI—XXIII, fig. 4—6, 8, 11—15.

мы датируем могильный инвентарь из Сигетсентмартона ранним классическим периодом баденской культуры, а не ее поздней фазой.

Хронологическое сопоставление баденской культуры с областями Южной Болгарии и с Анатолией за последние 10 лет стало очень трудным, почти невозможным, с того времени как исследователи в основном перестали пользоваться короткой хронологией.

С. Пиггот обратил внимание на эти до сих пор нерешенные трудности, которые возникли вследствие того, что мы в Европе (включая Кавказ) пользуемся в основном радиокарбонными датами, на Древнем Востоке, напротив, абсолютная хронология покоится на исторических подсчетах [47]. Параллелизация обоих хронологических методов покоится до сих пор на ненадежной основе. Механическое сопоставление вызывает только новые проблемы. Баденская культура, согласно радиоуглеродным данным, подсчитанным с периодом полураспада 5570, может быть датирована временем около 2500 г. до н. э. [48]. Калиброванные даты этого времени переходят через 3000 г. до н. э. [49], и в таком случае они никоим образом не могут быть сопоставлены с ближневосточными.

Мы считаем решающим будущую подробную публикацию слоев Эзеро (Болгария), на основе которой выяснение связей этого памятника, с одной стороны, с баденской культурой, а с другой — с Троей, может быть, станет возможным, а тем самым также и хронологическая параллелизация Средней и Юго-Восточной Европы и Анатолии (в конечном счете Месопотамии). На основе богатого материала находок мы вправе заниматься дальнейшим выяснением ранее упомянутых тесных исторических связей, а среди них — вопросом о южном происхождении повозки в баденской культуре, к которому склоняется большинство исследователей.

Единственная для Венгрии некалиброванная дата $C^{14}$ для степной ямной культуры довольно поздняя — 2315 ± 80 г. до н. э. [50] Имеются и еще некоторые данные вне Венгрии, которые близки к упомянутой выше датировке баденской культуры [51]. Сейчас, во всяком случае, этих дат еще недостаточно для решения вопроса о том, синхронны ли баденская и ямная культуры, или одна из них является более ранней. Остается нерешенным также вопрос, появились ли повозки в понтийских степях (без Кавказа) раньше, чем в баденской культуре.

Прошло два десятилетия после находки модели повозки в Будакаласе. Открыта новая модель повозки в Сигетсентмартоне, однако мы не можем сказать об их происхождении больше, чем в свое время Ш. Шопронк [52]: южное происхождение повозки более вероятно, однако нельзя и полностью исключить восточные степные влияния.

---

[47] *S. Piggot.* The Earliest Wheeled Vehicles..., p. 309.

Мы не можем согласиться с подобным утверждением С. Пиггота, повторенным Н. Калицем. Основанные на исторических подсчетах датировки Древнего Востока не уходят в глубь веков далее, чем начало III тысячелетия до н. э. в Египте, и глубже, чем XXVIII—XXVI вв. до н. э.— в Месопотамии (дата раннединастического III). Никакого критерия для абсолютно хронологической оценки предшествующего времени, кроме радиоуглеродной хронологии, на Древнем Востоке нет так же, как и в Европе (см. *В. С. Титов.* Роль радиоуглеродных дат в системе хронологии неолита и бронзового века Передней Азии и Юго-Восточной Европы. В сб. «Археология и естественные науки». М., 1965). Даже для времени первой половины и середины III тысячелетия до н. э. в Европе радиоуглеродные даты гораздо более надежны, чем основанные на очень ненадежных и длинных цепочках сопоставлений с Месопотамией и Египтом (*прим. редакции*).

[48] *H. Quitta — G. Kohl.* Neue Radiocarbondaten zum Neolithikum und zur frühen Bronzezeit Südosteuropas und der Sowjetunion. ZfA, 3, 1969, S. 244 (Bln=476 2565±80 гг. до н. э.).

[49] *E. Neustupný.* Die Badener Kultur. Symposium über die Entstehung und Chronologie der Badener Kultur, S. 342—344.

[50] *H. Quitta — G. Kohl.* Neue Radiocarbondaten..., S. 242 (Bln=609 2315±80 гг. до н. э.).

[51] Ibid., S. 248. (Bln=829 2450±100 гг. до н. э.; Bln=630 2380±100 гг. до н. э.).

[52] *S. Soproni.* A budakalászi kocsi..., S. 34.

*N. Kalicz*

# DECOUVERTE D'UN MODELE DE CHARIOT ENEOLITHIQUE DANS LES ENVIRONS DE BUDAPEST

Résumé

En 1972, à Szigetszenmarton, situé à 32 km au sud de Budapest, en creusant des fondations on a mis au jour une tombe avec une inhumation de la culture de Baden (Pecel), dans le mobilier de laquelle ont été recueillis quelques vases (fig. 3) et un modèle de chariot (fig. 2) ou un vase en forme de chariot. A proximité de cette tombe on en a encore trouvé deux autres: celle d'un enfant (N° 2), et celle d'un adulte, orientée nord-nord-ouest et sud-sud-est, à une profondeur de 145 cm; le squelette y gisait sur le flanc gauche. Vu les constructions existant sur le terrain, il a été impossible de poursuivre les fouilles de ce nouveau lieu d'inhumation de la culture de Baden. Parmi les objets découverts le plus intéressant est le modèle de chariot, qui présente une grande analogie avec celui de Budakalasz (fig. 4, 1). L'auteur cherche à établir la destination de ces modèles de chariots, et affirme qu'ils avaient un caractère cultuel, ce qui est confirmé par le mobilier funéraire de la tombe N° 1. Comme le célèbre modèle de chariot provenant de Khafajé (Mésopotamie), ils étaient sans doute destinés à contenir des huiles sacrées, utilisées en onctions dans les sacrifices. L'auteur compare la partie supérieure de ce chariot avec les vases rectangulaires sur pied creux (note 19), voyant une conformité non seulement dans la forme, mais aussi dans l'ornementation et les dimensions. Il s'élève contre l'opinion émise auparavant selon laquelle un pareil modèle aurait été le symbole d'une inhumation en chariot. En terminant, l'auteur examine à nouveau la question de l'apparition de ces chariots dans la culture de Baden. Il en conclut qu'il ne peut que partager l'opinion de S. Soproni (note 52) sur une origine très vraisemblablement méridionale de ces chariots. Toutefois on ne peut totalement ignorer l'influence des steppes orientales sur leur apparition dans les Carpates.

В. Л. ДЕРЖАВИН

# КУРГАНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ У с. БУТОРЫ В МОЛДАВИИ

В 1972—1973 гг. Западно-Скифская экспедиция под руководством А. И. Мелюковой производила раскопки курганов у с. Буторы Григориопольского района МолдССР на левом берегу Днестра, в ходе которых было открыто семь скифских курганов и четыре, относящихся к эпохе бронзы [1]. Ниже будут рассмотрены материалы из последних четырех курганов. Систематическое изучение памятников бронзового века в северо-западном Причерноморье началось сравнительно недавно, особенно это касается курганов. Вполне естественно, что каждое вновь открытое погребение эпохи бронзы представляет интерес и дополняет наши сведения по древнейшему периоду истории этого района.

Курганы 1, 3, 9 входили в состав группы Буторы I, расположенной в 2 *км* от села того же названия по дороге в с. Виноградное. Всего здесь насчитывалось 15 сильно распаханных насыпей, максимальная высота которых не превышала 1,5 *м*. Никакой закономерности в расположении курганов не наблюдалось.

В приведенной ниже таблице указаны данные, которыми характеризуются исследованные погребения.

К ямной культуре относятся погр. 2, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 13 в кург. 1; 6, 7 в кург. 3; 1, 2, 3, 5, 6—9 в кург. 9. Значительно меньше погребений мы можем отнести к срубной культуре. Это погребения 1, 8, 11, 12 в кург. 1 и 1, 2, 4 в кург. 3. Не определены погр. 3 в кург. 1, 3, 5, 8 в кург. 3 и 4 в кург. 9. Впрочем, погр. 3 из кург. 3, в котором был найден железный предмет в виде полого конуса (рис. 1, 3), можно отнести к эпохе раннего железа.

Результаты раскопок наиболее интересного кург. 2 из курганной группы Буторы III мы приводим более подробно.

Вторая курганная группа (Буторы III), в которой производились небольшие раскопки в 1973 г., расположена в 3 *км* к ЮЮВ от южной окраины с. Буторы рядом с полевой дорогой в с. Спея. На ровном плато на протяжении около 1 *км* заметно более 50 преимущественно очень низких насыпей и пятен, видимо, оставшихся от распаханных курганов. На северо-западной окраине этой группы экспедицией был исследован один курган (кург. 2) и место, принятое за распаханный курган (кург. 1).

Курган 2. Насыпь из коричневатого чернозема была сильно распахана и имела диаметр 18—20 *м*, а высоту 0,45 *м*.

В восточной половине кургана на глубине 0,22—0,47 *м* от нулевой точки выявлен кромлех, диаметр которого составлял 8 *м*.

---

[1] *А. И. Мелюкова.* Раскопки курганов у с. Буторы Григориопольского района. «Археологические исследования в Молдавии в 1972 г.» Кишинев, 1974; *ее же.* Работы Западно-Скифской экспедиции. «Археологические исследования в Молдавии в 1973 г.». Кишинев, 1974.

Всего в кургане было открыто девять погребений. Погребения 7 и, возможно, 9 — усатовские, 4 — раннесрубное, 1, 2, 3, 5, 6, 8 — не определены.

Основное погребение 7, к которому относился кромлех, находилось в самом центре его, на глубине 1,33 *м* от нулевой точки. Над могильной ямой встречались куски обожженной глины. Погребение имело деревянное перекрытие из плах толщиной 3—5 *см*. В плане могила имела овальную форму длиной 1,85 *м*, шириной 1,20 *м*. К северной и южной стенкам ямы на глубине 0,83—0,88 *м* примыкали два камня в поперечнике 0,2 *м*. На дне ямы лежал костяк на спине, головой на северо-восток. Ноги, согнутые в коленях, упали вправо; руки вытянуты вдоль тела. Кисть левой

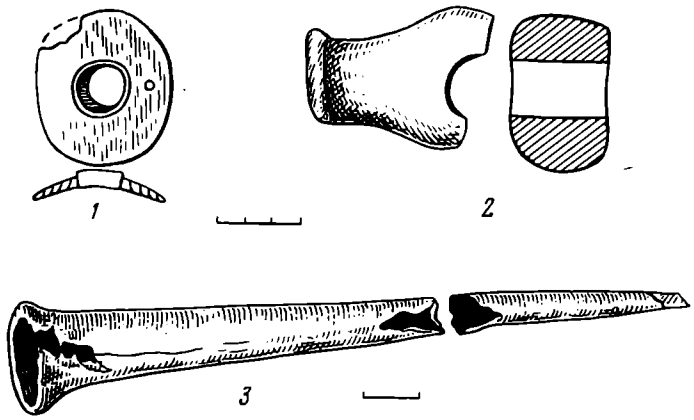



Рис. 1. Вещи из курганов у с. Буторы: *1* — костяная пряжка из погр. 4, кург. 2 (группа Буторы III); *2* — часть каменного топора из погр. 9, кург. 1; *3* — железный предмет из погр. 3, кург. 3

руки находилась на тазовых костях. Вещей в погребении обнаружено не было.

Остальные погребения впускные.

Погребение 1. Обнаружено в насыпи северо-западного сектора кургана. Контуры ямы не прослежены. На глубине 0,45 *м* от нулевой точки лежал человеческий череп. Вещей не было. Возможно, он относился к какому-нибудь другому впускному погребению и был сдвинут при вспашке.

Погребение 2. Находилось в северо-восточном секторе кургана с внешней стороны кромлеха. Погребение разрушено. Контуры ямы не прослежены. На глубине 0,24 *м* от нулевой точки обнаружены две берцовые кости и одна локтевая. Судя по ним, костяк был ориентирован на запад и лежал в вытянутом положении на спине. Вещей не было.

Погребение 3. Находилось в юго-восточном секторе кургана с внешней стороны кромлеха. С западной стороны оно было как бы ограничено камнями. Контуры могильной ямы не прослежены. На глубине 0,74 *м* от нулевой точки лежал костяк в вытянутом положении на спине, головой на запад. Кисть левой руки вытянута вдоль тела, кисть правой — на тазовых костях.

Погребение 4, парное. Обнаружено в юго-восточном секторе кургана внутри кромлеха. Контуры могильной ямы не прослежены. На глубине 0,59 *м* от нулевой точки находился костяк в скорченном положении на левом боку, головой на северо-восток. Руки прижаты к груди, кисти рук — у подбородка. Скорченность костяка средняя. Второй костяк лежал на первом в сильно скорченном положении на правом боку, головой на ССВ. Кисти рук его находились у подбородка. Вероятно, из этого погребения происходит костяная пряжка, которая была найдена в 1,0 *м* к юго-западу от костяков и лежала на той же глубине, что и погребение (рис. 1, *1*).

| № п/п | Номер кургана / номер погребения | Основное | Впускные | Подбой | Размер могилы, м | Глубина, м | Положение погребенного: на спине | вытянутый | скорченный | на левом боку | на правом боку | Ориентировка | Перекрытие: из дерева | из камня | Охра | Мел | Кости животных | Подстилка | Инвентарь |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 1 | 1/1 | – | + | – | ? | 0,53 | – | – | + | + | – | В | – | – | – | – | – | – | Баночный сосуд |
| 2 | 1/2 | – | + | – | ? | 1,20 | + | – | + | – | – | СВ | + | – | – | + | – | + | – |
| 3 | 1/3 | – | + | – | ? | 1,40 | + | + | – | – | – | СВ | + (?) | – | – | – | – | – | – |
| 4 | 1/4 | – | + | – | 2×1,4 | 2,60 | + | – | + | – | – | СЗЗ | + | – | + | + | – | – | – |
| 5 | 1/5 | – | + | – | 190×1,20 | 2,85 | + | – | + | – | – | СЗЗ | + | – | + | – | – | – | – |
| 6 | 1/6 | – | + | – | ? | 1,83 | + | – | + | – | – | ЮЗЗ | – | – | + | – | – | – | – |
| 7 | 1/7 | + | – | – | 1,90×1,20 | 1,00 от др. горизонта | + | – | + | – | – | З | + | – | + | – | – | – | – |
| 8 | 1/8 | – | + | – | ? | 1,27 | – | – | + | + | – | В | – | + | – | – | – | – | Баночный сосуд |
| 9 | 1/9 | – | + | – | – | 1,73 | + | ? | ? | – | – | З | – | – | – | + | – | + | Часть каменного топора, камень |
| 10 | 1/10 | – | + | – | 1,00×0,70 | 2,00 | + | ? | ? | – | – | ССЗ | + | – | + | – | – | – | – |
| 11 | 1/11 | – | + | – | ? | 0,85 | – | – | + | + | – | ЮВВ | – | – | – | – | – | – | Баночный сосуд |
| 12 | 1/12 | – | + | – | – | 2,15 | – | – | – | + | – | В | + | + | – | – | + | + | – |
| 13 | 1/13 | – | + | – | – | 1,47 | – | – | – | – | + | З | – | – | – | – | – | – | Лепной сосуд |
| 14 | 3/1 | – | + | | ? | 0,55 | – | – | – | + | – | З | – | – | – | – | – | – | – |
| 15 | 3/2 | – | + | | ? | 0,80 | – | – | – | + | – | ЮЗ | – | – | – | – | + | – | – |
| 16 | 3/3 | – | + | | 1,80×0,60 | 1,20 | + | + | – | – | – | З | – | + | – | – | – | – | Железный предмет в виде конуса |
| 17 | 3/4 | – | + | | ? | 0,40 | ? | ? | ? | ? | ? | ? | – | – | – | – | – | – | Баночный сосуд |
| 18 | 3/5 | – | + | | 1,65×0,60 | 1,35 | + | + | – | – | – | Ю | – | + | – | – | – | – | – |
| 19 | 3/6 | + | – | | 1,70×1,20 | 0,62 от др. горизонта | + | – | + | – | – | ЮЗЗ | – | – | + | – | – | – | – |
| 20 | 3/7 | – | + | – | ? | 0,55 | ? | ? | ? | ? | ? | ? | – | – | – | – | – | – | – |
| 21 | 9/1 | – | + | – | ? | 0,88 | + | – | + | – | – | С | + | – | + | – | – | – | – |
| 22 | 9/2 | – | + | – | 1,40×0,90 | 2,25 | + | – | + | – | – | СЗ | + | – | + | – | – | – | – |
| 23 | 9/3 | – | + | – | 1,60×1,20 | 2,50 | + | – | + | – | – | СВ | – | – | + | – | – | + | Лепной сосуд |
| 24 | 9/4 | – | + | – | ? | 1,60 | + | + | – | – | – | З | – | – | – | – | – | – | – |
| 25 | 9/5 | – | + | – | 1,80×1,20 | 2,47 | + | – | + | – | – | СЗ | + | – | + | – | – | + | Три кремневых отщепа |

Продолжение

| № п/п | Номер кургана | Номер погребения | Основное | Вытянутое | Подбой | Размер могилы, м | Глубина, м | Положение погребенного: на спине | вытянутый | скорченный | на левом боку | на правом боку | Ориентировка | Перекрытие: из дерева | из камня | Охра | Мел | Кости животных | Поделки | Инвентарь | Створка раковины |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 26 | | 9/6 | | + | | ? | 1,54 | + | | + | | | ССЗ | + | | | | | | | |
| 27 | | 9/7 | | | | 2,30×1,35 | 2,17 | | | | | | ЮЗ | | | | | | | | |
| 28 | | 9/8 | | + | | 1,70×1,00 | 0,75 | | | + | | | | + | | + | | | + | | |
| 29 | | 9/9 | + | + | | 1,30×0,90 | от др. горизонта 1,90 | + | | | | | З | | | | | | | | + |

Погребение 5. Находилось в юго-восточном секторе кургана в пределах кромлеха. Контуры ямы не прослежены. На глубине 0,42 *м* обнаружены в беспорядке лежащие человеческие кости. Выяснить положение погребенного не удалось.

Погребение 6. Находилось в северо-восточном секторе с внешней стороны кромплеха и примыкало к нему. На глубине 0,45 *м* среди камней встречены человеческие кости. Выяснить положение погребенного не удалось.

Погребение 8. Обнаружено в северо-восточном секторе кургана и примыкало к внутренней стороне кромлеха, а с юго-запада как бы ограничивалось несколькими камнями. На глубине 0,77 *м* от нулевой точки среди камней найдены отдельные человеческие кости. Положение погребенного выяснить не удалось.

Погребение 9. Обнаружено в юго-восточном секторе кургана под погребением 4. Контуры могильной ямы не прослежены. На глубине 0,90 *м* от нулевой точки лежал костяк на левом боку в скорченном положении, головой на северо-восток. Кисти рук находились в районе таза. Вещей не было.

Кроме того, в различных частях насыпи было найдено несколько невыразительных фрагментов лепной керамики, не поддающихся определению. В северо-восточном секторе кургана на глубине 0,5 *м* от нулевой отметки был обнаружен расписной тонкостенный глиняный сосуд оранжевого цвета с двумя небольшими «ушками» со сквозными отверстиями (рис. 2, *2*). Орнамент в виде параллельных линий и треугольников был нанесен черной краской. Диаметр венчика сосуда 7 *см*, диаметр дна 2,5 *см*, высота 6,5 *см*.

В нескольких метрах от кург. 2 была заложена траншея на месте предполагаемой насыпи другого кургана. Однако здесь ничего не было обнаружено, за исключением серого лепного сосуда катакомбного времени с выделяющимся горлом и насечками на плечиках. Диаметр венчика 9,5 *см*, диаметр дна 5 *см*, высота 8 *см* (рис. 2, *3*).

Курганы 1, 3, 9 в группе Буторы I возведены носителями ямной культуры. Основные погребения в этих курганах, за исключением кург. 9, находились в ямах, вырытых в материке и имевших деревянные перекрытия. Погребенные лежали на спине, головой на запад. Ноги первоначально, видимо, стояли коленями вверх,

а затем в одних случаях распались, образуя фигуру в виде ромба, в других — завалились на сторону. Погребение 8 в кург. 9, по всей видимости, является кенотафом. Весьма характерно, что и здесь могильная яма также ориентирована по линии запад — восток. Не исключено, что в курганах 3

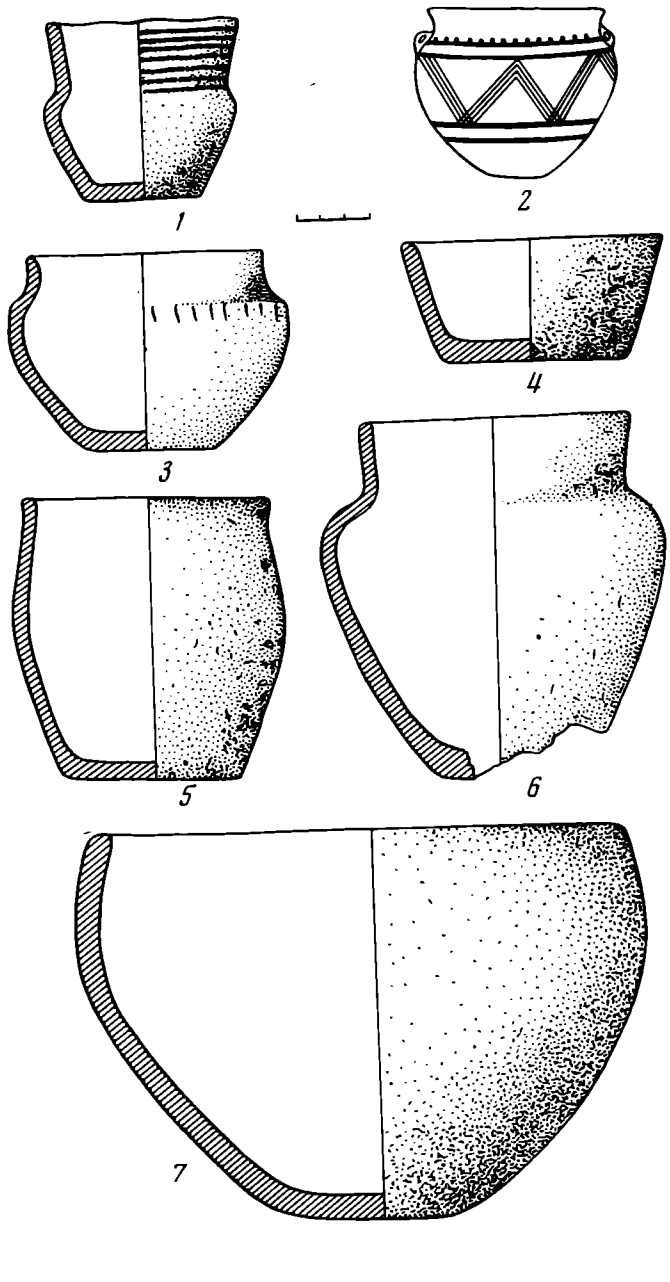



Рис. 2. Сосуды из курганов у с. Буторы: *1* — из погр. 3, кург 9 (Буторы I); *2* — из насыпи кург. 2 (группа Буторы III); *3* — из траншеи возле кург. 2 (группа Буторы III); *4* — из погр. 8, кург. 1 (Буторы I); *5* — из погр. 11, кург. 1 (Буторы I); *6* — из погр. 13, кург. 1; *7* — из погр. 4 кург. 3 (Буторы I)

и 9 было по два основных погребения (соответственно 7 и 9). На это может указывать расположение их в центре курганов, а также строго западная ориентировка погребенных. В то же время из всех впускных ямных погребений ни одно не ориентировано четко на запад. Таким образом, судя по обряду, основные погребения наших курганов можно отнести

к III хронологической группе юго-западного варианта ямной культуры (по классификации Н. Я. Мерперта) и датировать концом III тысячелетия до н. э.[2]

Впускных ямных погребений всего 14. В кург. 9 они располагались по кругу вокруг основного погр. 8. В кург. 1 никакой закономерности в их расположении не наблюдалось. В 13 погребениях костяки лежали на спине с согнутыми в коленях ногами и лишь один — скорченный на правом боку. Пять погребений ориентировано на запад (с отклонениями), три — на северо-запад, два — на северо-восток, два — на север, одно — на юго-запад; погребение с скорченным костями на боку ориентировано на запад. Все эти погребения можно отнести к III и IV хронологическим группам, по Н. Я. Мерперту, и датировать концом III — началом II тысячелетия до н. э.

Инвентарь погребений небогат. Из погр. 3 кург. 9 происходит сероглиняный кубок с высоким горлом (рис. 2, *1*). Он находит себе аналогии в погребениях юго-западного варианта ямной культуры[3]. Сосуд из погр. 13 кург. 1 (рис. 2, *6*) близок сосуду из кургана у с. Глубокое Татарбунарского района Одесской области[4]. Наконец, из погр. 9 кург. 1 происходит обломок каменного топора (рис. 1, *2*). Обычай класть в могилу каменные топоры был известен у племен ямной, а в еще большей степени катакомбной культуры. Поэтому погребение условно отнесено к ямно-катакомбному времени.

Ямные погребения из курганов у с. Буторы не имеют каких-либо специфических черт в обряде и инвентаре и могут быть сопоставлены с ямными погребениями, известными нам как внутри самого юго-западного ареала ямной культуры, так и с соседним ему нижнеднепровским.

Срубная культура представлена восемью впускными погребениями. Как правило, погребенные лежали в насыпи (исключение составляет погр. 12 в кург. 1) в скорченном положении на левом боку. Только один костяк из парного погр. 4 кург. 2 (группа Буторы III) лежал на правом боку. В кург. 1 три костяка ориентированы головой на восток и один на юго-восток; в кург. 3 один погребенный лежал головой на запад, другой на юго-запад. В погр. 4 кург. 2 (группа Буторы III) один костяк на левом боку был ориентирован на северо-восток, второй на правом боку — на северо-северо-восток.

Погребения 8 и 12 (кург. 1) были перекрыты сначала деревянным накатом, а затем камнями. В курганах Северного Причерноморья нередко встречаются срубные погребения, перекрытые камнями или деревянными плахами, но наличие двойного перекрытия несколько необычно.

В погр. 12 кург. 1 и в погр. 2 кург. 3 встречены остатки пищи — обычай, известный как в ранне-, так и позднесрубное время.

Инвентарь погребений не отличался разнообразием. Из парного погр. 4 кург. 2 (группа Буторы III) происходит кольцевидная костяная пряжка (рис. 1, *1*). Такие пряжки часто встречаются в раннесрубных погребениях Северного Причерноморья. Сравнительно много их в западных районах распространения срубной культуры[5]. Четыре погребения сопровождались сосудами баночной формы (погр. 1, 8, 11 в кург. 1; погр. 4 в кург. 3),

---

[2] *Н. Я. Мерперт.* Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III — начало II тыс. до н. э.). Автореф. докт. дис. М., 1968, стр. 38, 39.

[3] *Л. В. Субботин, А. Г. Загинайло, Н. М. Шмаглий.* Курганы у села Огородное. МАСП, 6, Одесса, 1970, стр. 146, рис. 12, *4*; *В. А. Дергачев.* Памятники эпохи бронзы. Археологическая карта МССР, 3, Кишинев, 1973, стр. 33; рис. 7.

[4] *Н. М. Шмаглий, И. Т. Черняков.* Исследования курганов в степной части междуречья Дуная и Днестра (1964—1966 гг.). МАСП, 6, Одесса, 1970, стр. 51, рис. 38, *1*.

[5] *А. И. Мелюкова.* Курганы эпохи бронзы у с. Олонешты. КСИА АН СССР, 89, 1962, стр. 33, рис. 11, *1, 2*; *Г. Ф. Чеботаренко.* Могильник эпохи бронзы у с. Калфа на Днестре. КСИА АН СССР, 105, 1965, стр. 10, рис. 23, *2—5*; *Л. В. Субботин, А. Г. Загинайло, Н. М. Шмаглий.* Ук. соч., стр. 141, рис. 9, *1—7*; *В. А. Дергачев.* Ук. соч., стр. 15, рис. 2; стр. 21, рис. 4; стр. 33, рис. 7; стр. 42, рис. 10.

столь характерными для срубных памятников (рис. 2, *4, 5*). Однако уточнить по ним датировку погребений в настоящее время не представляется возможным.

Курган 2 (группа Буторы III) возведен племенами усатовской культуры, о чем свидетельствует каменный кромлех, куски обожженной глины над центральным погребением и находка типичного позднетрипольского расписного сосуда с двумя сквозными ушками-упорами для подвешивания. Близкий по форме сосуд (но без ушек) известен по раскопкам И. Я. Стемпковского из кургана у с. Терновка в бывшем Тираспольском уезде [6]. Хотя наш сосуд найден в насыпи, однако усатовская принадлежность погребения не вызывает сомнений по следующим соображениям. Деревянные перекрытия не часто, но все же встречаются в усатовских могилах [7]. Положение костяков на спине с согнутыми в коленях ногами выделяется Т. С. Пассек как наиболее раннее в бескурганном Выхватинском могильнике [8] и восходит еще к периоду среднего триполья этапа BII [9]. Именно эти два элемента усатовского погребального обряда можно объяснить контактами с древнеямными племенами. Как известно, в усатовских погребениях иногда встречается охра, но в основном погребении рассматриваемого кургана ее нет. В то же время во всех ямных погребениях с положением костяков на спине с согнутыми в коленях ногами и северо-восточной ориентировкой (II хронологическая группа по Н. Я. Мерперту) наличие охры обязательно. Все изложенное позволяет характеризовать погребение как усатовское с некоторыми чертами погребального обряда ямной культуры. Погребение 9 тоже, возможно, является усатовским, поскольку положение и северо-восточная ориентировка костяка (наиболее распространенная у «усатовцев») аналогичны основному погребению.

На Тираспольщине мы впервые встречаем положение погребенного на спине с согнутыми в коленях ногами, в то время как из раскопок И. Я. Стемпковского известны «усатовцы», погребенные в скорченном положении на боку или вытянуто на спине [10]. В этом отношении должны быть перспективными дальнейшие раскопки у с. Буторы, которые могут дать новый материал для изучения контактов ямных и усатовских племен.

*V. L. Derjavine*

## DES KOURGANES DE L'EPOQUE DU BRONZE PRES DU VILLAGE DE BOUTORY, EN MOLDAVIE


### Résumé

De 1972 à 1973, la mission de Scythie occidentale a procédé aux fouilles de kourganes situés sur la rive gauche du Dniestr (région de Grigoriopol, R.S.S. de Moldavie). Au cours de ces fouilles, outre les kourganes scythes, on a découvert quatre kourganes datant de l'époque du bronze, dont un a été élevé par les tribus d'Ousato, et les trois autres par les porteurs de la culture de la céramique à fossetes. En tout, dans ces kourganes, ont été trouvées 31 sépultures: 18 appartiennent à la culture de la céramique à fossettes, 2 à la culture d'Ousato, et 13 à la culture des tombes à charpente. On n'a pas établi à quelle culture appartenaient les autres sépultures. Dans l'ensemble, ces kourganes ont fourni des pièces intéressantes, qui complètent nos connaissances sur l'époque du bronze, encore insuffisamment étudiée dans la régio sud — ouest de l'Union Soviétique.


[6] *Т. С. Пассек.* Периодизация трипольских поселений. МИА, 10, 1949, стр. 207, рис. 99, *6*.

[7] *Т. С. Пассек.* Ук. соч., стр. 195; *А. И. Мелюкова.* Курган усатовского типа у с. Тудорово. КСИА АН СССР, 88, 1962, стр. 74.

[8] *Т. С. Пассек.* Некоторые итоги раскопок в Молдавии в 1955 г. КСИИМК, 70, 1957, стр. 79.

[9] *Е. К. Черныш.* Вновь открытое трипольское погребение у Незвиско на Днестре. «Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и РНР». Кишинев, 1960.

[10] *В. А. Дергачев.* Позднетрипольские курганы Тираспольщины. «Археологические исследования в Молдавии в 1973 г.». Кишинев, 1974, стр. 262.

Л. В. ФИРСОВ

# РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ РАННЕТАВРСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ТАУ-КИПЧАК

**(Крым)**

Древнейшими народами, населявшими Крымский полуостров, были киммерийцы, о которых Геродот сообщает очень мало, позднее — тавры, которым он дает краткую и неблестящую характеристику [1]. Ни те, ни другие не были, однако, первыми поселенцами в Крыму. Археологические открытия показали, что полуостров был заселен, и весьма плотно, в эпоху неолита и даже палеолита [2]. Древние стоянки человека в Крыму принадлежат культуре мустье; их относят к рисс — вюрму и раннему — среднему вюрму, по современным оценкам,— 35—80 тысяч лет назад [3].

В начале столетия С. И. Забнин [4] открыл в пещере Кизил-Коба культуру лепной керамики бронзового века, которой Г. А. Бонч-Осмоловский присвоил название кизил-кобинской [5]. Вслед за этим и по мере открытия новых стоянок кизил-кобинцев в горной части Крыма возникло предположение, не являются ли они киммерийцами Геродота, вытесненными скифами, и не были ли горные тавры, оставившие могильники из каменных ящиков, одним из киммерийских племен, ушедшим в труднодоступные местности под давлением скифов. Особенности кизил-кобинской и таврской культур и последовательные этапы их длительного развития пока еще оставляют нерешенным вопрос об отождествлении археологических кизил-кобинцев с историческими киммерийцами, однако сами тавры считаются потомками кизил-кобинского населения или даже поздними кизил-кобинцами. Правда, в 30—40-х годах было высказано отрицательное мнение на этот счет: В. Н. Дьяков, подчеркивая специфичность кизил-кобинской лепной керамики, полагал, что нет веских оснований выводить тавров из кизил-кобинцев [6]. Открытия, сделанные после 1945 г., вероятно, развеяли бы сомнения этого автора.

---

[1] *Геродот.* История. Л., 1972 (о киммерийцах — 1, 6, 15, 16, 103; IV, 11—13; о таврах — IV, 99, 103 и др.).

[2] *С. Н. Бибиков.* Некоторые вопросы заселения Восточной Европы в эпоху палеолита. СА, 1959, *его же.* Плотность населения и величина охотничьих угодий в палеолите Крыма. СА, 4, 1971.

[3] *И. К. Иванова.* Геологический возраст ископаемого человека. М., 1965, стр. 103—106, рис. 68; *С. Н. Бибиков.* О датировке и реконструкции палеолитических убежищ Крыма. Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного периода, 21, 1957; *В. И. Громов.* Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. Тр. Ин-та геологических наук АН СССР, 64, М., 1948, стр. 218 сл.

[4] *С. И. Забнин.* Находки каменного века в Крыму. ИТУАК, 54, 1918, стр. 362.

[5] *Г. А. Бонч-Осмоловский.* Допсторпческие культуры Крыма. «Крым», № 2, 1926, стр. 93.

[6] *В. Н. Дьяков.* Древняя Таврика до римской оккупации. ВДИ, 3, 1939, стр. 80; *его же.* Таврика в эпоху римской оккупации. Уч. зап. МГПИ, т. 28, I, 1942, стр. 14.

Тезис о преемственности таврской культуры Крыма от кизил-кобинской нашел развитие в работах ряда исследователей. В 1952 г. П. Н. Шульц предложил следующую схему периодизации этих культур[7]: кизил-кобинская, первый этап — II тысячелетие до н. э.; второй этап — первая треть I тысячелетия до н. э.; тритий этап (ранние тавры) — VII—VI вв. до н. э.; таврская, средняя пора — V—II вв. до н. э.; поздняя пора — I в. до н. э. — первые века нашей эры; тавры времен средневековья. В 1954 г. С. Ф. Стржелецкий отнес кизил-кобинские и раннетаврские памятники только к двум периодам, исключив их из II тысячелетия до н. э.: к периоду поздней бронзы — X—VIII вв. до н. э. и к периоду раннего железа — VII—V вв. до н. э.[8] Два года спустя П. Н. Шульц также значительно омолодил культуру ранних кизил-кобинцев, дав четырехчленное деление ее (X—IX, IX—VIII, VIII—VII, VII—VI вв. до н. э.), но периодизацию тавров оставил прежней[9], а в 1959 г. он несколько уточнил и ее: ранние тавры — первая половина I тысячелетия до н. э.; тавры средней поры — V — II вв. до н. э.; тавры поздней поры — I в. до н. э. — IV в. н. э.; тавры позднейшей поры — V—VIII вв. н. э.[10]. Еще выше поднимает дату начала развития кизил-кобинской культуры Х. И. Крис, согласно которой ранний этап должен быть отнесен к VIII — рубежу VII—VI вв. до н. э., поздний — к VI—IV вв. до н. э.[11] А. М. Лесков, не возражая против преемственности таврской культуры от кизил-кобинской и проводя далекие параллели, членит время тавров на три периода: ранний — IX — начало VI в. до н. э., средний — VI—V вв. до н. э., поздний — IV—I вв. до н. э.[12]

Очевидно, что внести ясность в вопрос о датировке этих культур без привлечения принципиально новых данных невозможно: полемизирование с учетом только археологических сведений, по-видимому, не приведет к согласованному решению, хотя в некоторой части общая точка зрения уже намечена. Археологи единодушно исключают в датировке культуры кизил-кобинцев (и ранних тавров) II тысячелетие до н. э., однако по поводу хронологии этапов развития таврской культуры мнения существенно расходятся: П. Н. Шульц помещает ранних тавров (поздних кизил-кобинцев) в VII—VI вв. до н. э., Х. И. Крис отводит им место в VI—V вв. до н. э., а А. М. Лесков — в IX—VI вв. до н. э. Тенденция омолодить культуру тавров исходила из ныне устаревших данных о хронологическом рубеже между поздней бронзой и ранним железом в Восточной Европе, в частности в Северном Причерноморье: начало железного века не опускали ниже VIII или даже VII—VI вв. до н. э. Такое убеждение сложилось до внедрения радиоуглеродного датирования, ныне есть основание относить вытеснение бронзы железом к более раннему времени.

Вместе с тем совершенно неясно, исходила ли таврская культура из кизил-кобинской, представляли ли собой тавры в этническом смысле то же, что и кизил-кобинцы, и можно ли в тех и других видеть культурных наследников и этнических продолжателей киммерийцев. Неожиданный поворот эта проблема получила в недавней работе Х. И. Крис[13]. Анализ исторических документов, сравнение погребальных сооружений (камен-

---

[7] *П. Н. Шульц.* О роли местных племен и народностей в истории древнего Крыма. Тезисы доклада на сессии по истории Крыма. Симферополь, 1952, стр. 6—8.

[8] *С. Ф. Стржелецкий.* Очерки истории Гераклейского полуострова и его округи в эпоху бронзы и раннего железа. Автореф. канд. дисс. М., 1954, стр. 8, 9.

[9] *П. Н. Шульц.* Тавры и их взаимоотношение с античными городами Сев. Причерноморья. Тезисы доклада на античной конференции. М., 1956.

[10] *П. Н. Шульц.* О некоторых вопросах истории тавров. Сб. «Проблемы истории Сев. Причерноморья в античную эпоху». М., 1959, стр. 243.

[11] *Х. И. Крис.* К вопросу о периодизации кизил-кобинской культуры. СА, 4, 1961, стр. 66, 67.

[12] *А. М. Лесков.* Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. Киев, 1965, стр. 96, 97, рис. 34.

[13] *Х. И. Крис.* О таврах и кизил-кобинской культуре. ВДИ, 4, 1971, стр. 156.

ных ящиков) и инвентаря (в общем довольно скудного) привели исследователя к заключению, что нет оснований отождествлять кизил-кобинцев и тавров с киммерийцами. Более того, Х. И. Крис считает кизил-кобинскую и таврскую культуры не последовательными, а синхронными, однако разнокультурными и разноэтничными. Поселения и могильники земледельческо-скотоводческих кизил-кобинских племен она локализует в пределах второй гряды Крымских гор. Могильники же того населения, которое вполне можно отождествить с пиратствующими таврами Геродота,— на Южном берегу и в Байдарской долине. В V в. до н. э. прекращают свое существование поселения кизил-кобинцев (возможна ассимиляция населения скифами), и одновременно кончается сооружение погребальных «мегалитов» таврами. В изменении облика материальной культуры тавров, быть может, немаловажную роль сыграло основание в конце V в. до н. э. Херсонеса.

Концепция о синхронности, но разноэтничности кизил-кобинской и таврской культур подкупает нетривиальностью аргументации и вносит существенно новое в одну из кардинальных проблем античности Крыма. Однако приходится считаться с тем, что археологический материал для ее решения пока ограничен и малоинформативен. В любом случае решение проблемы требует объективной датировки культур.

Для абсолютного датирования уже известных памятников ранних тавров (тем более ранних кизил-кобинцев) сейчас невозможно найти материалы. Раскопки многих поселений, убежищ, могильников проведены давно и, к сожалению, не предусматривали сбор проб для радиоуглеродного анализа. В археологических коллекциях таких материалов нет, а на местах старых раскопов их практически не осталось. В этой связи особое значение приобретает недавнее открытие раннетаврского поселения в верховьях р. Зуи, ниже теперь уже не существующей дер. Лесное (бывший Тау-Кипчак), во время строительства плотины и подготовки ложа водохранилища.

Этот район известен мустьерскими (Киик-Коба), кизил-кобинскими (Кош-Коба) пещерными стоянками, находками мезолитического культурного горизонта (Кукрек), раннетаврскими поселениями (Нейзац) и могильниками (Чуюнча, Карлы-Кая), расположенными на водораздельных плато над Тау-Кипчаком [14]. Открытие раннетаврского поселения у Тау-Кипчака, следовательно, не было большой неожиданностью. Охранные раскопки проведены О. И. Домбровским в 1970—1971 гг., собран и документирован богатый материал из раннетаврских жилищ и хозяйственных ям. Вместе с тем наконец представился — пока единственный за столетие изучения таврских памятников в Крыму — случай получить пробы для радиоуглеродного датирования.

Осенью 1971 г. О. И. Домбровский предоставил мне возможность ознакомиться с раскопками, принять в них участие, отобрать и документировать пробы там, где это оказалось возможно [15]. Пять проб угля (СОАН-523, 525, 526, 528, 529), собранного по крошечным кусочкам, но в достаточном для анализа количестве, относятся к таврским полуземлянкам и хозяйственным ямам, одна (СОАН-503) — к средневековому горизонту, четыре (СОАН-519—521, 524) — к позднетатарским жилищам и углежогным земляным печам (отобраны для контроля) [16].

---

[14] Материалы раскопок этих памятников в 20-х годах нашего столетия содержатся в предварительных архивных отчетах Г. А. Бонч-Осмоловского и почти целиком изложены А. М. Лесковым (ук. соч.). См. также: *Е. А. Векилова.* Эпипалеолитическая стоянка Кукрек в Крыму. КСИИМК, XXXVI, 1951.

[15] Материалы раскопок О. И. Домбровского, И. А. Баранова и О. А. Махневой пока не опубликованы. Выражаю признательность О. И. Домбровскому за помощь в организации сбора проб и за консультации по археологическим вопросам.

[16] В 1970 г. И. А. Барапов мне передал 6 проб угля для датирования, которые происходят, однако, из средневековых и даже современных жилищ (см. приложение: СОАН-269-274).

Неширокая долина р. Зуи имеет почти меридиональное направление (на север). Ее верховья лежат на северном пологом склоне Долгоруковской яйлы. У Тау-Кипчака долина врезана в коренные породы на 150—200 *м*. Ее склоны круты; правый из них в верхней части представляет собой уступ нижнемеловых известняков, в основании которого в многочисленных естественных навесах, гротах и пещерах обнаружены остатки материальной культуры различных эпох, начиная от палеолита. Именно в этом уступе находятся грот Киик-Коба и двухзальная пещера Кош-Коба, в нескольких километрах выше по долине от Тау-Кипчака. Над бровками склонов простираются платообразные водоразделы, полого наклоненные к северу; на правом из них расположены упомянутые выше раннетаврские могильники Чуюнча и Карлы-Кая.

Коренное днище долины перекрыто многометровой толщей песчаного и щебенисто-галечного руслового и пойменного аллювия; долина переуглублена. Ее заполнение несортированным, плохо окатанным обломочным материалом свидетельствует о сравнительно недавнем (позднe- и послевюрмском) значительном повышении базиса эрозии. Эта особенность свойственна всем речным долинам горного Крыма[17]. Борта грунтовых карьеров, водоотводных траншей и котлована под водоупорный зуб плотины позволяют изучить строение аллювиальной толщи на глубину по крайней мере до 4—8 *м* и проследить сложную миграцию русловых меандр.

Отношу местоположение находок в долине у Тау-Кипчака к створу плотины, как к ориентиру, который остается на долгие годы.

Позднетатарская дер. Тау-Кипчак лежала в долине, выше возводимой плотины. На обоих склонах долины и в ней самой, в створе плотины, открыто обширное средневековое поселение, керамика которого, по заключению И. А. Баранова, имеет близкое сходство с салтово-маяцкой. На левом склоне, в полукилометре ниже створа плотины обнаружено позднеантичное (первых веков нашей эры) сарматское поселение, возле правого склона, от плотины до Тау-Кипчака — раннетаврское поселение.

Таврское поселение находилось справа от реки, на первой надпойменной террасе, и примыкало к правому крутому склону долины. Жилища и хозяйственные ямы обнаружены на участке от створа плотины на протяжении 650 *м* вверх по долине. Большая часть находок сделана в 150—300 *м* от створа плотины.

Жилища представляли собой, по-видимому, полуземлянки прямоугольных очертаний или с несколько округленными углами, размером (2,5—4)×(3,5—6) *м*, некоторые больше. Земляные полы прикрыты золистыми отложениями с мелким углем и многочисленными обломками черноглиняной лепной керамики, простой и лощеной, неорнаментированной или с примитивными узорами. Целые экземпляры горшков, мисок, круглодонных небольших кубков найдены не только на местах раскопов, но и в грунтовых отвалах за брустверами водопропускных траншей и котлованов. Таких находок много; до некоторой степени это дает основание судить о большой плотности поселения, а также о его протяженности. Тип керамики позволяет отнести ее к эпохе ранних тавров; не исключено наличие и среднетаврской[18]. Находки в хозяйственных ямах однотипны. Ямы имеют круглую с плоским дном или грушевидную форму, вкопаны в песчано-щебенистые отложения на 0,8—1,2 *м*, редко глубже и перекрыты горизонтом бурой лесной почвы и пойменным аллювием. Лепная керами-

---

[17] *М. В. Муратов.* Континентальные четвертичные отложения Крыма, их соотношения с морскими террасами и возраст. Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного периода, 33, 1967, стр. 57—76; *П. В. Федоров.* Стратиграфия четвертичных отложений Крымско-Кавказского побережья и некоторые вопросы геологической истории Черного моря. М., 1963.

[18] По классификации А. М. Лескова (*А. М. Лесков.* Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры).

ка дополняется осколками кремня, кухонными отбросами, очажными камнями, плитками глауконитового песчаника (по всей вероятности, в некоторых жилищах использовались для вымостки пола), единичными находками бронзовых рыболовных крючков.

Пробами угля датированы следующие объекты раннетаврского поселения (привожу краткие сведения о пунктах отбора проб и стратиграфии).

СОАН-523 . . . . 3160±85 лет
1190±85 г. до н. э.

Мелкий древесный уголь. Долина р. Зуи, 250 *м* выше створа плотины, борт котлована № 1 и траншеи № 2, землянка № 2. В песчано-щебенистом и щебенисто-галечном грунте вскрыты друг под другом основания трех землянок. В слое мощностью 40 *см* на земляном полу средней землянки найдены плитки глауконитового песчаника, камни обожженного известняка, пятно обожженной глины под кострищем, обломки лепных сосудов, три небольших кубка, много осколков кремня. Мелкие угли рассеяны во всем слое, насыщенном золистым материалом.

СОАН-525 . . . . . 2700±70 лет
730±70 г. до н. э.

Древесный уголь. Там же, правый борт траншеи № 2, шурф (расчистка) № 10, в 55—60 *м* ниже по длине от землянки № 2. На протяжении 15 *м* в борту траншеи обнажен тонкий золисто-углистый слой с лепной керамикой. Шурф № 10 вскрывает часть земляного пола раннетаврского жилища с пятнами от кострищ. Разрез отложений — следующий (сверху вниз):

1. Почвенно-дерновый (современный) слой; 0,2 *м*.
2. Песчано-щебенистый грунт с обломками позднетатарской керамики (посуда, черепица, курительные трубки); 0,15—0,25 *м*.
3. Мелкозем, щебень, глыбы; редкие истертые обломки лепной керамики; 0,30—0,40 *м*.
4. Обожженная красная глина; 0,10 *м*.
5. Несортированный грунт с обломками лепной керамики; 0,30—0,35 *м*. В слои 4 и 5 впущена яма, заваленная камнем, на дне которой найдены скелет лошади, железные стремена [19].
6. Зола, пепел, мелкие древесные угли, обломки лепной керамики, четкое пятно кострища; 0,03—0,05 *м* до 0,10 *м*. Уголь СОАН-525 собран в этом слое, в кострище и рядом с ним.
7. Красные обожженные глина и щебень (пол жилища); 0,05—0,10 *м*, под кострищем до 0,15 *м*.
8. Супесчаный пойменный аллювий со щебнем, без керамики; видимая мощность в борту траншеи до 0,6 *м*.

СОАН-526 . . . . . 3060±45 лет
1090±45 г. до н. э.

Крупный древесный уголь. Там же, где СОАН-525, тот же шурф № 10. Скопление угля в небольшой клиновидной ямке под слоями 6 и 7, в грунте слоя 8 (см. СОАН-525). Это более раннее кострище, что подтверждается радиоуглеродной датой.

СОАН-528 . . . . . 2930±200 лет
960±200 г. до н. э.

Мелкий древесный уголь. Там же, левый борт траншеи № 2, шурф № 11 в 60 *м* ниже по долине от шурфа № 10; хозяйственная яма с плоским дном, диаметром около 1,50—1,60 *м*, заполненная золистым мелкоземом, обломками лепной керамики (простой и лощеной), осколками костей животных; найдено два бронзовых рыболовных крючка. Уголь и керамика рассеяны главным образом в нижней части грунтового заполнения ямы. Стратиграфия отложений в данном месте следующая (сверху вниз):

1. Дерн и пойменно-луговая почва; 0,10 *м*.
2. Супесчаный, суглинистый, щебенистый грунт желтовато-серого цвета (пойменный аллювий); 0,50—0,55 *м*.

---

[19] На дне ямы найдены три створки раковин моллюсков Unio, датированные радиоуглеродным методом (СОАН-527) в 1550±100 лет, или 420±100 г. н. э. Поскольку раковины моллюсков обычно показывают в среднем на 400 лет более древний возраст, чем действительный, то по СОАН-527 (без поправки) судить о времени захоронения лошади нельзя. Прибавляя к дате 400 лет, получаем 820 г. н. э. Поправка однако, не может быть одинаковой для раковин всех моллюсков, поэтому использовать дату СОАН-527 для категорических заключений нельзя.

3. Супесчаная бурая лесная почва; 0,50—0,65 *м*.
4. Щебенисто-галечный русловой аллювий; 0,15 м. В правом борту траншеи этому слою соответствует линза руслового аллювия мощностью до 1,2 *м*.
5. Желтовато-серый суглинисто-супесчаный пойменный аллювий со щебнем; видимая мощность 0,9 *м*.

Яма впущена в слои 4 и 6 (на глубину 0,6 *м* от кровли слоя 4) и перекрыта почвой слоя 3.

СОАН-529 . . . . . 2940±170 лет
970±170 г. до н. э.

Мелкий древесный уголь. Там же, правый борт траншеи № 2, шурф № 12 в 10 *м* от шурфа № 11 ниже по долине; хозяйственная яма с плоским дном, диаметром около 1,3 *м*, глубиной (от устья) до 1,3 *м*.

Стратиграфия отложений сходна (сверху вниз):

1. Почва срезана.
2. Желтовато-серые супесь и суглинок со щебнем (пойменный аллювий); 0,80 *м*.
3. Бурая супесчано-суглинистая почва; 0,40 *м*.
3а. Желтовато-серый суглинисто-супесчаный пойменный аллювий с редким щебнем; 0,50 *м*.
4. Щебенисто-галечный русловой аллювий; 0,10—0,20 *м*.
5. Желтовато-серый супесчаный пойменный аллювий; видимая мощность до 0,70 *м*.

Отличие от разреза в пункте отбора СОАН-528 состоит в появлении локального слоя 3а пойменного аллювия. Хозяйственная яма впущена в слои 3а. 4, 5 и перекрыта лесной почвой слоя 3. Стратиграфия грунтового заполнения в самой яме следующая (сверху вниз):

А. Серый мелкозем с золой, мелкими угольками, обломками лепной керамики, особенно внизу; 0,80 *м*.
Б. Светло-серый золистый слой; 0,02—0,05 *м*.
В. Красноватый обожженный мелкозем; 0,02—0,04 *м*.
Г. Темно-серый мелкозем с меньшим количеством золы, угольков, обломков лепной керамики, чем в нижней части слоя А; 0,30—0,40 *м*.

Уголь для СОАН-529 собран в нижней части слоя А (75%) и в слое Г (25%); керамика в этих слоях однотипна.

Ни в жилищах (СОАН-523, 525, 526), ни в хозяйственных ямах (СОАН-528, 529) в слоях с лепной керамикой нет позднего материала, поэтому уголь указанных проб и его радиоуглеродные даты не могут быть ни омоложены, ни тем более удревнены и, без сомнения, определяют время раннетаврского поселения.

Довольно значительные допуски к датам (от ±45 до ±200 лет) служат мерой статистического доверия. Их величина определяется количеством использованного бензола, продолжительностью счета активности, величиной фона установки, эффективной активностью бензола эталонного образца и бензола самих проб. Видеть в этих допусках прямое указание на точность датирования не следует. Вопрос о точности радиоуглеродных дат сложен и решается сравнением их с исторически достоверными датами эталонных проб. В качестве эталонов использованы древесина СОАН-20 с возрастом 230 лет до 1970 г., обугленная пшеница СОАН-276 урожая 1474—1475 гг. из генуэзской крепости в Гурзуфе и другие пробы[20]. Расчет возраста угля из Тау-Кипчака по разным эталонам дает близкие (±20—30 лет) результаты, что и может быть принято за точность датирования. В этом отношении показательно также схождение дат угля СОАН-528 и СОАН-529, происходящего из двух рядом расположенных хозяйственных ям, историческая синхронность которых кажется вполне очевидной. Поскольку каждая проба датирована дву- и даже трехкратно, то мерой надежности могут быть приняты действительные отклонения результатов от их среднего значения; как правило, они лежат в пределах ±30—40 лет.

---

[20] *Л. В. Фирсов.* Опыт радиоуглеродного датирования античных и средневековых образцов из Херсонеса (Крым). СА, 2, 1973. В качестве эталона использованы также СОАН-267 (уголь из открытой печи в Гурзуфе), СОАН-228 (уголь из гипокауста римских терм в Херсонесе) и другие пробы, но за основной эталон принята древесина СОАН-20.

Даты пяти проб угля говорят о длительности поселения. Это не противоречит археологическим материалам: землянка № 2 имеет слои трех периодов; под полом землянки в шурфе № 10 значительно более ранний очаг; в других пунктах стратиграфия таврского горизонта не менее сложна. Две даты из пяти приходятся на первую половину X в. до н. э., две другие — на XI—XII вв. до н. э. Надо полагать, что возникновение поселения относится к более раннему времени и что оно функционировало по крайней мере еще в VIII в. до н. э.

По сумме опубликованных для Западной и Восточной Европы и Западной Сибири данных, климатическая периодизация голоцена, подтвержденная радиоуглеродными датами и основанная на палинологических исследованиях, представляется в таком виде (в тысячах лет назад от 1970 г.; в скобках — века до новой эры со знаком минус, века новой эры со знаком плюс; хронологические рубежи округлены):

| | | |
|---|---|---|
| 10,3–9,5 | | — предбореальный период, начало послеледникового потепления и последующего короткого и неглубокого похолодания; |
| 9,5–7,7 | | — бореальный период; умеренный и сухой климат; |
| 7,7–4,7 | | — атлантический период; максимально теплый и влажный климат (климатический оптимум); |
| 4,7–2,5 | (до –V) | — суббореальный период; климат теплый и сухой; |
| 2,5–1,3 | (до +VIII) | — ранняя эпоха субатлантического периода; климат более прохладный и влажный; |
| 1,3–0,6 | (+VII+XIV) | — средняя эпоха субатлантического периода; климат умеренный и сухой; |
| 0,6–0,2 | (+XIV+XVIII) | — поздняя эпоха субатлантического периода; климат прохладный и влажный (так называемый малый ледниковый век); |
| 0,2–0 | (+XVIII+XX) | — современная эпоха субатлантического периода; потепление. |

Эта схема деления голоцена не является вполне универсальной и хронологически абсолютно точной. Местные климатические изменения могли быть несколько иными; маркировка рубежей, особенно для ранних периодов голоцена, допускает сдвиги в ту и другую стороны на 200—300 и даже на 500 лет. Однако чем больше публикуется радиоуглеродных и палинологических данных, тем становится очевиднее, что она в общем правильно отражает ход и время климатических изменений на Евроазиатском континенте и может быть использована даже для межконтинентальных корреляций, т. е. имеет глобальное значение.

Радиоуглеродные даты раннетаврского поселения Тау-Кипчак соответствуют второй половине суббореального периода с теплым и сухим климатом. Не исключено, что культура ранних тавров (поздних кизил-кобинцев), тем более культура ранних кизил-кобинцев, значительно более древняя, чем это принято думать, и относится к первой половине суббореального периода (III—II тысячелетия до н. э.). Ограничивать время развития таврской культуры I тысячелетием до н. э. неправомерно, тем более нет основания делать это для кизил-кобинцев.

Разумеется, пятирадиоуглеродных дат, относящихся к одному поселению, недостаточно для категорического заключения о времени ранних тавров, но они могут послужить толчком и к поиску большего числа проб на вновь открываемых таврских поселениях, и к переоценке уже известных археологических материалов.

Если относительная периодизация материальных культур кизил-кобинцев и тавров, по данным археологических исследований, более или менее ясна (хотя, как показано выше, и в этом вопросе нет единого мнения), то абсолютная хронология этапов их развития, намеченная до применения радиоуглеродного анализа, весьма спорна. Остается возлагать надежды на последующие раскопки как на источник подходящих для датирования материалов (уголь, остатки древесины, кости животных, человеческие ко-

стяки; менее надежны раковины моллюсков, панцири крабов, кости рыб). Возможно, потребуются повторные, ревизионные раскопки на ранее исследованных объектах с подробной стратиграфической привязкой проб, но затраты сил и средств на это дело будут оправданы получением новой информации.

Особый исторический интерес представляет вопрос о времени развития сравнительно мощного горизонта бурой лесной почвы в долине р. Зуи. Эта почва перекрывает раннетаврские землянки и хозяйственные ямы; она развита по супесчано-суглинистому пойменному аллювию и почти повсеместна на плоском дне долины, а также на делювиальных отложениях, выполаживающих подножия склонов. В ней самой и выше лепной керамики нет, нет и керамики салтовского типа; обломки последней рассеяны в супесчаном и суглинистом пойменном аллювии, перекрывающем лесную почву. Вместе с тем основания средневековых жилищ и хозяйственные ямы с керамикой салтовского типа впущены в лесную почву и даже в подстилающий грунт. Следовательно, время залесения долины приходится на промежуток между раннетаврской и салтовской эпохами. Пока нет данных о стратиграфическом соотношении горизонта лесной почвы и позднеантичного (сарматского) поселения, но конкретизировать время залесения все же можно, исходя из следующих соображений.

В залесении поймы, в опускании границы леса со склонов в долину (а в общем плане — с северных склонов Долгоруковской и других яйл в речные долины предгорий) нужно видеть результат не столько потепления, сколько увлажнения климата. Это могло произойти, вероятнее всего, в условиях относительного похолодания. Данное событие может быть отнесено к раннему этапу субатлантического периода, от 2,5 до 1,3 тысяч лет назад, или от середины I тысячелетия до н. э. до VII в. н. э. Сарматское поселение возникает в этот промежуток (очевидно, в середине раннего этапа), салтовское — в средний этап субатлантического периода (1,3—0,6 тыс. лет назад, после VII в. н. э.) с климатом умеренным и сухим. Заметное увлажнение климата с середины I тысячелетия до н. э., по-видимому, и способствовало успеху греческой колонизации Таврики и Северного Причерноморья, одной из главных экономических основ которой являлось зерновое (пшеница, ячмень) земледелие на Гераклейском, Тарханкутском, Керченском полуостровах и в степном Крыму вообще. Ни в суббореальный период, ни в средний этап субатлантического условия для интенсивного земледелия уже не были подходящими. Хронологические рамки залесения долины можно сузить, вероятно, второй половиной I тысячелетия до н. э., началом раннего этапа субатлантического периода; к рубежу новой эры леса деградировали.

*ПРИЛОЖЕНИЕ*

## СОВРЕМЕННЫЕ, ПОЗДНЕТАТАРСКИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ ПО ТАУ-КИПЧАКУ

СОАН-515 . . . . . около 165±40 лет
около 1805±40 г. н. э.

Овечий помет. Правый борт долины р. Зуи, пещера Кош-Коба, второй зал. Плотный слой помета толщиной 2—5 *см* перекрыт карбонатной пылью и известняковым щебнем (выветривание стенок и потолка пещеры). Пещера оправдывает название овечьего загона, но как кошарой ею не пользовались по меньшей мере лет полтораста.

СОАН-519 . . . . . около 230±30 лет
около 1740±30 г. н. э.

Крупный древесный уголь. Правый склон долины р. Зуи, ниже пещеры Кош-Коба. На склоне, покрытом дубово-грабовым лесом с возрастом 50—100 лет, заметны небольшие выравненные площадки, на которых под тонким (10—15 *см*) слоем

перегнойной почвы сохранились скопления угля — остатки печей углежогов позднетатарского времени.

СОАН-520 . . . . . меньше 230±30 лет
позже 1740±30 г. н. э.

Крупный древесный уголь. Правый склон долины р. Зуи в 2 *км* выше створа плотины, под гротом № 21. Ситуация та же, что в месте отбора пробы СОАН-519; скопление угля под почвой на старой углежогной площадке.

СОАН-521 . . . . . около 300±35 лет
около 1670±35 г. н. э.

Крупный древесный уголь. Дно долины р. Зуи в 0,6 *км* выше створа плотины, возле грунтового карьера (котлован № 2), шурф № 5. Вскрыта неправильной формы яма, заполненная темным золистым грунтом, крупным углем от толстых сучьев, обломками позднетатарской керамики (посуда и черепица). Уголь такой же, как на углежогных площадках (СОАН-519, 520). Здесь и выше по долине находился Тау-Кипчак.

СОАН-524 . . . . . около 165±35 лет
около 1805±35 г. н. э.

Древесный уголь. Дно долины р. Зуи, 0,5—0,6 *км* выше створа плотины, у основания левого склона, борт водоотводной траншеи № 2. На поверхности слоя 0,4—0,6 *м* бурой супесчано-щебнистой лесной почвы, перекрывающей несортированный аллювий, вскрыто линзообразное скопление крупного угля, подобного СОАН-519, 520, 521, перемешанного с золистым материалом. Длина линзы по борту траншеи около 5 *м*, максимальная толщина до 0,35 *м*. В слое обильны обломки позднетатарской керамики.

СОАН-271 . . . . . меньше 175±20 лет
позже 1795±20 г. н. э.

Древесный уголь. Долина р. Зуи в створе плотины, поблизости от основания правого склона. Основание полуземлянки (№ 24), заполненной грунтом с керамикой салтовского типа, перекрытой золисто-углистым слоем с позднетатарской керамикой, на глубине 0,4—0,5 *м* от поверхности. Материал для СОАН-271 (также для СОАН-269, 270, 272, 273, 274) предоставил И. А. Баранов, 1970 г.

СОАН-272 . . . . . 555±30 лет
1415±30 г. н. э.

Древесный уголь. Там же, где СОАН-271; предположительно — основание полуземлянки (№ 27, рядом с № 24); стратиграфия сходная.

СОАН-273 . . . . . меньше 205±30 лет
позже 1765±30 г. н. э.

Древесный уголь. Там же, где СОАН-271, 272, в районе полуземлянки № 23; стратиграфия сходная. Уголь СОАН-271, 272, 273, собранный в слоях, перекрывающих салтовские полуземлянки, датирует позднетатарский Тау-Кипчак. Проб из салтовских слоев в полуземлянках № 23, 24, 27 отобрано в 1970 г. не было, а в 1971 г. эти объекты срезаны при планировке долины под плотину.

СОАН-269 . . . . . 1110±20 лет
860±20 г. н. э.

Древесный уголь. Дно долины р. Зуи, у основания левого склона, в створе плотины. Средневековое (салтово-маяцкое) поселение, землянка № 2 (основание жилища типа полуземлянки), нижний горелый слой с обломками керамики на глубине 1—1,5 *м* от современной поверхности — слой пожара на полу жилища; уголь от прутьев, жердей, столбов.

СОАН-270 . . . . . 935±35 лет
1035±35 г. н. э.

Древесный уголь. Там же, где СОАН-269, землянка № 2, верхний горелый слой и очажная яма в полу жилища второго периода, на глубине 0,4—0,8 *м* от поверхности. Нижний и верхний слои пожара разделены отложением щебенистого суглинка мощностью 0,6—0,8 *м*, не содержащего керамики (нежилой период).

СОАН-274 . . . . . 1180±30 лет
790±30 г. н. э.

Крупный древесный уголь. Там же, где СОАН-269, 270, хозяйственная яма № 1 поблизости от землянки № 2. В грунтовом заполнении неглубокой (до 0,8 *м*) ямы и в верхнем слое прорезанных ею отложений — керамика салтовского типа, в перекрывающем слое — татарская.

СОАН-503 . . . . . 785±40 лет
1185±40 г. н. э.

Крупный древесный уголь (сгоревшие тополевые плахи). Дно долины р. Зуи в 2 *км* выше створа плотины, борт грунтового карьера (котлован № 5) глубиной 4 *м*. В верхней части толщи песчано-щебнистого пойменного аллювия с линзами щебенисто-галечного руслового аллювия, на глубине 1,8—2 *м* от поверхности обнажена яма, заполненная углем (предположительно — земляная печь). Грунт, в который впущена яма, содержит обломки керамики салтовского типа; в золистом слое на глубине 1—1,2 *м*, перекрывающем яму, керамики нет; в пойменном аллювии над золистым слоем керамика ранне- и позднетатарская.

*L. V. Firsov*

## APPLICATION DE LA METHODE D'ANALYSE RADIOCARBONIQUE POUR DATER TAOU-KIPTCHAK, L'UN DES PREMIERS ETABLISSEMENTS TAURES DE CRIMEE

Résumé

Les dates fournies par l'analyse radiocarbonique de cinq échantillons de bois calciné provenant d'habitations de haute époque taure et de fosses à détritus de la vallée de la rivière Zouïa, près de l'ancien village de Lesnoïé (Taou-Kiptchak), permettent de reculer le début du développement de la culture taure, et de le reporter au moins au XIIe ou XIe siècle av. n. ère (le bois calciné provenant de la couche moyenne de l'habitation semi — souterraine N° 2 date de 1190 av. n. è.; celui de l'habitation située dans la fouille N° 10 date de 730 av. n. è.; au même endroit, le charbon de bois provenant d'un foyer plus ancien, remonte à 1090 av. n. è.; celui de la fosse-dépotoir qui se trouve dans la fouille N° 11 peut être rapporte à 960 av. n. è., et celui de la fouille N° 12, à 970 av. n. è.). On donne dans le texte des précisions sur les emplacements où ont été prélevés les échantillons, ainsi que sur la stratigraphie des dépots. L'âge de cet établissement est en rapport avec la fin de la période subboréale de l'holocène. Il faut certainement réviser l'idée qu'on a sur l'époque d'essor de la culture de Kizil-Koba (car on identifie les plus anciens Taures aux derniers porteurs de la culture de Kizil-Koba). Mais jusqu'à présent on ne possède pas pour cela de données radiocarboniques.

Dans cet article on donne également des dates fournies par l'analyse radiocarbonique pour les charbons provenant de fouilles à Saltovo (époque du Moyen Age) et dans la région de Taou-Kiptchak (basse époque tatare).

И. И. ЛОБОДА

# НОВЫЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

**(Бахчисарайский район)**

В последние годы на территории Бахчисарайского района в результате интенсивных земляных работ, проводимых колхозами и совхозами, открыт целый ряд разнохарактерных и разновременных археологических памятников[1] (рис. 1).

В настоящей работе публикуются материалы трех раннесредневековых катакомбных могильников, впервые открытых в долине р. Бельбек и частично исследованных сотрудниками Бахчисарайского историко-археологического музея в период между 1968 и 1971 гг.[2]

**Могильник в балке Ашлама-Дере,** у подножья северного склона горы-останца, на которой находится средневековое городище Чуфут-Кале[3].

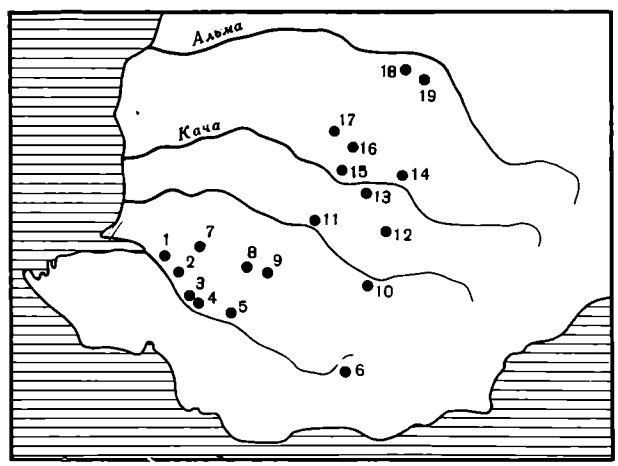



Рис. 1. Карта раннесредневековых могильников юго-западного Крыма (без южнобережных и Херсонеса). По Е. В. Веймарну: *1* — у Цыганской тоннели, Инкерман; *2* — Сахарная головка; *3* — Телеграфные высоты № 1; *4* — Телеграфные высоты № 2; *5* — Чергуньский; *6* — Узень-Баш; *7* — Эски-Керменский; *8* — Мангупский (на восточном краю); *9* — Мангупский (балка Алмалык); *10* — Ароматненский; *11* — Большое Садовое; *12* — Лакский; *13* — Баштановский; *14* — Верхореченский; *15* — Фыцкинский; *16* — Чуфут-Кале (балка Ашлама); *17* — Чуфут-Кале (балка Майрум); 18 — Скалистинский; *19* — Баклинский (южный).

Открыт во время террасирования склона в 1968 г., проводившегося Бахчисарайским лесхозом. В обрезе террасы обнаружено 9 земляных склепов, доверху заполненных землей; один из них был раскопан осенью 1968 г.[4]

[1] *Л. Н. Батарова, А. Г. Герцен, И. С. Пиоро.* Археологические находки на новостройках Бахчисарайского района. АО—1972, М., 1973, стр. 258.

[2] Доклад об этих исследованиях прочитан автором на XV научной конференции ИА АН УССР, состоявшейся в Одессе 19—20.IV 1972 г. (см. Тези пленарних и секційних доповідей. Одеса, 1972, стр. 388—391).

[3] В округе Чуфут-Кале есть еще один раннесредневековый могильник, находящийся на южном склоне в балке Майрум-Дере. Открыт П. П. Бабенчиковым в 1946 г. Исследовался Е. В. Веймарном (1948) и В. В. Кропоткиным. См. *В. В. Кропоткин.* Могильник Чуфут-Кале в Крыму. КСИА АН СССР, 100, 1965, стр. 108—115.

[4] Склеп раскопан сотрудником Бахчисарайского историко-археологического музея А. Г. Герценом.

Камера прямоугольная в плане с сильно закругленными углами, потолок уплощенный, понижающийся к задней стене. Склеп ориентирован камерой на юг, дромосом на север. Размеры: длина камеры 2 *м*, ширина 1,6 *м*, глубина от уровня современной поверхности почвы 2,4 *м*. В камере лежали два костяка головами на юг. Кисти рук у одного из них лежали на тазовых костях, у другого вытянуты вдоль туловища (рис. 2, *1*, *1а*). Пол камеры покрыт тонким слоем древесного угля. У черепа одного из

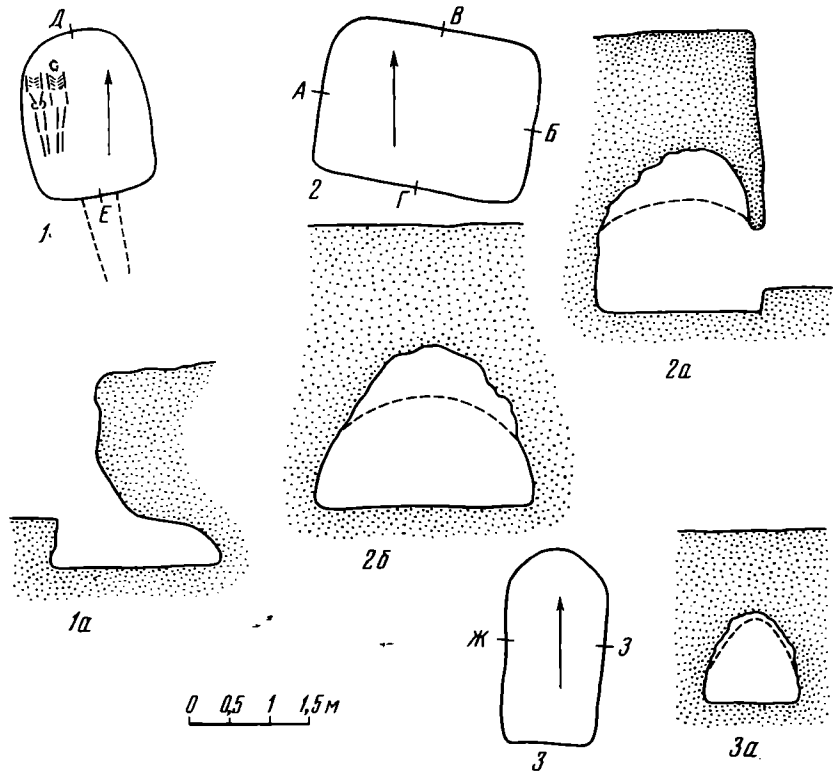



Рис. 2. *1*, *1а* — склеп могильника Чуфут-Кале (балка Ашлама); *2*, *2а*, *2б* — склеп 3 могильника у с. Большое Садовое; *3*, *3а* — склеп 1 могильника у с. Большое Садовое

костяков найдена бронзовая проволочная серьга VII—VIII вв., представляющая собой колечко с петлей и крючком, диаметром 1,3 *см*.

**Могильник у с. Большое Садовое** открыт в конце декабря 1971 г.[5] Могильник находится на юго-западной окраине села, на небольшом холме на правом берегу р. Бельбек, справа от шоссе Бахчисарай — Ялта[6].

Исследованы камеры трех склепов, дромосы и передние стены которых были полностью разрушены бульдозером (рис. 2, *2*, *2а*, *2б*, *3*, *3а*). Камеры имеют закругленные углы, вытянуты по продольной (склепы 1, 2) или поперечной осям (склеп 3), вырублены в белом мергелистом грунте; на стенках следы орудий, ширина рабочего края 7 *см*. Длина камер 2,05—2,4 *м*, ширина 1,25—2,65 *м*, высота 1,1—1,5 *м*, глубина от современной поверхности 2,15—3,5 *м*. Потолки, по-видимому, купольные (склеп 1, 3) и коробовый (склеп 2). Все склепы ограблены в древности.

В камерах, заполненных землей, останки погребенных (от одного до четырех). Все кости разбросаны. В склепах 1 и 2 вещей не было. В камере

[5] Работы на могильнике производились и в последующие годы. В 1972 г. сотрудник ЛОИА АН СССР С. А. Беляев, а в 1973 г. сотрудник Бахчисарайского историко-археологического музея Л. Н. Батарова зачистили каждый по два склепа.

[6] *И. И. Лобода, М. Я. Чореф.* Новый средневековый могильник Бельбекской долины. КСИА АН СССР, 140, 1974, стр. 100—102.

склепа 3 обнаружен обломок железного ножа и две серебряные поясные бляшки типа Суук-Су [7], датируемые VI в. [8] Из разрушенных склепов собрано несколько десятков стеклянных, янтарных и пастовых инкрустированных бус, относящихся к VI—VII вв.

В нескольких десятках метров к северу от могильника находилось, по-видимому, поселение, на месте которого собраны обломки темноглиняной лепной и красноглиняной гончарной керамики VI—VII вв.

Недалеко от могильника, на высоком скалистом мысу, господствующем над долиной р. Бельбек, расположено Сюйреньское укрепление, датируемое исследователями VI—VIII вв. [9]

**Могильник у с. Аромат** обнаружен в 1968 г. во время земляных работ. Находится на левом берегу р. Бельбек, у места впадения в нее речушки Коккозки. Местность, занятая могильником, сравнительно ровная; с трех сторон — востока, севера и запада — она ограничена руслами Бельбека и его притоков, а с юга — возвышенностями, местами покрытыми кустарниковой растительностью.

Могильник занимает площадь не менее 3 тыс. $м^2$ (рис. 3, *1*).

Единственным типом погребального сооружения здесь являются склепы, вырубленные в темном твердом грунте. Из 20 обнаруженных нами раскопано 8 склепов. Все они состоят из двух частей: дромоса и погребальной камеры.

Склеп 1. Дромос зачищен частично, в длину на 1,1 *м*, ширина его 0,8 *м*, глубина дромоса от уровня современной поверхности почвы 2,6 *м*. Дромос завален камнями-голышами, взятыми в русле реки. Камера вытянута по оси север — юг, углы сильно округлены. Размеры 2,6×4 *м*, высота около 1,5 *м*, глубина от уровня современной поверхности почвы 3 *м*. Склеп ориентирован дромосом на восток, камерой на запад (рис. 3, *2*, *2а*, *2б*). Вещевой и костный материал смешаны с землей и древесным углем. На многих костях следы старых переломов и пребывания в огне. Склеп ограблен в древности. Количество погребенных не менее 10. Из вещей здесь найдены пряжки, серебряная — 1 (рис. 4, *1*), бронзовые — 9 (рис. 4, *2—10*), медная — 1 (рис. 4, *13*), перстень бронзовый (рис. 4, *15*), бронзовая монета (изображение не читается; рис. 4, *16*), подвеска стеклянная, оправленная серебром (рис. 4, *17*); бусы: из синего и зеленого стекла (рис. 4, *18, 19, 21*), стеклянные с позолотой (рис. 4, *20*), янтарные (рис. 4, *22*), гагатовые (рис. 4, *23*), пастовые многоцветные (рис. 4, *24*); наконечники серебряные поясные (рис. 4, *11, 12*), а также обломки железных ножей.

Склеп 2. Дромос расчищен на 1,8 *м* в длину, ширина у входа в камеру 0,8 *м*, глубина от уровня современной поверхности почвы 2,5 *м*. В дромосе на расстоянии 0,6 *м* от входного отверстия стояла вертикально закладная плита, отодвинутая грабителями. Высота входного отверстия 0,6, ширина 0,8 *м*. Склеп ориентирован дромосом на восток, камерой на запад. Ограблен в древности. Камера незначительно вытянута по оси север — юг. Углы сильно округлены. Размер 2,7×3,2 *м*, высота 1,3 *м*, глубина от уровня современной поверхности почвы 3,1 *м* (рис. 3, *3*, *3а*, *3б*). Костный материал перемешан с землей и древесным углем, некоторые кости имеют старые переломы, носят следы пребывания в огне.

В центральной части камеры засыпка из древесного угля — пятно диаметром 1 *м*, при толщине 0,03—0,04 *м*. В засыпке разрозненные человеческие кости, над которыми слой (5 *см*) речного песка и человеческих костей, перекрытых древесным углем и кусками земли обвалившегося

---

[7] *Н. И. Репников.* Некоторые могильники области Крымских готов. Ч. II. ЗООИД, XXVII, Одесса, 1907, табл. III, *10*.

[8] *А. К. Амброз.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. СА, 1971, 2, стр. 96—123, рис. 5, *15, 22, 31*.

[9] *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики. МИА, 168, 1970, стр. 17, 18; *Е. В. Веймарн.* Рядом с византийским Херсонесом. Сб. «Дорогой тысячелетий». Симферополь, 1966, стр. 81.

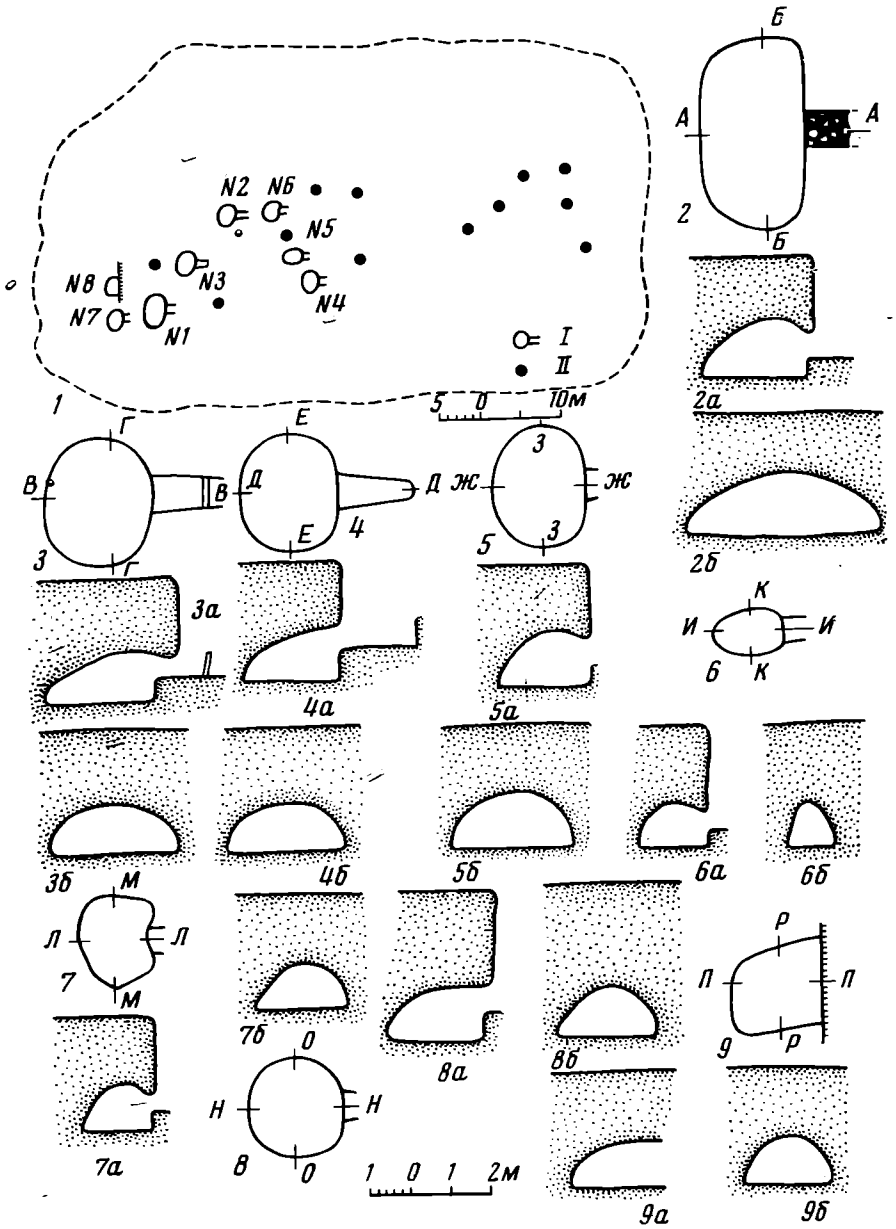



Рис. 3. Могильник у с. Аромат. *1* — территория могильника. I — исследованные склепы, II — неисследованные. *2, 2а, 2б* — склеп 1; *3, 3а, 3б* — 2; *4, 4а, 4б* — 3; *5, 5а, 5б* — 4; *6, 6а, 6б* — 5; *7, 7а, 7б* — 6; *8, 8а, 8б* — 7; *9, 9а, 9б* — склеп 8

потолка камеры. В засыпке обнаружено несколько обломков железных ножей и две железные пряжки.

Склеп 3. Длина дромоса 1,9 *м*, ширина у входного отверстия 0,9 *м*, у противоположной стенки — 0,5 *м*, глубина от уровня современной поверхности почвы 2,2 *м*. Размер входного отверстия 0,6×0,9 *м*. Камера вытянута по оси север — юг. Размеры 2,4×2,9 *м*, высота 1,4 *м*, глубина от уровня современной поверхности почвы 3 *м*. Склеп ориентирован дромосом на восток, камерой на запад (рис. 3, *4*, *4а*, *4б*). Ограблен в древности. В камере не менее трех погребенных. Вещи и кости погребенных перемешаны

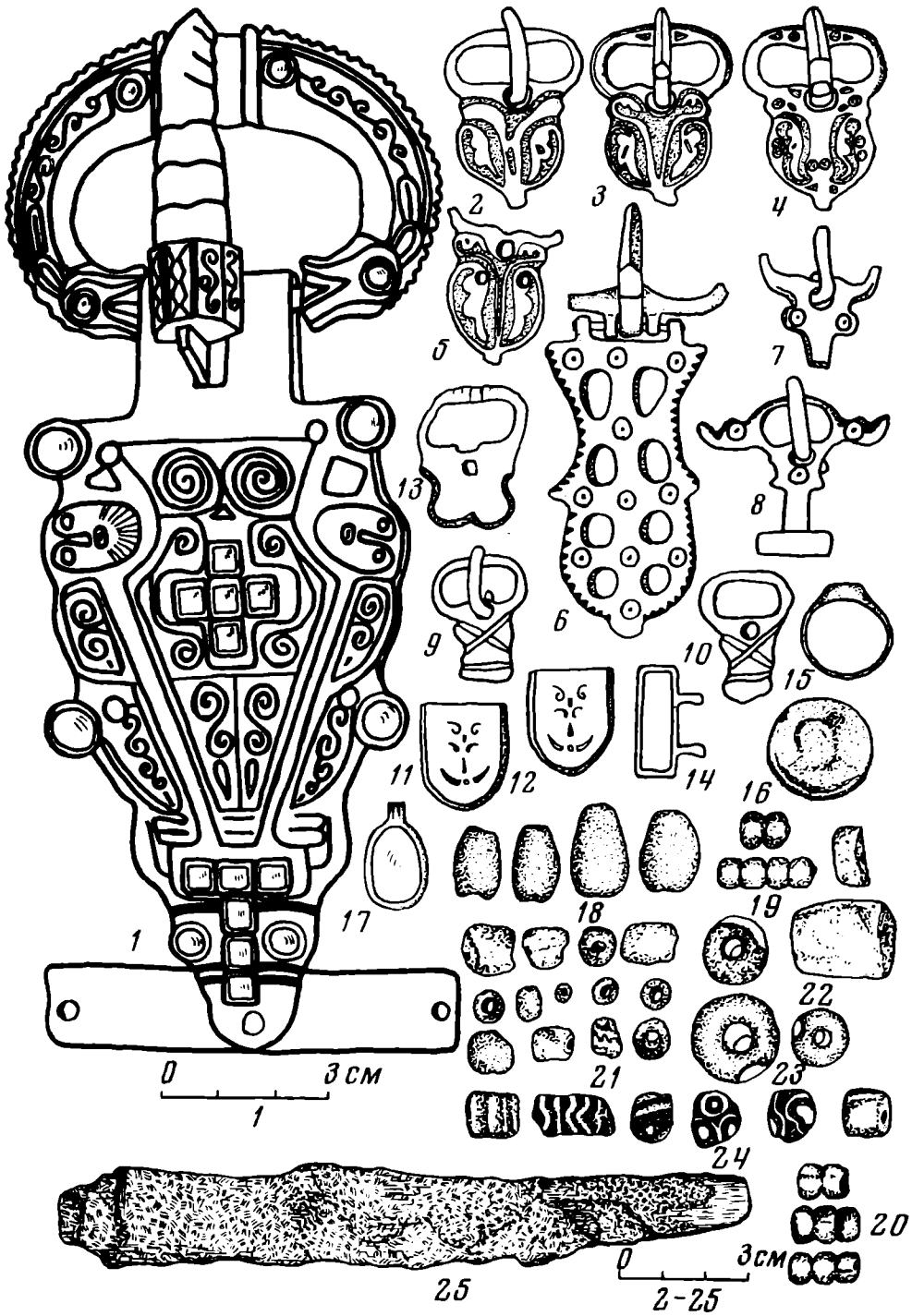



Рис. 4. Могильник у с. Аромат. Вещи из склепов: *1—24* — склеп 1 (*1* — серебряная пряжка; *2—10* — бронзовые пряжки; *13* — медная пряжка; *11, 12* — серебряные поясные наконечники; *14* — петля от бронзовой пряжки; *15* — бронзовый перстень; *16* — бронзовая монета (изображение не читается); *17* — подвеска из синего стекла, оправленного серебром; *18* — бусы из синего стекла; *19* — бусы из зеленоватого стекла; *20* — бусы стеклянные с позолотой внутри; *21* — бусы из синего и зеленого стекла: *22* — бусы янтарные; *23* — бусы гагатовые; *24* — бусы пастовые); *25* — железный нож из склепа № 8

с землей и древесным углем. На многих костях следы пребывания в огне.

Находки: браслеты бронзовые — 2 (рис. 5, *1*, *2*), колокольчики бронзовые — 2 (рис. 5, *3*, *4*), пряжечка серебряная (рис. 5, *5*), подвески из синего стекла (рис. 5, *6*); бусы: стеклянные (рис. 5, *7*, *8*), сердоликовые

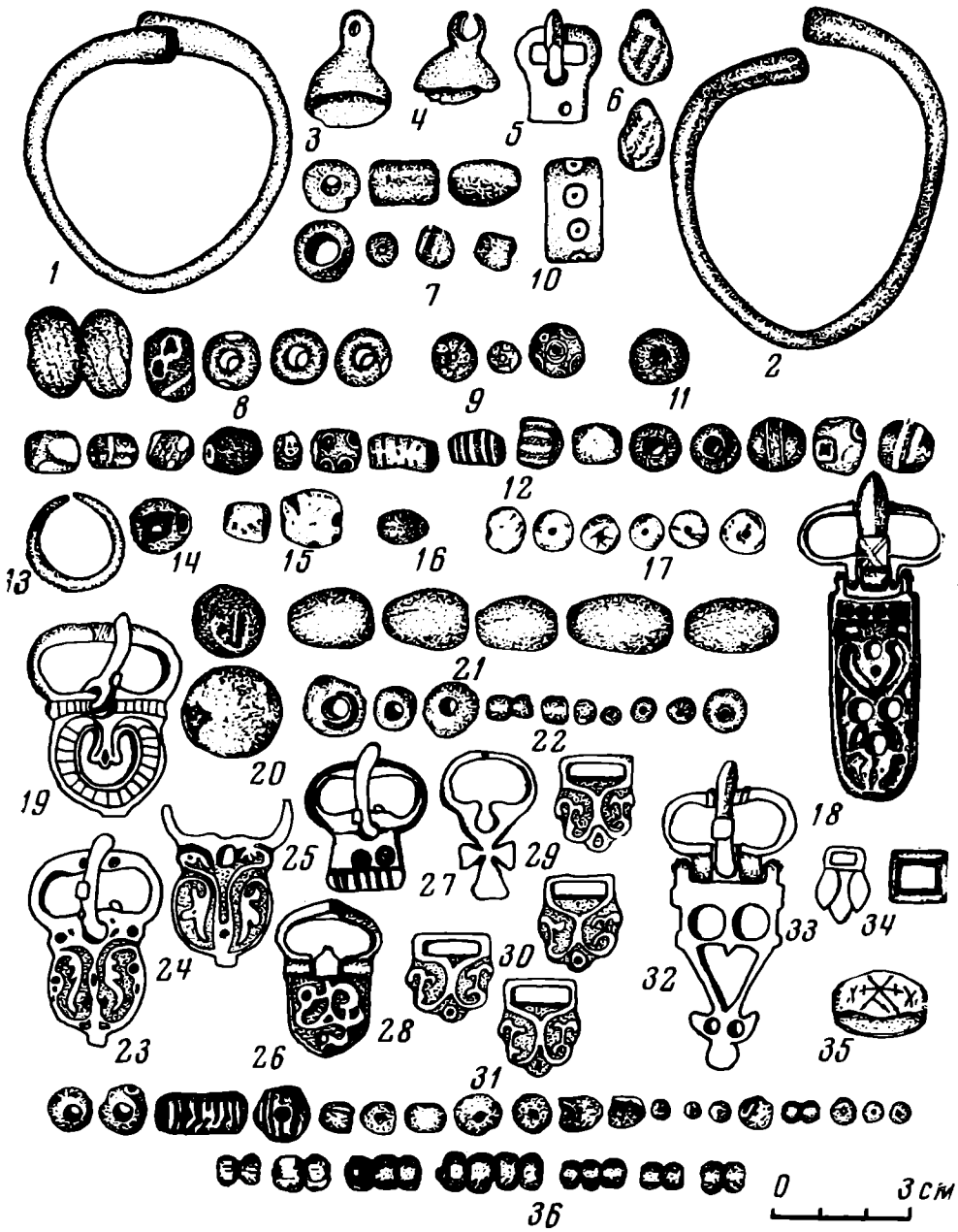



Рис. 5. Могильник у с. Аромат. Вещи из склепов: *1—12* — склеп 3 (*1, 2* — браслеты бронзовые; *3, 4* — бронзовые колокольчики; *5* — серебряная пряжечка; *6* — подвески из синего стекла; *7* — бусы из синего, зеленого и желтого стекла; *8* — бусы стеклянные инкрустированные; *9* — бусы сердоликовые; *10* — бусина (?) костяная; *11* — бусина гагатовая; *12* — бусы пастовые многоцветные); *13—17* — склеп 5 (*13* — кольцо серебряное височное; *14* — бусина пастовая; *15* — бусы янтарные; *16* — бусина сердоликовая; *17* — бусы меловые); *18—22* — склеп 7 (*18, 19* — бронзовые пряжки; *20* — монеты бронзовые (не читаются); *21* — бусы из синего стекла; *22* — бусы из зеленого стекла); *23—36* — склеп 6 (*23—28* — бронзовые пряжки; *29—34* — бронзовые бляшки; *35* — серебряное кольцо (перстень); *36* — бусы пастовые, из синего и зеленого стекла)

(рис. 5, *9*), костяная (рис. 5, *10*), гагатовая (рис. 5, *11*), пастовые многоцветные (рис. 5, *12*), обломки железных ножей и серебряного поясного накопечника, аналогичного найденным в склепе 1 (рис. 4, *11, 12*).

Склеп 4. Дромос не раскапывался. Зачистка камеры произведена через отверстие-пролом в потолке. Камера в плане круглоовальной формы, вытянута по оси север — юг. Размеры 2,4×3 *м*, высота 1,4 *м*, глубина от

уровня современной поверхности почвы 3 *м*. Пол камеры ниже уровня дромоса на 0,5 *м*. Склеп ориентирован дромосом на восток, камерой на запад (рис. 3, *5*, *5а*, *5б*). Ограблен в древности.

В засыпи камеры много древесного угля, перемешанного с человеческими костями, на некоторых из них имеются следы пребывания в огне. Количество погребенных не менее трех. Из вещей здесь найдены обломки железных ножей и двух серебряных поясных наконечников, аналогичных найденным в склепе 1 (рис. 4, *11*, *12*).

Склеп 5. Дромос не раскапывался. Зачистка камеры произведена через пролом-отверстие в потолке. Камера в плане удлиненной формы, с сильно округленными углами, вытянута по оси восток — запад. Размеры 1,7×1,2 *м*, высота 1,1 *м*, глубина от уровня современной поверхности почвы 3 *м*. Пол камеры ниже уровня дромоса на 0,4 *м*. Склеп ориентирован дромосом на восток, камерой на запад (рис. 3, *6*, *6а*, *6б*). Ограблен в древности.

В камере костные останки не менее чем двух погребенных, смешанные с древесным углем и землей.

Находки: кольцо височное серебряное (рис. 5, *13*); бусы: пастовая (рис. 5, *14*), янтарные (рис. 5, *15*), сердоликовая (рис. 5, *16*), меловые (рис. 5, *17*).

Склеп 6. Дромос не раскапывался. Зачистка камеры произведена через пролом-отверстие в потолке. Камера в плане круглоовальной формы, незначительно вытянута по оси север — юг. Размеры 1,8×2,3 *м*, высота 1,2 *м*, глубина от уровня современной поверхности почвы 2,9 *м*. Пол камеры ниже уровня дромоса на 0,55 *м*. Склеп ориентирован дромосом на восток, камерой на запад (рис. 3, *7*, *7а*, *7б*). Ограблен в древности. В камере было не менее 13 костяков, из них 3—4 детских. Костные останки смешаны с углем и землей. Многие кости носят следы пребывания в огне. В камере много древесного угля.

Находки: пряжки бронзовые — 6 (рис. 5, *23—28*), бляшки бронзовые — 6 (рис. 5, *29—34*), перстень серебряный пластинчатый с монограммой (рис. 5, *35*), бусы из пасты, синего и зеленого стекла (рис. 5, *36*), а также обломки железных ножей.

Склеп 7. Дромос разрушен бульдозером. Зачистка камеры произведена через пролом, образовавшийся в восточной стенке в результате работы механизмов. Камера в плане почти круглой формы, с незначительным удлинением по оси север — юг. Размеры 2,3×2,45 *м*, высота 1,3 *м*, глубина от уровня современной поверхности почвы 3,8 *м*. Пол камеры ниже уровня дромоса на 0,7 *м*. Склеп ориентирован дромосом на восток, камерой на запад (рис. 3, *8*, *8а*, *8б*). Ограблен в древности.

В земляной засыпи камеры много древесного угля и разрозненные кости не менее чем пяти погребенных. Отдельные кости носят следы пребывания в огне.

Вещевой материал: пряжки бронзовые — 2 (рис. 5, *18*, *19*), бронзовые монеты (изображение не читается) — 2 (рис. 5, *20*), бусы из синего (рис. 5, *21*) и зеленого стекла (рис. 5, *22*), обломки железных ножей, железная пряжка (рис. 6, *3*).

Склеп 8. Дромос и восточная часть склепа разрушены бульдозером. Размеры уцелевшей части камеры 2,2×2,2 *м*, высота 1,25 *м*, глубина от уровня современной поверхности почвы 2,9 *м*. Склеп ориентирован дромосом на восток, камерой на запад (рис. 3, *9*, *9а*, *9б*). Ограблен в древности.

Камера почти полностью заполнена темной землей, просочившейся через грабительский лаз в центральной части потолка. Нижние слои земли перемешаны с древесным углем и костными останками, принадлежавшими не менее чем трем погребенным. В камере обнаружены два железных ножа (рис. 4, *25*; 6, *4*).

Над камерой склепов 3, 4, 6 на уровне древней дневной поверхности (глубина от современной поверхности 0,5—0,7 *м*) были найдены древесные

угольки, зола, а под ней обожженная, покрасневшая земля, диаметр пятен 0,5—0,8 *м*. Все это связано, по-видимому, с кострами, в которых приготовляли или разогревали поминальную пищу.

Несмотря на ограбление склепов в древности, в камерах собран разнообразный погребальный инвентарь, в том числе серебряные, бронзовые и железные пряжки — всего 32; обломки 25 и 2 целых железных ножа, поясные бронзовые и серебряные наконечники, бронзовые браслеты, бусы из стекла, сердолика, пасты и другие вещи.

Многочисленностью, разнообразием форм и сохранностью отличаются пряжки из цветных металлов.

В склепе 1 найдена литая серебряная пряжка (рис. 4, *1*), украшенная орнаментом из завитков и спиралей. По ободкам щитка с двух сторон вы-

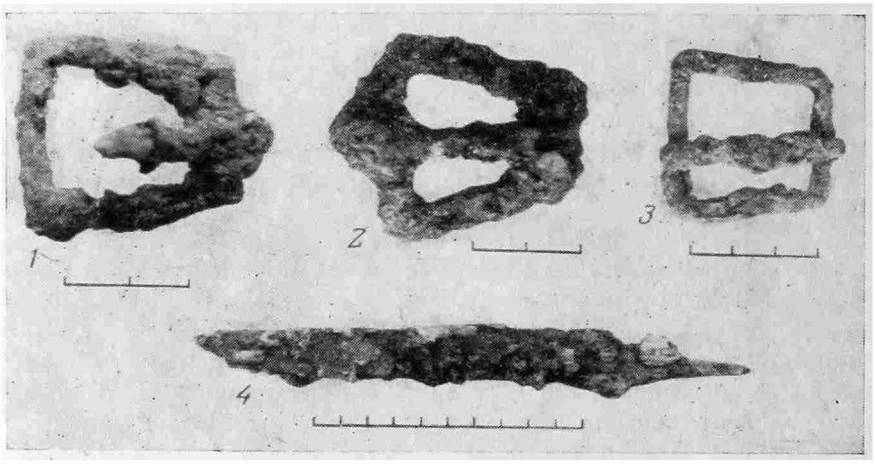



Рис. 6. Могильник у с. Аромат. Вещи из склепов: *1, 2* — железные пряжки из склепа 2; *3* — железная пряжка из склепа 7; *4* — железный нож из склепа 8

чеканены человеческие лица (одно из них с бородой). В центре щитка припаяна фигура — равноконечный крест, инкрустированный альмандиновыми вставками. Конец щитка оформлен в виде схематизированной головы животного с припаянным Т-образным изображением, также заполненным альмандинами и напоминающим переносицу и надбровные дуги. К поверхности щитка и обоймы припаяны круглые серебряные гнезда с альмандиновыми вставками. Длина пряжки 19 *см*. Аналогичные изделия найдены в Суук-Су [10], Артекском [11] и Чуфут-Калинском могильниках [12]. Датируются второй половиной VI — первой половиной VII в. [13]

Небольшие бронзовые пряжки типа Сиракузы [14] представлены шестью экземплярами (4 из склепа 1; 2 из склепа 6). Состоят из сердцевидного щитка, украшенного листьями аканфа и овального кольца, иногда украшенного горельефными треугольниками, расположенными по обе стороны от язычка [15], длина пряжек 4,5 *см* (рис. 4, *2—5*; 5, *23*, *24*). Они широко

---

[10] *Н. И. Репников.* Некоторые могильники области Крымских готов. Ч. I. ИАК, 19, СПб., 1906, стр. 70, рис. 42.

[11] Там же, табл. VIII, *6*.

[12] *В. В. Кропоткин.* Из истории средневекового Крыма. СА, XXVIII, 1958, стр. 207, рис. 3, *1*.

[13] *А. К. Амброз.* Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма. КСИА АН СССР, 113, 1968, стр. 17.

[14] *А. К. Амброз. Проблемы* раннесредневековой хронологии Восточной Европы. СА, 1971, 2, стр. 116—118.

[15] См. пряжки из склепа 1 (рис. 4, *3*, *4*), склепа 6 (рис. 5, *23*).

распространены в юго-западном Крыму: Херсонес [16], Суук-Су [17], Эски-Кермен [18], Сахарная головка [19], Скалистинский могильник [20] — и на Северном Кавказе: Борисовский могильник [21] и у с. Куденетово II [22]. Дата пряжек VI—VIII вв. [23]

Из склепа 6 происходит пряжка типа Коринф с треугольным ажурным щитком, заканчивающимся трилистником. Кольцо сплюснутой формы с выемкой для язычка, на тыльной стороне две петли для ремня. Длина пряжки 6,7 *см*, ширина щитка 2,5 *см*, кольца — 3 *см* (рис. 5, *32*). Они имеют византийское происхождение, как, впрочем, и пряжки предыдущего типа [24], часто встречаются в раннесредневековых могильниках юго-западного Крыма — Суук-Су [25], Херсонесском [26], Эски-Керменском [27], Сахарная головка [28], Скалистинском [29] — и вписываются в хронологические рамки между VI и VIII вв. [30]

К VI — началу VII в. [31] относится литая бронзовая пряжка из склепа 6, имеющая форму креста с расширяющимися концами, длина 3,2 *см* (рис. 5, *27*). Аналогичные пряжки считаются изделиями местного крымского производства [32]. Они известны в Кореизе и Суук-Су [33], Херсонесе [34], Эски-Кермене [35], Чуфут-Кале [36], Скалистинском могильнике [37].

В склепе 7 обнаружена бронзовая пряжка с овальным щитком, во внутреннее отверстие которого обращен трилистник. Щиток по краю украшен насечками; на тыльной стороне три петли для ремня; длина пряжки 4,5 *см*, ширина 2,7 *см*, кольца — 3,5 *см* (рис. 5, *19*). Один экземпляр такой пряж-

---

[16] *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековый Херсонес. МИА, 63, стр. 273, рис. 139, *1, 2; его же.* Средневековый Крым. М.— Л., 1964, стр. 18, рис. 1, *1, 2.*

[17] *Н. И. Репников.* Некоторые могильники области Крымских готов. Ч. I, стр. 9, 17, 25, 65, табл. X, *19.*

[18] *Он же.* Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. ИГАИМК, 12, вып. 1—8, 1932, стр. 163, 166, 169.

[19] *Е. В. Веймарн.* Археологічні работи в районі Інкерману. АП, XIII, 1963, стр. 53, рис. 11, *1.*

[20] Раскопки Е. В. Веймарна в 1958—1960 гг. Материал не издан. Склепы 258, 278, 320, 331, 471.

[21] *В. В. Саханев.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, 56, 1914, табл. IV, *27.*

[22] ОАК за 1897 г., СПб., 1900, стр. 44, рис. 122; стр. 139, рис. 273.

[23] *В. В. Саханев.* Ук. соч., стр. 159; *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековый Херсонес, стр. 274; *его же.* Средневековый Крым, стр. 18; *Е. В. Веймарн.* Ук. соч., стр. 54; *В. К. Пудовин.* Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су (550—650 гг.). СА, 1961, 1, стр. 182; *А. К. Амброз.* Проблемы раннесредневековой хронологии..., стр. 116—118.

[24] *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековый Херсонес, стр. 274; *А. К. Амброз.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы, стр. 119.

[25] *Н. И. Репников.* Некоторые могильники области Крымских готов. Ч. I, стр. 37, рис. 13—14, табл. XII, *20; его же.* Ук. соч., ч. II, ЗООИД, XXVII, стр. 146, рис. 106.

[26] *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековый Херсонес, стр. 173, рис. 137, *3—7; его же.* Средневековый Крым, стр. 18, рис. 1, *3—7*; *К. К. Косцюшко-Валюжинич.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году. ИАК, СПб., 1902, 4, стр. 101, рис. 47.

[27] *Н. И. Репников.* Раскопки Эски-Керменского могильника..., стр. 160, 163, 164, 166.

[28] *Е. В. Веймарн.* Археологічні работи в районі Інкерману, стр. 53, рис. 11, *2.*

[29] Склепы 205, 284-а, 303, 307-А, 625, 767, 772. Раскопки Е. В. Веймарна. Материал не издан.

[30] *А. К. Амброз.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы, стр. 118, 119; *А. Л. Якобсон.* Средневековый Крым, стр. 18.

[31] *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековый Херсонес, стр. 275.

[32] Там же.

[33] *Н. И. Репников.* Некоторые могильники области Крымских готов. Ч. I, табл. X, *4;* XII, *1; его же.* Ук. соч., ч. II, ЗООИД, т. 27, 1907, табл. IV, *10,* рис. 108.

[34] *К. К. Косцюшко-Валюжинич.* Ук. соч., стр. 87, рис. 39; *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековый Херсонес, стр. 273, рис. 139, *10—12,* рис. 140, *2—3; его же.* Средневековый Крым, стр. 18, рис. 10—12.

[35] *Н. И. Репников.* Раскопки Эски-Керменского могильника..., стр. 160, 166.

[36] Раскопки Е. В. Веймарна в 1948 г. Пряжка ЧК-IV/12.

[37] Раскопки Е. В. Веймарна в 1958—1960 гг. Материал не опубликован. Склепы 371, 381, 400, 625.

ки известен в склепе 354 Скалистинского могильника [38], а также Херсонесе [39], Суук-Су [40], Эски-Кермене [41], в Узен-Баше [42] и за пределами Крыма — Борисовском могильнике на Северном Кавказе [43]. Бытование пряжек данного типа относится также к раннему средневековью, точнее, к VI—VIII вв. [44]

U-образная бронзовая пряжка с диском из склепа 1 состоит из язычка, овального кольца и щитка с восемью прорезанными отверстиями, украшенного штампованными кружочками и насечками; на тыльной стороне три петли для ремня; длина 10 *см*, ширина 3,6 *см* (рис. 4, *6*). Датируется по аналогиям из Узен-Баша [45], Эски-Кермена [46] и Скалистинского могильника [47] второй половиной VII—VIII в.

В склепах Эски-Керменского [48] и Скалистинского [49] могильников найдены бронзовые пряжки, аналогичные нашей из склепа 7. Пряжка имеет овальное кольцо с вырезом для массивного язычка; щиток U-образный, ажурный, на тыльной стороне три петли. Длина нашего экземпляра 6,5 *см*, ширина щитка 2 *см*, кольца — 3,3 *см* (рис. 5, *18*). Датируется пряжка VI—VII вв. [50]

К VI—VII вв, относится небольшая (длина 3 *см*) медная пряжка, щиток которой имеет форму двулистника; на тыльной стороне три петли для ремня (рис. 4, *13*). Любопытно, что пряжка из Суук-Су аналогична нашей не только по форме, но и изготовлена также из меди [51], в то время как пряжки других типов изготовлены из бронзы. Такие же пряжки имеются в Скалистинском могильнике [52].

Из склепа 1 происходят две бронзовые пряжки, щитки которых украшены двумя врезными линиями крест-накрест и одной поперечной. Пряжки одинаковы по размерам: длина 3 *см*, ширина кольца 2,1 *см* (рис. 4, *9, 10*). Три аналогичные пряжки найдены в Скалистинском могильнике [53]. Е. В. Веймарн датирует их второй половиной VII — VIII в.

Второй половиной VII в. датируется бронзовая пряжка (склеп 6, рис. 5, *25*) с овальным кольцом (длина 2,8 *см*) и напоминающим рыбий хвост щитком (длина 3 *см*, ширина 1,7 *см*), украшенным двумя штампованными кружочками, поперечной канавкой; на тыльной стороне две петли. Нам известен только один экземпляр, аналогичный нашей пряжке, происходящий из склепа 278 Скалистинского могильника [54].

---

[38] *Е. В. Веймарн.* Раскопки Скалистинского могильника в 1958—1960 гг. Материал не издан.

[39] *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековый Херсонес, стр. 273, рис. 139, *17, 18; его же.* Средневековый Крым, стр. 18, рис. 1, *17, 18.*

[40] *Н. И. Репников.* Некоторые могильники области Крымских готов, ч. I, табл. X, *14.*

[41] *Н. И. Репников.* Раскопки Эски-Керменского могильника..., стр. 161, рис. 40, *5, 10.*

[42] *Н. И. Репников.* Разведки и раскопки на Южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 г. ИАК, 30, 1909, стр. 114, рис. 5, *1.*

[43] *В. В. Саханев.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг., табл. IV, *29.*

[44] *А. Л. Якобсон.* Средневековый Крым, стр. 18; *А. К. Амброз.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы, стр. 119.

[45] *Н. И. Репников.* Разведки и раскопки на Южном берегу Крыма..., стр. 114, рис. 15, *11; А. К. Амброз.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы, стр. 119, рис. 7, *18.*

[46] *Н. И. Репников.* Раскопки Эски-Керменского могильника..., стр. 160, рис. 40, *9.*

[47] Раскопки Е. В. Веймарна в 1958—1960 гг. Склепы 332, 447. Материал не издан.

[48] *Н. И. Репников.* Раскопки Эски-Керменского могильника..., стр. 161, рис. 40, *7.*

[49] Раскопки Е. В. Веймарна в 1958—1960 гг. Склеп 384. Материал не издан.

[50] *Н. И. Репников.* Раскопки Эски-Керменского могильника..., стр. 161.

[51] *Н. И. Репников.* Некоторые могильники области Крымских готов. Ч. I, стр. 25, 65, табл. X, *6.*

[52] Раскопки Е. В. Веймарна в 1958—1960 гг. Склепы 153, 420. Материал не издан.

[53] Раскопки Е. В. Веймарна в 1958—1960 гг. Склепы 260, 279, 354. Материал не издан.

[54] Раскопки Е. В. Веймарна в 1958—1960 гг. Материал не издан.

В склепе 6 найдена U-образная бронзовая пряжка, щиток которой украшен рельефным орнаментом; передний край кольца в виде тупого треугольника; на тыльной стороне три стерженька, два из них спилены, длина пряжки 3,5 *см*, ширина 1,8 *см* (рис. 5, *26*). Две аналогичные пряжки обнаружены Е. В. Веймарном в склепе 177 Скалистинского могильника, которые он датирует концом VIII в.[55].

Из склепа 3 происходит небольшая серебряная пряжка (длина 2,5 *см*) с высоким овальным кольцом и почти прямоугольным щитком, в последнем имеется отверстие (рис. 5, *5*). Такая же серебряная обувная пряжка обнаружена в склепе 72 могильника Суук-Су[56].

Бронзовая пряжечка из склепа 1 (длина 3,2 *см*), имеющая овальное кольцо и Т-образный щиток, украшенный двумя штампованными кружочками (рис. 4, *7*), аналогичная пряжке из Суук-Су[57], опубликована Н. И. Репниковым без даты. Учитывая то обстоятельство, что наша пряжка найдена в комплексе вещей раннесредневекового времени, логично и ее отнести к этому же периоду —VI—VII вв.

Ко второй половине VII в. нужно отнести еще одну пряжку из склепа 1. Пряжка состоит из овального кольца, противоположные стороны которого заканчиваются изображением головок птиц со штампованными кружочками-глазками; щиток узкий, на конце прямоугольный приемник для ремня. Длина пряжки 4 *см*, ширина кольца (с головками птиц) 4, 3 *см* (рис. 4, *8*). А. К. Амброз трактует пряжки данного типа как сумочные, характерные для Среднего и Нижнего Дуная[58].

Четыре бронзовые поясные бляшки, украшенные каждая растительным орнаментом, с прямоугольной прорезью для ремня и двумя стерженьками на тыльной стороне (рис. 5, *28—31*) происходят из склепа 6. Они близки по форме, размерам (1, 8×2 *см*) и орнаменту бляшке из Суук-Су[59]. Почкообразная (рис. 5, *33*) и прямоугольная с прорезью (рис. 5, *34*) бронзовые бляшки из этого же склепа также близки суук-сунским[60]. Самая близкая, если не полная, аналогия почкообразной бляшке происходит из Салтовского могильника[61]. Бляшки этого типа А. Л. Якобсон датирует IX—X вв.[62], что мало вероятно, судя по датировке комплекса вещей из склепов Аромата.

К деталям поясного набора относятся три серебряных наконечника с закругленным концом (длина 2, 3 *см*, ширина 2 *см*). Рисунок прорезей на всех трех воспроизводит человеческое лицо (рис. 4, *11*, *12*). Близкие по форме и рисунку прорезей пряжки встречены в Суук-Су[63], Херсонесе[64], Чуфут-Кале[65] и в Борисовском могильнике на Северном Кавказе[66]. Датировка их не выходит за рамки второй половины VI—VII в.[67].

---

[55] Раскопки Е. В. Веймарна в 1958—1960 гг.

[56] *Н. И. Репников.* Некоторые могильники области Крымских готов. Ч. I, стр. 22, табл. X, *10*.

[57] Там же, стр. 65, табл. X, *2*.

[58] *А. К. Амброз.* Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VIII вв.). СА, 1973, 4, стр. 88, рис. 3, *В*.

[59] *Н. И. Репников.* Некоторые могильники области Крымских готов. Ч. I, табл. XII, *6*.

[60] *Н. И. Репников.* Некоторые могильники области Крымских готов. Ч. II, стр. 147, рис. 115, 117, 119, 128.

[61] *В. Бабенко.* Новые систематические исследования Верхне-Салтовского катакомбного могильника в 1908 г. III, М., 1911, стр. 227, рис. 154.

[62] *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековый Херсонес, стр. 279.

[63] *Н. И. Репников.* Некоторые могильники области Крымских готов. Ч. I, табл. X, *22; его же.* Некоторые могильники области Крымских готов. Ч. II, табл. III, *9*.

[64] *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековый Херсонес, стр. 277, рис. 141, *1, 2*.

[65] *В. В. Кропоткин.* Из истории средневекового Крыма, стр. 215, рис. 5, *а*.

[66] *В. В. Саханев.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг., стр. 131, рис. 22, *1—4*.

[67] *В. К. Пудовин.* Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су (550—650 гг.), стр. 183.

Кроме бронзовых, серебряных и медной в склепах у с. Аромат обнаружено 12 прямоугольных и трапециевидных железных пряжек (размер 2,7×3 и 4,7×4 *см*), по-видимому, поясных (рис. 6, *1—3*), судя по условиям находки аналогичной пряжки в погр. 85 могильника Суук-Су [68].

В склепах могильника у с. Аромат найдены обломки примерно 25 железных ножей. Два целых экземпляра из склепа 8 сильно корродированы, с остатками дерева на лезвии, по-видимому, ножен; спинки прямые, концы в форме треугольника, длина лезвия 16 *см*, ширина 2,2—2,5 *см* (рис. 4, *25*; 6, *4*).

Из других находок следует отметить два бронзовых браслета с утолщенными концами из склепа 3 (рис. 5, *1, 2*). Аналогичные изделия известны в Суук-Су [69], они датируются VI—VII вв. [70].

Этим же временем нужно датировать простые бронзовые колокольчики [71], найденные в том же склепе (рис. 5, *3*, *4*). Они известны в Суук-Су [72] и в Борисовском могильнике на Северном Кавказе [73].

Анализируя погребальные сооружения вновь открытых могильников, можно подчеркнуть близость форм и размеров их камер к склепам Чуфут-Кальского могильника и могильника у с. Большое Садовое.

Близки по форме и размерам камер, например склеп 3 могильника у с. Большое Садовое и склепы 3, 7 у с. Ароматного. На стенках камер обоих могильников четко сохранились следы орудий почти одинаковой ширины, около 7 *см*.

Склепы Чуфут-Кальского и Ароматненского могильников сближает форма потолков — уплощенных, понижающихся к задней стенке.

С другой стороны, камеры склепов могильников у с. Большое Садовое и Чуфут-Кале в плане более прямые, в то время как в Ароматненском их форма близка к овалу.

В целом погребальные сооружения вновь открытых могильников своими формами и размерами находят близкие аналогии в ряде раннесредневековых могильников юго-западного Крыма — Скалистовском [74], Сахарная головка [75], Суук-Су [76], Чуфут-Кальском [77] (южный склон), а также Кавказа [78].

Общим для всех могильников является то, что захоронения были совершены по обряду трупоположения. К сожалению, установить положение погребенных в склепах сел Аромат и Большое Садовое не удалось. В могильнике на северном склоне Чуфут-Кале погребенные лежали на спине с вытянутыми нижними и верхними конечностями, головой на юг.

В склепах Чуфут-Кальского и Ароматненского могильников большое количество древесного угля, а в камерах могильника у с. Большое Садовое его нет совсем.

Наличие угля в камерах зафиксировано в ряде могильников юго-западного Крыма — Эски-Керменском, Сахарная головка, Скалистовском — и

---

[68] *Н. И. Репников.* Некоторые могильники области Крымских готов. Ч. I, табл. X, *28*, XII, *16*.

[69] Там же, табл. XI, *10*, *15*.

[70] *В. К. Пудовин.* Ук. соч., стр. 185.

[71] Там же.

[72] *Н. И. Репников.* Некоторые могильники области Крымских готов. Ч. I табл. XI, *12*.

[73] *В. В. Саханев.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг., табл. II, *9*.

[74] Раскопки Е. В. Веймарна в 1958—1960 гг. Материал не издан. Склепы 86, 107, 197, 335.

[75] *Е. В. Веймарн.* Археологічні работи в районі Інкерману, стр. 42—63, рис. 15.

[76] *Н. И. Репников.* Некоторые могильники области Крымских готов. Ч. II, стр. 121.

[77] *В. В. Кропоткин.* Отчеты о раскопках раннесредневекового могильника на юго-западном склоне Чуфут-Кале в 1952, 1954, 1955, 1956 и 1957 гг. Архив Бахчисарайского историко-археологического музея, д. № 44, 64, 67, 69.

[78] *М. П. Абрамова.* Исследования Нижне-Джулатского могильника в 1967 г. КСИА АН СССР, 124, 1970, стр. 88, рис. 34.

на Северном Кавказе — в Ассинском ущелье, в катакомбах Верхне-Салтовского могильника.

Большинство погребений в этих могильниках ограблено в древности, костные останки разбросаны в камерах или свалены кучей у их стенок, но ни в одном из них нет костей, прокаленных в огне, носящих следы старых переломов. Это отличает могильник у с. Аромат от всех синхронных могильников юго-западного Крыма.

Специфической чертой описанных нами могильников является также полное отсутствие керамики. В этом отношении они близки к могильнику IV—VIII вв. Сахарная головка.

В целом погребальный инвентарь вновь открытых могильников находит многочисленные аналогии в погребальных комплексах юго-западного Крыма, Северного Кавказа и может быть датирован, как и сами могильники, VI—VIII вв.

*I. I. Loboda*

## DE NOUVEAUX CHAMPS FUNERAIRES DU DEBUT DU MOYEN AGE DANS LE SUD-OUEST DE LA CRIMEE (REGION DE BAKHTCHISARAI)

**Résumé**

En 1968, on a découvert dans la combe de Achlama une sépulture. Dans la découpure d'une terrasse, sur le flanc nord du mont Tchoufout-Kalé, on a mis au jour 9 tombeaux remplis de terre. L'un d'eux a été dégagé. La chambre funéraire est rectangulaire, à angles fortement arrondis, le plafond aplati; la chambre est orientée au sud, et le dromos au nord. Dans le caveau se trouvaient deux squelettes, en position allongée sur le dos, la tête orientée au sud. Le sol était recouvert d'une couche de charbon de bois. On peut dater ce tombeau du VIIe ou du VIIIe siècle grâce à une boucle d'oreille en fil de bronze qui y a été trouvée. Le champ funéraire du village d'Aromat (région de Bakhtchisaraï) a été trouvé en avril 1968. Il occupe une superficie d'au moins 3000 m². Au cours des travaux on a découvert 20 tombeaux souterrains, dont 8 ont été dégagés. Les dimensions des chambres sépulcrales varient entre 1m70×1m20 et 2m60×4m, avec une hauteur moyenne de 1m30; dans tous les cas, les angles sont fortement arrondis; la profondeur est de 3m. Tous ces tombeaux ont une chambre sépulcrale orientée au sud, et un dromos orienté à l'est. Le nombre des corps inhumés est de 2 à 13. Les squelettes étaient démembrés, beaucoup d'ossements avaient été calcinés. Malgré le fait que ces tombeaux ont été pillés dans l'antiquité, on y a recueilli un mobilier très varié: des agrafes d'argent, de bronze et de fer, des ornements de ceinture en argent et des plaques de bronze, des bracelets de bronze et des clochettes, des morceaux de couteaux de fer, des perles de verre, de cornaline, d'ambre, de pâte de verre. Dans leur ensemble, ces objets datent du VIe au VIIIe siècle. Le champ d'inhumation du village de Bolchoïé Sadovoïé a été découvert en décembre 1971. On a dégagé trois tombeaux, dont les axes sont orientés nord-est et sud-ouest, avec accès dans les chambres funéraires du côté sud. Ces chambres sépulcrales sont carrées, aux angles arrondis, et ont une hauteur de 1m à 1m50. Le nombre des corps inhumés est de 1 à 4. Tous ces caveaux ont été pillés il y a longtemps. Parmi les ossements éparpillés on a recueilli des objets du VIe s. et du VIIe s., tels que: un petit bracelet de bronze, un fragment de boucle d'oreille en argent, des plaques de bronze garnissant une ceinture, des grains de collier en ambre, en verre et en cornaline. Ce lieu de sépulture a été laissé par les agriculteurs qui vécurent du VIe s. au VIIIe s. dans la partie sud-ouest de la Crimée.

В. А. КОРЕНЯКО

# АЛАНСКИЕ МОГИЛЫ VIII — IX ВВ. В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

В 18 *км* к югу от города Орджоникидзе Северо-Осетинской АССР, южнее сел. Тарское, на юго-восточном склоне горы Известняковой находится катакомбный могильник аланского времени. Он был открыт случайно в 1970 г., когда во время сооружения дороги, поднимающейся по склону горы, бульдозеры уничтожили несколько погребений. В 1970—1971 гг. в Северо-Осетинский научно-исследовательский институт и в Республиканский краеведческий музей были доставлены немногочисленные найденные там вещи.

Дромосы некоторых катакомб четко выделялись в глинистом обрезе дороги. Эти катакомбы необходимо было срочно исследовать ввиду опасности их разрушения, что и было сделано нами. Всего раскопано шесть погребений.

Все катакомбы располагались очень компактно, почти перпендикулярно дороге, западнее и выше ее. Части дромосов катакомб, противоположные входам в камеры, были уничтожены при сооружении дороги.

Погребение 1 (рис. 1, I) самое юго-западное из раскопанных. Длина сохранившейся части дромоса —2,0 *м*, ширина — от 0,50 до 0,55 *м*. Стенки дромоса вертикальные. Глубина дромоса от поверхности склона составляет [1] у обреза дороги 0,90 *м*, у входа в камеру 2,20 *м*, при этом дно дромоса понижается на 0,20 *м*.

Дромос ориентирован с ЮВ на СЗ. В его заполнении встречались угольки, у входа в камеру на высоте 1,80 *м* от дна был найден фрагмент черепной коробки. Заполнение дромоса — плотный гумусированный суглинок.

Вход в камеру — округлой формы (размеры 0,50×0,43 *м*), был закрыт крупной трапециевидной плитой из необработанного известняка (размеры 0,70×0,50×0,20 *м*).

Камера представляет в плане эллипс 1,90×1,50 *м*, высота свода 0,80 *м*. В древности погребение было ограблено, в камеру затекла земля, она раскисла, и дно камеры к моменту расчистки покрывал слой слякоти до 0,15 *м* толщиной. На дне камеры — обильная подсыпка из древесных углей.

Захоронение полностью уничтожено грабителями. В основной части камеры были найдены лишь немногочисленные фрагменты костей рук и ног. В северо-западной части лежали отброшенные в беспорядке берцовые кости и часть ребер. Восточнее находились фрагменты черепа взрослого мужчины, а южнее — раздробленный череп молодой женщины (?).

У первого черепа лежал железный нож с остатками деревянной рукояти (рис. 2, *6*), рядом — бронзовый браслет из круглого в сечении стержня, с несомкнутыми концами (рис. 3, *7*). У второго черепа лежало маленькое круглое зеркальце из белого сплава. Зеркальце имеет ушко на обратной стороне и рельефный орнамент в виде окружностей, кривых и зигзагообразных линий (рис. 3, *1*).

[1] При этом необходимо учитывать, что склон горы заметно повышается от дромоса к камере.

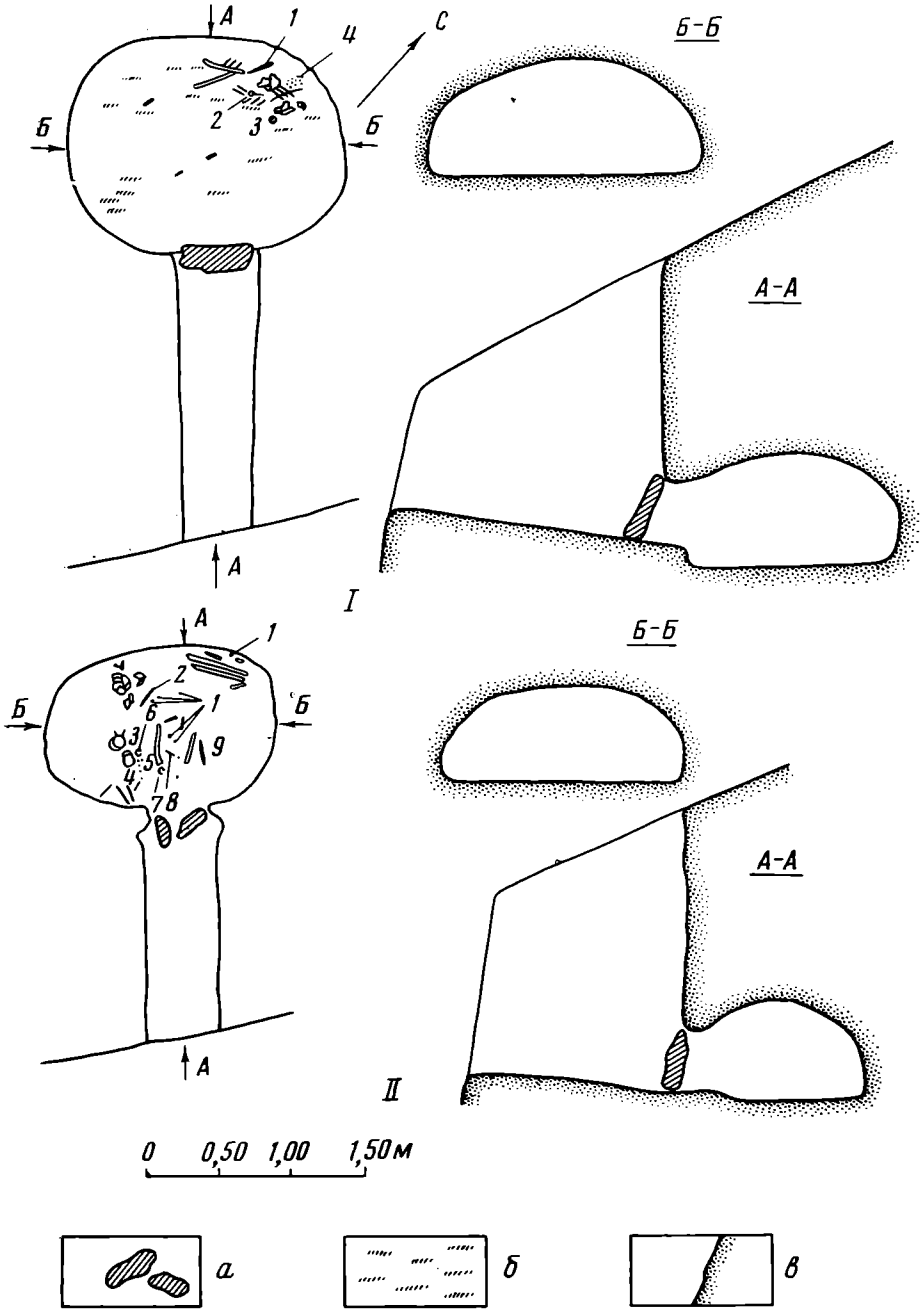



Рис. 1. Могильник у сел. Тарское: I — план и разрезы погр. 1. *1* — нож, *2* — браслет, *3* — зеркальце, *4* — бусы и бубенчики. II — план и разрезы погр. 2. *1* — поясные бляшки, *2* и *9* — ножи, *3* — миска, *4* — кувшин, *5* — бусы и бубенчики, *6* и *7* — браслеты, *8* — железная пряжка

(*а* — камни, *б* — угли, *в* — материк)

Между этими двумя скоплениями фрагментов черепов находились четыре бронзовых бубенчика (рис. 3, *5*, *6*) и 53 бусины разнообразных форм, в основном из стекла (рис. 3, *23*). Кроме того, в полном беспорядке на дне и в заполнении камеры были найдены: серебряная монета или индикация с отверстием (рис. 3, *4*), серебряная серьга из тонкой круглой в сечении проволоки, свернутой в один оборот (рис. 3, *3*); остатки разомкнутого браслета, сделанного из бронзового плоского стержня; два фрагмента какой-то

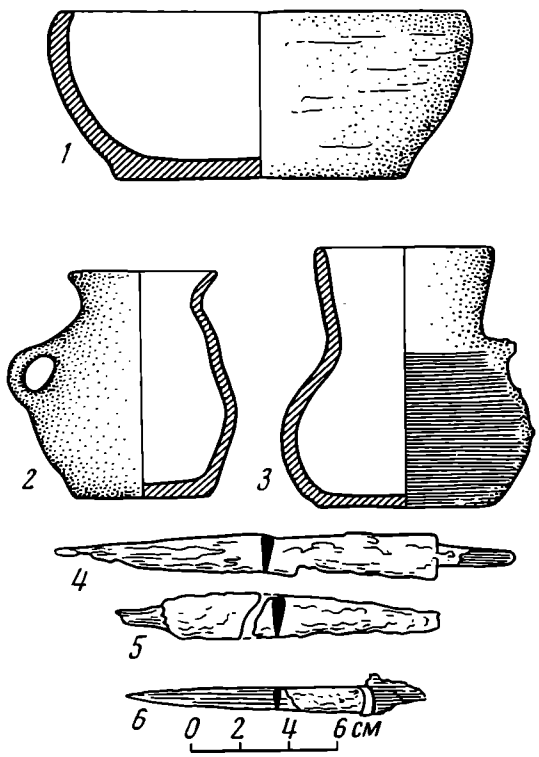



Рис. 2. Могильник у сел. Тарское. Вещи из погребений: *1, 2, 4, 5* — погр. 2; *3* — погр. 5; *6* — погр. 1

железной цепочки (кольчуги?); три очень плохо сохранившихся серебряных перстня с прямоугольными щитками, в одном из щитков сохранилась бирюзовая вставка (рис. 3, *2*).

Погребение 2 (рис. 1, II) находилось в 1,70 *м* от погр. 1, ниже по склону горы. Дромос ориентирован по линии ЮВ—СЗ; длина его сохранившейся части 1,50 *м*, ширина от 0,45 до 0,50 *м*. Стенки дромоса вертикальные, гладкие, заполнение темное, рыхлое — гумусированный суглинок. У входа в камеру дромос расширяется до 0,65 *м*. От обреза дороги до этого места он понижается постепенно на 0,10 *м*. Вход в камеру был закрыт в древности двумя плитами необработанного известняка, которые к моменту раскопок были смещены, стояли ребром к входу.

Камера отделялась от дромоса ступенькой высотой 0,10 *м*. Камера эллипсоидной формы, размерами 1,60×1,10 *м*. Высота свода камеры 0,70 *м*. На своде отчетливо видны следы тесловидного орудия с шириной лезвия 9—10 *см*. Камера была ограблена в древности. Часть земли из дромоса затекла внутрь, и дно камеры покрывал слой раскисшего суглинка толщиной до 0,15 *м*.

Погребение принадлежало, видимо, молодому человеку, судя по плохо сросшимся эпифизам на найденных костях. Так как раздробленный череп находился в юго-западной части камеры, то покойник мог быть ориентирован головой на ЮЗ. У северо-западной стенки камеры лежали кости голеней, в центре камеры одна целая плечевая кость и фрагменты другой, фрагменты лучевых костей, в южной части — фрагменты ребер и кости рук. Все кости плохой сохранности, истлевшие. В заполнении камеры и особенно под костями на дне камеры были зафиксированы зола и угли.

У костей голеней и в центральной части камеры были найдены бронзовые бляшки от поясного набора: сердцевидной формы, с кольцами и без колец, украшенные схематизированным изображением человеческого лица и трилистника (рис. 3, *14—16*). Две бляшки с кольцами вплотную примыкали к найденному северо-восточнее черепа железному ножу (рис. 2, *5*). Здесь же было найдено бронзовое колечко средних размеров (рис. 3, *10*). Юго-восточнее черепа стояла глубокая глиняная миска. Край миски загнут внутрь, поддон выражен слабо; поверхность темная, с рыжеватыми пятнами, заглаженная и местами залощенная; обжиг плохой, тесто с примесью песка (рис. 2, *1*). В заполнении миски были мелкие кости какой-то птицы (?). Рядом с миской находился глиняный кувшинчик без поддона, с небольшой петлевидной ручкой, с раздутым в нижней части туловом и расширяющимся горлом. Характер теста и поверхности кувшинчика тот же, что и миски; его поверхность была подлощена в вертикальном направлении (рис. 2, *2*). На дне кувшинчика знак в виде креста. В заполнении также обнаружены мелкие кости.

Северо-восточнее кувшинчика были найдены два разомкнутых браслета из круглых в сечении бронзовых стержней (рис. 3, *8, 12*), а также

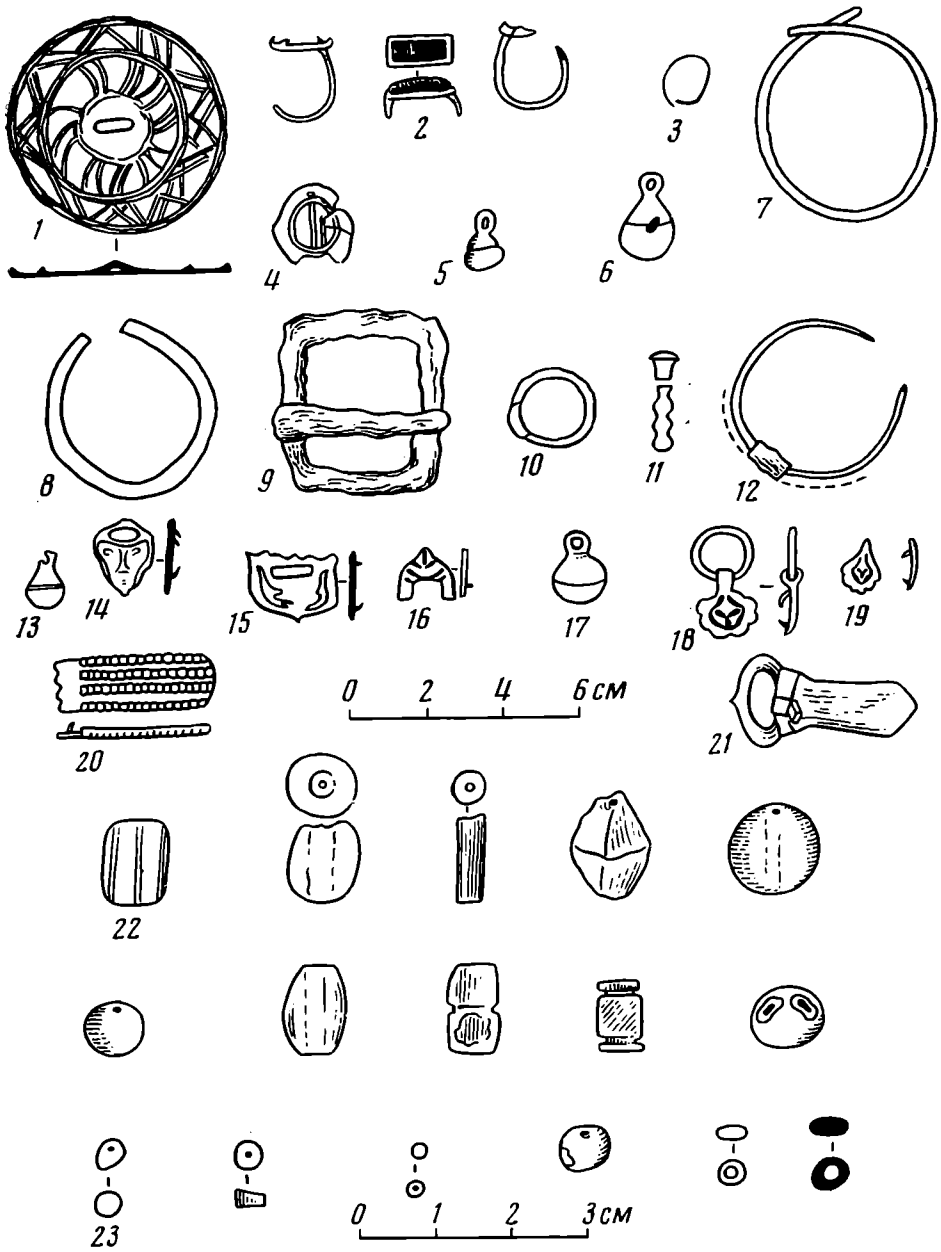



Рис. 3. Могильник у сел. Тарское. Вещи из погребений: *1—7, 23* — погр. 1; *8—15, 22* — погр. 2; *16—21* — погр. 5

различные бусы: круглая эллипсоидная зеленоватого стекла, круглая цилиндрическая желтая пастовая, битрапецеидальная квадратная прозрачного стекла, шарообразная темно-желтого стекла (рис. 3, *22*). Среди костей рук, у входа в камеру, находились остатки железного ножа с окованной железной пластинкой деревянной рукоятью, с остатками деревянных ножен (рис. 2, *4*). Здесь были найдены и другие вещи, лежавшие на дне и в заполнении в беспорядке: массивная квадратная железная бесщитковая пряжка с подвижным язычком (рис. 3, *9*); круглая цилиндрическая рубчатая бусина синего стекла (рис. 3, *22*), две маленькие каплевидные бусины желтой пасты; три бронзовых бубенчика (рис. *3*, *13*); два фрагмента какого-то украшения в виде бронзового стерженька со шляпкой (рис. 3, *11*). Во входе в камеру был найден маленький необработанный кремневый отщеп, а в заполнении дромоса два невыразительных черепка.

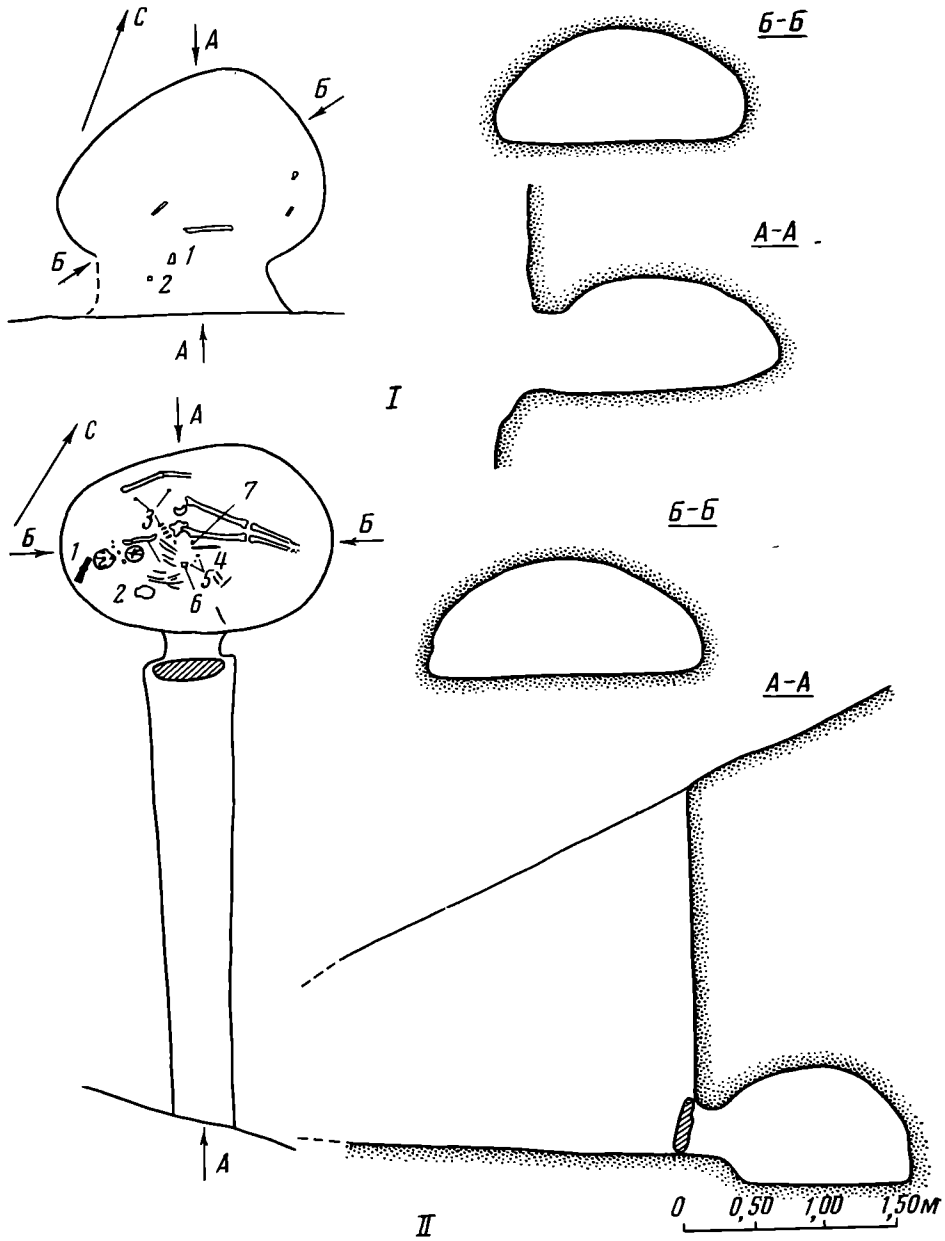



Рис. 4. Могильник у сел. Тарское. I — план и разрезы погр. 3. *1* — тесло, *2* — обломок абразивного инструмента. II — план и разрезы погр. 5; *1* — топорик, *2* — сосуд, *3* — поясные бляшки, *4* — нож, *5* — бубенчики, *6* — железная пряжка, *7* — наконечник пояса

Погребение 3 (рис. 4, I) располагалось ниже по склону горы. Его дромос и часть камеры были полностью уничтожены при строительстве дороги. Длина камеры 1,74 *м*, ширина сохранившейся части 1,45 *м*. Наибольшая высота свода в сохранившейся части 0,80 *м*. При расчистке было установлено, что погребальная камера, ориентированная длинной осью с ЮЮЗ на ССВ, полностью ограблена. На дне лежали несколько фрагментов костей взрослого человека.

Недалеко от предполагаемого места входа в камеру был обнаружен обломок абразивного инструмента — крупной, четырехугольной в сечении плитки из плотного сине-зеленого камня (рис. 5, *3*). Тут же лежало железное тесло длиной 9 *см*, с шириной лезвия 5 *см*. Во втулке тесла были остатки деревянной рукоятки, причем видно, что орудие было сломано до того, как его оставили в катакомбе (рис. 5, *1*).

Погребение 4 (рис. 6, I) частично перекрывало погребение 3. Длина уцелевшей части дромоса 1,15 *м*, ширина 0,50 *м*, стенки дромоса вертикальные, гладкие. Заполнение — довольно плотный гумусированный суглинок; в этом заполнении найдено несколько невыразительных фрагментов лепной керамики. Дромос ориентирован по линии ЮЮВ—ССЗ. Вход в камеру был заложен большой плитой необработанного известняка, щели между этой плитой и стенками дромоса были заложены камнями меньшего размера, а эти камни и плита в местах соприкосновения были, видимо, замазаны жидкой глиной.

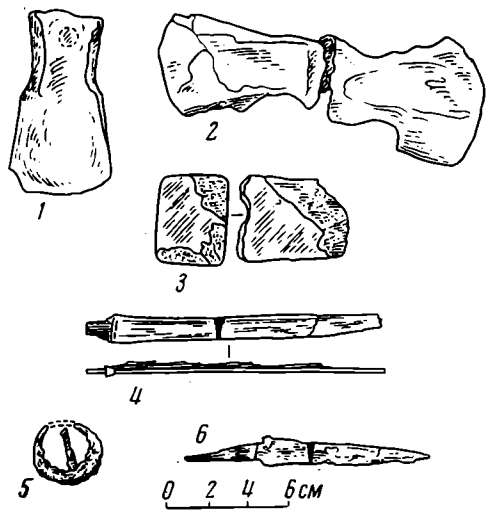



Рис. 5. Могильник у сел. Тарское. Вещи из погребений: *1, 3* — погр. 3; *2, 4* — погр. 5; *5, 6* — погр. 6

Камера отделена от входа ступенькой высотой 0,10 *м*. Высота камеры во входе 0,26 *м*. Свод камеры понижается к стенке, противоположной входу (не образуя купола).

Камера была, видимо, ограблена еще в древности. Дно ее покрыто слоем глины. В заполнении камеры найден обломок кости ноги и несколько фрагментов черепа ребенка.

Вещей в могиле не обнаружено.

Погребение 5 (рис. 4, II) располагалось между погребениями 2 и 3. Длина сохранившейся части дромоса 3,30 *м*, его ширина в обрезе дороги 0,40 *м*, а у входа в камеру 0,73 *м*. Стенки дромоса вертикальные, гладкие. Его глубина от поверхности земли в обрезе дороги 1,20 *м*, а у входа в камеру благодаря повышению склона 2,50 *м*. Кроме того, дно дромоса понижается от обреза к входу на 0,20 *м*. Дромос ориентирован по линии ЮВ — СЗ. Его заполнение представляет собой плотный гумусированный суглинок. В верхней части заполнения найдено 20 фрагментов лепной керамики, в том числе фрагмент горла сосуда, украшенного по венчику косыми насечками.

Вход в камеру имел сегментовидную форму (ширина 0,40 *м*, высота 0,36 *м*) и был закрыт массивной плитой из необработанного известняка. Камера отделялась от входа ступенькой высотой 0,20 *м*. Размеры камеры 1,94×1,40 *м*; высота свода 0,80 *м*; в плане камера эллипсоидная, с расширением в северо-восточной части. На потолке камеры видны следы от тесла с шириной лезвия до 10 *см*. В древности камера была ограблена, ее дно было покрыто слоем слякоти толщиной 15 *см*, под ним — слой древесных углей толщиной 3 *см*.

В камере были обнаружены остатки скелета взрослого мужчины. Судя по расположению оставшихся в первоначальном положении костей, покойник лежал в северо-западной части камеры, на спине, головой на ЗЮЗ с вытянутыми, но сдвинутыми вправо ногами. Правая рука была слегка согнута в локте, кистью от таза, левая также слегка согнута в локте, кистью к тазу. Кости стоп и кистей отсутствовали. Черепная коробка была смещена на 0,30 *м* к ЮЮЗ и перевернута основанием вверх. Лицевая часть черепа отсутствовала. К северо-востоку от этого черепа лежали фрагменты второго черепа. Этому же покойнику принадлежали, видимо, и найденные здесь ребра и кости рук. Положение этого скелета не восстанавливается, но его ориентировка, наверное, совпадала с ориентировкой первого скелета.

За первым черепом находились остатки очень плохо сохранившегося железного топорика (рис. 5, *2*) длиной до 16,7 *см*. Юго-восточнее фраг-

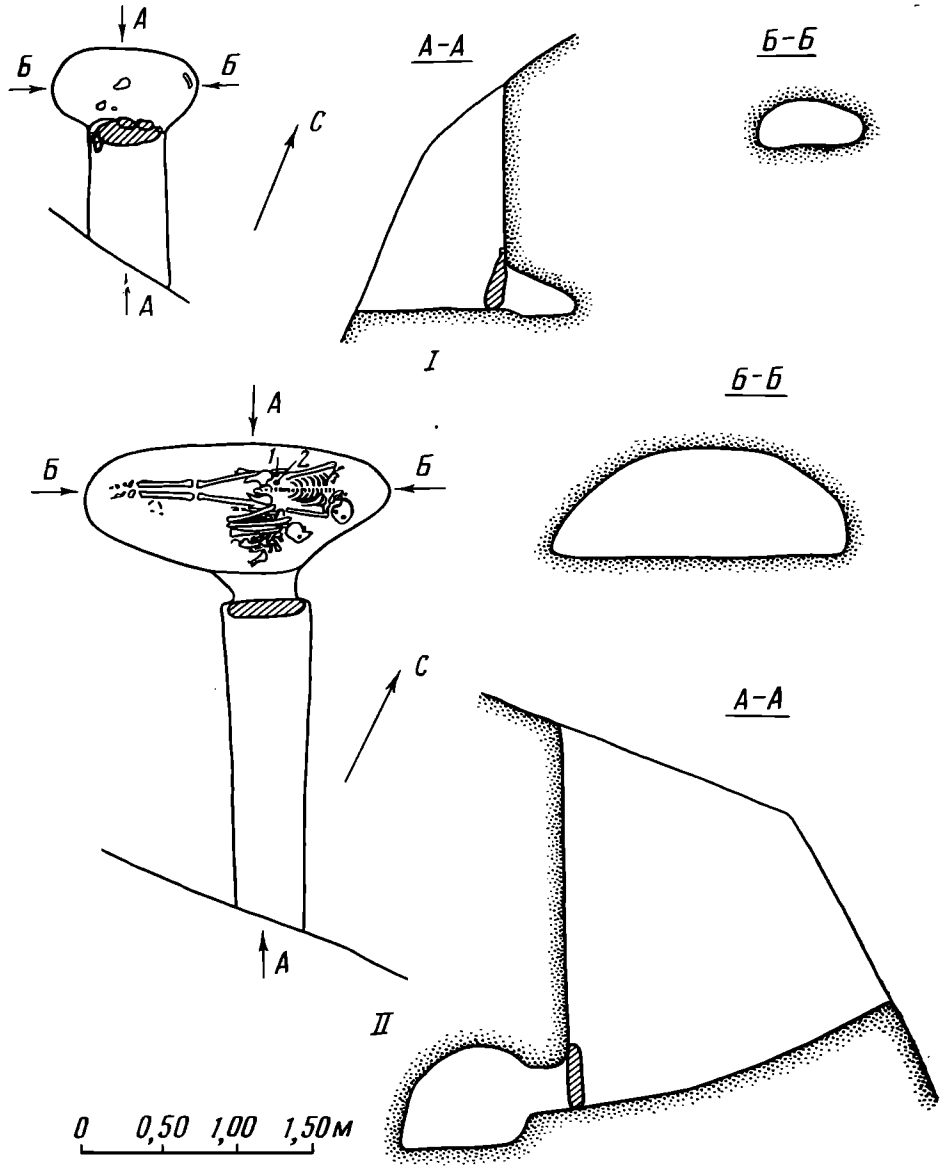



Рис. 6. Могильник у сел. Тарское: I — план и разрезы погр. 4; II — план и разрезы погр. 6. *1* — нож, *2* — пряжка

ментов второго черепа лежал горлом к первому черепу небольшой кувшин, сделанный на гончарном круге (рис. 2, *3*). Кувшин красноглиняный, хорошего обжига, с раздутым туловом, хорошо выраженным переходом к расширяющемуся вверх горлу. Тулово покрыто неглубокими параллельными горизонтальными бороздками, горло залощено вертикальными полосами. В древности кувшин имел маленькую ручку, отбитую до совершения погребения. Вдоль правой бедренной кости, острием к стопам, лежал узкий железный нож с прямой спинкой, с остатками деревянных ножен и рукояти (рис. 5, *4*). Нож, видимо, висел у пояса, украшенного богатым набором бронзовых бляшек. Основная часть бляшек была найдена в районе таза, справа. Бляшки округлой формы, со стилизованным изображением трилистника (рис. 3, *18, 19*), 10 бляшек имеют кольца, три бляшки — без колец. У рукояти ножа был найден бронзовый подпрямоугольный орнаментированный наконечник поясного ремня, поодаль — еще

один, сердцевидной формы (рис. 3, *16, 20*). Здесь же была найдена бронзовая неорнаментированная пряжка (рис. 3, *21*) того типа, который назван А. К. Амброзом[2] «U-образной с угловатым щитком».

Немного южнее находились остатки плохо сохранившейся железной бесщитковой пряжки с подвижным язычком и квадратной рамкой. У пряжки и у рукоятки ножа лежали четыре бронзовых бубенчика (рис. 3, *17*).

Погребение 6 (рис. 6, II) располагалось восточнее всех остальных, вплотную к погр. 3 и 4, так что дромос погребения 6 проходил частично над камерой погр. 4. Длина уцелевшей части дромоса 2,20 *м*, ширина его в обрезе дороги 0,38 *м*, у входа в камеру — 0,55 *м*. Дромос понижался от обреза дороги к входу на 0,70 *м*. Стенки его вертикальные, гладкие. Вход в камеру имел форму прямоугольника со скругленными углами (размерами 0,34×0,32 *м*) и был закрыт массивной плоской плитой из известняка, кое-где подтесанной. Камера отделялась от входа ступенькой высотой 0,25 *м*. Погребальная камера ориентирована длинной осью с ЗСЗ на ВЮВ, размеры ее 2,05×0,96 *м*, высота свода 0,70 *м*. В плане камера приближается к форме эллипса. На стенках ее и на своде были хорошо видны следы какого-то орудия. Дно покрывал слой грязи до 4 *см* толщиной. В разных местах по дну встречались скопления древесных углей.

В камере обнаружены остатки двух скелетов. Возможно, что по обряду эта могила представляла собой погребение с последующим захоронением. У стенки, противоположной входу, лежал хорошо сохранившийся костяк взрослого мужчины (?). Он лежал на спине, вытянуто, головой на ВСВ. Все кости in situ, лишь череп был смещен и лежал на левом виске у плеча. В правом виске имелось отверстие неправильной формы, возможно, пробитое каким-то оружием.

Справа у копчика и поясничных позвонков лежала железная бесщитковая пряжка с подвижным язычком на круглой рамке (рис. 5, *5*). Под правой частью таза и головкой правой бедренной кости находился маленький железный нож с прямой спинкой, с остатками деревянных ножен и рукояти (рис. 5, *6*).

Кости второго погребенного (женщины?) лежали в полном беспорядке перед входом в дромос. Черепная коробка лежала восточнее этой груды костей, нижняя челюсть — на костях.

В итоге раскопок выяснился прежде всего ритуал, по которому совершались захоронения в данном могильнике. Могилы сооружались в горном склоне и имели катакомбную конструкцию. Длинные узкие дромосы, постепенно понижаясь, вели в эллипсоидные в плане камеры. Камеры отделялись от дромосов невысокими ступеньками, а входы в камеры закрывались известняковыми плитами. Точное положение покойников установлено лишь в двух случаях. В трех случаях погребения были парными. Покойников, видимо, хоронили в вытянутом положении на спине. Ориентировка, кажется, не была постоянной во всех захоронениях. В большинстве могил зафиксирована подсыпка из древесных углей.

Подобный погребальный обряд был очень широко распространен в Алании и на территории салтово-маяцкой культуры. В основных своих чертах погребальный обряд могильника у сел. Тарского сходен с ритуалом захоронений конца VIII—IX в. в Салтовском и Дмитровском могильниках[3], в могильниках VIII—IX вв. Северной Осетии[4]. Этот погребальный

[2] *А. К. Амброз.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. СА, 1971, 3, стр. 113, 118.

[3] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. МИА, 142, 1967, стр. 71—91.

[4] *П. С. Уварова.* Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900; *Д. Я. Самоквасов.* Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 174—185; *В. А. Кузнецов.* Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, М., 1962, стр. 18—26; *С. С. Куссаева.* Археологические памятники Восточной Осетии (Чми и Балта) как исторический источник по древней Алании. Автореф. канд. дис. Л., 1953, стр. 8, 10, 13, 14.

ритуал продолжает бытовать в данном регионе и позднее, например в Змейском могильнике[5].

Найденные нами образцы керамики (два кувшинчика и одна миска) представляют собой типы посуды, хорошо известные по памятникам прежде всего VIII—IX вв. н. э.[6].

Очень широко распространены были в это и последующее время аналогичные найденным железные тесла[7], топорики[8] и ножи[9]. Бронзовые бубенчики часто встречаются в погребениях аланского времени на Северном Кавказе[10] и в памятниках салтово-маяцкой культуры[11]. А. К. Амброз считает их важным хронологическим признаком для VIII в. и более позднего времени[12].

Украшения из раскопанных могил являются надежной основой для датировки могильника. Аналогичные найденному зеркальца имеются в материалах Дмитровского и Верхнесалтовского могильников конца VIII—IX в.[13] В погребении конца VIII — первой половины IX в. в Дмитровском могильнике было найдено украшение[14], похожее на бронзовый стерженек со шляпкой из катакомбы 2. Выделяемый А. К. Амброзом U-образный тип пряжек с угловатым щитком датируется VIII—IX вв.[15] Наибольшее количество четко датированных аналогий относится к наконечникам и бляшкам поясных наборов, особенно к бляшкам со стилизованным изображением трилистника. По классификациям А. К. Амброза и В. Б. Ковалевской, они датируются второй половиной VIII—IX в.[16]

Некоторые другие виды украшений (разомкнутые браслеты, перстни, кольца, железные бесщитковые круглорамчатые и квадраторамчатые пряжки) тоже встречаются в памятниках второй половины VIII—IX в.[17], но основанием для датировки они служить пока не могут, ибо распространены во времени очень широко. Большинство типов бус из катакомб Тарского могильника также не могут быть датирующими, однако некоторые типы В. Б. Ковалевская считает датирующими для VIII—IX вв.[18]

Таким образом, шесть исследованных погребений могут быть отнесены ко второй половине VIII—IX в. На современном уровне исследованности проблемы эту датировку сузить нельзя.

---

[5] *В. А. Кузнецов.* Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г. МИА, 114, 1963, стр. 8—37, 39, 41.

[6] *С. С. Куссаева.* Ук. соч., стр. 16, 17; *В. А. Кузнецов.* Аланские племена Северного Кавказа, стр. 136, рис. 3, *5, 6, 20, 25; С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 119, рис. 29, *1, 2;* стр. 126, рис. 32.

[7] *М. И. Артамонов.* Саркел — Белая Вежа. МИА, 62, 1958, стр. 48, рис. 29, *1*; *его же.* История хазар. Л., 1962, стр. 292, 319, 320; *П. С. Уварова.* Ук. соч., табл. XLVII, *10*, LXXIV, *4*.

[8] *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 141, рис. 36; *С. С. Куссаева.* Ук. соч., стр. 17; *П. С. Уварова.* Ук. соч., табл. LXXXIV, *1;* XLVII, *5, 6*.

[9] *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 148, рис. 39, *3, 4*; *С. С. Куссаева.* Ук. соч., стр. 17; *И. И. Ляпушкин.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, 62, 1958, стр. 125, рис. 18.

[10] *П. С. Уварова.* Ук. соч., табл. XLVII, *3*; *В. А. Кузнецов.* Исследования Змейского катакомбного могильника..., стр. 13, рис. 4; *А. П. Рунич.* Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска. СА, 1971, 2, стр. 172, рис. 5.

[11] *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 141, рис. 36; *И. И. Ляпушкин.* Ук. соч., стр. 125, рис. 21.

[12] *А. К. Амброз.* Проблемы раннесредневековой хронологии..., стр. 130.

[13] *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 141, рис. 36; *М. И. Артамонов.* История хазар, стр. 296 (см. также *П. С. Уварова.* Ук. соч., табл. XLVI, *1—4*).

[14] *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 141, рис. 36.

[15] *А. К. Амброз.* Ук. соч., стр. 119, рис. 7, *22; П. С. Уварова.* Ук. соч., табл. XLVI, 13.

[16] *А. К. Амброз.* Ук. соч., стр. 98, 99, 115, рис. 10, *18, 19;* стр. 122, рис. 13; стр. 129, 130; *В. Б. Деопик.* Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв. МИА, 114, 1963, стр. 132—134; *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 163, рис. 44; стр. 165, рис. 45; *М. И. Артамонов.* История хазар, стр. 297; *С. С. Куссаева.* Ук. соч., стр. 17; *И. И. Ляпушкин.* Ук. соч., стр. 125; рис. 21; *П. С. Уварова.* Ук. соч., табл. XLVI, *11, 12*.

[17] *В. Б. Деопик.* Ук. соч., стр. 129, 130; *И. И. Ляпушкин.* Ук. соч., рис. 21; *П. С. Уварова.* Ук. соч., стр. 113, 114, 117—126, 132—138.

[18] *В. Б. Деопик.* Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. СА, 1961, 3, стр. 215—222, 232.

Одновременно с раскопками катакомбного могильника в ходе разведок на склонах и у подножия горы Известняковой было установлено, что выше могильника, в 80—100 *м* по северо-восточному отрогу горы, располагалось небольшое средневековое поселение. Здесь были собраны фрагменты керамики, лепной и гончарной. Некоторые из фрагментов были орнаментированы параллельными горизонтальными бороздками, волнистым орнаментом, налепами с косыми насечками. Поселение было расположено в очень удобном месте: оно запирало выход в южную часть Тарской котловины, давало обзор почти всей долины р. Камбилеевки и большей части Тарской котловины. Такое расположение на местности характерно для целого ряда аланских поселений.

Тарский катакомбный могильник VIII—IX вв. является новым памятником аланской культуры, лежащим близ важнейшей военно-торговой магистрали, соединявшей север и юг Кавказа — современной Военно-Грузинской дороги.

*V. A. Koréniako*

## TOMBEAUX ALAINS DU VIIIe AU IXe SIECLE DANS L'OSSETIE DU NORD


### Résumé

Dans le présent article on analyse les pièces provenant d'un cimetière alain, découvert pour la première fois près du village de Tarskoïé, dans l'Ossétie du Nord (piedmonts du Caucase central). Dans ce lieu de sépulture, situé sur le versant abrupt d'une montagne, on a fouillé jusqu'à présent 6 inhumations. Les tombes étaient pratiquées dans le flanc de la montagne et formaient des catacombes. De longs et étroits dromos donnaient accès à des caveaux ellipsoïdaux, qui étaient séparés du dromos par des degrés, et dont l'entrée était fermée au moyen de dalles de calcaire. Trois inhumations étaient doubles. Les morts, vraisemblablement, étaient enterrés en position étendue sur le dos; l'orientation n'était pas la même dans toutes les sépultures. Le mobilier funéraire est constitué par des poteries (2 petits pots et une terrine, fig. 4, 1—3), une gouge de fer (fig. 6, 1), une petite hache (fig. 6, 2), des couteaux (fig. 4, 4—6, 6, 4, 6). Les bijoux et les objets de toillette dominent. Parmi eux se trouvent divers colliers (fig. 5, 22, 23), des grelots de bronze (fig. 5, 5, 6, 13, 17), des agrafes de fer et de bronze (fig. 5, 9, 21; 6, 5), des plaques garnissant des ceintures (fig. 5, 14—16, 18—20), des bracelets de bronze (fig. 5, 7, 8, 12), des bagues (fig. 5, 2), etc. Ce mobilier permet de dater les sépultures de la seconde moitié du VIIIe on du IXe siècle. Ce lieu de sépulture de Tarskoïé rappelle beaucoup ceux bien connus de Tchmi et de Balta. C'est un nouveau monument de la culture des Alains, découvert près de la plus importante voie militaire et commerciale qui reliait jadis le Nord au Sud du Caucase.

Е. А. ХАЛИКОВА

# БОЛЬШЕ-ТИГАНСКИЙ МОГИЛЬНИК

В 1974 г. при строительстве дороги между селами Большие и Средние Тиганы в Алексеевском р-не Татарской АССР был обнаружен могильник, находящийся в 300 *м* к северу от современного кладбища с. Большие Тиганы. Могильник располагается на высоком плато в 500 *м* от левого берега р. Шанталы, левого притока Камы, в 23 *км* южнее Камы. Поверхность памятника долгое время распахивалась, и внешние признаки могил не сохранились. В результате раскопок, проведенных отрядом Билярской археологической экспедиции Казанского университета и ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР, на площади 35 *м* × 35 *м* исследовано 33 захоронения — восемь женских (1, 2, 7, 17, 19, 20, 21, 30) одиннадцать детских и погребений подростков (8а, 8б, 11, 15, 18, 25а, 25б, 26а, 26б, 27, 29), одно потревоженное бульдозером взрослое, не определенное по полу (31), и тринадцать мужских (3, 6, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 16, 22, 23, 24, 28), в том числе два кенотафа (3 и 8) с оружием и другими вещами[1] (рис. 1). Возможно, что этими погребениями могильник еще не исчерпан, так как границы его выявлены пока с трех сторон — с севера, востока и юга.

Могилы располагаются неровными рядами, вытянутыми с юго-юго-запада на северо-северо-восток. Внутри рядов можно проследить отдельные группы, расположенные более компактно. В центре вскрытой площади идет ряд мужских могил с богатым инвентарем (12, 10, 8, 14, 22, 23). Центральное место в нем занимает кенотаф (погр. 8), представлявший собой большую яму подпрямоугольной формы длиной около трех метров и шириной до полутора метров, где в определенном порядке были разложены вещи — лепной сосуд, три небольшие серебряные пластины с остатками кожаного лоскута под ними, наконечники стрел, диргем, сабля в ножнах, ремень с многочисленными серебряными бляшками, костяные накладки на лук, бедренная кость и хвостовые позвонки лошади. Останки человеческого скелета не зафиксированы. В восточном углу кенотафа в специально вырытом небольшом подбое (120×90 *см*) были захоронены два ребенка (в возрасте 3—4 лет и около года) с характерным набором детского инвентаря — миниатюрные серьги, браслет, ожерелья с подвесками, в том числе диргемом. Были ли это ритуальные захоронения специально умерщвленных детей, сказать трудно, но в том же ряду мужских могил в погр. 12 на ступеньке-заплечике, вырытом вдоль южной стенки могилы, также расчищены остатки детского костяка, от которого сохранились тонкие косточки черепа и зубы. Близкое явление наблюдалось и при расчистке мужской могилы № 14: вплотную к ней примыкала яма с двумя детскими захоронениями.

Западнее ряда богатых мужских погребений располагается ряд могил женщин, детей и юношей-подростков (15, 16, 17, 18, 20, 21, 27), а восточ-

[1] Номера 4 и 5 условно даны погребениям, полностью разрушенным строителями. Из них происходит ряд вещей, но в статистике деталей погребального обряда эти захоронения учтены быть не могут.

нее — еще два неровных ряда, в которых встречаются мужские, женские и детские погребения. Несколько особняком на северо-восточной окраине могильника находилось мужское погр. 24.

Для мужских могил характерны большие размеры: длина от 250 до 350 *см* при ширине 100—175 *см*. Длина женских могил 180—225 *см*, ширина 70—120 *см*. Глубина колеблется от 70 до 120 *см* от современной поверхности, преобладает 80—90 *см* (10—20 *см* в материковом суглинке, выше

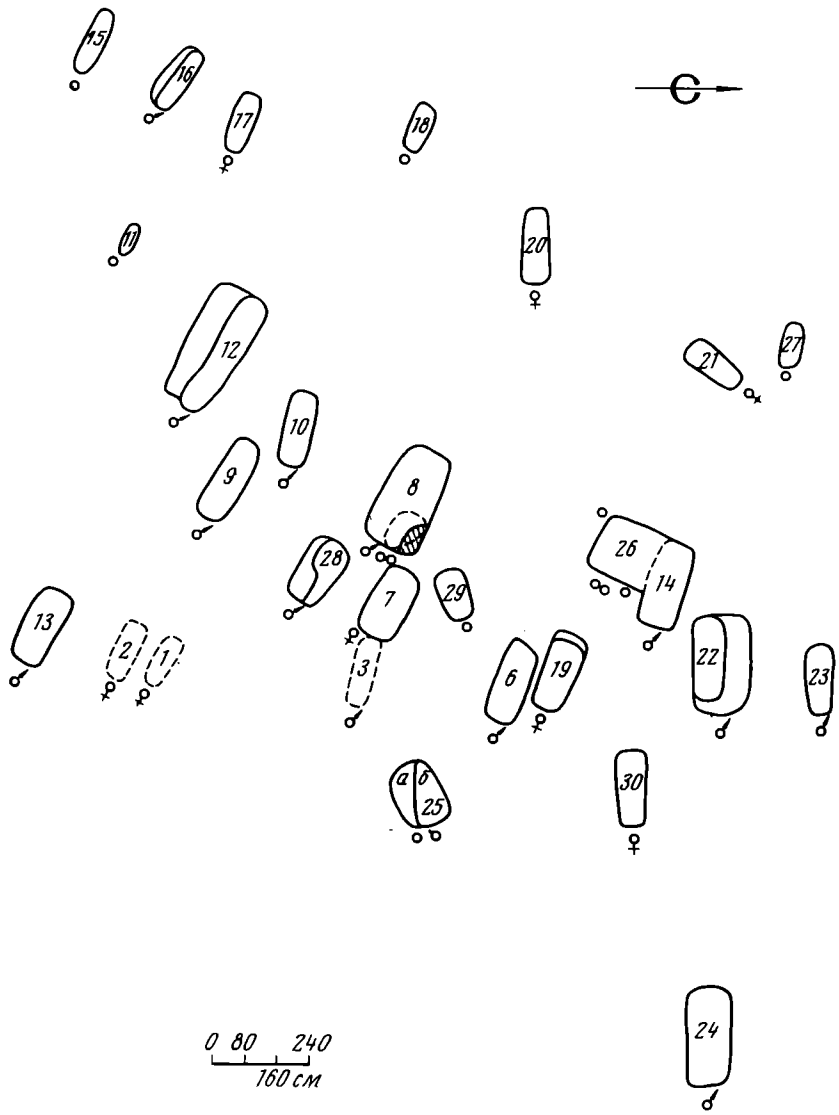



Рис. 1. План Больше-Тиганского могильника

чернозем). В четырех случаях в мужских могилах отмечены четкие односторонние заплечики шириной 50—70 *см*, высотой от дна 15—20 *см:* в трех случаях справа от погребенного (12, 16, 28) рис. 2*б*, в одном — слева (22). В женской могиле № 19 неширокое заплечико (15—20 *см*) было устроено в изголовье погребенной. Остальные могилы имеют вертикальные стенки и ровное дно.

Все погребенные уложены в могилах вытянуто на спине и ориентированы головой на запад или запад — северо-запад (азимуты 270—305°), в единичных случаях (21, 25, 29) на запад — юго-запад. В погр. 31, сильно потревоженном бульдозером, судя по отдельным предметам инвентаря, лежавшим in situ, можно предположить ориентировку головой на восток.

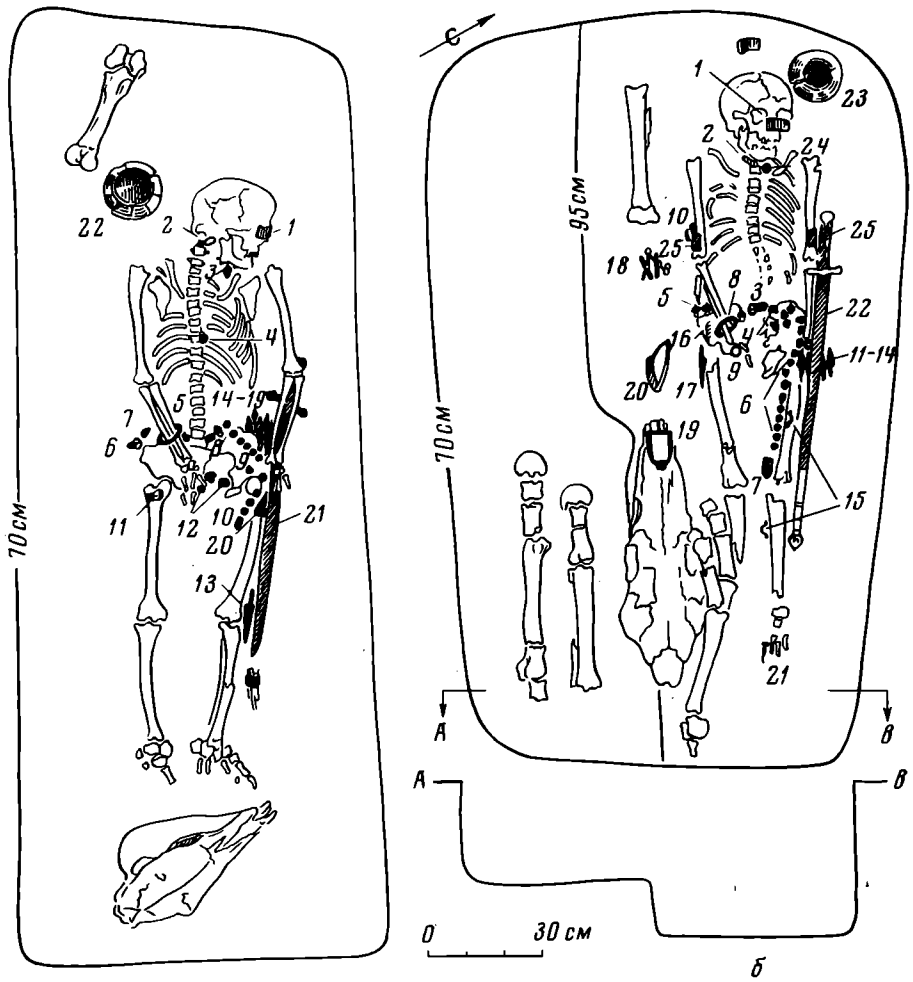



Рис. 2. Планы мужских погребений: *а* — погр 6: *1* — наглазники; *2* — серьга; *3* — подвеска; *4* — пуговка; *5* — браслет; *6—10* — детали поясного набора; *11, 12* — пряжка и бляшки от портупеи; *13* — нож; *14—19* — наконечники стрел; *20* — костяные накладки лука; *21* — сабля; *22* — сосуд; *б* — погр. 28: *1* — наглазник; *2* — пронизки от ожерелья; *3—7* — поясной набор; *8* — браслет; *9* — перстень; *10* — дужка от кресала; *11—14* — наконечники стрел; *15* — петли от колчана; *16* — пронизка от ремешка, на котором висел нож; *17* — нож; *18* — удила; *19, 20* — стремена; *21* — гвоздь; *22* — сабля; *23* — сосуд; *24* — диргем; *25* — нашивки на рукава

Руки обычно вытянуты вдоль корпуса, реже сложены на лоне (одна или обе). Под костяками, а иногда и поверх них, зафиксированы фрагменты досок от гробовищ, а также остатки войлока или грубой ткани, выстилавших дно. Встречаются также остатки покрытий из дубовой коры или бересты, в которую могли быть обернуты трупы. Во многих могилах, в засыпи и на дне, наблюдались включения углей и золы, а в детском погр. 18 поверх скелета обнаружены обуглившиеся деревянные плашки, скорее всего обожженная крышка гробовища. Видимо, огонь играл определенную роль в погребальном обряде, хотя трупосожжений и не встречено.

Погребенные хоронились в одежде, от которой сохранились фрагменты шелка, грубых шерстяных тканей, кожи и меха, и сопровождались различными вещами — украшениями, немногочисленными орудиями труда, а мужчины, кроме того, оружием. Характерен для могильника и обряд сопровождения умерших погребальной пищей. В 24 могилах найдены лепные глиняные сосуды, стоявшие обычно справа или слева у черепа. Девять могил, где посуда не встречена, принадлежали детям или женщинам

и лишь в одном случае мужчине. В мужском погр. 12, кроме глиняного сосуда, обнаружены остатки деревянной чашки с серебряными обкладками по краю. В погребении 16 рядом с сосудом лежала костяная ложка-лопаточка, а в погребении 24 такая лопатка была встречена без сосуда. Кости животных — остатки мясной погребальной пищи — обнаружены в 18 могилах, в основном в мужских, реже в женских и детских, причем чаще всего (12 из 18 случаев) — это крупная бедренная кость лошади, лежавшая, как правило, в изголовье, неподалеку от сосуда (рис. 2). В единичных случаях встречены ребра, крестцы или скопления нескольких раздробленных костей.

Половина могил взрослых — семь мужских (3, 6, 9, 10, 12, 23, 28) и четыре женских (2, 7, 19, 20) — сопровождались частичными захоронениями коней. В шести случаях — это черепа лошадей, в остальных — череп и кости ног. В ряде могил найдены, кроме того, хвостовые позвонки лошадей. Видимо, это захоронение шкуры коня вместе с головой, ногами и хвостом. Кости коней лежат у ног погребенных на 10—15 *см* выше дна могилы или непосредственно на дне — в пяти случаях справа от ног, в двух — слева и в двух — прямо перед ногами, а в погребениях 12 и 28 комплексы конских костей располагались на заплечиках справа от погребенного (рис. 2*б*). Череп коня, как правило, ориентирован резцами к голове погребенного, а кости ног сложены под черепом или рядом с ним. В погр. 28 рядом с костями коня находились стремена и удила, в погр. 12 — удила, а в погр. 23 — уздечный набор. В погр. 22 костей коня не было, но рядом с погребенным лежала уздечка, украшенная бляшками. В погребениях 9, 20, 23 прослежена необычная деталь — нижняя челюсть коня была отделена от черепа и положена рядом, иногда перевернута или положена сверху на череп коня (рис. 3).

Особенностью погребального ритуала Больше-Тиганского могильника является применение погребальных лицевых покрытий. В пяти могилах, причем только мужских (6, 12, 16, 24, 28), на лицевых костях, на глазницах, обнаружены наглазники — округлые или прямоугольные пластины из листового серебра с маленькими отверстиями по краям для пришивания (рис. 4, *1*). Под ними сохранились фрагменты ткани, видимо, лица умерших обертывались или покрывались тканью, на которую и нашивались наглазники. Обычно пластин две, но в погр. 28 была одна удлиненная — на оба глаза (рис. 5, *1*). Аналогичные пластины — удлиненная и подквадратная — найдены в кенотафе (погр. 8). Они лежали на кожаном лоскуте в западном конце могильной ямы там, где обычно находится голова погребенного.

Во всех без исключения погребениях встречены те или иные украшения и детали костюма — детали головных уборов, височные подвески и серьги, бусы, подвески к ожерельям, пуговки, женские накосники, перстни, браслеты, детали поясных наборов, серебряные нашивки на рукава и обувь. Остатки головных уборов, найденные в семи могилах, сопровождали только женские захоронения и были, видимо, специфически женской деталью костюма. От них сохранились фрагменты кожи, ткани и серебряные бляшки разнообразной формы: округлые с тройными или двойными выступами по двум сторонам (рис. 6, *1*; 7, *1*), сердцевидные с ушком (рис. 3, *2*), восьмеркообразные с перехватом (рис. 8, *1*). Эти бляшки украшали венчики, располагаясь по 30—35 штук в ряд, лишь в погр. 20 на венчике было три бляшки. Кроме венчиков с бляшками в состав головных уборов входили: в погр. 7 — шумящая подвеска (рис. 6, *2*), в погр. 17 — два наконечника ремня (рис. 7, *2*), в погр. 19 — миниатюрная серебряная пряжка и наконечник ремня, в погр. 20 — бисер, а в погр. 30 — медная спиралевидная пронизка.

Разнообразны височные подвески и серьги, в основном серебряные, иногда с позолотой. В женских погребениях они встречаются попарно, как правило, массивны и, видимо, крепились к венчикам головных уборов по

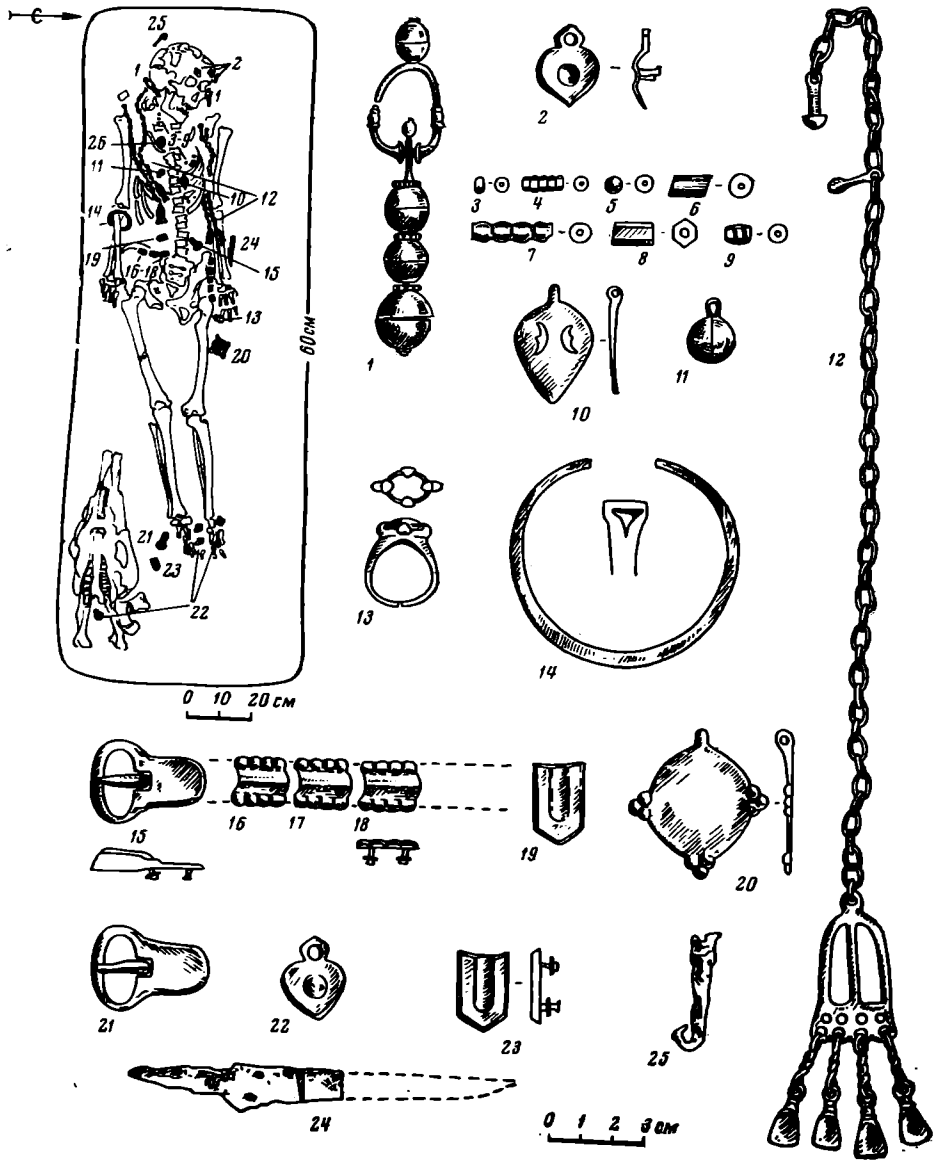



Рис. 3. Больше-Тиганский могильник. Погребение 20: *1* — височная подвеска; *2* — накладка с головного убора; *3—9* — бусы и бисер; *10* — подвеска к ожерелью; *11* — пуговица; *12* — цепочка с шумящей подвеской на конце; *13* — перстень; *14* — браслет; *15—19* — детали поясного набора; *20* — подвеска (к поясу?); *21—23* — детали ременного набора, лежавшие на стопах; *24* — нож; *25* — железный крючок

одной с каждой стороны: в погр. 1, 17, 21 — литые с полуовальным кольцом и ажурным прорезным щитком прямоугольной или трапециевидной формы (рис. 7, *3*; 8, *6*, *7*), в погр. 7 и 30 — составные с овальным кольцом и булавообразным напуском на стержне, украшенным зернью (рис. 6, *3*), в погр. 19 и 20 — составные с овальным кольцом и нанизанными на стержень крупными металлическими бусами с прокладками зерни между ними (рис. 3, *1*). Из разрушенных, видимо, женских погребений происходят литые плоские височные подвески с овальным кольцом и расплющенной привеской (рис. 8, *5*). В двух случаях височные подвески в женских захоронениях были соединены цепочками, лежавшими под нижней челюстью в области шеи и, очевидно, при ношении свободно свисавшими под подбородком (рис. 9). В мужских и детских могилах серьги более миниатюрны (у мужчин, как правило, лишь одна серьга с правой стороны): салтов-

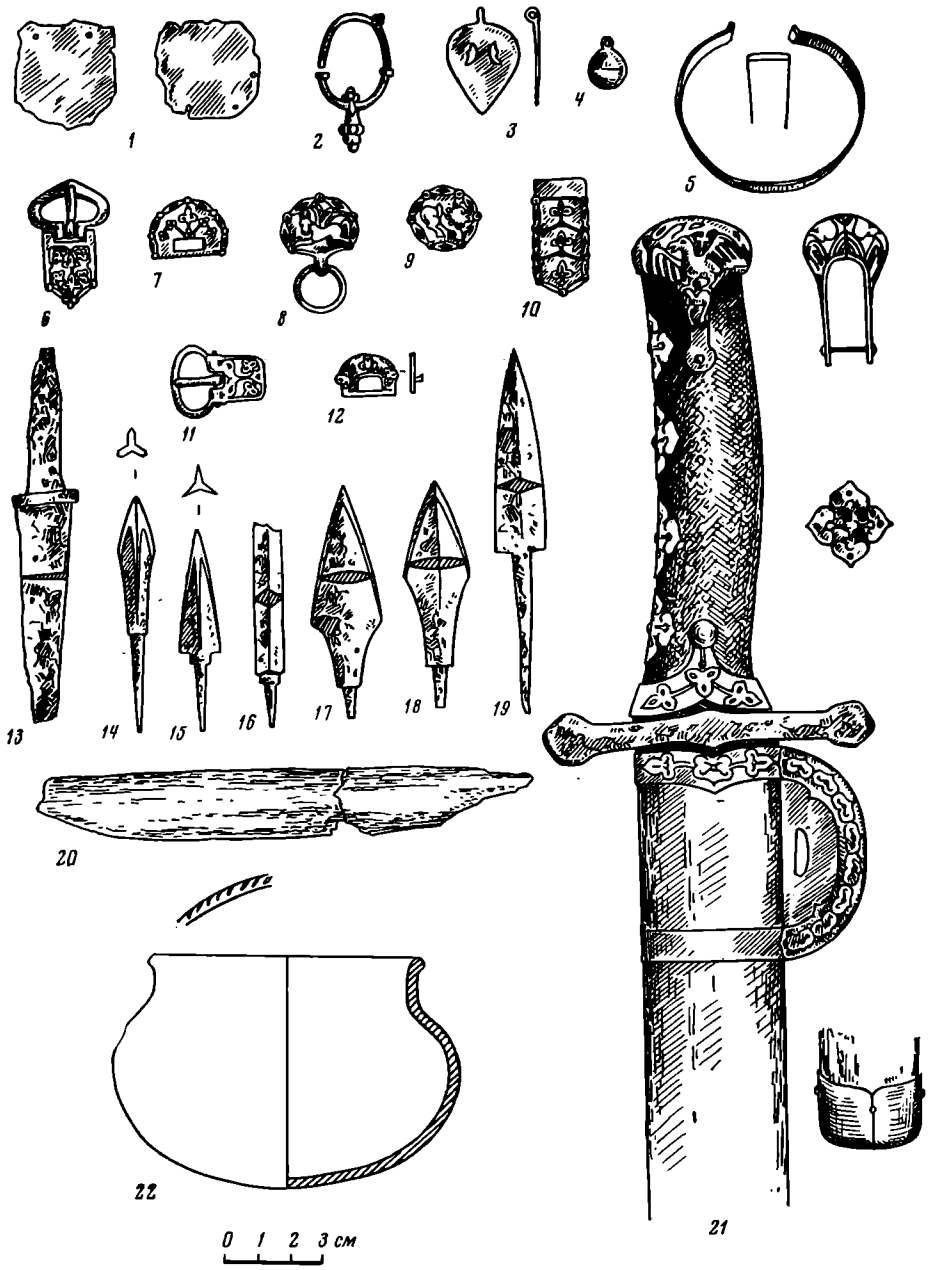



Рис. 4. Больше-Тиганский могильник. Комплекс вещей из погребения 6: *1* — серебряные пластины-наглазники; *2* — серьга; *3* — подвеска; *4* — пуговка; *5* — браслет; *6—10* — детали поясного набора; *11, 12* — пряжка и бляшка от ремня (портупеи?); *13* — нож; *14—19* — наконечники стрел; *20* — костяная накладка на лук; *21* — сабля (реконструкция); *22* — сосуд

ского типа литые с овальным колечком и стерженьком, украшенным вздутиями (рис. 8, *3*), с гроздевидной привеской (рис. 8, *4*), простые колечки (рис. 8, *2*) и проволочные овальные.

Бус и бисера в погребениях относительно немного, и они более однообразны. Преобладают многочастные бусы с металлической прокладкой (рис. 3, *4*, *7*), а также желтый и синий, редко зеленый и белый бисер (рис. 3, *3*). Остальные бусы единичны: стеклянные синие и зеленые рубленые шестигранные в сечении (рис. 7, *11*); синие, реже желтые и белые, рубленые цилиндрические (рис. 3, *6*), синие многочастные (рис. 7, *8*); синие и желтые шаровидные (рис. 7, *4*); глазчатые (рис. 6, *17*) и мозаичные (рис. 6, *15, 16*). В одном — двух экземплярах встречены также

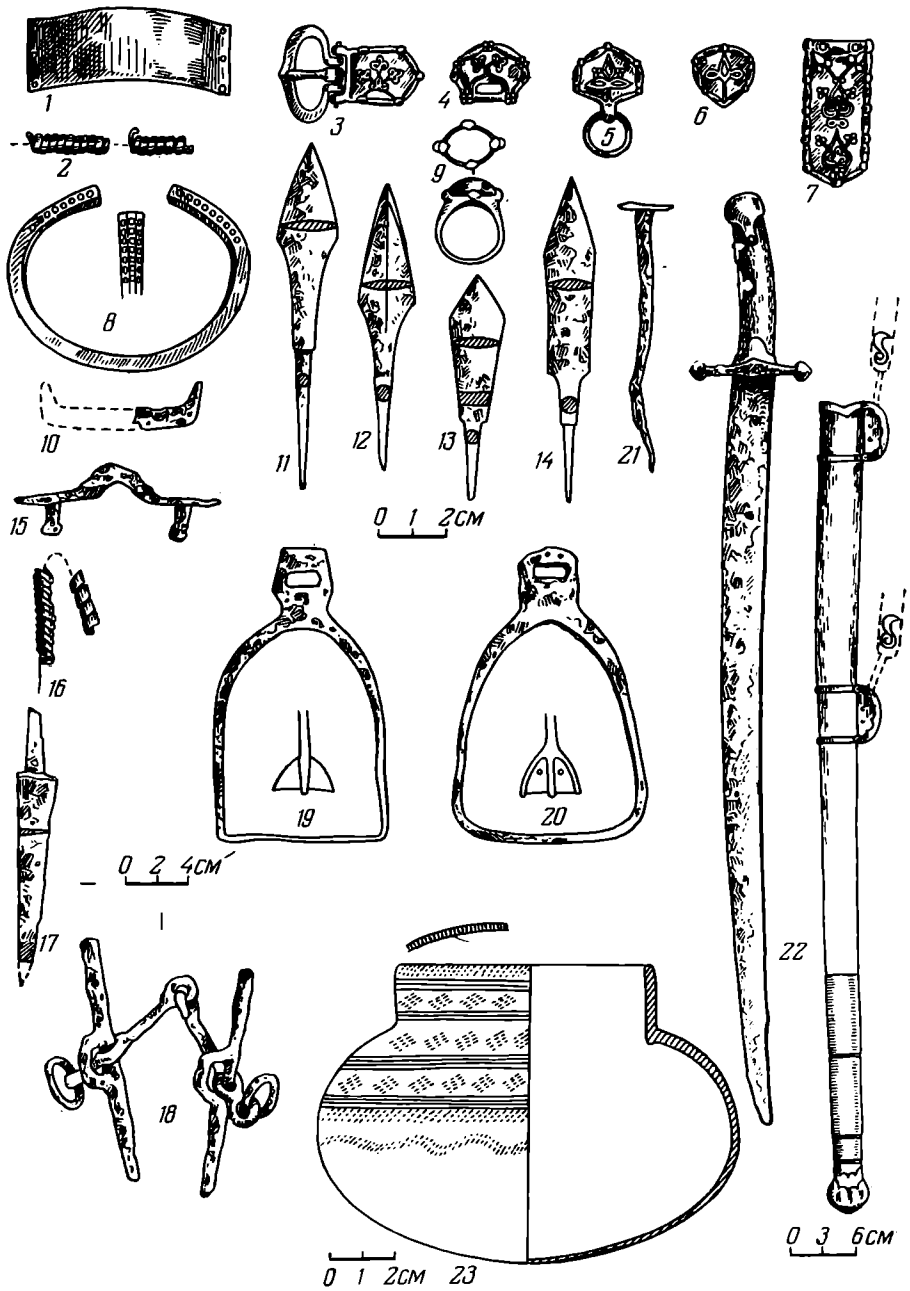



Рис. 5. Больше-Тиганский могильник. Комплекс вещей из погребения 28. *1* — серебряный позолоченный наглазник; *2* — спиральные пронизи (со шнурка, на котором был подвешен диргем); *3—7* — детали поясного набора; *8* — браслет; *9* — перстень; *10* — кресало; *11—14* — наконечники стрел; *15* — петля от колчана; *16* — спиральные пронизи от ремешка, на котором был подвешен нож; *17* — нож; *18* — удила; *19, 20* — стремена; *21* — гвоздь; *22* — сабля и реконструкция ножен; *23* — сосуд

бипирамидальные голубого прозрачного стекла, сердоликовая 14-гранная, круглая и бипирамидальная из озокерита (гешира), граненая из горного хрусталя, таблетковидные перламутровые, каплевидная бусина-подвеска из зеленого стекла и лунница из пасты (рис. 8, *8*, *9*). В составе ожерелий в отдельных женских и детских захоронениях встречены раковины-каури, а у детей — просверленные клыки кабана. У мужчин ожерелья скромны и состоят из четырех — пяти многочастных бусин или бисеринок. У женщин количество бус и бисера колеблется от 30 до 150 штук (преобладает

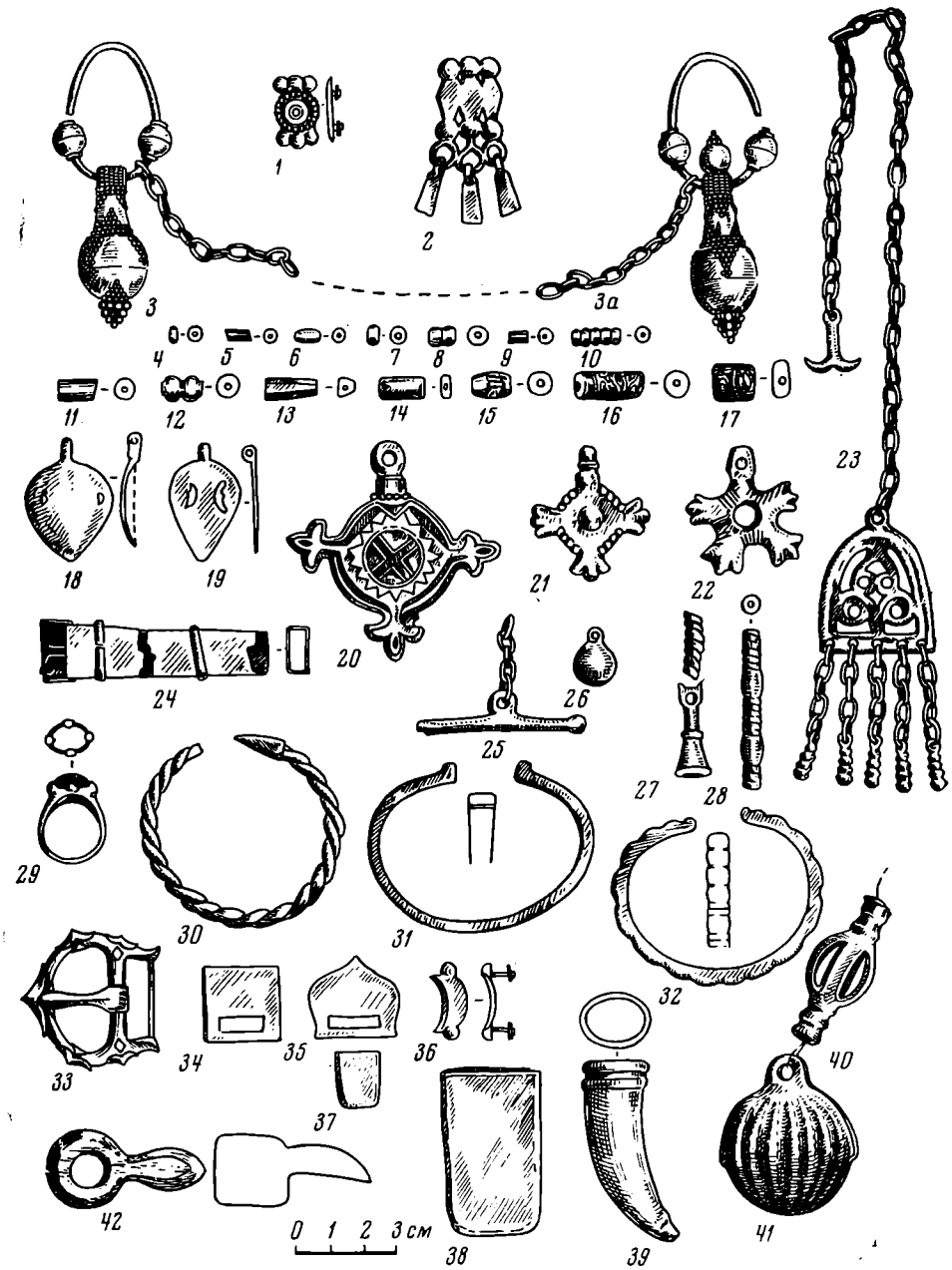



Рис. 6. Больше-Тиганский могильник. Комплекс вещей из погребения 7. *1* — накладка с венчика головного убора; *2* — шумящая подвеска с затылочной части головного убора; *3—3а* — височные подвески; *4—17* — бисер и бусы; *18—22* — подвески к ожерелью и одежде; *23* — шумящая подвеска с цепочкой; *24* — предмет из листовой меди (застежка?); *25* — подвеска-«костылек» с цепочкой; *26* — бубенчик; *27* — колокольчиковидная подвеска и спиральная пронизка; *28* — пронизка; *29* — перстень; *30—32* — браслеты; *33—38* — детали поясного набора; *39—41* — подвески к поясу; *42* — костяное навершие стека

бисер), лишь в погр. 7 количество их превысило 700. К числу шейных украшений относятся довольно многочисленные подвески (более 60 экз.), литые или штампованные, почти во всех случаях серебряные, разной формы — гладкие монетовидные с напаянным ушком или пробитым отверстием (рис. 7, *14*), листовидные (рис. 8, *10—12*), фигурные (рис. 8, *13*), ромбические с выступами (рис. 8, *14*). Особенно характерны для могильника листовидные подвески плоские или слегка выпуклые, гладкие или чаще с прорезями, встреченные в 12 мужских, женских и детских погре-

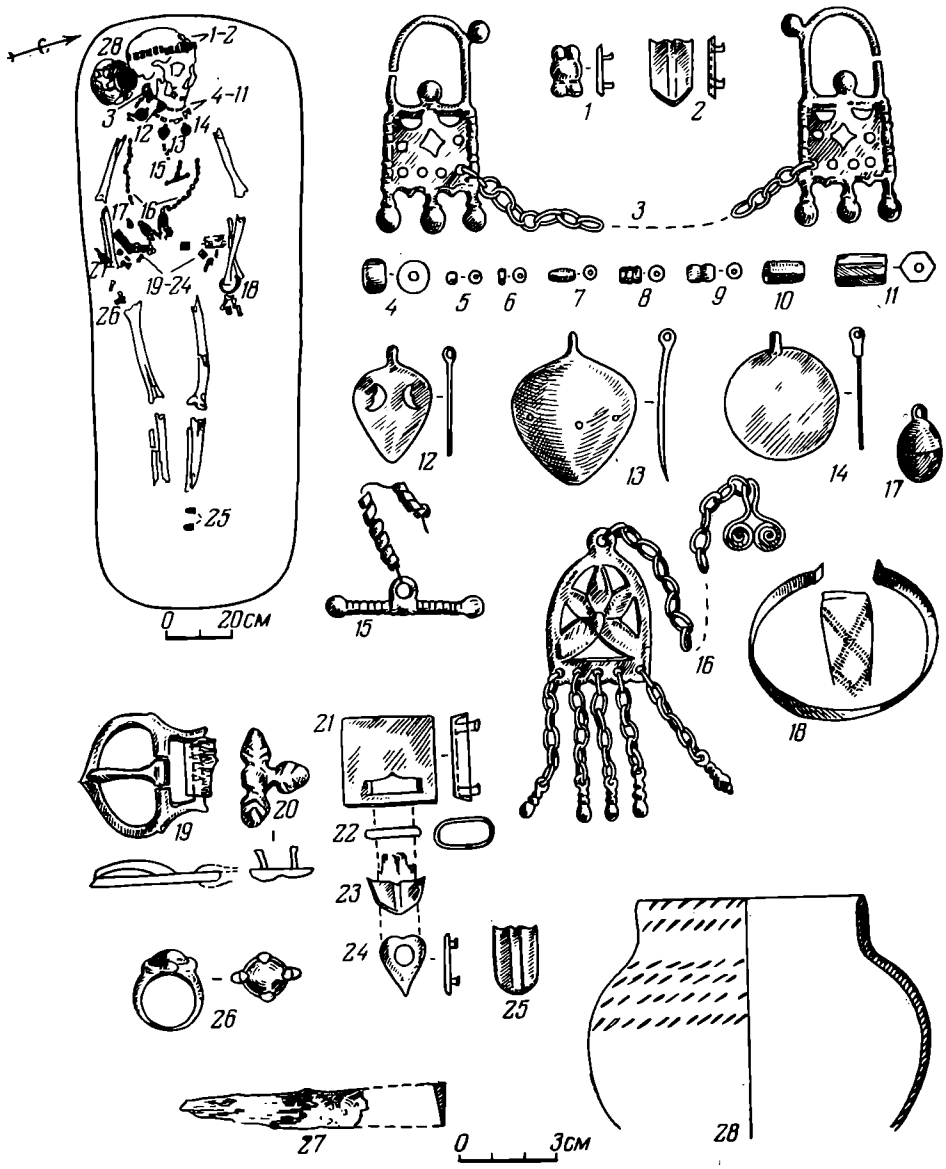



Рис. 7. Больше-Тиганский могильник. Погребение 17. *1* — накладки с венчика; *2* — наконечник ремня от головного убора; *3* — височные подвески; *4—11* — бусы и бисер; *12—14* — подвески к ожерелью; *15* — подвеска-«костылек» и спиральная пронизка; *16* — шумящая подвеска с цепочкой; *17* — пуговица; *18* — браслет; *19—25* — детали поясного набора; *26* — перстень; *27* — нож; *28* — сосуд

бениях: у мужчин — по одной на шее, у женщин — наборы по 3—5 шт. Подвески крепились к ожерельям из бус или составляли отдельные ожерелья на шнурках, чередуясь со спиралевидными пронизями (рис. 9). В погр. 7 литые фигурные подвески (рис. 6, *20—22*) лежали попарно в верхней и нижней части груди и в нижней части таза. Видимо, они украшали верхнюю одежду (рис. 10). В шести погребениях (8, 8*а*, 10, 20 27, 28) в качестве подвесок к ожерельям найдены восточные монеты. Мы полагаем, что в качестве подвесок к ожерельям, причем исключительно у женщин, использовались и коромысловидные с шариками на концах «костыльки». Найденные в четырех женских погребениях (в трех in situ на груди), они были подвешены на цепочках (рис. 6, *25*) или шнурках, продетых сквозь спиралевидные пронизки (рис. 7, *15*). Довольно часты во всех погребениях медные пуговки (по 1—2 штуки), всего более 20 экз.— полые из двух половинок (рис. 7, *17*), полые цельнолитые

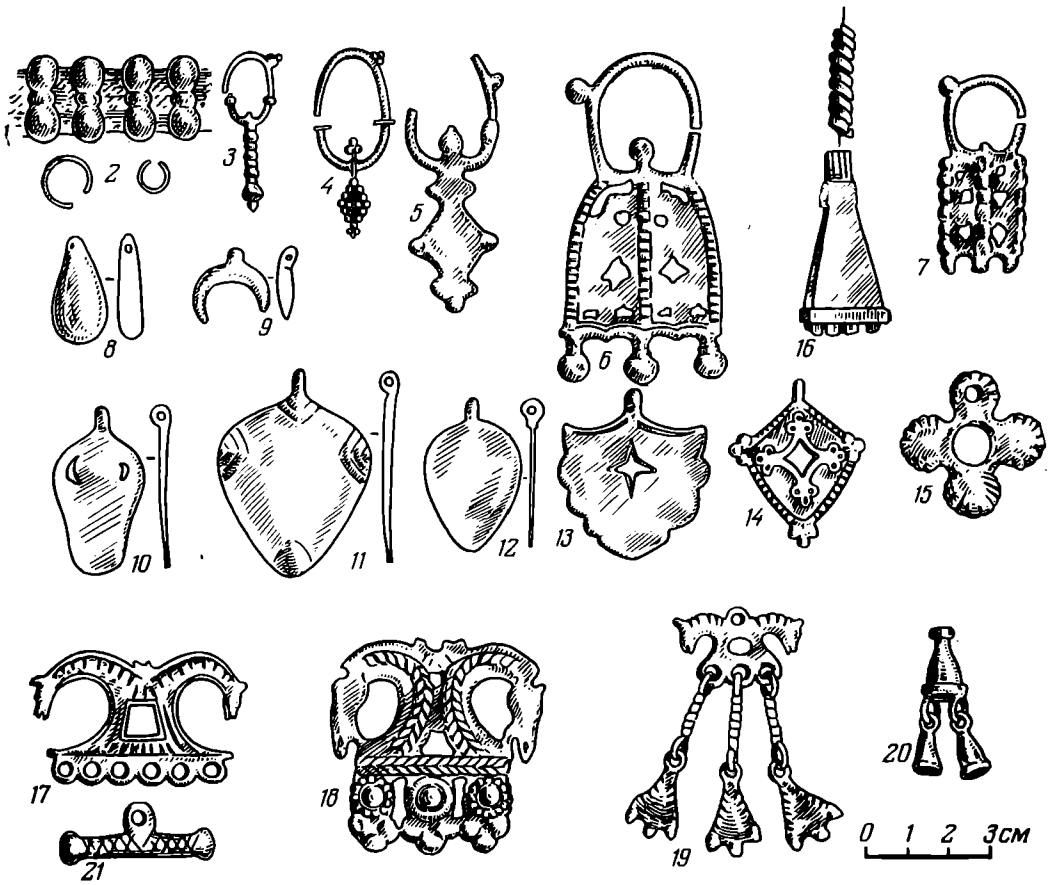



Рис. 8. Больше-Тиганский могильник. Женские и детские украшения: *1* — накладки головного убора (погр. 30); *2—7* — серьги и височные подвески (*2* — погр. 11; *3* — погр. 8*а*; *4* — погр. 9; *5, 6* — погр. 4—5; *7* — погр. 21); *8, 9* — бусы (погр. 27 и 8*а*); *10—16* — подвески к ожерельям и поясам (*10, 11* — погр. 1; *12—14* — погр. 19; *15, 16* — погр. 27); *17—21* — подвески к косам (*17, 18* — погр. 2; *19* — погр. 4, 5; *20* — погр. 8*б*); *21* — подвеска-«костылек» (погр. 2)

с прорезью в нижней части (рис. 6, *26*), сплошные литые. В детском погр. 18 найден полый круглый бубенчик-погремушка из листовой меди с железным грузиком внутри.

Специфически женским и девичьим украшением являются шумящие подвески, прикрепленные к медным цепочкам длиной 30—35 *см* и лежавшие попарно на груди (а в погр. 20 по две с каждой стороны груди — рис. 3). Очевидно, они вплетались в косы (рис. 9). На другом конце цепочек прикреплены грузики — очковидные привески, литые пуговки или якорьки, служившие, по всей вероятности, зацепами, чтобы подвески с цепочками не выпадали из кос. Преобладают шумящие подвески с ажурным щитком арочной формы (14 экз.): с изображением пятилепестковой розетки (рис. 7, *16*), спиральными завитками (рис. 6, *23*) или прорезные (рис. 3, *12*). Из разрушенных погребений происходят три конько-вых подвески (рис. 8, *17—19*), а из детского погр. 8*б* — колокольчиковидные с миниатюрными привесками (рис. 8, *20*).

Во многих погребениях — мужских, женских и детских — найдены перстни и браслеты, обычно по одному, а у женщин иногда по два — три экземпляра. Перстни (21 экз.) все одного типа — с гнездом для вставки и четырьмя захватами (рис. 3, *13*). Они выполнены обычно из серебра и отличаются лишь размерами и формой гнезда и вставки. Вставки изготовлены из зеленого, синего или красноватого стекла, в двух случаях из сердолика. Браслеты (26 экз.), преимущественно бронзовые, напротив, очень разнообразны: пластинчатые с чуть приподнятыми концами, без

Рис. 9. Больше-Тиганский могильник; реконструкция женского костюма по материалам погр. 17

орнамента и орнаментированные насечками (рис. 7, *18*); дротовые — круглые или слегка овальные в сечении с приостренными или ровными концами; прямоугольные в сечении с расплющенными концами, украшенными треугольными выемками (рис. 3, *14*) или со слегка загнутыми концами, украшенные насечками (рис. 6, *31*); шести- и восьмигранные с расширяющимися концами без орнамента или с кружковым орнаментом на трех — пяти наружных гранях (рис. 5, *8*); прямоугольные в сечении с волнистой наружной поверхностью, дополнительно украшенной нарезками (рис. 6, *32*); круглопроволочные (диаметр 2—3 *мм*) с приостренными концами; витые из двух проволок (рис. 6, *30*), а также витые из двух проволок и дополнительно перевитые тонкой сканной проволочкой.

Особенно интересны поясные гарнитуры могильника, детали которых встречены в 23 погребениях — почти во всех взрослых и двух детских[2].

[2] В это число включены наборы из кенотафов, не исключено, однако, что здесь имели место ременные перевязи, на которых носились сабли.

В 20 погребениях наборы представлены пряжками, бляшками разной формы и наконечниками ремней; в детском погр. 18 — пряжкой и наконечником, в женском погр. 21 — одной лишь бронзовой пряжкой и в потревоженном погр. 31 — наконечником. В женском погр. 7 встречены, кроме того, подвески к поясу, крепившиеся на тонких кожаных ремешках и состоявшие из пронизей со вздутиями, рожковидных и шаровидных привесок (рис. 6, *39—41*; 10). В детском погр. 29 пояс был украшен обоймочками из листового серебра и монетовидными подвесками.

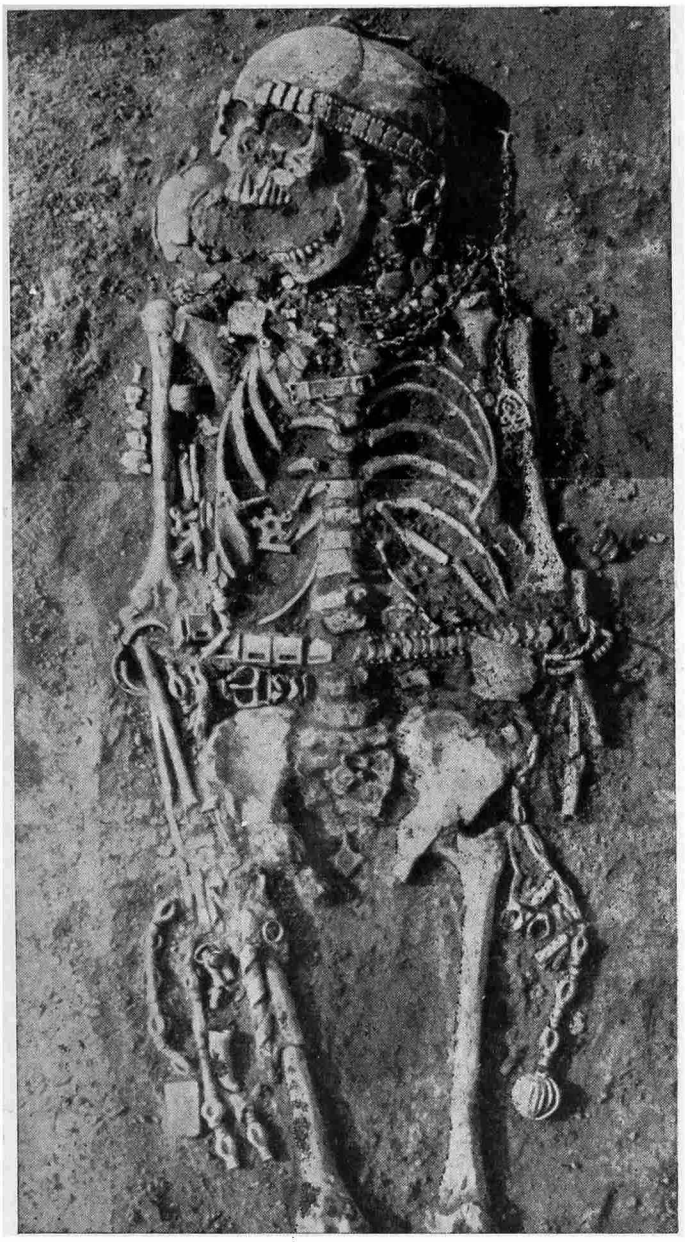


Рис. 10. Больше-Тиганский могильник. Погр. 7

В женском погр. 20, кроме основного поясного набора, несколько бляшек, наконечник и пряжка обнаружены на стопах (рис. 3, *21—23*). Мы полагаем, что здесь наборным ремнем были завязаны ноги. Аналогичная картина наблюдалась и в женском погр. 17, где у стоп находилось два наконечника ремня (рис. 7, *25*), а в мужском захоронении 24, кроме основного набора, второй найден у колен, концевой ремешок от него шел вверх вдоль правого бедра и заканчивался наконечником выше таза у лучевых костей правой руки. Может быть, и здесь этим вторым ремнем были перевязаны ноги. Детали поясных наборов выполнены в большинстве случаев из серебра в технике литья, реже штамповки, и украшены, как правило, изящным орнаментом. Литой узор иногда дополнен гравировкой, а фон позолочен. Орнамент на литом серебряном наборе из погр. 12 целиком нанесен тонкой гравировкой (рис. 11, *1—5*).

Среди пряжек (общее количество 26) преобладают щитковые. Половина из них с подвижным шарнирным соединением (типа рис. 4, *6*), остальные имеют щиток, неподвижно скрепленный с рамкой (типа рис. 4, *11*). В семи наборах встречены пряжки без щитков с прямоугольным «приемником» для крепления к ремню. Среди них представлены крупные серебряные пряжки с «лировидной» рамкой, украшенной рельефным орнаментом (рис. 6, *33*), и более миниатюрные с овальной рамкой

Рис. 11. Больше-Тиганский могильник. Поясные наборы. *1—5* — погр. 12; *6—9* — погр. 14; *10—14* — погр. 16; *15—17* — погр. 24

(рис. 11, *10*). Поясные бляшки по форме разнообразны: квадратные, арочные, овальные, сердцевидные, округлые, в форме полумесяца с шишечками у концов, гладкие и прорезные, а также бляшки с ушком и продетым в него подвижным колечком. Наиболее распространенным орнаментальным мотивом в украшении поясных наборов является трилистник, встречающийся в разных вариантах: одиночный трилистник, окаймленный бордюром (рис. 11, *12, 13*); серия трилистников, расположенных друг над другом в виде древа жизни (рис. 11, *5, 14*); сложные композиции из трилистников (рис. 11, *6*). Часто трилистники дополняются изображением строенных ягод (рис. 11, *1—5*). Следует отметить, что в большинстве случаев контуры отдельных листьев в трилистнике обрисованы достаточно четко, т. е. стилизация фактически отсутствует. Стилизованный трилистник в комбинации с пальметкой, характерный для прикладного искусства салтовской культуры [3], встречается значительно реже.

[3] *Н. Я. Мерперт.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, XXIII, 1955, стр. 136; *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. М., 1967, стр. 162, 163.

Рис. 12. Больше-Тиганский могильник. Наконечник ремня из погр. 23 (лицевая (*1*) и оборотная (*2*) стороны)

Очень своеобразен и характерен для могильника выпуклый бордюр по краям бляшек, наконечников и пряжек, составленный из чередующихся овальных и круглых звеньев. Он отмечен почти на всех литых наборах (рис. 4, *7—10*; 5, *3—7*), в общей сложности более чем на ста предметах. Помимо растительных узоров, на деталях поясных наборов представлены изображения животных, преимущественно фантастических, и человеческих фигур. В сюжетах и их трактовке ощущается влияние восточного, и в частности иранского, сасанидского искусства. Особенно любопытны изображения крылатых коней (рис. 4, *8*; 12), грифонов (рис. 12), крылатых собак — сенмурвов (рис. 11, *15*), драконов (рис. 11, *17*). В целом художественный стиль изделий очень выразительный и достаточно своеобразный.

Несколько необычные находки сделаны в трех мужских могилах. В погр. 16 и 28 на костях обоих предплечий ближе к локтю, а в погр. 24

только на правом предплечье обнаружены небольшие четырехугольные пластины (3×4 *см*) из листового серебра с отверстиями для пришивания, крепившиеся, видимо, в свое время к рукавам одежды (рис. 2, *б*, *25*). В погр. 24 такие же пластины, но ромбической формы, найдены на ногах (сзади у щиколоток). По всей вероятности, здесь они украшали обувь.

Орудия труда в погребениях очень немногочисленны. В пяти женских, 12 мужских и двух детских захоронениях найдены ножи, лежавшие в разных местах,— у левой руки, между берцовыми костями, под черепом. Но чаще всего нож был подвешен к поясу справа на кожаном ремешке, продетом сквозь спиралевидные пронизи (рис. 5, *16—17*). Все ножи (19 экз.) принадлежат к одному типу и имеют небольшие уступы-упоры при переходе от черенка к лезвию. Отличаются они лишь размерами: у мужчин, как правило, ножи более крупные (длина лезвия 9—13 *см*), у женщин и детей более миниатюрные (лезвие 6—8 *см*). В двух случаях сохранились деревянные чехлы от ножей, с обкладками из листового серебра. Шилья (2) встречены в одном женском и одном мужском погребениях (9 и 19), две иглы (с обломанными ушками) — в погребении подростка под черепом (погр. 15). В семи мужских могилах найдены кресала и кремни, обычно справа у таза рядом с ножом. По всей вероятности, они были подвешены к поясу в специальных мешочках из ткани, отпечатки которой иногда встречаются на кресалах. Кресала сильно корродированы и сохранились во фрагментах. Форму удалось проследить лишь в двух случаях — в обоих это узкие железные пластинки с загнутыми концами, крепившиеся к деревянной рукоятке. Длина ударной части 4—5 *см* (рис. 5, *10*).

В женском погр. 7 рядом с погребенной был положен деревянный стек длиной 50 *см* с костяным навершием клювовидной формы (рис. 6, *42*), обернутый по всей длине узкой медной лентой. Последняя крепилась к деревянной основе мелкими гвоздиками.

Оружие, происходящее исключительно из мужских могил, представлено саблями, наконечниками стрел и остатками луков.

Сабли — важнейший и дорогой вид оружия эпохи раннего средневековья — довольно частая находка в Больше-Тиганском могильнике. Из 13 мужских захоронений, включая два кенотафа, происходят восемь сабель. Обычно они лежали слева от погребенных и лишь в погр. 24 справа. Все сабли относятся к одному так называемому хазарскому типу — ранней форме в развитии сабель. Все они однолезвийные, слабоизогнутые, короткоконечные (рис. 5, *22*). Длина клинков 70—75 *см*, ширина у рукояти 3—3,5 *см*, Стержень рукояти длиной 9—10 *см* всегда несколько наклонен в сторону лезвия, а заостренный конец клинков чуть приподнят в противоположную, т. е. лезвия очень незначительно выгнуты. Длина всей сабли (вставленной в ножны) с деревянной частью рукояти и металлическим, часто серебряным, навершием, обычно венчающим рукоять,— 90—100 *см*. Навершия, как правило, литые из двух половин с округлым верхом и двумя отходящими вниз боковыми выступами — «язычками». Перекрестия — железные, напускные, длиной около 9 *см*, с расширением посередине, в большинстве случаев прямые с расплющенными овальными или подромбической формы концами. Есть также единичные экземпляры со слегка опущенными вниз концами, завершающимися шарообразными утолщениями. От ножен сохранились фрагменты дерева и кожи, обоймы, к которым крепились петли для подвешивания сабель к поясу, и в ряде случаев обкладки из листового серебра и литые серебряные наконечники, иногда с позолотой. Петли для подвешивания сабель к поясу имеют деревянную основу в виде полуовала, облицованную серебряной пластиной или кожей и окантованную по краю металлической обоймой. В центре петель — бронзовые или железные скобки, куда зацеплялись ремешки. Детали оформления сабель и ножен, в частности орнаментальное оформление накладок петель и т. д. различны.

В качестве примера приведем саблю из погр. 6 (рис. 4, *21*). Навершие рукояти — литое из серебра со сложным орнаментом. В центре композиции — орел с распростертыми крыльями, держащий в когтях какое-то животное с длинными ногами. Изображение птицы и особенно трактовка крыльев очень близки изображениям на поясных бляхах из Салтовского могильника[4]. Ниже навершия по ребру рукояти располагаются четыре ромбические накладки из серебра с гравированным орнаментом в виде стилизованных трилистников и утолщениями в центре, предотвращающими скольжение рукояти. Серебряные обоймы, охватывающие нижнюю часть рукояти и верхний край ножен, украшены гравированным изображением трилистников с пальметкой в центре. Узор из пальметок украшает и серебряные окантовки петель на ножнах. На конце ножен — обкладка из листового серебра.

Разнообразны наконечники стрел, найденные в одиннадцати мужских погребениях в количестве от трех до десяти штук в каждом: один втульчатый ромбовидной формы, остальные черешковые — трехлопастные, плоские и граненые. Трехлопастные представлены тремя типами — треугольные[5] (рис. 4, *15*) — 4 экз.; с расширением в верхней половине острия (рис. 4, *14*) — 1 экз. и шестиугольные — 1 экз. Плоские: ромбовидные гнездовского типа с расширением в нижней трети пера (рис. 4, *17*) — 4 экз., ромбовидные с расширением в середине пера и пропорциями пера 1:2 — 1 экз.; пяти- и шестиугольные (рис. 5, *14*) — 6 экз.; килевидные с пропорциями 1:3 или 1:4 (рис. 4, *19*) — 8 экз.; килевидные с расширением в нижней половине пера (рис. 5, *12*) — 8 экз.; ромбовидные с прямыми или слегка выпуклыми сторонами и прямыми плечиками, с наибольшим расширением в верхней половине пера (рис. 5, *13*) — 2 экз.; такие же, но с выпуклыми сторонами и вогнутыми плечиками (рис. 5, *11*) — 4 экз.; ланцетовидные с круглой шейкой и упором — 2 экз.; срезни: двурогий с вогнутыми боковыми и выпуклыми режущими сторонами — 1 экз. и в виде прорезной лопаточки — 1 экз. Бронебойные граненые также представлены несколькими типами: в виде кинжальчиков ромбического сечения — 5 экз.; узкие шиловидные ромбического сечения с перехватом у черешка — 4 экз. и квадратного сечения с простым упором (рис. 4, *16*) — 4 экз. Стрелы, лежавшие в большинстве случаев справа или слева у ног погребенных, были вложены в колчаны, от которых в трех погребениях сохранились петли — железные (рис. 5, *15*) или бронзовые и в одном случае — железный крючок. В восьми погребениях встречены костяные накладки больших сложных луков, обычно срединные, по две штуки (рис. 4, *20*).

Детали конской сбруи, найденные в могилах, немногочисленны. Удила (2 экз.) — двусоставные, с перегибами, в одном случае с эсовидными, в другом — с прямыми гвоздевидными (рис. 5, *18*) железными псалиями. Стремена (2 экз.) имеют овальную верхнюю часть, но отличаются по форме подножек и петель. В одном случае подножка прямая, плоская, укрепленная одним жгутом, а основание петли для путалища подпрямоугольное (рис. 5, *19*), в другом — подножка слегка округлая, укрепленная тремя жгутами, а петля овальная (рис. 5, *20*). Найдены также бронзовые кольца от уздечек, служившие для соединения трех ремней. Три экземпляра этих колец из погр. 22 орнаментированы шестилепестковой розеткой в центре.

Погребальная посуда представлена остатками деревянной чаши (сохранились серебряные обкладки края) и 24 глиняными сосудами. Все сосуды лепные. В тесте, кроме мелкого песка, встречаются растительные

---

[4] *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 150, рис. 40, *10*.

[5] Здесь и в дальнейшем мы придерживаемся классификации стрел, данной А. Ф. Медведевым (*А. Ф. Медведев.* Ручное метательное оружие. САИ, Е1—36. М., 1966).

примеси. Обжиг неровный. Цвет темно-коричневый, иногда черный. Сосуды имеют небольшие размеры (диаметр горла от 4 до 8 *см*, тулова от 7 до 14 *см*, высота 6—9 *см*), тонкие стенки (2—3 — редко 4 *мм*) и следы лощения на наружной поверхности. Форма однотипна: округлое дно, шаровидное или реповидное тулово и невысокая (1—2 *см*) шейка. По форме верхней части выделяются две разновидности — с цилиндрической горловиной и резким переходом от горла к тулову (рис. 5. *23*) и со слегка

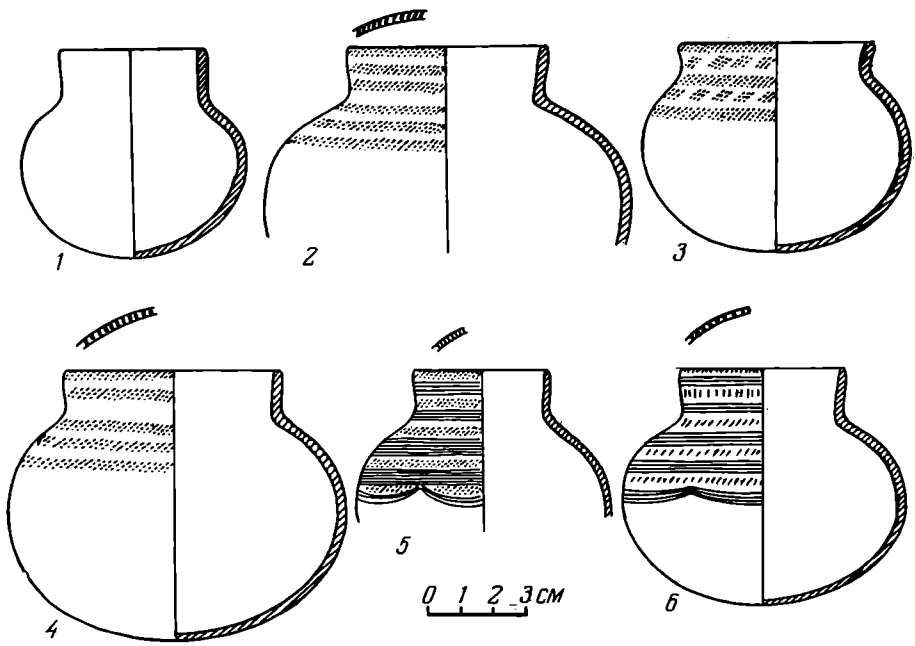



Рис. 13. Больше-Тиганский могильник. Керамика. *1* — погр. 23; *2* — погр. 7; *3* — погр. 10; *4* — погр. 14; *5* — погр. 29; *6* — погр. 13

отогнутой наружу шейкой и более плавным переходом (рис. 13, *3*). Преобладают сосуды первой разновидности. Абсолютное большинство сосудов орнаментировано по шейке, плечикам и верхней части тулова. Орнамент, как правило, выполнен с большой тщательностью и состоит из пяти-шести горизонтальных поясков, составленных из оттисков короткого мелкозубчатого штампа, чередующихся иногда поясками тонких резных линий. Внизу орнаментальный узор часто завершается фестонами, нанесенными по тулову резными линиями или оттисками того же мелкозубчатого штампа (рис. 13, *5—6*). На некоторых сосудах весь орнамент выполнен тонкими резными линиями, но сохраняет ту же композицию (рис. 13, *6*). Венчики покрыты тонкими насечками. Во многих случаях орнаментирован насечками и верхний край горловины внутри сосудов. В целом вся керамика могильника относится к типу, известному под названием куштаренковского, иллюстрируя поздние этапы его развития[6].

Многие типы вещей из Больше-Тиганского могильника были широко распространены в последней четверти I тысячелетия н. э. в степной и лесостепной полосе Восточной Европы и хорошо представлены, в частности, в могильниках салтовской культуры. Сюда относятся сабли, многие типы наконечников стрел, удила с эсовидными и гвоздевидными псалиями, оба

[6] В одной из последних статей В. Ф. Генинг предложил именовать керамику этого типа куштерякской (*В. Ф. Генинг.* Южное Приуралье в III—VII вв. Сб. «Проблемы археологии и древней истории угров». М., 1972, стр. 267), однако мы считаем более целесообразным сохранить старое название, прочно утвердившееся в археологической литературе.

типа стремян — с плоской и округлой подножкой, некоторые типы поясных наборов, круглопроволочные браслеты, перстни со вставками и четырьмя лапками-захватами, бронзовые пуговки, коромыслообразные подвески — «костыльки», многие типы бус и некоторые височные подвески — цельнолитые со стерженьком, украшенным вздутиями (рис. 8, *3*), и составные с нанизанными на стержень металлическими бусами (рис. 3, *1*). Аналогии этим вещам в салтовских памятниках хорошо известны и датированы[7]. Большинство из них, в частности украшения — лапчатые перстни со вставкой, коромыслообразные подвески с петлей, литые и составные серьги с бусами на стержне — характерны для катакомб первой группы Дмитровского могильника, которые С. А. Плетнева датировала концом VIII — первой половиной IX в.[8]. Что касается остальных вещей нашего могильника, не представленных среди салтовских древностей (в основном это украшения женского костюма, некоторые детали поясных наборов и керамика), то они имеют яркие параллели в памятниках второй половины VIII—IX в. в Верхнем Прикамье и особенно в Башкирии.

Височные подвески с булавообразным напуском, украшенные зернью (рис. 6, *3*); литые сережки с гроздевидной привеской (рис. 8, *4*); пластинчатые, витые и граненые браслеты; шумящие подвески — коньковые (рис. 8, *17—19*) и арочные со спиральными завитками на щитке (рис. 6, *23*); плоские подвески в виде четырехлепестковой розетки (рис. 8, *15*); рожковые и колокольчиковидные привески к поясам (рис. 6, *39*); пронизи со вздутиями — прорезные и без прорезей на вздутиях (рис. 6, *28, 40*) — частые находки в могильниках Верхнего Прикамья, преимущественно в комплексах второй половины VIII — первой половины IX в. (Деменковский, Каневский, Урьинский и другие могильники)[9]. Многие из этих украшений (височные подвески с булавой, серьги с гроздью, пластинчатые и граненые браслеты, привески-колокольчики, пронизи со вздутиями) известны и в могильнике Мыдлань-Шай на Чепце, датированном также второй половиной VIII — первой половиной IX в.[10] Отдельные вещи (пронизки со вздутиями, привески-«рожки» к поясам, граненые браслеты, коньковые подвески близких типов) представлены также в памятниках бассейна р. Сылвы — Неволинском, Бродовском, Горбунятском могильниках[11], конечная дата которых доводится до второй половины VIII в.[12] Хотя в целом основная масса инвентаря сылвенских могильников, в частности поясные наборы, существенно отличается от Больше-Тиганского и имеет более ранний облик. Почти все перечисленные украшения известны и в более южных районах — в могильниках второй половины VIII—IX вв. на территории Башкирии и прилегающих к ней восточных районах современной Татарии. Массивные височные подвески с булавообразным напуском найдены в одном из погребений Кушулевского могильника[13]; серьги с гроздевидной привеской

---

[7] *Н. Я. Мерперт.* О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 24, 25; *его же.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье, стр. 131—143; *И. И. Ляпушкин.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, 62, 1958, рис. 15, *16, 21*; *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 135—143, 156—169.

[8] *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 137—142.

[9] *В. Ф. Генинг.* Деменковский могильник — памятник ломоватовской культуры. ВАУ, 6, Свердловск, 1964, табл. I, *1, 2*; II, *7*; III, *20—22, 29, 30*; VI, *11, 12, 17*; VII, *4*; *Р. Д. Голдина.* Могильники VII—IX вв. на Верхней Каме. ВАУ, 9, Свердловск, 1970, приложение, табл. 33, *11—15*; 34, *10—16*; 36, *6—13*; 42, *6*; 44, *1, 2*; 51, *7—9*; 52, *20, 27, 28*; см. также хронологическую табл. Б.

[10] *В. Ф. Генинг.* Мыдлань-Шай — удмуртский могильник VIII—IX вв. ВАУ, 3, Свердловск, 1962, табл. I, *12—15*; II, *8—11*; V, *6, 11, 25—27*.

[11] *J. Erdélyi, E. Ojtozi, W. Gening.* Das Gräberfeld von Newolino. Budapest, 1969, Taf. V, *8—11*; VI, *9*; VIII, *11*; X, *9*; XV, *7—11*; LXII; XCV, *5*.

[12] *В. Б. Ковалевская, Ю. А. Краснов, А. К. Амброз.* [Рец.] J. Erdélyi, E. Ojtozi, W. Gening. Das Gräberfeld von Newolino. CA, 1973, 2, стр. 286, 287, 298.

[13] *А. П. Шокуров.* Отчет об археологической работе 3-го разведывательного отряда Башкирской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, 1957 г., Архив ИА АН СССР, Р-1, № 1508.

в Хусаиновском, Старохалиловском (Курган 6) и других могильниках[14]; браслеты интересующих нас типов (пластинчатые, граненые) — в Стерлитамакском[15], Старохалиловском[16], Лагеревском[17] (кург. 42), I и II Бекешевских[18]. Абсолютно аналогичные большетиганским коньковые подвески найдены в Стерлитамакском[19], Хусаиновском[20] и Чишминском[21]; арочные шумящие подвески со спиралевидными завитками на щитке — в Хусаиновском[22], I и II Бекешевских[23] и Чишминском; пронизи со вздутиями — в Кушулевском[24], Лагеревском (кург. 22) и других могильниках. Кроме того, в упомянутых могильниках Башкирии и восточной Татарии представлены дополнительно многие типы очень характерных вещей, имеющихся в Больше-Тиганском могильнике и отсутствующих в верхнекамских и чепецких. Среди них специфические украшения женских головных уборов — кожаные венчики с многочисленными мелкими литыми или штампованными бляшками (типа рис. 7, *1*; 8, *1*) — в Лагеревском (кург. 42), Хусаиновском (кург. 12, погр. 1)[25], Старо-Мусинском (кург. 1, погр. 2)[26]; литые височные подвески с полуовальным кольцом и массивным ажурным щитком прямоугольной или трапециевидной формы (типа рис. 7. *3*) — в Хусаиновском[27], I и II Бекешевских, Чишминском. Плоские литые височные подвески с кольцом и расплющенной гроздевидной привеской (типа рис. 8, *5*) найдены в Хусаиновском[28], II Бекешевском. Столь характерные для Больше-Тиганского могильника листовидные подвески к ожерельям, выпуклые и плоские, гладкие и с прорезями (типа рис. 8, *10—12*) известны в Старо-Халиловском (впускное погр. 19 в кург. 6)[29], Хусаиновском[30], I и II Бекешевских, Лагеревском (кург. 22), Чишминском[31]; плоские подвески ромбической формы с выступами по углам (типа рис. 3, *20*) — в Ишимбаевском (кург. 3, погр. 2)[32],

---

[14] *Н. А. Мажитов.* Новые материалы о ранней истории башкир. АЭБ, II, Уфа, 1964, стр. 155, рис. 3, *1, 3.*

[15] *П. Ф. Ищериков.* Аланский могильник близ г. Стерлитамака. КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 80, рис. 29, *8, 13, 14.*

[16] *Н. А. Мажитов.* Альбом к отчету об археологических исследованиях в северо-восточных районах Башкирской АССР, 1963 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2648а.

[17] *Н. А. Мажитов.* Отчет об итогах раскопок в Башкирской АССР в 1972 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 4741. В дальнейшем, говоря о Лагеревских курганах, мы имеем в виду данный отчет.

[18] *Н. А. Мажитов.* Отчет о раскопках I и II Бекешевских курганов в Баймакском р-не Башкирской АССР, 1973 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 5007.

[19] *Р. Б. Ахмеров.* Могильник близ г. Стерлитамака. СА, XXII, 1955, стр. 155, табл. 1, *1, 2.*

[20] *Н. А. Мажитов.* Башкортостан археологияһы. Уфа, 1968, стр. 153, рис. 30, *7.*

[21] Чишминский могильник открыт случайно, при земляных работах, в 1973 г. в с. Чишма Актанышского района ТАССР на левом берегу р. Белой. Е. П. Казаков вскрыл там два погребения. Материал хранится в Казанском ИЯЛИ АН СССР.

[22] *Н. А. Мажитов.* Башкортостан археологияһы, стр. 153, рис. 30, *5, 6.*

[23] *Н. А. Мажитов.* Ук. отчет за 1973 г.; *А. Х. Пшеничнюк.* Отчет о работах археологического отряда ИИЯЛ Башкирского ф-ла АН СССР в Иглинском и Баймакском районах Башкирской АССР, 1972 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 4724. В дальнейшем, говоря о I и II Бекешевских курганах, мы имеем в виду данные отчеты.

[24] *Н. А. Мажитов.* Башкортостан археологияһы, стр. 135, рис. 25, *7.*

[25] *Н. А. Мажитов.* Альбом иллюстраций к отчету о работе археологической экспедиции Уфимского ин-та ИИЯЛ в районах Башкирской АССР и Оренбургской области, 1966 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3261а; *его же.* Башкортостан археологияһы, стр. 154, рис. 31, *5.*

[26] *М. Х. Садыкова.* Тюркоязычные кочевники на территории Южной Башкирии. БАС, Уфа, 1959, стр. 154, табл. 1, *1—3.*

[27] *Н. А. Мажитов.* Ук. отчет за 1966 г. (курган 12, погр. 1).

[28] Там же.

[29] *Н. А. Мажитов.* Новые материалы..., стр. 155, рис. 3, *22.*

[30] *Н. А. Мажитов.* Башкортостан археологияһы, стр. 153, рис. 30, *4.*

[31] В Прикамье нам известна лишь одна подобная находка в Неволинском могильнике (см. *J. Erdélyi, E. Ojtozi, W. Gening.* Op. cit., Taf. IX, *9*).

[32] *Н. А. Мажитов.* Альбом к отчету о результатах работ археологической экспедиции в северо-восточных районах Башкирии, 1964 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2889а. В дальнейшем, говоря об Ишимбаевских курганах VIII—IX вв., мы будем иметь в виду этот отчет, а также указанный отчет Н. А. Мажитова за 1963 г.

Лагеревском (кург. 42); крупные серебряные поясные пряжки без щитка, украшенные рельефным орнаментом (рис. 6, *33*) — в Хусаиновском [33], I и II Бекешевских. Некоторые поясные наборы из этих могильников, в частности с крупными гладкими неорнаментированными бляшками квадратной и арочной формы и в форме полумесяца с шипечками у концов (типа рис. 6, *34—36*), почти до деталей повторяют больше-тиганские (Хусаиново, кург. 12, мужской костяк в погр. 1; Валиши (Ямаши-Тау) кург. 2, погр. 2 [34]; Бекешево I, кург. 2, погр. 2; Бекешево II, кург. 2, погр. 1 и др.). Штампованные бляшки с ребристой поверхностью (рис. 3, *16—18;* 11, *16*) отмечены в Чишминском, Лагеревском (кург. 42) и I Бекешевском могильниках, а своеобразный бордюр-цепочка по краю литых бляшек — в Каранаевском (кург. 3, погр. 31 и 11, погр. 1) [35] и Ишимбаевском (кург. 3, погр. 3). За пределами Башкирии единичные находки бляшек с таким бордюром известны из Редикорского могильника на Верхней Каме [36] и в курганах конца VIII — первой половины IX в. у оз. Синеглазово восточнее Челябинска, где представлены также мелкие накладки, употреблявшиеся тиганским населением для украшения женских головных уборов [37]. Во многих из названных памятников Башкирии находит аналогии и лепная посуда Больше-Тиганского могильника, о которой говорилось выше. Если к тому же учесть, что в этих памятниках обильно представлены вещи салтовского круга (литые сережки салтовского типа, лапчатые перстни со вставками, подвески-«костыльки», удила с эсовидными и гвоздевидными псалиями, сабли и т. д.), то станет очевидным, что в ряде могильников Башкирии второй половины VIII—IX вв. почти полностью повторяется весь комплекс вещевого материала Больше-Тиганского могильника.

Совокупность приведенных аналогий [38] достаточно убедительно датирует инвентарь Больше-Тиганского могильника второй половины VIII—IX вв., а найденные в погребениях монеты позволяют еще более конкретизировать эту дату. Все монеты, как уже говорилось, использовались в качестве украшений, они пробиты или снабжены ушками. Определение монет проведено научным сотрудником Государственного исторического музея С. А. Яниной и профессором Московского университета Г. А. Федоровым-Давыдовым. Наиболее ранняя монета происходит из погр. 20. Это драхма омейядских наместников Ирана с портретом Хосроя II (590—628 гг.) и с именем наместника Зийяд ибн Аби Суфьяна, чеканенная в 50-х годах хиджры (670 г.). Остальные семь монет (дирхемов) относятся к разным годам VIII в.: из погр. 28—91 г.х. (709—710 гг.), Васит; из погр. 8а—100 г.х. (717—718 гг.), ал-Басра; из погр. 10—125 г. х. (742—743 гг.), Васит; из погр. 8—127 г. х. (745—746 гг.), Васит; из погр. 27—143 г. х. (760—761 гг.), ал-Басра; 171 г. х. (787—788 гг.), ал-Аббасия. На третьем дирхеме из погр. 27 год чекана читается не особенно четко. С. А. Янина определяет его как 163 г. х. или 173 г. х. (779—780 гг. или 789—790 гг.), ал-Аббасия. Если учесть принятую надбавку к хронологическим показаниям монет, не

---

[33] *Н. А. Мажитов.* Башкортостан археологияһы, стр. 155, рис. 32.

[34] *Н. А. Мажитов.* Отчет об археологических исследованиях в Башкирской АССР, 1969 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3878.

[35] *Н. А. Мажитов.* Ук. отчеты за 1964 и 1966 гг.

[36] *N. Fettich.* Die Metallkunst der Landnehmenden Ungarn. AH, XVI, 1937, Taf. XIV, *6—7.*

[37] *В. С. Стоколос.* Курган на озере Синеглазово. АЭБ, 1, Уфа, 1962, стр. 166, рис. 4, *2, 3, 6.*

[38] Среди них следует отметить еще Больше-Тарханский могильник на Средней Волге второй половины VIII — первой половины IX в., где насчитывается более 40 типов вещей, общих с Тиганами. В основном это вещи, широко распространенные в салтовском круге памятников,— стрелы, накладки на луки и колчаны, детали сбруи и т. д. Среди специфических общих вещей можно назвать лишь шумящие подвески арочной формы со спиралевидными завитками на щитке (*В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков.* Ранние болгары на Волге. М., 1964, табл. XVI, *18*).

сразу после чеканки попавших в Прикамье и еще некоторое время использовавшихся здесь в качестве украшений (в среднем на 50 лет [39]), то верхнюю дату могильника можно определить первой половиной IX в. Скорее всего Больше-Тиганский могильник следует датировать самым концом VIII — первой половиной IX в.

Социальная интерпретация памятника не вызывает особых затруднений. Богатый инвентарь большинства захоронений, разнообразие украшений, многочисленные находки поясных наборов с большим количеством бляшек, сабель, которые единодушно рассматриваются исследователями как показатель высокого общественного положения погребенных [40], не оставляют сомнения в принадлежности вскрытой части Больше-Тиганского могильника привилегированной социальной группе населения.

Вопросы этнической принадлежности памятника, в решении которых первостепенная роль принадлежит поискам аналогий погребальному обряду, рассмотрены автором в другой статье.

*E. A. Halikova*

## LE CHAMP FUNERAIRE DE BOLCHIIE TIGANI


### Résumé

En 1974, sur la rive gauche de la basse Kama (R.S.S.A. de Tatarie) on a exploré un ancien champ funéraire, où l'on a étudié 33 sépultures d'hommes, de femmes et d'enfants. Elles étaient disposées en rangées irrégulières, groupées autour de l'alignement central des riches tombes d'hommes (fig. 1). Les squelettes, étendus sur le dos, la tête à l'ouest, étaient entourés d'ustensiles d'argile, de bijoux, de quelques outils, et de pièces de harnais; les hommes avaient en outre des armes (fig. 4—13). Dans cinq tombes d'hommes, sur les crânes s'étaient conservés des restes de masques funéraires — des fragments de tissu de soie et des couvre-orbites d'argent en feuille (fig. 4, 1; 5, 1). Dans treize tombes masculines ont été découverts huit sabres (fig. 4, 21; 5, 22). Le mobilier de ces sépultures permet de reconstituer en partie le costume masculin et féminin (fig. 9), ce qui est important pour l'identification ethnique. Les garnitures de ceintures, par l'originalité de leur style et leur exécution artistique (fig. 11, 12), offrent un intérêt particulier. On sent une nette influence de l'art oriental (sassanide) dans les sujets et les détails de l'ornementation de nombreux objets. Le mobilier funéraire des sépultures a de nombreuses analogies dans les monuments de la deuxième moitié du VIIIe s. et la première moitié du IXe s. dans la zone steppique et sylvo — steppique de l'Europe orientale (champs funéraires de la culture de Saltovo, de Bolchiié-Tarkhany, de Mydlan-Chaï, de Démenki, de Kaniévo, etc). Les bijoux de femmes les plus caractéristiques, ainsi que toute la vaisselle modelée à la main, ont d'étroites analogies avec les tombes bachkirs datant de la même époque. Huit monnaies recueillies dans ces tombes permettent de dater le champ funéraire de Bolchiié-Tigani avec précision: fin du VIIIe s. première moitié du IXe s.


---

[39] *С. А. Янина.* Куфические монеты из могильника Мыдлань-Шай. ВАУ, 3, Свердловск, 1962, стр. 130; *В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков.* Ук. соч., стр. 63.

[40] *Н. Я. Мерперт.* Из истории оружия..., стр. 139—141; *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 157.

Я. Г. РИЕР

# ИЗУЧЕНИЕ КУРГАНОВ В МОГИЛЕВСКОМ ПОДНЕПРОВЬЕ

История древнерусской деревни домонгольского времени изучена еще далеко недостаточно. Письменные источники здесь помогают мало и основное значение приобретают археологические данные — исследования древних деревенских селищ и курганов [1].

В течение ряда лет автор проводил изучение древнерусских селищ и курганов в Могилевском Поднепровье, входившем в Смоленскую, Полоцкую и Турово-Пинскую земли. Как выяснилось, большинство селищ сохранилось весьма неудовлетворительно [2] и поэтому особое значение приобретают деревенские курганы этих мест. С 1969 г. мной было выявлено 20 ранее неизвестных курганных групп, наиболее крупная из которых (у дер. Дубровка в 20 *км* к северо-западу от древнего Пропойска — ныне Славгорода) насчитывает 135 насыпей. Помимо разведок производились и раскопки отдельных памятников [3].

Изучение курганов позволяет решить ряд проблем, связанных с историей древнерусского сельского населения, его хозяйственной деятельности и идеологических представлений [4].

Материалы курганов [5] могут быть использованы при изучении границ дреговичей, кривичей и радимичей — племен, населявших некогда Могилев-

---

[1] *В. В. Седов.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. МИА, 92, 1960; *А. В. Успенская.* Курганы Южной Белоруссии X—XIII вв. Тр. ГИМ, XXII, 1953, стр. 97—124; *А. В. Успенская, М. В. Фехнер.* Указатель к карте «Поселения и курганные могильники северо-западной и северо-восточной Руси X—XIII вв.». Тр. ГИМ, 32, 1956.

[2] В 1970 и 1972—1973 гг. автором выявлено в центральных районах Могилевщины 18 раннефеодальных селищ, из которых лишь на 7 памятниках сохранился культурный слой. Селища обнаружены у деревень Клеевичи и Прудок Костюковичского района; у деревень Рудня (2 селища), Гайшин, Александровка, Силино Поле (2 селища) и на правом берегу р. Сож при впадении в нее р. Прони (2 селища) Славногородского района; у деревень Сапежинка, Нераж, Дуброва, Теминье, в окрестностях Быхова (2 селища) Быховского района; у дер. Бушляки Могилевского района (наиболее перспективное для исследования); у г. Чаусы Чаусского района.

[3] *Я. Г. Риер.* Славянские курганы в д. Эсьмоны. Тезисы доклада. «Беларускія старажытнасці», Мінск, 1972; *его же.* Курганы у Эсьмонах. Сб. «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі». Мінск, 1973, № 2; *его же.* Аб некаторых старажытнарускіх помніках Магілёушчыны. Там же, 1974, № 4. Курганные группы обнаружены у деревень Забелышино и Орел (Хотимский р-н), Тупичен, Блудемля (2 группы), Братьковичи, Колодезская, Красница, Белая Дуброва, Колодливо, пос. Вишенский (Костюковичский р-н), Шпачье, Соболи, Мхиничи, Буглаи (Краснопольский р-н), Староселы (Чаусский р-н), Дубровка, Куликовка, Иванищевичи (Славгородский р-н), Сорочино (Быховский р-н).

[4] *В. В. Седов.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, стр. 78, 79, 94, 95, 109, 110; *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля. М., 1966, стр. 9—17. О работах по изучению курганов Могилевщины последнего времени см. *Л. В. Алексеев, З. М. Сергеева.* Раскопки курганов в Восточной Белоруссии. КСИА АН СССР, 135, 1973, стр. 49, 50.

[5] *П. Н. Третьяков.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным. См. дискуссию: *А. В. Арциховский.* В защиту летописей и курганов. СА, IV, 1937.

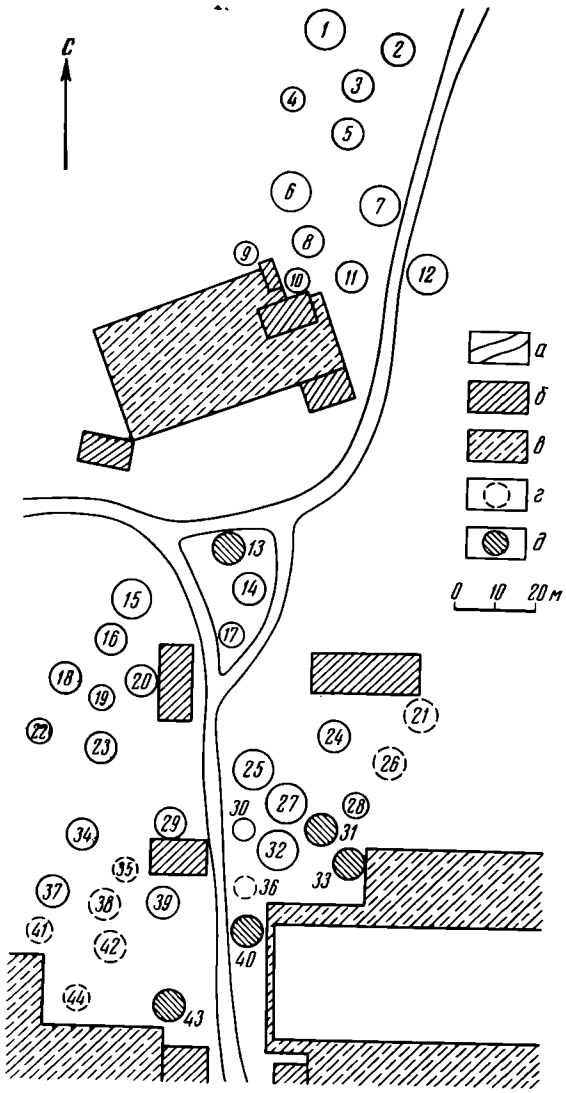



Рис. 1. Эсьмоны. План курганной группы (топографическая съемка автора): *а* — дорога; *б* — постройки; *в* — огороды; *г* — нарушенные курганы; *д* — курганы, раскопанные в 1969 г.

щину[6]. Ниже излагаются результаты исследования курганов у деревень Эсьмоны, Лудчицы и Колодезская Могилевской области.

Курганная группа у дер. Эсьмоны Белыничского района расположена в северо-западной части современной деревни, на правом, высоком берегу р. Ослик (правый приток р. Друть). Первые раскопки здесь производил в 1863 г. некто Спичагов, однако результаты их неизвестны[7]. В 1889—1890 гг. здесь работал Н. П. Авенариус, который обнаружил трупоположения в домовинах, в том числе и парные захоронения, причем костяки находились в основном в сидячем положении[8]. Вещевой материал раскопанных курганов составили: 4 височных кольца, из них — 1 трехбусинное, перстнеобразных, 1 браслетообразное со спиральным завитком на конце (загнутоконечное); 2 пряжки; витой перстень; подвеска-конек; 16 бус, в том числе 1 бронзовая из свернутой колечком пластинки, 7 сердоликовых и 19 стеклянных различного цвета и формы[9].

В 1969 г. экспедиция под руководством Л. В. Алексеева произвела раскопки 5 курганов в названном выше могильнике, насчитывавшем 44 кургана. Расположены они двумя группами (южная и северная), отстоящими друг от друга на 40 *м* (рис. 1). Форма насыпей — полусферическая, с уплощенной в большинстве случаев вершиной, высота курганов 0,8—1,5 *м*, диаметры оснований 4—8 *м*. Большая часть насыпей в той или иной степени нарушена.

---

[6] *Л. В. Алексеев, З. М. Сергеева.* Раскопки курганов..., стр. 50; Очерки по археологии Белоруссии. Под ред. Г. В. Штыхова, Л. Д. Поболя, ч. II. Минск, 1972, стр. 39.

[7] ОАК за 1889 г. СПб., 1892, стр. 45.

[8] ОАК за 1889 г. СПб., 1892, стр. 45, 50, 112, 113. Дело Археологической комиссии, 1889, № 42, в Архиве ЛОИА (ф. 1); (Н. П. Авенариус). Заметка Н. П. Авенариуса о его раскопках в Минской губернии в 1889—1890 гг. «Труды Виленского отделения Московского Предварительного комитета по устройству в Вильне IX Археологического съезда». Вильно, 1893, стр. 42, 43.

[9] В числе сердоликовых бус: 1 призматическая восьмигранная, 1 зонная и 5 плитчатых со срезанными углами (14-гранные), среди стеклянных: 4 золотостеклянные (2 цилиндрические и 2 двойные), 1 многочастная из синего стекла, 2 из желтого стекла (1 зонная и 1 цилиндрическая) и 12 бисерин из серого глухого стекла. Инвентарь раскопок Н. П. Авенариуса хранится в Государственном Историческом музее, инв. № 25129-32.

Раскопанные курганы содержали три варианта трупоположений: в насыпи, на подсыпке (кург. 43) [10], на горизонте (курганы 13 и 40) и в яме (курганы 31 и 33). Два кургана (13 и 31) были раскопаны до нас колодцами, и в одном из них (13) кости скелета лежали грудой. В остальных четырех погребениях костяки покоились в вытянутом положении на спине, в трех из них головами на запад. Лишь в кург. 43 костяк был ориентирован головой на северо-запад [11].

Общим для всех пяти курганов было наличие в их основаниях зольных площадок мощностью 6—15 *см*, пепельно-серого цвета, почти без углей. Эти площадки почти полностью перекрывали основания курганов. Материк, находившийся непосредственно под зольными слоями, не был прокален. Все это свидетельствует о кратковременности горения ритуальных костров. У всех курганов были прослежены ровики, заполненные гумусом с вкраплениями золы.

Структура насыпей вскрытых курганов, состоящих из желтого речного песка, была однородной. Исключение составил кург. 43 (высота 1,1 *м*, диаметр основания 6 *м*), в насыпи которого, примерно на половине ее высоты, был выявлен зольный слой мощностью 5—8 *см*. Под ним, несколько выше лежавшего в насыпи мужского костяка была обнаружена небольшая груда кальцинированных костей, вероятно, жертвенного животного.

Курганы 13, 31 и 43 инвентаря не содержали (из погр. 13 и 31 он мог быть уже изъят кладоискателями). В кург. 40, содержавшем захоронение ребенка, была найдена лишь одна стеклянная ребристая бусина, лежавшая за головой.

Интересный и относительно богатый инвентарь дал лишь кург. 33 (высота 1,36 *м*, диаметр основания 7 *м*), содержавший женское захоронение в прямоугольной яме глубиной 0,45 *м*, расположенной в центре кургана (рис. 2). У висков погребенной по три с каждой стороны лежали бронзовые (рис. 3, *1, 3, 4, 6*) и серебряные (рис. 3, *2, 5*) перстнеобразные височные кольца в полтора оборота. Кольца, лежавшие слева от черепа (рис. 3, *4—6*), были переплетены между собой, причем один конец одного из бронзовых колец расплющен и отогнут. Справа от черепа находился и фрагмент трехбусинного височного кольца с двумя ложнозерненными цилиндрическими бусинами (рис. 3, *7*). На шее находилось ожерелье, состоящее из двух бронзовых и семи стеклянных бусин (рис. 3, *17—25*). Из бронзовых одна — цилиндрическая, зерненная, из проволочного каркаса (рис. 3, *22*), другая — бочкообразная, зерненная, сплошная (рис. 3, *19*). Стеклянные бусины: 2 зонные, желтые, прозрачные (рис. 3, *21*, *25*), 2 зонные ребристые, зеленые, прозрачные (рис. 3, *23*, *24*), 1 цилиндрическая зеленая, прозрачная (рис. 3, *20*), 2 золотостеклянные — зонная (рис. 3,*18*) и двойная (рис. 3, *17*). На фалангах правой руки находились 2 бронзовых ложновитых перстня (рис. 3, *8—9*).

Над погребенной на высоте 0,45 *м*, т. е. на уровне древней дневной поверхности, был обнаружен разбитый глиняный круговой сосуд со следами нагара на наружной стенке, орнаментированный по плечикам волнистой линией (рис. 4, *1*). На вершине кургана, обложенной плоскими камнями, были найдены еще два венчика от сосудов, изготовленных на гончарном кругу (рис. 4, *2*) [12].

Крупнозерненные бронзовые бусины характерны для дреговичей [13] и датируются XI — началом XIII вв. [14] Весьма характерны для дреговичей и

---

[10] Здесь и далее нумерация наша.

[11] Курганы раскапывались на снос с оставлением крестообразной бровки, ориентированной по странам света.

[12] Весь инвентарь, собранный в 1969 г., хранится в фондах Могилевского областного краеведческого музея, инв. № 13103.

[13] *Б. А. Рыбаков*. Радзімічы. Працы сэкцыі археологіі, т. III, Мінск, 1932, стр. 95; *А. В. Успенская*. Ук. соч., стр. 114; *В. В. Седов*. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 80, 145 (прим. 50).

[14] *В. В. Седов*. Дреговичи. СА, 1963, 3, стр. 114; *А. В. Успенская*. Ук. соч., стр. 121.

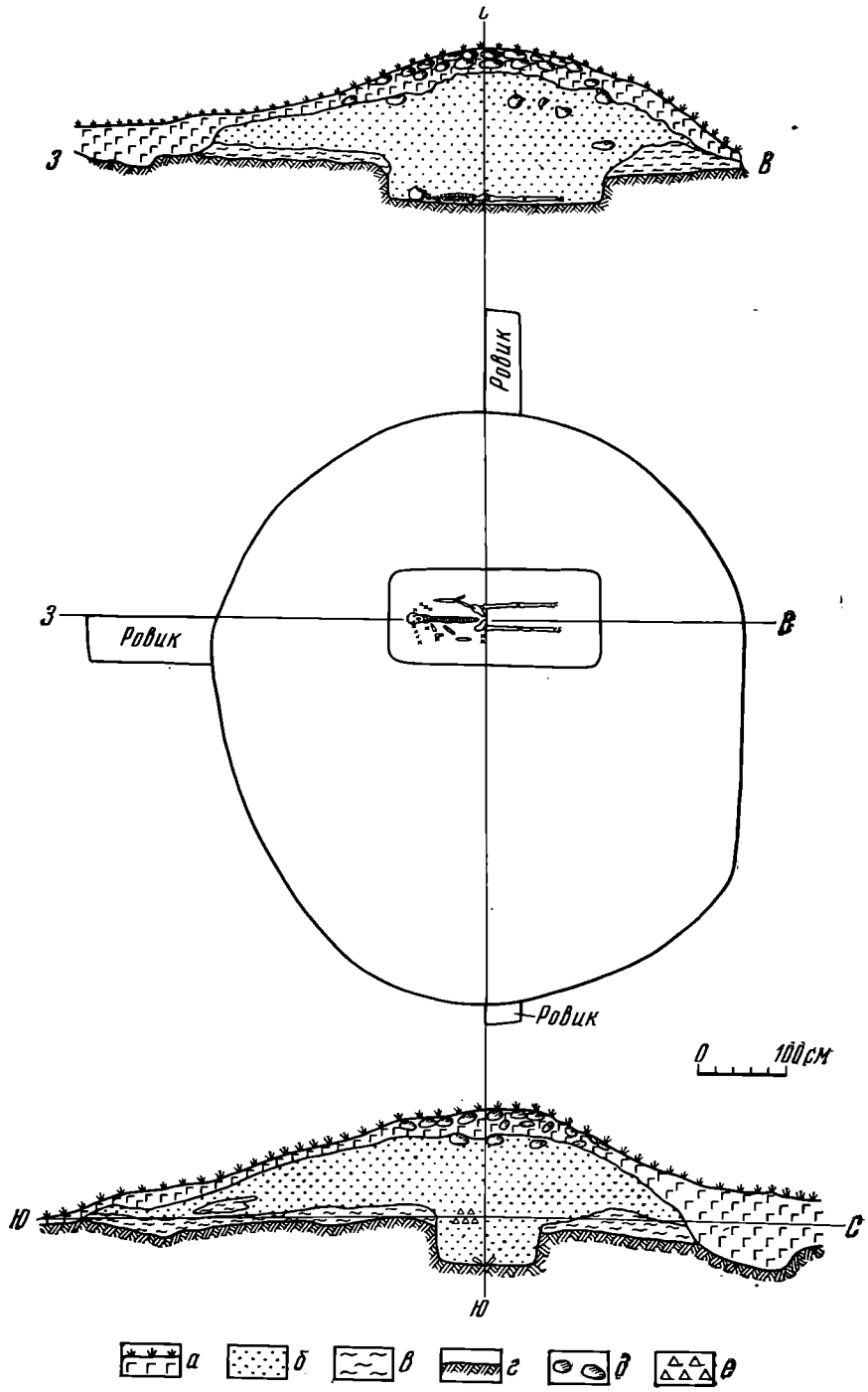



Рис. 2. Эсьмоны. План и профили кург. 33; *а* — гумус; *б* — песок; *в* — зола; *г* — материк; *д* — камни; *е* — керамика

перстнеобразные височные кольца в полтора оборота, которые хотя и встречаются у юго-западных соседей дреговичей, но известны у кривичей[15], на границе с которыми расположен Эсьмонский могильник. Датируются они весьма широко — второй половиной X — началом XIII в.[16] Характерными для дреговичей являются и трехбусинные височные кольца, датируемые

[15] *В. В. Седов.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 80.
[16] *А. В. Успенская.* Ук. соч., стр. 120, 121.

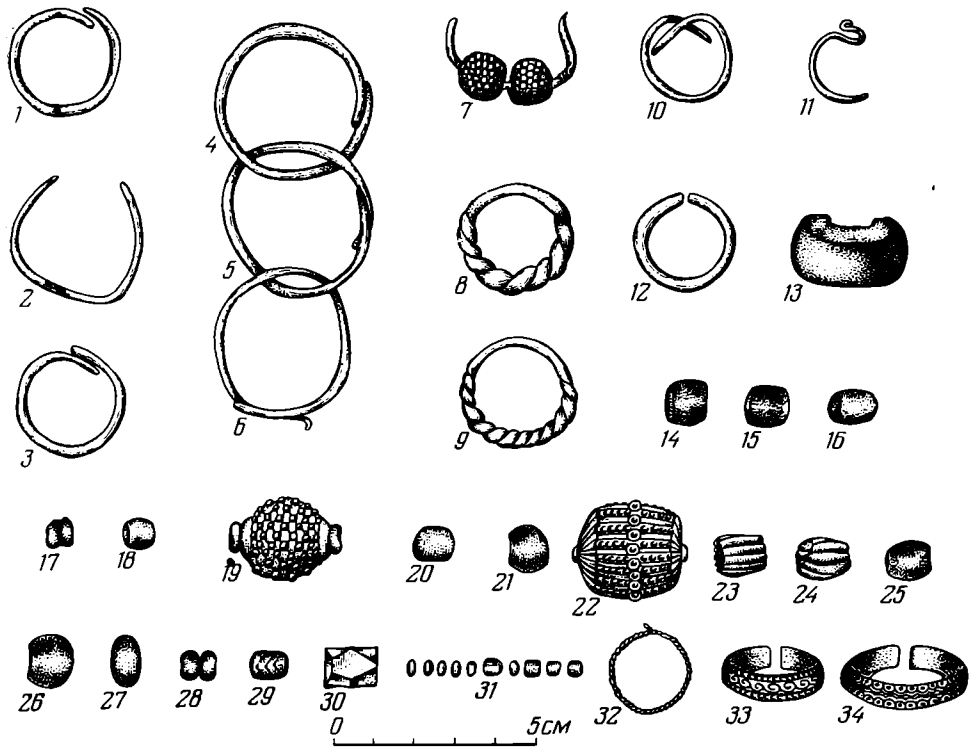



Рис. 3. Инвентарь из курганов у деревень Эсьмоны, Лудчицы и Колодезская: *1—9, 17—25* — Эсьмоны, кург. 33; *10—16* — Лудчицы, кург. 75; *26—34* — Колодезская, кург. 12

XI—XIIвв.[17] Браслетообразное височное кольцо со спиральным завитком на конце, найденное Н. П. Авенариусом, не имеет племенной локализации. Такие загнутоконечные кольца вообще редки в восточнославянских древностях[18]. Характерна и привеска-конек, имеющая весьма широкое распространение в древней Руси и датируемая, по А. В. Успенской, XI— первой половиной XII в. В. В. Седов отмечает, что подобные амулеты характерны более всего для смоленских и полоцких кривичей и были распространены в X—XIII вв.[19] К X—XI вв. относится обнаруженная Н. П. Авенариусом подковообразная спиралеконечная (по В. А. Мальм) застежка, имеющая широкие аналоги в памятниках Северо-Западной и Северо-Восточной Руси[20]. Стеклянные бусы, найденные в курганах 33 и 40, как и из раскопок Н. П. Авенариуса, имеют весьма широкое распространение и датируются в основном XI—XII вв.[21] Сердоликовые бусы из раскопок Н. П. Авенариуса бытовали у дреговичей во второй половине X — XI вв.[22]. Витые и ложновитые перстни, найденные в Эсьмонских курганах, характерны для всех восточнославянских племен и наиболее часты в XI—XII вв.[23] Фрагменты

[17] Там же, стр. 113, 121.

[18] *В. В. Седов.* Браслетообразные височные кольца восточных славян. Сб. «Новое в археологии». М., 1972, стр. 144; *В. П. Левашова.* Височные кольца. Тр. ГИМ, 43, 1967, стр. 38.

[19] *А. В. Успенская.* Нагрудные и поясные привески. Тр. ГИМ, 43, 1967, стр. 92; *В. В. Седов.* Амулеты-коньки из древнерусских курганов. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968; *его же.* Славяне Верхнего Поднепровья..., стр. 120, рис. 34.

[20] *В. А. Мальм.* Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы. Тр. ГИМ, 43, стр. 152.

[21] *А. В. Арциховский.* Курганы вятичей. М., 1930, стр. 145—147; *М. В. Фехнер.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Тр. ГИМ, 33, 1959, стр. 158—170.

[22] *А. В. Успенская.* Курганы Южной Белоруссии X—XIII вв., стр. 121.

[23] Там же, стр. 122.

сосудов из кург. 33, судя по форме венчиков, близки к некоторым типам новгородской керамики (II-Д, III-Г по Г. П. Смирновой) и датируются XI—XIII вв.[24]

Исходя из анализа погребального инвентаря и обряда погребения, кург. 33, содержащий захоронение в яме, можно отнести ко второй половине XII в.[25] Курган 31, аналогичный по обряду описанному выше, датируется второй половиной XII—началом XIII в. Курганы 13 и 40 с трупоположениями на горизонте, судя по обряду, были возведены в XI—XII вв.[26]

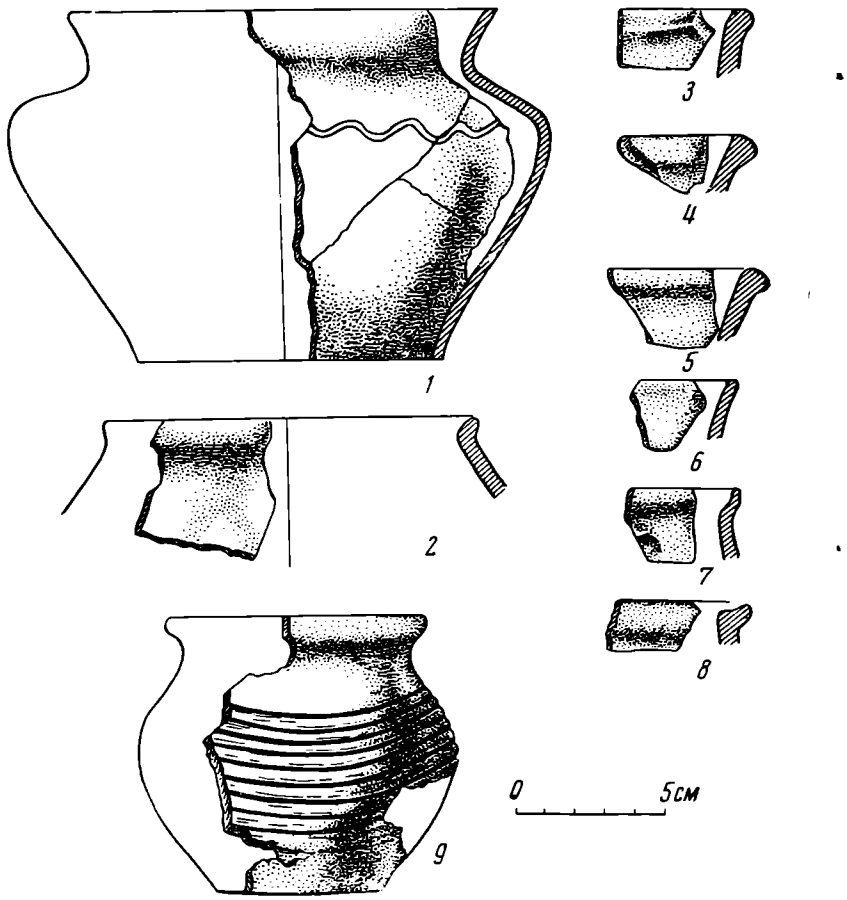



Рис. 4. Керамика из кург. 33 у дер. Эсьмоны (*1, 2*), селища у дер. Лудчицы (*3—8*) и кург. 5 у дер. Колодезская (*9*)

Курган 43, содержавший трупоположение в насыпи и следы более ранних обрядов, связанных с кремацией, можно отнести к концу X—XII в.[27] Не ранее XI в. были сооружены и курганы с «домовинами» и «сидячими» костяками, исследованные Н. П. Авенариусом. Вообще погребения в сидячем положении — явление весьма редкое, но встречающееся у дреговичей[28].

Таким образом, полученный материал существенно дополнил сведения о могильнике при дер. Эсьмоны, что позволило решить вопрос об этниче-

---

[24] *Г. П. Смирнова.* Опыт классификации керамики древнего Новгорода. МИА, 55, 1956, стр. 230, 234.

[25] *А. В. Успенская.* Курганы Южной Белоруссии X—XIII вв., стр. 119, 120.

[26] Там же.

[27] *В. В. Седов.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. Автореф. докт. дис., М., 1966, стр. 21, 25.

[28] Очерки по археологии Белоруссии, ч. II, стр. 32; *Е. Р. Романов.* Археологические разведки в Могилевской губернии. Вильно, 1911, стр. 5—9. Одно такое погребение описано ниже.

ской принадлежности курганов, расположенных в зоне контактов дреговичей с кривичами, а также уточнить датировку названного могильника.

В окрестностях дер. Эсьмоны расположено еще несколько курганных групп, из которых наиболее значительная находится в 4 *км* южнее, у дер. Девошичи. Указанный регион в силу своего пограничного с кривичами положения представляет интерес для дальнейшего исследования.

Курганная группа, расположенная в 2 *км* севернее дер. Лудчицы Быховского р-на, находится в 0,5 *км* западнее правого берега Днепра, на правом берегу р. Рдицы (правый приток Днепра) в лесу, в 4 *км* южнее г. Быхова.

Впервые указанный могильник был обследован С. Ю. Чоловским в 1892 г., раскопавшим три кургана с трупоположениями на материке. Погребенные находились в вытянутом положении, головами на запад. Погребальный инвентарь составляли: серебряный проволочный браслет, 3 поясных кольца (2 бронзовых и одно железное), бусы и бронзовое литое изображение человека [29].

В настоящее время указанный могильник насчитывает 79 курганов. Значительное число из них — 44 кургана — в различной степени нарушено (рис. 5). Высота курганов 0,5—3 *м*, диаметры оснований 5—15 *м*. Расположены насыпи очень близко друг от друга. У многих из них видны ровики.

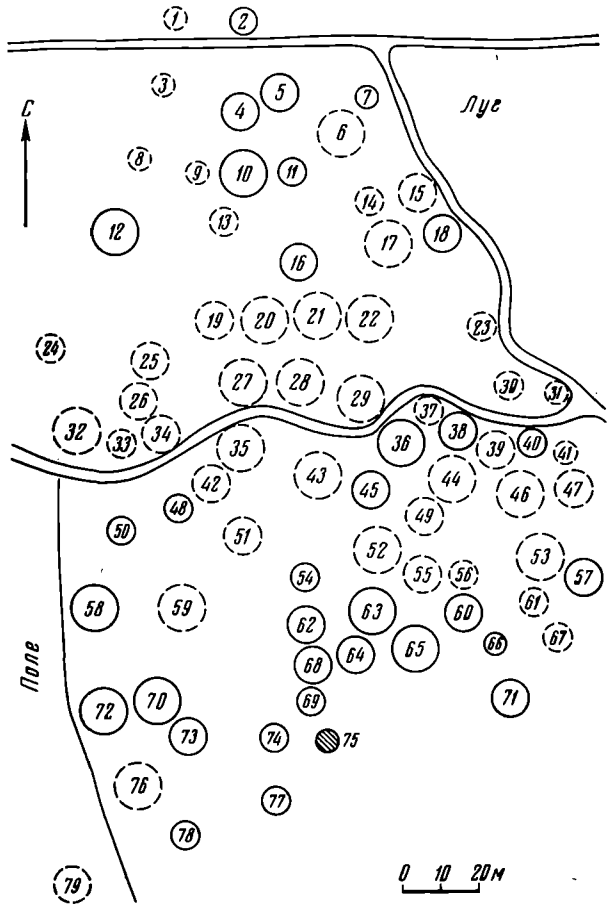



Рис. 5. Лудчицы. План курганной группы (топографическая съемка автора)

В 1973 г. при обследовании могильника был раскопан один курган (№ 75 по нашей нумерации), расположенный на южном краю группы. Курган (высота 1,4 *м*, диаметр основания 6 *м*) полусферический, круглый в плане. Раскопки велись по указанной выше методике. Насыпь состояла из речного песка. На вершине — неглубокая яма, заполненная гумусом. В нижней части насыпи залегал слой золистой супеси с углями, отделенный от материка тонкой песчаной прослойкой мощностью 0,1 *м* (рис. *6*, профили). Отмеченный зольный слой перекрывал большую часть основания кургана, исключая его восточную полу (рис. 6, план). Мощность зольного слоя — от 0,1 *м* в восточной части насыпи до 0,45 *м* в центре. Местами темный цвет слоя и угольные вкрапления были весьма интенсивными.

---

[29] *М. В. Фурсов, С. Ю. Чоловский.* Дневник курганных раскопок, произведенных по поручению начальника Могилевской губ. А. С. Дембовецкого в течение лета 1892 г. в уездах Рогачевском, Быховском, Климовичском, Чериковском и Мстиславском. Могилев, 1892, стр. 36, 37. АИЗ, I, М., 1893, стр. 113.

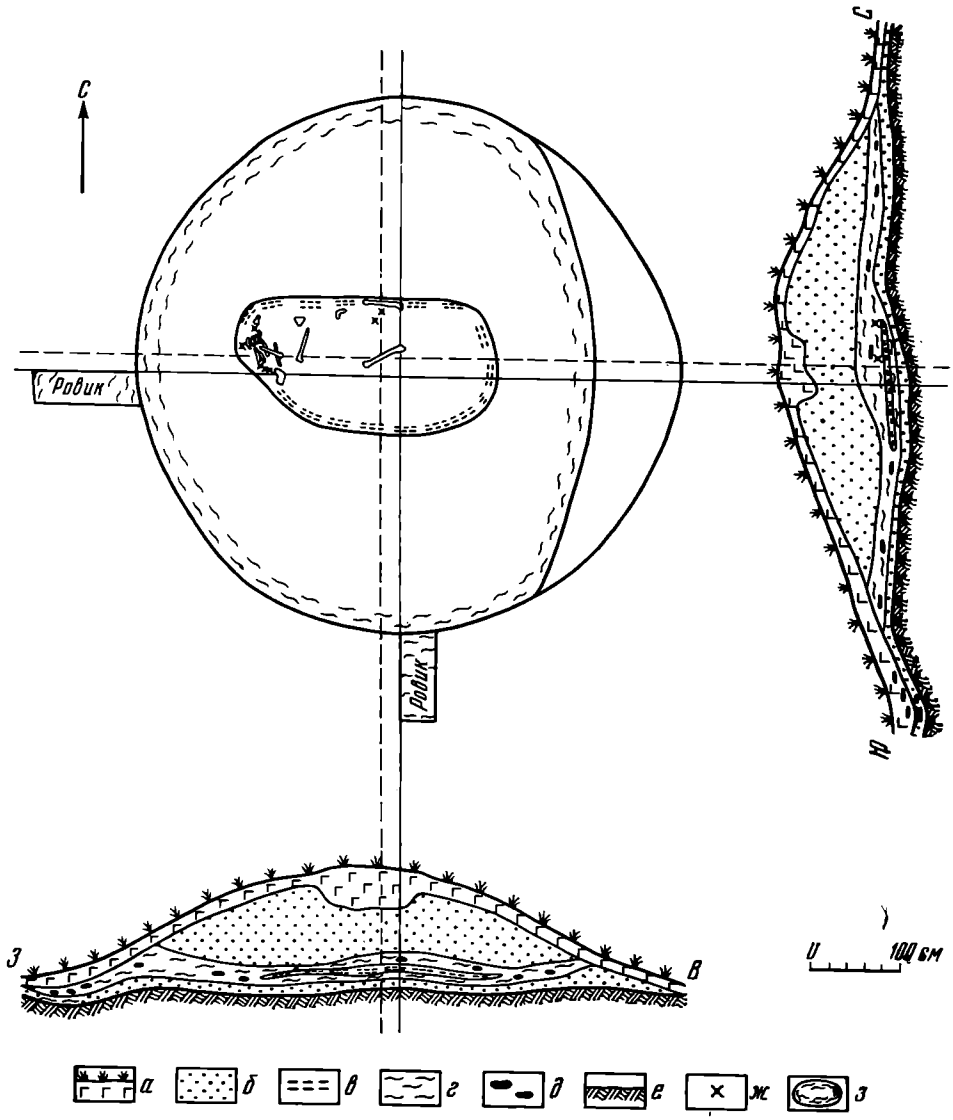



Рис. 6. Лудчицы. План и профили кург. 75: *а* — гумус; *б* — песок; *в* — древесный тлен; *г* — зола; *д* — угли; *е* —материк; *ж* — кости скелета; *з* — зольное пятно

Песчаная прослойка под ним была прокалена, особенно это заметно в центре. На западе и юге отмеченный зольный слой заплыл в прослеженные здесь ровики (рис. 6).

В центре зольного слоя, в наиболее мощной его части, находилось погребение. Костяк, вероятно, был в сидячем положении, спиной на запад, со скрещенными ногами и опущенными вперед вниз руками (рис. 6, план). Под костяком было расчищено пятно древесного тлена мощностью 3—5 *см*, прямоугольное в плане (рис. 6), представляющее, очевидно, остатки досок, на которых находилось погребение. При костяке были обнаружены: бронзовый круглопроволочный перстень (рис. 3, *12*), находившийся у плечевой кости правой руки, рядом с ним — фрагмент шиферного зонного пряслица (рис. 3, *13*). Среди основной массы костей, сконцентрированных в западной части погребения, были найдены 2 бронзовых проволочных височных кольца, одно перстнеобразное полутарооборотное (рис. 3, *10*), другое перстнеобразное с S-образным концом (фрагмент) (рис. 3, *11*), 3 бусины, из которых 2— золотостеклянные бочкообразные (рис. 3, *14, 15*),

одна — цилиндрическая из прозрачного серого стекла (рис. 3, *16*) [30]. Костяк принадлежал женщине 25—30 лет грацильного телосложения [31].

Итак, раскопанный курган содержал трупоположение в насыпи на невысокой подсыпке с элементами погребального сооружения — плахи, положенной под погребенной. Интересной особенностью является предполагаемое сидячее положение костяка, аналогичное, по всем данным, «сидячим» костякам из курганов, раскопанных Н. П. Авенариусом в Эсьмонах. Инвентарь кургана типичен для дреговичей. Весьма характерно с этой точки зрения перстнеобразное полутарообротное височное кольцо, так же редкое у соседних радимичей, как и у кривичей [32]. Датируются такие кольца, как уже отмечалось, второй половиной X— началом XIII в. К этому же времени относится и перстнеобразное кольцо с S-образным концом, характерное для всех славянских племен [33]. Бусы из кургана, аналогичные найденным в Эсьмонах, датируются XI—XII вв. Простой круглопроволочный перстень характерен в дреговичских курганах для XI—XII вв. [34] Исходя из изложенного выше, описанный курган можно датировать XI в. К XI в. относятся и курганы, раскопанные в 1892 г. С. Ю. Чоловским.

Напротив могильника, на противоположном, левом берегу р. Рдицы расположено селище, которое, судя по собранной на нем керамике (рис. 4, *3—8*), датируется X—XIII вв. К сожалению, культурный слой этого селища разрушен дорогой и полем. В 1,5 *км* юго-восточнее могильника, на краю коренного берега Днепра, в 1973 г. было обнаружено еще одно селище (полностью распаханное) с керамическим материалом, синхронным изученным курганам.

Весьма вероятно, что описанная курганная группа является кладбищем названных выше поселений. Ближайший к Лудчицкому курганный могильник находится в 4,5 *км* южнее, между деревнями Лудчицы и Яново, и насчитывает пять курганов. Вероятно, бóльшая часть курганов этого могильника уже распахана.

Курганная группа у дер. Колодезская Костюковичского района расположена в довольно глухой местности, близ левого заболоченного берега р. Деражни (правого притока р. Беседи), в 1,5 *км* восточнее указанной деревни. Данный могильник был обнаружен весной 1973 г. при расчистке росшего здесь густого кустарника. В ходе обследования у местных жителей был собран вещевой материал, найденный ими в разрушенных насыпях. Произведены раскопки кург. 5.

До расчистки могильник насчитывал 13 курганов, из которых при указанных работах было разрушено 8 насыпей (рис. 7). Сохранившиеся курганы имеют высоту 1—1,8 *м*, диаметры оснований 5—12 *м*. У самого крупного кург. 9 заметны ровики.

Курган 5 (высота 1,4 *м*, диаметр основания 8,6 *м*) полусферический, округлый в плане. Курган со всех сторон был опахан, и ровики, выявленные при раскопках, не были заметны во время наружного осмотра. Насыпь кургана, покрытая тонким (до 10 *см*) слоем дерна, состояла из песка с отдельными вкраплениями золы и углей. На глубине 0,9—1 *м* (от вершины) по всей площади были выявлены следы кострища — зольный слой с углями мощностью до 20 *см*, интенсивность которого ослаблялась к периферии насыпи. Края этого слоя в юго-восточном поле кургана опускались вниз. Песок, залегавший под зольным слоем, был прокален. При разборке западной бровки в этом кострище был найден фрагмент кругового сосуда курганного типа (рис. 4, *9*). Под кострищем залегал слой песка, в котором на глубине 1,3 *м* в центре кургана был обнаружен фрагмент человеческого

[30] Предметы хранятся в фондах Могилевского областного краеведческого музея, инв. № 18037.

[31] Определение антрополога, кандидата медицинских наук Л. Н. Казей.

[32] См. сноску 5.

[33] *В. П. Левашова.* Височные кольца, стр. 38, 39.

[34] *А. В. Успенская.* Курганы Южной Белоруссии X—XIII вв. стр. 122.

черепа, покоившийся на подсыпке из золистой супеси мощностью 10 *см*. Под ней находилась древняя дневная поверхность. Других костей не было обнаружено. Вероятно, на сохранность костяка повлияло наличие лисьей норы, следы которой (серый гумусированный слой) четко прослежены на месте погребения.

Из вещей, собранных местными жителями в ранее разрушенных курганах, из кург. 13 происходит шиферное зонное пряслице (рис. 8, *15*), а в кург. 12 было найдено 64 предмета, среди них четыре височных кольца (два семилучевых бронзовых с гладким щитком, рис. 8, *3*, *4*; два браслетообразных биллоновых сомкнутых из круглой проволоки, рис. 8, *17*); две бронзовые шейные гривны, одна из которых — дротовая «радимичского типа», орнаментированная «волчьим зубом» [35] (рис. 8, *1*), другая — витая круглопроволочная (рис. 8, *2*); 16 бусин, из которых две плитчатые сердоликовые (рис. 3, *30*), одна цилиндрическая полосатая глухого стекла (рис. 3, *29*), две зонные глухого стекла (рис. 3, *28*), и россыпь бисера из золотостеклянных бусин и бусин синего и глухого стекла (рис. 3, *31*). Найдено 25 подвесок, из которых 5 лунниц бронзовых широкорогих, отлитых в одной форме (рис. 8, *14*), одна половина подвески-пуговки (рис. 8, *8*), восемь бронзовых грушевидных с крестообразной прорезью бубенчиков разных размеров (рис. 8, *5—7*), четыре бронзовых орнаментированных крестика, сделанных также в одной форме (рис. 8, *9*), бронзовая крестообразная подвеска (рис. 8, *13*), фрагмент бронзового крестика «скандинавского типа» (рис. 8, *10*) [36], три отлитых в одной форме бронзовых петлистых подвески (рис. 8, *12*), две бронзовые ажурные подвески, также отлитые в одной форме (рис. 8, *11*). Обнаружено также восемь бронзовых перстней (четыре пластинчатых, рис. 3, *33, 34,* один витой тонкопроволочный, рис. 3, *32*, один двускатный и один круглопроволочный); пять бронзовых браслетов (из них четыре пластинчатых, рис. 8, *21—24* и один круглопроволочный с расплющенными концами, рис. 3, *25*); три бронзовых круглых фибулы (рис. 8, *18—20*); бронзовая литая фигурка человека с бородой, как бы привязанного к вздыбившейся лошади (рис. 9); шиферное битрапециевидное пряслице (рис. 8, *16*) [37].

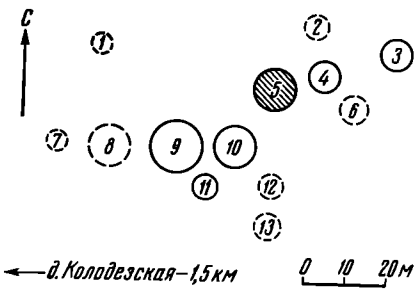



Рис. 7. Колодезская. План курганной группы (топографическая съемка автора)

Описанный инвентарь свидетельствует о радимичской принадлежности погребенных в могильнике. Его население жило в северной части радимичского ареала. Курган 5 может быть датирован первой половиной XI в. (кострище-тризна над погребенным) [38]. Эту же датировку подтверждает и найденный в кургане сосуд, близкий по форме к сосудам типа II-В новгородской керамики (XI—XII вв.) [39]. К XI в., по-видимому, относятся и остальные вещи могильника, о которых мы говорили [40].

---

[35] *Б. А. Рыбакоў.* Радзімічы, стр. 90; *М. В. Фехнер.* Шейные гривны. Тр. ГИМ, 43, 1967, стр. 64.

[36] *М. В. Фехнер.* Крестовидные подвески «скандинавского типа». Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 210—214.

[37] Предметы хранятся в Могилевском областном краеведческом музее, инв. № 18045.

[38] *Б. А. Рыбакоў.* Радзімічы, стр. 89, 102.

[39] *Г. П. Смирнова.* Опыт классификации керамики древнего Новгорода, стр. 230, 234.

[40] *Б. А. Рыбакоў.* Радзімічы, стр. 103, 104; *М. В. Фехнер.* Шейные гривны, стр. 64, 71; *А. В. Успенская.* Нагрудные и поясные привески, стр. 103; *В. А. Мальм, М. В. Фехнер.* Привески-бубенчики. Тр. ГИМ, 43, 1967, стр. 136; *В. П. Левашова.* Браслеты. Там

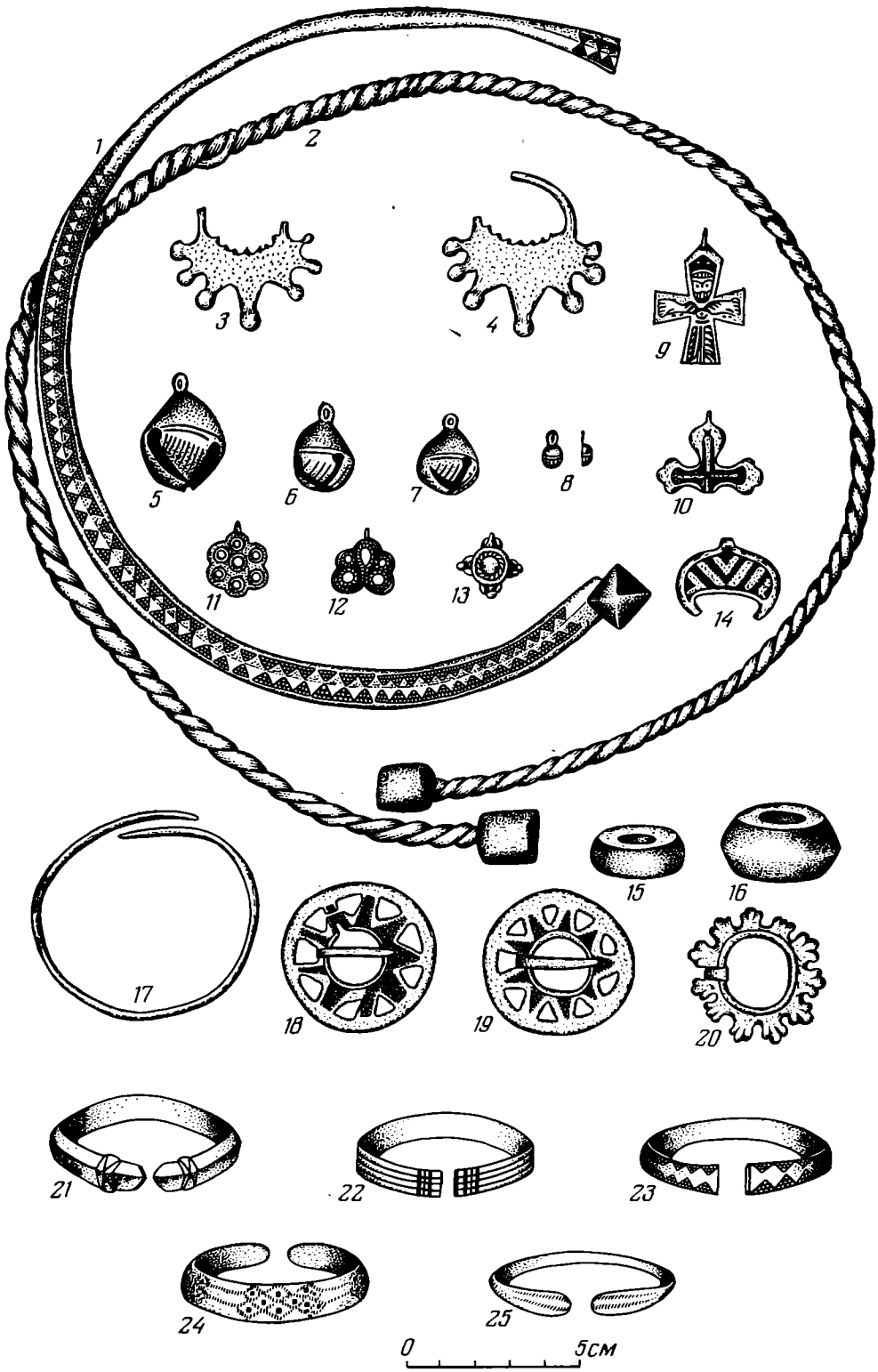



Рис. 8. Предметы из курганов у дер. Колодезская: *1 — 14, 16 — 25* — кург. 12; *15* — кург. 13

Особого внимания заслуживает комплекс разрушенного кург. 12, интересный обилием вещей и их разнообразием. Можно думать, что здесь было захоронено два человека (по свидетельству находчиков, в нем было два черепа), однако расчленить вещи по погребениям невозможно [41]. Среди находок в этом кургане следует выделить прежде всего уникальную фигурку всадника на вздыбившейся лошади, а также крест с грубым изображением распятия и крест-подвеску «скандинавского типа». Фигурка всадника среди русских древностей является инородным телом. Судя по характеру и стилю, это вещь привозная, проникшая сюда из Скандинавии. Картографируя археологические памятники, в которых найдены скандинавские комплексы, исследователи отмечают Гнездово, Чернигов и его окрестности, а также Киевский некрополь [42]. Однако отдельные вещи встречаются на Днепре и между Киевом и Гнездовым. Выше уже говорилось о находке в Лудчицах в 1892 г. С. Ю. Чоловским фигурки человека (кург. 59). Предмет этот был завернут в кору, прикрыт дощечками и находился у левой руки погребенной. С. Ю. Чоловский полагал, что это «литое, бронзовое изображение скифа, весьма напоминающее горельефы знаменитой скифской вазы» [43]. Б. А. Рыбаков отметил, что предмет «возможно, является языческим идолом», указал на тождественную фигурку из городища Тичи в Латвии на Западной Двине (раскопки 1923 г.) и отметил, что оба предмета отлиты в одной форме [44]. Сейчас стало очевидно, что подобные фигурки происходят из Скандинавии [45]. К этому кругу предметов, несомненно относится и фигурка из кург. 12. Эта территория Днепровского бассейна входила в знаменитый путь из варяг в греки, поэтому появлению на Могилевщине скандинавских вещей не приходится удивляться.

Рис. 9. Колодезская. Кург. 12. Миниатюрная фигурка всадника из Скандинавии

Крест, условно названный «крестом с грубым изображением распятия» (Т. В. Равдина) — также редкая находка в древнерусских курганах

---

же, стр. 114, 115; *ее же.* Височные кольца. Там же, стр. 25—28; *М. В. Фехнер.* Крестообразные привески «скандинавского типа», стр. 210—214; *Г. Ф. Соловьева.* Славянские курганы близ села Новый Кривск. КСИА АН СССР, 125, стр. 65—68.

[41] Подобные погребения известны в древнерусских сельских кладбищах. См. *М. В. Фехнер.* Шейные гривны, стр. 55, 56.

[42] *Л. С. Клейн, Г. С. Лебедев, В. А. Назаренко.* Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. Сб. «Исторические связи Скандинавии и России». Л., 1970, стр. 245.

[43] *М. В. Фурсов, С. Ю. Чоловский.* Ук. соч., стр. 37.

[44] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 450.

[45] *В. П. Петренко.* О бронзовых «фигурках викинга». Сб. «Исторические связи Скандинавии и России». Л., 1970. Б. А. Рыбаков полагал, что предмет найден в курганах у дер. Мозыки. Отмечая неточность, В. П. Петренко исправляет на дер. Новый Быхов (*В. П. Петренко.* Ук. соч., стр. 253). В действительности предмет происходит из Лудчиц (см. *М. В. Фурсов, С. Ю. Чоловский.* Ук. соч., стр. 36).

По свидетельству Т. В. Равдиной, помимо названного известно еще восемь мест, где они найдены: в Весьегонском уезде, в Глинниках (Тверская губ.), Гочево на Сейме (кург. 37), о Готланд, Новгород, Загорье (Корчевский уезд), Княжая гора под Киевом, Шапчицы Рогачевского района (раскопки Г. Ф. Соловьевой) [46]. К этой сводке можно добавить изображение такого же креста в работе Л. Раухута (Вербычна Смотрицкого района Каменец-Подольской области) [47]. По Т. В. Равдиной, эти предметы, найденные в Новгороде, меньше по величине и датируются X в. Кресты же из Глинников, Гочева, о. Готланда, Шапчиц (семь отливок) датируются XI в.[48], что вполне соответствует дате, установленной нами по другим данным.

Кресты-подвески «скандинавского типа» в действительности не привозились на Русь из Скандинавии, как полагал А. А. Спицын, однако они распространены в Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, а также в Северной Европе и Советской Прибалтике. В Поднепровье они распространены более всего в междуречье Днепра, Сожа и Ипути, т. е. именно на территории радимичей, и датируются главным образом XI в. Центр производства их еще не выяснен [49].

Разведками автора в 3—4 *км* к северу и северо-востоку от дер. Колодезской, вблизи деревень Братьковичи и Блудемля, выявлены еще три неизвестные и пока неисследованные курганные группы.

В заключение следует отметить, что изучение описанных выше памятников носило разведочный характер. Дальнейшее исследование материалов по истории древнерусской деревни Восточной Белоруссии значительно расширит наши представления на эту тему.

*Ya. G. Rière*

## ETUDE DES KOURGANES SUR LES RIVES DU DNIEPR DANS LA REGION DE MOGHILEV


### Résumé

Dans cet article on expose les résultats des fouilles de quelques monuments funéraires des anciens agriculteurs russes de la région de Moghilev, le long du Dniepr. Ce sont les groupes de kourganes des villages de Esmona, Loudtchitsa et Kolodez. En 1969, dans un champ d'inhumation situé près du village d'Esmona (distirict de Bélynitch, rive droite de l'Oslik) on a fouillé 5 kourganes à inhumations et tertre, sur le sol vierge, et en fosse. Parmi les objets découverts mentionnons: des pendants temporaux (fig. 3[5], 1-7), des bagues (fig. 3[5], 8, 9), des colliers (fig. 3[5], 17-25), dont deux aux boules de bronze, caractéristiques pour les Drégovitchi. On date ces kourganes de la fin du Xe début du XIIIe siècle.

L'un d'eux a été fouillé en 1973, dans le champ funéraire du village de Loudtchitsa (district de Bykhovski, rive droite du Dniepr). Il contenait une inhumation en tertre; le squelette était en position assise, avec le mobilier funéraire habituel des Drégovitchi (fig. 3[5], 10-16). Ce kourgane a été érigé au XIe siècle.

Dans le champ funéraire du village de Kolodez (district de Kostioukovo, rive gauche de la Dérajnïa) on a fouillé en 1973 un kourgane à inhumation en tertre, datant de la première moitié du XIe s. Dans ce même champ on a recueilli 64 objets provenant de kourganes détruits lors de travaux de terrassement (fig. 3[5], 26-30; fig. 8, fig. 9): des torques, des pendants temporaux à sept rayons, et d'autres imitant des bracelets, des bagues, des fibules, des bracelets, des ornements à suspendre, parmi lesquels on remarque des spécimens rares en forme de petites croix (fig. 8; 9), et une figurine de cavalier en bronze (fig. 9). Tout cet ensemble date du XIe siècle.


---

[46] *Т. В. Равдина.* Древнейшие семилопастные височные кольца. СА, 1975, 3.

[47] *L. Rauhut.* Wczesnosredniowiezne materialy z terenow Ukrainy w Panstwowym Muzeum Archeologicznym w Warczawie. «Materialy wczesnosriedniowieczne», t. V, Warszawa, 1960, t. XX, 10, 11.

[48] Автор признателен Т. В. Равдиной за консультации.

[49] *М. В. Фехнер.* Крестовидные подвески..., стр. 212, 214.

Т. Н. КОШЛЯКОВА

# РЕКОНСТРУКЦИЯ СХИМЫ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО

В апреле 1963 г. в связи с реставрационными работами в Архангельском соборе были вскрыты гробницы царей Ивана Грозного и Федора Ивановича, царевича Ивана Ивановича и князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского [1].

Год спустя археологические фрагменты тканей из погребений поступили в Реставрационные мастерские музеев Московского Кремля.

Фрагменты погребальной одежды Ивана Грозного были подвергнуты консервации. Эти фрагменты при вскрытии погребения получили фотофиксацию in situ.

Согласно акту вскрытия от 23 апреля 1963 г., «на черепе черная ткань совершенно разрушенная с кресчатым орнаментом вышивки (крест) ... на груди крест вышитый традиционный ... с пояса снимается также полоса вышивки ... над правым плечом 5 *см* тесьмы» [2].

Остатки погребальной одежды Грозного поступили в мастерскую в виде бесформенных комков с землей, известью и плесенью. После очистки от тлена и грязи эти фрагменты оказались мелкими кусочками шерстяной ткани черного цвета и разрозненными остатками вышитых шелковыми нитями крестов, полосок и надписи (рис. 1, 2). Фрагменты с груди были лучшей сохранности. На голове был маленький крест и остатки от других крестов (рис. 1, *а*). От надписи дошла одна треть (рис. 2, *а*).

Мы попытались найти правильное расположение сохранившихся фрагментов вышивки и по возможности реконструировать детали погребальной одежды. Поэтому после предварительных консервационных работ пришлось обратиться прежде всего к литературным источникам.

Летописец свидетельствует, что 18 марта 1584 г. Грозный «впаде в недуг в тяжек и узнав свое отшествие к богу и повеле митрополиту Дионисию себя постричи, и нарекоша имя ему Иона» [3].

В исторических источниках не удалось найти упоминания о том обряде пострижения и монашеском чине, который принял Грозный перед смертью, в какой вид схимы его облачили. Нам также не удалось найти схимнической одежды XVI в. в музейных собраниях.

Существовало три монашеских чина пострижения: «новоначальные», «малосхимники» и «великосхимники» [4]. От чина пострижения зависела и форма одежды. Новоначальным давалась ряса и камилавка; малосхимникам добавлялись мантия и клобук; великосхимникам давался еще аналав, а клобук заменялся на куколь [5]. Отличительными деталями одежды

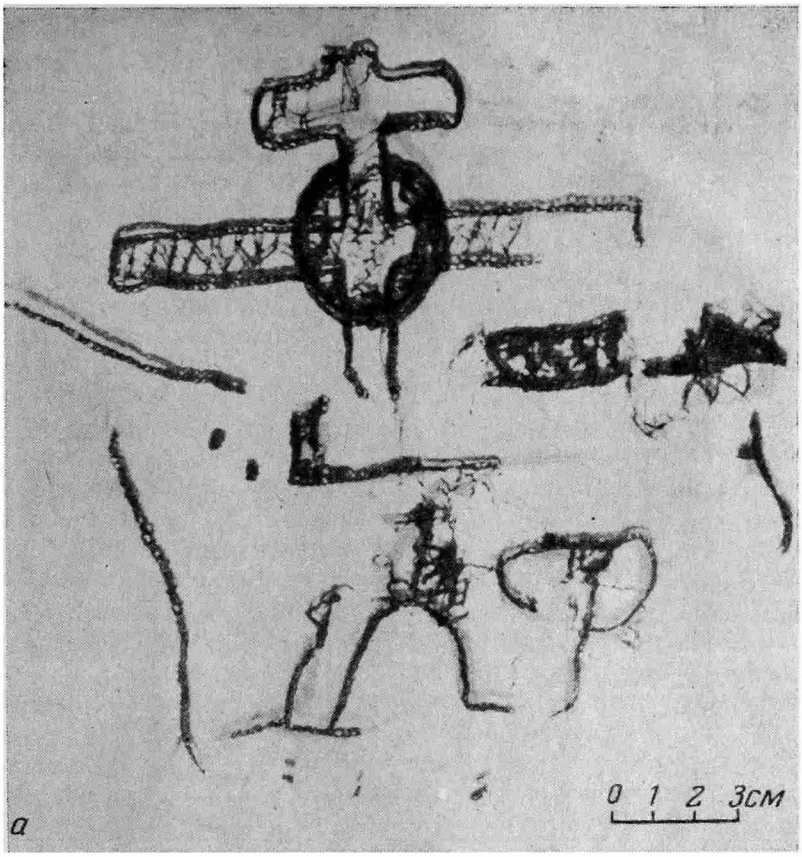
[1] *А. Г. Векслер, М. Г. Рабинович, Н. С. Шеляпина.* М. М. Герасимов и история Москвы (работы по восстановлению облика древних жителей Московского края и русских царей). В сб. «Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. Сборник памяти М. М. Герасимова». М., 1973. Приложения, стр. 179—188.

[2] Научный архив Государственных музеев Московского Кремля, ф. 20, 1966, д. № 9, л. 10.

[3] ПСРЛ, XIV. М., 1965, стр. 34.

[4] *Иннокентий,* архимандрит. Пострижение в монашество. Опыт литургического исследования обрядов и чинопоследования пострижения в монашество в греческой и русской церкви до XVII века включительно. Вильно, 1899, стр. 131.

[5] *Вениамин,* архиепископ Нижегородский и Арзамазский. Новая Скрижаль. СПб., 1858, гл. XIII, стр. 87.



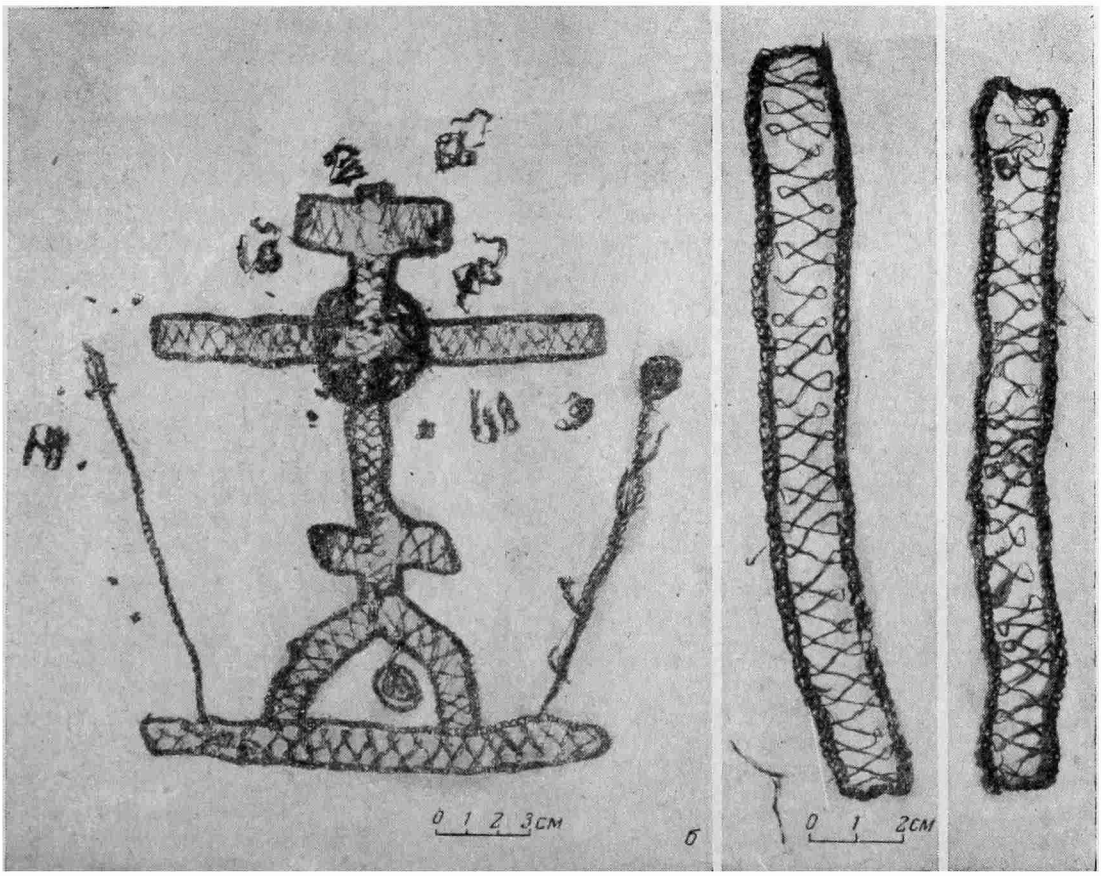




Рис. 1. Фрагменты вышивки в процессе реставрации: *а* — с куколя; *б* — с аналава

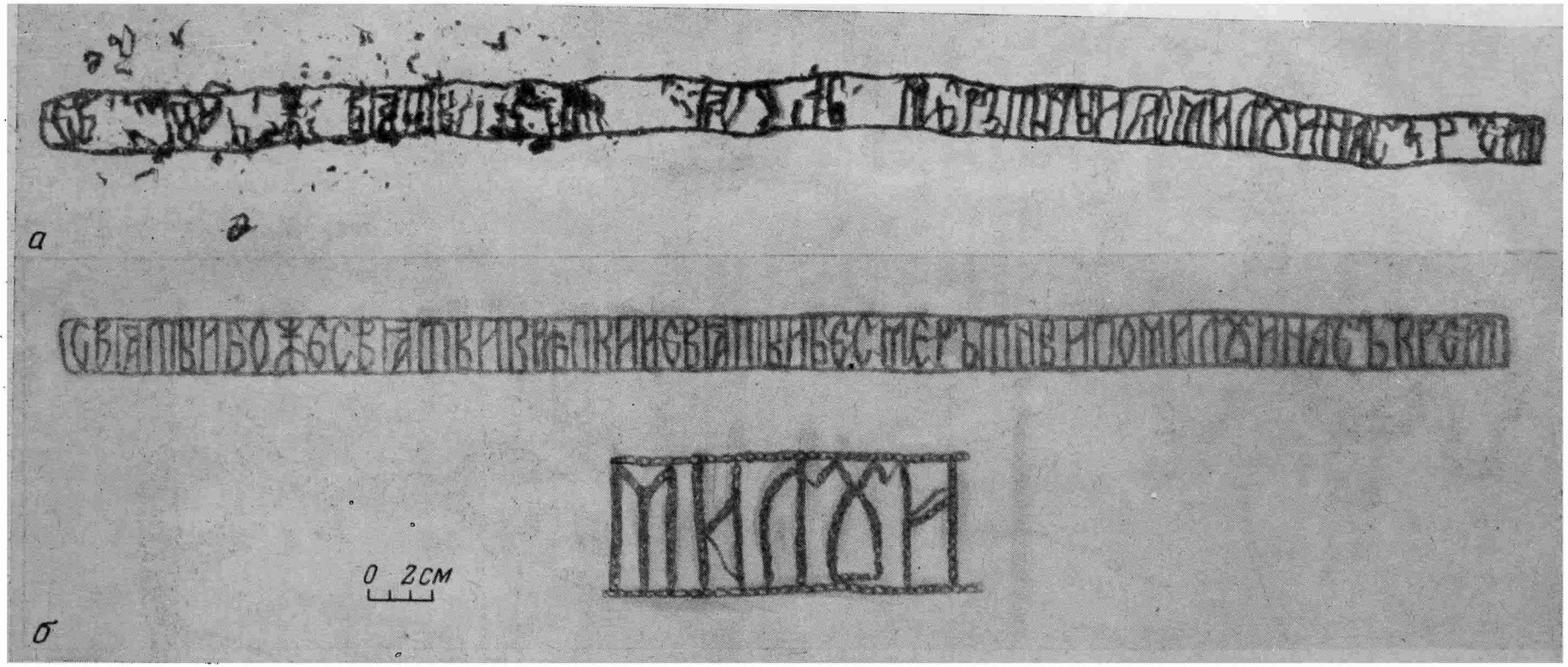



Рис. 2. Надпись с куколя: *а* — в процессе реставрации; *б* — реконструкция

великосхимников являются аналав и куколь. Только эти части великосхимнической одежды украшаются вышивкой — крестами, полосками и надписью [6].

В процессе очистки остатков вышивки с головного убора выявились очертания большого голгофского креста и еще одного креста — меньшего. По фрагментам нитей удалось установить, что существовал и третий, малый крест. Сохранились также остатки вышивки, состоявшие из букв длинной надписи в одну строку. Наличие голгофских крестов и надписи (по-видимому, окаймлявшей головной убор) указывало, что на голове у Грозного при погребении был куколь, а не клобук, как написано в актах вскрытия и в публикации погребения [7]. Следовательно, Грозный был пострижен великосхимником.

Одежда великосхимника традиционна. На тело одевалась рубашка грубого холста или грубой шерсти, достигавшая голеней. Поверх рубахи на спину одевался параманд — четырехугольный кожаный плат. Далее одевалась ряса, длинная до пят, с неширокими до кистей рук рукавами, застегивающаяся спереди. На рясу одевалась мантия [8]. Мантия по крою представляет собой половину круга и застегивается у шеи. Мантия и ряса обязательно шились из шерстяной ткани черного цвета. Далее на схимника возлагались аналав и куколь тоже из черной некрашеной шерстяной ткани [9].

Доказать, что головным убором Грозного являлся куколь, было не сложно, но вот выяснить, к какой части одежды принадлежал крест с груди и полоски с тазобедренных костей — оказалось труднее.

По нашему убеждению, эти вышивки принадлежали к одной части одежды, находившейся на груди. Тем более что встречающиеся на иконах пеленах, фресках и в лицевых рукописях XV — первой половины XVI в. изображения великосхимников представлены однотипно, следующим образом: схимник всегда одет в мантию и рясу, на голове у него куколь, а по груди спускается прямоугольный плат с изображением голгофского креста и полосок (двух или трех), вероятно, именно к этой части схимы относились вышитые крест и полоски, различимые на фотографиях вскрытия. Как назвать эту часть схимы? В обширной историко-церковной литературе нет единообразной терминологии [10]. Эта часть одежды называлась по-разному: или аналавом, или частью куколя. В то же время аналавом могла называться и совсем другая часть схимы.

Монашеская одежда в целом и ее отдельные детали на протяжении веков претерпевали значительные изменения. Иногда какая-то часть одежды заменялась другой, иногда просто название одной части одежды переходило на другую. Так было и с аналавом. Историки церкви пишут: «В греческих и римских монастырях (в Египте в IV в.) аналавом называлась двойная перевязь, сплетенная крестообразно, аналав крестовидно

---

[6] «Одежды монахов малого и великого образа или по теперешнему манатейных и схимников были совершенно одни и те же, как ясно показывают чины пострижения (до настоящего времени) и различались между собою тем, что одни — монахов великого образа или схимников были с иконами воображенными, т. е. нашитыми или вышитыми на них изображениями крестов, а другие — монахов малого образа или манатейных были просты». *Е. Е. Голубинский.* История русской церкви. М., 1904, т. 1, ч. II, стр. 676.

[7] *А. Г. Векслер, М. Г. Рабинович, Н. С. Шеляпина.* Ук. соч., стр. 31.

[8] *Е. Е. Голубинский.* Ук. соч., т. I, ч. II, стр. 680, 685. См. также *К. Никольский.* Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. СПб., 1900, стр. 69, ч. I.

[9] «Все одежды монахов с древняго времени, как и в настоящее, было черного цвета, почему монахи названы чернецами. Все одежды долженствовали быть из материала простого и грубого». *Е. Е. Голубинский.* Ук. соч., стр. 687.

[10] *Иннокентий,* архимандрит. Ук. соч., стр. 83, 212, 240, 253, 274; *Вениамин.* Ук. соч., гл. XIX, стр. 98, 101, 102; *Е. Е. Голубинский.* Ук. соч., т. I, II пол., стр. 675, 676, 682—684; *Филарет;* игумен. До и после пострига. Почаев, 1910, стр. 12; Новая Скрижаль, (1909), гл. XVII, стр. 468; «Общий церковно-славяно-Российский словарь». СПб., 1834 (аналав).

обнимал спину и грудь инока и под мышцами припоясывал его одежду» [11]. Но с XV в. древний аналав изменился и стал называться парамандом. «В чинопоследовании XV в. мы находим указание на такую одежду, которой нет в греческих чинах: это — «параманд». Из себя он представляет четырехугольный плат с крестом и вышитыми на нем буквами. По углам его находятся четыре длинные шнура, которыми он и прикрепляется к плечам и надплечным костям малосхимника» [12]. «Несомненно, что древний аналав нужно видеть не в нынешнем аналаве схимников, а в нынешнем параманде общем им с монахами манатейными» [13]. Параманд надевался на спину и с помощью специальных шнурков завязывался на груди монаха. Шнурки параманда на груди имели вид «Андреевского креста».

Аналавом продолжают называть разные части одежды схимника и параманд, и многокрестник — полиставрион и, наконец, переднюю часть куколя.

Мы считаем более правильным для передней части схимы название «аналав», как это делают и другие исследователи [14].

Таким образом, полосы и крест на груди Грозного были принадлежностью аналава. Подтверждением правильности выбора этого названия является описание чина пострига: «Кукуль с аналавом всегда вкупе бывают». Ими покрывают схимника при пострижении в великую схиму, причем аналав с куколем «полагаются на плечах крестообразно» [15].

Действительно, если представить куколь и аналав в развернутом виде, то они образуют крест. Нижний длинный конец его составляет аналав; перекладину образует наглавная часть куколя; а верхний конец — прямоугольный кусок ткани, пришиваемый к наглавной части куколя со спины. Поперечная часть креста могла быть короче или длиннее, в зависимости от формы куколя.

Удалось выяснить, что великая схима была двух типов [16]. Великосхимник в XVI в. мог иметь куколь с воскрильями, тогда аналав не был пришит к куколю и напоминал священническую епитрахиль. Если куколь не имел воскрилий, то аналав пришивался непосредственно к его уголкам и одевался вместе с куколем [17] (рис. 3, *а*). При этом аналав мог иметь вырез [18], и в зависимости от этого крест на аналаве мог быть выше или ниже на груди. Куколь и аналав украшались крестами. В XVI в. в подавляющем большинстве случаев крестов было пять [19].

Если куколь был с воскрилиями, то один крест располагался на челе, два других по плечам на воскрилиях, один на груди и один на спине

[11] *Иннокентий.* Ук. соч., стр. 83.

[12] Там же, стр. 212.

[13] *Е. Е. Голубинский.* Ук. соч., т. I, II полутом, стр. 683.

[14] *Н. А. Маясова.* Древнерусское лицевое шитье XVI в. Автореф. канд. дисс. М., 1971; *В. И. Антонова* и *Н. Е. Мнева.* Каталог древнерусской живописи, т. 2. М., 1963, стр. 143.

[15] *Филарет.* Ук. соч., стр. 13.

[16] В церковно-исторической литературе никто из авторов специально не рассматривал вопрос об отдельном или слитном существовании куколя и аналава.

[17] *Е. Е. Голубинский.* Ук. соч., т. I, ч. II пол., стр. 678.

[18] Покров с изображением Александра Невского, начало XVII в. (*Т. В. Николаева.* Собрание древнерусского искусства в Загорском музее. Л., 1969, стр. 160, 161, № 82).

[19] «Этот куколь не только обнимающий голову и плечи со всех сторон, но имеет верх несколько остроконечный и украшается пятью крестами, вышитыми из шнуров красного цвета. Кресты эти расположены на груди, на обоих плечах и на спине». *Вениамин.* Ук. соч., стр. 101. Здесь куколем называется куколь с аналавом вместе, как единое целое.

Однако нам известны отдельные произведения древнерусского искусства, на которых было три креста на аналаве, встречались также, хотя и редко, изображения этого же традиционного голгофского креста на куколе и аналаве в окружении множества мелких, простых крестов. Икона Сергий Радонежский XVI в. (на аналаве три простые креста). Музей им. Рублева. «Покров» Сергий Радонежский, начало XV в. (три голгофских креста), Загорский музей, икона Симеон Столпник XVI в., ГТГ. и икона Антоний Римлянин, конец XVI в.— там же (голгофский крест окружен множеством простых мелких крестиков).

Рис. 3. Разновидности куколей и аналавов: *а* — сшитые вместе куколь и аналав. Схима первой половины XVIII в. ГИМ; *б* — куколь с воскрилиями (аналав отделен от куколя). Схима XIX в. из Государственных музеев Московского Кремля

(рис. 4, *а*) [20]. Если воскрилий не было, то все три креста находились на челе. Остальные на тех же местах (рис. 4, *б*) [21].

---

[20] Примером такого расположения крестов могут быть: покров с изображением Зосимы Соловецкого, 1583 г. (*Н. А. Маясова.* Три шитых покрова XVI в. в собраниях Государственных музеев Московского Кремля. Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования, вып. 1. М., 1973, стр. 139). Покров Никиты Столпника Переславского, 1555—1560 гг. (*Н. А. Маясова.* Древнерусское шитье. М., 1971, табл. 43) и др.

[21] Ср. деревянная скульптура «Антоний Римлянин» (ГРМ, инв. № Д 4-94). См. *Н. Н. Померанцев.* Русская деревянная скульптура, Альбом. М., 1967, табл. 51 (автор

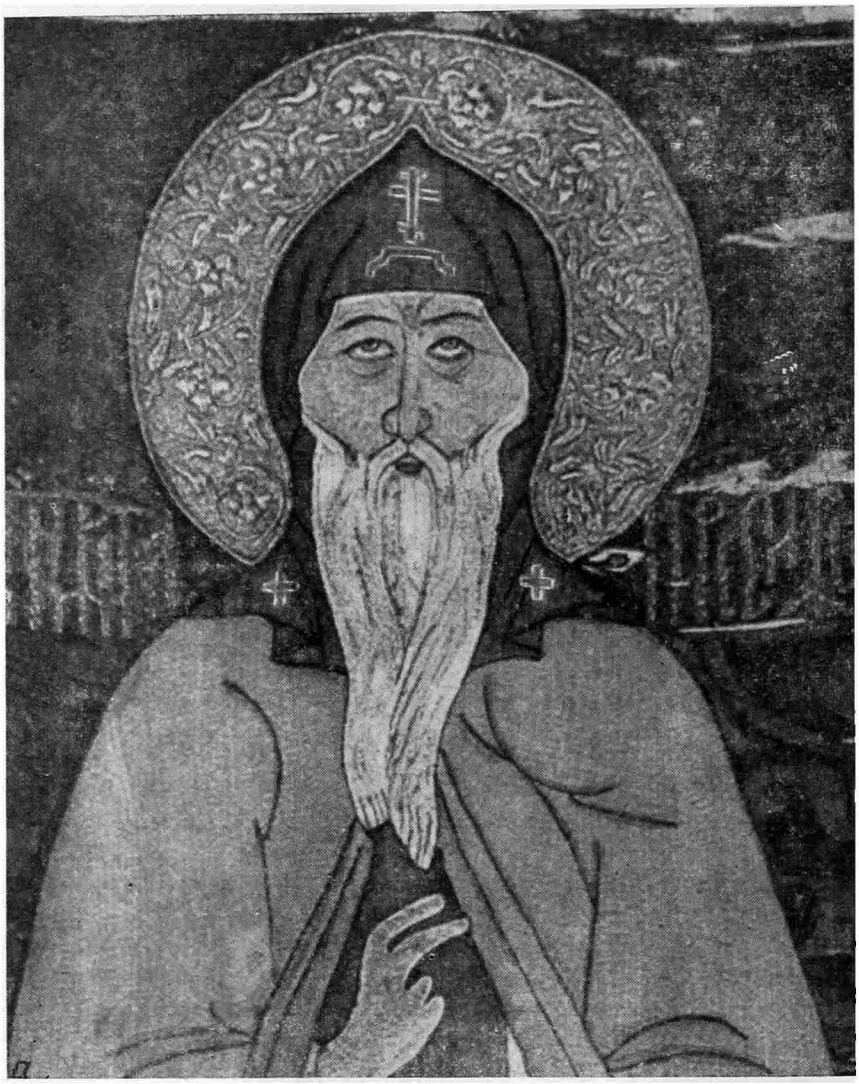


Рис. 4. Изображения облачения схимников XVI в.: *а* — покров Никиты Столпника Переяславского (1555—1560 гг.) куколь с воскрилиями, он отделен от аналава. На куколе три креста — один на челе, два на воскрилиях (на плечах)

Кресты эти имели определенное символическое значение, по словам Симеона Солунского, «куколь обшит вокруг червленными крестами, чтобы царственным и страшным этим знамением отгонять спереди и сзади нападающих на нас» [22].

На фотографиях вскрытия погребения Ивана Грозного на челе его видно два креста из трех, так как голова обнаружена повернутой набок. Это привело к заключению, что куколь его был без воскрилий, составлял единое целое с аналавом. Расположение креста высоко на груди показывает, что аналав не имел выреза, как это было на некоторых схимах.

книги датирует скульптуру XVI в.); *И. И. Плешанова.* Резные фигуры «старцев» в собрании Государственного Русского музея. В кн.: «Памятники культуры. Новые открытия». М., 1975, стр. 279—281 (И. И. Плешанова склоняется к датировке скульптуры концом XVI – началом XVII в.). Сходный куколь можно видеть в болгарской фресковой живописи XIV в. (*Г. И. Чаврыков.* Болгарские монастыри. Альбом. София. 1974, стр. 248). Почитание Антония Римлянина особенно усилилось при Иване Грозном во второй половине XVI в.

[22] *Вениамин.* Ук. соч., стр. 102.

Рис. 4. *б* — куколь Антония Римлянина (деревянная скульптура). Характерны три креста на челе и традиционная надпись по краю куколя; куколь и аналав сшиты вместе

От великой схимы Грозного до нас дошли остатки шелковой вышивки — крестов, полосок и надписи. Как упоминалось выше, вышивка принадлежала двум деталям одежды — куколю и аналаву. Остатки вышивки дали возможность произвести реконструкцию аналава и наглавной части куколя. Так как пятый крест, располагавшийся на спине, не сохранился, то пришиваемый сзади к капюшону куколя плат мы не восстанавливали. Поэтому в дальнейшем словом «куколь» мы называем только его наглавную часть.

Куколь представляет собой тип капюшона острокопечной формы с крестами и надписью. Е. Е. Голубинский отмечает, что «схимники носили куколи, закрывая ими голову глубоко до самых глаз». При захоронении полагалось закрывать куколем лицо до бороды. В уставе XII в. Константинопольского патриарха Алексия в главе «О погребении» написано: «возложить на ны куколь, аще великий схимник будет, взложить наглавие верху главы его и покрыв до брады, яко невидену быти лицо» [23]. Это объясняет, почему на фотографии погребения надпись, которая шла по краю куколя, видна в области подбородка.

Работа по реконструкции куколя была начата с надписи, которая сохранилась фрагментарно. Чтобы восстановить ее, нам пришлось сделать сна-

[23] *Е. Е. Голубинский.* Ук. соч., т. I, ч. II, стр. 677, 678.

чала графическую реконструкцию [24], для чего были привлечены как труды по вещевой палеографии, так и памятники искусства [25].

Ближайшей аналогией погребальной одежде Ивана Грозного является изображение схимы на деревянной скульптуре Антония Римлянина. По краю куколя Антония Римлянина идет традиционная надпись и имеются три голгофских креста, как на схиме Грозного (рис. 1, *а*; 2, *а*). Как выяснилось по сохранившимся в некоторых музеях куколям XVII—XIX вв. и произведениям искусства, надпись на куколе обычно была следующего содержания: «Святый Боже, святый крепкий, святый бессмертный помилуй нас».

После очистки и распрямления букв надписи удалось прочесть ее окончание «...тный помилуй нас....ст». Тщательная работа с остатками букв, которая дала возможность восстановить значительную часть надписи, показала ее особенность. Последние буквы следует читать как «крест». Это слово обычно не пишут, но иногда изображают в конце молитвы. Надпись теперь читается так: «Святый боже, святый крепкий, святый бессмертный помилуй нас крест».

Надпись является уникальным памятником палеографии последней трети XVI в. В ней совершенно нет лигатур. Очертания букв очень мягкие, выполнены петельчатым швом шелковыми нитями (рис. 2, *б*). Вся надпись окаймлена рамкой, шитой также петельчатым швом. Эта рамка дала нам возможность установить размеры капюшона. Обычно традиционная надпись идет полоской по краю вокруг лица, от угла до угла куколя. Таким образом, длина куколя, установленная по размерам надписи, равна 70—72 *см*.

При исследовании сохранившихся в музеях схим первой половины XVII в. удалось проследить одну особенность: в развернутом виде капюшон куколя всегда имеет форму прямоугольника, составленного из двух квадратов, следовательно, ширина куколя равна половине его длины. В нашем случае 35—37 *см*.

В процессе очистки фрагментов шитья с головного убора выявились очертания всех трех крестов куколя: одного большего с чела и двух поменьше, располагавшихся справа и слева от него. Выяснено, что Грозный имел тип куколя без воскрилий, так как все кресты располагались на голове. Это подтверждается фотографией вскрытия.

Основной задачей реконструкции аналава являлось определение его размера и мест расположения креста и полосок на нем. Ширину аналава определяли по анологиям со схимами начала XVII в. Его ширина равна примерно ширине полотна капюшона, т. е. в нашем случае 33—35 *см*. Определить длину аналава было сложнее. Пришлось обратиться к памятникам искусства. Как показывают изображения в иконописи, фресках и лицевом шитье, аналав всегда заканчивался внизу вышитыми полосками двумя или тремя. Длина аналава бывает до колен, несколько выше или ниже [26].

---

[24] В процессе реконструкции надписи автор пользовался консультациями А. И. Рогова (Институт славяноведения АН СССР).

[25] *И. А. Шляпкин.* Русская палеография. СПб., 1918; *М. И. Михайлов.* Памятники русской вещевой палеографии. СПб., 1913; *Т. В. Николаева.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. САИ, Е1-49, М., 1971.

Покров с изображением митрополита Алексея 1581 г. (*Н. А. Маясова.* Древнерусское шитье. М., 1971 табл. 49); Хоругвь «Иоанн Предтеча ангел пустыни». Последняя четверть XVI в. (там же. табл. 50); Покров с изображением Никона Родонежского 1587 г. (Троице-Сергиева Лавра. Художественные памятники. М., 1968, стр. 159); Пелена «Распятие», 1966. (*Р. М. Коваль* и *В. С. Прийменко.* Русский Север. Кириллов — Ферапонтово. М., 1970) и др.

[26] В качестве примеров можно привести фреску на северо-западном столбе Благовещенского собора «Иван Калита и Александр Невский», начало XVI в. (*Г. Соколова.* Роспись Благовещенского собора. Л., 1969, стр. 4) и икону «Ярославские князья

В данном случае полоски находились необычно высоко, на уровне тазовых костей. Это объясняется тем, что руки Грозного были накрыты аналавом.

В результате этого аналав приподнялся и полосы оказались выше на 20—22 *см*, чем они были бы на живой человеческой фигуре (рис. 5). Примером такого положения аналава может служить изображение погребения Савватия Соловецкого на иконе 1545 г. из Успенского собора[27]. Исходя из того, что, согласно определению антропологов[28], рост Грозного, судя по костяку, был 178—179 *см*, можно рассчитать, что длина самого аналава равна 80—82 *см*.

В процессе очистки остатков вышивки с груди были обнаружены буквы. Чтобы правильно найти их место по сторонам креста, были использованы изображения на произведениях искусства XVI в.[29]. Так как ткани одежды Грозного не сохранились, то при реконструкции аналава, так же как и куколя, производилось дублирование (наклеивание) археологических фрагментов шитья на черный шелковый газ (рис. 6).

Обращение к памятникам искусства в поисках типов великосхимнической одежды и расположения крестов на куколе и аналаве помогло обнаружить интересную особенность в цветовом решении одежды великосхимника. На фресках, пеленах, иконах цвет одежды великосхимников не соответствует реальной одежде монахов.

В жизни великосхимник облачался только в черные одежды, в памятниках же искусства, в частности XV — первой половины XVII в.. одежды великосхим-

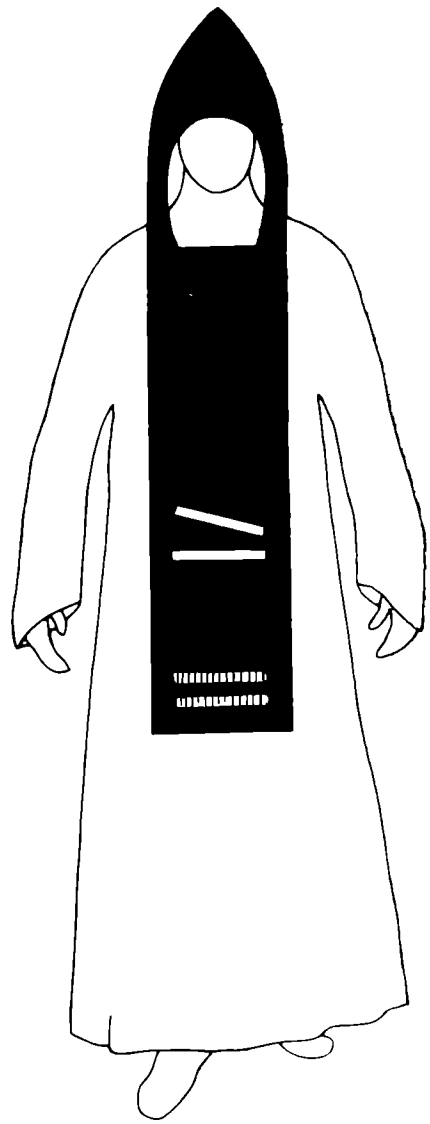


Рис. 5. Реконструкция схимы. Белыми линиями показано положение полосок, обнаруженное при вскрытии; заштрихованными показано их расположение на стоящей фигуре

---

Федор, Давид и Константин в житии», начало XVI в. (*С. И. Масленицын.* Ярославская иконопись. М., 1973, стр. 40), покров «Зосима Соловецкий», 1583 г. (*Н. А. Маясова.* Три покрова..., стр. 138, рис. 3).

При обращении к памятникам искусства мы учитываем, что в произведениях древнерусской живописи, в шитье и фресках допускалась определенная схематизация и условность в изображении предметов.

[27] *Н. А. Маясова.* Два произведения художественного шитья XVII века. Сообщения Загорского музея, вып. 1. Загорск, 1958, стр. 39—42; «Сад спасения». Рукописная книга 1711 г., хранится в библиотеке Государственных музеев Московского Кремля.

[28] Научный архив Государственных музеев Московского Кремля, ф. 20, 1966 9, л. 51.

[29] *Н. Рерих* и *А. Спицын.* «Мелкие заметки». ЗОРСА, т. VII, СПб., 1907, стр. 255, рис. 35. Покров — крест на Голгофе 1557 г. и жемчужная пелена 1599 г. (*Т. В. Николаева.* Собрание древнерусского искусства в Загорском музее. Л., 1969, стр. 142, 143, № 70; стр. 150, 151, № 76 и 77).

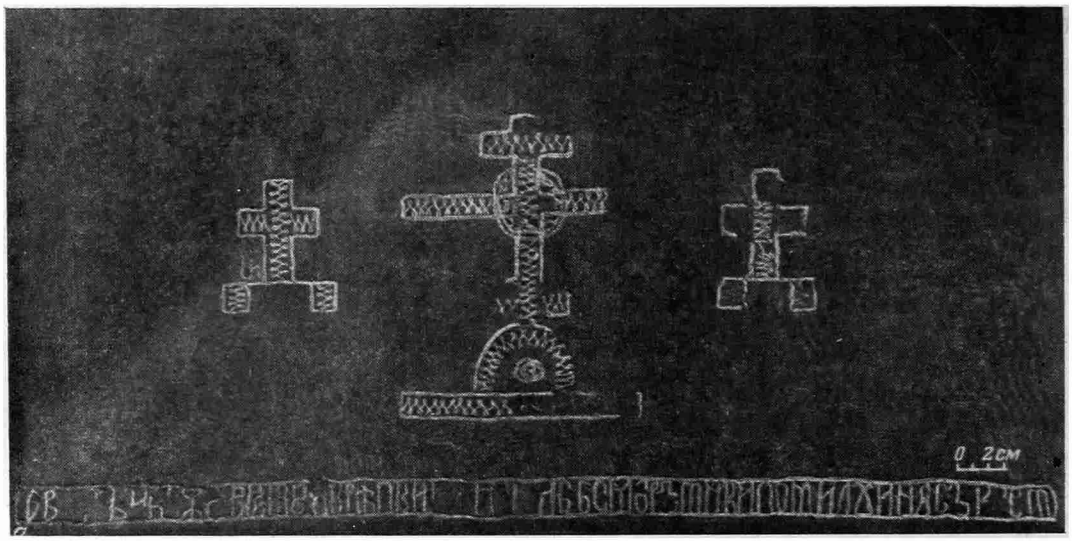



Рис. 6. Реконструкция частей схимы: *а* – куколь (в развертуном виде); *б* – аналав

пиков изображаются многоцветными: мантия в основном пурпурная (багрянец) [30], ряса розовая (алая), охристая, а аналав и куколь всегда синие [31].

Типичным примером, подтверждающим это наблюдение, является покров с изображением Никиты Столпника – Переславского (1555–1560 гг.) [32].

Единственная деталь, которая изображается в соответствии с монашеским уставом, это кресты на куколе, кресты и полоски на аналаве, которые всегда червчато-красные.

По-видимому, в памятниках искусства цвет был дан в его идеальной преображенной сущности.

Монашеская одежда Грозного была сшита из ткани, сотканной из черной перкрашеной овечьей шерсти. Это установлено химическим анализом по осыпи тканей, взятых из разных частей погребения.

Интересен вопрос о цвете шелковых нитей, которыми были вышиты кресты и надписи схимы. Уже в процессе очистки археологических фрагментов начала проявляться разница в оттенках. Одни нити имели красноватый оттенок, другие были светлее. Сохранившиеся следы красителя выявляются особенно хорошо, если нити положить на черный фон, как они были первоначально. Полную ясность в вопрос о первоначальной цветовой гамме помог внести новый метод анализа древних красителей, предложенный Е. Ф. Федорович [33]. Благодаря этому стало возможным

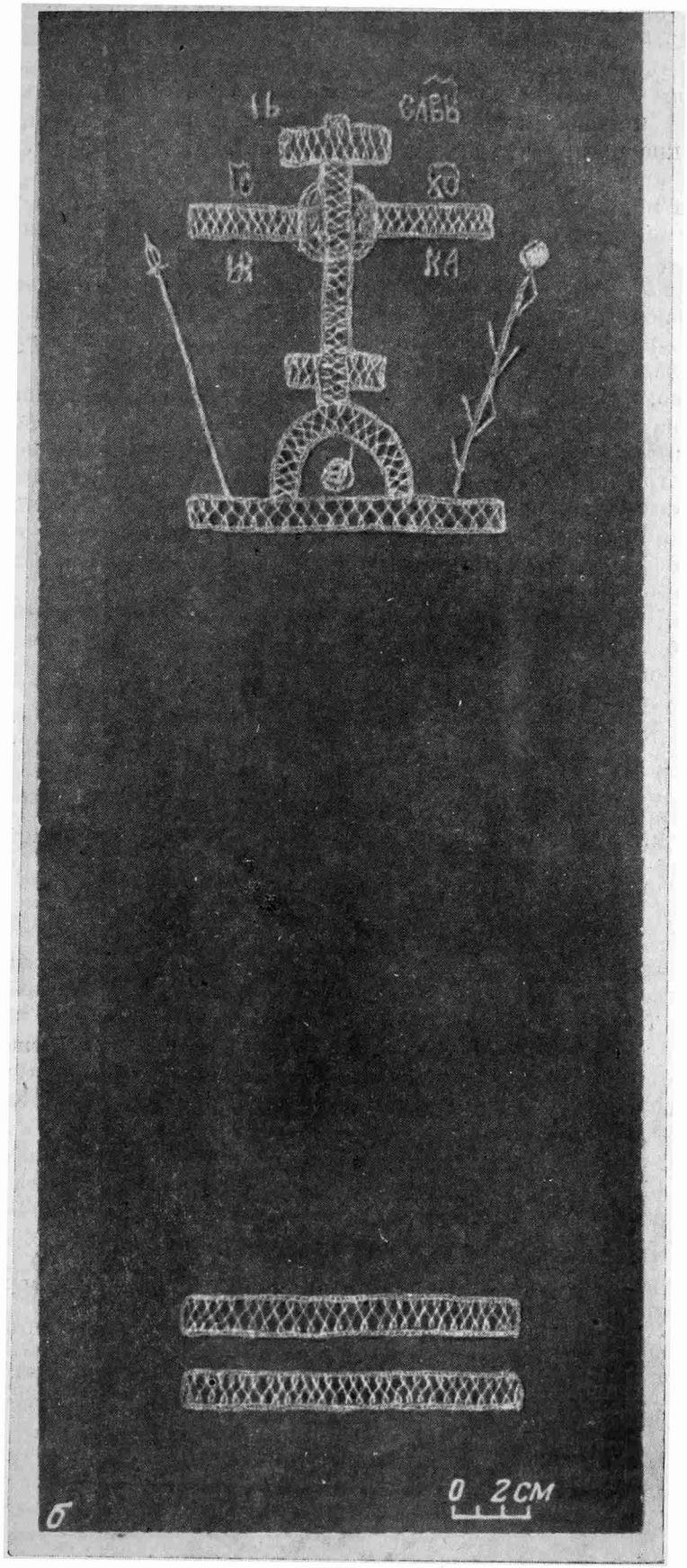
[30] «Мантия напоминает багряницу. Как воины носят широкие плащи (епанчи, шинели) наподобие царской багряницы, по которым узнают, что они служат царю, так и мы носим мантию в знак того, что стали воинами Христовыми, Иисус Христос одет был в багряную ризу как царь, ибо действительно есть Царь царствующих». *Филарет.* Ук. соч. стр. 11. Очевидно, цвет мантии в иконописи имел определенное символическое значение и имитировал разные оттенки пурпура. Соответствующий краситель для тканей — пурпур — извлекался из средиземноморских моллюсков двух видов, дававших синий и малиново-красный цвет. Их комбинирование придавало красителю многочисленные оттенки.

[31] Среди просмотренных памятников искусства нам встретилось единственное исключение. На иконе «Явление Богоматери Сергию» XVII в. из ГТГ у великосхимника мантия пурпурная, ряса охристая, а аналав и куколь розовые.

Изображения малосхимников на тех же памятниках искусства XV — первой половины XVII в. интересны тем, что мантия и рясы у них того же цвета, что и у великосхимников, только у них нет аналава, а клобуки всегда черные.

[32] *Н. А. Маясова.* Древнерусское шитье. М., 1971, стр. 41 (Покров с изображением Никиты Столпника Переславского, 1555–1560 гг.).

[33] *Е. Ф. Федорович.* Методы исследования окраски археологических тканей и приложение к текстильным изделиям Средней Азии прошлых веков. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1967.


0 2 СМ
б

установить окраску археологической ткани, потерявшей видимый цвет. Лабораторный анализ красителей [34] подтвердил, что нити на изучаемой схиме были двух цветов — красного (червчатого) и белого. Было установлено также, что венок на голгофских крестах вышит зеленым шелком. Надпись на куколе шита белым шелком петельчатым швом, а обводка надписи — красным. Все три голгофских креста на куколе красные, а буквы вокруг крестов шиты белым шелком. Крест на аналаве отличается тем, что он красный внутри и имеет белую обводку. Удалось установить, что на схимах XVI в. все кресты всегда изображались красным червчатым цветом, допускался только белый контур [35].

Интересной аналогией к погребальной одежде Грозного может служить покров первой половины XVI в. с изображением Евфросинии Суздальской [36]. В вышивке на схиме этой святой также сочетаются в изображении крестов белая обводка с красным заполнением внутри.

Вероятно, эта двухцветность имела символическое значение.

На основе точных химических анализов красителей, сделанных во Всероссийском художественном научном реставрационном центре, была выполнена графическая реконструкция аналава и куколя в цвете. В этой реконструкции нам удалось воспроизвести не только подлинный цвет схимы, но и показать красоту цветовых сочетаний белого и красного на фоне глубокого черного, на котором белые буквы надписи мерцают словно жемчужное шитье.

Таким образом, обращение к вещевому материалу, памятникам искусства и литературным источникам дали возможность восстановить важнейшие детали и представить первоначальный вид почти полностью утраченной схимнической одежды Ивана Грозного.

*T. N. Kochliakova*

## RECONSTITUTION DE L'HABIT MONASTIQUE MORTUAIRE D'IVAN LE TERRIBLE

Résumé

Après l'ouverture, effectuée en avril 1963, des sarcophages des tsars, dans la cathédrale de l'Archange au Kremlin de Moscou, les vestiges de l'habit monastique mortuaire d'Ivan le Terrible ont été confiés aux ateliers de restauration des Musées d'Etat. L'auteur du présent article a pu rétablir les principaux détails de ce vêtement: le pectoral des moines et le froc. Il a pu établir que l'habit porté par Ivan le Terrible était celui du degré suprême des ordres ascétiques — la grande «skhima»,— et préciser les dimensions exactes du pectoral et du froc de cet habit monastique, ainsi que la couleur originelle des broderies qui s'étaient conservées dans le tombeau (une croix et une bande sur le pectoral, des croix et une inscription sur le froc). Ceci a permis de faire une reconstitution graphique du pectoral et du froc, ayant les mêmes dimensions que l'original.

---

[34] Нити шитья были исследованы А. К. Елкиной в Всероссийском художественном научном реставрационном центре.

[35] *Е. Е. Голубинский.* Ук. соч., т. I, II пол. стр. 687. «В настоящее время кресты нашиваются на схимы белого цвета, но в древнее время они были красного».

[36] Покров Евфросинии Суздальской. XVI в. Владимиро-Суздальский музей-заповедник. См. *А. И. Антонова.* Новый памятник художественного шитья XVI в. В кн.: «Культура древней Руси». М., 1966, стр. 26—29.

# *Заметки*

А. А. ФОРМОЗОВ

## К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ МАЛЬТА

Палеолитическая стоянка Мальта, исследованная М. М. Герасимовым, пользуется мировой известностью. Большим событием в археологии было открытие здесь, недалеко от Иркутска, серии произведений искусства из мамонтовой кости. Благодаря этой находке выяснилось, что в противоположность существовавшим ранее представлениям изобразительное творчество было свойственно не только палеолитическим обитателям Европы, но и их современникам на территории Сибири. Очень интересны выявленные в Мальте позднепалеолитическое погребение с богатым инвентарем — первое захоронение этого времени, найденное на территории СССР, до сих пор остающееся единственным в Сибири, и остатки жилищ, заметно отличавшихся от жилищ донских, днепровских и днестровских палеолитических стоянок. Наряду с позднее раскопанной Буретью Мальта характеризует самый ранний этап в развитии позднего палеолита Сибири. На этом этапе культура населения Сибири, бесспорно, была ближе по облику к культуре европейского палеолита, чем на более позднем этапе, известном по поселениям типа Афонтовой горы, Кокорева и т. д. О причинах такой близости существуют разные мнения, но интерес к этой проблеме скорее возрастает, чем уменьшается.

При всем том наше представление о Мальте крайне неполно. Опубликованы лишь предварительные сообщения о раскопках нескольких сезонов, полного издания памятника нет, а об объектах, изученных в другие сезоны, мы не знаем почти ничего, поскольку у нас нет ни публикаций, ни рукописных отчетов. Коллекции из раскопок разбросаны по нескольким музеям — они хранятся в Государственном Эрмитаже и Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде, в Государственном Историческом музее в Москве, а отдельные вещи — в фондах Иркутского краеведческого музея. Такое положение возникло из-за того, что раскопки стоянки растянулись на 30 лет и шли с большими перерывами, что часть материалов погибла во время блокады Ленинграда и, наконец, из-за того, что руководитель раскопок, занятый в последние годы антропологическими реконструкциями, не уделял достаточного внимания добытым им уникальным материалам. Сейчас, после смерти М. М. Герасимова, группа археологов начала подготовку к изданию материалов стоянки Мальта. В эту группу входят участники послевоенных раскопок поселения сотрудники Иркутского государственного университета Г. И. Медведев и В. В. Свинин, геолог С. М. Цейтлин, палеонтолог Н. М. Ермолова и автор данной заметки.

Здесь я хочу затронуть лишь один вопрос — об облике Мальты как поселения. По имеющимся публикациям невозможно установить, сколько

жилищ было обнаружено при раскопках стоянки и каково их соотношение друг с другом. Между тем это очень важно как для понимания самого памятника, так и для изучения палеолитических жилищ и поселений вообще.

Раскопки стоянки были начаты в 1928 г. после случайной находки костей мамонта при рытье подполья на усадьбе крестьянина Савельева, расположенной на нижней по левому берегу р. Белой окраине с. Мальта. В 1928 г. было вскрыто 37 $м^2$ культурного слоя, в 1929—129 $м^2$. Раскоп 1929 г. охватывал раскоп 1928 г. с юго-востока. За эти сезоны раскопок выявлено три палеолитических жилища, описанных в двух сообщениях М. М. Герасимова [1]. Жилище 1 связано с участками А, Б, Г, Д 1928 г., жилище 2 — с участками I, V и VII 1929 г., а жилище 3 — с участками VIII и IX 1929 г. Лучше других сохранилось жилище 2, имевшее обкладку из 40 плит известняка. Длина обкладки 6,5 *м*, ширина 4 *м*. В сторону реки, на юг, от нее ответвляется вход длиной 1,5 *м*, шириной 1 *м*. Внутри жилища находился очаг, сложенный из трех камней. Жилища 1 и 3 частично нарушены поздними перекопами, а жилище 3 к тому же исследовано не на всей площади. Судя по имеющимся материалам, диаметр жилища 1 около 6 *м*, размер жилища 3 не менее 8 *м* в длину и 4 *м* в ширину.

Все жилища вытянуты в одну линию, параллельную берегу р. Белой, текущей здесь с северо-запада на юго-восток. Расстояние между жилищами 1 и 2—3,5 *м*, между жилищами 2 и 3 — 2 *м*. В конструкцию стен помимо камней входили крупные кости животных — бивни мамонта, трубчатые, лопатки, тазовые кости и черепа мамонта и носорога. В ряде случаев замечено, что камни лежали поверх слоя костей. Можно думать, что сначала делался фундамент жилища из костей, затем опиравшаяся на него крыша, покрытая шкурами, а камни укладывали на края шкур, чтобы закрепить и удержать их.

По исследованиям стоянок древнекаменного века в Европейской части СССР мы знаем как широко использовались крупные кости животных при сооружении палеолитических жилищ. Эта черта культуры была свойственна и древнейшему населению Приангарья. В условиях вечной мерзлоты невозможно было рыть глубокие землянки, а также забивать в землю столбы-опоры. Поэтому фундамент жилищ из крупных костей был наземным, На него, вероятно, опиралось перекрытие из шестов. Трудно представить себе, что каркас хижины образовывало переплетение рогов северного оленя, как это предположил А. П. Окладников, реконструируя жилище расположенной недалеко от Мальты и близкой ей по культуре стоянки Буреть [2]. Рога в отличие от шестов не образуют единой плоскости, пригодной для покрытия шкурами. Отростки рогов торчат во все стороны.

Исследуя костные остатки из Мальты, палеонтолог Н. М. Ермолова установила, что ряд трубчатых костей мамонта, а в одном случае и таз мамонта имеют специально выдолбленные углубления и отверстия для закрепления жердей. Аналогию этому мы знаем в жилищах европейских стоянок Мезин и Межиричи [3].

В 1930 г. к раскопу 1928—1929 гг. была сделана прирезка с юго-востока площадью 24 $м^2$. Здесь выявились остатки нового жилища (4) в виде скопления плит известняка и крупных костей животных. И это жилище расположено на той же параллельной берегу Белой линии, так же, как и три предыдущих жилища. Этот комплекс был вскрыт лишь частично и вновь засыпан для доследования в будущем. К сожалению, когда экспедиция прибыла в Мальту после двухлетнего перерыва, этот участок вместе с жи-

---

[1] *М. М. Герасимов.* Мальта — палеолитическая стоянка. Иркутск, 1931, рис. 2 (план раскопа, ориентировка его по странам света ошибочна); *его же.* Раскопки палеолитической стоянки Мальта. ИГАИМК, 118, 1935, стр. 82—88.

[2] *А. П. Окладников.* Палеолитические жилища в Бурети. КСИИМК, X, 1941, стр. 16—31.

[3] *И. Г. Пидопличко.* Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969, рис. 29, 51.

лищем был разрушен при земляных работах. Таким образом, о жилище 4 мы не знаем ничего, кроме того, где оно было расположено [4].

Раскоп 1932 г. площадью 80 $м^2$ примыкал к раскопу 1928—1930 гг. с юго-востока. Остатков жилищ на этой значительной площади обнаружено не было. На большинстве участков этого раскопа слой оказался слабо насыщенным находками. На участках II, III и IV были зафиксированы скопления костей северного оленя в анатомическом порядке. Части двух скелетов образовывали одну группу, части трех других лежали порознь. На

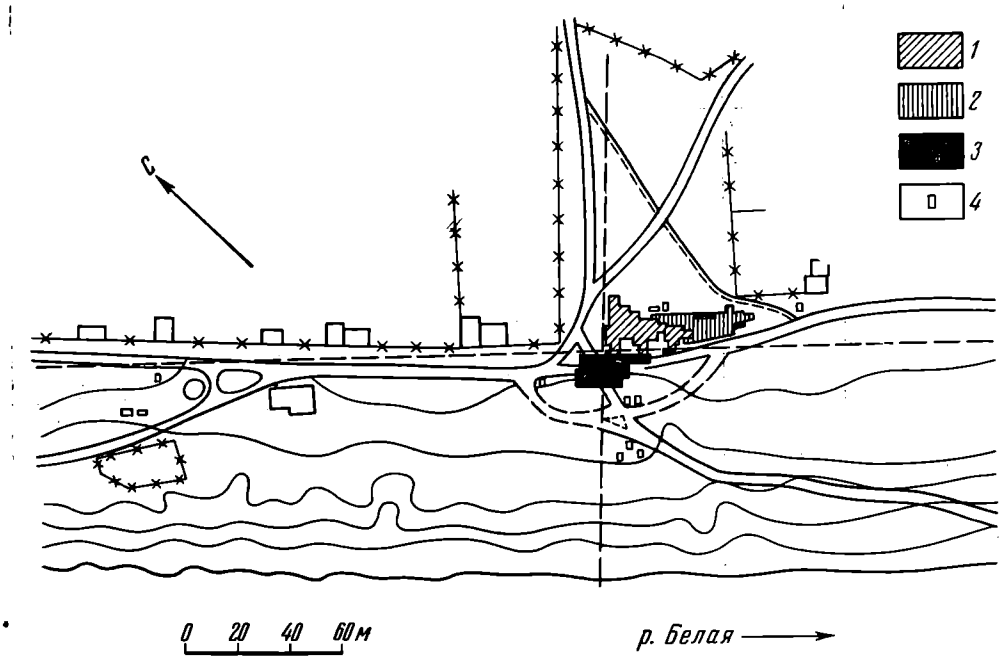



Рис. 1. План палеолитической стоянки Мальта, снятый Г. П. Сосновским в 1934 г. *1* — раскоп 1928—1929 гг., *2* — раскоп 1932 г., *3* — раскоп 1934 г., *4* — шурфы

соседнем участке V отмечен ряд ямок диаметром от 15 до 80 *см*, в которых находились скопления костных остатков, в том числе 4 полных скелета песцов [5]. М. М. Герасимов рассматривал вскрытую в 1932 г. часть поселения как его окраину. Расширяя раскоп от шурфа 1928 г. все время в одну сторону — на юго-восток, вниз по реке, археологи дошли к 1932 г. до границы стоянки.

В 1934 г. при совместных раскопках Г. П. Сосновского и М. М. Герасимова раскоп общей площадью 158 $м^2$ был прирезан к раскопу 1928—1929 гг. в другом направлении, с запада, ближе к реке, по отношению к линии жилищ 1—4. Соотношение раскопов показано на плане, хранящемся в архиве Г. П. Сосновского (рис. 1). На раскопе 1934 г. выявлено три жилища. Жилище 5 диаметром около 4 *м* и площадью 11 $м^2$, на участке S (XXV) представляло собой неглубокую западину, насыщенную мелкими костями животных и кремнем. По краю западины прослеживалось скопление камней. Жилище 6 на участке T (XXVI) находилось на расстоянии 50—60 *см* от жилища 5. Это углубление диаметром 3—3,5 *м*, с площадью дна 9 $м^2$, окрашенное в темный цвет и заполненное мелкими костями. Прослежен земляной вал высотой 20—30 *см*, ограничивающий это углубление с северо-запада. Сохранилась в первоначальном положении плита,

[4] *М. М. Герасимов.* Раскопки палеолитической стоянки Мальта, стр. 88, 89. Ниже, на стр. 115, М. М. Герасимов говорит о пяти жилищах, открытых в 1928—1932 гг., но в тексте статьи речь идет лишь о четырех.

[5] Там же, стр. 89—100.

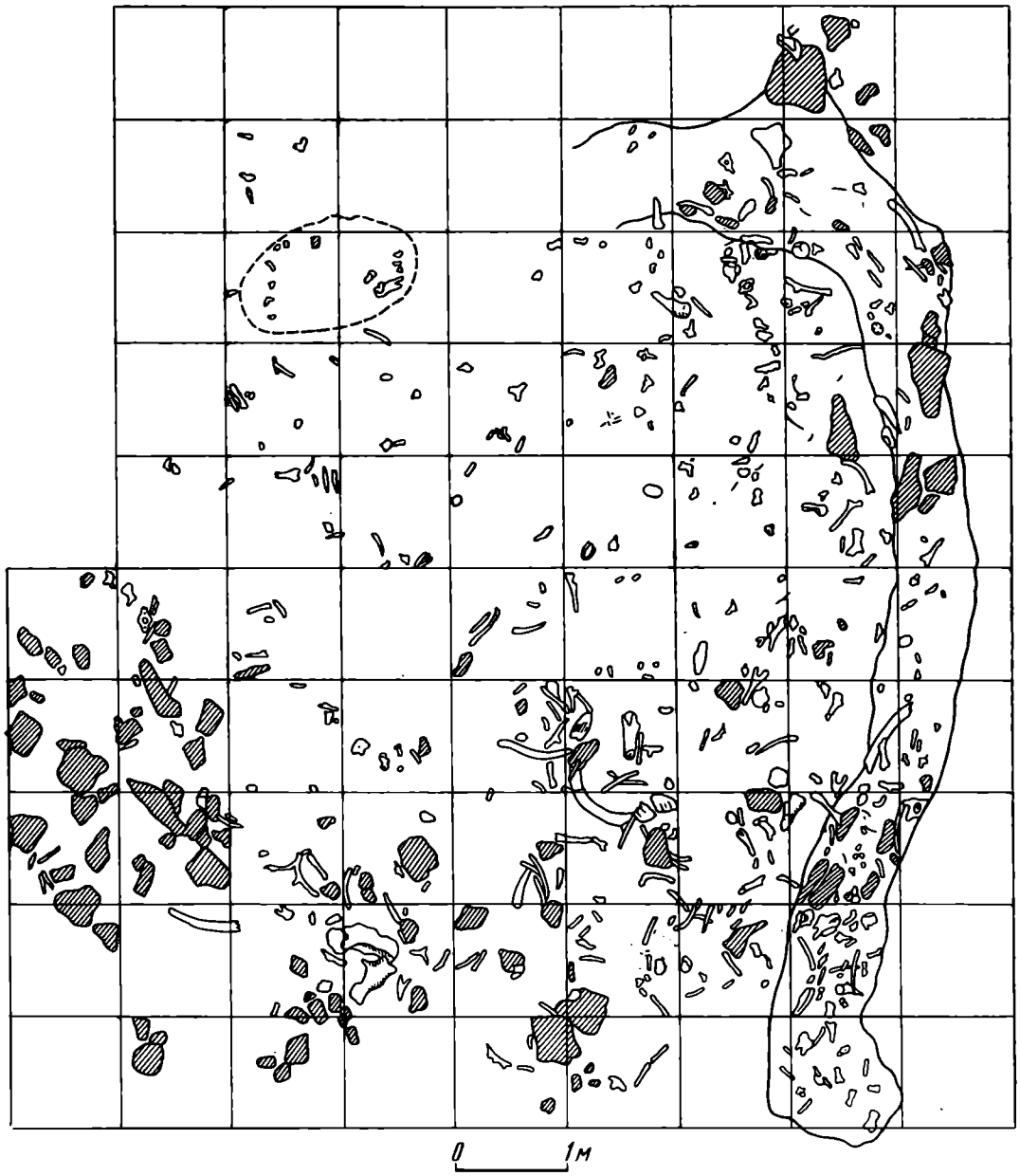



Рис. 2. План жилища 7 в раскопе 1934 г. на стоянке Мальта (снят Г. П. Сосновским). Заштрихованы плиты камня. Обозначены — вал, ограждающий жилище, яма (пунктиром) и кости животных

стоявшая на этом валу, а ряд плит, сползших с вала, найден по соседству. Жилище 7 на участке X (XXVII) расположено западнее жилищ 5 и 6, на расстоянии 1,5 *м* от них. Площадь его центральной углубленной части 7×6,5 *м*. На юго-востоке комплекса четко выделялся вал высотой до 70 *см*, шириной в основании 50 *см* и протяженностью 10,5 *м*. Он тянется с юго-запада на северо-восток на длину 8 *м*, а затем изгибается к северу на длину 2,5 *м*. Дальше вал не сохранился. На валу стояли плиты, внутри находилось скопление рогов северного оленя и крупных костей мамонта. Углубление в центре жилища на 1—1,5 *м* ниже верха вала. По западному краю участка поверхность древнего пола постепенно повышается и выходит на тот же уровень, что и вершина вала. Уровень пола жилища 7 выше уровня полов жилищ 5 и 6 на 30—50 *см*. Публикуем план жилища 7, хранящийся в архиве ЛОИА в фонде Г. П. Сосновского (рис. 2).

Итак, раскопки 1934 г. показали, что палеолитические жилища Мальты не просто имели основание из крупных костей животных и камней, но и были слегка углублены, представляя собой полуземлянки. Основание жилищ окружалось иногда земляным валом высотой до 70 см [6].

В 1936—1937 гг. М. М. Герасимов продолжал работы в Мальте. Результаты этих работ опубликованы не были. Сохранились только записи в архиве Г. П. Сосновского и краткий отчет в архиве ЛОИА. В основном велась шурфовка, причем было установлено, что культурный слой стоянки тянется вверх по реке, к северо-западу от раскопа предшествующих лет. В 1937 г. был заложен раскоп площадью 8×12 *м*, примыкавший к раскопу 1934 г. с юго-востока. Здесь выявлено новое жилище (8). Вал, тянущийся на 6—8 *м* с севера на юг и достигающий в высоту 25—30 *см*, оконтуривал основание жилища. С валом связаны находки плит известняка, трубчатых костей и бивня мамонта, рогов северного оленя. В центре углубления — скопления костного угля и золы [7]. В коллекции Эрмитажа хранятся 263 предмета из раскопок 1937 г. Если мы выпишем стоящие на них шифры, мы увидим, что находки происходят с определенной части раскопа с примыкающих друг к другу квадратов V—3—5, VI—2—6, VII—1—4, VIII—2—6, IX—2—7, X—4—7, XI—4—7 [8]. На основании этого можно наметить границы скопления культурных остатков и тем самым примерные размеры жилища. Оно имело в длину около 7 *м*, в ширину около 6 *м* и входило в ту же группу, что и жилища 5—7.

В противоположность жилищам 1—4, вытянутым в линию вдоль берега Белой, жилища 5—8 образуют компактное скопление, вынесенное ближе к реке по сравнению с вышеупомянутой линией жилищ. Расстояния между жилищами 5—8 значительно меньше, чем между жилищами 1—4.

После двадцатилетнего перерыва раскопки Мальты были продолжены в 1956—1958 гг. Опубликованы только краткие сведения о работах 1956—1957 гг. О раскопках 1958 г., кроме описи коллекции, никаких материалов у нас нет. Раскопки этих трех лет захватили северо-западную часть стоянки, расположенную выше по реке. В примыкавшем к довоенным раскопкам раскопе 1956 г. выявлено одно большое жилище (9), резко отличающееся от всех остальных. Длина его 14 *м*, ширина 5—6 *м*. В 1957 г. на участке, лежащем выше по реке, изучено пять жилищ (10—14). Из них в статьях М. М. Герасимова описаны два, о других сведения предельно кратки. Размер одного жилища 3×4 *м*, второе — было практически идеально круглым и имело диаметр 5 *м*. В основании жилища находился круг из плит известняка, диаметром 4—5 *м*. Эти жилища в целом похожи на исследованные в довоенные годы [9]. В пределах раскопа 1958 г. прослежены остатки стены одного жилища (15). Слой насыщен слабо. Видимо, это уже окраина поселения. Площадь раскопа 1956 г. —140 $м^2$, 1957 г. —348 $м^2$, 1958 г. —112 $м^2$, т. е. после войны вскрыто всего около 600 $м^2$ культурного слоя (до войны примерно 548 $м^2$).

На основании приведенного краткого обзора мы можем несколько лучше, чем раньше, представить себе облик палеолитического поселения Мальта в целом. Площадь поселка свыше 1100 $м^2$. Исследован он, как будто, почти полностью. На основной части крайнего северо-западного, верхнего по реке участка (раскоп 1958 г.), и на крайнем юго-восточном, нижнем по реке участке, жилища не обнаружены, и культурный слой был здесь беднее, чем в центре. Жилища вытянуты цепочкой вдоль реки. При

---

[6] *М. М. Герасимов, Г. П. Сосновский.* Новые находки на палеолитической стоянке в с. Мальта. Труды Советской секции Ассоциации по изучению четвертичного периода, I, 1937, стр. 281—285; Архив ЛОИА, ф. 2, № 226; ф. 42, № 31, 33.

[7] Архив ЛОИА, ф. 2, № 262; ф. 42, № 31.

[8] Опись колл. № 1407 ОИПК ГЭ.

[9] *М. М. Герасимов.* Палеолитическая стоянка Мальта (раскопки 1956—1957 гг.), СЭ, 1958, 3, стр. 34—37, 42—51; *его же.* Круглое жилище стоянки Мальта. КСИА АН СССР, 82, 1961, стр. 128—134.

этом можно заметить, что в центре этой линии находилось единственное на стоянке длинное жилище 9, ниже его по реке располагалась группа из четырех жилищ (1—4), выше — группа из шести жилищ (10—15). Третья группа из четырех тесно расположенных жилищ не находилась на главной линии, она смещена ближе к реке (жилища 5—9 в раскопках 1934, 1937 гг.).

Ни на одном другом палеолитическом поселении мира мы не знаем такого большого скопления жилищ. Следующим по числу жилищ за Мальтой должен быть поставлен Радомышль на Украине, где раскопано всего шесть жилищ [10].

Одновременны ли все жилища Мальты? Перекрывания одного жилища другим здесь не зафиксировано ни разу. Правильность планировки — длинное жилище в центре и группы круглых жилищ выше и ниже его по реке — говорит скорее об одновременности основной массы жилищ. Однако бросается в глаза разница в составе находок на раскопах. Раскопки 1928—1932 и 1956—1957 гг. дали большое число художественных изделий из кости — статуэток, украшений и т. д. В раскопе 1934 г. найдена лишь одна фигурка лебедя (в жилище 5), а в раскопе 1937 г., в жилище 8, ни одного художественного изделия не было. Между тем эти раскопы не бедны культурными остатками. Из раскопок 1928—1930 гг. в Эрмитаже хранится 816 предметов, из раскопа 1932 г.— в МАЭ — 465 предметов, из раскопа 1956 г.— в ГИМ — 376 предметов, 1957 г.— 671, 1958 г.— 472 предмета. Из раскопа же 1934 г. в фонды МАЭ поступил 4621 предмет [11]. Следовательно, отсутствие художественных изделий из кости на этом участке поселения не случайно.

Объяснить это можно двояко — или разным функциональным назначением жилищ, или их разновременностью. Для подтверждения последнего предположения необходим тщательный анализ кремневого инвентаря со всех участков поселения. Возможно, западный участок стоянки с жилищами 5—8 окажется наиболее поздним.

Что же касается основной части поселения, то группировка небольших круглых жилищ вокруг одного длинного дома заставляет предположить, не был ли этот дом зданием общественного назначения — культовым и общинным центром жителей поселка.

При дальнейшем анализе материалов, оставшихся после раскопок стоянки Мальта, выявятся, вероятно, и другие интересные детали.

---

[10] *І. Г. Шовкопляс.* Господарсько-побутові комплекси пізнього палеоліту. Археологія, 3, 1971, стор. 17, 18, рис. 1.

[11] Описи ОИПК ГЭ, № 370, 1407, 1408, 1573, отдела археологии МАЭ — № 5406, 5212, первого археологического отдела ГИМ — № 1820, 1822, 1833.

**А. Л. НИКИТИН**

## НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ПЛЕЩЕЕВО II

Неолитическая стоянка Плещеево II находится на северо-западном берегу Плещеева озера, напротив города Переславль-Залесский. В отличие от других памятников группы «Плещеево» она занимает наивысшую позицию над уровнем озера — денудированный гребень и обращенный к озеру склон древнего берегового вала, соответствующий второй надпойменной террасе (4,55 *м*). Основная территория стоянки расположена к востоку от пикета № 350 узкоколейной железной дороги Переславль — Купанское, проходящей по ее западной окраине. Большая часть стоянки, поросшая лесом, сохранила ненарушенный слой. Западная часть разру-

шена кюветами, окаймляющими железнодорожное полотно, и обширными песчаными карьерами.

Разведочные раскопы 1964 г. были заложены в двух местах вдоль железной дороги, общей площадью 44 *м*² [1]. Северный участок оказался за пределами поселения. В этом убеждает стратиграфия: под слоем современного подзола с глубины 0,27 *м* залегал уже белый, слабопятнистый плотный песок древних озерных отложений (береговой вал). Иная картина ожидала на южном участке (квадраты 101—105/Б). Концентрация находок, в основном керамики, лишь в одной половине раскопа и четкий перепад глубин [2] позволяют думать, что мы задели край слегка углубленного в грунт жилища. К сожалению, расширить раскоп в сторону предполагаемого жилища оказалось невозможным.

Стратиграфия на месте предполагаемой жилищной впадины следующая:

0—0,27 *м* — слой серого, светлеющего книзу подзола; в его нижнем горизонте встречаются отдельные фрагменты керамики, типичной для данного поселения, крупные угли и кремневые отщепы;

0,27—0,63 *м* — оранжевый эоловый песок древней дюны, содержащий большое количество находок и залегающий исключительно во впадине предполагаемого жилища; в плане хорошо виден его контакт с материковым белым озерным песком берегового вала, не затронутым деятельностью человека;

0,63 *м* и ниже — слоистые озерные пески.

Керамика стоянки Плещеево II, представленная в раскопе 1964 г. развалами сосудов, найденными вдоль границы предполагаемого жилища, выделяется своим орнаментальным и технологическим своеобразием из комплексов остальных памятников Плещеева озера (рис. 1). Общим для нее является технология изготовления сосудов. Черепки плотные и тонкие (до 0,5 *см*), изготовлены из высококачественной, тщательно очищенной глины, единственной примесью к которой служил мелкий песок. Все сосуды изготовлены методом выбивания — об этом свидетельствуют следы от лопаточки на поверхности крупных фрагментов и характерный прямой излом черепка, без следов спаев глиняной ленты. Любопытно, что на некоторых сосудах можно видеть отпечатки ткани (рис. 1, *8, 9,*), не совсем затертые, как если бы формовка сосуда происходила в мешочной форме или сосуд был обернут полотнищем при просушке.

Насколько можно судить, преобладали вытянутые сосуды с небольшим расширением в средней или в нижней своей части и слегка профилированным венчиком (рис. 1, *2, 8*) и несколько приостренным, судя по фрагментам, дном. В отличие от обычных пропорций неолитических сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом, где отношение диаметра (горла или наиболее широкой части) к высоте выражается пропорцией 1:1, здесь соотношение иное — 1:2 или 1:1,5.

Орнамент, преобладающий на сосудах стоянки Плещеево II, с полным правом может быть назван «ямочно-накольчатым». Его основным элементом является мелкая цилиндрическая ямка, поставленная перпендикулярно (рис. 1, *1, 4, 5*), под бо́льшим (рис. 1, *2, 3, 7*) или меньшим (рис. 1, *6, 8, 10*) углом к поверхности сосуда. Иногда она дополняется отпечатками ногтя на пальцах, державших пунсон (рис. 1, *6*). Коническая ямка среднего диаметра встречается редко. Столь же редко можно видеть отпечатки короткого зубчатого штампа (рис. 1, *4*), применявшегося при разделении зон и уплотнении венчика изнутри.

Преобладающими мотивами в орнаменте служат вертикальные и горизонтальные зигзаги из нескольких строчек наколов, идущие по свобод-

[1] *А. Л. Никитин.* Отчет о работах Переславского неолитического отряда в Переславском районе Ярославской области в 1964 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 4178 (материал сборов 1957 г. хранится в Переславль-Залесском историко-художественном музее; материал раскопок 1964 г.— в ГИМ).

[2] Там же.

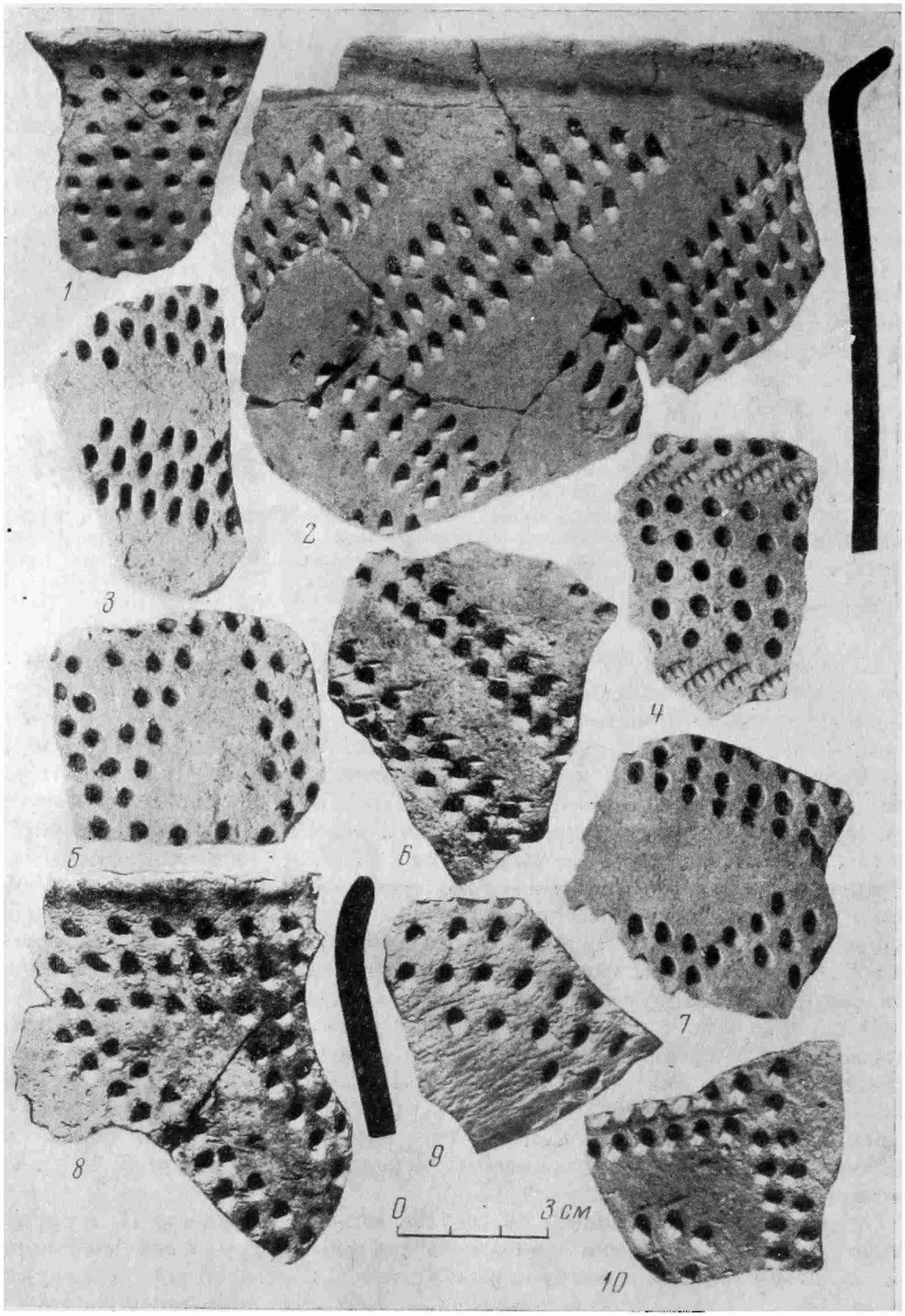



Рис. 1. Плещеево II. Керамика

ному полю сосуда (рис. 1, *2, 3, 6, 10*), цепочки ромбов, заключенные между поясами зигзагов (рис. 1, *7*), чередование «негативных» и «позитивных» треугольников, образованных как наколами, так и оставшимся свободным пространством без орнамента (рис. 1, *5*), и другими геометрическими фигурами, напоминающими вышивку или аппликации из разноцветных кусочков кожи и шерсти на одежде охотничьих народов лесной зоны.

Каменные орудия стоянки Плещеево II на редкость малочисленны (рис. 2). Хотя в раскопе и были найдены две ножевидные пластинки (рис. 2, *1, 2*), а на северных квадратах — два концевых скребка на длинных (до 12 *см*) идеально правильных ножевидных пластинах весьма раннего облика, при взгляде на кремень Плещеева II создается впечатление, что перед нами не один, а два индустриальных комплекса. И если второй комплекс (рис. 2, *4—9*), использующий для изготовления орудий исключительно отщепы непрозрачного зеленоватого верхневолжского кремня

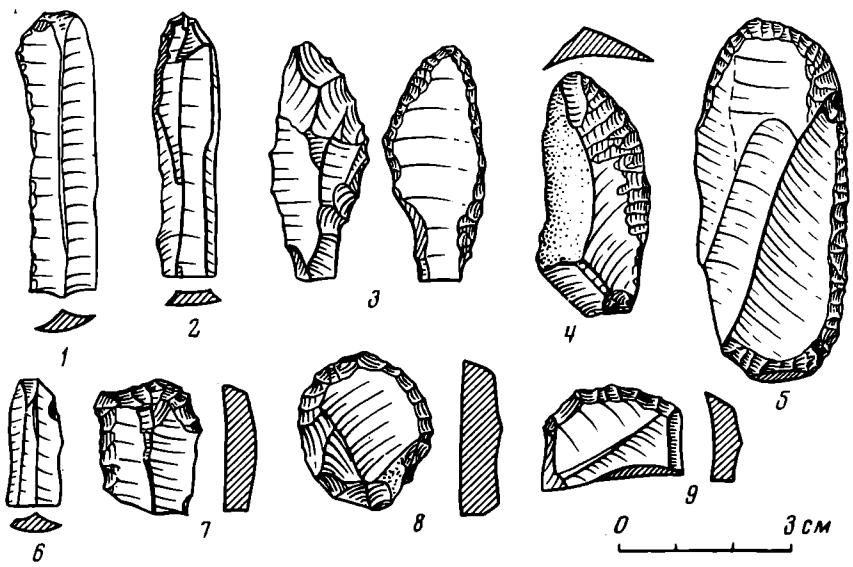



Рис. 2. Плещеево II. Кремневые орудия

(овальные, круглые и концевые скребки), может быть с достаточным вероятием связан с данной керамикой (находки орудий в пределах жилищной впадины), то первый, использующий в качестве основы тонкие и правильные пластинки розового, желтого и лиловатого полупрозрачного кремня, может указывать на следы первоначального поселения более ранней культуры.

Для определения наиболее вероятной даты существования поселения с керамическим комплексом Плещеева II есть несколько возможностей. Наибольшее количество совпадений мы находим при сравнении данной керамики с материалом болотного поселения Берендеево I и родственными ему слоями на других памятниках. Однако отличие между этими памятниками существует, и объяснить его можно лишь исходя из равновременности памятников. Синхронность слоя поселения максимальному поднятию уровня Плещеева озера (залегание слоя на наивысшей отметке древнего берега) заставляет признать, соответственно схеме А. В. Шнитникова[3], как наиболее вероятное время жизни на поселении конец III — рубеж III—II тысячелетий до н. э. Последнее подтверждается радиоуглеродным анализом углей из слоя, согласно которому время их сожжения определяется 3870±30 лет от наших дней (ГИН-116). Эта дата расходится с предыдущим определением на 100—150 лет, что для данной эпохи представляется вполне допустимым.

---

[3] *А. В. Шнитников.* Внутривековая изменчивость компонентов общей увлажненности. Л., 1968 (см. схему на стр. 154: «Изменчивость компонентов ландшафтной оболочки в мио- и неоголоцене»).

В. П. ТРЕТЬЯКОВ

# НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ У ДЕР. СОКОРЕВО В СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1971—1972 гг. Смоленский отряд проводил раскопки поселения эпохи нового каменного века близ дер. Сокорево в Демидовском районе на северо-западе Смоленской области [1]. Стоянка располагалась на берегу р. Демьянки, у ее истоков из обширного болота. Первоначально болото было озером, которое постепенно заторфовалось. Озеро и речка периодически разливались, о чем свидетельствует торф, находящийся сразу же под дерном, и подстилающий его мелкий светлый речной песок. На месте поселения велись торфоразработки, местами попортившие не только слой торфа, но и нижележащие горизонты песка, вследствие чего мощность торфяного покрова определить довольно трудно. Судя по сделанным разрезам на месте раскопок, его толщина, по-видимому, не превышала 30 *см*. Культурный слой стоянки залегал сразу же под торфом в мелком светлом песке (в его верхней части). Мощность культурного слоя составляла в среднем 12—15 *см*. Ниже лежал слой зеленовато-серой глины и крупнозернистый желтый песок. На тех участках, где слой глины отсутствовал, крупнозернистый песок подстилал культурный слой непосредственно.

Первоначально на месте поселения были заложены разведочные шурфы. В 1971—1972 гг. на поселении заложили пять раскопов (два в 1971 г., три в 1972 г.). Площадь раскопов была: первый — 54 $м^2$, второй — 24 $м^2$, третий, четвертый и пятый — по 16 $м^2$. Кроме того, в 1971 г. в 4 *м* к западу от первого раскопа был заложен еще один шурф площадью 4 $м^2$, в котором были найдены отщепы и керамика.

Поселение у дер. Сокорево изучалось нами с помощью отдельных раскопов. Это было вызвано тем, что место стоянки было основательно испорчено торфоразработками. Всего на стоянке в 1971 г. вскрыто 82 $м^2$, в 1972 г.— 48 $м^2$, итого — 130 $м^2$.

Раскопы 1971 г. были заложены на наиболее возвышенных участках поселения, раскопы 1972 г.— на склонах. Общая площадь раскопов 1971—1972 гг. приблизительно 350 $м^2$. Эта цифра дает возможность говорить о минимальных размерах неолитической стоянки у дер. Сокорево. Ее предельные размеры определяются площадью мыса, на котором расположено поселение, равной 500—600 $м^2$.

В целях уточнения размеров стоянки с юго-востока, юго-запада и юга на расстоянии двух-трех метров от раскопов были заложены шесть шурфов размерами от 2 до 4 $м^2$ каждый. Находок в этих шурфах не оказалось. Это дает нам возможность говорить о границе поселения с этой стороны. С севера и северо-востока раскопы 1971 и 1972 гг. были расположены в непосредственной близости от р. Демьянки, русло которой также ограничивало площадь поселения (зачистки на противоположном берегу речки культурного слоя не обнаружили). Неясной остается западная граница поселения. Минимальное расстояние от раскопанных участков поселения до края современного болота около 10 *м*. Шурфовка этого участка оказалась невозможной из-за зарослей кустарника. Не исключено, что культурный слой стоянки не доходил до границы современного болота, поскольку было отмечено значительное уменьшение находок в западном направлении: с 60—70 находок на квадрат (2×2) в восточной части раскопов до 15—20 в западных квадратах.

Перечисленные выше соображения позволяют полагать, что площадь стоянки у дер. Сокорево не занимала весь мыс и составляла приблизительно (400—450 $м^2$).

---

[1] *В. П. Третьяков.* Изучение неолитических стоянок на Смоленщине. АО — 1971, М., 1972; *его же.* Работы на Смоленщине в 1972 г. АО — 1972, М., 1973.

Как в 1971, так и в 1972 г. культурный слой разбирался ножами. Лопатой снимался только дерн, торфяной покров и делались зачистки раскопов после удаления культурного слоя. Материал на поселении однородный, поэтому мы опишем его без подразделения на группы находок с отдельных раскопов.

При раскопках поселения у дер. Сокорево в 1971—1972 гг. было собрано 1265 предметов. Среди них орудия труда, отщепы и осколки кремня, кости и зубы животных и 680 фрагментов неолитической посуды.

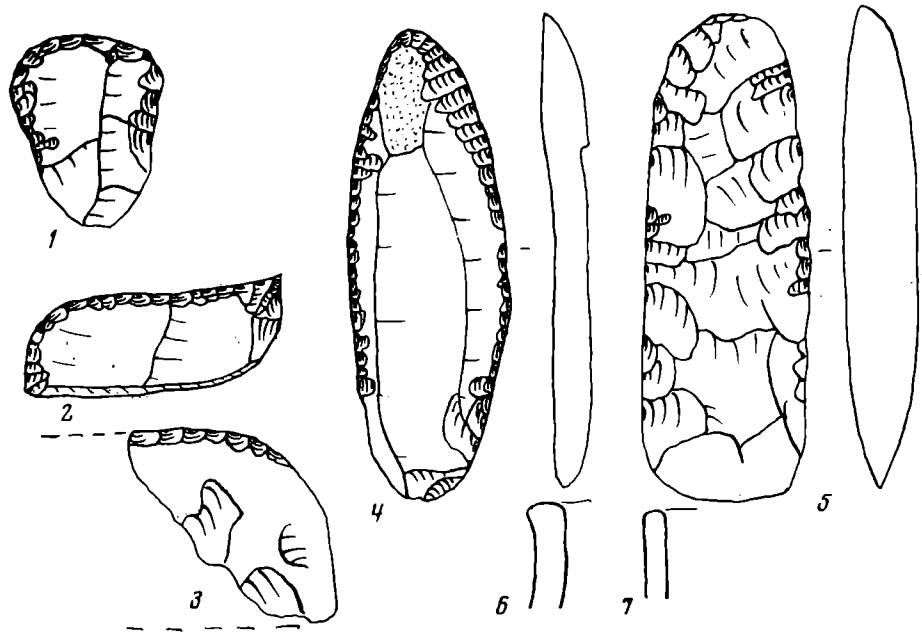



Рис. 1. Орудия труда и венчики сосудов с поселения у дер. Сокорево (находки 1972 г.)

Сосуды лепились от руки ленточным способом. При их изготовлении применялась глина, к которой примешивалась дресва. Сосуды имели прямые стенки и прямой венчик, в ряде случаев венчики слегка отгибались наружу (рис. 1, *6—7*; 2, *28—29*). Толщина стенок колебалась от 0,4 до 0,7 *см*. Внутренняя часть сосудов темная, иногда черная и, как правило, имеет следы расчесов. Внешняя — светлее, темно-серая или коричневая.

Приблизительно 46% всех фрагментов не орнаментировано (рис. 3, *8*). Следует заметить, что большая часть неорнаментированной керамики найдена в раскопках 1972 г. Мы склонны объяснить это тем, что раскопы 1972 г. располагались на окраинах поселения на пониженных участках, где действие воды в большей мере, чем в центральной части поселения, способствовало разрушению керамики. Подавляющее большинство неорнаментированных фрагментов не превышало 1—2 *см*$^2$. Не исключено, что это были мельчайшие фрагменты частично орнаментированных сосудов.

Приблизительно 8% всех фрагментов украшено оттисками гребенчатого штампа. Композиции простые — это или вертикальные зигзаги (рис. 3, *1, 13—15*), или же горизонтальные ряды короткого наклонно нанесенного штампа (рис. 3, *19*). Часть керамики (19%) орнаментирована оттисками прямого (рис. 3, *3, 5, 7, 10, 16*) или слегка изогнутого (рис. 3, *17, 22*) гладкого штампа[2]. 22% фрагментов украшено овальными или округлыми ямками разной величины (рис. 3, *2, 4, 9, 12, 18, 20, 21*). Остальная керамика (5%) орнаментирована нарезками (рис. 3, *6, 11*).

[2] Возможно, оттиски гладкого штампа представляют собой отпечатки гребенчатого, зубчики которого стерлись в результате действия воды.

На стоянке у дер. Сокорево найдено 89 орудий труда. Почти все они изготовлялись из валунного темного или коричневого кремня. Массивный кусок сланца, судя по одной из сторон, служил шлифовальной плитой. Коллекцию составляют всевозможные скребки, наконечники стрел и копий, скобель, нож, проколки, скребла, резец, небольшие топорики, резчики и отщепы с ретушью, которые могли выполнять функцию скребков или ножей.

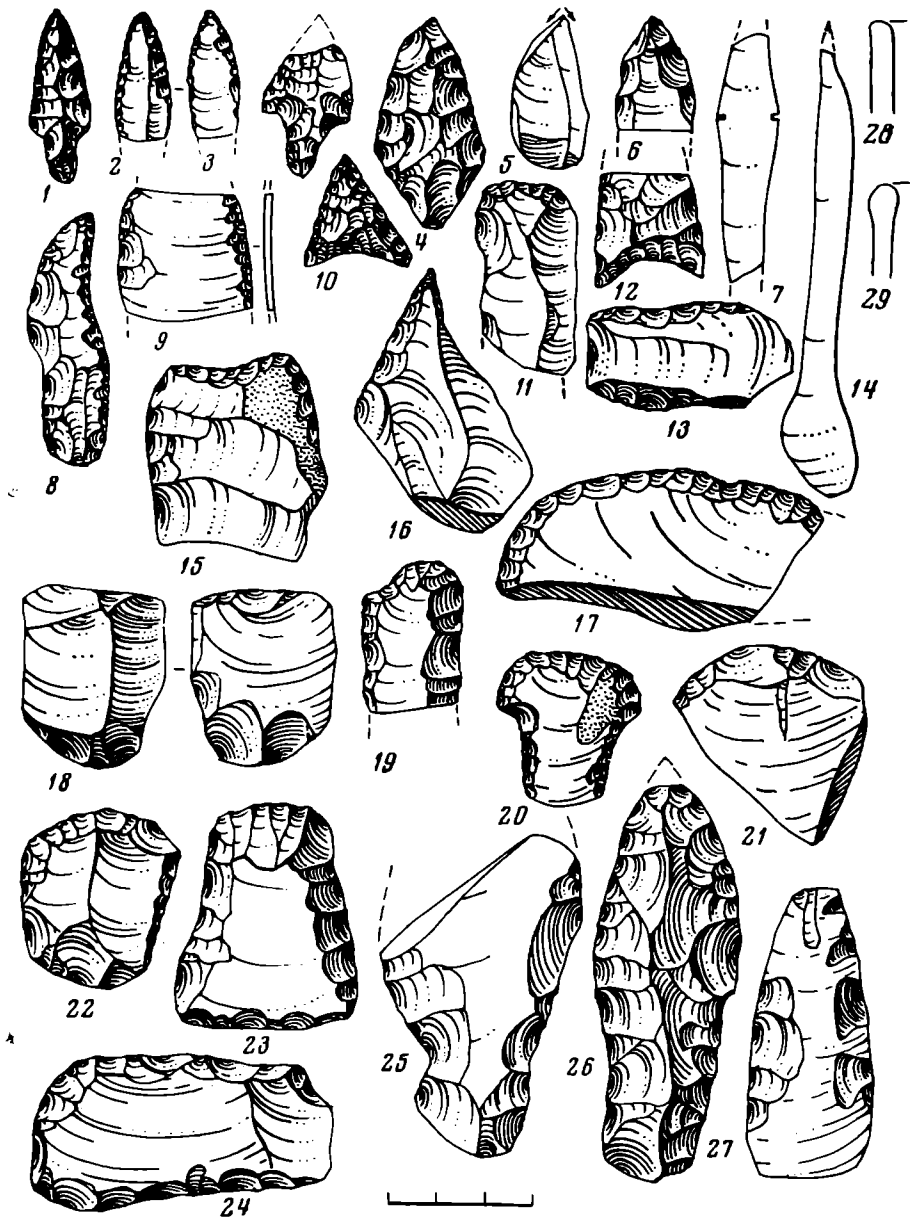



Рис. 2. Орудия труда и венчики сосудов с поселения у дер. Сокорево (находки 1971 г.)

Серия скребков состоит из 37 предметов. Большинство скребков имеет случайную форму, зависящую от формы отщепа (рис. 2, *21*). Обращают на себя внимание лишь пять изделий. Это два концевых скребка, изготовленные из массивных кремневых пластин (рис. 2, *11, 19*), два тщательно оретушированных скребка с гранью на спинке (рис. 1, *1, 2, 22*) и уникаль-

ный скребок с четко выраженной рукояткой (рис. 2, *20*). Интересно и комбинированное орудие, выполнявшее, вероятно, функцию и резчика, и скребка (рис. 1, *2*).

Наконечники стрел на поселении у дер. Сокорево представлены 10 экз. Три из них — обломки. Среди остальных три черешковых наконечника

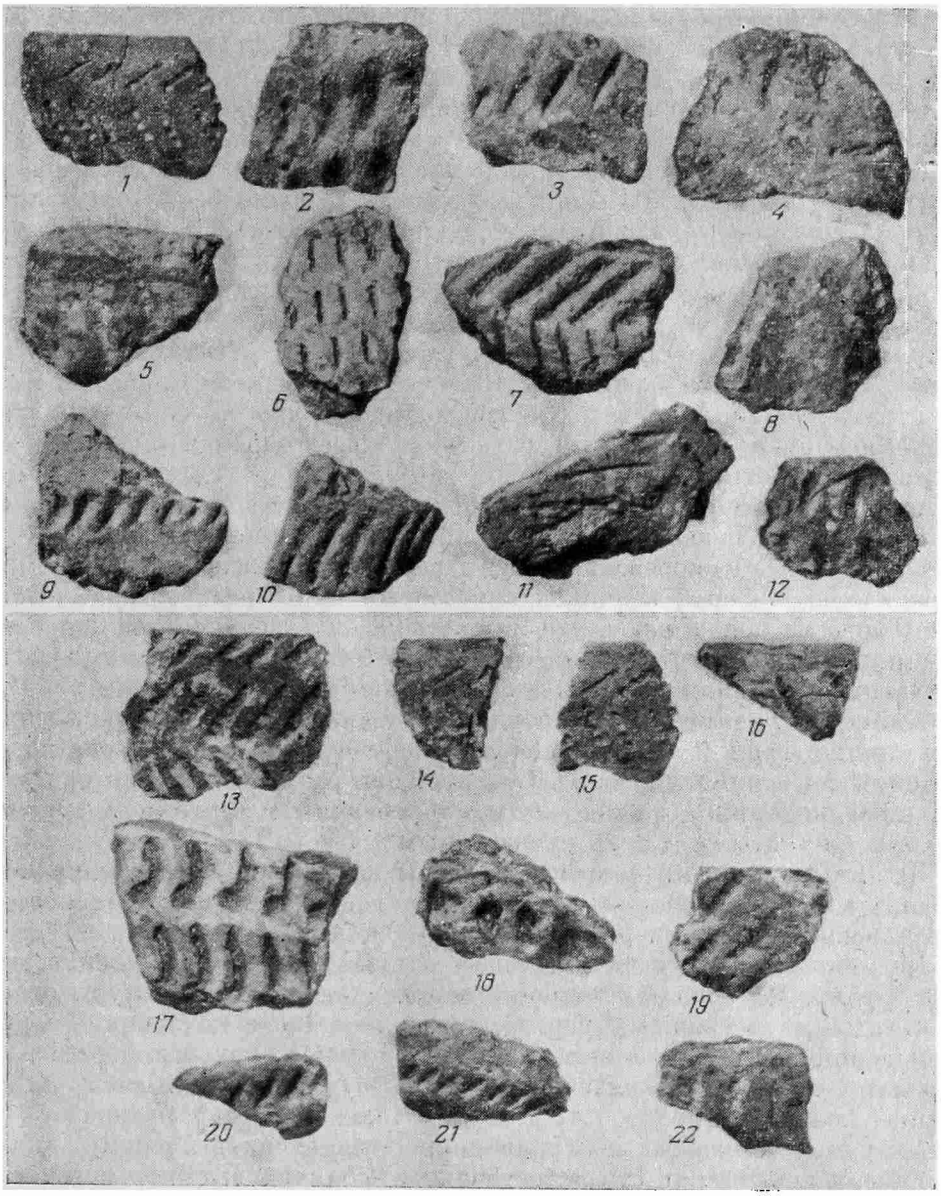



Рис. 3. Фрагменты керамики с поселения у дер. Сокорево

треугольной формы (рис. 2, *1, 3*), один — ромбической (рис. 2, *4*), два треугольные с выемкой в основании [3] (рис. 2, *10, 12*). Последний, десятый, наконечник изготовлен из ножевидной пластины (рис. 2, *2*).

Кроме перечисленных выше находок, на стоянке у дер. Сокорево были обнаружены один скобель с вогнутым рабочим краем (рис. 2, *15*), два резчика (?) (рис. 2, *6, 8*), один нож из совершенно плоской кремневой пластины с тщательно отретушированным рабочим краем (рис. 2, *9*), три (одно сломано) скребла (рис. 1, *3*; 2, *17, 24*), две проколки из отщепов (рис. 2, *16*), один резец (рис. 2, *5*) срединного типа. Обращают на себя

[3] Один из этих наконечников (рис. 2, *12*) сломан, но его форму восстановить легко.

внимание два наконечника копья (один из них обломан) с намечающимися черешками (рис. 2, *25, 26*). Наконечник листовидной формы, изготовленный из массивной пластины, обработанный ретушью по краю лишь со стороны спинки (рис. 1, *4*), орудие, отдаленно напоминающее piece ecaille (рис. 2, *18*). Интересна и серия топориков. Два из них сломаны, один — заготовка. Остальные семь представляют собой изделия величиной от 4 до 9 *см*, тщательно отретушированные и заполированные (рис. 1, *5*; 2, *23, 27*). Из остальных находок следует назвать 3 отбойника, 12 отщепов с ретушью (рис. 2, *13*), обломок костяной стрелы с насечками по бокам (рис. 2, 7), костяное шило величиной в 10 *см* (рис. 2, *14*), 3 ножевидные пластины и 422 отщепа и осколка кремня.

Кроме того, на поселение у дер. Сокорево найдено 58 костей и 7 зубов животных и один клык. По определению Н. М. Ермоловой, они принадлежали медведю, бобру, кабану, лосю, оленю и свинье.

Оценка материалов неолитического поселения у дер. Сокорево позволяет поставить вопрос о возможности выявления на территории Смоленщины в северо-западной ее части нового типа неолитических памятников, несколько отличных от стоянок бытовавшей здесь верхнеднепровской культуры[4]. Прежде всего можно отметить своеобразие описанной выше керамики, которое заключается в чрезвычайной бедности ее орнаментации. Знакомясь с ней, мы можем назвать лишь три-четыре очень простых орнаментальных мотива, выполненных гребенчатым и гладким штампами, овальными ямками и насечками, хотя сосуды, по-видимому, украшались полностью. Нам неизвестны памятники с аналогичной керамикой.

В отличие от сокоревских сосуды верхнеднепровской культуры имеют более сложную форму венчиков, они толстостенны, разнообразнее украшены. Подсчеты показывают, что лишь около 30% фрагментов сокоревской керамики украшено оттисками гребенчатого или гладкого штампа, 22% — ямочными вдавлениями различных очертаний, 5% — нарезками, 46% черепков не орнаментировано. Посуда верхнеднепровской культуры украшалась иначе. Лишь 9—10% фрагментов верхнеднепровской керамики Смоленщины не орнаментировано. Соотношение различных групп орнаментированной керамики также иное. Гребенчатым штампом украшено 50—60%, ямчатым — 15—20%, нарезным — 10—15%.

Штампы, которыми наносились узоры на керамике верхнеднепровской культуры, более массивны, отчего даже сходные рисунки на сокоревской и верхнеднепровской керамике отличаются друг от друга.

Не меньше различий мы находим и при сравнении коллекций каменных орудий. Материалы поселений верхнеднепровской культуры отличает от находок с поселения у дер. Сокорево наличие в коллекциях плоских, прекрасно отретушированных резчиков, скребков округлой формы и треугольных с высоким профилем скребков с двумя продольными гранями на спинке, ложкарей, долот и т. п. Отличительной чертой материалов поселения у дер. Сокорево по сравнению с верхнеднепровскими является наличие наконечников стрел треугольной формы с выемкой в основании, скребков с прекрасно выделанной рукояткой, серии миниатюрных топориков с прошлифованной рабочей частью и, наконец, листовидного наконечника копья из пластины с обработкой ретушью только со стороны спинки.

Самыми северными памятниками верхнеднепровской неолитической культуры являются поселения вблизи деревень Мякуры, Берково и Шу-

---

[4] *А. Н. Лявданских.* Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии. «Научные известия Смоленского государственного университета», т. IV, 3, Смоленск, 1927, стр. 219—259; *И. М. Тюрина.* Неолит Верхнего Поднепровья. СА, 1970, 3, стр. 40—49; *ее же.* К вопросу о неолите Смоленщины. КСИА АН СССР, 126, 1971, стр. 115—119; *В. П. Третьяков.* Поселения каменного века в бассейне р. Катыни в Смоленском Поднепровье. СА, 1972, 2 стр. 100—109; *его же.* Древности в бассейне р. Катыни. СА, 1972, 4, стр. 199—210.

гайлово[5]. Первые две стоянки представлены керамическими комплексами, третья — Шугайлово — в своих материалах содержит не только фрагменты посуды, но и серию кремневых орудий. Все находки, сделанные при обследовании этих поселений, чрезвычайно близки поднепровским, в частности катынским и, следовательно, не сходны с материалами поселения у дер. Сокорево. Севернее упомянутых трех памятников стоянки верхнеднепровской культуры в настоящее время неизвестны. А наличие стоянки у дер. Сокорево с рядом своеобразных черт как в керамическом производстве, так и в орудиях труда позволяет, по-видимому, говорить о границе распространения поселений верхнеднепровской культуры на северо-западе Смоленщины.

[5] Материалы этих поселений хранятся в фондах Смоленского областного краеведческого музея и ЛОИА АН СССР.

А. П. ЖУРАВЛЕВ

## К ИЗУЧЕНИЮ ОРНАМЕНТА НА ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКЕ КАРЕЛИИ

Узоры на ямочно-гребенчатой керамике представляют собой значительный интерес для исследователей, а также особую область художественной культуры. Орнаментированные глиняные вазы энеолитической Карелии чрезвычайно разнообразны — они большие и маленькие, широкие и удлиненные, плоскодонные чаши и светильники конической формы, огромные сосуды-бочки. Орнамент каждого сосуда покрывал как правило, всю внешнюю поверхность иногда параллельными рядами оттисков гребенчатого штампа или огибающими сосуд поясками из одного, двух, трех и т. д. рядов ромбических ямок; часто ромбы образуют треугольники, обращенные основаниями вверх. Встречаются орнаменты, составленные рядами круглых и ромбических ямок, разделенные прямыми или наклонными оттисками гребенчатого штампа.

В качестве элементов орнамента использовались отпечатки гребенки или веревки, вдавления в виде полумесяца, ямки, похожие на букву «г», оттиски, напоминающие медвежий или лосиный след, округлые ямки с отпечатками в них креста, ромбы с насечкой по сторонам и перегородкой посередине, оттиски треугольных, четырехугольных, шестиугольных ямок и т. д. Встречаются сочетания различных элементов орнамента, например отпечатки позвонка и круглые ямки, веревочные штампы и ромбические ямки, есть изображения уточки (рис. 1).

Чаще всего орнаментация покрывает всю поверхность сосуда, включая и днища. В некоторых случаях узор нанесен на внутренней стороне в виде узкой полоски или оттисков штампа, который повторяет деталь наружного украшения. Описанный прием очень характерен для сосудов ранней бронзы лесной полосы. Разнообразие гребенчатого орнамента достигалось как применением разных штампов (коротких — в 3—4 зуба и длинных — 10—12 зубцов), так и самой композицией узора. Встречаются варианты несложных композиций, состоящих из параллельных поясков ромбических ямок, которые иногда сопровождаются неглубокими двузубыми вдавлениями. Несколько реже орнамент образован оттисками штампа в виде горизонтальных линий или углов разного наклона, вертикальных и наклонных оттисков гребенки и оттисков, образующих «елочку», расположенных в основном по венчику. Некоторым своеобразием отличается орнамент из сочетания наклонных или прямых отпечатков, произведенных крупноячейным двузубым штампом. Встречаются оригинальные приемы орнамента-

ции, представляющие собой комбинации из двух и более различных по форме штампов. Например, на одном сосуде отпечатки, имитирующие позвонок, сочетаются с ромбическими ямками, на другом нанесены отпечатки рыбьего позвонка и округлые ямки.

Энеолитические сосуды Карелии представлены большим числом экземпляров. В настоящее время полностью или частично восстановлено 100 сосудов.

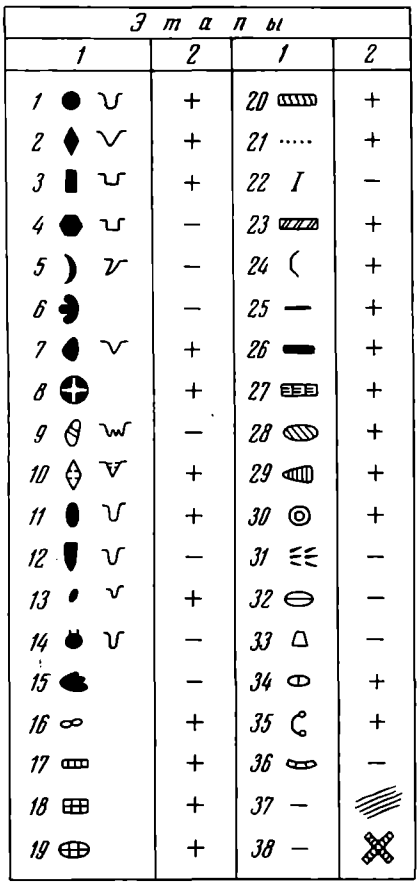



Рис. 1. Элементы орнамента энеолитической керамики Карелии

Древнейшие орнаменты на керамике уже давно стали объектом внимания ученых[1]. Изучаются техника нанесения орнамента, его стиль, символика. Узоры на сосудах отражают племенные и этнические особенности и взаимоотношения. Изучение орнамента способствует периодизации древних памятников.

Для изучения орнаментов сосудов энеолитической Карелии автором были применены круговые развертки, для которых необходимо наличие достаточного количества фрагментов, позволяющих реставрировать сосуд (на энеолитических поселениях Карелии с чистым комплексом ромбически-ямочной керамики раскапываются многочисленные развалы сосудов). После реставрации сосуд устанавливается на венчик, и весь узор от донышка до венца переносится на бумагу. Глубокие ямки при этом сплошь заливаются тушью, штампы и мелкие вдавления обводятся по контуру. Орнамент среза венчика дается сбоку от развертки, тут же прилагается профиль сосуда с орнаментом и разрез стенки с профилями ямок. Внизу ставится линейный масштаб. Этим способом можно пользоваться и в том случае, когда в руках исследователя имеется археологически целый сосуд. Развертки орнамента можно делать из рисунков на отдельных черепках. В этом случае они будут выглядеть в виде поясков. Всего автором сделано более 100 разверток.

Развертки, предлагаемые автором в данной статье, сделаны главным образом с полностью реставрированных сосудов. Там, где донышки отсутствовали и их рисунки не известны, орнаментальные композиции ограничены пунктирными линиями. Сравнивая развертки разных сосудов, нетрудно заметить большое их разнообразие, что достигалось путем многочисленных сочетаний и чередований элементов между собой (рис. 2–12).

Развертка одного сосуда, похожая на солнце с расходящимися косыми лучами (рис. 2), начинается с округлой ямки, поставленной в центре. Вокруг нее по окружности располагаются отпечатки гребенчатого штампа, разделенные пояском из круглых ямок. От него отходят косые лучи, составленные округлыми ямками. Вся композиция обрамляется двумя поясками гребенчатого штампа и одним пояском из круглых ямок. Другая развертка включает звезды (рис. 3), она образована ритмичным чередованием короткой гребенки и округлых ямок, опускающихся по окружности к центру, где расположены две вписанные одна в другую восьмиугольные звезды, составленные из ямок. На одном сосуде (рис. 4) ямки расставлены таким

[1] Подробнее об этом см. *С. В. Иванов.* Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.— Л., 1963, стр. 5—42.

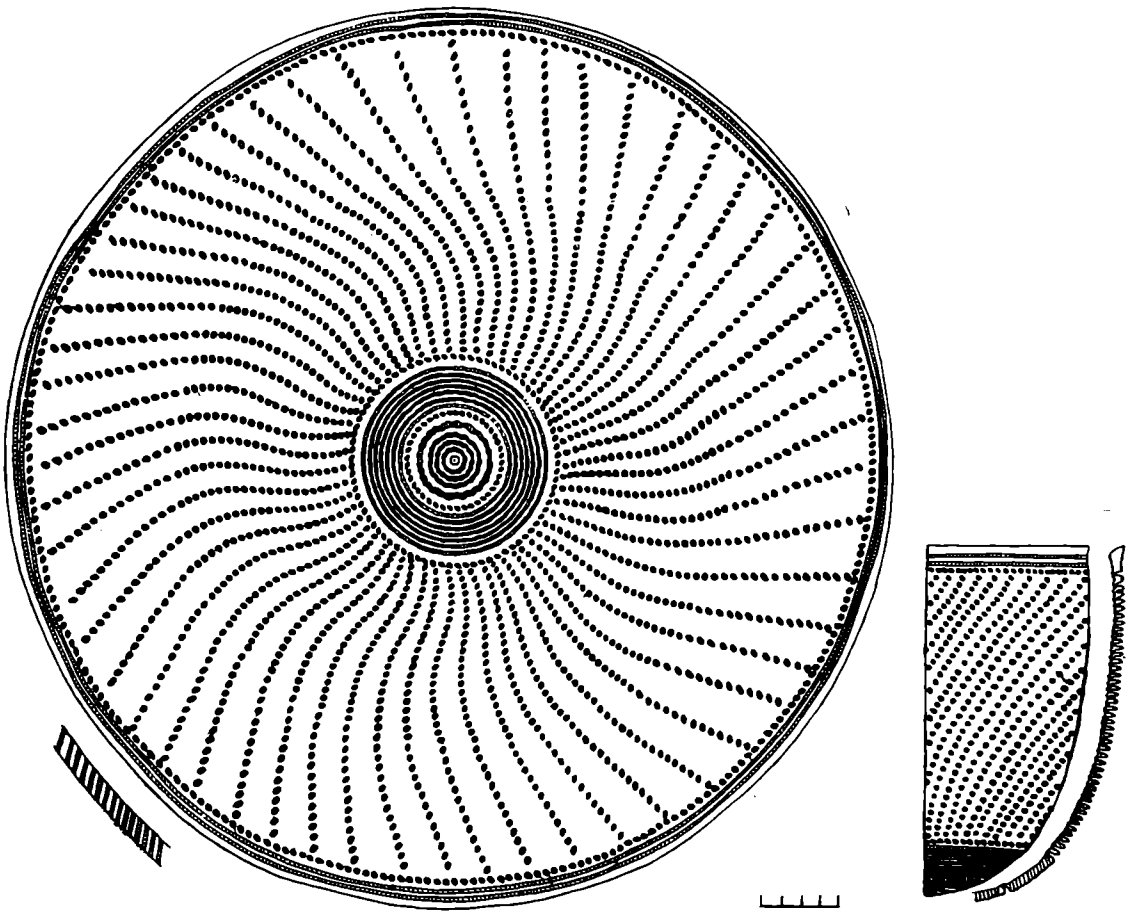


Рис. 2. Развертка орнамента на сосуде (расходящиеся лучи) (Вигайноволок I)

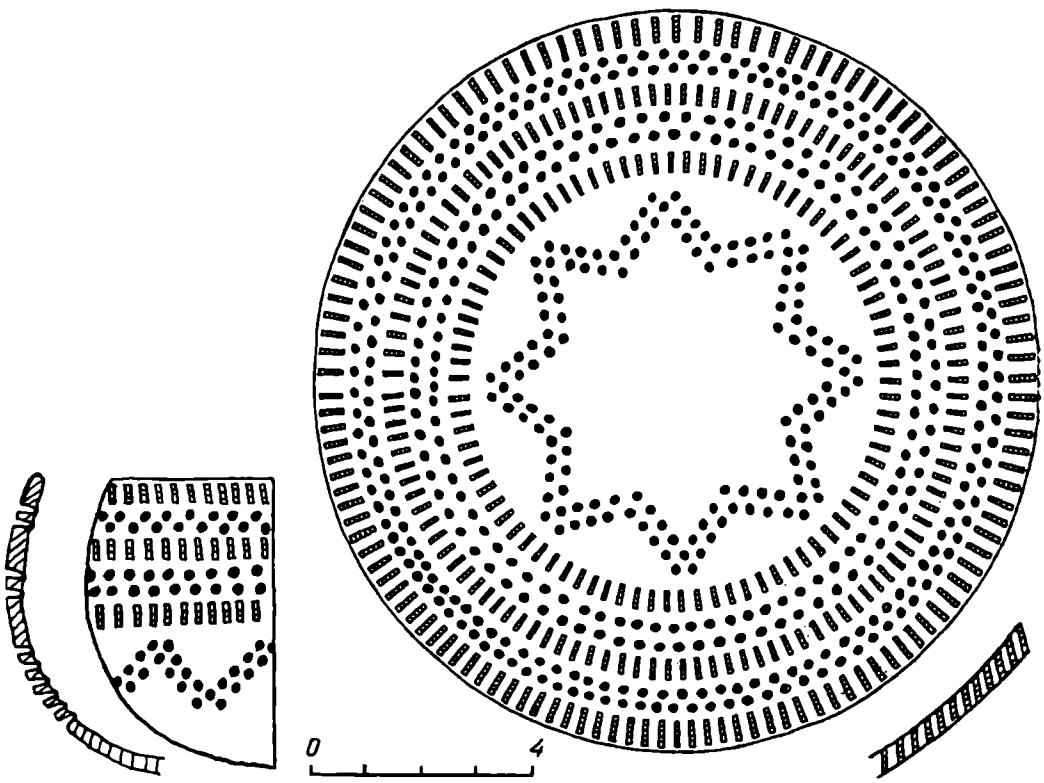



Рис. 3. Развертка орнамента на сосуде с восьмиугольной звездой в центре (Илекса IV)

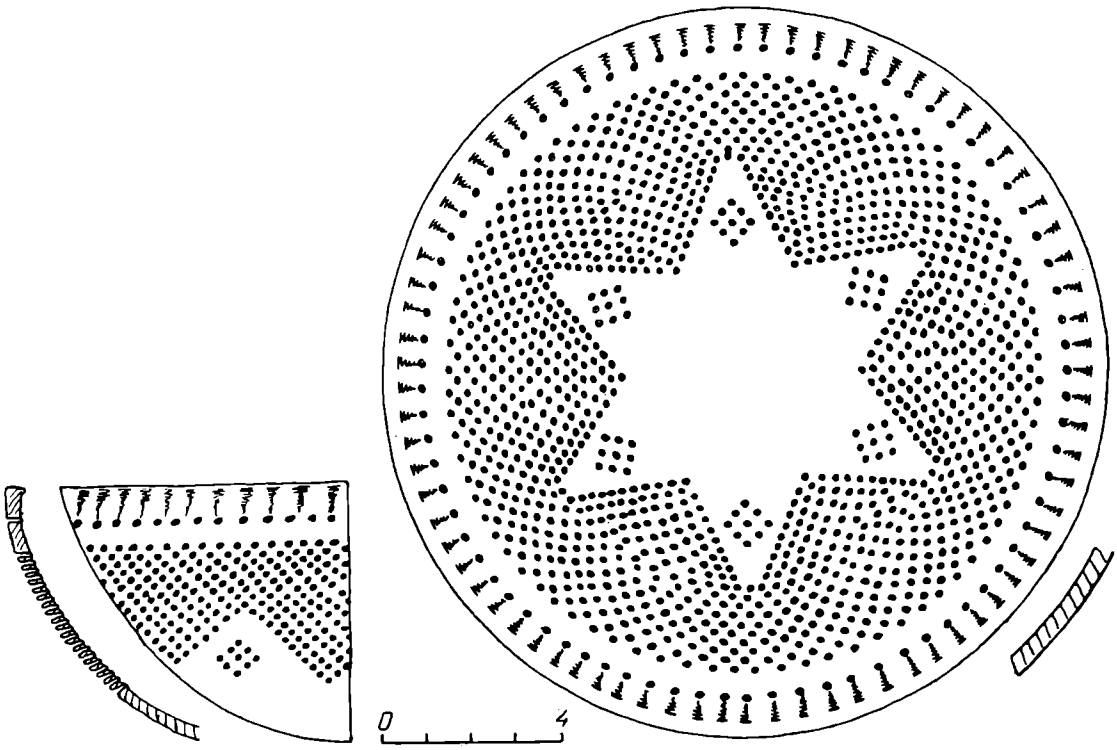



Рис. 4. Развертка орнамента на сосуде с шестиугольной звездой (Вигайноволок I)

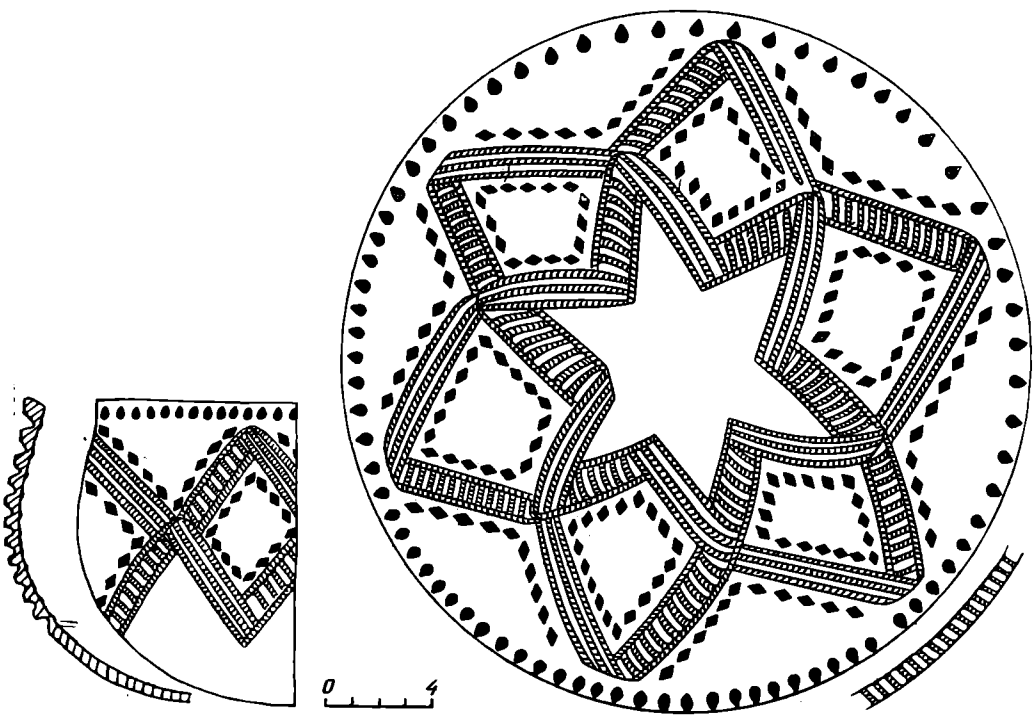



Рис. 5. Звездная композиция (Вигайноволок I)

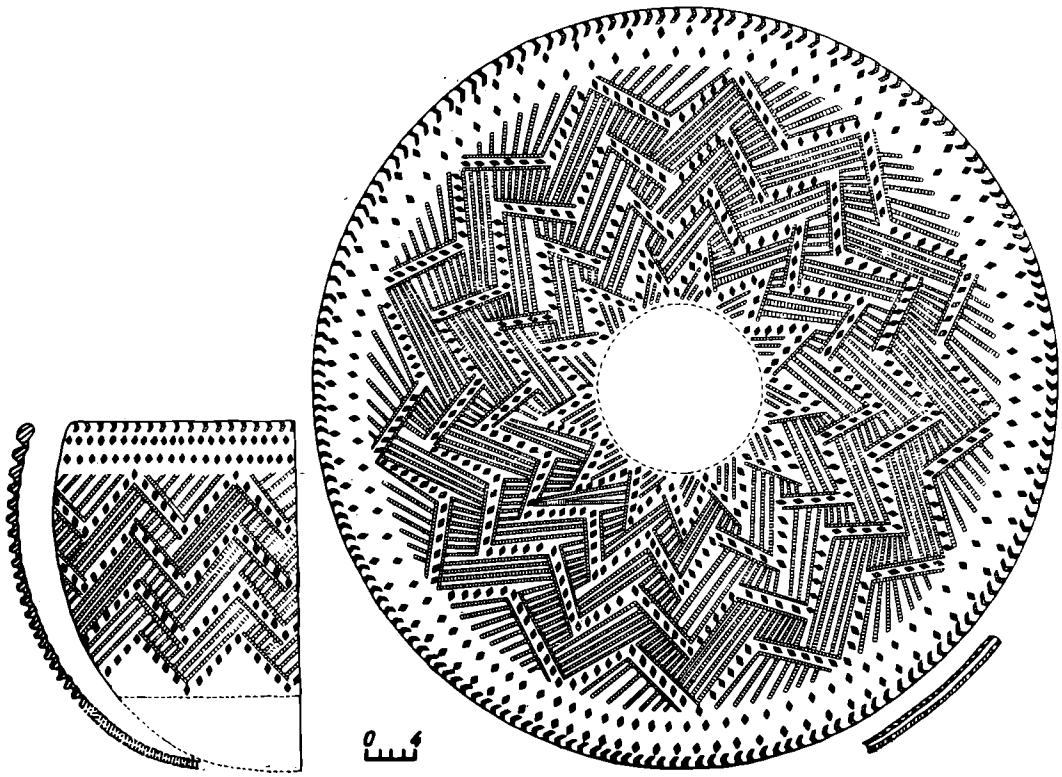


Рис. 6. Развертка орнамента на сосуде (Вигайноволок I)

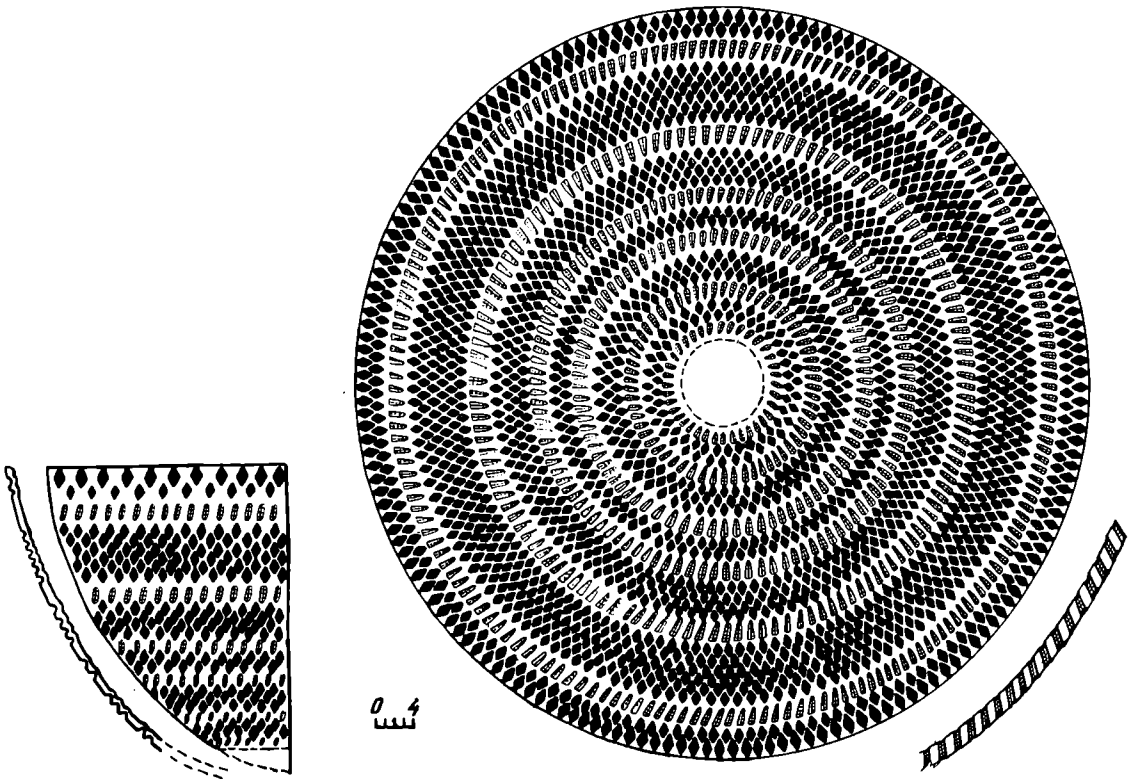


Рис. 7. Развертка орнамента на сосуде (Сандермоха I)

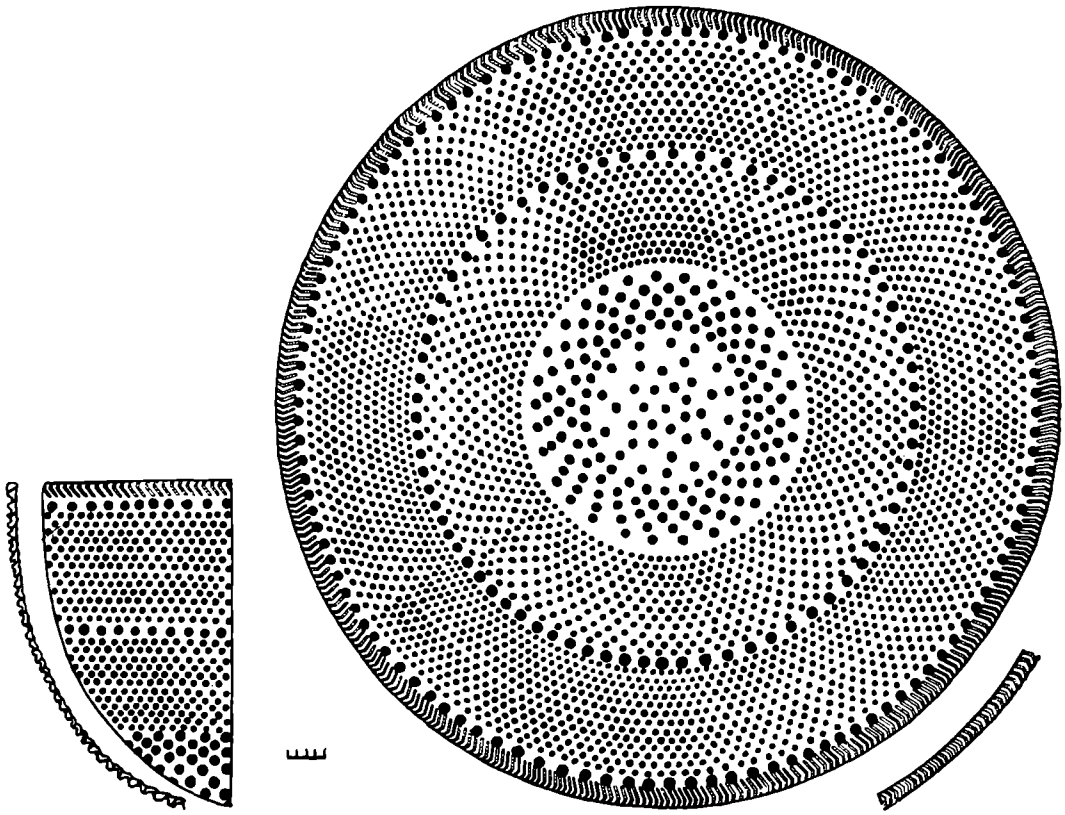


Рис. 8. Развертка орнамента на сосуде (Пегрема I)

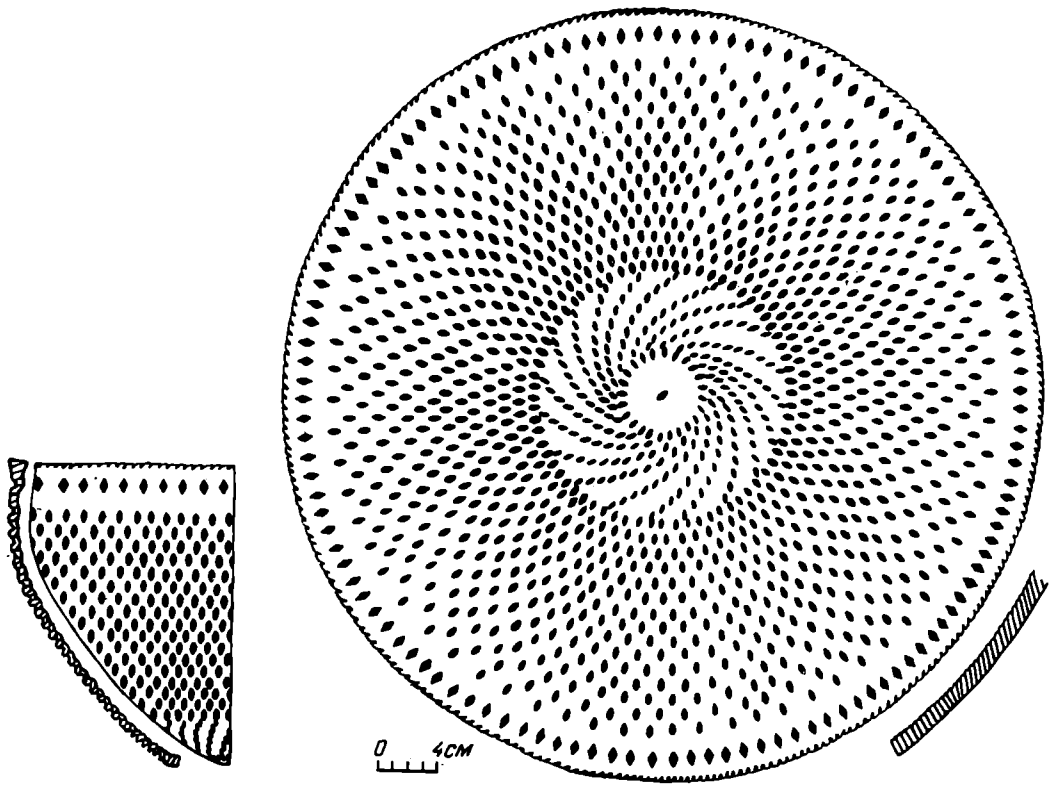



Рис. 10. Развертка орнамента на сосуде (Пегрема VII)

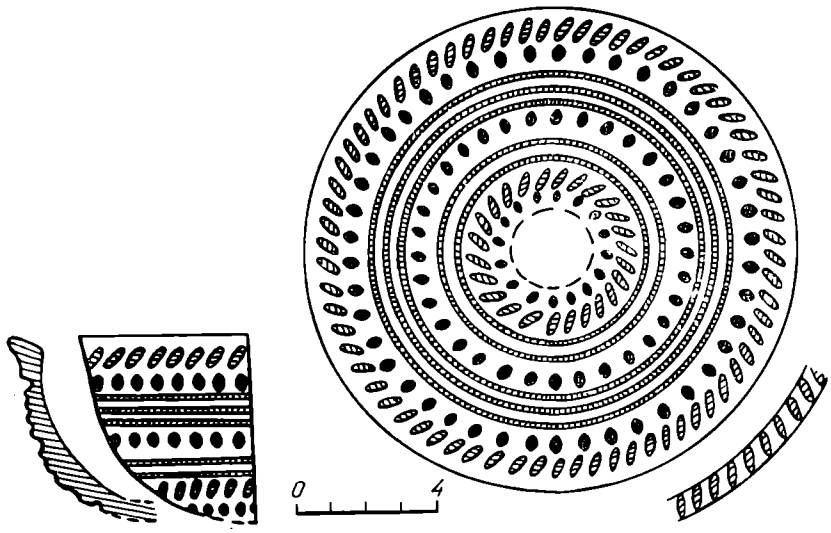



Рис. 9. Развертка орнамента на сосуде (Пегрема II)

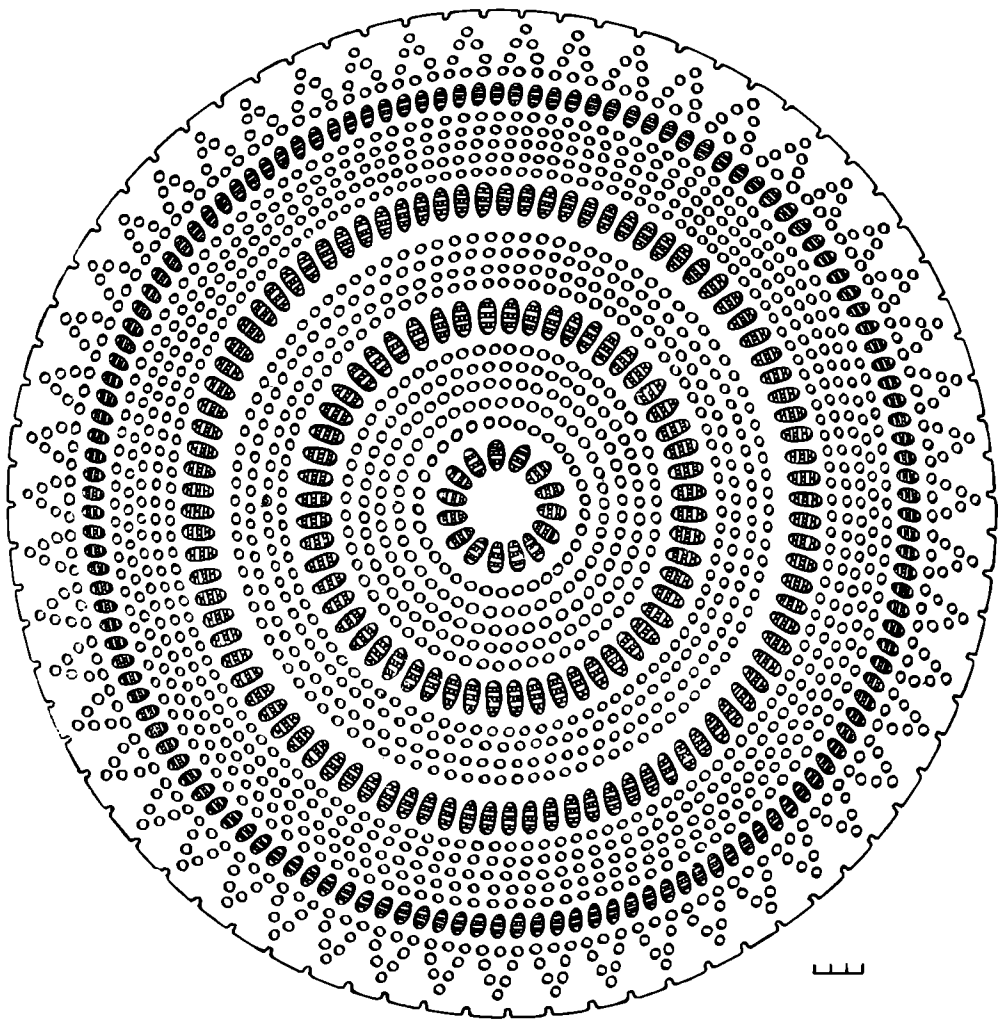


Рис. 11. Развертка орнамента на сосуде (Вигайнаволок I)

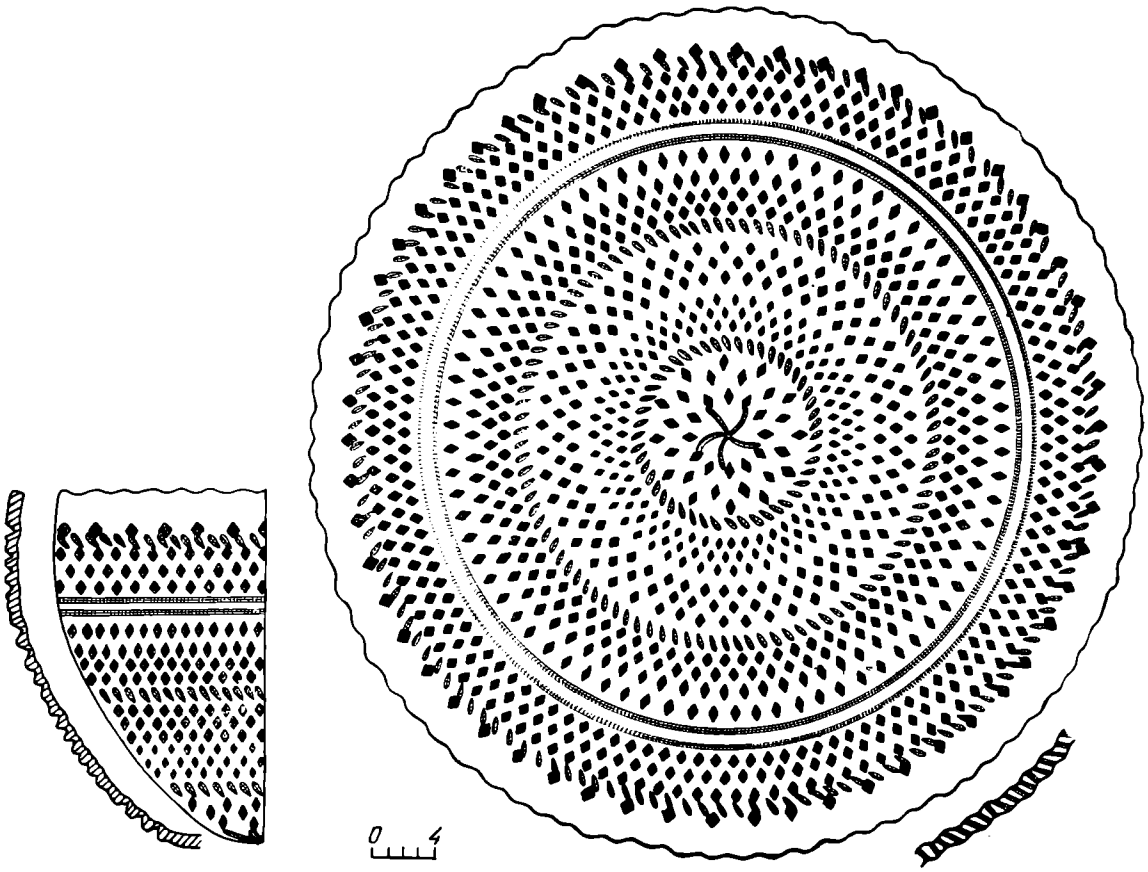



Рис. 12. Развертка орнамента на сосуде (Пегрема I)

образом, что свободная от орнамента зона в центре композиции образует шестиугольную звезду, по углам которой нанесены квадраты из круглых ямок. Интересен сосуд с орнаментом, состоящим из двух звезд, вписанных одна в другую так, что вершины меньшей звезды упираются в основание большей. Звезды нанесены гребенчатым штампом различной длины. Звездная композиция дополняется фигурами из ромбических ямок, поясок из таких же ямок обрамляет всю композицию (рис. 5). Сложнейшая композиция образована фигурами из оттисков гребенки в сочетании с фигурами из ромбических ямок (рис. 6). Много ритмичных и нарядных композиций (рис. 7—12).

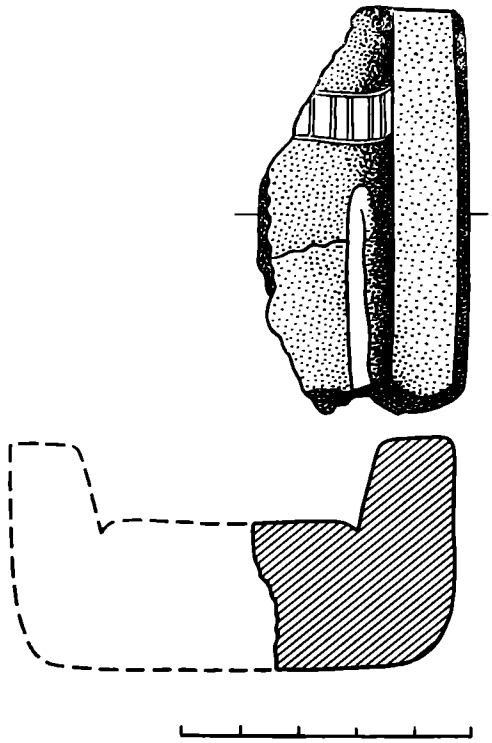
Во многих случаях орнаментация сосудов, по-видимому, связана с астральными (в частности, солярными или лунарными) культами. Круговые развертки способствуют оценкам композиций в целом, а также сравнению их между собой.

С. В. КУЗЬМИНЫХ

## ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА ИЗ КОЗЬМОДЕМЬЯНСКОГО МУЗЕЯ

В археологической экспозиции Горно-Марийского краеведческого музея г. Козьмодемьянска выставлен обломок глиняной литейной формы (инв. № 640 или 1643), найденный на стоянке Лавалныр-Пач (данные этикетки). А. Х. Халиков любезно сообщил, что находка происходит из окрестностей дер. Юльялы Горно-Марийского района МАССР. Она представляет собой обломок верхней части одной из створок литейной формы для отливки втульчатых кельтов сейминского типа (рисунок). Обломок формы имеет поверхность желтовато-сероватого оттенка, сильно обожжен, в тре-

щинах, использовался в производстве. Размеры сохранившейся части формы: длина 7 *см,* ширина 3,5 *см,* Кельт, отливаемый в форме, имел сверху овальное сечение втулки, посередине — шестигранное. Широкие, очевидно слегка выпуклые, стороны обрамлялись выступающими ребрами-крыльями, одно из которых отчетливо видно на форме. Чуть ниже края втулки кельт окаймлялся тонким рельефным орнаментом в виде пояска — «лесенки». Возможно, что на другой створке формы был вырезан более усложненный орнамент. По классификации Б. Г. Тихонова[1] и Е. Н. Черных[2], кельт, отливаемый в этой форме, относится к типу сейминских с обедненным орнаментом, по классификации О. Н. Бадера кельтов Сейминского могильника[3] — ко второму варианту первого типа. По своему типу он действительно ближе к кельтам Сеймы, нежели Турбинского могильника, и датируется, очевидно, временем Сеймы. В пределах Горно-Марийского Поволжья в середине II тысячелетия до н. э. были распространены археологические памятники балановского, абашевского, чирковского и поздняковского круга[4]. Именно с последними, на наш взгляд, она и связана. В Горно-Марийском Поволжье исследованные Марийской археологической экспедицией поздняковские поселения группируются в районе р. Большая Сундырка: Акозинское, Шарнейское, Юльялское и др.[5] Кроме открытого в 1972 г. в дер. Юльялы поселения, там предполагается также существование на городище конца I — начала II тысячелетия н. э. поселения эпохи бронзы[6]. Любое из упомянутых поселений может быть связано с окрестностями у дер. Юльялы, так как они расположены в радиусе 3 *км* вокруг нее.



Обломок глиняной литейной формы из Козьмодемьянского музея

Других памятников эпохи бронзы, кроме одной ранневолосовской стоянки у дер. Шунангер[7], в этом районе не зафиксировано.

Находки изделий сейминских типов, литейные формы не единичны для памятников поздняковской культуры. Неподалеку от дер. Юльялы в 1972 г. при раскопках Акозинского поселения был найден крупный фрагмент литейной формы для отливки втульчатого наконечника копья сейминского типа[8].

Обломок формы из Козьмодемьянского музея — пока единственная находка литейной формы отливки сейминских кельтов в Поволжье и Приуралье.

---

[1] *Б. Г. Тихонов.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, 90, 1960, стр. 39.

[2] *Е. Н. Черных.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. МИА, 172, 1970.

[3] *О. Н. Бадер.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970, стр. 101.

[4] *А. Х. Халиков.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.

[5] *В. С. Патрушев, С. Кузьминых.* Марийская экспедиция. АО — 1972, М., 1973.

[6] *Г. А. Архипов, А. Х. Халиков.* Материалы к археологической карте Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1960, стр. 77.

[7] *В. С. Патрушев, С. Кузьминых.* Ук. соч., стр. 183, 184.

[8] *С. В. Кузьминых, В. С. Патрушев.* Литейная форма из Акозино. СА, 1975, 4.

М. Г. КОСМЕНКО, Е. П. КАЗАКОВ

# О НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ В УСТЬЕ КАМЫ

Подавляющее количество памятников эпохи бронзы, весьма многочисленных в районе слияния Волги и Камы, оставлено населением приказанской и срубной культур, прочно освоивших эту территорию во второй половине II тысячелетия до н. э.[1] Обычно это могильники и долговременные поселения с мощным культурным слоем и обильными находками, свидетельствующими об оседлом образе жизни. Другие культуры эпохи бронзы представлены лишь находками отдельных предметов, несмотря на хорошую археологическую изученность района устья Камы. А. Х. Халиков склонен относить Сорочьегорское и Лебединское I местонахождения к выделенной им чирковско-сейминской культуре[2]; на Гулькинской стоянке известны фрагменты керамики фатьяновского (балановского) облика[3]. Форма многих изделий из бронзы, которые связываются с ранним этапом приказанской культуры[4], близки сейминско-турбинским и абашевским типам.

Новые находки, сделанные во время обследования Куйбышевского водохранилища при значительном понижении уровня воды 1973 г. в левобережье приустьевой части Камы, дополняют сведения о культурах этого района.

Соколовский могильник находится в 0,8 *км* к юго-западу от бывшей деревни Соколовка Куйбышевского района ТАССР на мысу на берегу камской старицы.

Мыс, представляющий собой вытянутый останец надлуговой террасы, на котором расположен могильник, размыт водохранилищем. Его территория занята раннеболгарским поселением. В 70—100 *м* от конца мыса, на внутренней части останца, ранее были обнаружены остатки нескольких размытых погребений срубной культуры с характерными сосудами, в том числе с налепным валиком[5]. Часть мыса у старицы обычно затоплялась, но в начале 60-х годов при низком уровне воды местные рыбаки находили здесь бронзовые наконечники копий и кельты (находки, к сожалению, утрачены). Во время работ 1973 г. на площади 50×20 *м* было найдено два бронзовых ножа, кельт и топор (рис. 1). Остальные предметы были раннеболгарскими. Рядом с этими находками найдено несколько фрагментов сосудов эпохи бронзы, отличающихся от керамики срубного могильника по орнаментации и фактуре.

Скопление бронзовых вещей на ограниченной площади представляет собой остатки разрушенного могильника. Человеческие кости не найдены, возможно, их унесло водой из полностью размытых неглубоких захоронений. Кости отсутствовали и на более позднем Семеновском VI могильнике ананьинской культуры.

Крупный бронзовый нож без заметного выделенного черенка с округленной пяткой (рис. 1, *3*), найденный на площади Соколовского могильника, имеет длину 18,5 *см* при максимальной ширине 4,3 *см*. Лезвие местами сильно окислилось и выкрошилось. При окончательной отделке он, видимо, был прокован, и металл в некоторых местах подвергся коррозии. Сходные ножи наиболее полно представлены в Сейминском и Турбинском могильниках. Б. Г. Тихонов, который картографировал их распространение, считает, что они являются местным типом ножей населения областей

---

[1] *А. Х. Халиков.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, стр. 209—321.

[2] Там же, рис. 43, *26, 27*.

[3] *А. В. Збруева.* Памятники эпохи бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье. МИА, 80, 1960, рис. 25, *1, 2*.

[4] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., стр. 252, 253.

[5] Отчет о работах на Куйбышевском водохранилище в пределах Татарской АССР в 1971 г. Архив ИА, стр. 16.

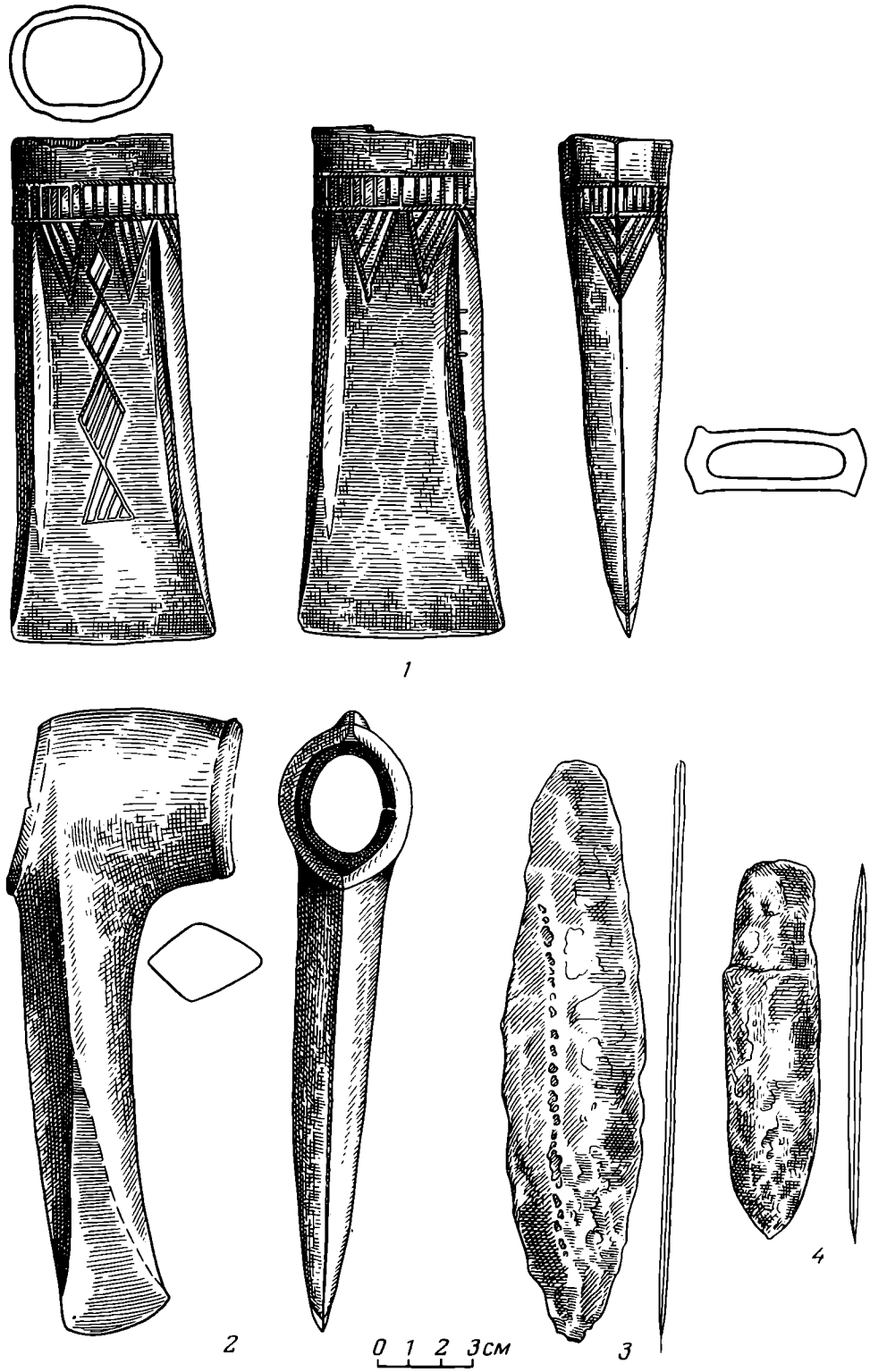



Рис. 1. Соколовский могильник. Бронзовые вещи

западнее Урала, в частности Прикамья, и датирует их второй половиной II тысячелетия до н. э.[6]

Второй нож (рис. 1, *4*) представляет собой выразительный экземпляр этого типа. Его длина 12 *см*, максимальная ширина 2,9 *см* при длине черенка 3 *см* и ширине его 2,4 *см*.

Литой безушковый кельт, шестигранный в среднем сечении, имеет длину 15,3 *см* и сечение втулки 4,3×2,8 *см*. Ширина лезвия 6,2 *см*. Широкие стороны кельта слегка выпуклые и обрамлены выступающими ребрами. На одном из ребер нанесены три неглубокие зарубки. Он орнаментирован в верхней части круговой лесенкой, ниже которой имеются шесть заштрихованных треугольников — по два на широких сторонах и по одному на узких. На одной из широких сторон по центру спускаются полтора небольших и два с половиной более крупных заштрихованных ромба. Данный экземпляр может быть сопоставлен с классическими образцами сейминско-турбинского типа кельтов, широко распространенных в Восточной Европе, особенно по Волге и Каме[7], *а* также в Сибири[8] в середине и второй половине II тысячелетия до н. э.

Для сибирских кельтов этого типа предложена периодизация, согласно которой безушковые кельты с развитой орнаментацией являются одной из наиболее ранних групп[9].

Топор с довольно массивной втулкой для рукоятки и эллипсовидным проухом имеет длину 20 *см* (рис. 1, *2*). В верхней части втулки заметен литейный шов, а на одной из внутренних боковых сторон слабо прослеживается паз. Учитывая область наибольшего распространения таких топоров, Б. Г. Тихонов определяет их как «южноуральские»[10], а Е. Н. Черных классифицирует как топоры «с массивным лезвием и обухом»[11]. Сходный с рассматриваемым топор найден в окрестностях Елабуги на Каме[12]; топоры такого типа имеются также в Сейминском и Турбинском могильниках и датируются серединой и второй половиной II тысячелетия до н. э.[13]

Таким образом, основные типы металлических вещей Соколовского могильника, а также, очевидно, исключающий керамику погребальный обряд, близки Сейминскому и Турбинскому могильникам. Имеются достаточные основания полагать, что Соколовский могильник оставлен населением, близким или однокультурным Сейме или Турбину. Предположительно его можно рассматривать как памятник, возникший на одном из этапов движения этого населения через низовья Камы и датировать временем Сейминского могильника. Датировка последнего колеблется в новейших исследованиях от XV[14] до XII в. до н. э.[15] Для Соколовского могильника более приемлемой можно считать раннюю дату: маловероятно, что продвижение этого населения происходило в последние столетия II тысячелетия до н. э., в условиях, когда устье Камы и прилегающие районы были заселены племенами приказанской и срубной культур.

Фрагменты керамики, обнаруженные вблизи описанных выше бронзовых изделий, отличаются от найденных несколько в стороне обломков

---

[6] *Б. Г. Тихонов.* Металлическое производство эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, 90, 1960, стр. 73, 74.

[7] Там же, стр. 37, 39.

[8] *Ю. С. Гришин.* Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. САИ, В3-12, 1971, стр. 20.

[9] *М. Ф. Косарев.* Среднеобский центр турбинско-сейменской бронзовой металлургии. СА, 1963, 4, стр. 24—26.

[10] *Б. Г. Тихонов.* Ук. соч., стр. 62, 63.

[11] *Е. Н. Черных.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. МИА, 172, 1970, стр. 60.

[12] *Б. Г. Тихонов.* Ук. соч., табл. XVI, *5*.

[13] Там же, стр. 63.

[14] *О. Н. Бадер.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970, стр. 57, 58.

[15] *В. А. Сафронов.* Некоторые вопросы хронологии среднебронзового века Восточной Европы. Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков в Праге. М., 1966, стр. 185.

срубной посуды по форме, орнаментации и примеси раковины в тесте. Выявлены фрагменты пяти сосудов. Все они с неровным, видимо от кострового обжига, серо-черным или серо-коричневым цветом заглаженной поверхности. Черепок в изломе черный. Фрагменты двух остроребериых сосудов украшены гребенчатым орнаментом (рис. 2, *1, 2*). Два сосуда орнаментированы резными линиями (рис. 2, *3, 4*) и один — оттисками веревочки (рис. 2, *3*).

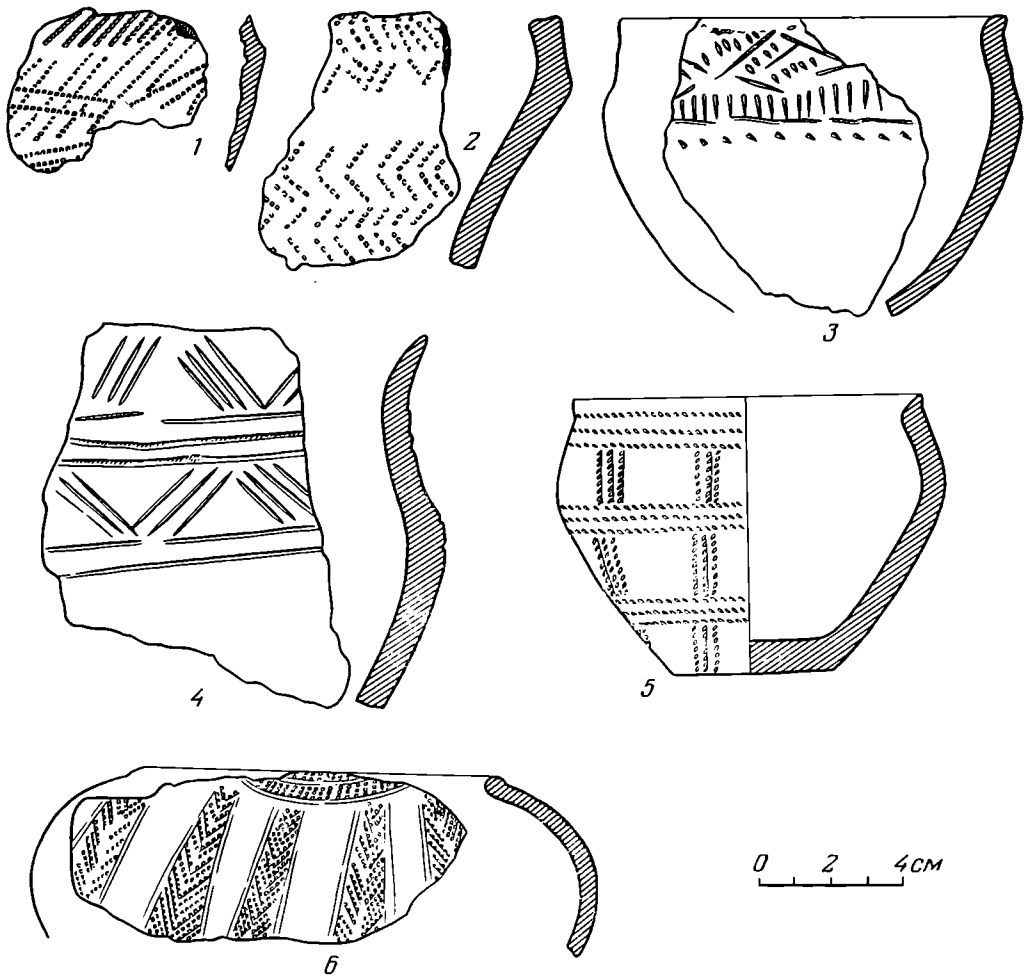



Рис. 2. Соколовские (*1–5*) и Бозяковские (*6*) находки. Керамика

Эта керамика не имеет точных аналогий. Ее можно сопоставить с поздпеямной — полтавкинской керамикой, например из II Бережновского могильника, где зафиксированы сходные по форме сосуды, аналогичные по композиции и технике нанесения орнамента, причем некоторые из этих сосудов изготовлены из глины с примесью толченой раковины [16]. Один из сосудов (рис. 2, *4*) по форме и орнаментальной композиции имеет черты сходства с сосудами из Сейминского могильника [17].

**Бозяковская находка,** представляющая собой фрагмент балановского сосуда реповидной формы (рис. 2, *6*), который обнаружен на площадке Бозяковских IX—XII стоянок, относящихся к позднему неолиту и энеолиту [18]. Поверхность черепка светло-коричневого цвета, заглаженная.

[16] *И. В. Синицын.* Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, 78, 1960, рис. 46, *12*, стр. 147.

[17] *О. Н. Бадер.* Бассейн Оки в эпоху бронзы..., стр. 124, рис. 64.

[18] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., рис. 9, *52, 54, 55;* рис. 33, *13*.

Орнамент мелкозубчатый. Он состоит из двух поясков вокруг закрытого горла и нескольких поясков в виде вертикальной елочки, спускающихся к средней части сосуда. Реповидные и шаровидные сосуды бытуют на ранних этапах балановской культуры [19] и широко представлены в Балановском могильнике, относящемся к XIX—XV вв. до н. э. [20] В этих пределах можно датировать и бозяковскую находку, которая, очевидно, демонстрирует связи местного населения в позднем неолите — энеолите с балановцами.

[19] *О. Н. Бадер.* Балановский могильник. М., 1963, стр. 275.
[20] Там же, стр. 271.

М. А. ДЭВЛЕТ

## О ЗАГАДОЧНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ НА ОЛЕННЫХ КАМНЯХ

Оленные камни — каменные монументальные плиты или столбы, покрытые изображениями стилизованных оленей и другими рисунками, распространены на обширной территории пояса азиатских степей от Забайкалья на востоке до Южного Приуралья на западе, в основном — в Монголии, Туве и Забайкалье. Создавались оленные камни в конце бронзового — в раннем железном веке. О сравнительно раннем времени их появления свидетельствует недавняя находка обломка оленного камня в каменной насыпи кургана Аржан VIII—VII вв. до н. э., где он был вторично использован в качестве строительного материала [1].

Основываясь на стиле изображений, В. В. Волков выделил три основные группы оленных камней. 1. Каменные стелы с натуралистически выполненными изображениями оленей. 2. Камни с орнаментально стилизованными оленями, у которых морда представлена в виде птичьего клюва. 3. Каменные стелы без фигурок животных, но со всеми другими атрибутами, присущими оленным камням [2].

Н. Н. Диков пришел к убедительному выводу, что камни являются олицетворением человека, посмертным памятником воину, поскольку они иногда представляют собой грубо обработанные антропоморфные изваяния. Кроме того, изображения различных предметов на оленных камнях располагаются так, как они размещаются на фигуре человека [3]. В верхней части встречаются ожерелье и височные привески или серьги, в середине пояс и оружие: кинжал, нож, лук в налучье, боевой топор. У пояса иногда имеется оселок и другие предметы.

На оленных камнях часто встречаются изображения заштрихованных пятиугольников, смысловое значение которых до сих пор оставалось загадочным (рис. 1, *1*). М. Х. Маннай-оол сравнивал эти изображения с рисунками домов на Боярской писанице [4]. С. И. Вайнштейн полагал, что предложение рассматривать их как срубы не может быть принято, так как бревна на Боярской писанице «показаны горизонтальными линиями, а на шевроновидных фигурах оленных камней все поперечные линии образуют обращенный вверх угол. По нашему мнению,— пишет С. И. Вайнштейн,— такие фигуры символизируют грудную клетку с ребрами. Шаманы некоторых сибирских народов до недавнего времени изображали

[1] *М. П. Грязнов, М. Х. Маннай-оол.* Третий год раскопок кургана Аржан. АО — 1973, М., 1974, стр. 192—195.
[2] *В. В. Волков.* Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967, стр. 70.
[3] *Н. Н. Диков.* Бронзовый век Забайкалья. Улан-Уде, 1958, стр. 46.
[4] *М. Х. Маннай-оол.* Тува в скифское время. М., 1970, стр. 27.

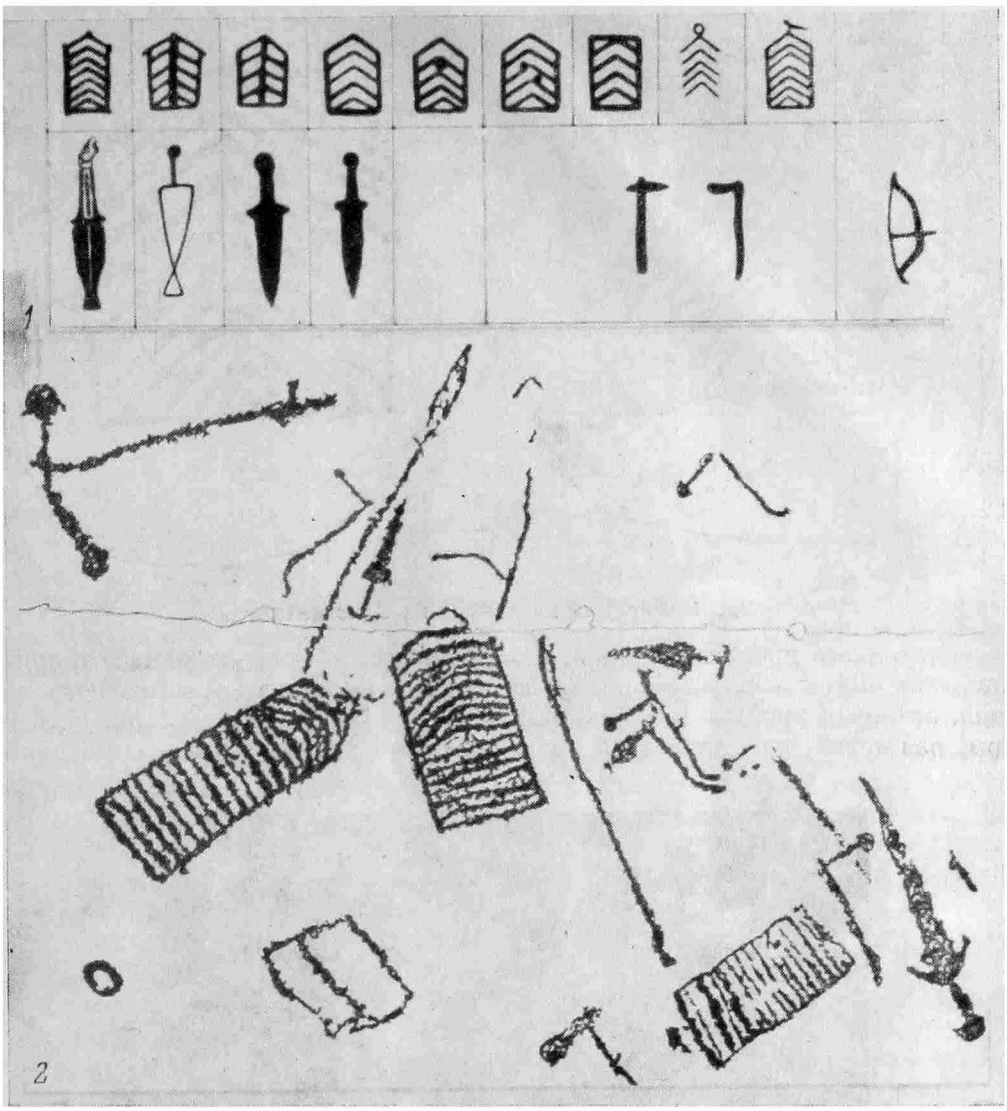


Рис. 1. Изображение предметов вооружения. *1* — на оленных камнях Монголии (по В. В. Волкову); *2* — на петроглифах Италии (по Э. Анати)

кости грудной клетки на своих костюмах в виде шеврона, с пересекающей его средней линией»[5].

В Тувинском республиканском краеведческом музее хранится валун, доставленный из Самагалтая, на обеих сторонах которого выбиты изображения подобных предметов (рис. 2).

Неожиданные аналогии загадочным рисункам на оленных камнях мы находим среди итальянских петроглифов в Лигурийских Альпах (Валь Камоника)[6]. Они встречаются здесь в сочетании с изображениями различного оружия, как и на оленных камнях, и трактуются исследователями как рисунки щитов (рис. 1, *2*; 3).

Щиты в I тысячелетии до н. э. применялись довольно широко в Евразийских степях. Сведения о них почерпнуты на основании изображений щитов на предметах торевтики со сценами из скифской жизни, а также

---

[5] *С. И. Вайнштейн.* История народного искусства Тувы. М., 1974, стр. 30.
[6] *E. Anati.* Evoluzione e stile nell'arte repestre. Capo di Ponte, Brescia, 1975.

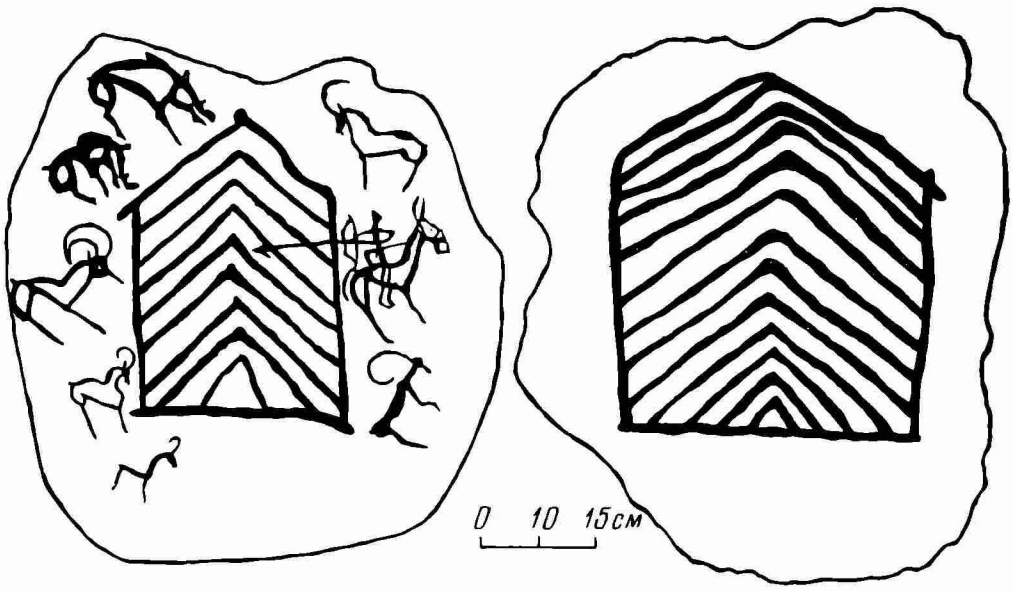



Рис. 2. Рисунки на валуне из Самагалтая

из свидетельств древних авторов, повествующих о том, что скифы покрывали свои щиты «воловьей косматой кожей» или шкурой животного таранда, который хребтом и величиной похож на быка [7]. Щиты были разных форм, размеров, изготовлялись из разных материалов. Щиты с металли-

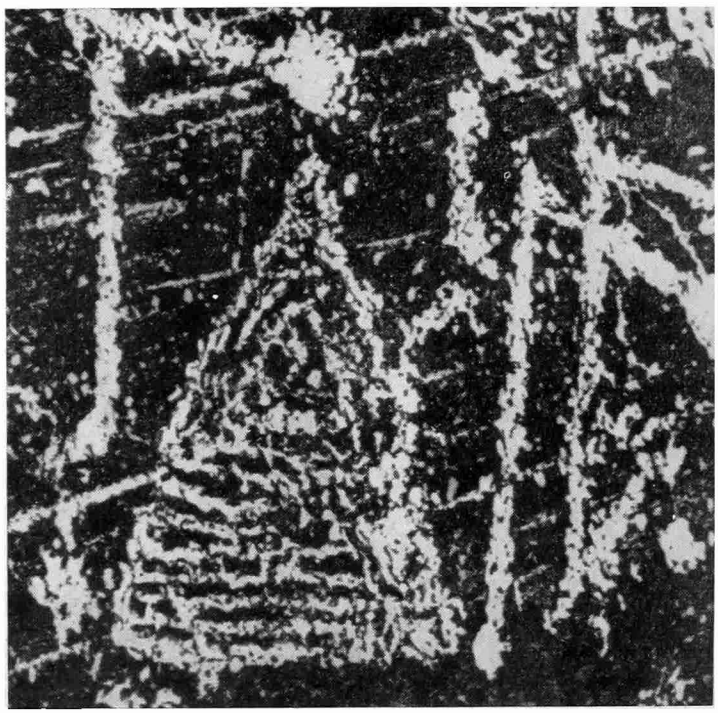


Рис. 3. Наскальный рисунок, изображающий щит, Италия (по Э. Анати)

ческим покрытием в погребениях обычно сохраняются, деревянные, как правило, разрушались. Исследователи этого вида защитного вооружения подчеркивают, что причиной почти полного отсутствия щитов в погребе-

[7] *Е. Ь. Черненко.* Скифский доспех. Киев, 1968, стр. 99.

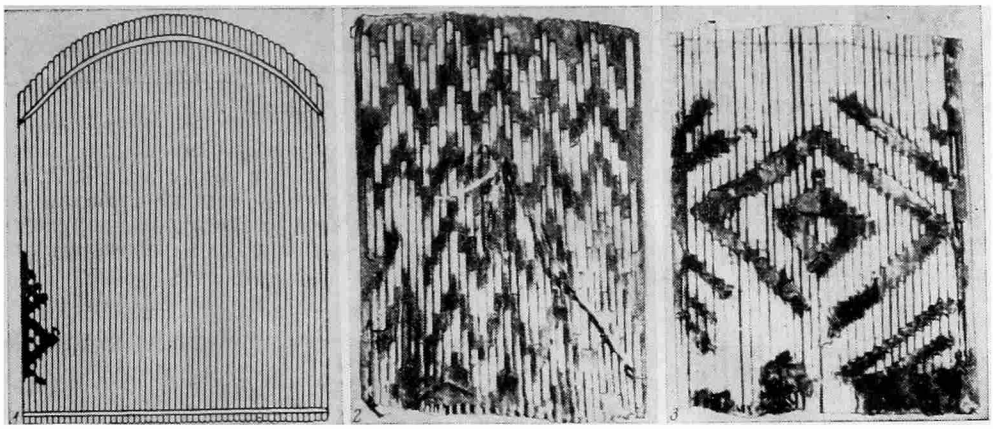


Рис. 4. Щиты из Пазырыкских курганов. *1* — курган 3; *2, 3* — курган 1

ниях является не их малочисленность, а недолговечность материалов — дерева и кожи, из которых щиты были изготовлены [8].

Наиболее восточной находкой щитов из кожи и дерева в скифское время являются находки в курганах Алтая, где они сохранились благодаря вечной мерзлоте (рис. 4). Алтайские щиты имели прямоугольную форму [9], встречены щиты с дугообразным верхним краем [10]. С. И. Руденко так описывает щиты из Третьего Пазырыкского кургана: «Как и в прочих курганах щиты эти состояли из тщательно выструганных палочек диаметром около одного сантиметра, переплетенных лоскутом кожи. Помимо кожи, связывающей палочки щита, щиты эти были скреплены еще двумя поперечными палочками: одной внизу, на расстоянии одного сантиметра от нижнего прямого края щита, другой гнутой, на расстоянии 3,5 *см* от верхнего дугообразного края» [11].

По форме щиты с дугообразным верхним краем приближаются к пятиугольным щитам на оленных камнях. Изредка на оленных камнях встречаются щиты прямоугольной формы, наиболее характерной для алтайских находок.

Шевроны и зигзаги — основной элемент орнамента на внешней стороне пазырыкских щитов. Рисунок на щитах, изображенных на оленных камнях, представляет собою наиболее простой вариант подобной орнаментации. Орнамент на внешней поверхности алтайских щитов зависит от того, каким образом переплетены палочки с куском кожи. Один из алтайских щитов, найденный в Первом Туэктинском кургане, состоял из цельного дерева, размером 42×50 *см* [12]. Этот деревянный щит являлся имитацией кожаного с палочками, поскольку орнамент его повторяет узор из перемежающихся поверхностей кожи и палочек. Отсюда С. И. Руденко делает закономерный вывод о том, что для горноалтайцев были характерны кожаные щиты, а не деревянные [13].

На оленных камнях щиты изображаются обычно на «правом боку» стилизованной фигуры, олицетворяющей человека.

---

[8] *А. И. Мелюкова.* Вооружение скифов. САИ, Д-1, М., 1964, стр. 78; *Е. В. Черненко.* Ук. соч., стр. 99, 111.

[9] *С. И. Руденко.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.— Л., 1953, табл. LXXXVII; *его же.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.— Л., 1960, рис. 73, 74, табл. LXI, CXXVII, *4*.

[10] *С. И. Руденко.* Культура населения Горного Алтая в скифское время, рис. 155.

[11] Там же, стр. 263.

[12] *С. И. Руденко.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время, табл. LXI, *4*; CXXVII, *4*.

[13] Там же, стр. 122, 123.

Судя по изображениям на оленных камнях, в I тысячелетии до н. э. легкие плетеные щиты применялись на огромной территории Евразии не только от Венгрии до Алтая, но и в Туве, Монголии и Забайкалье, т. е. значительно восточнее, чем это предполагалось ранее [14].

[14] Когда настоящая заметка была сдана в печать, вышла в свет статья Э. А. Новгородовой, в которой она на других материалах приходит к тем же выводам (см. *Э. А. Новгородова.* К вопросу о древнем центральноазиатском защитном вооружении. Сб. «Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий». Новосибирск, 1975, стр. 23—28).

Э. В. ЯКОВЕНКО

## ДРЕВНЕЙШИЙ ПАМЯТНИК ИСКУССТВА СКИФОВ

В полевом журнале А. Е. Люценко, зимой 1870—1871 гг. открывшего основное погребение кургана на Темир-Горе, есть следующая запись: «...костяное из двух частей состоящее украшение фантастической формы с весьма курьезною на нем резьбою» [1]. Эта находка до сих пор остается самым ранним образцом скифского «звериного» стиля в Северном Причерноморье.

Весь комплекс основного погребения Темир-Горы известен науке более ста лет. Однако в центре внимания исследователей оказался только прекрасный родосско-милетский сосуд из этой могилы, отодвинувший на второй план остальные находки. Даже детали погребального обряда, отмеченные в дневнике А. Е. Люценко, стали известны сравнительно недавно [2]. Вне сферы активных исследований оставалась до последнего времени резная кость из Темир-Горы: голова грифо-барана и бляха со свернувшимся хищником. И хотя в работах М. И. Ростовцева, Э. Миннса [3] и других исследователей есть упоминания этого интересного комплекса, детальный анализ костяных украшений из Темир-Горы не был осуществлен [4]. Скифологи и антиковеды, обращавшиеся к этим предметам уже в недавнее время — М. И. Артамонов, С. В. Киселев [5] и другие, главное внимание уделяли функциональному назначению этих предметов, их датировке и возможным параллелям в других синхронных комплексах.

Отсутствие детального описания и точных прорисовок резной кости из Темир-Горы не давало возможности полностью использовать ее в качестве источника. Фотоснимки костяных украшений, помещенные в упомянутой статье М. И. Артомонова [6], дают представление об этих предметах только в одной плоскости. Для головы грифо-барана, довольно сложной по композиции, такое воспроизведение не может быть признано удовлетворительным.

В упомянутых выше работах это украшение называли различно — голова длинноклювой или хищной птицы [7], грифона или грифа [8] и, наконец,

[1] Журнал раскопок А. Е. Люценко. Научный архив ЛОИА, ф. 123/1870.

[2] *Э. В. Яковенко.* Курган на Темир-Горе. СА, 1972, 3, стр. 261.

[3] *М. И. Ростовцев.* Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 395; *E. Minns.* The art of the northern nomads. London, 1944.

[4] *В. А. Ильинская.* Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. СА, 1965, 1, стр. 88.

[5] *М. И. Артамонов.* К вопросу о происхождении скифского искусства. Сб. «Omagiului George Operseu». Bucureşti, 1961; *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири. МИА, 9, 1949, стр. 145.

[6] *М. И. Артамонов.* Ук. соч.

[7] *М. И. Артамонов.* Сокровища скифских курганов. Прага — Ленинград, 1966, стр. 25.

[8] *С. В. Киселев.* Ук. соч., стр. 145.

барано-птицы или грифо-барана[9]. Наиболее удачным и точным следует считать последнее определение. Образ грифо-барана, этот самобытный сюжет скифского искусства, детально разобран В. А. Ильинской[10]. Она отметила, что в образе грифо-барана слились два раннескифских мотива — баран и орел. Если Б. Б. Пиотровский связывает образ скифского грифо-барана с влияниями древневосточного искусства[11], то В. А. Ильинская относит этот сюжет к исконно скифским[12].

Голова грифо-барана из Темир-Горы представляет собой костяной втульчатый предмет длиной 4,8 *см;* ширина его основания 2 *см.* В основании имеется круглая полость — втулка диаметром 1,2 *см.* Вся наружная поверхность искусно покрыта резьбой (рис. 1).

Рис. 1. Голова грифо-барана с Темир-Горы

Основным сюжетом является округлая голова грифо-барана. С обеих сторон на ней симметрично располагаются циркульно очерченные глаза, а снизу она обведена почти полной окружностью рогов, сходящихся на восковице. Голова завершается массивным крюковидным клювом, украшенным резьбой. Поверх основного изображения имеются три дополнительных. Два из них вписаны в завитки рогов и одно в систему резных линий клюва. На обеих боковых плоскостях в основании головы грифо-барана имеются аналогичные изображения лежащего животного — изображение 1. Его удлиненно-округлую голову с петлевидной линией рта и точкой-глазом венчает торчащее вверх овальное ухо. Далее хорошо просматривается длинная шея, переходящая в выпукло очерченное тулово. Отдельно моделированы изогнутые ноги животного; передние ноги подогнуты под брюхо, а задние под круп. На конце передней ноги резчиком выделено ромбовидное завершение, напоминающее копыто. Непосредственно над крупом животного находится круглое отверстие, имеющее отношение к функциональному назначению предмета. На одной из боковых плоскостей утрачена часть спины животного непосредственно под отверстием (рис. 2, *3*). В остальном все изделие сохранилось хорошо.

Следующее дополнительное изображение — 2 — помещено на противоположной стороне головы грифо-барана, у основания клюва. Это также лежащее животное с крупной головой и четко выраженной горбинкой в лобной части морды. Нос слабо намечен штрихом и просматривается только на правой боковой плоскости; глаз обозначен точкой. За головой животного находится большое удлиненно-овальное ухо с линзовидной раковиной. Длинное туловище завершается округлой линией выпуклого

---

[9] *В. А. Ильинская.* Ук. соч., стр. 100—102.
[10] Там же, стр. 99.
[11] *Б. Б. Пиотровский.* Кармир-Блур, I. Ереван, 1950, стр. 96, 97.
[12] *В. А. Ильинская.* Ук. соч., стр. 106.

крупа, переходящей в подогнутую под брюхо ногу. Передняя нога не моделирована отдельно и сливается с передним концом задней ноги.

Дополнительное изображение 3 помещено на клюве грифо-барана. Оно представляет собой голову животного с удлиненной мордой, на которой двумя овалами обозначены ноздри и линия рта, а точкой в верхней части намечен глаз. У животного длинное ухо, острый конец которого сливается с дуговидными резными линиями клюва.

Своеобразна композиция верхней плоскости: каждое животное на изображениях 1 и 2 имеет при одной общей голове два расходящиеся по

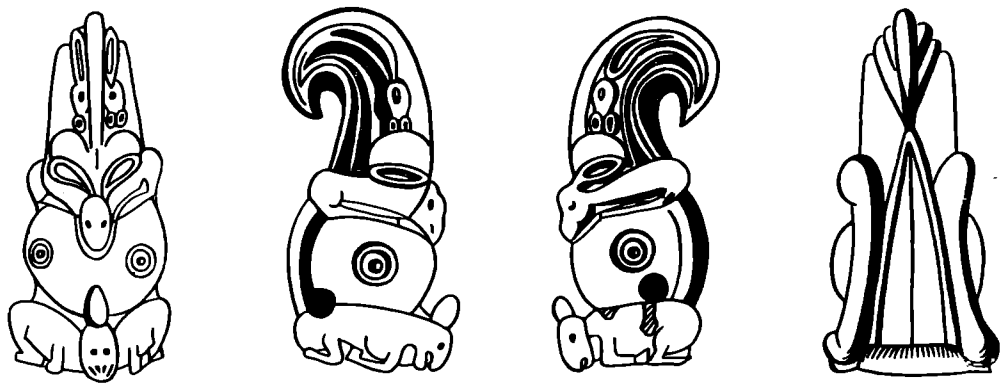



Рис. 2. Прорисовка головы грифо-барана с Темир-Горы: *1* — верхняя плоскость; *2, 3* — боковые плоскости; *4* — нижняя плоскость

боковым плоскостям туловища. По продольной оси симметрии в нижней части помещена голова изображения 1 с одним ухом, напоминающим рог; над ней — голова изображения 2, от которой в обе стороны расходятся уши, прижатые к каждому из двух туловищ. Верхнюю часть композиции завершает массивная центральная складка клюва, отходящая от восковицы; по сторонам ее видны обе головки изображения 3.

На нижней плоскости тщательно вырезаны выпуклые нижние валики рогов: вдоль них идут две тонкие рельефные линии, сходящиеся под углом у конца клюва.

Основной сюжет композиции ясен и определен давно. О дополнительных изображениях у исследователей нет единого мнения. Пишут о фигурках животных без выраженных видовых признаков[13], а в одной из работ они названы зайцами[14].

Тщательный просмотр и прорисовка всех дополнительных сюжетов (рис. 3) позволили еще раз рассмотреть их видовую принадлежность.

**Изображение 1** (в основании предмета). При его определении необходимо обратить внимание на форму головы и рта, длину шеи, изгиб передней ноги и особенно ее копытообразный конец. Голова с поднятым ухом, как нам представляется, находит близкие аналогии среди «коней в спокойном состоянии с опущенной мордой и торчащими вперед или вверх ушами»[15] (так называемая группа вторая), выделенных среди зооморфных костяных псалиев Посулья В. А. Ильинской. Кроме того, нога, подогнутая назад, скорее всего принадлежит копытному, так как другие животные — волки, кошачьи хищники, зайцы и т. д.— изгибают переднюю лапу в обратную сторону.

Сочетание указанных признаков позволяет предполагать в этом изображении какое-то копытное, возможно лошадь.

---

[13] *М. И. Артамонов.* К вопросу о происхождении скифского искусства, стр. 35.
[14] *М. И. Артамонов.* Сокровища скифских курганов, стр. 93.
[15] *В. А. Ильинская.* Ук. соч., стр. 89.

**Изображение 2** (в основании клюва). Прежде всего обращает на себя внимание крупная голова с горбинкой и большие «заячьи» уши. В скифском декоративно-прикладном искусстве с горбоносой головой обычно изображали лосей. У детенышей лосей нет рогов, а уши очень большие, поэтому животное (изображение 1) более всего напоминает нам лосенка.

**Изображение 3** (на клюве грифо-барана). При прорисовке его выяснились мелкие детали, которые не просматривались на фото. Имеются в виду две рельефные линзы на передней части морды, обозначающие ноздри и отверстия рта. Эти линзы в сочетании с вытянутым назад ухом

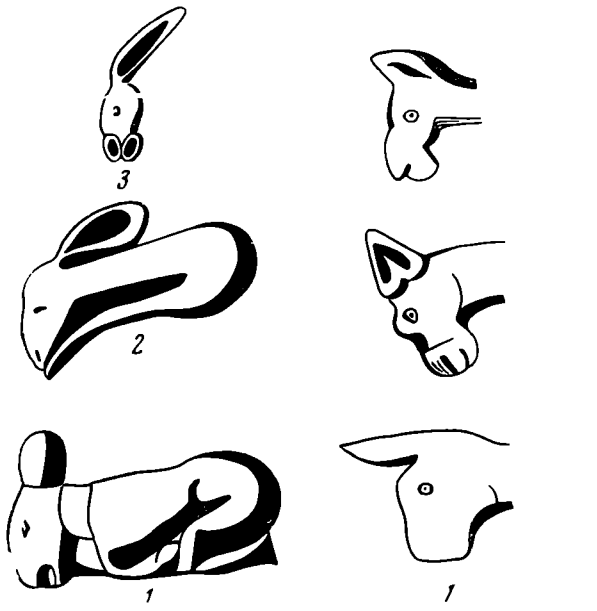



Рис. 3. Прорисовка дополнительных изображений: *1* — изображение 1; *2* — изображение 2; *3* — изображение 3

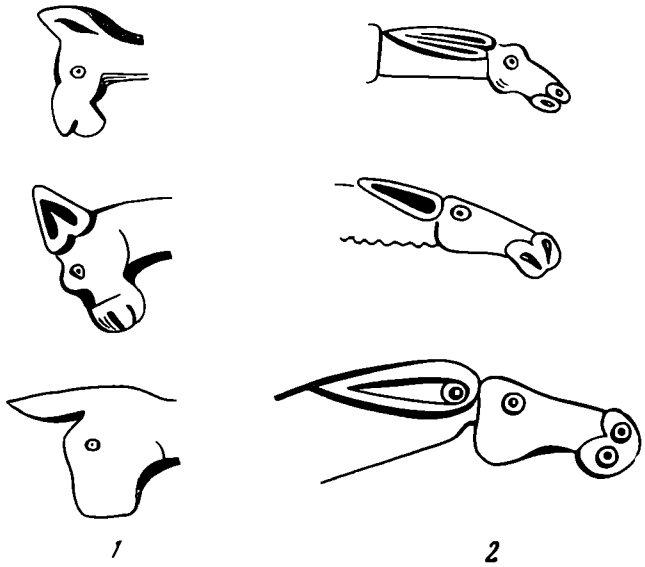



Рис. 4. Головки коней на разных псалиях Посулья: *1* — «стоящие кони»; *2* — «бегущие кони»

сближают наше изображение с головами «бегущих» лошадей (первая группа по В. А. Ильинской), известных на костяных псалиях Посулья (рис. 4) [16]. Широкий круг аналогий позволяет это изображение считать головой лошади.

Грифо-баран, конь и лось, изображенные вместе, не противоречат существующим представлениям об образах скифского искусства и их символике. Такие сочетания известны в ряде других образцов декоративно-прикладного искусства скифов. Исследователи, специально занимавшиеся вопросами семантики скифского «звериного» стиля, связывают образы этих животных с солярной символикой, с культом плодородия [17]. Интересна в этой связи группа так называемых «конноголовых скипетров» с солярной эмблемой, где сливаются образы коня и орла [18]. Многочисленные примеры сочетаний солярных символов с образами коня и орла в декоре скифской узды, оружия, на культовых предметах раннескифского времени [19].

Резная голова из Темир-Горы до недавнего времени не имела прямых аналогий. Но в 1971 г. на Херсонщине было найдено еще одно такое же

[16] Там же.

[17] *М. И. Вязьмитина.* Ранние памятники скифского звериного стиля. СА, 1963, 2, стр. 158.

[18] *В. А. Ильинская.* Культовые жезлы скифского и предскифского времени. МИА, 130, 1965, стр. 209—211.

[19] *В. А. Іллінська.* Скіфська вузда VI ст. до н. э. «Археологія», XIII, 1961, стр. 57—60.

украшение во впускном потревоженном погребении («Зеленый лагерь, кург. 2, погр. 1) [20]. Оно аналогично по форме находке из Темир-Горы, но несколько больше по размерам и уступает ей по сложности композиции — кроме основного сюжета там только одно дополнительное изображение.

Наиболее близкой аналогией грифо-барана из Темир-Горы М. И. Артамонов считал бронзовые парные навершия с Посулья [21].

Основываясь на принятой в последнее время датировке всего комплекса Темир-Горы — середина VII в. до н. э.[22], можно утверждать, что резные зооморфные украшения из этого комплекса старше находки из Зивие [23] почти на полстолетия; они представляют искусство, прошедшее к середине VII в. до н. э. длительный путь развития и совершенствования изобразительных средств.

---

[20] Любезная информация А. М. Лескова.

[21] *М. И. Артамонов.* К вопросу о происхождении скифского искусства, стр. 34, рис. 5.

[22] *Н. А. Сидорова.* Архаическая керамика из Пантикапея. МИА, 103, 1962, стр. 95—97.

[23] *R. Ghirshman.* Iran. Protoiranier, Meder, Achämeniden. München, 1964, S. 98–115.

Х. И. КРИС

## О ВПУСКНЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В КУРГАНАХ ДОЛИНЫ САЛГИРА

Во время раскопок курганов в долине Салгира — зоне затопления Симферопольского водохранилища в 1954 г. получен новый и сравнительно большой материал для постановки вопроса о принадлежности серии впускных курганных захоронений Крыма, сопровождающихся сосудами так называемого кизил-кобинского типа [1].

В диссертации Т. Н. Троицкой «Скифские погребения в курганах Крыма» группа из одиннадцати курганных погребений, датирующихся от конца VII по рубеж VI—V вв. до н. э., отнесена к кизил-кобинской культуре, связанной, по мнению автора, с ранними таврами. Поводом для такой этнической интерпретации послужила в основном керамика, найденная в этих погребениях [2]. Она представлена сосудами различных размеров и форм. Общей чертой является лощеная поверхность и геометрический резной орнамент. Подобная керамика действительно известна из раскопок поселений кизил-кобинской культуры, однако она характерна лишь для второго этапа развития этой культуры и совсем не известна на поселениях первого этапа.

Как показало исследование керамики поселений и погребений кизил-кобинской культуры, она представляет собой довольно устойчивый комплекс, отличающийся большим разнообразием форм. Это разнообразие форм сосудов особенно характерно для первого этапа (IX—VIII — середина VII в. до н. э.), среди которых многие напоминают лощеную керамику фракийского гальштата. С середины VII в. до н. э., на втором этапе кизил-кобинской культуры, исчезают некоторые формы керамики первого этапа и появляются сильно уплощенные сосуды «реповидной» формы. Многие формы при незначительных видоизменениях продолжают существовать до VI в. до н. э.

---

[1] *П. Н. Шульц, А. Д. Столяр.* Курганы эпохи бронзы в долине Салгира. КСИИМК, 71, 1958, стр. 53—64.

[2] *Т. Н. Троицкая.* Скифские погребения в курганах Крыма. Автореф. канд. дисс, Симферополь, 1954, стр. 5, 6. В одном случае Т. Н. Троицкая говорит лишь о теснейшей связи с кизил-кобинской культурой (стр. 5), в другом — о принадлежности к этой культуре (стр. 6).

Наиболее существенное отличие керамики второго этапа от первого — в способе орнаментации. Для первого этапа характерен орнамент в виде отдельных налепов и каннелюр, расположенных в наиболее широкой части тулова сосуда. На втором этапе появляется резной геометрический узор, затертый белой пастой, он образует широкий орнаментальный пояс, покрывающий почти все тулово сосуда.

Этот новый способ орнаментации, не имеющий местных истоков, не может рассматриваться как специфическая черта керамики кизил-кобинской культуры. Наоборот, столь резко изменившийся способ орнаментации позволяет думать о его появлении извне. Лощеная керамика с резным орнаментом, затертым белой пастой, была широко распространена в Северном Причерноморье во второй половине VII в. до н. э. на острове Березани, на Керченском полуострове, на Северном Кавказе. Лощеная керамика с подобным орнаментом при некоторых локальных особенностях характерна для памятников раннескифского времени жаботинского типа в лесостепи и в Молдавии. Керамика из поселений кизил-кобинской культуры наибольшее сходство обнаруживает с керамикой догреческих поселений на острове Березани, Керченского полуострова и Северного Кавказа. Так широко распространенный способ орнаментации не позволяет называть подобную керамику керамикой кизил-кобинского типа, ибо памятники кизил-кобинской культуры известны лишь на небольшой территории в предгорных районах Крыма.

Таким образом, керамика с резным орнаментом, сопровождающая некоторые впускные захоронения в курганах долины Салгира, не дает достаточных оснований для отнесения этих захоронений к памятникам кизил-кобинской культуры и тем более к памятникам тавров.

Исследование археологических памятников горного и предгорного Крыма, а также данные письменных источников говорят о том, что на этой территории в VIII—VI вв. до н. э. находились две группы населения: в горной и прибрежной части Юго-Западного Крыма обитали племена тавров, в предгорном районе была распространена кизил-кобинская культура, которая отличается от таврской, в частности, и погребальными памятниками: конструкцией погребальных сооружений и характером сопровождающего инвентаря. Так, для погребальных комплексов тавров керамика не характерна, в погребениях же могильников кизил-кобинской культуры керамика — основной сопровождающий инвентарь (там встречаются архаические формы керамики, чаще всего кубки, со слабым лощением и без лощения, почти лишенные орнамента) [3].

В отличие от таврских могильников, представляющих собой многочисленные группы монументальных каменных ящиков (получивших название «крымских мегалитов»), могильники кизил-кобинской культуры состоят из рядов едва заметных на поверхности каменных насыпей, иногда окруженных каменным кольцом. Погребения — на уровне древнего горизонта, в неглубоких ямах с каменной обкладкой стен или в небольших каменных ящиках и кромлехах, положение костяков скорченное [4]. Эти могильники напоминают могильники скифского времени VII—VI вв. до н. э. в Молдавии [5].

Характеризуя группу курганных погребений раннескифского времени в Крыму, Т. Н. Троицкая отмечает, что они представляли собой впускные и центральные захоронения в земляных ямах (иногда с каменной обкладкой) с неустойчивой ориентацией костяков с преобладанием восточной, характерной для доскифского времени, изредка — скорченное положение

---

[3] *Х. И. Крис.* О таврах и кизил-кобинской культуре. ВДИ, 1971, 4, стр. 157—170.

[4] *Х. И. Крис.* Классификация таврских каменных ящиков. КСИА АН СССР, 112, 1967, стр. 29.

[5] *А. И. Мелюкова.* Раскопки памятников скифского времени в Молдавии. КСИА АН СССР, 4, 1955, стр. 91—93.

костяка и посыпание охрой [6]. Сравнивая их с могильниками предгорного Крыма, мы видим, что это различные типы погребений. Курганные погребения совершенно не свойственны могильникам предгорной группы, так же как и вытянутое положение костяков (редкие случаи скорченных костяков и посыпание их охрой нельзя с уверенностью относить к VII—V вв. до н. э.). Отличие выражается и в том, что в могильниках предгорной группы погребения многократные а курганные захоронения содержали по одному костяку.

В группу из 11 курганных погребений раннескифского времени, выделенных Т. Н. Троицкой, входят пять погребений (№ 4—7 и 9), датированных второй половиной VI—V в. до н. э., и шесть погребений (№ 1—3, 8, 10, 11) VII—V вв. Рассмотрим наиболее рано датированные курганные захоронения.

1. Погребение в кургане Темир-Гора, вытянутое, ориентированное на запад, отнесено ко второй половине VII в. до н. э. (по родосскому кувшину). Следует, однако, заметить, что вопрос о датировке этого комплекса дискуссионен [7].

2. Погребение 2, основное, в кургане 3 у Бахчи-Эли, слегка скорченное, обращено головой на запад, с остатками напутственной пищи. Сопровождалось лощеным (по данным Н. Л. Эрнста) кувшином, кремневым и бронзовым наконечниками стрел [8]. Вещи не сохранились. Бронзовый наконечник стрелы не противоречит предложенной Т. Н. Троицкой датировке этого погребения VII — VI вв. до н. э., хотя форма сосуда в виде кувшина не известна в погребениях этого времени ни в скифских памятниках, ни в памятниках кизил-кобинской культуры.

3. Два основных захоронения в кургане Кара-Тобе: мужское вытянутое, головой на ЮЗ и женское — сильно скорченное, головой на СВ. При мужском костяке находилось железное острие. Ни обряд захоронения, ни железное острие при мужском костяке не позволяют датировать основные погребения кургана. Между тем два впускных захоронения, сопровождавшихся обломками сосудов баночной формы и костяной овальной пряжкой с двумя отверстиями, отнесены были П. Н. Шульцем к срубному времени [9]. Следовательно, стратиграфические данные говорят о более ранней датировке основных погребений этого кургана, которые в силу этого не могут быть отнесены к VII—VI вв. до н. э.

4. Погребение 1 в кургане 3 у Бахчи-Эли: вытянутое на спине, головой на восток сопровождалось лепным сосудом, точильным бруском, бусиной, каменными досковидными терками. Для датировки этого погребения VII—VI вв. нет достаточных оснований; лепной (реконструированный) сосуд не имеет аналогий в погребениях VII—VI вв. до н. э. ни по форме, ни по отделке [10]. Для этого времени менее храктерна ориентировка погребенных головой на восток.

5. Погребения в кургане 1, на земле А. Н. Пастака, как следует из отчета Н. И. Веселовского, разнохарактерны и разновременны. Одно из них, приводимое Т. Н. Троицкой, найденное в грунтовой могиле в западной части кургана, ориентировано головой на СВ, сопровождалось бронзовым наконечником стрелы, вещи из раскопок утеряны [11].

6. Погребение 5 в кургане 4 у с. Долинное между реками Альмой и Качей. Погребенный лежал на левом боку, головой на ЮЗ, на шее —

---

[6] *Т. Н. Троицкая.* Ук. соч., стр. 5.

[7] *М. И. Артамонов.* О времени возникновения скифской культуры. Тезисы докладов на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. М., 1972, стр. 29.

[8] *Т. Н. Троицкая.* Погребение у села Белоглинки. СА, XXVII, 1957, стр. 226, 227, рис. 4, *1, 2.*

[9] *П. Н. Шульц.* Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.— Л., 1941, стр. 267, 268.

[10] *Т. Н. Троицкая.* Погребение у села Белоглинки, стр. 227, рис. 4, *5.*

[11] ОАК за 1895 г., стр. 10, 11.

просверленный коралл и кольцо из бронзовой пластины. Ни детали обряда, ни сопровождающие предметы не дают оснований для датировки этого погребения. Под описанным захоронением находились два впускных вытянутых костяка, обращенных головой на запад [12]. Как мы увидим дальше, в курганах долины Салгира впускные вытянутые погребения, обращенные головой на запад, характерны для второй половины VII в.— первой половине VI в. до н. э. Стратиграфические данные, скорее всего, позволяют относить погр. 5 к более позднему времени.

Таким образом, из рассмотренных шести погребений лишь первые два могут быть, вероятно, отнесены к VII— первой половине VI в. до н. э.

Так ли ничтожно мало число погребений этого времени в Крыму? В публикации «Погребение у села Белоглинки» [13] автор приводит лишь некоторые аналогии из курганов долины Салгира, раскопанных в 1954 г. Между тем эта курганная группа среди многочисленных впускных погребений содержит и значительное число относящихся к раннескифскому времени [14]. Их отличие от остальных впускных погребений — прежде всего лощеная керамика с резным орнаментом, которая сопровождает погребенного в вытянутом положении головой на запад. Зафиксированы также случаи нахождения подобных сосудов без костяков (вероятно, не сохранившихся), иногда впускные погребения вытянутые, обращенные головой на запад были без инвентаря.

Большой интерес представляет курган 14, который имел только одно основное захоронение под центром насыпи в материковой яме, заложенной сверху плоскими обломками камня. Погребенный лежал в вытянутом положении, головой на запад; около правого предплечья — остатки жертвенной пищи. Его сопровождал уплощенно-шаровидный лощеный кубок больших размеров, орнаментированный широким поясом из вертикальных и пересекающихся резных линий (рис. 1, *2*).

Форма могильной ямы во впускных погребениях курганов долины Салгира не могла быть установлена, однако каменные кладочки, подобные найденной в кург. 14, зафиксированы были над некоторыми впускными погребениями [15]. В трех впускных погребениях (кург. 8, погр. 7; кург. 12, погр. 4; кург. 14) костяк лежал в вытянутом положении головой на запад. В кургане 12 при костяке на поясничном позвонке найден был скифский бронзовый наконечник стрелы, втульчатый трехлопастной с шипом второй половины VII или начала VI в. до н. э. Впускные погребения, сопровождавшиеся лощеными сосудами с геометрическим узором, найдены были в курганах 4—8, 11, 12 (в некоторых из них костяки были очень плохой сохранности).

Формы и размеры сосудов, сопровождавших вытянутые впускные погребения с западной ориентировкой, различны (рис. 1, *1—6*). Это кубки больших и малых размеров или средние и крупные сосуды с округлым или округло-биконическим туловом. Общей чертой является лощение и геометрический резной узор. Эти сосуды по форме и орнаментике идентичны керамике поселений кизил-кобинской культуры, что послужило, как это уже упоминалось, основанием для отнесения рассматриваемых впускных курганных погребений к памятникам кизил-кобинской культуры. Однако различия в погребальном обряде и конструкции сооружений опровергают это.

Сочетание керамики, встречаемой на поселениях кизил-кобинской культуры, с погребальным обрядом, не свойственным этой культуре, первоначально производило впечатление смешения черт соседних культур в

---

[12] ОАК за 1895 г., стр. 19.

[13] *Т. Н. Троицкая.* Погребение у села Белоглинки, стр. 222 сл.

[14] *П. Н. Шульц, А. Д. Столяр.* Ук. соч., стр. 53—64. Многие впускные погребения были без инвентаря, поэтому обряд скорченности и ориентировка погребенных не дают основания для их датировки.

[15] *П. Н. Шульц, А. Д. Столяр.* Ук. соч., стр. 59.

пограничном районе, однако впускные погребения с аналогичным обрядом и керамикой найдены не только в Крыму.

До недавнего времени известно было лишь небольшое число таких захоронений. К ним относятся впускное погребение в кургане у с. Кут с чернолощеным сосудом, орнаментированным резными геометрическими фигурами, затертыми белой пастой, а также известное впускное погребение на «верхоземке» в кургане Малая Цымбалка с серым лощеным сосудом

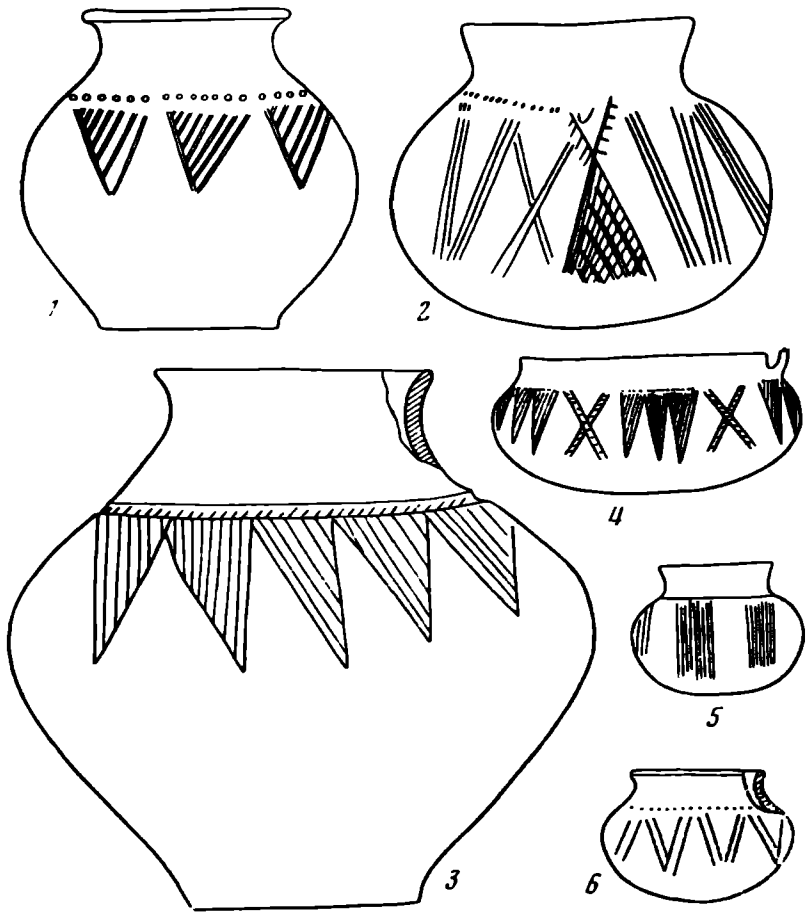



Рис. 1. Сосуды из впускных захоронений курганов долины Салгира. *1* — кург. 6; *2* — кург. 14; *3* — кург. 7; *4* — кург. 12; *5* — кург. 8, погр. 7; *6* — кург. 4

с шаровидным туловом и высоким горлом (сосуд орнаментирован треугольными резными зубцами, инкрустирован пастой) и набором стрел раннескифского времени и удилами [16]. Нахождение их на собственно скифской территории исключает возможность предположения о сочетании элементов различных культур во впускных погребениях курганов долины Салгира.

Изучение погребального обряда в степях Северного Причерноморья, проведенное В. В. Дворниченко, позволяет говорить о том, что, несмотря на отсутствие основных погребений и могильников, раннескифское время — вторая половина VII и начало VI в. до н. э.— представлено значительной серией погребений (около полусотни) с превалирующей западной ориентировкой погребенных и редкими элементами скорченности, с кера-

[16] *И. В. Яценко.* Скифия VII—V веков до нашей эры. Тр. ГИМ, 36, 1959, стр. 38—41.

микой, по характеру орнаментации и формам близкой к керамике лесостепного приднепровского Правобережья, отчасти — Молдавии и Крыма [17].

При скудном инвентаре этих погребений для определения их даты большое значение приобретает найденная в них керамика. По мнению, высказанному М. Ф. Болтенко, лощеная керамика с геометрическим орнаментом появляется в слоях второй половины VII в. до н. э. поселения на острове Березани и исчезает в VI в. н. э. Время возникновения Пантикапея и Нимфея подтверждает наблюдения М. Ф. Болтенко, ибо лощеная керамика с геометрическим узором и белой пастой, органически не связанная с культурным слоем античных поселений, может быть отнесена к периоду, предшествующему основанию античных городов. Можно думать, что именно к этому времени и относится рассматриваемая группа впускных погребений курганов долины Салгира, керамика которых обнаруживает наибольшие черты сходства с лощеной орнаментированной керамикой из догреческого поселения на острове Березани и Керченского полуострова. Аналогичная керамика сопровождает основные курганные захоронения с западной ориентировкой вытянутых костяков у с. Дружное Симферопольского района [18].

Таким образом, на территории предгорного Крыма во второй половине VII в. до н. э. скифские племена не только появляются, но уже представляют значительную группу населения. По-видимому, им обязаны племена кизил-кобинской культуры знакомству с железом и появлению резного геометрического орнамента на лощеной и простой керамике.

Исходя из этого, можно думать, что в начальный период появления скифских племен отношения с местными племенами носили мирный характер и сопровождались культурным взаимовлиянием.

---

[17] *В. В. Дворниченко.* Погребальный обряд VIII—VII вв. до н. э. в степях Северного Причерноморья. Доклад, прочитанный на заседании сектора скифо-сарматской археологии ИА АН СССР в апреле 1973 г.

[18] Раскопки А. А. Щепинского в 1959 г., материалы не опубликованы.

Г. Г. МЕЗЕНЦЕВА, Я. П. ПРИЛИПКО

## ОТКРЫТИЕ БЕЛГОРОДСКОГО МОГИЛЬНИКА

Белгород Киевский — один из важных экономических и культурных центров древней Руси. Несмотря на важную историческую роль Белгорода, археологически он изучен сравнительно мало. Лишь в конце XIX в. к нему начали проявлять интерес. На месте с. Белгородки, в 27 *км* на запад от Киева, где когда-то располагался этот город, были проведены разведки [1], а затем и первые раскопки под руководством В. В. Хвойко [2].

Систематическое исследование Белгорода начато только в 1966 г. археологическими экспедициями Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко [3]. Этими экспедициями открыты металлообрабатывающие и гончарные мастерские, огромное количество всевозможных изделий [4]. Особый интерес представляет открытие в 1974 г. Белгородского

---

[1] См. «Чтение в Историческом обществе Нестора-летописца», т. I. Киев, 1877.

[2] *В. В. Хвойко.* Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913.

[3] *Г. Г. Мезенцева.* Новые исследования древнего Белгорода Киевского. АО — 1968, М., 1969.

[4] *Г. Г. Мезенцева.* Давньоруські керамічні світильники та свічники. «Археологія», 1973, 10; *Г. Г. Мезенцева, В. Д. Гопак.* Залізні вироби з стародавнього Білгорода. «Археологія», 1974, 14.

В 1968—1969 гг. раскопки на территории белгородского городища проводились также экспедицией под руководством Б. А. Рыбакова. См.: *Б. А. Рыбаков.* Раскопки

могильника, некоторым результатам первых раскопок которого и посвящена данная заметка.

Древний могильник Белгорода Киевского был открыт благодаря тому, что в одной из усадеб, примыкающих с юга к оборонительному валу города, была вырыта яма, повредившая три погребения. Здесь и был заложен первый раскоп «М» («могильник») площадью около 80 $м^2$, которым было вскрыто семь ингумированных погребений (четыре женских, два мужских и одно детское), ориентированных головой на запад. Глубина залегания костяков колебалась от 25 до 90 *см*, причем понижение уровня залегания увеличивалось по мере удаления от вала в сторону склона к р. Ирпень. Это объясняется скорее всего тем, что тянущаяся вдоль вала полоса шириной 20—25 *м* была как бы снивелирована и даже несколько понижалась в сторону вала. Видимо, вдоль вала шел ров, и верхний слой почвы на указанной полосе был снят либо пахотой, либо специально для засыпки рва, как это было сделано во время осады татаро-монголами Райковецкого городища[5].

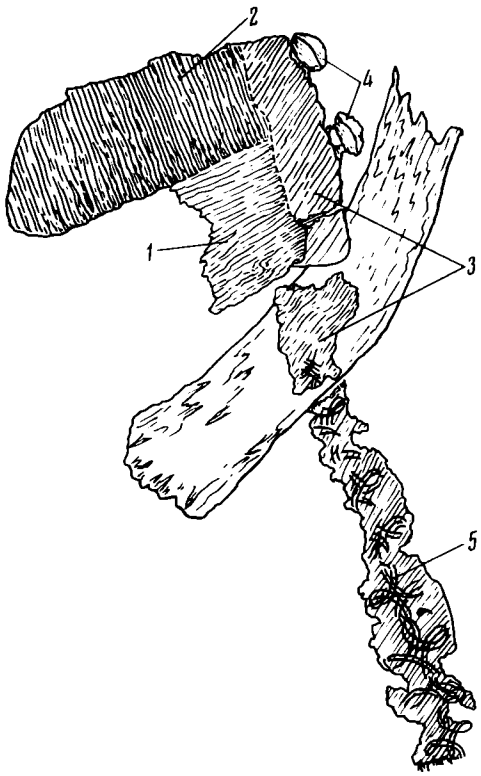



Рис. 1. Фрагменты женской плащевидной накидки из погр. 6: *1* — остаток парчового оплечья; *2* — парчовая обшивка ворота; *3* — тесьма, окаймляющая продольный край полы; *4* — пуговички; *5* — вышивка золотой нитью

В засыпке всех вскрытых погребений, кроме одного (6), были найдены кованные гвозди от деревянных гробов (в погр. 1 даже с остатками гроба в виде полосок трухи), а также довольно значительная зольно-угольная примесь, комочки жженой глины и фрагменты керамики. В женских погребениях особая интенсивность зольно-угольной примеси наблюдалась в ногах костяка, а в погр. 2 она явно напоминала остатки большого кострища, раскладывавшегося, возможно, даже дважды — на дне могильной ямы и поверх опущенного в нее и присыпанного незначительным слоем песка гроба. Песчаное дно могильных ям имело, как правило, красноватый оттенок и было как бы спекшимся. В заполнении трех женских погребений были также обнаружены небольшие (диаметр 14—16,5 *мм*) неправильной формы височные колечки из серебряной проволоки с заходящими концами (по одному на погребение), а в одном из них, кроме того, остатки ткани и кожаного украшения у височного кольца и перстень проволочный с несомкнутыми концами на среднем пальце правой руки (погр. 2).

Самым интересным оказалось женское погр. 6. В его засыпке почти не было зольно-угольной примеси, и только в слое, представляющем собой подсыпку под костяком, она становилась явственной. Погребение отличалось от остальных также полным отсутствием гвоздей (возможно, гроб был долбленый).

Это погребение дало фрагменты и отпечатки тканой одежды, в том числе верхнюю часть правой полы, состоящую из остатков парчового

в Белгороде Киевском. АО — 1968, М., 1969; *Б. А. Рыбаков, Т. В. Николаева.* Раскопки в Белгороде Киевском. АО — 1969, М., 1970.

[5] *В. К. Гончаров.* Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 26.

оплечья, шитого золотом и серебром, такой же обшивки ворота с двумя медными пуговицами с эллипсовидными головками и пластинчатыми ушками, а также окантовки продольного края полы в виде шелковой тесемки саржевого тканья с сохранившейся на ней золотой вышивкой (рис. 1)[6]. У правой тазовой кости и нижних позвонков скелета найден небольшой и сильно окисленный железный предмет, видимо, наконечник какого-то узкого пояса или тесемки, которой подвязывалась рубаха или набедренная одежда. На этом предмете также заметны отпечатки ткани.

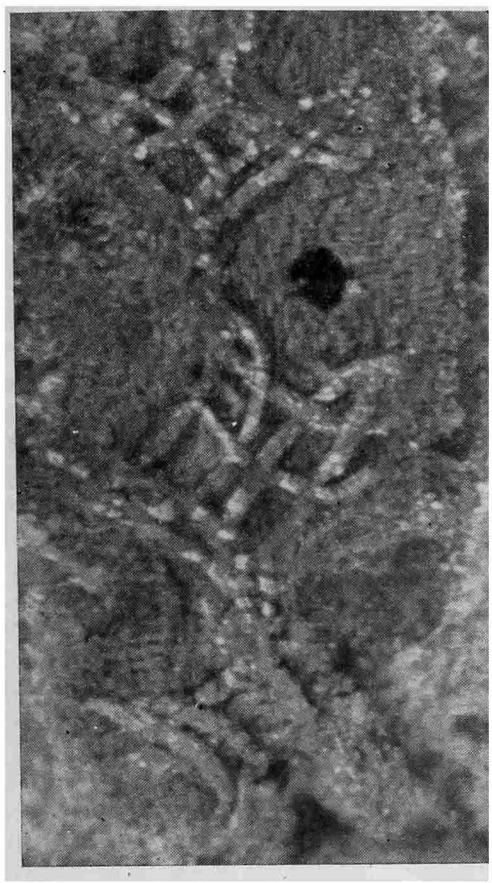


Рис. 2. Фрагменты вышивки золотой нитью на тесьме из погр. 6 (увеличено в 5 раз)

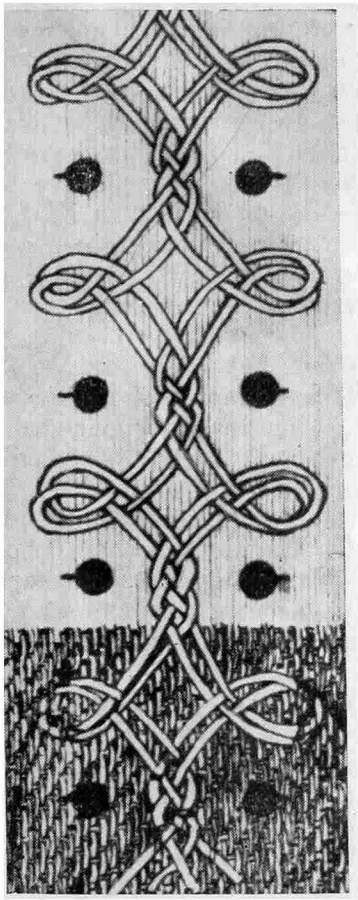


Рис. 3. Реконструкция узора и техники вышивки золотой нитью на тесьме из погр. 6

Важность этих находок определяется прежде всего тем, что они раскрывают перед нами детали покроя, способ ношения и характер художественного оформления одного из видов древнерусской одежды, а также дают исследователям великолепный образец одного из наиболее распространенных и наименее известных нам видов древнего искусства восточных славян — вышивки (рис. 2, 3). Эти находки весьма важны как для выяснения этнических особенностей, так и для датировки памятника.

Сохранившиеся фрагменты женской одежды представляют собой плащевидную платовую накидку, аналогичную той, которая изображена на фреске «Благовещение» из Михайловского собора в Киеве (XII в.). Некоторые признаки (парчовое оформление ворота, смещенная к левому

[6] Характер парчовой ткани, а также упомянутых нами металлических компонентов одежды и украшений, найденных в погребениях, определялся с помощью спектроанализа, сделанного в лаборатории химического факультета Киевского университета.

плечу застежка и спускающаяся от нее на грудь декоративная полоска) сближают белгородскую накидку и с тем ее вариантом, который можно видеть на Оранте из Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове[7] (тоже XII в.).

Естественно, незначительное количество раскопанных погребений не дает достаточного материала для абсолютной датировки могильника. Покрой одежды, судя по приведенным аналогиям, говорит о XII в. Но мотив вышивки, украшающей одежду из погр. 6 на груди, позволяет говорить о более ранней дате, по крайней мере на целое столетие. Этот мотив весьма напоминает древнерусский крин, трансформированный в типичную для славян плетенку, в той ее разновидности, какую мы находим на Руси уже в XI в. Этот мотив присутствует на фрагменте серебряной плетенки из гнездовского кургана[8], среди элементов орнаментации шиферной литейной формы пластинчатого браслета из Киева[9] и на каменных капителях Борисоглебского собора в Чернигове[10], т. е. на памятниках XI—XII вв. Позже (в XIII в.) его нам напомнят четырехлепестковые розетки, вмонтированные в квадраты и перевитые с кругами, на владимирском браслете[11], а также розетки на епитрахили Московского митрополита XIV в., вышитые жемчугом[12]. В дальнейшем характер этого плетения получит развитие в русской, украинской и белорусской народной вышивке с мотивами ромба.

Предполагаемая нами датировка может быть подтверждена и другими материалами Белгородского могильника. В частности, при наличии многих общих черт в его погребальном обряде и инвентаре с Киевским могильником, датируемым IX—X вв., на более позднее время возникновения белгородских погребений указывает отсутствие трупосожжений, известных в Киеве[13]. В белгородских погребениях уже нет типичного для Киевского некрополя инвентаря в виде ножей, копий, топоров, кресал и пр. Из подвесных украшений здесь пока найдено только по одному на погребение простому височному кольцу, что А. А. Спицын вообще считал показательным для погребений XII в.[14].

В пользу предварительной датировки Белгородского могильника XI—XII столетиями свидетельствуют также найденные в засыпке погребений керамические фрагменты.

---

[7] «Історія українського мистецтва», т. I. Київ, 1966, рис. 249, 259.
[8] *А. А. Спицын.* Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, 15, СПб., 1905, стр. 8, 17, 31, 62, рис. 100.
[9] «Історія українського мистецтва», т. I, рис. 187, 189.
[10] Там же, стр. 305.
[11] *Б. А. Рыбаков.* Русское прикладное искусство X—XIII вв. Л., 1971, стр. 17, рис. 15.
[12] Там же, стр. 86, рис. 118.
[13] *М. К. Каргер.* Древний Киев, т. I. М.— Л., 1959, стр. 165.
[14] *А. А. Спицын.* Владимирские курганы. ИАК, 15, СПб., 1905, стр. 91.

С. М. ЙОВКОВ

## ЖЕРНОВА ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

Орудия помола зерна из Волжской Булгарии еще не служили предметом специального исследования. В данной работе публикуются 11 целых и фрагментированных жерновов, найденных при раскопках 1970—1974 гг. на Билярском городище и в его окрестностях в виде случайных находок[1].

---

[1] Девять из них хранятся на археологической базе в с. Билярске Алексеевского района ТАССР, два — в ИЯЛИ им. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР.

Все жернова изготовлены из довольно мягкого известняка. Для верхних камней (бегунов) характерна тщательная отделка с обеих сторон. Нижняя рабочая их поверхность вогнута, к центру они на 1—1,5 *см* тоньше, чем в периферийной части. Верхняя поверхность плоская. Нижние камни выпуклые, к центру на 1,5—2 *см* утолщаются. У нижних жерновов тщательной обработке подвергалась только рабочая поверхность, а тыльная сторона лишь грубо обтесывалась. Большинство жерновов из Биляра

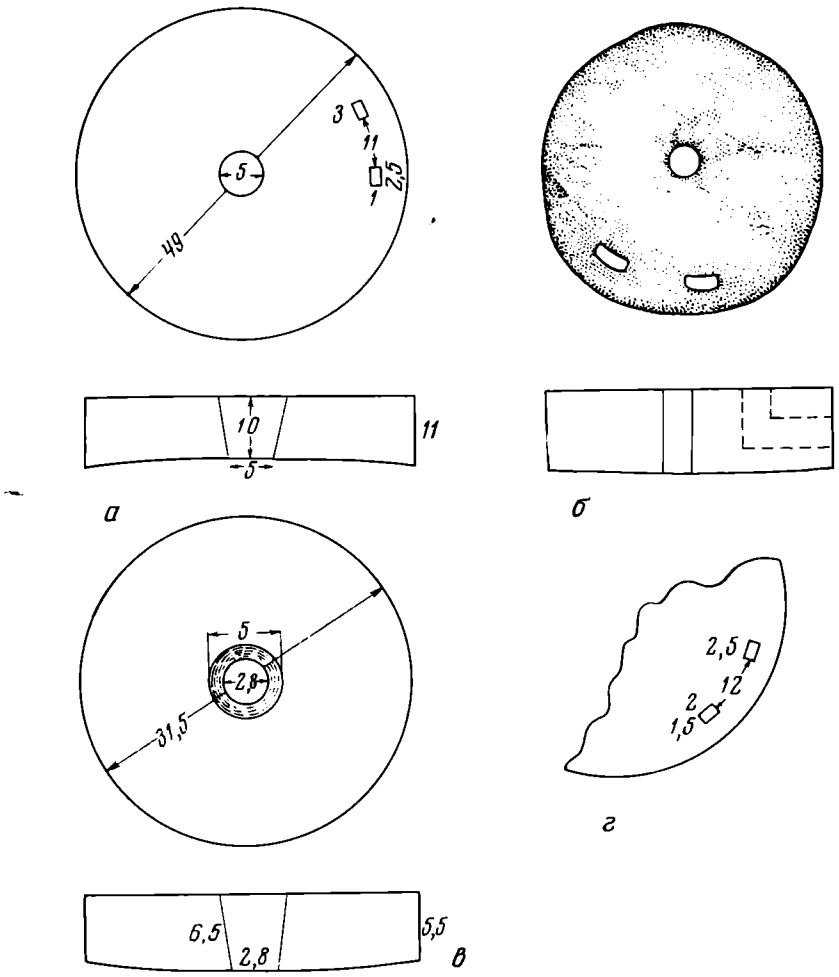



Рис. 1. Жернова Билярского городища: *а* — жернова с периферийскими отверстиями; *б* — рисунок для показа конструкции периферийных отверстий; *в* — жернов, найден в раскопе XVI; *г* — жернов, фрагмент, найден на раскопе XVII

найдено в верхнем горизонте культурного слоя или в пашенном слое[2]. Большинство из случайно найденных жерновов собраны во время пахоты. Два жернова, целый и фрагментированный обнаружены в процессе раскопок.

**Жернов 1** верхний (бегун), диаметр 49 *см*, толщина 11 *см*, отверстие в центре бегуна круглой формы диаметром 5 *см*. В 3 *см* от края жернова и в 11 *см* друг от друга расположены два отверстия прямоугольной формы размером 1—1,5 *см*, которые углубляются в толщину жернова на 1 *см*

[2] Пользуюсь случаем принести благодарность А. Х. Халикову, любезно разрешившему опубликовать жернова из Биляра.

и под прямым углом выходят наружу в боковой его стороне, сохраняя прямоугольное сечение (рис. 1, *а, б*).

**Жернов 2** верхний, диаметр 53,5 *см*, толщина 12 *см*. Центральное отверстие бегуна имеет прямоугольную форму с закругленными углами 5,5×4 *см*. Отверстие приобрело прямоугольную форму, видимо, вследствие длительного использования. Имеются два периферийных отверстия, расположенных в 11 *см* друг от друга и в 2 *см* от края жернова.

**Жернов 3** верхний найден на Билярском городище в 1970 г. в процессе раскопок — раскоп XVI кв. А=ОИ на глубине 87 *см*[3], диаметр 31,5 *см*, толщина 6 *см*. Центральное отверстие жернова с нерабочей его поверхности имеет диаметр 5 *см*, которое постепенно сужается в виде конуса и на глубине 3 *см* приобретает диаметр 2,8 *см*[4] (см. рис. 1, *в*). Подобные отверстия создавали больше удобства для засыпки зерна, чем цилиндрические.

**Жернов 4** верхний, диаметр 45 *см*, диаметр центрального отверстия 6 *см*, толщина 12 *см*. Периферийные отверстия расположены в 10 *см* друг от друга и на 3 *см* от края жернова.

**Жернов 5** верхний, фрагмент найден в 1971 г. в Биляре, в XVII раскопе кв. Л11 на глубине 60 *см*[5]. Сохранившийся фрагмент не дает возможности определить диаметр жернова. Его толщина (12 *см*) позволяет предположить, что экземпляр был довольно крупного размера. Фрагмент интересен тем, что на нем сохранились периферийные отверстия. Они отстоят на 12 *см* друг от друга и на 2,5 *см* от края жернова. Размеры отверстия 1,5×2 *см* (рис. 1, *2*).

**Жернов 6** верхний, фрагмент, диаметр 51,2 *см*, толщина 13,5 *см*, диаметр центрального отверстия 3,2 *см*.

**Жернов 7** верхний целый, найденный нами в 1972 г. на берегу Камы, на 30 *км* выше районного центра с. Алексеевское ТАССР. Диаметр 38 *см*, толщина 12,3 *см*, диаметр центрального отверстия 3,3 *см*. Периферийных отверстий не имеет.

**Жернов 8** верхний без периферийных отверстий. Диаметр 46 *см*, толщина 7,5 *см*, диаметр центрального отверстия 4,5 *см*. Местонахождение неизвестно, хранится в КИЯЛИ без шифра.

**Жернов 9** нижний, диаметр 45,5 *см*, диаметр отверстия 3 *см*, толщина в центральной части 9 *см*.

**Жернов 10** нижний, диаметр 46 *см*, диаметр отверстия 2,5 *см*, толщина 11 *см*.

**Жернов 11** нижний, фрагмент, диаметр 47 *см*, толщина 9 *см*, диаметр отверстия 4 *см*. Имеется еще несколько небольших фрагментов, по которым трудно судить о размерах целых жерновов. На некоторых из них сохранились по одному отверстию в периферийной части.

Как уже отмечалось, два жернова — третий и пятый — были найдены в процессе раскопок Билярского городища. В культурном слое XVI раскопа, откуда происходил третий жернов, были найдены в большом количестве керамика и множество железных предметов, наиболее выразительными из которых являются два наконечника стрел и кресало калачевидной формы. По керамическому комплексу раскоп XVI датируется Ф. Кузахметовой[6] X—XI вв., калачевидные кресала датируются Б. А. Кол-

---

[3] *А. Х. Халиков.* Отчет о работах на Билярском городище за 1971 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 4437, стр. 39, фото № 9а.

[4] Жернов № 3 хранится в ИЯЛИ им. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР, шифр: Биляр 70, ИЯЛИ, 669.

[5] *А. Х. Халиков.* Отчет о работах на Билярском городище за 1972 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 4707, стр. 101, фото 42.

[6] Классификация керамики XVI раскопа Билярского городища сделана Ф. Кузахметовой (см. ук. отчет А. Х. Халикова за 1971 г. стр. 66).

чиным[7] XI — началом XIII в., а наконечники стрел по схеме А. Ф. Медведева[8] относятся к XI в.

Раскоп XVII, где был найден фрагментированный пятый жернов, по керамическому комплексу относится Н. Терехиной[9] к X—XI вв. В культурном слое раскопа были найдены два костяных наконечника стрел XII в.[10] и два железных ромбовидных наконечника стрел XIII в.[11], а также ключи от замков, датирующиеся тем же временем[12].

Датировка керамических комплексов и вещевого материала на раскопах XVI и XVII показывает, что и оба жернова найдены в домонгольском слое.

Сравнивая булгарские домонгольские жернова с древнерусскими того же времени[13], можно определенно сказать, что они не отличались друг от друга как по размерам, так и по технике изготовления, за исключением жернова с периферийными отверстиями.

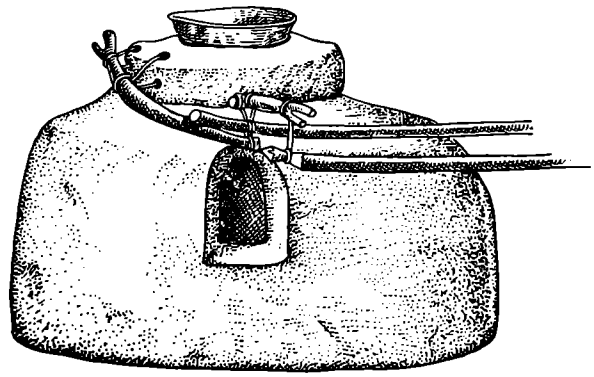


Рис. 2. Реконструкция билярских мельниц

На большинстве жерновов, найденных на Билярском городище, имеются своеобразные периферийные отверстия. Отсутствие археологических аналогий таких жерновов создало определенные трудности при реконструкции мельниц. Благодаря любезности Т. А. Жданко, охотно ознакомившей нас с результатами Каракалпакской этнографической экспедиции за 1969 г., нам удалось получить представление о функциональном предназначении периферийных отверстий билярских жерновов[14].

Устройство булгарских мукомольных сооружений выглядело, вероятно, так, как на рис. 2[15]. Сначала строилось глинобитное или из кирпича сооружение круглой формы высотой 1—1,5 *м*, на вершине которого монтировались жернова. Над бегуном прикреплялась бадья, в которую насыпалось зерно. В периферийные отверстия бегуна просовывались веревки, привязывавшие согнутую палку. К концу этой палки веревкой привязывалась другая палка, к которой прикреплялись оглобли. В оглобли запрягался осел или мул. Запряженное животное, делая круговые движения, приводило в действие бегуна. Готовая мука падала в окошко, как показано на рис. 2.

Мельницы, приводимые в движение с помощью тягловой силы, известны еще в древней Греции и Риме в период расцвета рабовладельческого

---

[7] *Б. А. Колчин.* Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, 32, 1953, стр. 165.

[8] *А. Ф. Медведев.* Ручное метательное оружие VIII—XIV вв. САИ, Е1-36, 1966, табл. 18, рис. 13, 15.

[9] Классификация керамики XVII раскопа Билярского городища сделана Н. Терехиной (см. ук. отчет А. Х. Халикова за 1972 г.).

[10] *А. Ф. Медведев.* Ук. соч., табл. 22, рис. 1.

[11] Там же, табл. 23, рис. 39; табл. 24, рис. 8.

[12] *Б. А. Колчин.* Ук. соч., стр. 165.

[13] *Б. А. Рыбаков.* Жернова Вщижского городища. КСИИМК, 11, 1945, стр. 16, 17.

[14] Приношу Т. А. Жданко сердечную благодарность и признательность за предоставленный мне материал.

[15] Данное мукомольное сооружение было найдено этнографической экспедицией, возглавляемой Т. А. Жданко, в 1969 г. на левом берегу Амударьи (колхоз «Коммунизм», Хаджийский район Каракалпакской АССР). Материал не опубликован.

общества. Так, на одной чернолаковой беотийской чаше III в. н. э. из Фив изображена мельница, приводимая в действие ослом [16].

На одной надгробной стеле из Помпей, датированной I в. до н. э., изображены помол, квашение, выпечка и продажа хлеба [17]. Там тоже изображена мельница, приводимая в действие ослом. Впоследствии при раскопках в Помпеях были найдены сами эти мельницы [18], но и древнегреческие и римские конструктивно отличались от булгарских. В античных жерновах верхний камень двухконусный, а нижний имеет коническую форму. Сквозь верхний жернов продето деревянное дышло, в которое запрягался осел [19].

Вместе с тем на булгарских археологических памятниках находились и жернова без отверстия для прикрепления тягловой силы. Реконструкцию такого типа мельниц приводит Б. А. Рыбаков [20].

Жернова, найденные на Билярском городище, изготовлялись из местного камня [21], а, судя по технике изготовления и сходству размеров во всех деталях, возможно, они изготовлялись в одной мастерской.

---

[16] *П. Н. Шульц.* Техника античного рабовладельческого общества. Сб. «Очерки истории техники докапиталистических формаций». М.— Л., 1936, стр. 152, рис. 10

[17] Там же, стр. 154, рис. 12.

[18] Там же, стр. 154, рис. 13.

[19] Там же, стр. 152.

[20] *Б. А. Рыбаков.* Ук. соч., стр. 17.

[21] Каменный карьер, где разрабатывается мягкий известняк, находится в 70 *км* к западу от Билярского городища.

Л. Л. ГАЛКИН

## СТЕКЛЯННЫЙ МЕДАЛЬОН-АМУЛЕТ С ПОСЕЛЕНИЯ АК-ТОБЕ

Среди археологического материала, поднятого автором на руинах средневекового поселения Ак-Тобе в Западном Казахстане [1], был обнаружен фрагмент стеклянного медальона (рис. 1, *1*).

Поселение расположено в 7 *км* к северо-востоку от Гурьева, на правом берегу сая Саколь.

В 1965 г. поселение было обследовано М. С. Мерщиевым, который собрал на нем подъемный материал и на основании сборов датировал памятники XII—XV вв.[2]. Раскопки поселения впервые начаты в 1974 г. автором настоящей заметки.

Фрагменты бронзовых изделий, литейные формы, льячки, шлаки и отходы бронзы, найденные при раскопках, свидетельствуют, что жители поселка изготовляли бронзовые предметы упряжки, потребность в которых определялась близостью караванных путей, связывавших Среднюю Азию с Нижней Волгой. Поселок прекратил существование в конце XIV в.

Медальон представлял собой стеклянную пластинку подтреугольной формы. Выгнутое основание треугольника служит верхней частью медальона, стороны и вершина которого обращены вниз, оформлены в виде фестонов. Толщина стеклянной пластинки 4 *мм*, длина от основания до вершины 45 *мм*. Наибольшая ширина сохранившейся части медальона 25 *мм*. Он был отлит из темно-фиолетового стекла в форме. На медальоне имеется рельефное изображение. Высота рельефа над плоскостью пластины 1—2 *мм*. В верхней части медальона видны следы отколотого ушка. На сохранившейся части медальона изображена птица с собачьей голо-

---

[1] Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, стр. 137.

[2] *М. С. Мерщиев.* Поселения XIII—XV веков в Западном Казахстане. Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, стр. 153—161.

вой и распростертыми крыльями, сидящая на дереве. Собака-птица представлена в фас. На голове изображены два остроконечных уха, собачья морда с закрытой пастью, большие глаза с надбровными дугами. Тело фантастического существа покрыто перьями. Дерево, на котором оно сидит, отягощено плодами. Сопутствующий подъемный материал позволяет датировать находку XIV в.

Изображенное на медальоне существо следует рассматривать как один из вариантов иконографии Сэнмурва, претерпевшей значительную эволюцию в течение веков. Иконография собаки-птицы на медальоне далеко

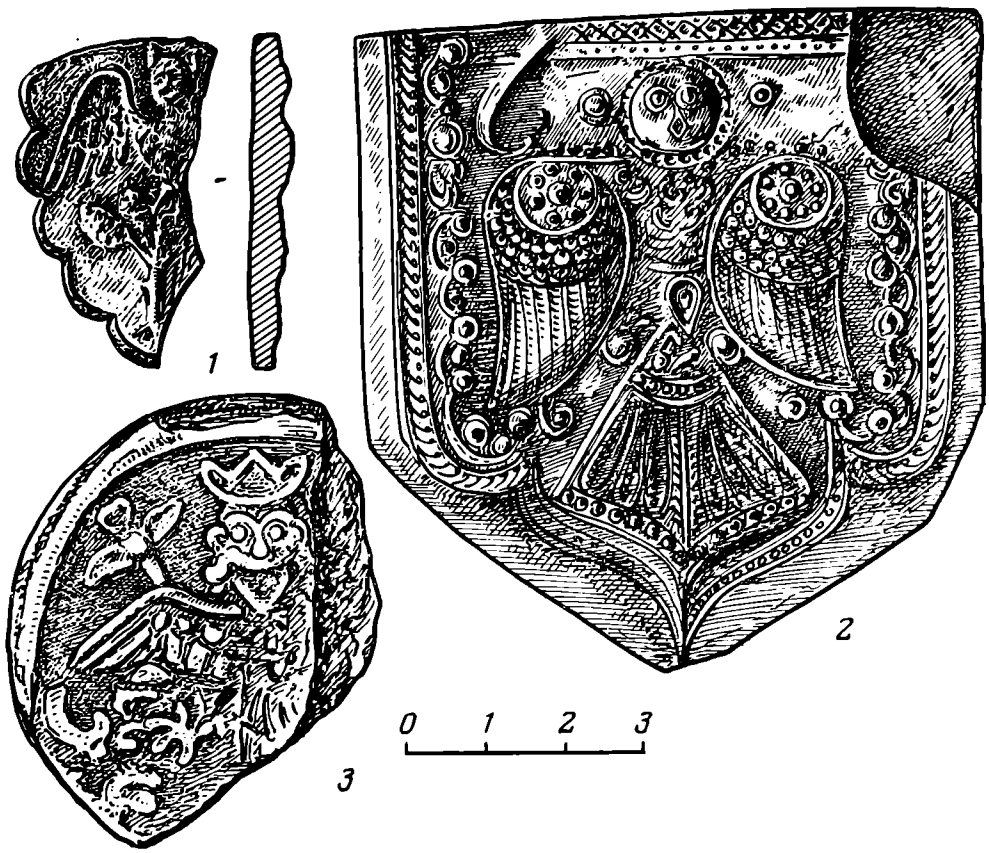



Рис. 1. *1* — стеклянный медальон-амулет с поселения Ак-Тобе. XIV в.; *2* — глиняная отливка Нишапур. Домонгольский период, *3* — литейная форма из Увека. XIV в.

отходит от канонического сасанидского Сэнмурва (рис. 2, *1, 2*) [3], распространенного на Востоке в VIII—X вв.

Однако она очень близка представлению об этом существе, каким его рисует Авеста: «...И дерево всех семян среди широкого океана было создано, от которого постоянно произрастают все виды растений. И Сэнмурв на нем имеет свое обиталище; когда он улетает с него, он разбрасывает сухие семена в воду, и они возвращаются на землю с дождем» [4].

Один из исследователей сасанидского металла В. Ю. Лещенко отмечает, что Сэнмурв считался в Иране существом священным, охраняющим от злых дэвов [5].

Видимо, авторами рассматриваемого медальона изображение фантастического существа так и понималось, как изображение охранителя.

[3] *К. В. Тревер.* Сэнмурв-паскудж. Собака-птица. Л., 1937, рис. 2, *4*; *Б. И. Маршак.* Согдийское серебро. М., 1971, табл. 17.

[4] *К. В. Тревер.* Ук. соч., стр. 17.

[5] *В. Ю. Лещенко.* Серебро закамское. Пермь, 1974, стр. 13, 14.

Стеклянная поделка служила амулетом-оберегом. Несомненно, дерево с плодами, на котором сидит фантастическая птица, то самое «дерево всех семян». В сасанидской иконографии Сэнмурва мы не встречаем буквальной иллюстрации упомянутого текста Авесты.

В образе классического сасанидского Сэнмурва черты собаки ярче выражены.

Распространившийся далеко за пределы Сасанидского Ирана этот сказочный образ иконографически не остается неизменным[6]. На керами-

Рис. 2. *1* — изображение Сэнмурва на сасанидском серебряном блюде; *2* — Так-и-Бостан. Иран. Сасанидский период; *3* — Варахша XI—XII вв. Фрагмент ручки светильника; *4* — Гнездово, IX в. Фрагмент керамического блюда; *5* — поздний манускрипт Казвини XIV в. Иран; *6* — Сирия. Дамаск XVI в. Фрагмент изразца; *7* — Куня-Фазли. Узбекистан. VII—VIII вв., Фрагмент керамического сосуда; *8* — Хотан II—V вв. Фрагмент штукового декора

ческой тарелке из Гнездова, относящейся к IX в., в чертах фантастического животного нетрудно угадать Сэнмурва — Симаргла русских летописей (рис. 2, *4*)[7], но иконография его отступает от канона. Дан другой ракурс

[6] Любопытен, например, фрагмент изразца из Дамаска, датированный XVI в. Он показывает, что к этому времени в Сирии образ собаки-птицы приобретает демонические черты. На изразце изображена собака-птица, терзаемая соколом (рис. 2, *6*). Вероятно, такая трактовка собаки-птицы была обусловлена христианским влиянием, довольно сильным в Сирии. Автор публикации ошибочно называет это существо уткой. См. *Ю. А. Миллер.* Художественная керамика Турции. Л., 1972, стр. 118.

[7] *К. В. Тревер.* Ук. соч., стр. 59, 60.

распростертых в полете крыльев. Симаргл воспринимается здесь тольке как собака-птица, лишенный признаков мускусного животного — бороды, что обязательно для сасанидского Сэнмурва. Отсутствует борода и у грубо изображенного Сэнмурва, обнаруженного Е. А. Халиковой в погребении древнего венгра (VIII—IX вв.) на поясной медной бляшке из Большетигановского могильника [8].

Другим примером восприятия образа Сэнмурва на периферии культурного влияния Ирана служит находка фрагмента керамики (рис. 2, *7*), обнаруженная на поселении Куня-Фазли (Узбекистан). Она датируется VII—VIII вв., «временем, когда традиции искусства Сасанидов были еще живы» [9].

В послесасанидское время образ Сэнмурва продолжал жить в фольклоре народов Ирана, Средней Азии и сопредельных с ними стран на протяжении многих столетий [10]. Причем к XIV в. иконография Сэнмурва уже значительно отличается от сасанидского канона. Как подметил С. К. Кабанов, птичьи черты начинают преобладать над собачьими. Теперь изображают птичьи ноги вместо собачьих, тело покрывается перьями. Одно из ранних изображений Сэнмурва с птичьими лапами можно видеть на фрагменте глиняного светильника из Варахши, датированном XI—XII вв. (рис. 2, *3*) [11].

Фантастическая птица с чертами зверя, очень близкая по иконографии рассматриваемому изображению на стеклянном медальоне, изображена на глиняной отливке домонгольского времени из г. Нишапура (Хорасан) [12] (рис. 1, 2). Одни исследователи называют ее Сэнмурвом, другие Анкой [13]. С эпохи арабского завоевания под влиянием арабского лора Сэнмурв часто отождествляется с Анкой.

Постепенно Анка становится традиционной иранской птицей, вобрав в себе все функции Сэнмурва [14]. Но к XIV в. иконография Сэнмурва и Анки остается нечеткой. В манускриптах Казвини (XIV в.) можно встретить изображение Сэнмурва, очень близкое сасанидскому образцу (рис. 2, *5*) [15], и изображение этой же сказачной птицы, испытавшее влияние иконографии китайского феникса [16].

Сэнмурв и Анка испытали на себе не только дальневосточное влияние. Они подверглись воздействию центральноазиатского и индийского образа Гаруды. Так, Марквази около 1120 г. в своей книге «Китай, турки и Индия» называет фантастическую птицу, на которой летает Вишну, не Гарудой, а Анкой [17].

Сэнмурв, Анка и Гаруда — это сказочные существа, могучие царь-птицы. Сэнмурв, как и Гаруда, был истребителем змей, что нашло отражение в одном из наиболее ранних изображений Сэнмурва [18].

---

[8] Автор пользуется случаем выразить признательность Е. А. Халиковой за разрешение сослаться на ее неопубликованный материал.

[9] *С. К. Кабанов.* Изображение Сэнмурва с городища Куня-Фазли. Бюллетень АН УзССР, № 9, 13 кн. 1947, рис. 1. См., например, изображение Сэнмурвов на фресках Афраспаба VIII в. «Памятники искусства Древнего Самарканда. Сборник репродукций». Л., 1972, № 586.

[10] См., например, Хурлукга и Хемра. Саят и Хемра. Туркменский романический эпос. М., 1971; Рустамхан. Узбекский героикороманический эпос. М., 1972; Алпамыш. Узбекское народное творчество. Ташкент, 1974, стр. 13.

[11] *С. К. Кабанов.* Ук. соч., рис. 5.

[12] *E. Baer.* Sphinxes and Harpies in medievael Islamic art. Ierusalem, 1965, fig. 54.

[13] Ibid., p. 40.

[14] О популярности этого персонажа за пределами Ирана говорит, в частности, название, сохранившееся за античной крепостью в Хорезме Ангка-Кала, расположенной на правом берегу Амударьи близ Турткуля. См. *С. П. Толстов.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.— Л., 1948, стр. 31, 32.

[15] *E. Baer.* Op. cit., pl. LVI, fig. 99.

[16] Ibid., fig. 56, 57, p. 41.

[17] *E. Baer.* Op. cit., p. 46.

[18] *К. В. Тревер.* Ук. соч., стр. 30, 31.

Изображение фантастической птицы на стеклянном медальоне еще ближе, чем к Сэнмурву и Анке, стоит к образу Гаруды, каким выглядит она на штуковом фрагменте из Хотана (II—IV вв.) (рис. 2, *8*) [19] и на стенной росписи одного из пещерных монастырей Восточного Туркестана (X в.) [20].

К XII—XIV вв. иконография Гаруды в Центральной Азии, откуда этот образ мог быть занесен на золотоордынское поселение на Нижнем Урале, еще не установилась окончательно.

Гаруда, как и Анка, часто изображалась в виде двуглавого орла [21]. Одновременно существовало представление о Гаруде как о птице со звериными чертами [22]. Бытовали изображения Гаруды и в виде антропоморфной птицы [23]. Отсутствие единообразия иконографических традиций в изображении Гаруды в Центральной Азии наблюдается вплоть до XVIII—XX вв. [24]

Мы, наверное, никогда не сможем сказать, как называли жители этого золотоордынского ремесленного поселка изображенное на медальоне существо — Сэнмурвом, Анкой или Гарудой. Однако этот пример не первый раз показывает синкретичность золотоордынской культуры поселений и городов, лежащих на главных торговых путях между Дальним Востоком, Центральной и Средней Азией и основными центрами улуса Джучи.

---

[19] *Н. В. Дьяконова, С. С. Сорокин.* Хотанские древности. М., 1960, стр. 118, 119, табл. 41, № 1797.

[20] *A. Grunwedel.* Altbuddistische Kultsätten in chinesischen Turkestan. Berlin, 1912, fig. 70. К этому же кругу фантастических птиц принадлежит найденная в улусном центре Золотой Орды — Увеке литейная форма, изображающая Анку-Гаруду. Государственный Саратовский краеведческий музей, № 270 (рис. 1, *3*).

[21] *С. Ф. Ольденбург.* Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910. СПб., 1914, стр. 66, 67, рис. 55; *A. Grunwedel.* Op. cit., p. 373, fig. 1; E. Baer. Op. cit., fig. 64.

[22] *A. Grunwedel.* Op. cit., fig. 41, 70.

[23] *С. Ф. Ольденбург.* Ук. соч., стр. 67, рис. 56.

[24] *М. Сингх.* Неведомые сокровища искусства Гималаев. «Курьер ЮНЕСКО», февраль, 1969, 146, стр. 19, 20. Шахматная медная фигура Гаруды, отлитая в Туве в начале XX в. (*С. И. Вайнштейн.* История народного искусства Тувы. М., 1974, стр. 179, 180, рис. 122), хотя и представляет собой антропоморфную птицу, но по общему силуэту близка упомянутому выше хотанскому штуковому фрагменту и изображению фантастической птицы на исследуемом стеклянном медальоне.

# *Критика и библиография*

В. Б. КОВАЛЕВСКАЯ

## ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ В ЗАРУБЕЖНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Перед каждым археологом, занимается ли он анализом и интерпретацией нового, только что раскопанного им полевого материала, или же берется за исследование музейных коллекций, ставит ли он узкоархеологические или широкие исторические вопросы, всегда первоочередной остается задача выделения групп среди исследуемого материала и нахождение места для каждого нового анализируемого предмета.

Чтобы процедура классификации была произведена с наименьшей затратой сил и наименьшей потерей информации, должен быть выбран оптимальный путь, что возможно лишь при соблюдении ряда условий. Так, четко должны быть поставлены цели классификации, выявлены признаки, необходимые и достаточные для классификации, выявлен предел, до которого следует дробить признаки, и определен примерный объем выделяемых групп. Должен быть решен вопрос о том, какие математические приемы и в каких случаях следует применить при той или иной постановке задачи, как оценивать сравнительные достоинства классификаций и какому из существующих типов классификаций отдать предпочтение.

Вопросам археологической классификации посвящена сейчас большая литература на европейских языках, вышло несколько десятков теоретических статей, специально разбирающих эти проблемы. Данная тема освещается под разными углами зрения, поднимаемые вопросы рассматриваются с различных позиций различными исследователями, поэтому никакого единообразия в решении как фундаментальных, так и более частных вопросов нет. К сожалению, ни у нас, ни за рубежом не создано еще обобщающей теории археологической классификации и не существует удовлетворительных определений ряда основных понятий, хотя это совершенно необходимо для развития науки. Поэтому назрела необходимость обобщить результаты работ в этом направлении в Европе и США. Ввиду большого числа работ и поставленных в них проблем нам придется в этой статье сочетать рассмотрение в историческом плане с анализом основных положений и предварить наш обзор современных работ историческим экскурсом.

Следует отметить, что в XIX в. и первой половине XX в. археология Старого и Нового Света шла своими особыми путями, что в некоторой степени сохранилось и до последнего времени, поэтому историческое рассмотрение интересующей нас темы будет проводиться нами в определенных географических границах. Отметим, что в данной статье мы не будем останавливаться на работах русских и советских исследователей.

Первой и очень важной работой, определившей на много лет рассмотрение данной темы, было исследование Оскара Монтелиуса [1].

[1] *O. Montelius.* Die älteren Kulturperioden im Orient und in Europa, 1. Die Methode. Stockholm, 1903.

Следует только пожалеть, что основные положения О. Монтелиуса в европейских археологических исследованиях вместо того чтобы стать руководящими и получить свое дальнейшее развитие, были забыты или рассматривались упрощенно, а для США, где проблемы типологии стали привлекать к себе усиленное внимание исследователей в 30—40-е годы, были попросту неизвестными. Уже в 20—30-е годы, как пишет в историографическом обзоре Г. Драйвер [2], можно отметить переход от чисто интуитивной классификации к описательной, построенной на анализе процентного соотношения различных признаков. Так, В. Д. Стронг [3] в 1925 г. анализировал керамику по 40 признакам, изучал корреляцию выделенных типов со слоями, пользуясь статистическими критериями и используя матрицы. Первыми теоретическими работами, посвященными вопросам классификации, явились написанные в 40-е годы статьи И. Рауза, А. Крэбера и А. Кригера [4]. Без ссылки на эти работы не может обойтись ни одна современная статья, посвященная вопросам археологической классификации. В исследовании И. Рауза впервые вводится противопоставление между конкретными объектами и представлениями о них. Так, И. Рауз предлагает отличать признаки (реальные качества индивидуальных предметов) от интуитивного класса признаков предметов, которые в отличие от «признаков» следует называть «модой». И если сочетание признаков дает нам реальный предмет, то сочетание «мод» дает нам «типы», лишенные реальности и оставшиеся только понятийными рисунками. «Предметы,— как пишет И. Рауз, — имеют малое историческое значение, а моды и типы — большое» [5]. Развивая эти положения в 1960 г. в работе «Классификация артефактов в археологии» (J. Rouse. The Classification of Artifacts in Archaeology. AA, 25, 1960, p. 313) И. Рауз говорит о двух продуктах классификации — «классе» как серии объектов, сгруппированных вместе, и «типе», серии признаков, которые определяют группу вещей и отмечают их как класс. Такая двойственность в подходе к классификации и терминологии привела к очень большой путанице и необходимости для каждого из исследователей отмечать, придерживается он позиций (и соответственно терминологии) И. Рауза или нет, и отрицательно сказалось на дальнейших работах.

В цитированной выше работе А. Крэбера акцент был сделан на применении статистических методов, он успешно использовал ряд известных в литературе коэффициентов близости и предложил два своих, давших хорошие результаты как в его работах, так и в работах других исследователей. И хотя А. Крэберу можно поставить в вину недостаточную строгость в некоторых случаях, но это ни в коей мере не умаляет его роли пионера в конкретном применении статистических методов.

Работа А. Кригера на много лет вперед определила развитие типологии в США. «Тип, — в его понимании, — является специфической и связанной комбинацией признаков, имеющей временно́е и пространственное значение» [6]. Эта формулировка А. Кригера стала теоретической базой для археологов США.

В работе В. Тейлора [7] выдвинуто положение о необходимости выделять два типа классификации. Так, простое упорядочение вещей, опирающееся на форму, во времени и пространстве, он называет chronicle, а распределение вещей в контексте культур, опираясь на функциональную интерпретацию, — historiography (при дальнейшем развитии этих положений Г. Уилли и Ф. Филлипс [8] продукт последней назва-

---

[2] *H. E. Driver.* Survey of Numerical Classification in anthropology. «The Use of Computers in anthropology». 1965, p. 39.

[3] *W. D. Strong.* Uhle pottery collections from Ancon. «University of California Publications in American Archaeology and Ethnology», 21, Berkeley, 1925, p. 135—190.

[4] *I. Rouse.* Prehistory in Haiti. A Study in Method. Yale University Publications in Anthropology, № 21, 1931; *A. L. Kroeber.* Statistical Classification. AA, vol. 6, 1, 1940, p. 29—44; *A. D. Krieger.* The Typological Concept. AA, vol. 9, 4, 1944, p. 271—288. К. Чанг в своей работе «Rethinking Archaeology» (1967, стр. 8), разбирая эти первые типологические исследования, подчеркивает роль русской археологии, в частности работы В. А. Городцова 1930 г., в сложении взглядов американских археологов.

[5] *I. Rouse.* Prehistory in Haiti..., p. 120.

[6] *A. D. Krieger.* The Typological Concept, p. 277.

[7] *W. W. Taylor.* A Study of Archaeology. Memoirs American Antropological Association, № 69, Menasha, 1948.

[8] *G. R. Willey, Ph. Phillips.* Method and Theory in American Archaeology. Chicago, 1962.

ли «культурным типом», а Д. Тагби — классификацией класса. В дальнейшем Д. Тагби назовет это классификацией класса А) [9].

Пятидесятые годы для археологии США характеризуются повышенным интересом к применению математических методов и привлечением математиков к решению археологических вопросов. Начало этому направлению положили статьи Дж. Брейнерда и В. Робинсона, посвященные серпации, но мы уже подробно разбирали эти работы [10]. Наибольший интерес среди работ этого десятилетия представляет статья А. Сполдинга [11]. В ней подробно, с примерами разбираются различные статистические методы, которые следует применять для задач археологической классификации (анализ взаимосвязанности признаков, произведение вероятностей, $\chi^2$ и т. д.). Эти положения работы были серьезным шагом вперед в археологии. Если же мы обратимся к точке зрения автора на фундаментальные положения теории классификации, то увидим, с каким трудом она укладывается в прокрустово ложе ряда положений И. Рауза.

В работе Д. Форда [12], вышедшей в следующем году, также развивается точка зрения на необходимость применения статистических методов для определения типов вещей. Причем интересно проследить, как постепенно вводятся поправки в укоренившуюся точку зрения И. Рауза о противопоставлении типов в природе и наших представлениях. Д. Форд уже пишет о том, что типы отделяются друг от друга и «кажутся естественными». К концу 50-х годов относится появление конкретных работ, где классификация целиком строится на основании анализа описательных признаков. Так, Д. Тагби [13] подсчитывал число взаимовстречаемостей комбинаций признаков, объединяя разультаты в треугольной матрице. Для подсчетов были употреблены счетные машины.

Конец 50-х годов характеризуется обращением европейских археологов к теоретическим вопросам типологии и новым объективным методам анализа материала. Прежде всего это касается деятельности национального центра научных исследований Франции, в частности Центра анализа археологических источников в Марселе, о чем я уже писала подробно [14]. Поэтому весь последующий период до наших дней характеризуется, с одной стороны, углублением интереса к теоретическим вопросам во всех странах Нового и Старого Света, а с другой – растущими контактами как между исследователями, работающими в этой области, так и археологами, биологами и математиками. К этому периоду относится организация в США и Европе ряда коллоквиумов и совещаний, посвященных применениям математических методов в археологии, из которых особенно следует отметить Первый международный коллоквиум в Марселе в апреле 1969 г. (48 участников коллоквиума представляло 16 стран). Для темы нашей работы он особенно важен, поскольку центральным вопросом этого коллоквиума были проблемы классификации и именно здесь разгорелись споры как в самих докладах, так и в дискуссиях. Останавливаться на разборе отдельных, даже самых важных, работ последних двух десятилетий уже невозможно из-за их многочисленности. Поэтому мы стремимся нарисовать обобщенную картину представлений современных зарубежных археологов по основным вопросам классификации во всей ее полноте, сложности и противоречивости.

Начнем с терминологии. В зарубежной литературе мы встретим следующие термины применительно к археологической классификации: «типология», «классификация», «таксономия», не говоря уже о таких понятиях, где вводится определение «ко-

---

[9] *D. Tugby.* Archaeological Objectives and Statistical Methods: a Frontier in Archaeology. AA, vol. 31, 1, 1965, p. 9.

[10] *В. Б. Ковалевская, И. Б. Погожев, А. П. Погожева (Кусургашева).* Количественные методы оценки степени близости памятников по процентному содержанию массового материала. СА, 1970, 3, стр. 26 сл.

[11] *A. C. Spaulding.* Statistical techniques for the discovery of Artifact Tupes. AA, vol. XVIII, 4, 1953, p. 305—313.

[12] *J. A. Ford.* The Type Concept Revised. «American Anthropologist», vol. 56, 1, Menasha, 1954, p. 42—54.

[13] *D. J. Tugby.* A Typological Analysis of Axes and Choppers from Southeast Australia, AA, vol. 24, 1, 1959, p. 24—33.

[14] *В. Б. Ковалевская.* Центр анализа археологических источников во Франции. Сб. «Статистико-комбинаторные методы в археологии». М., 1970, стр. 211—217.

личественная классификация», «автоматическая классификация», «иерархическая классификация» и т. д.

В некоторых случаях авторы применяют эти термины как синонимы, хотя ряд исследователей подчеркивает определенную разницу понятий «типология» и «классификация». Иногда под классификацией понимается процесс сортировки, а под типологией упорядоченная система действий, подчиняющаяся определенным законам или принципам. Эта точка зрения была высказана М. Борилло [15] во время дискуссии на упомянутом коллоквиуме в Марселе: под классификацией он понимал деление популяции на подгруппы, а под типологией — определение подмножества значимых и незначимых признаков, исключение последних и определение отношений (количественно или нет) между описательными признаками, приводящее к выделению подгруппы. Если единообразия нет в применении фундаментальных терминов и понятий, то еще меньше его в описаниях. Поэтому, начиная со вступительного слова Ж. К. Гардэна [16], через все доклады прошли настойчивые пожелания достичь этого единообразия, выработать единый язык. Только тогда, когда материал будет описан единообразно, однозначно, объективно и исчерпывающе, одни и те же признаки будут выражены одними словами и понятиями, мы сможем считать, что материал подготовлен для математической обработки.

Прежде чем обратиться к классификации [17], мы должны четко ограничить поле наблюдения, так как только в том случае, когда будет четко ограничена категория вещей и определена территория, на которой проходит их рассмотрение, мы сможем достичь удовлетворительных результатов [18]. Следующий необходимый этап — определение критериев, которые приведут к отбрасыванию незначимых описательных черт [19].

Каждую вещь можно представить состоящей из двух подмножеств, выделенных и невыделенных элементов. Важно определить относительную важность этих подмножеств [20]. Искусство археолога заключается в том, чтобы не допустить здесь ошибки двух родов — не упустить важные для классификации признаки или не придать незначимым слишком большой роли. В зависимости от того, как исследователи относятся в реальности «типа», противоположны их взгляды на характер отбора. По мнению Ж. Дешея, он субъективен или по меньшей мере персонален [21] и зависит от тех целей, которые мы поставили классификации. Б. Судски требует, чтоб отбор был «объективным и контролируемым» [22], а Д. Тагби отмечает, что как выбор признаков, так и определение тех, которые лягут в основу выделения классов, должны решаться с помощью статистических методов [23]. Важно, чтобы выдерживался принцип единства деления, т. е. на одном уровне нельзя проводить деления по различным признакам. Преимущество следует отдавать морфологическим чертам, которые могут быть выражены количественно — мерные признаки, а качественные признаки следует выражать в процентах.

---

[15] Archéologie et calculateurs. Problème semiologiques et mathématiques. Colloques internationaux du centre national de la recherche scientifique. Paris, 1970, p. 24.

[16] Ibid., p. 11. Поскольку большинство разбираемых мной ниже статей опубликованы в цитированном выше сборнике, то в дальнейшем при сносках я буду давать АС, 1970.

[17] Я не считаю необходимым применять указанное выше противопоставление типологии классификации, тем более что в нашей литературе в эти термины, как правило, вкладывается одно и то же содержание. Поэтому на протяжении всей работы я применяю термин «классификация», хотя он и соответствует термину «типология» по А. Кригеру и М. Борилло.

[18] *J. Deshayes.* Points de vue subjectifs sur la construction d'une typologie. AC, 1970, p. 19.

[19] Ibid., p. 17.

[20] *M. Borillo.* La vérification des hypothèses en archéologie deux pas vers une méthode. AC, 1970, p. 89.

[21] *J. Deshayes.* Points de vue..., p. 17.

[22] *B. Soudsky.* Le problème des propriétés dans les ensembles archéologique. AC, 1970, p. 53.

[23] *D. Tugby.* Archaeological objectives..., p. 4.

Важно также определить уровень, на котором следует остановить анализ. Анализ тем тоньше, чем больше число уровней рассмотрения, а два предмета тем более сходны, чем на большем числе уровней анализа их описания идентичны [24].

Все исследователи сходятся в том, что тип удобен для анализа и идентификации культур, рассмотрения развития во времени, будем ли мы считать его объективно существующим или методологической категорией. Даже последователи И. Рауза пришли к тому, что «все типы обладают определенной долей связи с реальностью» [25]. Тип рассматривается как сочетание признаков, характеризующихся ограниченным временем и местом, точка в культурном континууме. Подробный и обстоятельный разбор роли типа и его развитие во времени мы видим в работе Д. Кларка «Аналитическая археология» [26], но следует отметить, что ряд недостатков этой единственной в своем роде по объему и полноте монографии проявилась и в этом разделе. Попытка автора на всех уровнях рассмотрения (признаки — типы — технокомплексы — культуры — культурные системы) проводить по аналогии со структуральной лингвистикой процедуру анализа, «создавая умозаключения в форме пирамиды» [27], как образно заметил Ж. К. Гардэн, кажется нам неоправданной, излишне схематичной и обедняющей археологический материал. Поскольку в советской литературе уже существует подробный разбор этой монографии, мы отсылаем читателя к этим работам [28].

При анализе различных классификаций особенное внимание было обращено на то, чтобы не происходило смешение различных принципов при группировке материала. В частности, чтобы в дополнение к морфологическим признакам не вводились бы географические и хронологические. В последнем случае, как показывает Ж. Дэшей в критике работы Ж. Потраца, близкие по форме вещи оказываются в разных группах и наоборот. «Существует,— как он пишет,— ложная объективность, которая опирается на географическое или хронологическое определение находок: она ложна, поскольку опирается в большой степени на случайности раскопок, она нас сбивает, так как предвосхищает те исторические выводы, которые должны вытекать из всей конструкции типологии» [29]. И хотя в конечном счете классификация вещей служит хронологическим целям, надо помнить, что при создании ее нельзя исходить, как говорил в дискуссии К. Моберг, из гипотезы, что «классификация должна соответствовать хронологическому порядку» [30].

В 60-х годах усилиями в основном европейских археологов и математиков начали создаваться принципы и практика автоматической классификации: определены условия приложения, разработаны математические процедуры определения сходства и расстояния, упорядочения и группировки анализируемых единиц, ограничения и преимущества этих методов, введена методика оценки и сопоставления полученных классификаций и предложен ряд алгоритмов на Алголе и Фортране.

Применение этих методов необходимо и эффективно в тех случаях, когда огромное количество материала делает невозможным ограничиться традиционным подходом. Основная черта всех разбираемых процедур заключается в том, что создаются классификации, где группируются максимально близкие элементы и полученные классы не находятся в системных связях иерархии. Процедура эта максимально объективна и эксплицитна, вся обработка проводится на ЭВМ, число признаков, которые мы вводим в оборот, может быть очень увеличено по сравнению с обычным ручным способом классификации. Действительно, если, создавая обычную археологическую классификацию, где мы, предположим, выделяем категории, отделы, типы, подтипы, мы таким образом вводим в оборот не больше 4—5 групп признаков, то здесь мы оперируем уже десятками. Основой работы является таблица признаков, выраженная в процентах или же через их присутствие или отсутствие. И единственным ограничением, которое накладывается на этот метод, является объем памяти используе-

---

[24] *B. Jaulin.* Mesure de la ressemblance en archéologie. AC, 1970, p. 348.
[25] *D. Tugby.* Archaeological objectives..., p. 6.
[26] *D. L. Clarke.* Analytical Archaeology. London, 1968.
[27] Séance de cloture. AC, 1970, p. 361.
[28] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Понятия «археологический тип» и «археологическая культура» в «Аналитической археологии» Дэвида Кларка. СА, 1970, 3, стр. 258—270.
[29] *J. Deshayes.* AC, 1970, p. 19.
[30] Ibid., p. 365.

мой ЭВМ, так как если при 100 единицах сравнения (будут это признаки или типы) в матрице попарного сходства должно быть заполнено 4950 клеток, то при 1000 — уже 499500. Поэтому обычно обрабатывается одновременно массив не больше чем из 150—200 единиц. Выделив те признаки, которые кладутся в основу группировки предметов, исследователь должен выбрать какой-то определенный коэффициент сходства и выработать стратегию — применить ту или иную математическую процедуру упорядочения (ordering) или группировки.

Все упомянутые процедуры автоматических классификаций были созданы исследователями для применения в биологии, психологии и медицине, так же как и большинство коэффициентов близости или дистанции. В археологии очень широкого применения достиг коэффициент близости Брейнерда — Робинсона, о теоретической и практической разработке которого мы уже неоднократно писали [31]. В большинстве критериев берется отношение числа общих признаков сравниваемой пары к числу отличающихся. (Модификации этого критерия дают отношение квадрата общих признаков к произведению отличающихся либо выражение признаков в частотах и т. д.) Большой интерес представляет предложенный Дж. Говером в 1968 г. коэффициент близости, где [32] вводятся только присутствия и отсутствия. Приведем его здесь, поскольку благодаря легкости подсчетов он может быть успешно применен археологами при традиционной классификации. Этот коэффициент интересен тем, что мы можем его использовать даже в том случае, если материалы неполны. Он пригоден для анализа всех видов признаков дихотомических (присутствие или отсутствие), количественных и качественных.

Близость между объектами $i$ и $j$ ($S_{ig}$) подсчитывается, когда мы придаем значение $S_{ijk}$ и вес $w_{ijk}$ каждому признаку $k$

$$S_{ij} = \frac{\sum_{k=1}^{k=p} S_{ijk}}{\sum_{k=1}^{k=p} w_{ijk}},$$

вес $w_{ijk}$ приравнивается к 0 или 1 в зависимости от правомерности сравнения для признака $k$, для признаков присутствия / отсутствия [1 и 0] подсчет может вестись по такой таблице

| | Значение признаков $k$ | | | |
|---|---|---|---|---|
| предмет $i$ | 1 | 1 | 0 | 0 |
| (элемент) $j$ | 1 | 0 | 1 | 0 |
| $S_{ijk}$ | 1 | 0 | 0 | 0 |
| $w_{ijk}$ | 1 | 1 | 1 | 1 |

$$S_{ij}\ \frac{1}{4} = 0{,}25.$$

Когда мы рассматриваем качественные признаки, если оба предмета обладают этим признаком, то мы имеем $S_{ijk=1}$, если нет, то $S_{ijk=0}$. Когда мы рассматриваем количественные признаки, если значение признака $k$ для двух предметов составляют $x_i$ и $x_j$, то $S_{ijk} = \frac{1-/x_i-x_j/}{R_k}$, где $R_k$ представляет максимальное различие (=размах) этих двух признаков, или известное a priori, или определенное на данном материале. Коэффициент $S_{ij}$ всегда будет между 0 и 1, он будет равен 1, если предметы идентичны, и 0, если они максимально отличаются друг от друга. Иногда коэффициенты близости

---

[31] *В. Б. Ковалевская, И. Б. Погожев, А. П. Погожева* (*Кусургашева*). Ук. соч., стр. 26 сл.

[32] *J. C. Gower.* A general coefficient of similarity and some of its properties. Roneo Rothamsted. Exp. stat. (цит. по *C. Millier et R. E. Tomassone.* Méthodes d'ordination et classification: leur efficacité et leur limites. AC, 1970, p. 210, 211).

(например, $D^2$ Махаланобиса) подсчитываются значительно более сложно, но, поскольку здесь вся работа проводится на машинах, это не имеет значения и принимается во внимание только, насколько мощен данный критерий.

Следующим этапом классификации является обработка полученных коэффициентов близости для получения классификации. Здесь археолог может избрать целый ряд методов различной сложности, которые приведут нас к различным классификациям как по форме, так и по содержанию.

Одними из первых для археологии были предложены Дж. Дораном, Ф. Ходсоном и П. Снитом [33] процедуры классификационного анализа (cluster analysis), примененные ранее в биологии [34]. С них мы и начнем наше рассмотрение, и простейшим среди них является single-link или же сортировка с помощью ближайших соседей.

После того как сформулированы описания каждого объекта, подсчитаны коэффициенты близости, берется пара самых близких между собой предметов, и так постепенно все предметы группируются в одну цепь, концы которой отличаются максимально. В такой цепи (String) каждый данный предмет сильнее всего связан с предыдущим и последующим. Для того чтобы в этой цепи выделить группы, можно использовать различные величины коэффициента близости или, заранее ограничив размеры групп, делать срезы через ветви иерархического древа по определенным уровням сходства.

Для этого процесса классификации существуют программы на фортране для IBM 1130 [35]. Доказано, что он наиболее удовлетворителен с точки зрения математики [36], хотя слишком зависит от принятого коэффициента сходства [37].

Чтобы избежать этой неудобной для практических целей структуры, в виде цепи используются другие методы классификационного анализа по средним «average link», когда классы объединяются на основании среднего коэффициента сходства. Иногда этот метод называется «сортировкой дальнейших соседей» [38].

Полученные группы, где каждый элемент связан со всеми другими, носит название «клик» (cliques). Исследователи показали, что «связь по средним лучше определяет структуру классификации» [39].

Мы рассмотрели процедуры clustering, теперь же обратимся к ordering. Их отличие заключается в том, что рассматриваются все отдельные предметы и для каждого изучаются все связи. Конечный результат дает позицию каждого предмета в его связях во всей полученной конфигурации. Среди процедур этого типа Ф. Ходсон выделяет компонентный анализ (componential) [40], который изучает только линейные связи и многомерное скалирование (multudimensional scaling) — метод расположения предметов в определенном порядке в $n$-мерном пространстве [41], переход к многомерному сравнению от одномерного [42].

Упрощенный метод, опирающийся на исследования Р. Н. Шепарда и Дж. Б. Краскала, был предложен Дж. Дораном в 1966 г. [43], программа была составлена на Алгоме и в результате приводит к следующему: 1) каждая точка представляет собой единицу анализа — тип или комплекс; 2) расстояние между ними (упорядочиваются они на линии, плане или $n$-мерном пространстве) отражает уровень сходства. Полученную картину значительно легче интерпретировать, чем исходные данные.

---

[33] *F. R. Hodson, P. H. A. Sneath, J. E. Doran.* Some Experiments in the Numerical Analysis of Archeological Data. «Biometrika», 1966, 53, p. 311—324.

[34] *R. R. Sokal, P. H. A. Sneath.* Principles of Numerical Taxonomy. San Francisco and London, 1963.

[35] *C. Millier, R. E. Tomassone.* Méthodes d'ordination..., p. 220.

[36] Ibid., p. 227.

[37] AC, 1970, p. 173 (дискуссии по докладу G. L. Cowgill. Some sampling and reliability problems in archaeology).

[38] *F. R. Hodson.* Cluster analysis and Archaeology: some new developments and applications. «World Archaeology», 1970, 3, p. 306.

[39] Ibid., p. 318.

[40] Ibid., p. 309.

[41] *P. Jhm.* Introduction à la statistique uni — et multivariée. Les méthodes mathématique de l'àrchéologie. Paris, 1972 (в дальнейшем цитируем MM, 1972), 1972, p. 29.

[42] *R. Sibson.* Multidimensional scaling in Theory and Practice. MM, 1972, p. 59.

[43] *F. R. Hodson, P. H. A. Sneath. J. E. Doran.* Some Experiments.... p. 316, 317.

Ф. Ходсон разбирает метод «*k*-средних»[44] (*k*-means approach), когда для всей классификации выявляется ряд гипотетических центров (средних) и все индивидуальные предметы сравниваются с этими центрами.

В отличие от предыдущих методов, данный не зависит от матрицы подобия и, следовательно, не ограничен числом изучаемых предметов в чем его существенный плюс. К. Спарк-Джонс полученные фигуры называет звездами (stars), где каждый предмет в группе связан с одним общим и заранее предлагается предел для размеров группы. Расчленение всех единиц в *k*-группе происходит так, чтобы дисперсии внутри групп были бы минимализированы. Мерой однородности групп является сумма квадратов эвклидовых расстояний между каждой единицей и центром группы, где эта единица размещена.

В ряде работ наглядно показано, что различные приемы приводят к разным результатам, даже если употреблены одни матрицы, одно кодирование и одна мера близости. Зависит это от силы и типа ЭВМ, налаженной программы и т. д., но в ряде случаев ни математики, ни археологи не могут сказать, чем это явление можно объяснить. Поэтому К. Спарк-Джонс подчеркивала, что выгода для исследователя в классификации одного и того же материала с помощью ряда процедур заключается в том, чтобы увидеть общие тенденции, а не получить тождественные результаты. «Имея ряд классификаций,— писала она,— мы можем идентифицировать группы предметов, которые одинаково сгруппированы в различных классификациях, и можем принять эти группы за реальную классификацию»[45]. Для получения этих данных сопоставляются все результаты классификаций и выделяются те группы, которые взаимовстречаются более чем в половине классификаций. Дж. Доран, первый применивший процедуры классификационного (cluster) анализа в археологии, предостерегал от слишком большого увлечения этими методами, говоря о том, что в настоящее время они еще существуют самостоятельно и их связь с археологией пока слишком поверхностна. Это далеко еще не первоклассное орудие анализа, возможны случайные решения, поскольку велика роль субъективного ожидания определенных результатов. Противники автоматической классификации ставят ей в вину[46]: 1) что все признаки оказываются уравнены при определении меры близости или расстояния; 2) что типы не могут быть определены простым образом в терминах отдельных признаков, использованных для анализа; 3) что новый предмет не может быть отнесен к определенному типу по наличию тех или иных признаков.

Большой интерес представляет для нас и принципиально иной подход к классификации — попытка внести дополнительно объективные математические критерии в традиционную археологическую технику классификации и модернизировать ее, не меняя существа подхода. Рассмотрим это на примере нескольких последних статей Р. Уоллона[47], который, кстати, еще в своей дипломной работе (1963 г.) использовал многомерный анализ применительно к палеолиту Старого Света, так что упрекнуть его в пренебрежении к новым математическим методам нельзя Р. Уоллон считает, что типология должна отражать пространственно-временну́ю вариацию в археологическом материале и субъективно удовлетворять исследователя, поскольку типы представляют реальность в материале и мыслились таковыми мастерами, создававшими вещи. Но классификация должна быть иерархической, так как нельзя, по мнению Р. Уоллона, всем признакам придавать одинаковое значение. Автор разбирает математические методы, которые позволяют определить иерархию среди признаков (метод анализа ассоциаций в экологии, $\chi^2$, таблицы сопряженности признаков).

Все признаки рассматриваются индивидуально, отмечается их присутствие и отсутствие на каждой ступени классификации, имеющей форму родословного древа. По мнению автора, необходимо «свободное изменение и перемещение критерия (так же как и иерархии важности) на каждой точке ветви классификационного древа»[48].

[44] *F. R. Hodson.* Cluster analysis, p. 311.
[45] *K. Spark-Jones.* The evaluation of archaeological classifications. AC, 1970, p. 257.
[46] *J. E. Doran.* Archaeological reasoning and machine reasoning. AC, 1970, p. 59.
[47] *R. A. Whallon.* New Approach to Pottery Typology. AA, vol. 37, 1, 1972, p. 13; *idem.* The Application of Formal Methods of Typology in archaeological Analysis. MM, 1972, p. 250—265.
[48] *Idem.* The Application..., p. 255.

Автор рассматривает ряд проблем, которые необходимо решить при использовании классификации данного типа: о выборе признаков в каждой ветви деления, чтобы достичь максимальной гомогенности групп и наибольшего различия между группами (например, керамика членится на «окрашенную» и «неокрашенную», дальше окрашенная членится по технике нанесения орнамента, а в неокрашенной достаточно морфологических признаков); о минимальном размере подгрупп (по 20 единиц в приведенном им примере); о выборе момента, когда дальнейшее деление прекращается (stoping rule). Р. Уоллон приводит пример, как один и тот же керамический материал был проработан группой исследователей, выделивших там 16 типов, а затем А. Сполдингом, который с помощью математических процедур смог выделить только два. Р. Уоллон для целей классификации ввел ряд элементов, которые предшествующими исследователями игнорировались (например, декоративные элементы). Он заканчивает разбор процедуры классификации операциональным определением типа «как единицы, полученной через ряд ступеней, ведущих через ветви к их окончаниям — типам» [49].

Предложенный Р. Уоллоном метод стимулирует традиционный не только по окончательному результату, но и по применению процедур, которые ориентированы на создание типологии, отражающей культурные и хронологические изменения [50]. Автор видит преимущества подобной классификации перед рассмотренными выше автоматическими в большей информации, которую они несут, привычности и легкости для интерпретации. По его мнению, эти преимущества вызваны тем, что данная классификация глубже отражает структуру археологического материала, хотя Р. Уоллон не считает эту классификацию единственно возможной.

В такой же мере, в какой в настоящее время отсутствует теория построения классификаций, отсутствует теория их оценки. Поскольку цели классификаций различны, различны и критерии их оценки. Так, можно предложить «гипотезу простоты» и оценку того, что нового дает оцениваемая классификация. Как правило, можно сказать, что лучшей представляется классификация, где группы невелики, или же что классификация, где группы перекрещиваются, не будет нас удовлетворять. Если мы заинтересованы в чисто описательной классификации и имеем корректные данные, то оцениваем классификацию тем, насколько искажен или упрощен первоначальный материал. В других же случаях мы можем сравнивать между собой классификации, построенные на одних материалах, но с помощью различных комбинаций признаков, различных методов и приемов, и, кроме того, когда целью классификации является выявление исторического порядка, то проверкой эффективности является сопоставление с историческими фактами. И опять-таки применение математических методов и вычислительной техники требует от археолога еще более глубокого изучения материала и ни в чем не может заменить ни его интуиции, ни его творческих усилий.

[49] *R. A. Whallon.* New Approach..., p. 32.
[50] *Idem.* The Application..., p. 261.

**M. Bitiri. Paleoliticul în Ţara Oaşului.** Studiu archeologic. Centrul de informare şi documentare in ştiinţele sociale şi politice. Bucureşti, 1972, 137 pag., 50 fig.

В 1972 г. Институт археологии Академии социальных и политических наук Социалистической Республики Румынии приступил к изданию новой (дополнительной) серии монографий, посвященных изучению археологических памятников на территории Румынии. Первой в этой серии вышла в свет работа Марии Битири «Палеолит в стране Оаша», в которой подытоживаются результаты восьмилетних исследований палеолита в Оашской межгорной впадине, расположенной на северо-западе Румынии. Этой работе предшествовал ряд публикаций [1], познакомивших специали-

[1] *Maria Bitiri.* Aşezarea paleolitică de la Boineşti. SCIV, XV, 2, Bucureşti, 1964, p. 167—186; Idem. Cîteva observaţii cu privire la paleoliticul din Oaş şi periodizarea lui. SCIV, XVIII, 4, 1967, p. 623—643; Idem. Gravettianul din nord-vestul României. SCIV, XX, 4, 1969, p. 526.

стов и широкие круги читателей с историей открытий и отдельными проблемами палеолита Оаша. Издание новой работы М. Битири позволяет с наибольшей полнотой проследить этапы заселения и характер культуры палеолитического населения этой области.

Если учесть, что вышедшая еще в 1938 г. монография Н. Н. Морошана [2] несколько устарела в отношении интерпретации памятников, а монография Ал. Пэунеску [3] является весьма специфическим трудом (в нем рассматриваются проблемы возникновения и развития орудий из камня на территории Румынии от нижнего палеолита до культур бронзы включительно), то работа М. Битири представляет собой первую удачную попытку монографического анализа и интерпретации памятников палеолита Румынии.

Рецензируемая работа состоит из предисловия, введения и трех частей, а также обширного резюме на французском языке, с 50 таблицами, с рисунками каменных изделий, разрезами, планами и схемами.

М. Битири дает описание более 20 разновременных палеолитических стоянок, технико-типологические характеристики добытых на них коллекций каменных изделий в сопровождении результатов петрографического, педологического и палинологического анализа.

Во введении автор коротко говорит о задачах, проблемах, затрагиваемых в работе, и о принципах ее построения. Затем дается небольшой обзор литературы о природных условиях и четвертичной геологии Оашской впадины.

Первая часть состоит из трех глав: «История исследований», «Природная среда, стратиграфические и хронологические уточнения» и «Палеолитические стоянки».

Глава об истории исследования открывается обзором обнаруженных еще в 1928 г. Мартином Рошка местонахождений палеолита в окрестностях Биксада, датировавшихся им как микокские [4]. Эти местонахождения в последующие годы вызвали многочисленные дискуссии (в основном оспаривалась датировка), и так как они не проверялись на месте, то продолжают до сих пор оставаться спорными. После трех десятилетий К. С. Николэеску-Плопшором в Оаше была открыта первая достоверно палеолитическая стоянка — Бойнешты, на которой тогда (1958 г.) были выделены два культурных горизонта — позднемустьерский и среднеориньякский. Дальнейшие исследования в этой области предприняла М. Битири (при помощи сотрудников музеев из Сату-Маре и Бая-Маре) в 1960, 1962—1967 и 1969 гг. Ею открыто и исследовано более 20 стоянок каменного века, среди которых имеются три трехслойных и два двухслойных памятника.

Во второй главе первой части дается развернутая характеристика климатических условий, ландшафта и четвертичных отложений, относящихся к вюрму, к которым приурочены палеолитические стоянки Оаша.

Оашская впадина площадью в 614 $км^2$ представляет собой закрытую с трех сторон межгорную область (западные отроги Восточных Карпат). Основные водные артерии области — реки Тур, Тална, Валя-Албэ, Пырыул Лунг и Лешинчоара (левые притоки Тисы) — протекают по равнине, плавно огибая многочисленные каменные гряды и останцы высотой до 400 м. К бортам их долин приурочены терасовидные образования, в отложениях которых выявлены археологические материалы.

Четвертичные отложения вюрма на территории Румынии, по исследованиям К. С. Николэеску-Плопшора, проведенным в Оаше, стране Бырсы и в долине Бистрицы, подразделяются на три горизонта, соответствующие трем максимальным стадиям оледенения. Еще два горизонта были отнесены к двум интерстадиалам внутри вюрма.

В Бойнештах нижний слой (мустьерский) отнесен им к первому вюрмскому интерстадиалу (на том основании, что в Западной Европе позднее мустье относят

---

[2] *Nic N. Moroşan.* Le pleistocène et le paléolithique de la Roumanie du Nord-Est. AIGR, vol. XIX, Bucureşti, 1938.

[3] *Al. Păunescu.* Evoluţia uneltelor si armelor de piatră cioplită descoperite ne teritoriul României. Bucureşti, 1972.

[4] *M. Roşca.* Cercetări preistorice în Ardeal în anul 1928. AIGR, XIV, Bucureşti, 1931.

к этому интерстадиалу), а второй слой (ориньякский) к B2. Последующие отложения B2/3 и B3, считал К. С. Николэеску-Плопшор, со временем были вымыты. После выделения в 1960 г. в Бойнештах граветта последний занял соответствующее ему место в B2/3 и B3. Памятники граветта занимают самое высокое стратиграфическое положение среди палеолитических памятников Оаша. Часто на эродированных террасах и останцах (Реметя-Шомош I и II) они залегают непосредственно на поверхности или в пылевато-буром первом суглинистом слое. При корреляции слоев и по типологии каменных изделий М. Битири все памятники Оашской впадины подразделила на позднее мустье — Бойнешты, Реметя-Шомош I и II (нижние слои), на средний ориньяк — Бойнешты, Реметя-Шомош I и II (средние слои), Кэлинешты I (нижний слой) и Кэлинешты II и на граветта — Бойнешты, Реметя-Шомош I и II, Кэлинешты I (верхние слои), Кэлинешты III, Турулунг-Деалул-Пустиу, Кэлинешть-Хурка, Орашу Ноу и др.

В дальнейшем при помощи палеопедолога Х. Асвадурова и палинологов М. Кырчумару [5] и Ш. Роман Марии Битири удалось расчленить пачки вюрмских отложений Оашской впадины на следующие горизонты.

1. Горизонт B=B/B2; 2. Горизонт A2 и A2B=B2 (или B2/B3)? 3. Горизонт A2A1 и A1=B3.

В горизонте B залегают, как правило, позднемустьерские слои, в A2 и A2B — среднеориньякские, а в A2A1 и A1 — граветтские. Проведенные М. Кырчумару и Ш. Роман анализы палинологических диаграмм дают основания утверждать, что горизонту B соответствует промежуток времени с теплым и сухим климатом (интерстадиал), а горизонту A — с влажным и холодным климатом (стадия оледенения). В горизонте A преобладает пыльца холодолюбивых сообществ.

Эта схема, на наш взгляд, может быть пригодна лишь для Оашской впадины, так как последняя представляет собой закрытое межгорное ландшафтное образование, где в вюрме могли быть весьма специфичные климатические условия, тем более, что, к сожалению, эти горизонты в работе М. Битири не синхронизируются и не сопоставляются с общеевропейскими схемами подразделения вюрмских отложений.

В третьей главе первой части дается описание условий нахождения каждой стоянки, масштабы проведенных работ, а также коротко перечень найденных материалов. Следует указать, что при описании стоянок не всегда приводятся сведения о характере культурных слоев (степень разбросанности материалов как горизонтально, так и вертикально, положение вещей при нахождении и т. д.), а также общее количество находок по слоям, что иногда затрудняет восприятие статистических выкладок по коллекциям.

Глава открывается описанием местонахождения Биксад. Здесь среди многочисленных обломков опала и кварцита естественного происхождения М. Рошка и К. С. Николэеску-Плопшором были собраны отдельные каменные изделия палеолитического возраста. М. Битири было обследовано Биксадское местонахождение и, по ее мнению, это «... место, где люди иногда отбивали камень для своих нужд...» (стр. 30). Самые важные стоянки в Оашской впадине — многослойные. В их материалах прослеживаются три этапа заселения области в палеолитическое время, и поэтому М. Битири уделяет им особое внимание. Стоянка Бойнешты была раскопана на площади 185 $м^2$. Все три слоя имеют одну и ту же площадь распространения и перекрывают друг друга без стерильных прослоек между ними.

Мустьерский слой содержит дисковидные и призматические нуклеусы, остроконечники (?), листовидные острия (2 обломка), скребла, скребки, многочисленные режущие и скребущие орудия на пластинах и отщепах. Леваллуазская техника скалывания представлена очень незначительно. Орудия в коллекции нижнего слоя Бойнешты не образуют четких серий. Следует отметить, что предметы, описанные как остроконечники (рис. 16, *2, 4;* 17, *3, 6*), судя по рисункам, таковыми не являются. Скорее всего, первые два представляют собой обломки скребел, третий — скребок ладьевидной формы, а четвертый вообще трудно определить. Так же сложно обстоит дело с листовидными остриями. В слое был найден всего один

[5] *M. Cîrciumaru.* Analiza polinică a Stradelor de vîrstă gravetiană de la Coasta Boineşti. Rev. Muz. 4, Bucureşti, 1970, p. 353, 354.

обломок, изображенный на рис. 17, *1*. Обломок второго подобного орудия был найден на поверхности позже. На основе этих изделий М. Битири вводит данный памятник в круг мустьерских комплексов с двусторонними формами. В нижнем слое Бойнешты скребков больше чем скребел. Таким образом, здесь мало типично мустьерских форм. Наряду с ними представлены призматические нуклеусы, скребки высокой формы, пластины с правильным огранением спинки, что говорит о правомерном отнесении автором Бойнешт к концу мустье. Впрочем, здесь могли иметь место и отдельные неточности при отделении материалов нижнего слоя от материалов перекрывающего его ориньякского слоя, причем материалы могли быть частично перемешаны при раскопках. Сама М. Битири пишет, что «...отделение ориньякского материала от мустьерского было осуществлено на основе типологии...» (стр. 32).

Следы другого мустьерского поселения были выявлены на стоянке Реметя-Шомош I. Отсюда происходят 225 каменных изделий, среди которых 33,2% типичные для мустье [6]. Нуклеусы разнообразны по форме. Присутствуют шаровидные, пирамидальные, призматические, аморфные. Отсутствуют скребла, зато многочисленны различные скребковидные изделия, орудия типа рабо и, по-видимому, зубчато-выемчатые орудия. Как и в Бойнештах, найдены листовидные острия (2 экз). Датирована стоянка также концом мустье.

На стоянке Реметя-Шомош II был выявлен третий мустьерский комплекс Оашской впадины (216 экз.). Орудия представлены остроконечником (рис. 28, *4*), несколькими пластинами, двумя листовидными остриями, выемчато-зубчатыми орудиями. Листовидные острия сохранились целиком и дают возможность судить о форме и характере обработки бифациальных изделий, бытовавших у оашских мустьерцев. Они подтреугольных очертаний, края слегка выпуклы. Сечение линзовидное. У одного листовидного орудия один край скошен к острому кончику. Основание у одного экземпляра прямое, а у другого вогнутое. Аналогичные листовидные острия, правда, с несколько более совершенной отделкой плоских поверхностей, были обнаружены в третьем слое грота Тринка III (Скридона) в Попрутье, на территории Молдавской ССР, инвентарь которого предварительно был также датирован финальным мустье [7].

Второй этап заселения Оашской впадины представлен уже хорошо оформленным типологически «ориньякскими» памятниками с пластинчатыми индустриями. Необходимо сказать, что относимые к ориньяку памятники как в Оаше, так и в других областях Румынии — в долинах Бистрицы, Попрутьи,— не являются типично ориньякскими. Здесь речь идет, по нашему мнению, об «ориньякоподобных» комплексах, в которых имеется ряд орудий, характерных для ориньяка (скребки высокой формы – каренэ, килевидные, á museau изделия типа рабо, пластины с ретушью по всему контуру и др.), и в то же время отсутствуют типичные для классического ориньяка изделия типа резцов busque. Костяные изделия, как и фаунистические остатки, на оашских памятниках не сохранились.

Средний слой Бойнешты содержит 15% типичных для ориньяка изделий. Здесь, как и в Реметя-Шомош I и II (средние слои), Кэлинешты I (нижний слой) и Кэлинешты II, ведущие группы орудий — скребки высокой формы (каренэ, ладьевидные), пластины с ретушью, часто по всему периметру, острия на пластинах. Резцы немногочисленны и в основном представлены срединным типом.

Третий пласт памятников, исследованных М. Битири в Оаше,— граветтский. На всех этих памятниках были найдены одни и те же типы орудий. Это скребки мелких и средних размеров, чаще всего на пластинах, различные острия на пластинах, оформленные, как правило, крутой притупливающей ретушью по одному или по обоим краям, пластины и микропластины с притупленным краем, комбинированные орудия — скребки-резцы, скребки-острия. В граветтских слоях,

---

[6] Под типичными изделиями М. Битири понимает все изделия, морфологически и типологически специфичные для той или иной палеолитической эпохи. Сюда включены нуклеусы, орудия и изделия без вторичной обработки, отщепы, пластины.

[7] *Н. А. Кетрару, И. А. Борзияк.* Палеолитическая стоянка в гроте Тринка III. АИМ (1973 г.). Кишинев, 1974, стр. 3—12, рис. 3, *4, 5*.

наряду с изделиями из местных пород — опала, вулканического туфа, андезита, кварцита, получают большое распространение изделия из мелового кремня, а также из обсидиана, чего нет в мустьерских и «ориньякских» комплексах. На всех памятниках граветтской группы в отличие от «ориньякской» наблюдается тенденция к микролитизации инвентаря.

Описание каменного инвентаря стоянок содержится как в третьей главе первой части, так и во второй части книги М. Битири, которые рассматривались вместе. Вторая часть работы — источниковедческая. В ней с особым вниманием и скрупулезностью дается подробное описание каменного инвентаря стоянок.

Третья часть, заключительная, состоит из одной главы «Некоторые проблемы развития палеолитических культур в Оашской впадине».

Рассматривая вновь самые древние комплексы Оаша — позднемустьерские — в их связи с пещерными стоянками Трансильвании, М. Битири указывает на их различную сырьевую базу. В Оаше мустьерцы в качестве сырья для изготовления орудий использовали опалы, вулканические туфы, андезиты, тогда как в пещерных комплексах Трансильвании использовались преимущественно кварциты.

Территориально самыми близкими к оашским памятникам являются комплексы пещер Куратэ и Некуратэ вблизи Нандру, Охаба-Понор, нижний слой пещеры Бая-де-Фер. М. Битири отмечает, что как в карпатских пещерах, так и в мустьерских стоянках Оаша использовались в основном местные породы камня, и этот факт свидетельствует о том, что до начала верхнего палеолита мустьерцы этих областей не передвигались в поисках более качественного сырья.

Однако небольшие коллекции каменных изделий, полученных на этих стоянках, тонкие культурные слои говорят о том, что, скорее всего, здесь идет речь не о долговременных, а о небольших, временных поселениях.

М. Битири сопоставляет оашский мустье с мустье Попрутья (Рипичены-Стынка, Рипичены-Извор (терраса), Миток-Валя Изворулуй) [8], Добруджи [9], Крыма (в общих чертах), Сухой Мечетки и Ильской стоянки, имея в виду единственную черту сходства между этими разновременными памятниками — присутствие в их инвентаре листовидных острий. Однако в добруджских комплексах (Мамая, Кея, Пеннсула, Салигни) преобладают зубчато-выемчатые изделия, и они были датированы авторами ранневюрмским временем и отнесены к мустье с тейякской традицией, к фации, отличной от мустьерской фации с двусторонними формами (позднемустьерской в понимании М. Битири), к которой были отнесены оашские комплексы.

Правомерными и обоснованными выглядят сопоставления мустье Оаша с комплексами 7-го и 8—9-го слоев Кульны [10], с мустье Краковской зоны (юг Польши), а также с «досолютрейскими» памятниками ФРГ [11], где имеются наряду с мустьерскими типами резцы, скребки высокой формы, наконечники с двусторонней обработкой. Аналогию оашскому мустье, на наш взгляд, можно найти на Среднем Днестре, в комплексе верхнего слоя Стинки I [12]. Как в верхнем слое Стинки I, так и в инвентаре оашских комплексов постепенно исчезают типичные мустьерские формы и одновременно с пластинчатой техникой появляются верхнепалеолитические типы орудий. И на Стинке, и в оашском мустье скребки и скребковидные орудия преобладают над другими типами изделий. Правда, в I слое Стинки имеются многочисленные зубчато-выемчатые изделия, однако последние в сочетании с типичными концевыми скребками, резцами (среди которых есть срединный и боковой типы), пластинами и микропластинами с ретушью (2 экз.) говорят даже о

---

[8] *Nic. N. Moroşan.* Op. cit.; *C. S. Nicolăescu-Plopşor.* Cercetările de la Mitoc. MCA, VI, Bucureşti, 1961, p. 11, 19; *Al. Păunescu.* Habitats paléolithiques et postpaléolithiques de Ripiceni-Izvor. «Dacia», IX Bucureşti, 1965, p. 9—20.

[9] *Al. Păunescu, F. Mogoşanu, M. Circiumaru.* Unele consideratii privind paleoliticul miglociu din Dobrogea. «Pontica», 5, Constanţa, 1972, p. 13—24.

[10] *K. Valoch.* Le replissage et les industries du paléolithique moyen de la grotte Hulna en Moravie. «L'Antropologie», 62, 1—2, Paris, 1968.

[11] *G. Freund.* Die Blattspitzen des Paläolithikums in Europa. «Quartar-Bibliothek», I, Bonn, 1952.

[12] *Н. К. Анисюткин.* Мустьерская стоянка Стинка на Среднем Днестре. АСб. ГЭ, 11, 1969, стр. 5—11.

более позднем возрасте комплекса. Индустрия верхнего слоя Стинки I, на наш взгляд, представляет собой следующую за мустье Оаша ступень развития и отражает переход от среднего палеолита к верхнему и, таким образом, является одной из самых ранних позднепалеолитических индустрий, которая развивалась на основе местного мустье с тейякской традицией (Стинка I, нижний слой, Осыпка, Тринка I, слой 3—4, Тринка III, слой 4). Присутствие листовидных острий в мустье Оаша еще больше сближает его с верхним слоем Стинки I [13]. Листовидные наконечники не исчезают в верхнепалеолитических комплексах Румынии, как утверждает М. Битири, а продолжают бытовать вплоть до поздней поры верхнего палеолита [14]; они повсеместно встречаются и на сопредельных территориях, на Среднем Днестре [15], в Болгарии [16], в комплексах, датированных различными этапами развития позднего палеолита.

Убедительными и исчерпывающими нам кажутся сопоставления и интерпретации позднепалеолитических комплексов. Особенно важно, что при разборе и описании коллекций каменных изделий М. Битири обращает внимание на сырьевую базу каждого памятника и отмечает процесс перехода от одних видов сырья к другим в связи с развитием техники расщепления камня.

В самом раннем ориньякском комплексе, Кэлинешты II, помимо верхнепалеолитических орудий и заготовок для них найден дисковидный нуклеус, несколько пластин и отщепов с фасетированными ударными площадками, 25 скребловидных орудий. Постепенно более ранние формы уменьшаются количественно в Бойнештах, Реметя-Шомош I и II (средние слои) и полностью исчезают в Кэлинешты I. Единичные двусторонние формы нетипичны. Эти памятники сопоставимы с ориньякскими памятниками долины Бистрицы — Дырцу и Бистричоара, Рипичень-Извор и Миток (ориньякские слои) в Попрутье и Вадастра в Олтении.

М. Битири полагает, что ориньякские памятники Оаша входят в ареал Центральноевропейской зоны развития ориньяка, а ближе всего к стоянкам типа Барца II и Кехнец I на Хороде в Восточной Словакии. Барца II — памятник более древний и должен быть помещен между позднемустьерскими и среднеориньякскими комплексами Оаша. Интересно отметить, что «ориньякоподобные» памятники Оаша имеют некоторые черты сходства с серией рашковских памятников на Днестре (Рашков VII — IX), исследованных в последние годы Г. В. Григорьевой и Н. А. Кетрару [17], где также известны ориньяковидные формы орудий.

Следует остановиться на некоторых неясностях и неточностях, допущенных в работе. Описывая скребла как интересную и многочисленную категорию орудий (стр. 33), М. Битири упоминает такие их разновидности, как боковые, продольные, поперечные, комбинированные, с прямым, вогнутым и выпуклым лезвием, высокие и тонкие, на отщепах и на пластинах. Однако уже на стр. 65 при описании изделий из нижнего слоя Бойнешты оказывается, что скребел всего 6 (т. е. меньше экземпляров, чем разновидностей). В этой классификации смешаны типы с характером обработки рабочего края орудий, а также с первоначальным типом заготовки. Если бы каменный инвентарь каждого слоя и памятника был сведен в статистические таблицы, это, на наш взгляд, помогло бы автору упорядочить изложение материала.

Монография М. Битири, несмотря на имеющиеся в ней недостатки, знаменует собой новый этап в изучении палеолита в Румынии. Чтобы оценить важность исследований М. Битири, достаточно указать, что всего 10 лет назад К. С. Нико-

---

[13] *Н. К. Анисюткин.* Листовидные острия с двусторонней обработкой со стоянки Стинка I. МИА, 185 (Палеолит и неолит СССР, т. VII), 1972, стр. 88—94.

[14] *X. Chirică.* Piese bifaţiale din paleoliticul superior descoperite in regiunea de Nord a Moldovei. SCIV, 3, 1973.

[15] *А. П. Черныш.* Палеолит и мезолит Приднестровья (карты и каталог местонахождений). М., 1973; *Н. А. Кетрару.* Памятники палеолита и мезолита. АН МССР, вып. I, Кишинев, 1973; *Г. В. Григорьева.* Позднепалеолитические наконечники Среднего Днеста. КСИА АН СССР, 131, 1972, стр. 78—81.

[16] *Н. Джамбазов.* Начало на късния палеолит в България. «Археология», 4, 1971, р. 1—17.

[17] *Г. В. Григорьева, Н. А. Кетрару.* Исследования палеолитических стоянок Рашков VII и VIII. АИМ (1970—1971), Кишинев, 1972.

лэеску-Плопшор в своей итоговой статье «К изучению палеолита Румынии» [18] не приводит никаких сведений о палеолите Оаша. Рецензируемая книга представляет собой исследование, в котором рассматривается более 20 палеолитических памятников этой территории.

Работа М. Битири вводит в научный оборот новые материалы по палеолиту Румынии. Она может быть полезной как для специалистов-археологов, так и для широкого круга читателей, интересующихся древнейшим прошлым этой страны.

*И. А. Борзияк*

---

[18] *К. С. Николэеску-Плопшор.* К изучению палеолита Румынии. СА, 1962, 3, стр. 116—133.

**М. Ф. Косарев. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья.** «Наука», М., 1974, 166 стр. рис. 49.

Рецензируемая книга является опытом обобщения работ, производившихся в Томско-Нарымском Приобье. Она построена на большом полевом материале, причем в ней использованы как материалы раскопок различных авторов, начиная с дореволюционного времени и кончая нашими днями (А. В. Адрианов, С. К. Кузнецов, П. И. Кутафьев, А. П. Дульзон, Е. М. Пеняев, В. И. Матющенко, Л. А. Чиндина, Л. М. Плетнева, В. А. Посредников и др.), так и материалы раскопок автора книги, проведенных им на Остяцкой горе у с. Молчаново, у Новокусково, Десятово, Шайтанки и в других местах.

Введение книги содержит краткую характеристику истории изучения археологии Томско-Нарымского Приобья. Первая глава фактически является продолжением введения. Здесь автор излагает свое понимание термина «археологическая культура», определяет свои позиции по вопросу о критериях и признаках, на основании которых возможно ее выделение. Мысль М. Ф. Косарева об историческом характере понятия «археологическая культура» не является его открытием, но важно то, что он еще раз останавливает на этом внимание читателя и приходит к выводу о различии критериев выделения археологических культур в разные исторические периоды.

Вторая глава книги «Историко-географический очерк» дает характеристику физико-географических особенностей Томско-Нарымского Приобья. Бóльшая часть этой главы посвящена вопросу о возможных колебаниях ландшафтных границ в Западной Сибири и проблеме этнокультурных сдвигов в Томско-Нарымском Приобье в свете палеоклиматических данных. М. Ф. Косарев — сторонник высказывавшегося в археологической науке мнения о смещении в северном полушарии ландшафтных зон в послеледниковое время и этнических сдвигов, находящихся в зависимости от смещения ландшафтных зон. Эта мысль применительно к материалу Западной Сибири впервые была высказана И. М. Мягковым, пытавшимся объяснить некоторые южные черты в культуре раннего железного века Нарымского Приобья, и была затем принята также В. Н. Чернецовым. Но наиболее обстоятельно она была развита М. Ф. Косаревым в его многочисленных статьях [1]. В обобщающей работе, а такой является рецензируемая книга, подобный очерк вполне уместен. Надо отметить, что в данной работе М. Ф. Косарев излагает свои позиции наиболее аргументированно, используя все последние исследования в этой области. Хотя мы и не полностью разделяем точку зрения М. Ф. Косарева, все же

---

[1] *М. Ф. Косарев.* Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья. Автореф. канд. дис. М., 1964; *его же.* Бронзовый век лесного Обь-Иртышья. СА, 1963, 3; *его же.* К вопросу о степном компоненте в культурах железного века лесного Приобья. СА, 1964, 2; *его же.* Некоторые проблемы древней истории Обь-Иртышья. СА, 1966, 2; *его же.* Некоторые вопросы этнической истории Обь-Иртышья по археологическим материалам. Сб. «Происхождение аборигенов Сибири и их языков». Томск, 1964; *его же.* К проблеме западносибирской культурной общности. СА, 1974, 3.

следует отметить, что этот очерк относится к числу наиболее интересных в книге. Однако надо иметь в виду, что мысль о значительных смещениях ландшафтных зон в Западной Сибири в период голоцена разделяется не всеми палеоклиматологами и географами, и выводы, которые содержатся в рецензируемой монографии по этому вопросу, могут быть приняты лишь как одна из возможных точек зрения.

Третья глава книги носит название «Эпохи раннего металла и развитый бронзовый век». Она посвящена анализу памятников Томско-Нарымского Приобья, которые автор относит ко времени энеолита и развитого бронзового века: Самусьский могильник, Новокусковская стоянка, Самусьское IV поселение, Томский могильник на Мусульманском кладбище, Томский могильник на Большом мысу, Томский могильник на Малом мысу. Первые три памятника (Самусьский могильник, Новокусковская стоянка, Самусьское IV поселение) автор объединяет в самусьскую группу памятников, а остальные три памятника (Томские могильники) — в томскую группу.

При анализе материалов групп памятников автор обстоятельно рассматривает все, что может иметь значение для датировки. Первостепенную роль в характеристике памятника М. Ф. Косарев отводит керамическому материалу. Предложенная М. Ф. Косаревым классификация керамического материала этих памятников возражений не вызывает.

Автор определенно разделяет указанные две группы памятников и считает, что они принадлежат к различным археологическим культурам.

При определении культурной принадлежности ряда из указанных памятников позиция автора неясна. Так, из приводимых им наблюдений очевидна генетическая связь Самусьского могильника и Самусьского IV поселения, но очевидно (из текста книги М. Ф. Косарева) и то, что эти памятники он относит к разным культурам. Остается также неясным и вопрос о культурной принадлежности памятников томской группы. Указание автора о тяготении материалов этих памятников к канайско-окуневским комплексам вряд ли что-нибудь проясняет.

Глава четвертая посвящена характеристике некоторых сторон производственной деятельности населения, оставившего памятники самусьской и томской культур. Главное внимание сосредоточено на выяснении вопроса о территории появления и оформления бронзовых изделий турбинско-сейминских типов. По этому вопросу автор полемизирует с Б. Н. Тихоновым, С. С. Черниковым, отвергая мысль об андроновском или алтайском происхождении трубинско-сейминских кельтов. Точка зрения автора нам представляется интересной и наиболее обоснованной: район первоначального возникновения турбинско-сейминских изделий находится в бассейне Томи и Чулыма в пределах Кузнецкого Алатау (стр. 81.). Особую роль в процессе широкого распространения турбинско-сейминских изделий в таежной и лесостепной полосе Евразии автор отводит широко развитому обмену в эту пору. Такой подход, на наш взгляд, является более правильным, чем попытка В. А. Сафронова видеть в широком распространении турбинско-сейминских изделий процесс интенсивной миграции восточно-сибирских племен (глазковцев) в Прикамье.

Пятая глава работы носит название «Еловская культура». Во вступлении к главе автор конспективно намечает общую схему сложения еловской культуры, которая генетически связана, по мнению М. Ф. Косарева, с культурами позднего неолита.

Первый раздел главы посвящен характеристике памятников. Автор книги дает описание топографии Еловского и Десятовского поселений. На основании материала этих памятников М. Ф. Косарев дает обстоятельную характеристику трех групп керамики еловской культуры. Первая группа — «открытые баночные сосуды с плоским дном, украшенные по всей боковой поверхности однообразными узорами, которые выполнялись обычно оттисками крупнозубчатого гребенчатого штампа» (стр. 98). Вторая группа керамики имеет горшкообразную (приближающуюся к открытой баночной) форму с очень плавным переходом от шейки к тулову и сравнительно небольшим плоским дном (диаметр дна приблизительно в два раза меньше диаметра устья; стр. 100, 101). Третья группа — горшкообразные сосуды с хорошо выраженным переходом от шейки к плечикам.

Соответственно группам распределяется и орнаментация. Для первой группы

характерны горизонтальные ряды наклонных насечек или вдавленкй гребенки, образующих елочные мотивы. Изредка встречаются и концентрические узоры. Для второй группы керамики характерен геометрический рисунэк, исполненный оттисками гребенчатого штампа. Третья группа керамики украшена резным и геометрическим орнаментом.

М. Ф. Косарев располагает хронологически три группы керамики следующим образом: первая группа — наиболее древняя, третья — наиболее поздняя.

Нам представляется, что в целом автор правильно подметил хронологическое соотношение групп керамики. Но можно ли первую группу керамики, выделенную М. Ф. Косаревым, считать еловской? Оснований для этого, как нам кажется, нет. Это признает и сам автор книги, когда пытается объяснить условный характер причисления первой группы керамики к еловской (стр. 103, 104). Еловская принадлежность этой керамики сомнительна прежде всего по причине чрезвычайно широкой ее распространенности в пределах Западной Сибири. Следует, однако, отметить, что хотя автор и говорит об условности причисления первой группы керамики к еловской, в дальнейшем она фигурирует в исследовании как бесспорно еловская (стр. 151). Нам думается, что выделение только трех групп керамики еловской культуры вряд ли отражает действительное разнообразие гончарных изделий, которыми пользовалось население, оставившее еловские памятники. Так, например, среди керамики третьей группы (рис. 31) можно было бы описать еще по крайней мере две разновидности [2]. Это помогло бы выделить некоторые компоненты, вошедшие в состав еловской культуры.

Глава шестая посвящена молчановской культуре. По мнению автора книги, она синхронна ирменской и «характеризует особый исторический период в Томско-Нарымском Приобье — эпоху перехода от бронзового века к железному» (стр. 132). Необходимо признать, что автор тщательно собрал материалы, которые могут свидетельствовать о существовании молчановской культуры. Нам представляется, что в основном автор прав. Но некоторые возражения все же следует сделать. Так, основной довод М. Ф. Косарева в пользу синхронности ирменской и молчановской культур — это то, что на Остяцкой горе в Молчаново и на Десятовском поселении встречаются единичные ирменские фрагменты керамики, а на Чекисте среди ирменской керамики есть единичные молчановские фрагменты. Но при этом он упускает из виду, что на территории ирменской культуры (а именно на юге Томской области — Осинники у дер. Могильники) на севере Новосибирской области (Завьяловские комплексы) имеется ряд памятников, чрезвычайно близких молчановским. Таким образом, имеются основания предполагать, что молчановские памятники моложе ирменских. На такое хронологическое соотношение памятников указывала в свое время Г. В. Евдокимова [3]. Наличие молчановской керамики в районе ирменской культуры трудно убедительно объяснить продвижением северных групп населения на юг, так как молчановская керамика присутствует здесь не в виде единичных фрагментов, а представлена хорошо выделенными комплексами.

Кроме того, важно и еще одно обстоятельство. М. Ф. Косарев упоминает, что на Красноозерках (на Иртыше) имеются довольно представительные керамические материалы молчановского типа (стр. 127, 128). Интересно, что на Красноозерках (по раскопкам В. И. Матющенко 1970 и 1971 гг.) имеются хорошо выделяемые жилищные комплексы керамики, хронологически сопоставимые с ирменскими и большеложскими. Эти комплексы перекрыты горизонтами, содержащими керамику, которую М. Ф. Косарев связывает с молчановской культурой.

Наблюдения, сделанные на Красноозерках, ставят под сомнение вывод М. Ф. Косарева о синхронности молчановской и ирменской культур.

Глава седьмая посвящена кулайской культуре, которая уже 50 лет является предметом внимания археологов. Несмотря на это, мы знаем о ней немного. Сложность ее изучения в том, что до последнего времени находки бронзовых изделий ку-

---

[2] *В. И. Матющенко.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Сб. «Из истории Сибири», 12. Томск, 1974.

[3] *Г. В. Евдокимова.* О времени существования памятников молчановского типа. Сб. «Происхождение аборигенов Сибири и их языков». Томск, 1969.

лайского типа происходили из жертвенных мест и кладов и представляли собой антропо- и зооморфные изображения, по-видимому, связанные с культом.

М. Ф. Косарев обобщил и классифицировал полученный ранее и новый медно-бронзовый инвентарь. Он попытался выяснить генезис культовых и бытовых предметов и на основе тщательного анализа пришел к выводу об их местном происхождении. Особую значимость приобрели его обоснованные выводы в связи с выделением кулайского керамического комплекса. Впервые М. Ф. Косарев пытался связать кулайскую бронзу с керамикой в 1964 г.[4], располагая весьма ограниченным материалом. Керамика Смолокуровского городища подтвердила предположение автора о том, что кулайская керамика, коль скоро она будет найдена, должна сочетать в орнаменте геометрические узоры и элементы, издревле характерные для таежной местности (стр. 140).

Для датировки кулайской культуры М. Ф. Косарев использовал все возможные доказательства и пришел к выводу, что она существовала с середины I тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия н. э.

Невозможность установления прочных датировок кулайской культуры следует объяснить не столько консервативностью таежных культур, сколько спецификой кулайских памятников и отсутствием закрытых комплексов. Вне поля зрения М. Ф. Косарева оказалась фигурно-штампованная керамика из городища Кижирова, которую Л. М. Плетнева относила к кулайскому времени, исходя из комплекса, в котором эта керамика была найдена[5]. Эти материалы только подкрепили бы позиции М. Ф. Косарева относительно правомерности предложенной В. Н. Чернецовым даты усть-полуйских памятников.

Рамки существования кулайской культуры, предложенные М. Ф. Косаревым, менее конкретны, чем в работах его предшественников. Такая осторожность вполне оправдана. Даже теперь, когда материал значительно увеличился, можно достаточно обоснованно говорить лишь о нижней дате — V в. до н. э. (по бронзовому ножу из Степановского поселения I). Вопрос о верхней дате остается открытым. Ясно только, что кулайская культура прошла длительный путь и пережила не один этап развития. Пока по нашим материалам можно выделить два из них: васюганский и саровский[6].

Не разделяя точки зрения М. П. Грязнова относительно датировки фоминского этапа[7], мы все же хотели бы возразить и М. Ф. Косареву по поводу его критики принципов датировки М. П. Грязновым памятников, включающих разновременные материалы (стр. 145, 146). М. П. Грязнов имеет в виду не все комплексы, содержащие разновременные предметы, а лишь погребения, клады и жертвенные места[8]. Следует всегда учитывать специфику памятников при датировке: погребение или клад, несомненно, следует датировать по наиболее поздним предметам. Более спорен вопрос относительно жертвенного места, существование которого в течение 500—1000 лет вероятно. Возможен и вариант более краткого, в рамках одной культуры, существования жертвенника с использованием «антикварных» культовых вещей, о чем говорит М. П. Грязнов.

Большое место в книге М. Ф. Косарев уделяет происхождению кулайской культуры. По его мнению, кулайская культура — продукт взаимодействия молчановской и северных таежных культур (стр. 140). В этой гипотезе имеется ряд дискуссионных моментов. Остается неясным, что понимает автор под северными таежными культурами, носителями самусьских традиций? Едва ли самусьские традиции в молчановских орнаментах можно объяснить миграциями самусьцев.

---

[4] *М. Ф. Косарев.* К вопросу о степном компоненте.

[5] *Л. М. Плетнева.* Памятники кулайского типа в Томском Приобье. Сб. «Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири». Томск, 1970, стр. 168, 169.

[6] *Л. А. Чиндина.* Культурные особенности среднеобской керамики эпохи железа. Сб. «Из истории Сибири», 7. Томск, 1973.

[7] О пересмотре датировки фоминских памятников, как и в целом всей периодизации верхнеобской культуры, исследователи говорили неоднократно (*Л. Р. Кызласов.* Таштыкская эпоха. М., 1960, стр. 171; *Л. А. Чиндина.* О некоторых хронологических особенностях среднеобской керамики в I тыс. н. э. Сб. «Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири». Томск, 1970, стр. 195—197).

[8] *М. П. Грязнов.* История древних племен Верхней Оби. МИА, 48, 1956.

Данных для этого пока недостаточно. По-видимому, прав М. Ф. Косарев, ограничивая степное влияние в сложении кулайской культуры экономическими связями. Однако пример с бронзовыми котлами здесь не очень удачен. У нас нет никаких доказательств их отливки в Среднем Приобье. Не исключено, что изношенные бронзовые котлы служили сырьем для местного бронзолитейного производства. Не случайно в местах литейных мастерских (Кижировское и Степановское городища) обнаружены обломки котлов. Возможно, этим объясняется совпадение данных химического анализа металла котла и литых фигурок оленя. Судя по материалам Усть-Полуя и последним данным из Приобья, бронзовые котлы, так же как, вероятно, и глиняные сосуды на поддонах, имели культовое назначение. В поселениях этого периода сосуды на поддонах — крайняя редкость, зато они обязательны на жертвенных местах (Саровское и Усть-Полуйское городища) и могильниках (Каменный мыс).

Последняя, восьмая глава книги представляет собой попытку сопоставить археологический материал с этническими общностями, существовавшими на территории Западной Сибири в разные исторические периоды.

М. Ф. Косарев правильно отмечает возможность применения в сибирской археологии ретроспективного метода, которым раньше широко пользовались советские археологи. Этот метод применительно к западносибирскому археологическому материалу успешно использовал А. П. Дульзон, крупнейший лингвист, исследователь языков сибирских народностей. Пользуясь этим методом, А. П. Дульзон смог проследить историю формирования чулымцев, томских татар, кетов, селькупов.

Успешно использовал этот метод и В. Н. Чернецов, когда разрабатывал свою гипотезу формирования угорской общности. Плодотворность метода неоднократно подтверждалась при изучении происхождения многих народностей нашей страны. Казалось бы, что можно отнестись с доверием и к схеме формирования этнических общностей на территории Западной Сибири, предложенной М. Ф. Косаревым. Но пока она остается лишь предварительным построением и требует критического отношения. Это объясняется прежде всего фрагментарностью источников. Так, антропологические источники неравномерно представляют эпохи, отдельные регионы Западной Сибири; кроме того, имеющийся материал в большей части остается еще не изученным специалистами.

Особенно важно, что во многих районах Западной Сибири совершенно неизвестны средневековые памятники, а известные недостаточно изучены. Это лишает нас возможности связать археологический материал с этнографическим. Не случайно М. Ф. Косарев основывает свои выводы главным образом на изучении орнамента, не имея, по сути дела, почти никаких других данных — ни погребального обряда, ни планировки поселков, ни конструкций и внутренней планировки жилищ.

Этнографическая изученность коренного населения Западной Сибири также не может считаться удовлетворительной. Не только не все группы народностей Западной Сибири полностью обследованы, но даже и материалы по хорошо изученным этническим группам не могут быть в полной мере использованы для этногенетических исследований, потому что отсутствует единая методика изучения и описания. В результате мы используем только случайные факты и наблюдения этнографов, которые можно было бы сопоставить с археологическими материалами. Такая картина, к сожалению, характерна не только для Западной Сибири.

Нет полной ясности и с лингвистическими источниками по Западной Сибири. Проблемы языковой характеристики угров, самодийцев, кетов и тюркоязычных групп западносибирского населения настолько сложны, что мы не можем безоговорочно принимать даже самые общие выводы лингвистов в качестве надежных оснований для этногенетических исследований.

Это отступление необходимо для того, чтобы показать, в какой сложной ситуации оказывается любой исследователь этногенетических проблем Западной Сибири. Не случайно, что в гипотезах М. Ф. Косарева в области этнической истории края много слабых мест. Они являются результатом неразработанности проблем. Например, можно ли сопоставить археологические культуры и этнос? Допустимо ли отождествление лингвистического пласта, прослеживаемого в топонимике, с определенным комплексом археологических памятников? Другие спорные места книги М. Ф. Коса-

рева связаны с недостаточной изученностью конкретных вопросов. Так, отнесение тазабагьябского, а тем более алакульского населения к ираноязычному, как считает М. Ф. Косарев, требует доказательств. Недоказанным остался тезис о том, что селькупы являются смешанной угро-самодийской народностью (стр. 153). Существуют и другие точки зрения. Г. Н. Прокофьев трактовал остяков-самоедов как группу, связанную не с уграми, а с кетами. Спорным является и мнение М. Ф. Косарева, что во все рассматриваемые эпохи (неолит, бронза, раннее железо) в пределах Западной Сибири обитало население, имеющее отношение только к трем современным этническим образованиям: уграм, самодийцам и кетам. Это мнение ясно выражено на стр. 158, где М. Ф. Косарев (вслед за К. В. Сальниковым) предлагает угорскую принадлежность федоровцев и самодийскую — еловцев и пишет, что «для носителей самусьской культуры остается только один вариант этнического отождествления — их связь с предками современных кетов». В данном случае, как и в большинстве других, М. Ф. Косарев при археологических характеристиках вынужден пользоваться главным образом орнаментацией керамики. Бесспорно, орнамент — очень важный и весомый признак, но все же для этногенетических построений его одного явно недостаточно. Вопросы этнической интерпретации, безусловно, необходимы в исследованиях археологов. Однако такая интерпретация уместна лишь при соответствующем накоплении материала.

Несмотря на критическое отношение к ряду положений книги М. Ф. Косарева, следует подчеркнуть, что это исследование в целом обладает большой научной значимостью. Выход его из печати — большое событие в археологическом изучении Западной Сибири.

*В. И. Матющенко, Л. А. Чиндина*

**A. Kiss. Roman Mosaics in Hungary.** Budapest, 1973.

Монография известного антиковеда А. Кишша, изданная в серии «Fontes Archaeologici Hungariae» Венгерской Академии наук, посвящена римским мозаикам, найденным на территории Венгрии. Автор следует основным методологическим принципам, выработанным в 1965 г. Международной ассоциацией изучения античной мозаики [1]. Работа венгерского ученого заполняет пробел, существовавший в специальной литературе.

В венгерской археологической и искусствоведческой периодике было зафиксировано около 30 мозаик, но до сих пор исследование, которое давало бы целостное представление о развитии римской мозаики в Паннонии, не было написано. А. Кишш подобно другим авторам, исследующим материал ограниченного географического района, поставил целью раскрыть на местном материале многоаспектность изучения римской мозаики, а также ее местные особенности и ее связь с общим стилистическим развитием.

Монография состоит из четырех частей. В первой коротко прослежена история изучения мозаичных памятников в Венгрии и подчеркнута особая роль, которую сыграли в этом труды Л. Надя и Я. Силади.

Вторая часть является, по сути дела, каталогом, в котором мозаики рассматриваются по топографическому признаку (памятники Аквинкума, Балэци, Сомбатхея, Печя, Ервенеша и Сеня). Наряду с кратким описанием основных композиционных схем, узоров и сюжетов, сведений о технике, размерах и датировке приводятся планы построек с рисунками мозаик, реконструкции, черно-белые и цветные фотографии. Фотографии привлечены в качестве приложений и в альбоме к монографии.

В третьей части мозаические памятники рассмотрены при помощи типологического метода, впервые примененного М. Блейк в ее статьях о мозаиках Италии [2],

[1] AIEMA (Association internationale pour l'étude de la Mosaïque antique).

[2] *M. E. Blake.* The Pavements of the Roman Buildings of the Republic and Early Empire. MAAR, v. VIII, 1930; Ibid. Roman Mosaics of the II C. in Italy. MAAR, v. XIII, 1936; Ibid. Mosaïcs of the Late Empire in Rome and Vicinity. MAAR, v. XVII, 1940.

и стилистического метода Д. Леви, разработанного в его монографии об антиохийских мозаиках [3]. Суть этих методов состоит в том, что на основании объективных данных стратиграфии, нумизматики и т. д. выявлены характерные типологические схемы и мотивы для каждого определенного периода и уже на этой основе составлена стилистическая характеристика. Введение венгерского материала в научный обиход позволило А. Кишшу внести новые штрихи в общепринятые схемы, например в появлении крестовидной фигуры из пельт с «соломоновым узлом» в середине (стр. 37, 38), о появлении «стиля радуги», который, как полагает А. Кишш в отличии от О. Вульффа, заимствован не из иллюстраций книг, а является продуктом собственного развития мозаики (стр. 56). В этой части монографии содержатся прекрасные характеристики стиля эпохи Флавиев и Северов, поднята проблема «Восток — Запад», к которой автор возвращается много раз.

В поисках аналогий А. Кишш кроме огромного материала римской мозаики, живописи, скульптуры и декоративно-прикладного искусства всех провинций привлекает и местный паннонский материал (стр. 41, надгробные стелы и обработка камня в Паннонии), что дает ему достаточно веские основания увидеть в памятнике проявление местных традиций. Особенно убедительным кажется вывод о сильном североиталийском влиянии на паннонскую мозаику, сделанный на основании распространения редкого мотива листа плюща (ivy leaf), который, как видно из приведенной А. Кишшем карты, был распространен в основном в Италии, Далмации и Паннонии. Прослеживание ареала распространения отдельного мотива привело исследователя к выводу об особой роли Аквилеи как ведущего мозаичного центра Северной Италии (стр. 53—58, 66—68).

В литературе, посвященной римской мозаике, не всегда существует единое мнение о происхождении тех или иных мотивов и композиционных схем. В некоторых случаях А. Кишш делает удачную попытку объединить противоположные мнения. Например, в случае со схемой в виде решетки (стр. 49) он полагает, что она возникла в Италии, затем получила распространение на Востоке и отсюда вторично вернулась па Запад. Исследователь обращает внимание на особенности мозаичного искусства, в частности на способы копирования и «переложения» живописных прототипов в мозаике, требующие более плоскостного, «мозаичного» построения, а не пространственно-диагонального решения, нарушающего поверхность пола (стр. 42, мозаика из Аквинкума со сценой терзания Дирки). Автор совершенно справедливо указывает на то, что можно более точно говорить о времени введения мотива в книги с шаблоном (случай с Диркой — времени Антонинов), чем о времени создания живописного прототипа (классика или эллинизм).

В четвертой части А. Кишш раскрывает основные методические положения в изучении римских мозаик, применяя их к конкретному венгерскому материалу, тем самым определяя их место. Может быть впервые в литературе так четко дано определение «восточного» и «западного» решения в античной мозаике. Цельная, нерасчлененная эмблема, повторяющая живописную картину, иллюзорно-живописный принцип построения объемов, воздушная «дымка» фона — все это, по А. Кишшу, является характерными чертами «восточного» решения, в то время как для «западного» типична раздробленная на геометрические фигуры псевдоэмблема, предпочтение орнаментально-декоративных узоров и черно-белого варианта, а в полихромных мозаиках — наличие абстрактного, «идеального» фона. По мнению А. Кишша, сплошные узорные композиции (all-over designs) являются продуктом римского вкуса.

Однако, на наш взгляд, последнее положение нуждается в уточнении. Несомненно, что общий процесс развития античной мозаики идет от иллюзорно-пластических композиций, буквально повторяющих живописную картину, к композициям коврового типа, не нарушающих объемностью изображений поверхность пола, стелящуюся параллельно ему. Этот принцип известен в восточном искусстве, и знаменитым его примером является «невыметенный пол» Сосия без обязательной и единственной точки зрения. Не случаен еще и тот факт, что в римскую эпоху

---

[3] *D. Levi.* Antioch Mosaic Pavements. Princeton, 1947.

композиции аналогичного типа (с четырьмя диагональными фигурами, обращенными в сторону периферии, или с применением точек зрения «птичьего полета», или со схемой «органичного роста» без конца и начала извивающихся побегов) были выработаны в восточных провинциях[4]. Римский вариант «коврового» типа состоит в распадении эмблем и во введении вместо них строго организованных в жесткой геометрической и сухой схеме ячеек, приставленных друг к другу. Восточный вариант остается верен фигурным композициям, а если и употребляет декоративные узоры, то они более мягкого, плавного, органично «сотканного» характера. Поэтому сплошные узорные композиции «коврового» типа не являются, на наш взгляд, продуктом только римского вкуса, а скорее всего результатом взаимопроникновения двух традиций.

Впрочем, сам А. Кишш, во многих других случаях раскрывает всю сложность взаимоотношений восточного и западного мозаичного искусства античности. Особенно это касается роли Аквилеи как особого центра, а также очень существенного вопроса о характере мозаичного искусства на территории Паннонии. В монографии венгерского исследователя делается совершенно справедливый вывод, что паннонское мозаичное искусство является результатом перекрестных восточных и западных влияний и примыкает к мозаичному искусству на территории Северной Италии, Далмации и отчасти Балканского полуострова. В ряде случаев А. Кишш указывает на существование приезжих восточных мастерских и мастеров, даже на привезенную эмблему (стр. 47), а также на итальянских и местных мастеров, работавших под североитальянским влиянием.

Одновременно с этой кардинальной проблемой в монографии подняты и другие очень важные вопросы: об использовании книг с образцами, о решающем значении архитектуры в развитии мозаики, о соотношении классической и народной тенденции и, наконец, о существовании обособленных стилевых групп в римском искусстве. А. Кишш не разделяет мнения А. Альфёльди о том, что южная Паннония была более развита, чем северная, и доказывает это анализом таких первоклассных памятников, как мозаики Балаци и Аквинкума.

Впервые проведена мысль о том, что в книгах с образцами были не только черно-белые, но частично раскрашенные орнаментально-декоративные узоры. В монографии аргументированно (на основании хронологии) доказывается, что мозаичные композиции были источником для более поздних аналогичных композиций в текстиле, а не наоборот, как до сих пор было принято считать в литературе.

Монография А. Кишша не только существенно расширяет на основе венгерского материала наши знания об античной мозаике и живописи, дополняя их рядом новых сведений и существенных деталей, но и позволяет сделать более широкие теоретические выводы о роли провинциального искусства этой эпохи в развитии римского искусства.

*В. Т. Попова*

---

[4] *I. Lavin.* The Hunting Mosaics of Antioch and their Sources. DOP, 17, 1963.

**A. Perkins. The Art of Dura-Europos.** Oxford. Clarendon Press, 1973, XIII. 130 p., 52 pl.

Более 30 лет назад вышла в свет работа М. И. Ростовцева (M. Rostovtzeff. Dura-Europos and its art. Oxford, 1938), обобщившая результаты раскопок в Дура-Европос и ставшая настольной книгой для каждого исследователя, работающего над изучением истории и культуры эллинистического Востока. Изучение материалов, полученных при раскопках этого памятника, продолжалось и отразилось в публикации целой серии «Final Reports». Необходимость учета новых данных и явилась причиной появления в свет рецензируемой книги. Так, во всяком случае, объясняет ее появление автор. Книга М. И. Ростовцева в равной мере трактовала как историю города и его место в составе Селевкидского, Парфянского и Римского государств, так и собственно проблемы его искусства. А. Перкинс намеренно ограничивается историей искусства и только кратко касается остальных вопросов.

Таким образом, автор книги невольно подталкивает читателя на ее сравнение с монографией М. И. Ростовцева. В данной рецензии мы будем обращать внимание только на те пункты, где взгляды А. Перкинс расходятся с положениями М. И. Ростовцева. Автор безусловно имеет право сам определять границы своего исследования. Однако нельзя не пожалеть, что данной работе не была предпослана глава, более полно освещающая историю и внутренний строй города, что позволило бы лучше понять ту социально-экономическую и политическую базу, на которой рождалось и развивалось искусство Дура-Европос. За период после появления книги М. И. Ростовцева было осуществлено полное издание всех пергаменов и папирусов, найденных при раскопках Дура-Европос [1], а также были изданы надписи, не опубликованные при издании «Предварительных отчетов» [2], что значительно расширило источниковедческую базу.

Книга А. Перкинс состоит из предисловия и пяти глав: «Город Дура-Европос», «Архитектура Дура-Европос», «Настенная живопись Дура-Европос», «Скульптура Дура-Европос», «Стиль Дура-Европос в живописи и скульптуре». Книга снабжена указателем.

Первая глава очень кратко касается истории города (главным образом политической). Автор подчеркивает, что Дура-Европос во все периоды своей истории был прежде всего пограничным городом и именно это обстоятельство наложило особый отпечаток на его искусство: «Значение его искусства — не в техническом совершенстве или в эстетических достижениях, а в смешении различных влияний и в принятии чужих идей для формирования характерного местного стиля». А. Перкинс преувеличивает значение пограничного положения города. С момента основания (около 300 г. до н. э.) и до захвата парфянами Вавилонии (около 140 г. до н. э.) Дура-Европос отнюдь не был пограничным городом. М. И. Ростовцев подчеркивал, что именно это обстоятельство — то, что город не испытывал серьезных военных потрясений в течение первых полутора столетий своей жизни — наложило очень сильный отпечаток на его характер. Достаточно вспомнить, что городские укрепления в этот период так и не приобрели монументального характера, хотя это и входило в первоначальные планы строителей.

Некоторые возражения вызывают и те новые точки зрения, которые высказывает А. Перкинс в главе, посвященной архитектуре Дура-Европос. Важнейшее из них связано с определением динамики перехода от греческих типов архитектуры к восточным. Существовавшая ранее точка зрения может быть сформулирована следующим образом: взятие города парфянами (около 113 г. до н. э.) не привело к немедленному изменению его архитектуры. Только спустя примерно полстолетия можно видеть сколько-нибудь значительное влияние восточной архитектуры, и лишь к середине I в. н. э. Дура-Европос окончательно приобретает (с точки зрения архитектуры) восточный облик. А. Перкинс же считает, что первые значительные влияния парфянской архитектуры сказываются уже во второй четверти II в. до н. э. Она полагает, что именно в это время происходит перестройка дворца в цитадели и «дворца на редуте». Дворец в цитадели приобретает совершенно новый облик: теперь это перистильный двор с рядом небольших помещений вокруг него и огромное здание, обращенное тремя айванами к реке. Автор подчеркивает, что в этом комплексе слились эллинские (перистиль) и парфянские (тройной айван) черты. Перестройка «дворца на редуте» (бывшего центром гражданской администрации города) не изменила основных черт его плана, но привела к решительной перестройке связанного с ним храма Зевса Мегистоса (Зевса Величайшего). В новом облике храма также сливаются греческие и парфянские черты. Он состоит из дорического пропилона, двора с алтарем в центре и трехайванного основного здания святилища.

Для обоснования новой датировки этих зданий используются не совсем ясные упоминания о керамике, найденной при раскопках, и главным образом соображе-

---

[1] *C. B. Welles, R. O. Fink, J. F. Gilliam.* The Excavations at Dura-Europos. Final Report, V, P. 1 (The Parchment and Papyri). New Haven, 1959.

[2] *R. N. Frye, J. F. Gilliam, H. Ingholt, C. B. Welles.* Inscriptions at Dura-Europos. «Yale Classical Studies», XIV, 1955.

ния историко-религиозного характера. Суть их сводится к следующему: Зевса Мегистоса, по мнению А. Перкинс, можно идентифицировать с Зевсом Олимпийским, Культ Зевса Олимпийского играл большую роль в политике Антиоха IV, который стремился объединить греческих и восточных подданных своей державы. Культ Зевса Олимпийского, равно приемлемый и для греков, и для азиатов, был средством смешения народов. Отражением этой политики и явилось появление этих двух построек (особенно храма) в Дура-Европос.

Система аргументации А. Перкинс выглядит неубедительно. Нет никаких оснований идентифицировать Зевса Мегистоса и Зевса Олимпийского. Нельзя согласиться и с предложенной А. Перкинс интерпретацией политики Антиоха IV. Более вероятно, что он, единственный из всех поздних селевкидских царей, проводил обдуманную политику эллинизации (но отнюдь не смешения народов), создавая новые греческие полисы, поощряя иммиграцию эллинов, не останавливаясь перед насильственными мерами подавления противников своей политики [3]. Показательна и его смерть — при попытке ограбления местного святилища. В период царствования Антиоха IV парфяне даже еще не завоевали Мидию, не говоря уже о Вавилонии. Ни о каком прямом контакте парфян с Дура-Европос говорить не приходится и, следовательно, нет оснований искать в архитектуре города этого времени парфянские черты.

Все эти соображения убеждают нас в том, что имеется больше оснований по-прежнему считать два сооружения первыми свидетельствами строительной активности парфян в завоеванном городе, а не зданиями конца селевкидской эпохи.

Некоторые сомнения также вызывает несколько упрощенная картина развития жилой архитектуры Дура-Европос. А. Перкинс не уделяет должного внимания изменению типа дома, происшедшему в раннепарфянский период [4], что является важным показателем ориентализации всей культуры города в этот период. Изолированное рассмотрение Дура-Европос, вне связи с хронологически близкими памятниками Вавилонии и Месопотамии, способствует подобной утрате критериев.

Нам представляется, что старый взгляд об известном упадке города после захвата его римлянами имеет больше прав на существование, чем предположение А. Перкинс о его процветании в этот период. Факт застройки всей территории внутри стен не может служить аргументом, поскольку северная часть города была занята римским лагерем и жители оттуда были выселены.

В главе, посвященной живописи Дура-Европос, основные новые выводы А. Перкинс, полученные главным образом на основании изучения живописи храма Бела, сводятся к следующему: в Дура-Европос нет живописи древнее второй половины I в. н. э., основная часть ее относится ко II—III вв. н. э., на основании имеющихся материалов нельзя говорить о развитии дуранской живописи, в самых ранних известных нам памятниках она предстает полностью сформировавшейся и сохраняет свой характер до самого конца. В более ранней литературе существует, однако, противоположная точка зрения. Ее можно проиллюстрировать на примере того же самого храма Бела. Древнейшей частью росписи является мифологическая сцена в наосе храма, которая близка времени строительства его и несколько предшествует так называемой «Фреске Конона» [5]. Следующей по времени является сцена жертвоприношения Конона, датируемая М. И. Ростовцевым временем около 61 г. н. э. [6], Ф. Кюмоном третьей [7], а Гопкинсом последней четвертью I в. н. э. [8]. Видимо, к этому же времени относится и сцена из верхнего регистра, от которой сохранилось только изображение жреца на фоне входа в монументальное здание. Ко второй половине II или началу III в. н. э. относятся происходящие из пронаоса этого храма сцены («фреска трибуна» и сцена жертвоприношения пяти

---

[3] *H. Ludin-Jansen.* Die Politik Antiochos des IV. Oslo, 1943.

[4] *Г. А. Кошеленко.* Архитектура жилища греческих городов Парфии. В сб. «Античный город». М., 1963.

[5] *M. Rostovtzeff.* Dura and its art. Oxford, 1938, p. 73.

[6] Ibid.

[7] *F. Cumont,* Fouilles de Doura-Europos. Paris, 1926, p. 54.

[8] *C. Hopkins.* The Palmyrene Gods at Dura-Europos. «Journal of the American Oriental Society», v. 5, 1931.

божествам) [9]. А. Перкинс, чтобы доказать правильность своих взглядов, стремится прежде всего передатировать «фреску Конона». Ее аргументы сводятся к следующему: Конон, сын Никострата, принадлежит к одной из аристократических семей Дура-Европос, многие представители которой упоминаются в различных документах. В этой семье, как это часто бывало в греческих семьях, имена часто повторялись, обычно внук носил имя деда. Поскольку сам Конон в документах не упоминается и точное время его жизни неизвестно, А. Перкинс, вопреки ранее предлагавшимся датировкам и генеалогическим связям, относит его не к середине I в., а к середине II в. н. э. Однако это построение очень искусственно и не может служить серьезным аргументом. Кроме того, она особо останавливается на характере головного убора одной из женщин, изображенной на этой сцене. А. Перкинс, ссылаясь на пальмирские параллели, утверждает, что подобные богато украшенные и высокие женские головные уборы характерны для II в. н. э., особенно его второй половины. Однако этот аргумент также неубедителен. В этом районе Восточного Средиземноморья похожие головные уборы зафиксированы уже с I в. до н. э. (женские статуи Нимруд-дага) [10], а в самой Пальмире они встречаются не только во II, но и в I в. н. э. [11]

Необходимо также заметить, что хронологическое распределение отдельных сцен в храме Бела, как показал М. И. Ростовцев, хорошо согласуется с историей самого здания. Кроме того, предположению А. Перкинс противоречат сделанные уже давно наблюдения над развитием некоторых художественных особенностей различных сцен. В частности, отмечалось, что степень портретности изображений в сцене жертвоприношении Конона и «фреске трибуна» различна. В первой из них заметно стремление передать не только портретное сходство с оригиналом, но даже душевное состояние, а во второй вместо лиц изображаются какие-то условные маски [12]. Это хорошо согласуется с общими тенденциями развития искусства Восточного Средиземноморья этого времени и трудно объяснимо, если мы будем считать обе эти сцены практически одновременными. Те же самые наблюдения можно сделать и относительно характера обрамления действия. Если фоном мифологической сцены является хотя бы и очень условно изображенный горный пейзаж, а действие в «фреске Конона» и связанных с ней композиций развивается на фоне архитектурного пейзажа (близкого второму помпеянскому стилю), то в «фреске трибуна» и в сцене жертвоприношения пяти богам пейзаж или архитектурное обрамление полностью исчезают, заменяясь одноцветным безличным фоном [13]. Это хронологическое распределение хорошо согласуется с общими тенденциями позднеантичного искусства.

Таким образом, концепция А. Перкинс относительно отсутствия развития в живописи Дура-Европос (характерно, что автор противопоставляет ее динамике западного искусства) не может считаться доказанной.

Более удачной представляется глава, посвященная скульптуре. А. Перкинс после некоторых вводных замечаний переходит к рассмотрению материала по категориям: культовый рельеф, архитектурный рельеф, круглая скульптура. Основное внимание уделяется культовому рельефу — наиболее широко представленной и наиболее важной категории памятников скульптуры. Эволюцию этого вида искусства можно более отчетливо представить благодаря тому, что целый ряд рельефов имеет надписи, содержащие даты.

Есть, однако, одно обстоятельство, которое настораживает в построениях А. Перкинс. Нам представляется, что она преувеличивает роль статичности как определяющей черты художественного стиля Дура-Европос. Для А. Перкинс все скульптурные композиции, в которых сколько-нибудь умело передано движение, безусловно, не являют-

---

[9] *F. Cumont.* Op. cit., p. 142, 143; *M. Rostovtzeff.* Dura and the Problem of Parthian art. «Yale Classical Studies», v. V, 1935, p. 245; *Idem.* Dura and its art, p. 74.

[10] *R. Ghirshman.* Arte persiana. Parti e Sassanidi. Milano, 1962, fig. 72, 77.

[11] *K. Michalowski.* Palmyre. «Fouilles Polonaises», 1962, Warszawa, 1964, № 17, S. 83.

[12] *M. Rostovtzeff.* Dura and the Problem..., p. 257.

[13] *Г. А. Кошеленко.* О фронтальности в парфянском искусстве. В кн. «Историко-археологический сборник в честь А. В. Арциховского». М., 1962.

ся произведениями местных художников. Особенно показательны в этом отношении ее рассуждения относительно двух рельефов из храма Мифры. Первый из них датируется 169, второй 170 г. н. э. Известно, что мифраистский культ в Дура-Европос принесли римские солдаты, заботами которых был построен в городе мифреум, украшен росписями и рельефами. Но кто были те скульпторы, которые создали рельефы для святилища. Решение, предложенное А. Перкинс, таково: поскольку в первой композиции умело передана динамика действия, то создателем ее является кто-то из мифраистов, вышедших из среды римских легионеров. Во второй же сцене композиция перегружена деталями, движение передано крайне неумело. По мнению автора, этот рельеф — произведение местного мастера. Искусственность этого построения очевидна. Скульптура, будь она искусством или ремеслом, была в Римской империи, как правило, сферой деятельности профессионалов, а не любителей. Это верно и в отношении ее восточных окраин, достаточно вспомнить «Сновидение или жизнь Лукиана». Трудно допустить, чтобы произведение, умело передающее и человеческое тело и движение, было делом рук любителя. Кроме того, очень неправдоподобной кажется предполагаемая А. Перкинс чрезвычайно быстрая смена (в течение одного года) скульптора-римлянина скульптором из Дура-Европос. Нам кажется, что и тот и другой рельеф выполнены мастерами из Дура-Европос. Иное дело, что квалификация этих мастеров могла быть различной. В рельефе 169 г. нет ни одной черты, которая бы могла бесспорно указать на руку не местного скульптора. Отличие от более позднего рельефа заключается только в большей степени мастерства.

А. Перкинс справедливо указывает, что круглая скульптура в Дура-Европос представлена, как правило, статуэтками небольших размеров. Интересно, что подобное явление наблюдается и в Старой Нисе.

В последней главе автор делает попытку определить основные черты стиля искусства Дура-Европос. Это определение не отличается сколько-нибудь существенно от того, которое было в свое время предложено М. И. Ростовцевым. А. Перкинс отмечает в качестве основных стилевых особенностей искусства Дура-Европос «фронтальность, двухмерность, статичность, схематизм в изображении фигур, помещенных в свободном пространстве при малой визуально-смысловой связи их друг с другом. Костюмы, прически, атрибуты и позы заимствованы из репертуара Греции, Рима, Ирана, Западной Азии; и амальгама этих различных элементов является главной определяющей чертой этого стиля» (стр. 117). Далее автор стремится более точно определить, какие именно элементы пришли в искусство Дура-Европос из этих регионов.

Что же вызывает возражение в этом определении? На первый взгляд, оно очень близко тому, что предлагал М. И. Ростовцев, однако сильно отличается от него. М. И. Ростовцев подчеркивал не столько факты заимствования, сколько наличие по всему эллинистическому Востоку определенной общей художественной атмосферы, создававшей своеобразное «койне». Безусловно, в каждой из областей, входивших в сферу этого художественного «койне», существовали свои локальные отличия, но имелось какое-то количество общих элементов. Именно эта общность облегчала и взаимодействие локальных художественных школ. В дальнейшем из этой же принципиальной установки исходили Р. Гиршман [14] и Д. Шлюмберже [15], хотя они и по-разному определяли природу и генезис этого койне. Видимо, подобный подход гораздо более плодотворен. А. Перкинс же практически рассматривала искусство Дура-Европос изолированно, вне этого большого историко-художественного контекста. В результате многие элементы, которые служат показателями этого художественного единства, она приняла за внешние влияния. Кроме того, в работе А. Перкинс эволюция искусства рассматривается вне связи с эволюцией идеологии [16], что также мешает ей понять истоки ряда важнейших явлений в истории искусства Дура-Европос.

В целом данную работу вряд ли можно считать дальнейшим шагом и исследовании искусства Дура-Европос по сравнению с книгой М. И. Ростовцева.

*Г. А. Кошеленко*

[14] *R. Ghirshman.* Arte persiana...

[15] *D. Schlumberger.* L'Orient hellénicé. L'art grec et ses héritiers dans l'Asie nonméditerranénne. Paris, 1970; (см. рецензию Л. А. Лелекова — СА, 1972, 1).

[16] *E. Will.* La relief cultuel greco-romain. Paris, 1955, p. 220—248; *Г. А. Кошеленко.* О фронтальности..., стр. 135—146.

**А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии.** Л., «Наука», 1973, 389 стр. Тираж 2150. Цена 2 р. 62 коп.

Почти четверть века назад один из крупнейших советских историков-востоковедов А.Ю. Якубовский в статье, посвященной вопросам изучения среднеазиатского города, указывал на необходимость создания обобщающей работы о феодальном городе Средней Азии [1].

Сейчас такая книга появилась. В основу ее положены археологические материалы из раскопок городищ, данные топографических исследований, произведенных в разные годы в Средней Азии и Казахстане. Широко использованы письменные известия средневековых авторов о городах, городской жизни и быте. Наиболее подробно освещены такие города, как Пенджикент, Самарканд, Бухара, Мерв — памятники, хорошо изученные в археологическом отношении и лучше других известные по письменным источникам. Вместе с тем в книге в большей или меньшей степени затронуты почти все известные городские центры от Серахса в Хорасане до Тараза в Семиречье, от Бинкета в Мавераннахре до Сыгнака на Сырдарье.

Работа состоит из двух частей. В первой, написанной А. М. Беленицким (разделы «Гончарное производство», «Стеклоделие», «Текстильное производство» главы III написаны И. Б. Бентович), характеризуется среднеазиатский город VI — середины VIII в.

В главе I (стр. 5—13) критикуется концепция об общем упадке городской жизни в раннем средневековье. Следуя этой концепции, исследователи зачисляют многие городские центры в разряд сельских поселений с зачатками организации ремесла и торговли. Однако искаженный взгляд на город VI — VIII вв. обусловлен также объективными трудностями изучения раннесредневекового города, поскольку «чистых» городов указанного времени очень мало. Большинство городов продолжало жить и в последующее время, и слои VI—VIII вв. оказались погребенными под мощными напластованиями. Естественно, изучение слоев VI—VIII вв. сопряжено с трудностями, зачастую непреодолимыми.

Не случайно сложилось, например, мнение, отмеченное в рецензируемой книге, о том, что в Южном Казахстане и Семиречье в VI—VIII вв. было всего три-четыре города. На самом деле в указанное время и на юге Казахстана и в Семиречье городов было значительно больше. Материалы VI — VIII вв. были получены на абсолютном большинстве городищ, отождествляемых с городами IX — XII вв. Сейчас с полной уверенностью можно говорить о существовании наиболее крупного политического, экономического и торгового центра в Отраре, где в слоях VII — VIII вв. обнаружены в большом количестве медные монеты местного чекана [2]. Дальнейшие исследования, несомненно, еще более расширят круг памятников, сопоставляемых с городами не только по наличию материалов VII — VIII вв., но и по характеру самих материалов, как это наблюдается в Пенджикенте. Многолетние планомерные раскопки этого городища, которые представляют яркую страницу в археологии СССР, позволили перейти к воссозданию топографии раннесредневекового города, застройки его цитадели, шахристана, пригорода, изучению социальной жизни города, хозяйства, культуры и быта горожан.

Глава II «Фортификация и застройка городов» (стр. 14—47) посвящена городской застройке и фортификации городов. Автор выступает против теории «усадебной» застройки городов. Суть этой теории сводится к застройке шахристана группами укрепленных усадеб дехкан, расположенных далеко друг от друга. Фактически город и его кварталы еще не утратили своего сельского облика. Население города состояло преимущественно из феодальной знати и обслуживающей ее прослойки.

---

[1] *А. Ю. Якубовский.* Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии. Тр. Таджикского фил. АН СССР, XXIX, серия история, археология, этнография, язык и литература. Душанбе, 1951, стр. 3—17.

[2] *К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович.* Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, стр. 204; *Р. З. Бурнашева.* Монеты с городища Отрар-тобе и Отрарского оазиса (материалы 1969—1970 гг.). В сб. «Археологические исследования в Казахстане». Алма-Ата, 1973, стр. 85—90.

Что касается ремесленников, то их в указанное время еще мало и они живут в особых кварталах, вне шахристана.

Раскопки на шахристане Пенджикента опровергают это положение. На самом деле городская застройка отличалась густотой и слитностью. Комплексы жилых массивов образуют отдельные кварталы, разделенные регулярной уличной сетью.

Лучше других изучена восточная часть Пенджикента, где выделены жилища двух типов. К первому относятся дома с центральным парадным залом, который служил основным организующим ядром всего дома. У жилищ второго типа парадные комнаты отсутствуют. И те и другие жилища, как установлено, по размеру, их убранству, интерьеру принадлежат зажиточным слоям городского населения — феодальной и купеческой знати.

В составе городской застройки выделены дома рядовых горожан-ремесленников и мелких городских торговцев. Факт проживания в шахристане ремесленников чрезвычайно показателен. Раскопки мелких ремесленных мастерских и лавочек, базарчиков свидетельствуют также о ремесленно-торговом характере шахристана раннесредневекового города и тем самым меняют наше представление об уровне развития ремесел и их значения в жизни города.

Результаты раскопок Пенджикента важны для понимания топографии других менее изученных городов Средней Азии и Казахстана. Возможность проживания ремесленников в шахристане позволяет теперь понять отсутствие рабадов в ряде городов юго-западного Семиречья. Становится понятней и структура семиреченских городов с длинными стенами. Вряд ли стóит считать их своеобразными поселениями полугородского-полусельского облика [3]. Каждое из этих городищ было городом, где ремесло и торговля концентрировались в шахристане (центральные развалины), а территория, окруженная стеной была сельскохозяйственной округой. Город с округой представлял собой отдельное феодальное владение, где находился свой правитель с особым титулом.

Глава III «Городские ремесла и торговля» (стр. 48—112) посвящена различным ремеслам, которые получили развитие в городе. Большое место уделено гончарству.

Многочисленные коллекции керамики, собранные при раскопках Пенджикента, относятся к двум хронологическим периодам: V — первая половина VII в. и вторая половина VII — VIII в. Керамика других городов обнаруживает большое сходство с городской керамикой Согда. В описании керамики Южного Казахстана допущена неточность. В качестве специфического признака ее отмечен штампованный орнамент. Это не так, поскольку орнамент штампом получает распространение у южноказахстанских гончаров в более позднее время, тогда как для VI — VIII вв. характерна резьба [4].

В специальном разделе говорится о торговле, ее значении в экономической жизни Средней Азии. С развитием международной торговли во многом связано явление так называемой согдийской колонизации — создание согдийских торговых факторий на караванных путях, в том числе и в Семиречье.

Глава IV носит название «Черты социальной и культурной жизни городского населения» (стр. 113–131). В ней на археологических данных, главным образом из раскопок Пенджикента, и на основании анализа письменных источников делается попытка выяснения социальной структуры раннесредневекового города. Господствующей группой городского населения являлась «земельная» аристократия города — дехкане и «денежная» аристократия — купцы. Значительную часть городского населения составляли ремесленники и мелкие рыночные торговцы. Они, видимо, входили в ту прослойку населения, которая в документах того времени называлась «карикар» — работники. Немаловажную роль в жизни города играло чиновничество, иерархия которого, судя по мугским документам, была достаточно сложной.

По-новому рисуется быт городского населения. Автор вводит читателя в мир средневекового горожанина, знакомят с его искусством, праздниками и буднями.

---

[3] *П. Н. Кожемяко.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959, стр. 177.

[4] *Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. ТИИАЭ АН КазССР, V. 1958, стр. 175.

Автор убедительно показывает, что в VI — VIII вв. среднеазиатские города в экономическом и культурном отношении достигли высокой ступени развития и что расцвет феодального города в последующие века во многом базировался на достижениях предшествующего периода.

Вторая часть книги посвящена городу конца VIII — начала XIII в. Написана она О. Г. Большаковым. В главе I (стр. 132—142) автор излагает проблематику исследования города времени развитого средневековья.

Глава II «Последствия арабского завоевания» (стр. 143—152) охватывает круг вопросов, связанных не только с последствиями завоевания, но и с причинами арабских побед. Совершенно верно подмечено, что успехи арабов обусловила политическая раздробленность Средней Азии. Среднеазиатские феодалы боролись не за независимость, а за сохранение политической власти.

Арабское завоевание внесло много изменений в социальную структуру общества, в систему эксплуатации рядового населения, которое протестовало против сложившегося двойного угнетения. Своеобразным апофеозом классовой борьбы явилось движение Муканны.

Глава III «Количество городов» (стр. 163—211) представляет собой сводку сведений о городах Средней Азии и Казахстана, составленную на основании многочисленных статей и публикаций. Важна та часть этой главы, где вырабатывается критерий для дефиниции города. Вопрос чрезвычайно актуален, если учесть отсутствие четкого определения понятия города в источниках и специальной литературе. О. Г. Большаков взял за основу реестры городов, составленные ал-Макдиси и ал-Идриси. К сожалению, во многих случаях из-за отсутствия надежных отождествлений выпали крупные городища, которые, безусловно, должны быть отнесены к городам.

Глава IV «Территориальное развитие городов» (стр. 211—255) повествует о росте городов Мерва, Самарканда и Бухары. Анализируя многочисленные факты, автор констатирует бурный рост городов в IX в.

В X — XI вв. все три города достигли наибольшего территориального развития. Можно расширить список городов и отметить темпы их роста для многих других регионов. К примеру, крупнейший южноказахстанский город Отрар увеличивает свою территорию в 10 раз — с 20 *га*, занимаемых городом в VIII — IX вв., он расширяется до 200 *га* в X — XII вв. [5]

Рост городов в IX — XI вв. выразился прежде всего в увеличении численности городского населения.

В главе V «Численность населения» (стр. 256—268) впервые с достаточной полнотой намечаются пути решения этой сложной проблемы. Определение числа жителей на 1 *га* селитебной площади приводит исследователя к реальным цифрам. Например, в Самарканде в период наивысшего расцвета насчитывалось 100—110 тыс., соответственно в Бухаре — 40—50 тыс., в Таразе — 10 тыс. человек. Основная масса городов имела от 2 до 5 тыс. жителей. По сравнению с VII — VIII вв. численность городского населения увеличилась в 2—3 раза. Цифры о численности городов Средней Азии, приведенные О. Г. Большаковым, сопоставимы с демографическими данными для некоторых городов Казахстана. В Илийской долине крупнейший из городских центров Каялык насчитывал 10—13 тыс. человек, другие города от 2 до 6 тыс. жителей [6].

Глава VI подводит итоги в изучении экономики и культурной жизни средневекового города. Она называется «Ремесло, торговля, быт» (стр. 269—310).

Анализируя подъем уровня ремесла и торговли автор отводит важное место изменению состава городского населения. В IX — XI вв. основным компонентом среди горожан становится торгово-ремесленное население.

Города были центрами переработки продуктов сельского хозяйства. Важную роль играли процессы, связанные с переработкой сырья, поступавшего от кочевников. Здесь ведущая роль принадлежала городам, расположенным на границе со степью.

---

[5] *К. А. Акишев и др.* Ук. соч., стр. 83.

[6] *К. М. Байпаков.* О численности оседлого населения Илийской долины в средневековье. Сб. «В глубь веков». Алма-Ата, 1974, стр. 195.

Тараз был поставщиком козьих шкур, Шаш славился изготовлением седел, палаток и дубленых кож.

Одна из основных функций городов заключалась в том, что они были центрами местной и международной торговли. О. Г. Большаков останавливается на характеристике торговых операций посредством системы безналичного расчета и кредитно-вексельной системы. Судя по сообщениям современников, она имела широкое распространение в мусульманском мире.

Интересными представляются данные автора о расположении базаров в городе, их специализации. Затронут вопрос о расселении ремесленников в обособленных кварталах по профессиям. Он остается открытым до широких раскопочных работ. Новым в характеристике городской жизни являются экскурсы в вопросы надзора и контроля за ремеслом и торговлей, который осуществляли специальные чиновники — мухтасибы. Интересна попытка проследить за уровнем жизни различных городских слоев, установить колебание базарных цен на товары и продукты.

Глава VII целиком посвящена слабо разработанной в среднеазиатской медиевистике теме «Социально-экономические отношения в городе» (стр. 310—352).

Основой экономических отношений в городе, отмечает О. Г. Большаков, была частная собственность на землю. Особенностью ее, однако, являлось то, что доход приносила не сама земля, а постройки на ней. Эта доходная недвижимость называлась «мустагалл». Цифры доходов с «мустагаллов», которые приводит автор на основании данных письменных источников, ярко иллюстрируют огромную прибыльность городских владений. В этом лежит ключ к пониманию процессов, связанных со стремлением феодалов, не исключая самых высших, обзавестись землей в городе. Этим же объясняется процесс слияния феодальной и торгово-ремесленной знати. Как нам кажется, раскрытие О. Г. Большаковым истинного значения землевладения в городе позволяет подойти к пониманию некоторых причин массового оседания кочевников на землю и возникновения многочисленных городов на юге Казахстана и в Семиречье. Иметь доходные постройки в городе выгодно кочевой знати, ибо они всегда дают твердый гарантированный доход. Поэтому неудивительно, что кочевая феодальная верхушка была заинтересована в строительстве новых городов и расширении старых и, видимо, поощряла оседание кочевников на землю, поскольку эксплуатировать оседлого горжанина было выгоднее, чем кочевника-скотовода.

О. Г. Большаков делает интересный и справедливый вывод о застройке города в связи со стоимостью земли. Ремесленники селились в посаде из-за дешевизны пригородной земли. Частной собственностью объясняется и консервативность планировки городов.

Городская администрация среднеазиатского города состояла из раиса, кади, которые были правительственными чиновниками, но не представителями городского самоуправления.

Большое место О. Г. Большаков уделяет классовой борьбе в городе. Она выливалась в своеобразные формы — в восстания горожан против притеснений государственной власти, в распри между представителями религиозных сект, в формы различных ересей.

Работа А. М. Беленицкого, И. Б. Бентович, О. Г. Большакова «Средневековый город Средней Азии», безусловно сыграет важную роль в развитии истории и археологии Средней Азии и Казахстана, поскольку она определяет программу исследований на будущее.

*К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович*

# *Хроника*

## СОВЕТСКО-ВЕНГЕРСКОЕ РАБОЧЕЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ТЕМЕ «ИСТОРИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ СТЕПНОЙ ПОЛОСЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ»

С 9 по 13 декабря 1974 г. в Москве проходило советско-венгерское рабочее совещание по теме «История раннесредневековых народов степной полосы Восточной Европы», организованное Институтом археологии АН СССР и Венгерской частью Комиссии историков ВНР — СССР совместно с Археологическим институтом Венгерской академии наук.

Совещание открыл акад. Б. А. Рыбаков. В своем вступительном слове он приветствовал венгерскую делегацию и советских ученых, принявших участие в работе совещания.

С венгерской стороны с ответным словом выступил акад. Л. Геревич, поблагодаривший руководство Института археологии АН СССР за предоставленную возможность обсудить в рабочей обстановке ряд тем, близко касающихся венгерской истории.

На четырех рабочих заседаниях совещания председательствовали: д-р истор. наук С. А. Плетнева, д-р истор. наук А. Х. Халиков, акад. Я. Харматта (Будапешт) и проф. К. Цегледи (Будапешт).

Всего было заслушано 16 докладов по вопросам истории, археологии, этнографии, палеоэкономики кочевых народов восточноевропейских степей VII—X вв.

Наибольшее внимание было уделено истории народов, обитавших в VIII—IX вв. в степных и предгорных районах Восточного и Центрального Предкавказья. Этой тематике были посвящены доклад М. Г. Магомедова «Хазарские поселения в Дагестане», Г. Н. Лисицыной и В. П. Костюченко «Предварительные данные о земледелии у хазар Дагестана». Материалы, о которых шла речь в этих докладах, представляют собой новейшие открытия в области археологии и палеоэкономики и рисуют Хазарию как оседло-земледельческую страну с яркой, самобытной культурой. Этой же тематике был посвящен и доклад А. В. Гадло «Памятники салтово-маяцкой культуры в Центральном Предкавказье».

В интересном докладе акад. ВАН Яноша Харматта «Аланы в Восточной Европе в период раннего средневековья» дан подробный анализ сведений письменных источников, касающихся географии восточноевропейских племен (в основном ираноязычных) в раннем средневековье.

Ряд докладов венгерских ученых был посвящен проблеме локализации расселения древних венгров. Непосредственно этой теме были посвящены доклады И. Эрдели («К вопросу о локализации расселения древних венгров»), проф. К. Цегледи («Проблемы древней истории венгров в свете письменных источников»), А. Барты («Древние венгры и Причерноморская степь VI—IX вв.»), А. Фюлипа («Несколько проблем истории древних венгров в свете этнографических исследований»).

В. С. Флеров доложил о результатах раскопок, проводящихся сейчас на одной из хазарских крепостей в Подонье — Семикаракорском городище. В течение семи лет ведутся археологические исследования столицы Волжской Булгарии — Билярского городища. Результатам этих работ был посвящен доклад А. Х. Халикова. С большим вниманием был выслушан участниками совещания доклад Е. А. Халиковой «Могильники у с. Большие Тиганы», в котором были подведены предварительные итоги исследований этого могильника, связываемого Е. А. Халиковой с древними венграми.

Изучению хранящихся в Зоологическом музее Ленинграда костных остатков домашних животных хазарской крепости Саркел был посвящен доклад Я. Матольчи. И. Вашари сделал доклад на тему «Исторические судьбы восточных венгров, оторвавшихся от остальных племен (об этногенезе можар, мещер, мишер)». Ряд новых археологических памятников салтово-маяцкой культуры был выявлен в последние годы в бассейне Среднего Донца. Об этих памятниках шла речь в докладе В. К. Михеева. Анализу видов наступательного и оборонительного оружия венгров эпохи обретения родины (X—XII вв.) посвящен доклад Л. Ковача. Попытку дать хронологическую шкалу археологических памятников Южного Урала эпохи раннего средневековья предпринял Н. А. Мажитов в докладе «К датировке археологических памятников Южного Урала эпохи раннего средневековья».

Большой интерес вызывали многократные выступления акад. Я. Харматта, А. К. Амброза, А. Барта, А. Х. Халикова и др.

В целом работа совещания внесла заметный вклад в дело изучения истории раннесредневековых народов степной полосы восточной Европы и способствовала координации научных исследований и контактам советских и венгерских ученых.

*А. А. Юшко*

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЗ — Археологические Известия и Заметки Московского археологического общества
АИМ — Сб. «Археологические исследования в Молдавии»
АО — Сб. «Археологические открытия»
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
АС — Археологический съезд
Асб. ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭБ — Археология и этнография Башкирии
БАС — Башкирский археологический сборник
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГПИ — Государственный педагогический институт
ГРМ — Государственный Русский музей
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
ИОАИЭ — Известия общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете
ИОКМ — Ивановский областной краеведческий музей
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАО — Московское археологическое общество
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МНИИЯЛИЭ — Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
НАРМ — Научный архив Рязанского областного краеведческого музея
НиС — Нумизматика и сфрагистика
НС — Нумизматический сборник
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОПИ — Отдел письменных источников
ПВЛ — Повесть временных лет
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПТ — Памятники Туркменистана
РИМ — Российский исторический музей
САИ — Свод археологических источников
СГУ — Саратовский государственный университет
СУАК — Саратовская Ученая Архивная Комиссия
ЦГМ — Центральный государственный музей
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
AAH — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae
AAu — Archaeologia Austriaca
AC — Archèologie et calculateurs. Problèmes sémiotigues et mathèmatigues. Paris, 1970.
AIGR — Anuarul Institutului de geologie a României
AJA — American Journal of Archaeology
AH — Archaeologia Hungarica
AE — Archaeologiai Értesitö
AmA — American Autiquity
BMC — A Catalogue of the Roman Coins in the British Museum
FA — Folia Archaeologica
MCA — Materiale şi cercetări de archeologie
Pev. Muz. — Pevista Muzeelor
PPS — Proceedings of the Prehistoris Society
SC — Scythica et Caucasica — В. В. Латышев. Известия древних писателй греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Спб., 1970
CSIV — Studii şi cercetări de istorie veche, Bucureşti
WPZ — Wiener Prähisorische Zeitschrift
ZfA — Zeitschrift für Archölogie

**Адрес редакции:**

**117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, Телефон 126-94-45**

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17/I-1976 г. Т-00675 Подписано к печати 30/III-1975 г. Тираж 3385 экз.
Зак. 59 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 25,2+1 вкл. Бум. л. 9,0 Уч.-изд. л. 25,1

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10